

Екатерина Владимирова

За гранью снов

2013

Что есть реальность? То, что мы видим, или то, во что мы верим?

И что если то, что мы видим и считаем правдой, лишь хорошо завуалированная ложь? А то, во что мы никогда не верили, становится истиной?

Невольно переступив черту дозволенного, не сможешь вернуться назад. Потому что там тебя уже никто не ждет...

У нее ничего не было — за плечами детский дом, борьба за выживание и работа. Но она была счастлива. Попав туда, откуда не возвращаются, она потеряла то малое, что имела. Она стала никем. Она стала еще одной... рабыней, выставленной на продажу. И дьявол уже распростер к ней руки, ухмыляясь, следя за тем, как она пытается обмануть судьбу.

Пролог. Случайности и закономерности

Любовь и страсть, отчаянье и вера,
Надежда, боль, предательство, обман,
Крушение запретов и барьеров... -
Добро пожаловать «за грань», навстречу снам.
Здесь всё иное, люди, чувства, нравы,
И нет пути назад, таков закон,
Здесь ценят силу, власть, стальные нервы,
Ведь слишком многое поставлено на кон...
Елена-Леночка (Дамский клуб Lady Webnice)

Пролог

Случайности и закономерности

Случайно всё произошло, или это был лишь четкий, давно выученный и приведенный в исполнение план, я узнала много позже дня, когда колесо Судьбы сделало свой очередной виток, пригвождая меня к деревянному помосту, как к эшафоту. Вначале я пыталась списать всё на стечение обстоятельств. Затем на банальное совпадение. Жуткое совпадение, вызывающее дрожь в груди и в сердце. И лишь потом, уже в конце пути, я осознала, что ничего не смогла бы изменить. Ничего... Пригвождена и приговорена.

Бесконечная череда бессмысленных обстоятельств, нелепых случайностей и неправдоподобных совпадений, причин и следствий непременно приведет к закономерности жизни. И так по кругу. Мотив, совпадение, стечение обстоятельств, поток случайностей... Если б только это была не моя жизнь. Не моя причина и не мое следствие!.. И не моя закономерность, которую я уловила, лишь когда уже перестала верить в случайности. Потому что случайности — миф и иллюзия, самообман и попытка спрятаться за гранью сна, скрывшись от правды. Смешно! Случайности — не случайны. А правда всегда найдет лазейку, чтобы заявить о себе. Всегда.

Всё началось ранней осенью. Стояла середина сентября.

Помню, что в тот день, когда моя причина запустила колесо судьбы на полную мощность, на улице шел дождь, настоящий ливень, зарядивший после обеда и не прекратившийся к концу моей смены.

Выглядывая из окон больничной палаты на дышащую дождевой свежестью площадку, раскинувшуюся перед главным корпусом пражской больницы, где работала санитаркой уже второй год, я дивилась быстрой смене погоды с грустной улыбкой на губах.

Еще с утра было солнечно и безоблачно, а уже ближе к обеду кристально-чистое, блестящее кричащей голубизной небо заволокли свинцовые дымчато-серые тучи и грозились обрушить на город ледяные потоки небесных слез. А поднявшийся во второй половине дня ветер не затих и к вечеру.

Моя смена в больнице подошла к концу в половине шестого, а дождь, словно захвативший город в плен, все еще рьяно барабанил по крышам, погружая улицы в серую дымку зияющей влажности.

Застыв у входных дверей, я размышляла о том, как стану добираться до дома, когда негромкий голос моей сменщицы отвлек меня от мрачных мыслей.

— Каролла!

Я обернулась на голос и улыбнулась спешащей ко мне Злате.

— Ну, и дождь, — поравнявшись со мной, проговорила девушка. Окинув меня быстрым взглядом с головы до ног, она усмехнулась: — У тебя хоть зонт есть? Промокнешь до нитки, поливает же, как из ведра.

Я пожалала плечами. Зонта у меня не было, о чем я сейчас неописуемо жалела.

— Подожду немного, — проронила я, — может, перестанет или стихнет.

Злата покачала головой. Она мне всегда нравилась, несмотря на то, что выглядела вызывающе со своими ярко-рыжими крашеными волосами, торчащими в разные стороны смешными кудряшками.

— Хочешь, зонт тебе одолжу, — предложила она вдруг.

— Нет, не нужно, — я выглянула в окно и произнесла: — Скоро перестанет.

— Ты что, в метеоцентр позвонила? — усмехнулась она, качнув головой. — Ну, как хочешь. Если что, заходи, знаешь, где меня найти, — махнула она мне рукой, прощаясь, и направилась вдоль по коридору.

А дождь, действительно, вскоре закончился, унося с собой порывы пронизывающего осеннего ветра, но оставляя после себя прохладную свежесть и слякоть сентября.

Накинув на голову капюшон, я поспешила на остановку, мечтая о том, что как только доберусь до дома, приготовлю себе большую чашку горячего черного кофе и засяду в кресло с книгой в руках. Мое любимое времяпровождение.

Благополучно миновав больничную площадку и аллею, я как раз поравнялась с пешеходным переходом, собираясь перейти на другую сторону улицы, когда черный железный зверь, именуемый машиной, вынырнул из-за поворота и понесся прямо на меня.

Я еще успела обернуться на крик какой-то женщины и предостерегающий мужской вопль, уведомляющий об опасности, перед тем как наткнуться взглядом на блестящие от дождевой влаги номера черной БМВ, что, казалось, уже через секунду вырвет почву у меня из-под ног.

Одно мгновение... Не вырвавшийся из горла крик, ужас, застывший в глазах, запоздалый гудок клаксона, визг тормозов... и изрыгающий проклятья темный демон, сидящий на заднем сиденье железного зверя за тонированными стеклами. Мой персональный дьявол нашел меня.

Столкновение и удар. Падение. Прямо под колеса черного зверя. Боль, будто разрезавшая меня надвое.

Трясущими руками убираю с лица черные пряди выбившихся из-под капюшона волос.

Сознание еще пару минут отказывается воспринимать случившееся, и я продолжаю сидеть на мокром асфальте, растрепанная и испуганная, отрешенно осматриваясь по сторонам и ничего не видя вокруг себя.

Тишина. Зловещая, какая-то пугающая, дикая тишина.

И в этой громогласной тишине раздается обеспокоенный вопрос:

— С вами все в порядке?

Поднимая глаза, с удивлением обнаруживаю, что вопрос задан водителем черного зверя, опустившего стекло автомобиля для того, очевидно, чтобы спросить о моем самочувствии.

— Нет, — тихо, но твердо отвечаю я на его вопрос.

И в это самое мгновение тонированное стекло поползло вниз, приковывая взгляд к задним сидениям.

Темный демон из самых страшных кошмаров обрел лицо.

Я перестала дышать, сердце ударилось о ребра и бешено забарабанило в грудную клетку.

Это было дьявольски красивое лицо. Пленяющее не классической красотой, но красотой хищнической, пугающей, устрашающей. Так может быть красив только демон, которого отвергли небеса. Мой личный дьявол, обретший лицо. Жесткое, волевое, мрачное лицо с поджатыми твердыми губами, сведенными к переносице бровями, складочками на смуглом лбу и сияющими злостью серо-голубыми глазами.

Черный костюм, белоснежный воротничок дизайнерской сорочки, золотые запонки на рукавах...

Я сглотнула, осознав, что попала под машину очень богатого и совсем не дружелюбного человека.

Холодные серо-голубые глаза царапнули меня презрением, едва я подняла на него несмелый взгляд.

— Убери ее, — приказал незнакомец водителю, и тот мгновенно ринулся выполнять его приказание.

Я всё еще дрожала от холода и испуга, завороченно глядя на мрачное, исполосованное яростью лицо мужчины в дорогом черном костюме, когда крепкие мужские руки его водителя стремительно приподняли меня, вынуждая встать на ноги, и оттолкнули с проезжей части.

— Уходите, — проговорил он шепотом, поправляя мою испачканную куртку и вручая сумку в руки.

Я, широко раскрыв глаза, уставилась на него, пытаюсь отстраниться и взглядом выловить за его спиной покрытое пеленой гнева лицо голубоглазого демона.

Неужели они просто так уедут?! Даже не извинившись!?

— Уходите, — настойчиво повторил водитель, решительно подтолкнув меня в сторону.

— Но...

Я еще пыталась сопротивляться подобному беспределу, когда в самое ухо мне яростно зашептали:

— Уходите, пока целы, — сердце мое замерло от этих слов, а водитель продолжал: — И благодарите Бога за то, что хозяин сегодня в хорошем расположении духа!

Он заглянул мне в глаза. Прямой, выразительный, предупреждающий взгляд. Мне стало неуютно.

Передернув плечами, я пошатнулась, а мужчина, не сказав ни слова, забрался в салон автомобиля, и БМВ, сияя своей шикарной подавляющей чернотой, уже через несколько мгновений скрылся за поворотом.

Глава 1. Похищение

1 глава

Похищение

Оказывается, человеческая жизнь ничего не стоит. Хотя нет, стоит. Столько, сколько за нее дадут.

Первый раз меня продали за двенадцать серебряных. Это очень мало.

Такие как я, никогда не ценились на Рынке.

Это потом мне об этом сказали, раньше я и не задумывалась о том, что я, оказывается, «не в ходу».

Худенькая, щупленькая, невысокая, с тонкими запястьями и бледной кожей. Длинные черные волосы по пояс и большие зеленые глаза, казавшиеся почти огромными, единственное, что могло во мне привлечь.

Волосы являлись моей гордостью, я ни разу не обрезала их. Даже, когда в детском доме одна из девочек подхватила вшей, и всем детям пришлось остричься короче, я не позволила воспитателям сделать этого. Меня нашли под вечер в чулане, где я пряталась, поджав ноги и исступленно рыдая в зажатый кулак. Когда дверь в чулан открылась, и в глаза мне ударил яркий ослепляющий свет, я даже вскрикнула, попятившись к стене, уверенная в том, что буду бороться не на жизнь, а на смерть. Я, кажется, даже закричала, но воспитательница тогда прижала меня к себе и укачивала в своих руках, пока я не успокоилась, а узнав о моих страхах, почему-то рассмеялась.

Волосы мне не остригли, как остальным девочкам. И об этом мне пришлось вскоре пожалеть.

Очень многие воспитанницы, которых лишили длинных, ухоженных косичек, после этого инцидента посматривали на меня со злостью, ревностью и завистью в глазах. А однажды ночью они напали на меня и, накрыв простыней и подушками, долго били кулаками, царапали, закрывая мне рот рукой, и пинали ногами до тех пор, пока на тихую, едва слышимую возню в ночной тиши не прибежали воспитательницы и не оторвали обозленных девочек от моего недвижимого, искалеченного тела.

Волосы они мне отрезать не успели, но зато ножницами рассекли лицо, наградив длинным шрамом вдоль правой щеки, со временем превратившимся в белесую уродливую полосу.

Я знала, что некрасива, по крайней мере, не той красотой, которую все считают классической. Хотя меня и можно было назвать вполне себе симпатичной, но слишком уж хрупкой и бледной я была. Хотя, как говорили воспитательницы, что-то чарующее было в моих глазах цвета зеленой листвы и в шелковистых черных волосах, сияющей волной струящимся по плечам и спине. Невысокий рост и хрупкость фигурки делали меня хрустальной недотрогой. Что, как говорили мне в детском доме, выделяло меня из толпы.

Что ж, если они так и считали, то я вовсе не придерживалась того же мнения. Как, наверное, об этом не думали и остальные, потому что все, почти без исключения, старались обходить меня стороной. Я всегда была чужой среди своих, будто отверженная и отвергнутая. Очень переживала по этому поводу в детстве, но к двадцати четырем годам,

когда уже начинаешь кое-что смыслить в этой жизни, я перестала считать себя изгоем и молить о признании. А косые взгляды и шепот за спиной вызывали лишь улыбку на губах.

Я так и не стала для них своей. Симпатию окружающих мне не помогли завоевать ни глаза, ни волосы...

Знала бы я, что именно волосы станут моим проклятьем, отрезала бы их, не раздумывая!

А сейчас оставалось лишь пенять на себя и сетовать на судьбу за то, что так издевательски посмеялась надо мной, плюнула прямо в лицо и растоптала все надежды на лучшую жизнь. Зло пошутила надо мной.

Чем я приглянулась моим похитителям, я не знала. А спрашивать после грубых пинков ногами и ударов по лицу наотмашь, я не смела.

Похитили меня ночью, когда я, свернувшись калачиком в своей крохотной квартирке, тихо посапывала в такт своему дыханию, даже не подозревая, что стала чьей-то жертвой. Находясь в блаженном неведении относительно того, что происходит за пределами уютного мира, в котором жила, и который по наивности и незнанию считала единственным.

Разбудил меня звук открывающейся двери. Я всегда спала очень чутко, различая даже малейшие звуки в темноте. Особенность, которая досталась мне в наследство после долгих лет, проведенных в детском доме.

И едва слышимый звук открывающейся двери, которую, я точно помнила, заперла перед сном, заставил меня стремительно раскрыть глаза.

Я уставилась в темноту, тяжело дыша, но не испытывая страха. Жизнь в детском доме научила меня не показывать страх. Он там не ценился, его не уважали. Там уважали силу и характер.

Тихие шаги в сторону спальни, резкий звук разбившейся вазы, негромкий стон и чертыханья шепотом.

Я замерла, опасаясь пошевелиться.

— Какого хрена, бл**!? — голос мужской, определено. — Понаставила всякой х**и!

— Тише ты, девку разбудишь! — тут же шикнули на него.

Я сглотнула и вздрогнула. Сердце отчаянно заколотилось в груди, врываясь рваными ударами в грудь, колотилось где-то в висках, надавливая на них пульсирующей болью.

Дверь в мою спальню приоткрылась, а я так и не шелохнулась, лежала неподвижно и закрыла глаза.

Может быть, им нужны деньги? Это ведь грабители, воры... Им нужны деньги, правда ведь?

Ну, да. Им нужны были деньги. Те деньги, которые им дали за работу. За мое похищение.

— Вон она, — шепнул один из мужчин.

— Какая-то она мелкая, — презрительно отозвался другой, — и тощая к тому же. Такие, вроде, и не в ходу сейчас, — добавил он с сомнением. — Вальтер точно на нее указал?

— Да точно, точно. Назвал ее адрес и фотографию сунул. Наверное, для таких олухов, как ты.

— А я что? — возмутился мужчина. — Мне что говорят, я то и делаю. Она, значит, она. Просто не понимаю, на кой она ему сдалась? Ни кожи, ни рожи. Волосы одни, да и только.

— А это уже не наше дело, — отрезал сообщник. — Наше дело маленькое, нам сказали, мы исполнили. Всё! Поэтому хватай свою задницу в руки и готовь веревку.

Я напряглась, стиснув зубы, и почти до боли зажмурившись. Сердце оглушало своим

биением. Руки задрожали, и я сжала их в кулаки.

Верить в то, что услышала, не хотелось. Мозг словно отказывался воспринимать эту информацию.

Неужели эти двое пришли... за мной?! Не за деньгами, не за ценными вещами, а именно за мной?!

Но зачем? Бога ради, зачем?! За меня и выкуп-то попросить нельзя. У меня нет богатых родственников. У меня вообще нет родственников, если уж на то пошло! Зачем я им нужна?! Чего они хотят?..

В мозгу с поразительной скоростью стали прокручиваться мысли, одна ужаснее другой. Они скреблись в мои виски, сотнями скрежещущих мошек таранили меня изнутри, пробивая броню моего спокойствия.

Когда похитители сделали несколько шагов, направляясь ко мне, я, ни минуты больше не раздумывая, подскочила с кровати, как была, в ночной пижаме, и бросилась к окну.

Мужчины сначала, опешив, взирали на меня округлившимися глазами, а потом задвигались.

— Так ты не спишь? — сказал один в голос, глядя прямо на меня.

Даже в темноте я чувствовала этот тяжелый взгляд, и меня от него передернуло. Я сглотнула.

— И как много ты слышала, с**а?! — взбешенно воскликнул его сообщник.

— Успокойся! — гаркнул на него первый мужчина, не отводя от меня пронизывающего насквозь взгляда. — Что она нам может сделать? — его губы презрительно дрогнули, превращаясь в звериный оскал. — Она одна, а нас двое.

Я задрожала, отходя к стене.

— Что... вам нужно? — пробормотала я. — Забирайте все деньги и уходите!..

Мужчины расхохотались, почти одновременно.

— Зачем нам твои деньги? Сколько их у тебя вообще? — сквозь хохот издевательски спросил первый.

— Да нам за тебя столько отвалят, сколько ты за всю жизнь не заработаешь! — поддакнул второй.

Я поняла, что крыть мне нечем.

— Что вам надо?.. — повторила я вновь. Надо было бы бежать, а я стояла и разговаривала с ними!

— А ты еще не поняла? — спросил первый, двинувшись ко мне и преграждая путь к отступлению.

— Да ты нам нужна, ты! — рявкнул второй, сплюнув прямо на пол. — Так что будь хорошей девочкой и не зли нас, — он протянул ко мне свои костлявые руки. — Иди к папочке.

Я зачарованно следила за тем, как мужчины надвигаются на меня, сокращая расстояние, образовавшееся между нами, и, наблюдая за ними, могла лишь в отчаянии двигаться вдоль стен, в бесплотной попытке спастись. Мозг отказывался принимать тот факт, что меня сейчас схватят. Но бежать было некуда.

Я хотела ринуться вперед, но первый мужчина схватил меня за руки, решительно прижав к своему телу.

— Ой, как опрометчиво и необдуманно, — поцокал он языком. — Держи ее!

Я забила в его руках, стараясь оттолкнуть от себя, но к нему на помощь пришел

сообщник. Я забила с удвоенной силой, била их руками и ногами, царапалась, пыталась укусить, тянулась к волосам и глазам. Одного я даже зацепила, полосонув его по лицу ногтями и, почувствовав на пальцах сгустки липкой массы, поняла, что расцарапала его до крови.

— Ах ты, с**а! — заорал мужчина вне себя от ярости. — Смотри на меня! — он резко развернул меня к себе, а у меня не хватило сил даже на то, чтобы воспротивиться.

А в следующее мгновение он наотмашь ударил меня по лицу. Шея дернулась, голова откинулась назад. Я почувствовала ядовитый привкус металла на языке, и поняла, что рассекла губу. Мужчина ударил меня снова, не обращая внимания на то, что я уже не сопротивляюсь, от шока и испуга, застыв в их руках тряпичной куклой. Кровь струйкой потекла по подбородку, в глазах застыли невольные слезы боли.

— Ты что творишь?! — заорал на него его напарник. — Нам не велено! Совсем сдурел?! Хочешь испортить товар?! Кто ее купит такую?!

— Да я совсем чуть приложился, — заявил тот, пожав плечами. — Подумаешь, небольшая ссадина. Пока мы доставим ее Вальтеру, все заживет, — он бросил на меня острый взгляд. — Если эта девка не выведет меня из себя и не нарвется.

— Заткнись, — шикнул на него другой, — и лучше тащи веревку.

И тут я поняла, что нужно действовать немедленно. Сейчас!

Я сделала стремительный рывок вперед, оттолкнув мужчину от себя, и на дрожащих, подкашивающихся ногах бросилась к двери.

— Куда пошла, с**а?!

— Держи ее, чего стоишь, как пень?!

Я успела добежать до двери, дернула ручку на себя и... резкий толчок в спину вырвал воздух из моих легких.

— Что я тебе говорил!? — задышали мне в ухо, сильно хватая за волосы и потянув их на себя, откидывая мою голову назад. — Что говорил?! — мужчина сильно ударил меня головой о дверь, и перед глазами все поплыло. — Чтобы ты не выводила меня из себя, с**а! — и снова удар, казалось, от него моя голова затрещала. — Разве не ясно?! Ты меня что, плохо расслышала?! — и снова удар о стену, резкий, острый. Кровь хлынула по щекам из рассеченного лба.

— Оставь ее! — гаркнул на напарника другой мужчина, подскочив к нам. — Оставь, я сказал!

Но хватка не ослабла, волосы, накрученные на мужскую руку, оттягивали меня назад, вынуждая падать на колени. От боли из глаз полились слезы, скатываясь по щекам и оседая на языке солеными каплями, смешиваясь со вкусом крови. Чтобы не задохнуться, я сглотнула и, жадно хватая ртом воздух, упала на пол.

— Тварь! — мужчина пнул меня ногой в живот, коленом задев подбородок.

— Ты прекратишь или нет?! — заорал на него напарник, хватая его за руки и поворачивая к себе лицом. — Ты ее убьешь нахрен, и кто нам тогда заплатит?! Твоя башка вообще думает когда-нибудь!? — он ткнул мужчину кулаком в висок, не грубо, но жестко. — Вальтеру не нужен испорченный товар.

— Да подумаешь, несколько ссадин...

— Заткнись, я сказал! — рыкнул на него тот. — Завяжи ей глаза и руки. И в рот кляп не забудь вставить.

— Я бы ей в рот лучше что-нибудь другое вставил, — хохотнул мужчина, грубо

улыбнувшись, а потом, схватив меня за волосы, потянул их наверх. — Что, деваха, отсосешь у меня? — из моих глаз вновь брызнули слезы, я схватилась за волосы. — Пока я тебя интеллигентно спрашиваю. Там, куда мы тебя отвезем, спрашивать не станут, просто вставят и все, без лишних расспросов.

Тот, другой, который показался мне даже порядочным в сравнении с этим, резко оттолкнул того к стене.

— Пошел вон! — посмотрел на него с раздражением и злостью. — Ты что, не знаешь правил?! Хочешь в Колонию загнать?! Там тебе быстро организуют и «вставить» и «отсосать»! И отымеют во все дыры!

Второй мгновенно заглох, вдруг присмирив.

Другой же поднял меня с колен за локти, но мои ноги так дрожали, что я тут же упала назад.

— Стой. Да стой же ты, дура! — рыкнул он мне в лицо, и я попыталась удержаться на ногах. — Веревку давай, чего встал?! — прикрикнул он на своего напарника.

Мне завязали глаза, связали узлами руки и ноги, а потом я услышала голос, обращаящийся ко мне.

— Прости, дорогая, — этот был тот, который вел себя более сдержанно, — но так надо.

Я поняла, что произойдет, еще до того, как резкий удар обжег огнем кожу лица и отбросил меня назад.

Еще через мгновение я провалилась в темноту.

Запихивая недвижимое тело девушки на заднее сиденье угнанной им машины, Аласдэр думал о том, что если исключить кое-какие нюансы, ему нравилась работа, которой он занимался. И оплачивалась она хорошо. Что уж и говорить, заказчики никогда не обижали их деньгами. Столько он не смог бы заработать и за всю свою жизнь. Одно его по началу беспокоило, это то, что их деятельность может быть раскрыта. Но и тут наниматели их не обманули. Никто ни о чем не догадывался, накормленные той ложью, которую за большие деньги придумали заказчики, выдавая ее за правду.

Да, пожалуй, отменяя прочь сомнения, можно было смело сказать, что работа ему нравилась.

Но он был бы глупцом или безумцем, если бы порой не думал о том, что происходит с теми, кого они поставляют к заказчикам после того, как они оказываются не в его руках. Но он не думал. И не потому, что был глупцом, а потому, что привык за долгие годы работы не задавать подобных вопросов. Их не жаловали наниматели, а злить подобных людей, как слышал Аласдэр, было крайне опасно.

Поэтому он предпочел заткнуться и молча выполнять то, что ему было велено.

Он был Наемником, вот и всё.

Он никогда не страдал наличием совести или жалости, поэтому и занимался тем, на что его «подсадила» жизнь. Но сейчас, в эту самую минуту, глядя на связанное худенькое тельце похищенной им девчонки, ему отчего-то хотелось послать все к черту.

Макс был тем еще мерзавцем, что так ее отделал, но что уж поделать, если в напарники ему достался моральный урод! Аласдэр слышал, что многие помимо него жаловались на Макса именно за чрезмерное насилие и неоправданную жестокость, которую тот проявлял на работе. Он просто не контролировал себя, срывался и выходил из себя за считанные минуты. Кричал, ругался, истязал и, казалось, даже наслаждался тем, что творил, потому что

гнев, сверкающий в его глазах, сопровождался безумной улыбкой на пол-лица.

Если бы Аласдэр сам не был наемником и не понимал, что это значит, он бы сказал, что это следствие какой-то психологической травмы, полученной им в детстве, но он старался об этом не думать вообще. У него и так была куча забот, не хватало еще возиться с ублюдком с поехавшей набекрень крышей!

Но девчонку, несмотря ни на что, было жаль. А ему за годы работы уже таким чуждым стало чувство жалости и сострадания, что сейчас оно казалось незнакомым, даже новым. И это его раздражало. Он, черт побери, не должен ее жалеть. Не она первая, не она последняя. Сколько их таких по всему миру! И все же...

Он бросил беглый взгляд на застывшую на сиденье фигурку как раз в тот момент, когда заговорил Макс.

— Какого хрена она ему понадобилась? — недоумевал он, тоже поглядывая на заднее сиденье. — И что он в ней нашел, непонятно!

Аласдэр покачал головой и, поджав губы, отвернулся от девчонки.

— Наше дело маленькое, делать свою работу и не задавать лишних вопросов, — коротко бросил он.

— И все-таки? — не успокаивался Макс, повернувшись к нему лицом. — Как думаешь, сколько за нее дадут?

Аласдэр вновь отрешенно качнул подбородком. Не его дело. И не его проблемы.

— Да ладно тебе! — ткнул Макс напарника в плечо. — Сколько? Десятку кто-нибудь хоть отвалит, как думаешь? — он гортанно расхохотался, откинув голову назад. — Хотя сомневаюсь, что она кому-то вообще приглянется. Ни кожи, ни рожи, даже и взяться не за что! Насколько я знаю, такие там не ценятся, — он презрительно фыркнул. — Да и малявка еще совсем.

«Вот именно, подумал Аласдэр. Ей не место там, куда она попадет».

— Как думаешь, — не переставал донимать его Макс, — сколько она протянет?

Мужчина сильнее сжал руль, вглядываясь в залитую дождем улицу.

«Мало. Очень мало...».

— Месяц? — допытывался Макс, не переставая ржать. — Или два? О, о, даю ей два! Чтс скажешь?

Аласдэр посчитал за нужное вообще ничего ему не отвечать.

Приказав не вовремя зашевелившейся в нем совести заткнуться, он нажал на газ и рванул с места.

Эта девчонка, как только он доставит ее в руки Вальтера, уже перестанет быть его головной болью и проблемой. У него появятся другие. Такие же, как она.

2 глава

Рынок

Пробуждение было болезненным.

Я хотела открыть глаза, но вдруг поняла, что не могу. Лицо было завязано какой-то материей, очень грубой, она расцарапала мне кожу лица. Хотела открыть рот, чтобы позвать на помощь, но из моего горла не вырвалось и звука. Массивный и жесткий кляп перекрывал даже приток кислорода к легким, вынуждая меня задыхаться и тяжело втягивать в себя воздух через нос. Попытавшись пошевелиться, я с ужасом обнаружила, что тело болит так сильно, будто над ним измывались весь день напролет, колошматя меня от всей души не только руками, но и ногами. Ко всему прочему, я поняла, что руки и ноги были связаны, когда попробовала приподняться на локтях, и не смогла этого сделать.

С отчаянным немым рыком откинулась на ледяной каменный пол, на котором лежала, и глухо застонала.

Заплакать? Да, пожалуй, стоило бы. И время подходящее, и место... Где нахожусь, неизвестно. Кто меня похитил и, главное, зачем, тоже. Что со мной собираются сделать, — загадка.

Даже мои похитители не понимали, зачем я понадобилась безызвестному Вальтеру, который, по всей видимости, и приказал меня похитить. Ради Бога, зачем?! Что с меня взять?! Бедная девочка детдомовка, непривлекательная, даже немного нескладная, без высокооплачиваемой работы, без богатых родителей, или родственников. У нее даже нет друзей, чтобы выплатить выкуп, если уж на то пошло!?

Или меня похитили не ради выкупа?.. А тогда для чего?! Для чего, ради Бога!?

Зачем меня похитили, кому всё это было нужно, что со мной собираются делать?! Продать в бордель? На порностудию? Трансплантировать на органы?!

От ужасающих своей реальностью, травящих мозг мыслей, жужжащих в голове, хотелось рыдать.

Эта пугающая неизвестность была по нервам сильнее кнута. Она просто сводила с ума.

Заплакать бы сейчас, зареветь, сдаться... Да вот только проявлять слабинку было не в моем характере, закаленном суровой действительностью детства, проведенного в детском доме. Там не уважали слабость. Там у власти стояла сила. И там за выживание нужно было бороться.

Я снова пошевелилась, вызывая в теле сквозную тупую боль от кончиков пальцев до скованного немим стоном горла. Не сломаны ли кости? Как сильно меня били? Как долго?..

До этого меня били несчетное количество раз. И все эти разы приходились на время, проведенное мною в детском доме. С той поры прошло уже шесть лет, и я, погрузившись в относительно спокойное и тихое существование, уже успела забыть, каково это, — испытывать гноющую боль от избиения.

Преодолевая судорожную боль, я немного приподнялась. Пытаться снять с глаз повязку, было, конечно, бесполезным занятием, но я все же попробовала это сделать. Как и следовало ожидать, ничего из этого не вышло. Тело болело так сильно, что от боли хотелось лезть на

стену.

Я понимала, что сидеть вот так и бездействовать нельзя, но и подать знак, что я уже очнулась, было не слишком разумным решением. И стоит ли этот знак вообще подавать? Убивать меня, конечно, не станут, раз не сделали этого раньше, но вот избить вновь до потери сознания, вполне смогут.

Боже, какая бессмыслица рассуждать о том, кто сможет и что сможет, когда я даже не представляю, где нахожусь!? Все еще в Праге? Или же меня перевезли куда-то еще во время моей «отключки»?

Руки были завязаны сзади прочными веревками, так, что никакой возможности освободиться не было, хотя я и попыталась это сделать.

— Вижу, ты очнулась?

От неожиданности я слишком резко повернула голову в ту сторону, где раздавался голос. Незнакомый женский голос, очень красивый, звонкий, но лишенный эмоций, словно бы безжизненный.

Девушка?! Здесь?! Что за...?!

Я пошевелилась, задержалась, что-то замычала сквозь сдавливающий горло кляп, превозмогая боль.

— Ты была без сознания довольно долгое время, — сказали мне и вдруг зло добавили: — Наверное, эти олухи били тебя? Черт! — ее раздражение я ощущала кожей. — Если Вальтер узнает, он с них шкуру спустит! — чертыхалась незнакомка, и я почувствовала ее приближение.

Она наклонилась надо мной так низко, что я ощутила исходивший от нее легкий аромат цветов.

— Я выну изо рта кляп и развяжу тебя, если пообещаешь не кричать и не пытаться бежать, — сказала она спокойно, почти равнодушно. — Кивни, если согласна.

Был ли у меня выбор, чтобы отказываться? Что я вообще сейчас могла решать?!

Я кивнула, молясь о том, чтобы не сорваться и не закричать.

Когда повязка спала с глаз, я сощурилась от света, ударившего в глаза.

На самом деле в комнате, где я находилась, было довольно-таки темно, лишь легкое золотистое сияние, проникавшее сквозь застекленное окошко где-то под самым потолком, скользило по серым оголенным стенам лучами предзакатного свечения. Не сказать, что здесь было мрачно, скорее, сумеречно.

Может быть, сейчас уже вечер?.. Я невольно бросила взгляд на окно, освобождаясь от пут.

Интересно, сколько я пролежала так, связанная, покалеченная, измотанная? Женщина сказала, довольно долгое время. Это может означать и несколько часов, и целый день! А, может, и дольше!?

Вскоре изо рта был вынут кляп, а руки и ноги освобождены от веревок.

Незнакомка скрутила веревки и отбросила их в сторону, безразлично глядя на меня.

Превозмогая боль, я, не обращая на нее внимания, ощупала тело. Кости, кажется, не сломаны, только губа рассечена, но кровь из нее уже не сочится. Тело болело нещадно.

Я вдруг поняла, что ужасно хочу пить, во рту пересохло так сильно, что я не могла произнести ни слова.

Женщина, отошедшая на шаг от меня, словно догадалась, о чем я подумала.

— Я принесла тебе попить и поесть, — тихо сказала она.

Я оглянулась на нее и с удивлением замерла. Как странно, что только сейчас я обратила внимание на то, как она выглядит. В упор на меня смотрела невысокая девушка, которой на вид можно было дать лет двадцать пять. Почти моя ровесница! Светло-русые волосы спускались по плечам прямыми прядями, темно-карие глаза казались очень большими на маленьком смуглом личике, брови сведены к переносице, и взгляд оттого кажется более выразительным, пристальным каким-то грозным, а улыбка у нее была немного скованной и прохладной.

Но я и не надеялась найти здесь тепло и дружелюбие.

— Где я? — пробормотала я сухими губами, еще раз бегло осмотревшись.

Вместо ответа девушка сунула мне под нос стакан с водой, вынуждая выпить содержимое. Я так хотела пить, что жадно выпила все до дна, ощущая, как вода струится по моему подбородку.

— Это место называется Рынок, — запоздало ответила незнакомка на мой вопрос, поднося ко мне поднос.

— Рынок? — изумленно выдохнула я, следя за тем, как девушка начала раскладывать передо мной еду.

— Меня зовут Мария, — проигнорировав мое изумление, сообщила она. — А тебя как?

Похоже, на мои вопросы, если и ответят, то не сейчас.

— Каролла, — сглотнув, просипела я и осмотрелась.

— Очень хорошо, Каролла, — кивнула девушка, пододвигая ко мне поднос с едой и указывая на него. — Я расскажу тебе обо всем позже, а сейчас ешь.

— Я не понимаю, — пробормотала я заплетающимся языком, не обращая внимания на еду, хотя желудок уже свело от голода. — Что это за место? Что я здесь делаю? И почему меня сюда привезли? — я подняла на Марию удрученный, едва не плачущий взгляд. — Почему именно я? — не скрою, я недоумевала. — Почему я?

— Вальтер никогда не говорит о причинах, — коротко бросила Мария, пожав плечами.

— Кто такой Вальтер? — спросила я. — Это... твой начальник? Это он приказал меня сюда доставить? — огляделась, осознав, что не знаю, где нахожусь, и тут же неуверенно проронила: — Это Прага? Мы в Чехии?

Мария лишь покачала головой, вынуждая меня сглотнуть острый комок, подступивший к горлу.

— Забудь о доме, — холодно выдавила она. — Ты туда никогда не вернешься.

Слишком зловещие слова. Нет в них и проблеска надежды на то, что это могло быть недоразумением или ошибкой. Похитили того, кого хотели похитить. И для определенных целей, о которых мне сейчас так и не довелось узнать.

Со вздохом я опустила голову, осознав, что объяснений от нее не добиться, и поджала губы.

Пришлось приказать себе заткнуться и молча, ни о чём не спрашивая, съесть всё, что мне принесла девушка. Ничего иного мне и не оставалось. У меня вновь не было выбора.

Меня выпустили из комнаты и показали место, где я находилась, лишь на следующий день, этот уже подходил к концу и, как говорила Мария, гулять по ночным улицам было не лучшим времяпровождением.

Когда я покончила с едой, она собрала тарелки и выскользнула из комнаты, пообещав прийти завтра. И я вновь осталась одна. Наедине со своими мыслями. Она мне так ничего и не рассказала, запоздало подумала я, прислонившись к стене. Серая мрачная комната

начинала давить на меня. А неизвестность не просто угнетала, а приводила меня в ужас. Что я здесь делаю? За что? Почему!? Но ответов не было.

Мария пришла на следующий день, отметив по моему лицу, что я плохо спала. А могло быть иначе?.. Я промолчала, а она, накормив меня завтраком, приказала следовать за собой. И вывела меня в город.

Это был Рынок, Мария не солгала. Рынок в прямом смысле этого слова.

Только я так и не поняла, что именно здесь продают и что покупают.

Усеянная однотипными одноэтажными домиками, небольшими ларьками, магазинчиками, пестрящими яркими вывесками и плакатами, заставленная многочисленными автомобилями, площадь была огромной. Не обычная площадь, она будто являлась центром небольшого средневекового города. Ряды, заставленные палатками, кишащие выкрикивающими что-то людьми, стояли друг к другу так близко, что протиснуться между ними почти не представлялось возможным.

Здесь было очень многолюдно. И каждый что-то кричал, продавал, подсовывая в лицо разноцветные ткани, клетки с животными, украшения, нацепленные на тело, вазы и цветочные горшки, глиняные изделия и потрепанные книги. Лица мелькали одно за другим, они улыбались, кривились, часто моргали, хохотали, а мне казалось, я схожу с ума. Создавалось ощущение, что я нахожусь в центре улья, застигнутая врасплох обжигающей волной, рванувшей с вершины гор бурлящим потоком, а надоедливые пчелы разъедают мозг своим жужжанием, словно нарочно. Казалось, шум оглушает. Хотелось заткнуть уши.

— Следуй за мной, Каролла, — крепко держа меня за руку, говорила Мария. — И не пытайся бежать, мы здесь будто в ловушке. Площадь обнесена оградой, а на выходе стоит охрана. Не говоря уже о конвоирах.

Я сглотнула и оглянулась. Продавцы стал понемногу отставать от нас, предлагая свои товары другим.

— Что это за место? — спросила я, взглянув на девушку.

— Это Нижний Рынок, — тихо сказала Мария, держа меня за руку. — Сюда попадают все без исключения.

— А есть еще и Верхний? — посмотрела я на нее, а потом изумленно добавила: — То есть как... все?!

Мария не утруждала себя объяснениями. Она была логична, немногословна и рассудительна.

— Да, есть Верхний Рынок, — коротко бросила она. — Как только прибудет Вальтер, он решит, что с тобой делать, — добавила она, не глядя на меня, а я сглотнула.

— Он должен вернуться через пару дней. У него дела, — продолжила она. — А пока ты на моем попечении.

Я посчитала за лучшее никак не прореагировать на ее слова, лелея мысли о побеге.

Я предполагала, что смогу убежать, как только меня вновь выведут на улицу, рассчитывала и строила планы, как буду добираться до дома, но даже самую мысль о побеге у меня выбили из-под ног в один миг. Когда на следующий день Мария завила, что Вальтер запретил мне выходить на Рынок, пока он не приедет.

И надежда стремительно растаяла, даже не успев созреть в моем сознании.

Но все те дни, что я, сидя в освещенном лишь тусклым дневным светом, проникавшим сквозь маленькое оконце, помещении с голыми стенами, ожидала возвращения того, кто должен был решить мою судьбу, я ни на мгновение не отпускала мысли, что мне все же

удастся бежать. Пусть даже после приезда Вальтера.

Расспрашивать Марию, которая заходила проводить меня каждый день, о том, что со мной будет после приезда ее начальника, я не считала нужным, так как была уверена, что ни о чем узнать мне не удастся до тех пор, пока мне сами не решат обо всем рассказать.

А решили, или точнее, разрешили, это сделать уже после того, как меня навестил сам Вальтер.

Тот, по чьей милости я здесь и находилась.

Это потом я поняла, что если бы не он, то кто-нибудь другой. А тогда я, даже не будучи с ним знакомой, питала к этому человеку злость, смешанную с презрением.

Он ввалился в мою комнатку, которую я мысленно нарекла тюремной камерой, поздно вечером через четыре дня после моего похищения, когда мое тело отпустила тупая боль, оставляя после себя лишь синяки с запекшейся кровью, рассеченную бровь, растерзанную зубами губу и ссадины на лице.

Вальтер, оказавшийся широкоплечим мужчиной невысокого роста с мускулистой шеей, поседевшими висками и маленькими узенькими глазами-щелочками, ввалился ко мне внезапно, без предупреждения, мгновенно заполнив собою небольшое пространство помещения, широко расставив ноги и подбоченясь.

Выловил мою фигурку из полутьмы комнаты и уставился на меня.

За его спиной, застыв в нерешительности, на меня исподлобья поглядывала и Мария.

— Ну, Каролла, — пробасил мужчина, сделав ко мне резкий шаг, — ты немного пришла в себя?

Я посчитала нужным не отвечать и продолжала молча сверлить его взглядом, опустив подбородок.

— Мария сказала, что тебя били, — сказал мужчина, поравнявшись со мной и наклонив голову набок, рассматривая мое поцарапанное лицо, а потом грубо стиснул мой подбородок своими крупными пальцами, рассматривая ссадины. — Это правда? — спросил он напрямик, заглянув мне в глаза.

Меня передернуло от его прикосновения, но я удержалась оттого, чтобы не отскочить к стене.

— Да, — сглотнув, проговорила я и вздернула вверх подбородок. Наверное, это был чересчур вызывающий жест, за который можно было поплатиться новым избиением, но отчего-то мне было уже все равно.

Вальтер окинул меня тяжелым взглядом и втянул в себя воздух.

— Мария! — крикнул он, обратившись к девушке, и та стремительно подскочила к нему, смиренно опустив голову. — Свяжись с Аласдэром, пусть немедленно прибудет ко мне. Мне нужно будет потолковать с ним о правилах, которых никто не в праве нарушать, — слова его звучало зловеще, и я поежилась.

Мария же отчаянно закивала головой, по-прежнему не решаясь произнести ни слова.

Вальтер тем временем смотрел на меня, не отводя взгляда. Прищурился, скользнул рукой по моему лицу, касаясь щек и висков, разгладил складочки на лбу, провел вниз до подбородка, осмотрел щеки и уши, увидев шрам на щеке, нахмурился. Вызывающе заглянул в глаза и жестко улыбнулся, скривив губы.

— Диковинная штучка, — не без удовольствия проговорил он хищно.

Дотронулся до моих волос, которые гладкими прядями струились по плечам и спине, натянул их на себя.

— Волосы шикарные, шелковистые и длинные, — наклонившись, он коснулся их губами, а затем втянул носом аромат. — Ммм, ваниль? Великолепно! — он вновь заглянул мне в глаза. — Да и глаза ничего, зеленые сейчас редкость, — он поморщился, продолжив осмотр. — И хотя сомневаюсь, что будет спрос, попробовать все же стоит, — он вновь хищно улыбнулся, но улыбка его, скорее, напоминала оскал.

— Девственница? — напрямую спросил он меня, поджав губы.

Я изумленно приоткрыла рот. Он же не думает, что я стану отвечать?!

— Ты меня не слышала? — громче сказал он, сведя брови и пронзая меня предупреждающим взглядом. Но я молчала, упрямо поджав губы. — Каролла!? — рявкнул он неожиданно, и я задохнулась от испуга.

— Нет, — пробормотала я, надеясь на то, что он не разгадает лжи. — Нет...

Вальтер помрачнел и сквозь зубы выдавил:

— Ну, ничего. Подойдешь и такая...

— Что вы сделаете со мной? — перебив его, отважилась спросить я, опасаясь, что так ничего и не узнаю.

Жесткие пальцы стиснули мой подбородок, и я поморщилась от боли.

— Мария! — крикнул мужчина на светловолосую девушку. — Что она знает о том, куда попала?

Разговаривая с Марией, он не отводил от меня хлесткого, пристального взгляда, что само за себя говорило о том, что меня считают никем.

— Ничего, мой господин, — сказала та уверенно. — Я посчитала неуместным рассказывать ей все, пока вы не осмотрели ее и не решили, что с ней делать.

Губы его дрогнули, он изобразил на лице подобие улыбки, а меня обдало холодом с голов до пят.

— Правильно, — выдохнул он мне в лицо, наклонился, заглянул в самую суть моего существа и жестко оттолкнул. — Расскажи ей то, что она должна знать, и не более, — приказал Вальтер, сделав несколько шагов по комнате, словно меряя ее своими широкими шагами, и остановившись у двери. — Готовь ее к аукциону в Верхнем Рынке. Завтра, в девять вечера.

— Хорошо, мой господин, — подчинилась Мария.

— Аукциону?.. — взволнованно выдохнула я, обретя способность говорить. — К какому аукциону?

Вальтер обернулся в дверях и бросил на меня острый взгляд.

— Мария, объясни ей всё, — коротко бросил он и стремительно вышел из моей камеры.

Едва он ушел, я обратилась к Марии, дрожа всем телом. Сердце колотилось в груди, как сумасшедшее.

— Что это значит?! — неистово закричала я. — Что за аукцион?! Зачем меня к нему готовить?!

Я понимала, что мой крик начинает сходить до истерики, но ничего не могла с этим сделать и заставить себя успокоиться.

— Меня... хотят продать? — тихо проговорила я, чувствуя, что слезы рвутся изнутри меня рваным воплем. — Так? В бордель, да? На порностудию? — допытывалась я. — Ответь мне! — воскликнула я, хватая Марию за руки и поворачивая к себе лицом. — Что все это значит!?

Девушка плотно сжала губы, а потом выдохнула совершенно без эмоций:

— Мне жаль.

Я выпустила ее плечи из своего захвата, такими безнадежными мне показались слова девушки.

— Мне жаль, что ты оказалась здесь, — повторила Мария. — Но это было неизбежно, ты потом все поймешь. Если бы не Вальтер, то кто-нибудь другой обязательно, нам нужны такие, как ты.

— Такие, как я?.. — обессилено выговорила я, глядя на Марию помутившимся взглядом. — Меня хотят продать? В бордель, да? — я поняла, что начинаю оседать на холодный мраморный пол.

— Ты даже не представляешь, куда ты попала, девочка, — проговорила Мария, покачивая головой. — Ты даже не представляешь!..

Глава 3. Вопросы и ответы

3 глава

Вопросы и ответы

И я, действительно, не представляла. До тех пор, пока Мария не объяснила мне. И пока я не побывала на том самом аукционе, к которому меня готовили.

Какая мучительно отвратительная мерзость! Неужели в этом мире существует подобный беспредел?!

Хотя о чем я говорю! В этом мире... Черт побери, я уже далеко за пределами того мира, который раньше знала! Передо мной разверзлась бездна того мира, в который меня затащили против воли. Мира жестокого, кровавого, ужасающего своей жестокостью и безжалостностью. В этом мире не было места таким, как я. То есть, конечно, место для меня было, но оно было далеко от идеального или приемлемого.

Это было положение раба. Если не по праву рождения, то по воле судьбы.

Вы верите в ирреальность? Верите, что мир, та действительность, что вас окружает, не мнимая иллюзия, не фантазия, не выдумка, не сказка? Что это реальность? Задумываетесь ли, что существует нечто совсем иное, там, за гранью, за пределом возможностей и условностей?

Другой мир... Иной. И этот мир живет своей жизнью, более жестокой, дикой, враждебной к чужакам.

И этот мир существует за гранью, за чертой, за той параллелью, невидимой границей, что разделяет настоящее и рациональное от несбыточного и иррационального. Он существует совместно с тем, к чему я привыкла, но в отдаленном, завуалированном, известном лишь избранным, анклав.

Свое государство. То, которое управляет всеми остальными.

Этот мир, находящийся по ту сторону зеркала, тоже существует. Вопреки тому, верю ли я в это или нет.

Этот мир существует, и им правят они, — исчадия ада, порождения тьмы, родовитые династии, никому не известные, всевластные и всемогущие, от всех спрятанные под яркими масками и большими деньгами.

У этого мира не было названия. Ему никто названия не давал. Но он был старше, мудрее и опытнее того мира, в котором жила до сей поры я. Он верховодил той жизнью, которой я жила, и я уже не могла быть уверенной в том, что живу не по желанию одного из лордов этой зловещей тьмы.

Это был Темный мир. И этим миром правили темные Князья. Семь кланов, сети властителей не только своего мира, мира порабощающей тьмы, но и того мира, из которого прибыла я.

До недавнего времени я и представить не могла, что такое возможно. Другой город, другая страна, другой континент, — но другой мир!? Ради всего святого, да не несите же чушь! Кто поверит в это?!

Кто, кроме того, кто столкнулся с этим лицом к лицу? Кроме того, кто оказался в этом мире властителей всего лишь сошкой, рабой, проданной в рабство и лишенной своей

мнимой свободы!?

Кроме того, кто впервые за многие годы, наконец, увидел реальность такой, какой она была на самом деле, и не пожелал в нее поверить!?

Я не желала в нее верить, не желала отдавать свою жизнь, свою свободу, свои чувства и эмоции тому, кто будет считать их лишь очередной приобретенной безделушкой!

Игрушка. Именно это хотела втолковать мне Мария. Я стала всего лишь игрушкой, в одно мгновение лишившись всего, что имела. Свободы, имени, жизни, сердца... Безвольная, подвластная, покорная, тряпичная кукла в руках кукловода.

Не желаю, не желаю, не желаю!.. Но неизбежно падаю в бездну, в пропасть, на дно...

Испокон века у Князей были рабы. В моем мире это тоже было не редкостью. Тогда, многие годы, столетия назад, но не сейчас — в современном и цивилизованном обществе, закованном в нормы, законы, правила, устои, прячущем за вуалью морали и нравственности свои истинные пристрастия, склонности и животные инстинкты. Здесь рабы были частью целого народа, они составляли определенную массу этого мира. И сейчас, как и прежде, здесь господствовал рабовладельческий строй.

Рабы поставлялись из моего мира, реального, настоящего, живого, того, в который я верила. Из мира, охваченного мнимой свободой, которую в мгновение ока могли пресечь так же, как это сделали со мной.

И в этот мир, беспощадный, жестокий, равнодушный, я не верила ни на грош.

Но мне еще предстояло убедиться в том, что порой даже нереальность может превратиться в жизнь.

В день аукциона Мария рассказала мне о том, где я нахожусь. Она не вдавалась в подробности, сказала, что знать этого мне и не положено, но охотно пояснила, кем я теперь являюсь. Рабыней.

— Неужели ты думаешь, что я поверю в эту чушь?! — возмутилась я, заерзав в кресле, в которое меня посадили.

— А ты не веришь? — приподняла она вверх изящные бровки.

— Нет! Да и во что я должна верить?! В то, что я сейчас нахожусь... как ты там сказала, в каком-то другом, параллельном моему миру, пространстве?! Что это совсем иной мир, существующий независимо от моего, но вместе с тем ему параллельно, и что здесь царят иные законы?! — я зло фыркнула. — Если верить тебе, то у вас здесь вообще первобытное общество!

— Зря ты так, — коротко бросила девушка, расчесывая мои волосы. — Старайся держать язык за зубами, здесь не ценится своеволие среди рабынь.

— Я не рабыня! — сквозь зубы выдавила я.

— Рабыня. И пора бы тебе уже смириться с этим, Каролла.

Я хотела вскочить с кресла, но Мария удержала меня за плечи, вынудив сесть на место.

— Я не верю тебе! — вскрикнула я. — Лучше признайся, что меня хотят продать в публичный дом, чтобы...

— Как ты думаешь, почему выбрали именно тебя? — не выдержав, назидательно спросила Мария. — Да потому что тебя никто не будет искать! — она сильно дернула мои волосы, и я поморщилась от боли. — У тебя нет родных, ты детдомовка, у тебя нет близких друзей, которые пустились бы на твои поиски. Твое исчезновение просто никто не заметит! — она смерила меня острым взглядом через зеркало. — Ты никому не нужна там, в своем мире.

Меня передернуло от отвращения. Но больше от унижения и обиды. Она говорила правду.

— А как же полиция? — сухими губами спросила я. — Неужели они не будут?..

— Сколько тебе лет, Каролла? Двадцать четыре или четыре? — перебила меня Мария, окинув скептическим взглядом. — Полиция не станет в это вмешиваться. Скольких из уже исчезнувших людей, они нашли? Поиски возобновлялись? Хотя бы раз? — девушка придиричиво оглядела меня с головы до пят. — Им это не нужно. Для них вы лишний мусор, который не стоит внимания и времени, — она опустила глаза и тихо добавила: — К тому же Князя позаботились о том, чтобы не оставлять улики.

— Князя? — насторожившись, скептически проронила я. — Это те, кто правит... всем этим?

На мой скептицизм Мария не обратила внимания.

— Да, они имеют власть, очень большую власть, — сказала девушка. — Здесь, в нашем мире, они являются хозяевами всего, властителями судеб и королями, но и в твоём мире тоже они имеют эту самую власть, — я тихо охнула, а Мария продолжала: — Они богаты, известны, алчны и почти всемогущи. Они управляют и твоим миром, если хочешь знать. Только никто не догадывается о том, кто они на самом деле, — заявила она, бросая на меня быстрые взгляды, — пока кто-то не станет их рабом. Ты могла видеть их по телевизору или на обложке модного журнала, могла столкнуться с кем-то из них на улице и просто не обратить на эту встречу внимания. Но это вовсе не означает, что их не существует, — Мария вновь бросила на меня внимательный взгляд. — Они живут, властвуют, дружат, женятся, разводятся, изменяют, снимаются в фильме, теряют бизнес или приобретают его и в твоём мире тоже, — Мария сошла на приглушённый шепот. — Просто там они притворяются тем, кем не являются на самом деле, вот и всё. А настоящие они здесь.

Я сглотнула, сердце билось, как сумасшедшее, а страх царапал грудь грубо и больно.

— Так они... такие же, как и мы? — пробормотала я.

— Они и есть, такие же, — сощурившись, сказала Мария. — Ты не отличишь Князя этого мира от богача из мира своего. Это один и тот же человек. Наши миры настолько параллельны, что даже обычный замок в Чехии может являться собственностью не именитой фамилии, а лишь частью поместья наших господ.

— Как такое возможно?! — не выдержав, воскликнула я и вскочила с места.

Мария воззрилась на меня с немой непреклонностью и каменным изваянием вместо лица.

— Если ты спрашиваешь меня о том, как возникли два таких разных, но параллельных мира, — проговорила девушка, — то я не смогу дать тебе ответ. Просто все сложилось так, а не иначе. И ни я, ни уж тем более ты, не сможешь что-либо здесь изменить. Придется смириться с таким положением вещей, вот и все, — она сделала быстрый шаг ко мне, но я отшатнулась от нее. — В твоём мире тоже есть богачи, а есть и бедняки. Почему же одни достойны всего, а другие не достойны ничего?

— Потому что мир несправедлив.

— Потому что таков закон природы, закон выживания, если хочешь, — сказала Мария. — Кто-то всегда будет господином, а кто-то навсегда останется прислугой.

Я закрыла глаза. Это какой-то бред! Я сплю, просто сплю...

— Почему тебе так трудно поверить мне? — услышала я сдержанный вопрос.

— Потому что такого не бывает, — отрезала я, распахнув глаза. — Не бывает!..

— Лучше поверь в эту реальность, — посоветовала мне девушка, — иначе будешь страдать.

— Поверить в то, что существует какой-то... потусторонний мир, в который я попала?! — если бы так сильно не болело сердце, я бы рассмеялась. — И сколько же... таких миров существует? — скептически выдавила я, вздернув подбородок.

— Всего два, — ответила Мария. — И ты зря иронизируешь, Каролла. Неверие лишь усложнит тебе жизнь.

— Но это просто невозможно!.. — закричала я, бессильно припадая к стене.

— Это нереально, — перебила меня Мария, — или кажется нереальным, но от этого оно не становится вымыслом или чье-то фантазией.

Я застыла на месте, пронзая взглядом пустоту, а Мария продолжала.

— Ты же видишь сны? — наклонив голову, посмотрела она на меня. — Это реальность или фантазия? Для тебя — реальность, потому что это твои сновидения, ты являешься их непосредственной участницей, а для кого-то эти сны лишь сказка, потому что они ему не принадлежат. Но зато в своих снах он ничуть не сомневается, — девушка вздохнула. — Так и наш мир. В него поверишь лишь тогда, когда непосредственно с ним соприкоснешься.

— Хочешь сказать, что я сейчас нахожусь... во сне?!

Мария тяжело вздохнула.

— Отчего же ты воспринимаешь мои слова буквально, Каролла? Наш мир — не миф, не мираж, не сон, тем более. Он реален, — она вскинула вверх светлые бровки. — Ты поверишь. Потом, когда соприкоснешься с тем, что тебя ожидает.

Зловещий тон ее голоса заставил меня вздрогнуть.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сказала, — пожалала девушка плечами. — Меня купили сорок лет назад, по людским меркам, тридцать из которых я живу у Вальтера.

Расширившимися глазами я уставилась на нее.

— Сорок лет назад?! — я едва не задохнулась. — Но этого... этого не может быть! Ты же... ведь тебе...

— Время здесь тянется совсем не так, как в твоем мире, Каролла, — с улыбкой проговорила Мария. — Поэтому многие рабы сменяют за свою жизнь нескольких хозяев. И это плохо, потому что каждый новый хозяин всегда испытывает своего слугу на прочность. А это лишняя боль и страдания, — Мария задумчиво покачала головой. — Мне нравится жить с Вальтером. Знаешь, жить у Купца не так и плохо, есть очень много преимуществ... Он не бьет меня, как это делают Князья, не обременяет заботами и уходом по дому, для этого у него есть другие...

— Ты спишь с ним? — содрогнувшись, вымолвила я.

— Да! — гордо вскинув подбородок, сказала Мария. — Я его любовница, если ты это хочешь знать.

— Почему же не жена?

Мария могла и рассердиться, но столь глупый вопрос ее развеселил.

— Потому что господа никогда не женятся на рабах, — ответила она. — Ты разве этого не знала? И к тому же, — она на мгновение опустила глаза, — у него уже есть жена.

— Значит, ты довольствуешься той ролью, которую тебе отвели?..

— Да! И благодарю высшие силы за то, что они не оставили меня гнить в сточной канаве, когда прежний хозяин решил, что я ему больше не нужна и вышвырнул меня на

улицу, истекающую кровью!

Я почувствовала, что перегнула палку, и вовсе не стоило так говорить. Просто для меня всё, о чем она говорила, было неприемлемо.

— Извини, я не хотела... — пробормотала я, почувствовав себя неловко.

— Когда ты переступила черту, твой прежний мир захлопнул за тобой двери! — жестко била словами она.

— Черту?..

— Ту, за которой начался тот мир, в котором ты оказалась, — пояснила она. — Твоя жизнь теперь заключена в нем. Ты можешь биться, вырываться, кричать, убегать, звать на помощь, но никто, ты слышишь, никто не придет к тебе! — ее слова били меня кнутом, а выражение темных глаз становилось злым. — Потому что никто тебя не услышит. Ты перешла черту, Каролла, и хода назад уже нет.

— Что это за черта?

— Я же сказала, — повторила девушка, — та, за которой начался наш мир. И за которой остался твой, — Мария свела брови. — Тебе осталось только наблюдать за тем, что там происходит, потому что ты никогда больше не сможешь прикоснуться к нему рукой.

— Ты хочешь сказать, что вы о нас знаете, а мы о вас и не подозреваем?! — с ужасом воскликнула я.

Мария сделала ко мне несколько медленных шагов, но я вновь отшатнулась от нее.

— Да, — подтвердила она, — так и есть. Есть, конечно, и те, кто знает о том, что происходит. Те, кто доставил тебя к Вальтеру, например, — она бросила на меня быстрый взгляд. — В твоём мире они являются Наемниками. Но мы называем их Поставщиками.

— Поставщиками? — нахмурилась я.

— Они поставляют нам рабов, — пояснила девушка, скрестив руки на груди. — А есть еще Ищейки, они разыскивают таких, как ты. Купцы, или иначе Скупщики, через них проходят все рабы, поступающие к нам. Купцы ведут торги и аукционы, заключают сделки купли-продажи, — продолжала Мария. — В Совете заседают только представители знати, сами верховные Князья, а так же знатные дворянские роды. Между собой они обычно являются родственниками, — она посмотрела на меня. — Ты еще поймешь, что здесь к чему, — смиренно вздохнув, Мария двинулась в мою сторону. — Может быть, подойдешь ко мне, мне нужно закончить твою прическу, иначе Вальтер будет недоволен.

— Мне плевать, будет он доволен или нет! — истерично завопила я. — Я вообще...

— Ты зря игнорируешь его приказы, Каролла! — перебила меня Мария. — Здесь не терпят неповиновения, его искореняют. Потому что ты родилась для того, чтобы стать рабыней в этом мире, и смились с этим.

— Я родилась свободной, я не позволю!..

— Ты не представляешь, куда попала, девочка, — резко перебила меня Мария, — и не тебе говорить о правах. Теперь не тебе решать свою судьбу, ты зависима, пойми это. Навсегда. Будет лучше, если ты примешь этот факт, иначе тебя будут ломать.

Я застыла, ощущая, как сильно забилось сердце в груди.

— Ломать?.. — дрогнувшим голосом, пробормотала я, глядя на Марию расширившимися от ужаса глазами.

— Ломать, — подтвердила та. — Обычно это делает твой хозяин. Если у него не выходит, тебя отправляют в Колонию. Там надолго никто не задерживается. Тебя или вернут к хозяину, или же отправят на кладбище.

— Ты дурачишь меня! Все вы просто сошли с ума! Это невозможно, просто невозможно! — закричала я. — И я — не рабыня. Меня просто похитили, чтобы продать в бордель, сделать проституткой... вот и все, — голос мой сорвался.

Я должна верить в это сама, чтобы не сойти с ума от разговоров о мире, которого на самом деле нет! Но Мария была настроена весьма скептически. Ее взгляд стал пустым и равнодушным.

— Думай, что хочешь, Каролла, — коротко бросила она, подходя ко мне. — Я сделала лишь то, что мне было велено, — рассказала тебе всё, как есть. Верить или нет, это уже твой выбор, — она покачала головой. — В любом случае ты все равно вскоре убедишься в том, что я ни в чем тебе не солгала.

Какое-то безумие! Просто нелепость, невозможность, сон... Ведь нельзя же жить в мире и не знать о том, что он лишь сказка, иллюзия!? Всё, во что ты веришь, вмиг оказывается ложью!

— А что... здесь делают рабы? — осмелилась спросить я, глядя в пол.

Девушка задумчиво скривилась, глядя в сторону.

— Хм, что делают рабы? У каждого из них свои обязанности, — ответила она. — То же, что делают слуги для богачей. Убирают дом, готовят еду, ублажают хозяев в постели, заботятся о том, чтобы хозяин был ими доволен. Ведь если он доволен не будет, он может применить наказание, — с угрозой в голосе добавила она, словно специально для меня, при этом бросив на меня предупреждающий взгляд.

Я сглотнула. Стало немного не по себе.

— Наказание?

— Плетью. Или кнутом, — сообщила Мария обыденно. — Продать на аукционе или отдать в Колонию.

— Ты хочешь сказать, что наш голос здесь не учитывается вовсе? — тихо спросила я.

— Нет, не учитывается. За лишний звук, который не понравился твоему хозяину, тебя могут избить до полусмерти. Твоя жизнь больше не принадлежит тебе, пойми, и ты не в праве ею распоряжаться, — Мария поджала губы. — Твоя свобода закончилась в тот миг, когда тебя привезли сюда, переведя через черту, и открыли правду о той параллели, которая существует. Теперь хода назад уже нет. Ты не вернешься назад.

— А если я выкуплю себя? — предположила я с вызовом в голосе. — Что тогда?

— История слышала о подобном, не спору, — согласилась та. — Но это были единичные случаи, возможно, даже миф, а не реальность. Поэтому не стоит надеяться на то, что является лишь байкой.

— Я не сдамся! — заявила я, гордо вздернув подбородок. — Никогда не сдамся!

— Значит, не проживешь здесь и года, — отрезала Мария. — Неподчинение карается, его не терпят, я тебе говорила. Если посмеешь сбежать, тебя искромсают так, что ты будешь молить о смерти, — она посмотрела на меня так, что вдоль спины пробежал холодок. — Запомни мои слова, Каролла.

Вечером следующего же дня меня продали на аукционе за двенадцать серебряных. Ничтожная сумма за рабыню. Это почти ничто. Но о том, что я никто, я узнала много позже, а не тогда, когда меня привели в дом к моему первому хозяину.

Глава 4. Продано!

4 глава Продано!

По указу Вальтера меня доставили на Верхний Рынок. И не потому, что он считал, будто я заслуживаю подобной привилегии, ведь, как мне сказала Мария, туда поставляют только тот товар, который пользуется особым спросом, а потому, что Верхний Рынок посещали богатые, успешные люди, имеющие власть, даже Князья, а Скупщика всегда интересуют те, кто может дать больше за выставленный на аукционе лот.

Я не считала себя товаром, как бы Мария не старалась меня в этом убедить, и была полна решимости отстаивать свою свободу. Слушать тот бред, которым меня старалась пичкать девушка, я не собиралась, верить этому — тем более. В душе я лелеяла надежду на скорый побег. Стоит только добраться до полиции! Или хотя бы поговорить с кем-то из горожан, чтобы сообщить о том, что со мной случилось, и обрисовать ситуацию. Кто-нибудь отзовется, сообщит в полицию, и меня освободят. Я в этом не сомневалась.

Кстати, узнать, в каком именно городе мы находимся, мне так и не удалось, как бы я не расспрашивала об этом Марию. Понятно, что в Чехии, потому что все говорили по-чешски, но как далеко мои похитители увезли меня от Праги, я сказать не могла. Ну, и пусть! Главное сейчас — выбраться из плена и лап безумцев, возомнивших себя властителями мира, сбежать, спрятаться, а потом уже решать, что делать дальше.

С мыслью о предстоящем побеге, который я надеялась совершить перед аукционом, я и заснула.

Мария разбудила меня рано, еще не начало светать, и, одев в светло-голубые шаровары и такого же цвета блузку, при этом оставив ноги босыми (видимо, опасаясь, что я могу сбежать), усадила в автомобиль. Тонированный автомобиль. Так что позвать на помощь из него не представлялась возможным.

Да и если подумать, то я не походила на похищенную. Меня не били, как это сделали в день похищения те негодяи, только запугивали байками о том, где я оказалась. Кормили, а не морили голодом. Разрешили пару раз выйти на свежий воздух, не удерживая меня постоянно в четырех стенах наедине с собой.

Если разобраться, меня действительно готовили к аукциону, ведь известно, что товар выбирают «по обертке», и в какой обертке на Рынке предстану я, столько за меня и заплатят. Вальтер сделал ставку на меня, точнее, на мои волосы и глаза, а значит, будет делать все возможное, чтобы покупателям понравилось то, что они увидят. А я понятия не имела, что им может понравиться, и в душе молилась, чтобы за меня вообще ничего не дали. Тогда, возможно, Вальтер отпустит меня?..

Какие глупые, наивные мечты! Никто меня не отпустит. Единственный шанс на спасение — это побег.

Вальтер надеялся, что сможет выгодно меня продать именно на Верхнем Рынке, а я понятия не имела, на сколько тяну! Но старалась вообще об этом не думать, планируя сбежать до того, как узнаю себе цену.

Но сбежать мне не удалось, не из стен Верхнего Рынка, куда меня направили. Это я

потом поняла, что у меня не было даже малейшей возможности сделать это. Эта часть города была полностью охраняемым объектом, принадлежащим, как мне объяснила Мария, какому-то богачу. Владельцу Рынка.

Черт побери, как дом, магазин или ателье, принадлежит частнику, так и Рынок принадлежал кому-то! Но раздражало не это, а тот факт, что об этом говорилось с таким равнодушным спокойствием, как само собой разумеющаяся вещь, что просто действовало мне на нервы и против воли вселяло в душу страх.

Сколько же власти у этого человека!? Поистине, как и говорила Мария, она, должно быть, безгранична.

Но Рынок, на котором продавали... живой товар — людей! — как он может быть легальным, официально разрешенным государством объектом недвижимости?! Неужели власти просто закрывают на всё глаза, отмалчиваются и делают вид, что ничего не знают?!

Но, черт побери, как о таком можно не знать?! Здесь, что же, не проводится даже никаких проверок?!

Или же владелец Рынка, действительно, настолько богат, что смог договориться со всеми?!

Какой же беспредел здесь творится! Подумать страшно, что подобное происходит в современном мне обществе. Получается, что для тех, у кого есть деньги, закон — ничто?! Это же легальная работоторговля!

Такого просто быть не может, старалась я себя убедить. Куда смотрят власти?.. Полиция, обычные люди?.. Неужели всем заткнули рты? Кому-то деньгами, кому-то угрозами и предупреждениями...

Это невозможно!.. И голова у меня кружилась от этой невозможности, которая вдруг стала возможной.

И только попав внутрь одной ячейки этого беспредела, я поняла, что нельзя ворошить это осиное гнездо. Мария была права, это чревато последствия. Всем вновь заткнут рты, а отвечать за то, что правда выплыла на поверхность, придется мне! Но сбежать... Сбежать — это единственное, что мне оставалось сделать. Я не собиралась становиться товаром на аукционе озабоченных богачей и грязных извращенцев. Никогда!

И потому, как только мы въехали на главную площадь Рынка, и за нами со скрежетом закрылись ворота, щелкнув включенной сигнализацией, я попросила Марию выйти из машины и пройти пешком. Я думала, что мне придется настаивать и уговаривать ее, но девушка, отпустив водителя и приказав тому, следовать к съемному дому, согласилась с моим предложением.

Верхний Рынок занимал огромную территорию, по всему периметру огороженную высоким забором, и тщательно охраняемым не только постами охраны, но и сигнализацией. Еще при въезде я заметила, как нас обследовали, спрашивая о цели приезда, будто мы переходили границу, а, когда Мария показала постовому жетон с направлением на аукцион, он, почтенно поклонившись, пропустил нас внутрь.

Верхний Рынок отличался от Нижнего. Это было видно невооруженным взглядом, как если бы вначале я побывала в самом бедном районе города, а потом меня привели на экскурсию в район городской элиты.

Здесь всё было иным. Богатым, роскошным, дорогим, просто дышащим огромными деньгами и властью.

Большие двухэтажные дома и коттеджи, большие и довольно красивые, скорее

напоминавшие частные дома, чем рыночные помещения и гостиницы. Не было ларьков и палаток с пестрыми вывесками, не было магазинчиков и продавцов пряностями и всякой ерундой вдоль стен и по переулкам. Людей вообще было очень мало, насколько я могла судить. А уж мечтать о том, что мне позволят узнать, где находится ближайшее отделение полиции (если оно здесь вообще имелось), я и не смела.

Мария объяснила, что мы направляемся в Арене, это то место, где должен будет состояться аукцион.

Ноги не желали нести меня вперед, казалось, что они вот-вот подкосятся, и я упаду недвижимая.

Мария постоянно подталкивала меня вперед, напоминая о том, где мы находимся. А я только и делала, что окидывала беглым взглядом улицы в надежде увидеть хоть кого-нибудь из жителей города.

Но улицы были пусты и безлюдны. И сердце замирало от этой глухой тишины и пустоты.

Мимо нас проехал шикарный черный автомобиль с тонированными стеклами и, неспешно подкатив к зданию на противоположной стороне улице, остановился. Еще через несколько мгновений дверца со стороны задних сидений открылась, и из автомобиля вышел высокий темноволосый мужчина в дорогом, а это я могла определить и на глаз, сером костюме. Мы уже почти приблизились к ним, когда я заметила, что Мария, бросив взгляд на высокого незнакомца, едва слышно охнула. Я посмотрела в сторону мужчины.

— Кто он? — сорвалось с моего языка.

— Владелец Рынка, — бросила Мария, резко отвернувшись. А потом зашипела, дернув меня за руку: — Не смотри на него так! Он всегда чувствует, что кто-то смотрит на него!

Я не успела ответить или отвернуться, а незнакомец, будто подтверждая слова моей тюремщицы, резко повернулся ко мне, отыскивая источник пристального внимания к себе и останавливая на мне обжигающий взгляд. Красивое волевое безжалостное лицо с жесткой линией губ и холодными глазами. Глазами убийцы.

Он, сощурившись, пытливо смотрел на меня, будто вынуждая пасть перед собой на колени, и я тут же отвернулась. Сердце бешено забилося в груди, сильно и больно. От ужаса. Я чувствовала, что он всё еще смотрит на меня, пытливо и пронизывающе.

Этот человек опасен! Очень опасен. Как и всё, что меня теперь окружает.

— Пошли, — грубо потянула меня за руку Мария, и я последовала за ней. Нужно бежать отсюда!

Когда мы поравнялись со входом в Арену, высокое двухэтажное здание из белого кирпича с черепичной крышей и высокими, но узкими окнами, нас остановили, осуществляя контроль, два охранника.

Я огляделась в надежде увидеть кого-нибудь, к кому могла бы обратиться с просьбой о помощи, и уже готова была взвыть от досады, когда мой взгляд наткнулся на невысокую молодую женщину в стареньком потрепанном пальто, распахнутом на груди. Она держалась очень скованно, напряженно сжималась, словно ожидая удара, и втягивала плечи, оборачиваясь назад.

И она шла мне навстречу, спешно, словно стараясь оказаться незамеченной, передвигаясь по улицам.

Какая удача! Я не могла поверить своему счастью, удерживая радостный стон, рвущийся изнутри.

Бросив быстрый взгляд на Марию, которая разговаривала с охраной, я стремительно кинула к женщине.

Та, увидев меня, испуганно отскочила назад, широко распахнув глаза, и попятилась.

Всего на пару минут мне удалось избавиться от испытывающего взгляда моей спутницы, следующего за мной по пятам, и я не собиралась терять предоставленный мне шанс.

— Помогите мне, — взмолилась я громким шепотом, хватая испуганную женщину за руки. — Пожалуйста!

Она лишь дернулась из моих рук, отходя назад, и прижалась спиной к стене кирпичного дома.

— Кто вы? — вздрогнув, спросила незнакомка, озираясь по сторонам.

— Меня зовут Каролла, — проговорила я спешно, оглянувшись назад и следя за тем, чтобы Мария не заметила моего отсутствия. — Меня хотят продать...

— Продать?..

— Я понимаю, что это звучит нелепо, — быстро сказала я, сильнее сжимая руку девушку, — но это так.

Женщина тяжело задышала, глаза ее сделались почти безумными.

— Так вы... с Аукциона? — испуганно выдохнула она.

— Помогите мне, — взмолилась я, сжимая руки незнакомки своими холодными ладонями. — Пожалуйста, сообщите в полицию, скажите, что здесь происходит. Пожалуйста!..

— Но я не могу, — воскликнула та, вжавшись в стену и озираясь по сторонам. — Не могу!

— Почему? Это же не сложно. Меня против воли удерживают незнакомые мне люди! — нервно заговорила я. — Они говорят какую-то чушь, не собираются меня отпускать и хотят... продать. Вы должны сообщить об этом...

— Я не могу вам помочь, — запричитала незнакомка, — не могу... Вы не понимаете, не понимаете!..

Я дернула ее за руку так сильно, что она пошатнулась, едва не упав, безумными глазами глядя на меня.

— Неужели вы не понимаете?! — изумленно выдохнула она, от ужаса распахнув глаза. — Нельзя этого делать... Нельзя! Если они узнают, что мы нарушили правила...

— Они? — выдохнула она. — Кто такие они? О чем они узнают?

Девушка прижалась спиной к стене, стараясь вырваться из моего захвата.

— Они всегда обо всем узнают, — словно не слышала меня, прошептала она. — Уходите, уходите!.. У меня дочка, у меня маленькая дочка, если они узнают... если узнают... Она свободна... Я не могу рисковать ее свободой!

Я опешила, изумленно глядя на нее.

— Я вас не понимаю...

— Я ничем не могу вам помочь, — тихо закончила она, вырывая руку из моих рук. — Не могу помочь... — зашептала она, как заведенная и едва ли не кинулась бежать от меня прочь.

— Куда вы? Пойдите! — попробовала остановить ее я, но она лишь ускорила шаг. — Пойдите, пожалуйста!..

Я ринулась за ней, но не успела сделать и двух шагов, как в мгновение ока была схвачена и прижата к стене дома так сильно, что из легких словно выбили кислород. Я стала

задышаться.

— Что ты хотела сделать?! — зашипела мне в ухо Мария, сжимая мои плечи. — Попросить о помощи? Договориться о побеге? — лицо ее было мрачным, гневным. — Так ты хочешь бежать, Каролла?! Ты все еще не поняла, где находишься?! Не поняла?! — яростно шипела девушка, сильнее и крепче стискивая мои плечи. — Так вот, очень скоро ты поймешь это, — разделяя слова, заявила она, глядя мне в глаза. — Тебе повезло, что Вальтер не видел этого. И я сделаю тебе одолжение, ничего ему не скажу о твоём поведении, — сказала она, сузив глаза. — Но если подобное повторится... за эти несколько часов еще раз повторится, — Мария стиснул зубы. — Ты пожалеешь об этом, и разбираться со всем буду не я, и даже не Вальтер, — ее голос сошел до угрожающего, зловещего шепота прямо мне в лицо. — Тебя поймут, Каролла, и оправят в Колонию. И тогда любой хозяин, который мог бы тебя купить, покажется тебе просто ангелом небесным! — закончила она, ткнув меня в грудь пальцем. — Не делай глупостей, поняла?! — дернув меня за руку, сказала она. — Ты даже не представляешь, на что толкаешь себя. Как ни крути, но ты нам нужна живой! Пошли!

Она толкнула меня вперед, и я попыталась вырваться, но Мария удержала меня на месте, больно сжав запястья.

— Неужели ты думаешь, что поверю в то, что ты мне сказала? — оборачиваясь к ней, воскликнула я, едва не задыхаясь от эмоций. — Думаешь, что я сдамся и отступлю просто потому, что кто-то сказал мне, что я оказалась в каком-то... другом мире?! — я скривилась. — Да это даже звучит смешно! Ты себя слышишь вообще?! Я знаю истории о том, как девушек похищают, чтобы потом продать в бордель, — тихо завела я. — И я скорее поверю в это, чем...

— Ты заиклена на том, что знаешь, — резко перебила меня Мария, — и совсем не хочешь вникнуть в то, чего не знаешь абсолютно! Совершенно напрасно, потому что твоё незнание может принести тебе лишь страдания.

— Я не собираюсь...

— Замолчи! — прикрикнула на меня Мария, резко обернувшись. — Ты так ничего и не поняла, — осуждающе сказала она, глядя мне в глаза. — Но очень скоро тебе откроется правда. Советую тебе не думать о побеге, — предупреждающим, даже угрожающим шепотом сказала она. — Тебе не удастся сбежать. Не отсюда.

Я посчитала за лучшее заткнуться и не провоцировать ее, потому что, кажется, я и так ее разозлила. Она так и метала взглядом стрелы и молнии, едва сдерживаясь, чтобы меня не ударить.

Я найду другой способ, клятвенно пообещала я себе. Другой способ, он обязательно должен быть!

Я еще успела сформировать в своём сознании мысль о побеге, когда увидела, как мимо нас прошла толпа, состоящая из девушек, среди которых я видела и совсем молодых, на вид им не было и шестнадцати лет, и десяти мужчин на вид не старше двадцати пяти.

Они как раз проходили контроль, когда я заметила их.

— Неужели и они, — я кивнула в сторону проходящих мимо девушек, — тоже продаются?

Моему изумлению не было предела. Я ошарашенно смотрела на них и не верила своим глазам.

Мария же даже не взглянула в их сторону, пройдя контроль и величественно

прошествовав в ложе, предназначенное для Скупщиков и сделав мне знак следовать за ней.

Как замороженная, я вошла в большое тусклое помещение, ощущая, что ноги задрожали.

Это какой-то кошмар, плохой сон. Я сейчас проснусь в своей квартирке в Праге, и все будет, как прежде.

— Здесь всё продается, Каролла, — запоздало ответила она на мой вопрос, заставив меня вздрогнуть от неожиданности, и остановилась в дверях. — Всё, что движется, пользуется особенным спросом.

Я уставилась на нее, приоткрыв рот.

— Что за бесчеловечность! — невольно вырвалось у меня. — Как можно было допустить подобный бес...

И в мгновение ока оказалась прижатой спиной к холодной стене.

Мария, стиснув ладонями мои щеки, зашипела в лицо:

— Не стоит здесь говорить о человечности, ты и понятия не имеешь о значении этого слова здесь! — она наклонилась ко мне еще ниже, так низко, что ее горячее дыхание едва не проникало внутрь меня. — Здесь нет человечности, гуманности, совести, жалости... Какие еще слова прячутся в твоем лексиконе? — она сильно сжала мой подбородок, и я поморщилась. — Здесь есть лишь жесткость, безжалостность и насилие в любом, даже самом жутком своем проявлении. Балом здесь правит лишь один закон, — закон подчинения! Своему господину, ибо только он один теперь будет решать, жить тебе или умереть, — она с силой дернула мой подбородок и отстранилась. — Забудь о том, что ты знала, что видела, о чем слышала раньше, все это осталось в прошлом. Ты туда никогда не вернешься, — ее темные глаза, казалось, стали еще темнее. — Это — другой мир, деточка. Твоя жизнь здесь не стоит ни гроша, и вскоре тебе придется в этом убедиться. Всё поняла?! — рыкнула она мне в лицо и отстранилась лишь тогда, когда я зачарованно кивнула.

Сильно и больно дернув мою руку, она потянула меня к ложу Скупщиков, чтобы подготовить к аукциону. И я смиренно последовала за ней, понимая, что у меня просто нет выбора.

К аукциону меня нарядили чуть не как новогоднюю елку. Разукрасили, как импортную игрушку, как куклу, выставленную на продажу!.. И мне лишний раз пришлось напомнить себе, что я и так выставлена на продажу. Какому-то озабоченному ублюдку, извращенцу...

Осмотрев с ног до головы мою худенькую фигурку, облаченную в столь откровенный наряд, состоящий из полупрозрачной, летящей накидки, напоминавшей пеньюар, лилового цвета, Вальтер, навестивший меня перед выходом на Арену, сказал, чтобы волосы оставили распущенными по плечам и спине.

— Они должны будут привлечь покупателей, — пояснил он для Марии, придирчиво оглядывая меня. — Сделаем на это ставку, вдруг не прогадаем, — он пожал плечами. — Только лицо у нее слишком бледное... — проворчал он, жестко хватая меня за подбородок. — И этот шрам на полщеки, — поморщился он. — Ну, ладно, что сделано, то сделано, — выдохнул он и, дав своей подчиненной последние указания, вышел из комнаты.

Мария подошла ко мне и приказала сесть в кресло. Начала расчесывать мои волосы.

Мое сердце бешено стучало в груди, готовое вот-вот вырваться наружу. Ладони вспотели.

— Кому меня продадут? — гортанным шепотом спросила я, не глядя на девушку и до боли сжимая ладони.

— Я не знаю, — коротко бросила та. — Кто даст больше.

Я сглотнула и поджала губы, стараясь выровнять участившееся дыхание.

— Князей сегодня на аукционе нет, — сказала она, бросив на меня быстрый взгляд. — Но тебе и не стоило рассчитывать на то, что кто-то из них может позариться на тебя. Слишком ты... не такая, как им нравится, — она пожала плечами. — Хотя, кто знает, что у них на уме.

— А кто... сегодня есть? — отважилась спросить я.

— В основном мелкие торговцы, промышленники, кое-кто из дворянства и местной элиты.

Я снова сглотнула. Одним словом, — извращенцы высшего сорта!

Может быть, еще есть возможность?..

Но возможности не оказалось. Словно догадавшись, о чем я думаю, Мария заставила меня встать.

— Пошли, — сказала она жестко. — Твой выход.

Все, происходившее в течение следующих десяти минут, я помню смутно. Огромная арена, отчего-то напомнившая мне Колизей наличием зрительных мест по окружности. Целая толпа народа, слившаяся в одно серой пятно, сотни плотоядных мужских и женских глаз, скользящих по мне липкими взглядами.

И голос ведущего аукциона. Громкий, звучный, противный, он резал мне слух, и я хотела зажмуриться.

— Лот номер 1831, дамы и господа!

Лот номер 1831?! Товар, выставленный на витрину магазина!

Все в моей душе перевернулось от этих слов. Я дернулась, покачнулась, едва не упав, но чудом устояла на ногах. Сжалась, втянув плечи, и испуганно пробежала взглядом по собравшимся вокруг меня людям.

— Девушка брюнетка двадцати четырех лет от роду, глаза зеленые, рост сто шестьдесят сантиметров, — продолжал руководитель аукциона. — Начальная цена — одна серебряная монета!

— Одна серебряная монета! — раздался из толпы мужской голос.

Я вздрогнула, стараясь выхватить мужскую фигуру, заявившую начальную стоимость.

— Две монеты серебром, — последовала тут же иная заявка, более спокойным, размеренным тоном.

— Две монеты, дамы и господа! Кто даст больше? Ну же, кто больше? Девушка, брюнетка...

— Три монеты!

Я снова вздрогнула, тяжелое дыхание вырывалось изо рта.

— У нас есть три монеты от господина Сайласа! — воскликнул руководитель аукциона. — Кто даст больше? Посмотрите, какие у нее великолепные волосы! — он подошел ко мне и дотронулся до них руками, потянув.

— Четыре серебряных! — выкрикнул кто-то из толпы, и мне показалось, что этот голос я уже слышала.

— Четыре монеты, вот это да! А кто же даст больше! — мужчина наклонился ко мне и втянул аромат моих волос носом. — Ммм, — промычал он на публику, — пахнет цветами... Кто-то даст пять?

— Пять!

— О, господин Сайлас! — воскликнул руководитель. — Пять монет, уважаемые. А кто даст шесть? За такое милое сговорчивое создание, хрупкое, как тростинка! Я услышу сегодня шесть серебряных?!

— Шесть!

— А семь, дамы и господа? — тут же затараторил мужчина. — Семь монет, господа, за такую крошку!..

— Семь монет серебром.

Мой мозг разрывался от напряжения, сердце барабанило в груди молоточком. В ушах стоял шум. Я уже не успевала следить за тем, кто стоит за цифрой, и просто невидящим взглядом смотрела перед собой.

— Восемь монет!

Грудь обтягивает плотным кольцом металла, мешая дышать.

— Девять!

Все вокруг меня начинает кружиться.

— Даю за нее десять!

Тошнота подступает к горлу острым болезненным комком.

— Двенадцать! — грубый голос врывается в мое сознание и остается в нем жужжащими насекомыми.

Я стараюсь сдержать рвущийся изнутри моего существа стон отчаяния и безнадежности.

— Кто-нибудь даст больше? — спрашивает руководитель аукциона, оглядывая зал. — Тринадцать? Никто не желает приобрести это милейшее создание, дамы и господа? — окинул внимательным взглядом аудиторию. — Двенадцать серебряных — раз! — провозгласил он. — Двенадцать серебряных — два! — брови его с удивлением поползли вверх. — Неужели никто не предложит больше?

Мое сердце сжалось, пульс забился внутри оглушительными ударами.

— Двенадцать серебряных — три! Продано!

Продано!..

Оглушительный взрыв внутри меня. Разлетаюсь на части, бьюсь, распадаюсь, умираю...

Я продана. Продана, как вещь, как игрушка для забав и развлечений, как тряпичная кукла...

Воздуха стало не хватать, в ушах зазвенело, а перед глазами — зияющая своей неизвестностью темнота.

И я поняла, что вот-вот упаду в обморок.

Глава 5. Дверца захлопнулась

5 глава

Дверца захлопнулась

Как много нужно времени, чтобы поверить в то, что когда-то считал ложью, и что сейчас предстало перед тобой неоспоримой истиной? Ужасающей и поражающей воображение истиной?! День, два, месяц, год? Вся жизнь?!

Мне хватило и пяти минут. Даже, наверное, меньше. Мне хватило тех мгновений, когда я слышала роковое слово, произнесенное руководителем аукциона. Равнодушное и пустое, лишенное эмоций и чувств. Всего одно слово. Если бы оно не значило для меня так много!

Продано!

То, что казалось бессмыслицей, безумием, противоречием моих убеждений вдруг превратилось в пыль, растворяясь в чаше, наполненной бессердечной правдой, ударившей мне в лицо потоком горячего воздуха. Я продана! Какому-то безумцу, вообразившему себя, как и многие здесь, едва ли не богом. Человеку, которому я досталась словно в подарок. Хозяину. Повелителю. Господину. Как служанка. Нет, хуже. Как рабыня! И никому не было до меня дела. Я превратилась в ничто.

Одни здесь правили, обладая неслыханной властью не только в своем мире, но и за его пределами, в мире моем. Другие им подчинялись, не смея слова поперек сказать. Распоряжались ли они аукционом, искали ли и находили новых жертв, избивали ли и уничтожали морально, вбивая внутрь тебя ту истину, в которую слишком сложно было поверить. Всё это не было важно, не сейчас. Главным было одно — я оказалась среди этих безумцев. Совсем одна. И я была среди них никем.

И я знала, что они все, эти безумные, безразличные ко мне и уверенные в своей правде люди, — правы. Они правы — а не я. Потому что в этом мире царили свои законы. Антигуманные, бесчеловечные и жестокие законы выживания, и против них я пойти не могла. Это был уже не мой мир. Чужой, другой, странный и жестокий мир со своей истиной. И в этой истине я была никем. Я была рабыней, купленной для забав и развлечений. Кому?.. На какой срок?..

Сколько я продержусь, чтобы не сойти с ума?! Чтобы выдержать то, что мне уготовили безумцы? Чтобы спастись?! И есть ли шанс на спасение?.. Единственный шанс вырваться из замкнутого круга и вновь обрести свободу? Я верила, что этот шанс у меня есть. И пока я видела вдали мерцание света, я верила в то, что мне удастся бежать. Когда-нибудь... Обязательно. Пусть не сейчас, но позже. Я сбегу!

Даже когда Вальтер, сияя улыбкой на пол-лица, ввалился после аукциона в комнату, куда меня привели, и, небрежно прислонившись к дверному косяку, пробасил, чтобы я собиралась, я все еще лелеяла мысли о побеге. Глядя в его безразличное лицо и искрящиеся глаза, хотела вцепиться в кожу ногтями, но сдержанно сжала руки в кулаки, усмиряя свою ярость.

Я убегу отсюда. Обязательно убегу! Как обещание, как клятва, как молитва. Я повторяла себе каждую секунду, чтобы не сломаться, чтобы не сломиться, чтобы не поддаться силе властителей и не умереть. И я верила, что еще есть шанс на спасение.

Но шанса у меня не было, ни единого. Мария была права, в этом, как и во многом другом. Мне бы не удалось сбежать. Как жаль, что тогда я еще верила в чудо! Верить было нельзя.

Когда Вальтер зашел ко мне во второй раз, чтобы проводить к моему... хозяину, я сидела в кресле, пустым взглядом уставившись в окно, но при его появлении обернулась.

— Тебя ждут, детка, — подходя ко мне, заявил он и схватил меня за локоть. — Ты была хороша на аукционе. Не ожидал такой прыти и отдачи, — причмокнув, проговорил мужчина. — Думал, что на тебя не будет спроса, а тут такая удача!

Я почувствовала в себе дикое желание послать его к черту, но прикусила язык.

Вальтер гадко и приторно ухмыльнулся и я, вывернувшись из захвата его руки, отскочила в сторону.

Мужчина мгновенно помрачнел, глаза его сузились, превратившись в черные щелочки.

— Не зли меня, девочка, — с угрозой в голосе сказал он, глаза его потемнели, брови сошлись на переносице. — Все это время ты была послушной малышкой, продолжай ею быть и дальше, иначе пожалеешь.

Я ему поверила. Знала, что пожалею, если что-то пойдет не так, как нравится ему или тем извращенцам, что меня окружали, но позволить сломить себя и стать покорной игрушкой в руках рабовладельца была не намерена.

— Одевайся! — грубо рыкнул на меня Вальтер, потеряв терпение от моего возмущения. — За тобой скоро приедут. Белый цвет подойдет, вот платье, — он швырнул мне какой-то сверток. — Надеюсь, Михаэль будет доволен выбором и не разочаруется, — он окинул меня быстрым взглядом и, видя, что я не двинулась с места, рявкнул: — Живо, я сказал!

Вздвогнув всем телом и передернув плечами, я сглотнула. Ничего иного, как подчиниться, мне не оставалось.

Меня вывели из здания, накинув на волосы темную вуаль, и посадили, почти запихнув на заднее сиденье, в черный автомобиль, полностью тонированный, перед этим завязав глаза и связав руки.

— Это для твоей же безопасности, девочка, — пробормотал Вальтер мне на ухо, и я невольно увернулась. — Надумаешь сбежать, тебя убьют, а мне бы этого не хотелось, — он вздохнул и, уже закрывая дверцу, сказал: — Я бы, может, оставил тебя себе, да только Сабине это вряд ли понравится.

Я не стала спрашивать, кто такая Сабина, хотя предполагала, что это та самая жена, о которой упоминала Мария.

Ну, и черт с ней. Черт с ним, с Вальтером! Пусть провалится на месте за то, что сделал со мной! Неужели он думает, что я не буду пытаться сбежать!? Как только представится возможность, как только окажусь на свободе... Полиция узнает, что происходит! Они узнают. Они схватят преступников, накажут!.. И никто не спасет их от суда! Я надеюсь.

Вальтер ушел, не прощаясь, я услышала его отдаляющиеся шаги и, попытавшись высвободиться из захвата веревок, услышала, как хлопнула дверца машины. Почувствовав появление в салоне еще одного человека, я напряглась.

— Кто здесь? — голос звучал глухо, и я испугалась его непривычного звучания.

— Водитель, — коротко бросил грубый мужской голос. — Мне велено доставить тебя к Михаэлю. Сиди молча.

Я даже не стала спрашивать, кто такой этот Михаэль, о котором уже упоминал Вальтер,

без сомнения это был тот, кому меня продали. Тот, кто заплатил больше, чем остальные, за такую, как я. Сумасшедший богач, один из той самой элиты, что правила всем и всеми. Один из прочих мерзавцев, занимавшихся работоторговлей!

Помню, как радовался Вальтер, что умудрился продать меня за столь солидную сумму. Двенадцать серебряных!

Кто бы мог подумать, что я буду стоять столь ничтожно мало!? Кто бы мог подумать, что я вообще могу быть продана!? Как товар, как вещь, как игрушка! Но я и была ею, теперь была. Этой самой игрушкой в руках кукловода.

Меня продали за двенадцать серебряных в мире, которому не было названия, и который я посчитала бы сном, если бы не была уверена в том, что все происходит на самом деле. Словно чей-то розыгрыш, нелепая шутка, кошмар...

Это не могло быть правдой. По всем правилам, законам, канонам, написанным древними, да и не только ими! Это. Не могло. Быть. Правдой! Но было ею.

И в этой правде — не моей, — я была всего лишь рабой, подвластной воле и прихоти своего повелителя.

А двенадцать серебряных... Это всего лишь цифра, всего лишь цена. И ее я запомнила на всю жизнь.

— Честно говоря, девочка, — сказал мне Вальтер уже после того, как аукцион состоялся и меня усадили в машину, — не ожидал, что за тебя дадут столько. Такие, как ты, у нас не в ходу. Худая, маленькая, хрупкая, почти прозрачная. Кому ты можешь понадобиться и для каких утех! — он рассмеялся. — Да к тебе и прикоснуться боишься лишний раз, чтобы не рассыпалась. А тут... такая удача! Целых двенадцать серебряных, — он даже причмокнул от удовольствия, сверкая широкой улыбкой. — Наверное, Михаэль повелся на волосы, они у тебя великолепные, крошка, — Вальтер потянул меня за пряди и вдохнул их аромат, коснулся и губами. — Длинные волосы сейчас редкость, и это ценится. Ну да ладно, — махнул он рукой, завязывая мне руки. — Ты теперь не моя забота.

Повинуясь внезапному порыву, я тогда гордо вскинула голову и вонзилась в него гневным взглядом.

— Я убегу, — клятвенно пообещала я, глядя мужчине в глаза. И даже не боялась в тот момент его горящих гневом глаз.

Не сдержавшись, Вальтер с размаху ударил меня по лицу так сильно, что моя голова дернулась.

— Дура! — выкрикнул он, сверкая злостью. — Да одна ты не доберешься даже до грани! — он наклонился ко мне, обдавая горячим дыханием, и зашипел: — А если и доберешься, тебя все равно вернут назад, поняла? — голос его сошел до грубого и устрашающего. Я думала, что задохнусь. — Тот, кто однажды стал рабом, останется им навсегда, — бросил он.

Меня всю трясло и колотило, щека горела огнем от удара, а на языке застыли капельки выступившей на губе крови, но я промолчала, ничего ему не ответив. Хотя хотелось кричать, вопить от досады, брыкаться и визжать. Но это не имело никакого смысла, пока я была здесь. Здесь останутся слепыми к твоей боли, глухими к твоим крикам и слезам, и даже твоей смерти могут не заметить.

И сбежать отсюда было невозможно.

Но это не значило, что мне стоит хотя бы попытаться.

Завязанные глаза дезориентировали меня, и когда машина тронулась с места, я,

невольно подавшись назад и откинувшись на сиденье, напряженно втянула плечи. Вздохнула, облизнув пересохшие губы, и сглотнула.

Когда же это закончится? Когда закончится!?

Вырваться бесполезно, попытки вряд ли увенчаются успехом, и, стараясь успокоиться, я стала вспоминать всё хорошее, что было в моей жизни. Как шел дождь, и, как я, прячась от него под зонтом, спешила вдоль аллеи быстрыми шажками. Как светило солнце, пробиваясь лучиками сквозь серые тучи. Как ветер развеивал мои волосы, не собранные в косичку или хвост, застилая глаза и вынуждая меня отбрасывать черные пряди назад. Как радовалась, когда узнала, что меня зачислили в штат сотрудников городской поликлиники. Или как улыбался мне парень у станции метро. Да, да, он смотрел именно на меня. И его улыбка была очень искренней, широкой и лучистой. У него были светлые волосы и серые глаза, и он казался мне милым. Я даже подумала тогда, что могла бы с ним познакомиться, он жил на соседней со мной улице. Но не вышло...

Грустно вздохнув, я поняла, что глаза предательски защищало от слез, и, зажмурившись, заставила себя сдержать эмоциональный порыв. Нельзя сдаваться. Нельзя, запрещено!

Но неужели ничего подобного больше не повторится? Что меня ждет? Жалкое существование рабыни, безвольной и пугливой марионетки, которую за веревочки будет дергать хозяин!? Или... смерть от руки властителя?!

Стиснув зубы, я тяжело вдохнула.

Никогда этого не будет. Не позволю, не сломаюсь, не уступлю. Найду выход, найду путь к свободе.

Если бы я тогда знала, что моя свобода была ограничена намного раньше, чем я поняла, что ее потеряла.

Но, сидя в машине, я не думала о предопределенности судьбы, не верила в рок или предрешение, я верила лишь в себя. И всё внутри меня кричало, вырываясь наружу, что нужно бежать. Из этого жуткого, жестокого места. Бежать, пока у меня есть силы, пока меня не сломали, не превратили в жалкое подобие самой себя, сделав рабой.

И рано или поздно, завтра, через неделю, через месяц... Пока буду дышать, я не оставлю идеи о побеге!

Эти мысли не покидали меня, пока мы не прибыли на место, и автомобиль, зашуршав шинами, не остановился.

Я напряженно приподнялась, заерзала на сиденье. Сердце заколотилось бешено и громко.

Путь продолжался более часа, насколько я могла судить. Ориентация в пространстве растворилась во мне, и я уже с трудом осознавала, где нахожусь. И я не исключала возможности, что мы провели в дороге гораздо больше времени.

Не успела я и вопроса задать, как меня окликнули.

— Выходи, — грубо бросил мне водитель. — Тебя сейчас заберут.

Я даже не пошевелилась, а, когда услышала, как открылась дверца машины, попятилась, беспомощно поворачивая головой в разные стороны. Дыхание участилось, превратившись в надрывные всхлипывания.

— Всё в порядке, — послышался над моим ухом приятный женский голос, — я о ней позабочусь.

— Живее, — сухо рыкнул мужчина.

— Подождешь! — огрызнулась в ответ женщина. — Иначе будешь разговаривать с

Михаэлем сам.

Водитель смиренно промолчал, и я поняла, что имя хозяина подействовало на него, как угроза. Но его недовольство и возмущение я почувствовала кожей. Наверное, будь его воля, он бы вышвырнул меня из машины, не раздумывая.

— Тише, — обратилась женщина ко мне, потянувшись к повязке, закрывающей глаза. — Как тебя зовут?

Не в силах ответить в голос, я прошептала:

— Каролла.

— Сейчас я сниму повязку, — пообещала девушка, и через несколько томительных мгновений повязка спала с моего лица, и я, зажмурившись, уставилась на девушку, которая тут же помогла мне выйти из машины.

Довольно-таки милая, можно даже сказать, красивая. Раскосые глаза цвета топленого шоколада, темные волосы, касающиеся плеч, волевой подбородок и прямой, вздернутый носик. Одета просто, в легкое белое платье без рукавов, несмотря на осень, в туфельках на тонкой подошве.

— Пойдем со мной, — сказала девушка и резко потянула меня за руку, призывая следовать за собой. — Хозяин приказал проводить тебя к нему в большую залу.

Она так резко дернула меня за руку, что я, пошатнувшись, едва не упала.

— Осторожнее, — сухо и безэмоционально проронила незнакомка, не выпуская моей руки из своего захвата.

Продолжая молчать, я огляделась. Передо мной расстилалась подъездная дорога и аллея, усыпанная кустарниками и клумбами с поздними осенними цветами, а впереди возвышался небольшой, хотя и двухэтажный, дом. Кирпичный, с узкими вытянутыми в высоту окнами и черепичной крышей. Казался он совершенно нелюдимым, серым, холодным и пустым, каким-то бесчувственным.

Я поежилась, передернув плечами. Стало как-то неуютно и гадко на душе, сердце затрепетало. Резкий порыв ветра, взметнув вверх опавшие листья, захватил и меня врасплох и вызвав волну мурашек на коже.

Я обхватила себя руками, почувствовав, что мне стало нестерпимо холодно, и обернулась. Как раз в тот момент, когда незнакомка сильно дернула меня за руку, вынуждая обратить на нее внимание.

— Когда войдешь в зал, — сказала девушка, продолжая с силой удерживать меня за руку и потягивать за собой, — молчи. Не начинай говорить, пока хозяин тебя не спросит или не велит говорить. Ясно?

Я, словно зачарованная, кивнула, хотя осознавала, что не поняла и слова из тех, что она сказала.

Замедлив ход и оглянувшись, едва сдержала вздох разочарования.

Дом со всех сторон был огражден высоким черным забором и кованными из железа воротами, плотно закрытыми. Не удивлюсь, если он еще и охраняется специальными людьми. Как Рынок.

— Сбежать отсюда невозможно, — услышала я голос рядом с собой, совершенно равнодушный и пустой. — Помимо ограждения и ворот, кстати, с зафиксированными на них датчиками передвижения, территория полностью охраняется, — будто прочитав мои мысли, добавила девушка.

Я сглотнула и посмотрела на нее. Острый взгляд врезался в меня кончиками стрел.

— Даже не думай о побеге, — сурово предупредила меня она. — Если выйдешь за пределы дома, окажешься ничьей и попадешь в Колонию. Худшего положения дел представить сложно. Особенно для такой, как ты.

Я вновь промолчала, тяжело вздохнув. Почему они все говорят «такой, как я»? Что во мне особенного? Рост, хрупкость фигуры, ранимость?.. А девушка, сильно дернув меня на себя, велела войти в дом.

Проводив подъездную дорогу беспомощным взглядом, я двинулась за незнакомкой и оказалась в слабо освещенном длинном коридоре. Холодок, змейкой скользнув вдоль позвоночника, затрепетал в коленях, вынудив их подогнуться. Какое мрачное место...

— Что со мной сделают? — слабо выдохнула я, задрожав.

Девушка пожала плечами, продолжая идти вперед.

— Это решает хозяин, а не я, — коротко бросила она, сжимая мою руку.

Перед тем как отправить меня к человеку, меня купившему, Вальтер приказал мне переодеться в белое платье, легкое, почти невесомое, которое теперь, казалось, так сильно сдавливало грудь, что было трудно дышать. Или это давит на грудь неизбежность?..

В висках застучало сильнее и яростнее, едва мы остановились около большой двери, ведущей, видимо, в зал. Сердце скованно замолчало, а потом понеслось вскачь, отбивая ритм частыми, тяжелыми ударами.

— Держись рядом со мной, — посмотрев на меня, заявила девушка, — пока хозяин не скажет тебе подойти. Поняла?

Я зачарованно кивнула, невидящими глазами глядя перед собой. Тело задрожало, ладони вспотели, а ноги стали ватными. Я сглотнула и невольно отступила. Служанка, бросив на меня предупреждающий взгляд, вынудила остановиться. И я, задрожав сильнее, повиновалась, ощущая, как сильно бьется сердце.

Что меня там ждет, за этой дверью? Хозяин, повелитель, властелин, мой господин... Чудовище, монстр!..

Все мое существо воспротивилось, взбунтовалось, завопило, умоляя отпустить его, дать ему свободу. А служанка тем временем, не раздумывая более ни минуты, взялась за ручку двери и толкнула ту от себя.

— Пошли, — бросила она мне и ступила в зал.

В висках моих забился пульс, почти сводя с ума, ладони невольно сжались в кулаки, больно впились в кожу ногти. И я сделала неуверенный шаг вперед, желая проснуться от этого кошмара.

Большой зал, находившийся в полутьме от потушенных ламп, превратился в большое серое пятно, склеенное и грязное, разбитое и потрепанное. А в центре этого хаоса мыслей, чувств и эмоций... Мой кошмар обрел лицо.

— Мой господин, — проговорила служанка, поклонившись. — Я привела новенькую...

И мой кошмар обрел голос. Жесткий, грубый, безразличный.

Меня обдало жаром, затем холодом. Колени подкосились, и только твердый захват девушки заставил меня устоять на ногах и, устремив взгляд в центр комнаты, смотреть на того, кто там находился.

— Подойди сюда, Стелла, — перебил ее мужчина, восседавший на диване у камина. — Подойди.

И девушка, выпустив меня из плена своих рук, ступила вперед, медленно приближаясь к хозяину.

Голос его был тих и спокоен, но лишен чувств и ощущений, безразличный и почти безжизненный. На меня, как и на свою служанку, которую подозвал к себе, он не бросил ни одного взгляда.

Потягивая виски из стакана, мужчина, прищурившись, следил за разворачивавшейся перед его глазами картиной.

И невольно мой взгляд метнулся в сторону, куда смотрели и его глаза.

И я застыла, почувствовав дрожь в коленях и лед в скованном криком горле.

Невысокая девушка, связанная за руки и подвешенная к поручням, стояла обнаженной, наклонив голову. Ее стройное загорелое тело с матовой кожей блестело новыми сгустками не запекшейся крови и длинными уродливыми шрамами старых избиений. Позади нее, сжимая кнут обеими руками, стоял ее палач. Высокий, широкоплечий, с оголенной грудью и набедренной повязкой, почти ничего не скрывающей.

Я содрогнулась. Палач и его жертва. И свидетель происходящего.

Девушка вскрикнула, когда кнут, метнувшись из одной руки палача в другую, стремительно опустил на ее израненную спину и оставил на ней еще одну отметину.

Я вздрогнула и невольно отступила назад, ощутив, как задрожали и подогнулись ноги.

— Лайам, — обратился тем временем сидящий на диване мужчина к палачу, — достаточно, — отставив стакан с виски на рядом стоящий столик, он пальцем одной руки поманил к себе Стеллу, призывая подойти ее ближе.

Девушка беспрекословно двинулась к нему, смиренно опустив голову. Сокращая расстояние шаг за шагом. А я следила за ее продвижением, затаив дыхание.

— Она твоя! — выплюнул мужчина палачу, бросив на светловолосую девушку презрительный взгляд.

Широко расставив ноги и откинув голову на подушки, он из-под опущенных ресниц наблюдал за тем, как палач, отбросив кнут, подошел к пленнице и, развязав ей руки, вынудил ее упасть на колени перед собой. Девушка хотела подняться на ноги и отползти, но палач, схватив ее волосы, потянул ту на прежнее место. Она подчинилась и встала перед ним на колени, низко опустив голову и приготовившись к насилию.

Палач убрал волосы с ее плеч, грубо провел губами по спине и, руками раздвинув ягодицы, резко вошел в нее.

Девушка вскрикнула от боли и инстинктивно подалась вперед, но мучитель удержал ее на месте, лишь сильнее сжав бедра и увереннее и яростнее насаживаясь на нее сзади. Девушка прикусила губу так сильно, что по той заструилась тонкая красная струйка, а палач, не прекращая насильственных действий, все вонзался в податливое тело, закидывая голову и постанывая в такт своим движениям.

Я взирала на происходящее с ужасом и неверием. Глаза мои расширились, с губ рвался гортанный стон, сердце дрожало в груди, колотилось в ушах, как бешеное, кровь прилила к вискам. Голова закружилась, и я прислонилась к двери, чтобы не упасть.

Я не была готова к этому. Не к этому! Боже, не к этому...

— Стелла, — позвал мою спутницу тем временем Михаэль, даже не бросив на нее короткого взгляда.

Девушка двинулась к нему и, наклонившись, села перед ним на колени.

Как зачарованная, я наблюдала за тем, как служанка, расстегнув молнию на брюках Михаэля, обхватила обеими руками его плоть и стала медленно поглаживать ее, проводя по всей длине вверх-вниз, то сжимая, то расслабляя захват. А он взирал на нее с равнодушием и

холодом, опустив ресницы. Лишь частое, прерывистое дыхание, вырывавшееся сквозь сжатые губы, выдавало его чувства.

Я ощутила подкативший к горлу ком желчи и поморщилась.

Но вот девушка наклонилась и, обхватив плоть губами, стала ее посасывать, мурлыча и постанывая себе под нос.

Мне стало противно до тошноты, и я, зажмурившись, резко отвернулась, желая скорее выйти.

— Стоять! — решительный выкрик вынудил меня застыть на месте. — Ни шага... ах... вперед!

Сглотнув, я оглянулась. Глаза мужчины приковали меня к месту. Сердце на мгновение остановилось.

Стелла продолжала умело орудовать губами и языком, доводя Михаэля до исступления. Глаза его потемнели и сощурились. Руками он запутался в ее волосах, нажимая на затылок девушки и вынуждая ее захватывать член во всю длину. Подаваясь вперед бедрами, он почти подошел к разрядке, я видела это по его помутившемуся взгляду и стону, сорвавшемуся с губ. Но он так и не позволил Стелле отойти, даже когда кончил, вынуждая девушку ублажать его и тогда.

Я почувствовала, что тошнота подступает к горлу, и прикрыла рот ладонью, чтобы сдержать рвотный рефлекс. Отвернулась, игнорируя приказ, и лбом прижалась к двери, стараясь восстановить сердцебиение.

Боже, что же происходит. Не со мной, не со мной. Этого не может быть. Дурной сон, просто сон...

— Свободна! — услышала я презрительный мужской голос, и уже через несколько секунд увидела около себя Стеллу, она тянула меня за собой. Я попыталась воспротивиться, но девушка, не произнеся ни слова, потянула меня на руку.

Оказавшись перед Михаэлем, я с ужасом обнаружила, что он не застегнул ширинку на брюках и восседает передо мной обнаженным. Стремительно отведя взгляд, и услышала злой смешок.

— Недотрога, что ли? Люблю таких, — с удовольствием протянул он. — Покорных и любвеобильных птишек.

Я так и не повернулась к нему лицом, устремив глаза в сторону.

— Лайам! Кончай с ней! — крикнул он палачу. — Отведи ее в погреб. С сегодняшнего дня она на хлебе и воде. Все ясно?

Я вздрогнула от его слов, но, поджав губы, не произнесла ни слова. Михаэль обернулся ко мне.

— Ну, — насмешливо протянул он. — Как тебя зовут?

Я молчала, не желая разговаривать с насильником.

— Ты меня что, не слышишь? — громче и тяжелее сказал мужчина. — Как тебя зовут?

— Каролла, — выдавила я из себя, так и не взглянув на него.

— Каролла... красивое имя. Откуда ты? Из Чехии?

Я лишь кивнула, слушая бешеные удары сердца в грудь.

— А ты немногословна, да, Каролла? — недовольно спросил он. — Или ты не желаешь разговаривать со мной? — в мгновение ока он вскочил с дивана и подскочил ко мне, схватил за подбородок, вынуждая смотреть себе в глаза. — Не такая уж и покорная, какой кажешься, а? — со злостью сказал он, грубо ткнув меня рукой по лицу. — Стелла! Уведи ее. Скажи

Найту, что она заслужила пять ударов плетью. За неповиновение, — он придирчиво осмотрел меня с головы до пят. — Посмотрим, станешь ли ты сговорчивее.

6 глава Рабыня

Как много может выдержать человек за три недели? Раньше я никогда не задавалась подобным вопросом. Но сейчас... здесь... Я невольно стала задумываться над тем, где заканчиваются волевые возможности человека, размышляя о том, о чем в обычной ситуации, в обычной жизни и не подумала бы!

Но это была не обычная ситуация, не обычная жизнь. Казалось, что и жизни у меня теперь не было. От прежней меня осталось только имя. Но и его вскоре у меня отняли, как нечто напоминавшее о прошлом.

Все те недели, что я находилась в доме Михаэля, моего хозяина, каким его называли все вокруг, меня постоянно испытывали на прочность. По указке самого Михаэля, я в этом не сомневалась. И за это я презирала его еще больше, чем раньше, — за скрытый приказ, который он не удосужился озвучить лично.

Хотя по сути, я не делала ничего из того, что меня могло бы удивить. Наверное, именно такой и можно было себе представить жизнь рабыни, каковой я стала. Следить за домом, ублажать хозяина, делая все, что он приказывал, не смея и заикнуться о том, что чем-то не довольны.

И я делала все то же самое, что делали здесь все рабыни (их я насчитала десять), кроме одного.

Михаэлю за все три недели так и не удалось смирить меня к близости с ним. Иными словами, он так и не покусился на мою непорочность, о которой и не догадывался. Пытался, конечно, и не раз за все то время, что я была в его доме, но ни разу так и не довел дело до конца. Даже в тот самый, последний день, когда я находилась в его доме. Он избил меня, но не изнасиловал.

Все время, что я находилась под крышей его дома, я видела, как он смотрит на меня. Всегда чувствовала на себе его липкие, ужасающе пошлые, плотоядные взгляды. Они сковывали меня и будто ломали пополам, хотелось скрыться от них, спрятаться, сбежать. Подальше от него, от этого гиблого места, закованного в порок и жестокость, подальше от того мира, в который меня затащило против воли.

Но убежать мне так и не удалось.

Все эти дни, ужасающе длинные, казалось, каждый новый день тянулся еще дольше, чем предыдущий, Михаэль испытывал меня на прочность. Не только нервы, но и тело, пронзая его новыми наказаниями.

Он хотел большего. Желал почувствовать мою слабость, ощутить покорность, вдохнуть в меня страх и подчинение своим прихотям. Он желал сломать меня.

Я знала, что он следит за мной. Казалось, даже когда отлучался по делам, он видел, чем я занимаюсь. И я знала, что он смотрит на меня не только потому, что хочет вынудить сдаться непокорную рабыню, но и потому, что ему доставляет удовольствие то, что он видит.

Наверное, он считал меня слабой. Трусихой, безвольной куклой, потому и купил меня на аукционе у Вальтера. Об этом мне как-то вскользь проговорила Стелла.

— Он обожает покорность, — бросила она кратко. — Поэтому и странно, что он выбрал тебя. Он не уважает, он почти ненавидит силу. Не любит ломать, особенно рабынь, потому и выбирает всегда покорных, послушных девиц, — посмотрев на меня косо, она, усмехнувшись, добавила: — Наверное, ему показалось, что такая хрупкая на вид, ты обязана быть слабой и духом. Он ошибся, да, Каролла?

Я тогда промолчала, ничего ей не ответив, не посчитала нужным что-либо отвечать, но зато осмелилась спросить:

— А ты? Разве ты... покорна и послушна? — Стелла вонзила в меня острый взгляд, но поток моих слов не остановила. — Ты всегда ему подчиняешься? Ты его боишься?

— Да, я боюсь, — смело воскликнула она, вызываясь вздернув подбородок. — Но не его, а того, что он может сделать. Я принадлежу ему, и он в праве распоряжаться мною, как захочет.

Дыхание мое, кажется, замерло, я почти не дышала, задавая следующий вопрос:

— А что он может сделать?

— Продать, — был мне грубый ответ. — Или, еще хуже, отправить в Колонию. А оттуда, — быстрый взгляд на меня, — мало кто возвращается.

— Что это за место? — сухими губами, сглотнув комок в горле, пробормотала я.

— Колония, она везде одинакова, — нахмурившись, выдавила Стелла. — Тотальный контроль, деспотичный режим и директор-извращенец и садист, к которому лучше не попадаться на глаза, — девушка передернула плечами. — Меня дрожь берет, как только думаю о том, что могу оказаться с ним лицом к лицу, — посмотрела на меня с осуждением. — Поэтому я и тебе советую смириться и подчиниться Михаэлю, он не так и плох, если разобраться.

Не так и плох?! Я едва не задохнулась, эти слова поразили, почти выбив почву из-под моих ног. Не так и плох... Интересно, каковы здесь нормы морали и нравственности, если Михаэль... этот негодяй, «не так и плох»?! Они здесь вообще существуют, какие-либо нормы, кроме жестокости и варварства?!

Я бы не сказала, что Михаэль был некрасив, если судить о внешности, но меня корбило от одного лишь на него взгляда. Обычный мужчина лет тридцати. Достаточно высокий, темноволосый, с глубокими глазами непонятного цвета и узкой линией губ. Высокомерный и самолюбивый, эгоистичный и бездушный.

То, как он поступил со своей служанкой, не выходило из головы. Ни на мгновение за те дни, что я была в его доме. Каждый миг, проведенный здесь, каким бы делом, по приказу хозяина, я не была занята, я вновь и вновь мыслями возвращалась в свой первый день в роли рабыни.

Не забывалось и то, что я получила за свое упрямство. Не забылось даже тогда, когда я уже перестала принадлежать Михаэлю, перейдя в руки другого тирана. За одной пыткой следовала другая, я уже потеряла им счет. Но тот самый первый день я запомнила на всю жизнь.

Когда я приехала в дом Михаэля и стала свидетельницей его насилия над своими рабами, меня избили так сильно, что я еще в течение пяти дней после этого не могла перевернуться с одного бока на другой, не чувствуя разъедающей тело боли.

Пять ударов плетью.

Когда услышала из его уст приговор, мне показалось, что я ослышалась, или что это просто такая шутка, подлая и жестокая, но все же шутка. Ведь не может происходить всего

этот беспредел на самом деле?! Если исключать вероятность того, что я сплю, а я уже давно ее исключила, то немыслимости происходящего и подобной жестокости быть просто не могло! Не со мной.

Не здесь, в цивилизованном, закованном в рамки приличий и условностей мире!

Но кто сказал, что тот мир, в котором я оказалась против воли, принимал все эти правила и условности?!

Кто сказал, что этот мир был цивилизованным?!

Здесь балом правили жестокость, безжалостность, равнодушие, бездушие и апатия, как мне и говорила Мария. За неподчинение, как она меня и предупреждала, мне пришлось заплатить.

Не единожды в доме Михаэля. И много раз уже после того, как меня продали другому хозяину.

Когда Стелла, придерживая за руки, вывела меня из зала, в котором состоялось насилие над молодой светловолосой девушкой, ноги меня почти не слушались, и я заставляла себя идти вперед. Перед глазами стоял белесый туман, а тело до сих пор дрожало от пережитого потрясения и шока.

Во мне бились отчаяние и первобытный страх, смешанный с тревогой и болью. Все тело дрожало, холод проник под кожу, пронзая стрелами сердцевину моего существа. А впереди... неизвестность, пугающая темнота и страх, более сильный и глубокий, чем я испытывала ранее.

— Это он еще сжалился над тобой, — тихо проговорила Стелла, когда мы, проскользнув вдоль коридора, двинулись по крутой каменной лестнице в подвальное помещение. — Пять ударов это почти ничто. Наталия сегодня получила десять.

Если это и было утешение, то меня оно ничуть не утешило. Пять ударов — это ничто?! Получила десять?! Я истерически рассмеялась.

Да как можно всерьез рассуждать о подобных мерзостях с холодным равнодушием и тихой апатией?!

Я почувствовала тошноту и головокружение. А девушка-рабыня лишь сильнее стиснула мой локоть.

— Вижу, что тебе смешно, — с обидой в голосе пробормотала она. — Посмотрим, как ты будешь смеяться после того, как Найт с тобой закончит, — жестко выдала она, толкая меня вперед.

Внутри у меня все похолодело. Перед глазами возникла картина насилия светловолосой служанки в зале приемов. словно заledenев, я застыла на месте и, вцепившись в руку Стеллы мертвой хваткой, заглянула ей в глаза.

— Меня... — проговорила я, запинаясь. — Меня изнасилуют? — в горле встал комок боли. — Как и ту девушку?

— Нет, — коротко бросила Стелла, дернув меня за руку. — Такого приказа не было.

Облегчение, которого я ждала, не окатило меня теплой волной, и я на ватных ногах направилась за служанкой с колотящимся в груди сердцем и свинцовой тяжестью в груди.

— А за что ее?... — тихо осмелилась спросить я. — Ту девушку?

— Она не угодила Михаэлю.

— Чем?

Стелла пристально посмотрела на меня, прожигая взглядом, словно рентгеном.

— Тебя, действительно, интересуют подробности? — напрямик спросила она. — Она

не удовлетворила его в постели.

Я шумно выдохнула, на сердце вмиг потяжелело. Дыхание сбилось, пульс учащенно забился в висках.

А потом... Спуск по темной, мрачной лестнице в подвальное помещение. Сырые стены, сжимавшиеся вокруг меня плотным кольцом. Надвигающаяся на меня темнота с единственным лучиком света от зажженной свечи в полупустой коморке, где пахло землей и плесенью. А в центре этого хаоса — мой палач.

Казалось, пытка продолжалась вечно. Меня не просто били, из меня будто выпускали дух. Наказывали. Только в тот миг я в полной мере поняла значение этого слова. Наказать — вот что это значило.

И когда меня, наконец, развязали, я бессильной куклой упала на пол и потеряла сознание.

Очнулась я в крохотной комнатухе, холодной и сырой, с одним-единственным окном под потолком. Лежала на старой скрипящей кушетке, подушка вытрепана, представляет собой лишь комок перьев, вместо одеяла легкая простынка. Боль от ударов отдавалась во всем теле, и я поморщилась, когда перевернулась на спину, а потом попыталась сесть на кушетке.

Осмотревшись, я поджала губы и, подтянув к себе колени, съежилась, зажмурившись от боли и обиды.

Как долго я так пролежала, не знаю. Помню лишь, как звякнули ключи, как заскрежетал засов на двери, и как сквозь образовавшуюся в дверном проеме щель, выглядывает фигурка Стеллы.

Это была она, я не сомневалась. Но на то, чтобы позвать ее, окликнуть по имени, у меня не было сил.

— Каролла? — позвала она меня, ступая в полутьму моей темницы. — Ты не спишь?

Можно было бы и усмехнуться, но мои губы иронически скривились. Разве возможно здесь заснуть?!

— Нет.

Она сделала еще несколько шагов ко мне, остановившись около кушетки и взирая на меня сверху вниз.

— Вставай, — проговорила она безразлично. — Хозяин просит тебя к себе.

Я вздрогнула. Все тело задрожало.

— Я не пойду, — замотала я головой в разные стороны, сдерживая трясущиеся внутри меня слезы.

Стелла решительно потянула меня за руку.

— Пойдем, — настойчиво проговорила она, поднимая меня с постели. — Ты же не хочешь, чтобы за тобой прислали Лайама или Найта, правда? — с угрозой, сощутив глаза, поинтересовалась она.

Я тяжело и часто задышала, к горлу подступила тошнота, а в висках застучала кровь. Ничего не сказав, я зажмурилась, сильнее сжимая руками свои холодные плечи.

— Одевайся, — Стелла швырнула мне какой-то сверток. — Пора приниматься за работу.

Мое тело болело, нещадно покалывая и обдавая горячей лавой, но я упрямо встала на ноги, послушно переоделась в принесенное Стелой хлопковое платье и последовала за девушкой, похрамывая, постанывая, и мысленно борясь с болью.

За эти три недели после самого первого избиения меня били шесть раз. Всегда по пять ударов плетью, никогда более, словно Михаэль боялся меня сломать окончательно. А мне... было почти все равно.

Сначала боль была почти нестерпимой, было отчаянно, неистово больно, до такой степени, что хотелось послать к черту гордость и молить о пощаде. Но я держалась. До последнего держалась, стискивая зубы и глотая рыдания.

Наверное, это злило моего хозяина, потому что каждый раз, когда я приходила к нему после наказания и равнодушно взирала мимо него, устремляя глаза в пространство, он почти выходил из себя, сощуренными глазами глядя на меня. Он всегда терпел мое непослушание, но бесился от моей выдержки, оттого, что я до сих пор ни разу не просила его прекратить наказание. Он прогонял меня. Всегда. Не пытался коснуться или даже приблизиться. Он всегда восседал в своем широком кресле у камина и неторопливо потягивал виски из стакана, казалось, не реагируя на мое присутствие. Но я видела, что его задевает мое безразличие, мое упрямство. Его выводило из себя осознание того, что я, как и говорила Стелла, оказалась не такой, какой он надеялся меня увидеть. Он спрашивал меня, готова ли я сдаться, а я отрицательно качала головой вместо ответа. И он начинал злиться. А я...

Я была выше, я была сильнее. Сильнее даже него самого.

Лишь однажды что-то изменилось. Он разозлился. Неистово разозлился на мое непокоренное тело.

Схватив меня за руки, резко притянул к себе так стремительно, что я не успела среагировать.

Устремив на него изумленный взгляд, я попыталась уткнуться ладонями в его грудь, чтобы оттолкнуть, но мужчина не поддался и только яростнее стиснул меня в своих объятьях.

— Ну, что, Каролла, — сказал он, вызываяще глядя мне в глаза, прожигая этим взглядом насквозь, — ты стала послушнее? — коснулся моего подбородка и провел по нему пальцами. — Не люблю строптивых и непокорных служанок. У меня совсем нет времени с вами возиться.

Я промолчала, упрямо вывернувшись из захвата его рук и отвела глаза.

Он помрачнел, с силой развернул меня к себе и низко наклонился, почти касаясь губами щеки.

— Все такая же непокорная, да? — грубо выдохнул он. — А мне это не нравится, очень не нравится, Каролла, — его шепот сошел до угрожающего шипения. — Если не сдашься и выведешь меня из себя, то нарвешься на неприятности, поняла? — приподняв руку, сжал мое горло своей большой ладонью, сдавливая дыхание. — В моей власти делать с тобой все, что мне захочется. И не думай, что я буду терпеть твои выходки. Ты рабыня, не забывай. И если не станешь послушной, то тебя такой сделают. Ясно?!

Я не успела ответить, да и не смогла бы, потому что его пальцы сильно сжимали мою шею, а Михаэль грубо оттолкнул меня от себя. Едва не упав, я с усилием удержалась на ногах.

Он приказал мне убираться, и я с радостью выполнила его приказание.

На следующий день он уехал.

Он часто уезжал куда-то. Как говорила мне Стелла, будучи мелким торговцем, ему часто приходилось отлучаться по делам. Что он продавал и покупал, я спрашивать не решилась, да и все равно мне было. Я была рада не видеть его, не попадаться ему на глаза,

вообще никак не реагировать на его присутствие. Да и пытки прекращались, когда его не было в доме. Я занималась домашними делами, продолжая лелеять в душе мысли о том, что смогу убежать.

И, когда Михаэль в очередной раз решил уехать, я решилась на побег.

За те дни, что я была в доме хозяина, я не оставляла этой мысли. Мне казалось, что я смогу, что я просто обязана убежать, что у меня просто нет иного выхода.

Оказалось, выхода у меня, действительно, не было. Как и выбора. И на побег мне не предоставили ни одного шанса. Потому что... Вальтер был прав. Те, кто становятся здесь рабами, остаются ими навсегда.

Это был небольшой ночной бар. Барная стойка, тянувшаяся вдоль стены, не больше двадцати столиков, занимавших все пространство помещения, импровизированная сцена, но он всегда был забит до отказа.

И сегодняшний день не был исключением. Бар ломился от избытка посетителей, желавших скрыться от посторонних глаз за выпивкой, мордобоем или огромными глазами горячей красотки, повисшей на плече. Громкая музыка, визжание певичек на сцене, стоны, доносившиеся от соседних столиков, ругань и мат, все это заглушало посторонние мысли, вынуждая вообще ни о чем не думать и расслабиться, или же, наоборот, думать над теми проблемами, которые поджидали за дверью старенького кабака.

И именно сюда Михаэль направился, чтобы обдумать то, что уже вот несколько дней терзало его мозг.

Как поступить с новой рабыней.

Она не желала подчиняться ему. Она противилась, сопротивлялась, упрячилась. Она не воспринимала его, как хозяина, испытывая его на прочность. Покупая ее, он рассчитывал на покорность и послушание, он всегда выбирал именно таких служанок, чтобы не маяться с ними, теряя время над завоеванием. Он обожал слабость и покорность, а сила и своеволие ему претили. Но эта девица оказалась именно такой, каких он терпеть не мог. Своевольная, упрямая, сильная натура, не сломленная и не сломившаяся ни перед ним и его угрозами, ни даже перед постоянными ударами кнута.

Чертова девка! Вальтер обманул его. Подставил. Урод!

Михаэль почувствовал, как задрожало в его руках стекло стакана, и нахмурился. Отчаянно хотелось швырнуть стакан в сторону, и никто не осудил бы его за это, здесь слишком часто билась посуда, но что-то удержало его от шага. Одним глотком он осушил стакан и налил себе еще выпивки.

Нужно было что-то с ней решать. И немедленно. Эта девка в результате может погубить и его самого, и его репутацию. Он не собирался ждать, пока она унизит его перед остальными рабами или, того хуже, отважится на побег. Убежать ей, конечно, не удастся, но сам факт того, что она может на это решиться, его бесил. Никто и никогда не сможет удрать от него. Никто и никогда не посмеет сделать этого, даже подумать об этом. А если подумает...

Губы его сжались, на скулах заходили желваки.

Он сделает все возможное, чтобы она пожалела о том, что подобные мысли зародились в ее сознании.

Конечно, был вариант просто запихнуть ее на какие-нибудь грязные работы, сослать в подвал, чтобы никогда и взглядом с ней не встречаться, вообще забыть о том, что она

существует. Заморить ее голодом? Или просто отправить в Колонию? Она, в конце концов, заслужила это! Но нет... все это было не то. Не то, что ему сейчас было нужно. Разве решил бы это его проблемы? Заткнуло бы языки всем тем, кто стал бы шептаться за его спиной, что он, якобы, не смирил даже рабыню!? Они бы издевками насмеялись над ним.

Да и зачем она ему вообще, чем пригодится, если просто на бумаге будет принадлежать ему, а на деле никак своей ему принадлежности доказать не сможет?! Он всегда избавлялся от того, что не приносило выгоду, что не удовлетворяло его и не исполняло его прихоти. Избавлялся, как от хлама, как от барахла за бесполезностью и ненужностью. Он не хранил старье для того, чтобы потом им воспользоваться, потому что искренне полагал, что старое устаревает навсегда.

И эта девка... Она отличалась от других. Она была не такой, какой он рассчитывал ее увидеть.

Михаэль поморщился, больно стиснув зубы. В темных глазах полыхало пламя.

И что ему оставалось с ней делать?! Он отчаянно хотел ее, но его бесила ее сила.

Запихнуть ее в подвал до поры до времени?..

Черт побери! Ни хрена это не решило бы. Ведь и отец всегда ему повторял, с самого детства, что для того, чтобы добиться уважения, нужно применить силу. Но Михаэль еще тогда решил, что силу применять не станет, он пойдет по пути наименьшего сопротивления. Он просто будет управлять теми, кто слабее его. С теми, кого уже сломали. Жизнь, обстоятельства, другие люди... И он поступал так на протяжении многих лет, десятилетий. Он не ломал, он покупал уже сломленных, или готовых вот-вот сломаться.

До тех пор, пока не купил ее... эту девку! Кароллу. Она пошла вразрез его правилам и канонам.

Твою мать, Вальтер оказался тем еще сукиным сыном, что смог так завуалировать силу под хрупкостью!

Михаэль грубо выругался в голос, не беспокоясь о том, что может быть услышанным.

С этой девкой надо что-то решать. И если она не покорится... Если не сломится на этот раз...

Отправить ее в колонию?.. Или перепродать другому хозяину?..

Он размышлений его внезапно отвлек глубокий, немного насмешливый, как ему показалось, мужской голос, раздавшийся почти над самым его ухом.

— Что-то случилось, приятель?

Ощущение того, что за ним подсматривали, возмутило, даже взбесило, и Михаэль резко поднял голову, встречаясь с глазами стоявшего рядом с ним мужчины, половина лица которого из-за тусклого освещения была скрыта, поглощенная полумраком бара.

Нахмурившись, Михаэль отметил черные джинсы незнакомца, такого же цвета рубашку с закатанными выше локтя рукавами, и особенно саркастическую полуулыбку, мелькнувшую на загорелом лице.

Опуская недовольный взгляд в стакан с плескавшейся там жидкостью, Михаэль с неохотой выговорил:

— Рабыня своевольничает, — стиснул зубы и добавил со злобой: — А тебе-то какое дело до меня?

Незнакомец лишь усмехнулся, не проронив ни слова. Присел на соседний стул, на мгновение мелькнув в свете приглушенного света ламп, и, не отрывая взгляда от Михаэля, растягивая слова, проговорил:

— Мне показалось, — скрестил руки на груди, держась, тем не менее, свободно и непринужденно, — что ты чем-то озабочен, — левое плечо дрогнуло, приподнимаясь вверх. — Решил подойти и поинтересоваться, в чем дело. Вдруг тебе требуется собеседник?

Михаэль, насупившись, сторбился и уставился на него.

— Ты кто такой, чтобы этим интересоваться? — грубо спросил он. — Какое тебе до меня вообще дело?!

Его губы дрогнули, глаза засветились, их свет Михаэль видел даже в полутьме бара. Дьявольский свет.

— А если я скажу, что могу помочь? — усмехнувшись, проговорил незнакомец. — Поверишь?

— О чем ты? — не понял Михаэль и уставился на него с удивлением.

— Может, договоримся? — тихо проговорил незнакомец, задумчиво потерев подбородок и наклонившись ниже над столом. — Я как раз ищу хозяину новую игрушку. Возможно, что твоя ему как раз подойдет.

Он блеснул белозубой улыбкой, казавшейся очень мрачной и ядовитой в полутьме небольшого зала.

Михаэль сощурился, взирая на мужчину с подозрением, холодок прошелся вдоль его тела.

Наверное, не стоило ему спрашивать... Но он не смог пересилить свое любопытство.

— А кто твой хозяин?

Незнакомец вновь улыбнулся. Хищно, плотоядно, растянув губы в почти зверином оскале.

Наклонился еще ниже, потянувшись пальцами к рукаву рубашки. И, выставя вперед оголенное плечо с красовавшейся на нем меткой принадлежности, саркастически выдохнул:

— Никому не расскажешь?

Михаэлю показалось, что он ошибся. Ведь такого не бывает. С ним, по крайней мере, никогда не было.

— Неужели..!? — широко распахнутыми глазами взирая на метку, воскликнул он, не веря тому, что видел.

— Твоя рабыня окажется в надежных руках, — встречая изумленный взгляд, сказал незнакомец. Его губы жестко сжались, глаза сощурились, не оставляя и следа от веселости и безмятежности. — Поверь мне.

Глава 7. Последний штрих

7 глава

Последний штрих

Я боялась его возвращения. Точнее, я боялась последствий того, что сделала, которые мне в полной мере предоставил бы Михаэль. Надеяться на то, что он простит подобное, не стоило. И я не надеялась.

Я ждала. Расплаты, кары, решения повелителя, его волеизъявления. Новых побоев, новой боли.

Сжавшись в комочек на старенькой кушетке в своей полутемной коморке, освещенной лишь блеклым сиянием лунного света, проникавшего сквозь окошко под потолком, я пыталась сдержать поток слез.

Но все равно заплакала, ощущая ноющую боль в груди, разъедающую кожу до основания.

Почему-то вдруг вспомнились такие же полные пугающей неизвестности и злого предвкушения ночи в детском доме, когда я, точно так же, сжавшись клубочком около стенки, таилась под одеялом, сильно зажав рот кулачком, чтобы не закричать, в тихой надежде на то, что сегодня меня оставят в покое и не станут колотить.

Но с тех пор, как я попала в приют в возрасте чуть более трех лет, меня постоянно испытывали на прочность. Били всегда по очереди, сильно и больно, грубо таскали за волосы и царапали ногтями плоть. На моей коже, такой бледной, казавшейся почти прозрачной, синяки и ссадины всегда выглядели просто отвратительно, а следы запекшейся крови вызывали омерзение и отвращение.

Детдомовские дети меня ненавидели, они всегда старались уязвить меня или задеть, чаще всего побить.

Я плакала только вначале, первые года два. А потом смирилась, молча снося обиды и побои. Еще через два года я научилась давать сдачи, да так, что ко мне с того дня стали подходить все реже. Смотрели всегда косо, исподлобья, насупившись или сведя брови к переносице, словно обещая скорейшее наказание, глаза почти безумные, всегда с горящими внутри яростными искрами невысказанной ненависти.

Я никогда не знала, почему меня презирали в детском доме, даже не стараясь сделать «своей» в кругу избранных ребят. Никогда даже не задумывалась над тем, чем отличаюсь от остальных, и почему не заслужила к себе элементарного уважения, хотя бы принятия меня, как равной. Я никогда не догадывалась, в чем крылась истинная причина их ненависти и неприятия.

Эта причина была так же банальна, как глоток свежего воздуха.

У меня была семья, вот в чем дело. У меня была любящая мама, до того, как меня сдали в приют.

Она умерла, и поэтому я оказалась одна, на попечении государства.

А все те дети, среди которых я оказалась, не знали и значения этого слова. «Мама»...

На самом деле, я мало помню о ней, она умерла. И я даже точно не могла сказать, была ли она у меня на самом деле, или это был лишь плод моего воображения, разыгравшейся на

почве одиночества фантазией.

В памяти всегда всплывали только блеклые, нечеткие, смутные очертания ее лица, едва различимые, омраченные временем, состарившиеся, но по-прежнему свежие, словно новые, для меня черты лица, линия губ, изогнутость бровей, складки на лбу. Но я так же не могла сказать определенно, не выдаю ли желаемое за действительное...

Мне всегда казалось, что она была очень красивой. Такой я ее себе всегда представляла. У нее были длинные черные волосы, такие же, как у меня. Помню ее улыбку... Смутно, но помню. Помню запах кожи, аромат ее духов, кажется, что узнаю его среди миллиона других запахов и ароматов. Как и ее голос, такой звонкий, глубокий, томный голос с хрипотцой. Каждую ночь она напевала мне колыбельную, убаюкивая.

Перед приютом — годы пустоты, о которых мне ничего не было известно. Будто стертые из памяти кадры фильма, в котором я была главной героиней.

А потом... ничего. Темнота, пустота, одиночество, боль. Детский дом.

Когда выпустилась, ощутила себя птицей, освобожденной из клетки. Какое-то гадкое было сравнение, но именно оно совершенно точно передавало все, что я в тот момент чувствовала.

Окончила медицинский колледж, нанялась санитаркой в больницу, надеясь на освободившееся место медсестры в отделении скорой помощи. Обменяла комнату в общежитии на однокомнатную квартирку на окраине столицы, открыла счет в банке, надеясь в будущем приобрести квартиру побольше.

Выжила, черт побери! Поднялась с колен, начала жизнь с нуля. С трех с половиной лет одна! Против всего мира.

Разве не достойна я была того, чтобы получить право хотя бы на свободу?!

Но и ее теперь у меня собирались отнять. Пытались вновь сломать меня. Как и много лет назад.

Я сглотнула комочек слез, застывший в горле, и перевернулась на другой бок, лицом к стене.

В груди колотилась ярость, смешанная с обидой и разочарованием.

Мой побег не удался.

Наверное, он изначально был обречен на неудачу.

И почему я не подумала об этом раньше?! Почему не продумала всего?!

Пост охраны по периметру! Кто мог о нем знать!? Оказывается, здесь у каждого дома стоит такой пост специально нанятых охранников, которые день и ночь должны были следить, чтобы никто не рванул назад. А назад — значит, в неизвестность. Пугающую и устрашающую своей тьмой.

Но, черт возьми, такую желанную неизвестность!

Меня поймали в тот момент, когда я не успела достигнуть даже ворот, дрожащими руками вцепившись в ограждение и пытаюсь справиться с замком. Дождь неприятно холодит кожу, покрывшуюся мурашками, и больно впивался в каждый кусочек плоти, но я упрямо продолжала дергать засов.

Пока кто-то, стремительно приблизившийся ко мне, грубо не схватил меня за распущенные волосы, наматывая их на кулак, причиняя тем самым боль, и не потянул на себя, оттаскивая меня от ограды.

Вскрикнув от неожиданности, я едва не задохнулась и от боли. Слезы рванули из глаз, ноги задрожали.

Я хотела вырваться, но меня ударили. Раз, потом другой, третий, четвертый. По лицу, в живот, по ребрам, с такой силой, что я свернулась едва ли не пополам, скорчившись от боли, и упала коленями на сырую землю, вываленная в грязи, обездвиженная и промокая до нитки.

Меня, безвольную куклу, грубо схватили под руки и привели назад в дом, где меня встретила Стелла.

Лицо ее было бледным, глаза горели.

— Что же ты наделала, безумная?! — закричала она. — Ты хоть понимаешь, что теперь будет?! С тобой! — она накинута на меня, больно стиснув мои плечи и вынуждая смотреть себе в глаза. — А с нами?! За то, что не уследили за тобой!? — она встряхнула меня, пытаясь привести в чувство, но я взглянула на нее лишь на миг, коротко, бегло, безучастно. — Безумная, — выдохнула она мне в лицо, и, брезгливо поморщившись, отошла.

С двух сторон меня грубо придерживали за руки, чтобы я не упала, а, когда Стелла дала им какой-то знак, с силой толкнули в спину, вынуждая покачнуться на дрожащих в коленях ногах, ставших ватными.

— Когда вернется Михаэль, — сказала Стелла, — он решит, что с тобой делать. И уж тогда... Ох, и не завидую я тебе! — она качнула головой. — Отсюда не убегают, даже попытки не предпринимают, — словно выплюнула эти слова. — А ты осмелилась... Если отправишься в Колонию, то будешь сама виновата в этом, — холодно заявила она, поджав губы.

Я знала, что виновата сама. Но лишь в том, что совершила такой непродуманный побег. Как же я могла так оплошать?! Нужно было все продумать, все просчитать, а я... Я поплатилась за собственную глупость.

Меня затолкнули в комнату, грубо пихая руками внутрь, и я, не удержавшись на ногах, упала на пол. Лишь через какое-то время я смогла подняться и лечь на кушетку. В ожидании наказания.

Прошли три дня. Долгих, томительных, удушающе медленных. А на четвертый день пришла расплата.

Я все еще лежала в своей постели, когда слышались быстрые шаги за дверью. Вздрыгнула.

Звякнули ключи, послышался скрежет отпираемого замка... Через мгновение дверь распахнулась, и на пороге появилась Стелла. Бледная, напуганная, с взлохмаченными волосами и в разодранном платье.

— Хозяин прибыл, — проговорила она запинаящимся голосом. — Он просит тебя. Пошли.

Тело, скованное страхом, словно железными оковами, не желало двигаться. Я лишь смотрела на Стеллу, гадая, что же такое с ней произошло. Не в силах пошевелиться или хотя бы произнести слово.

— Пошли, я сказала! — безумно закричала она, подскочив ко мне и резко дернув за руку. — Немедленно!

Я испуганно посмотрела на нее и с трудом, пересиливая боль, поднялась с кушетки. Долгий подъем из моего подземелья на верхний этаж. Каменная лестница, холодные серые стены, длинный мрачный коридор.

Меня привели в тот же зал, что и в день моего появления в доме Михаэля. И едва я оказалась здесь, в памяти всплыли картинки издевательств хозяина над своими рабынями. Один за одним замелькали перед глазами, как в калейдоскопе, кадры того дня. Мерзкие,

отвратительные, гадкие кадры преступления.

Меня передернуло от отвращения и я скривилась.

Михаэль, широко расставив ноги, стоял у камина, заломив руки за спину, и смотрел на меня, прожигая демонскими глазами, казалось, саму душу. Он был в ярости, грудь его часто и тяжело вздымалась.

Я услышала, как захлопнулась дверь за Стелой, и ощутила себя загнанной ланью в лапах хищника.

Сердце зашумело в ушах, пронзая своим биением виски.

Михаэль сделал быстрый шаг ко мне. Затем еще один, и еще, и еще... Наступая медленно, но яростно.

А через мгновение я стала пятиться к стене, чтобы ощутить себя в такой мнимой безопасности.

Но отступать было некуда. Я оказалась в ловушке.

— Так ты хотела сбежать, Каролла?! — выдохнул Михаэль, оказавшись в паре шагов от меня.

Голос его звучал грубо, злобно, ноздри вздымались, на скулах заходили желваки, губы плотно сжались.

И мне впервые стало действительно страшно.

Опасаясь удара, я откинула голову назад, словно защищаясь.

— Хотела сбежать отсюда?! — злобно продолжал Михаэль. — Значит, тебе не понравилось у меня, так?! Не понравилось!? — он схватил меня за локти. — Рабыня! — резко вскинув руку, он стремительно опустил ее на мою щеку, которая тут же загорелась огнем. — Рабыня, и больше никто! Поняла?! — новый удар обжег еще сильнее, чем прежний. — Поняла, я спрашиваю?!

Скрутившись комочком в его руках, я отчаянно закивала. Мое дыхание стало частым и прерывистым.

— Я тебе покажу, на что ты годишься, — с яростью выдохнул мужчина, сжимая мои руки. — Я тебе покажу!

Я дернулась, когда он, нависнув сверху, резко дернул меня на себя, подчиняя мое тело своему желанию.

Я испуганно охнула, предвидя, что будет дальше, но подготовленной все равно не оказалась, когда его жесткие, жадные губы накрыли мои, сминая, покоряя, поработая, дерзко проникая внутрь языком, насилуя мой рот и словно оставляя на нем свои ядовитые отметины.

Меня передернуло, к горлу подкралась тошнота, сковывая тисками грудь.

Я пыталась бороться и тогда, когда его руки по-хозяйски скользнули вдоль моего тела, грубо накрывая обнаженные участки кожи ног, приподнимая подол длинной рубашки и сжимая бедра горячими ладонями.

Меня охватил не просто страх, а дикий ужас. Я забилась в его руках, оттолкнула, отшатнулась, уперлась кулачками в широкую грудь, и, замороженно глядя перед собой, как безумная, замолотила по ней.

С силой дернув меня на себя, Михаэль сжал мои запястья и приподнял над полом, вынуждая смотреть себе в глаза, в эти горящие сумасшедшим блеском глаза дьявола.

Всего мгновение, длившееся вечность. И он набрасывается на меня снова.

Разорвав, стащил рубашку, и я вскрикнула, снова попытавшись вырваться из захвата его

рук.

Но он лишь яростнее сжал меня, не позволяя отодвинуться или отойти. Часто и прерывисто дышал, жадными затуманенными глазами глядя на меня. Руками накрыл обнаженную грудь, больно стиснул соски, другой рукой скользнул между моих сведенных бедер, силой раздвигая их кулаком.

Дрожь окатила меня холодной волной, проткнув насквозь острием копья.

Острая незащищенность, безвольность и обреченность боролись во мне с желанием не подпускать его.

Я билась, как дикая кошка, царапалась и брыкалась, вырываясь и стараясь укусить, впиться ногтями в его кожу, рвать волосы, не позволять ему касаться себя. Но его грубые руки уже приподняли меня за бедра, насаживая на себя, и я закричала, отчаянно вырываясь и хватая мужчину за волосы.

Сжимая меня в своих тисках, он набросился на мой рот, насильственно проникая в него языком.

Моя обнаженная грудь касалась материи его рубашки, а между ног... что-то большое, твердое, усиленно и целенаправленно надавливает, стремится, рвется вперед.

Осознав, что это, я хотела воспротивиться, закричать, оттолкнуть насильника от своего тела. Я снова рванулась, задев зубами губу мужчины и мгновенно ощутив на языке вкус его крови.

Тяжело дыша полной грудью, удерживая меня, как куклу, он впился в меня яростным взглядом. Хотел наклониться, подавшись вперед, чтобы завладеть моими губами вновь, но я, чудом высвободив руку, вцепилась ему в щеку, больно царапая кожу лица.

И тогда он, совершенно обезумев, отчаянно зарычал и с силой отшвырнул меня от себя.

Я ударилась о стену и, издав беспомощный стон, безвольно упала на мраморный пол. Удар был таким сильным, что мне, казалось, выбили из груди весь воздух. Я попыталась вздохнуть, но не получалось.

— С**а! — сплюнул Михаэль кровь изо рта от моего укуса и касаясь пальцами раненой щеки.

Я видела, как он приближается ко мне, стремительно, быстро, словно накатывает волной, но не могла сделать ничего, чтобы защититься или бороться вновь. Последние силы ушли на то, чтобы заставить себя дышать, пересиливая боль, с трудом, часто-часто, испытывая покалывания внутри себя.

Михаэль наклонился надо мной и больно дернул за волосы, намотав их на кулак. Приподнял меня над полом, вынуждая смотреть себе в глаза, а потом прорычал:

— Что ж, если не хочешь по-хорошему, будет по-плохому!

Если бы я и хотела спросить, что это означает, то не смогла бы. Потому что горло сдавило свинцовой тяжестью, а на языке все еще горели капли собственной крови от его удара.

Резко отпустив меня, он грубо толкнул меня на пол, специально ударяя мое тело о холодный мрамор.

— Я продаю тебя, — сказал, словно выплюнул он, пронзая меня яростью и ненавистью глаз.

А у меня в груди билась лишь единственная мысль. Ему не удалось меня сломить... Не удалось...

— Стелла! — резко повернувшись, закричал Михаэль через весь зал каким-то животным

рыком.

В дверях мгновенно появилась служанка, спотыкаясь на дрожащих ногах, подскочила к нему, взирая на хозяина со страхом на бледном личике.

— Завтра придет человек Штефана Кэйвано, — рыкнул Михаэль сквозь плотно сжатые зубы, — подготовь эту дрянь, — он ткнул в меня пальцем, — к его приходу, — окинул меня брезгливым взглядом, поморщился, скривившись. — Не хочу, чтобы он отказался от товара, сочтя его бракованным.

Стелла послушно кивнула, переводя взгляд на меня.

А я не знала, радоваться мне или плакать той перспективе, что меня опять продают.

Прикрыв глаза, я тяжело задышала, не успев заметить, как расширились от ужаса глаза Стеллы, и как побледнело ее личико при упоминании имени человека, которому была теперь вверена моя жизнь.

Глава 8. Князь Четвертого клана

8 глава

Князь Четвертого клана

Это был истинный Князь клана. Никто, впервые увидевший его, не смел бы усомниться в этом.

Орлиный точеный профиль, словно высеченный из камня, всегда вызывающе острый взгляд, казалось, все знающий и все подмечающий, жесткая линия губ, сомкнутых и поджатых, волевой подбородок. Но на смуглом жестковато-мрачном лице особенно выделялись глаза. Глаза цвета грозового неба, серо-голубые, дымчатые, удивительные, дышащие умом и пронизывающие насквозь холодом насмешек глаза. Глаза Князя, взгляд повелителя, глаза и взгляд человека, привыкшего быть вожаком, чья воля была законом, и чьи желания исполнялись беспрекословно. Истинный Князь, один из тех, кто правил миром. Тем миром, который находился за гранью, и тем, который был за ее пределами.

Штефан Кэйвано был красив не классической, но той немного грубоватой мужской красотой, которая в равновесии с язвительным вызовом, горящим в глазах, и холодной полуулыбкой в уголках губ придавали его лицу вызывающую дерзость и циничное равнодушие. Легкая небритость щек, прищуренность глаз, в полумраке зала казавшихся черными, и внешняя ледяная невозмутимость придавали его лицу загадочность и таинственную мрачность. Что, тем не менее, ни умаляло его магнетической привлекательности, скрытой за маской грубости и безразличия.

Он был выше всех, кто его окружал, оставаясь глух к мольбам и просьбам слабых мира сего.

Он был так же бессердечен и жесток, как и красив. Порой его жестокость и бессердечность переходили все допустимые грани. Бессердечный и безжалостный властитель судьбы.

Негодяй, заслуживший право называться Князем целого клана? Представитель верховной элиты, которая руководила судьбами более слабых и готовых к подчинению людей? Рабов.

Князь, король, негодяй!? Кэйвано.

Восседая в широком кресле с высокой спинкой с выгравированной на ней меткой своего клана, мужчина потягивал вино из бокала, дерзко и вызывающе выпуская изо рта колечки белесого дыма сигареты. Белая полупрозрачная сорочка с длинными широкими рукавами не скрывала, а подчеркивала атлетичность и подтянутость его фигуры, широких плеч, мускулистость груди и оттеняла черноту волос, в полумраке зала казавшихся совсем черными. Вместо черных брюк на нем джинсы, протертые на коленях.

Саркастически ухмыльнувшись, мужчина, наклонив голову набок, придиричиво осмотрел свою гостью.

А девушка, восседавшая рядом с ним, между тем была столь же красива, сколь и хитра.

София Бодлер, представительница знатного дворянского рода, была подругой Князя и его любовницей. Невысокая и статная, с шикарными волосами цвета топленого золота и раскосыми карими глазами, припущенными черными ресницами. Выросшая в роскоши и

богатстве, своеволии и вседозволенности, избалованная и упрямая, она знала, чего хочет.

И положение любовницы при Князе Кэйвано было не тем, о чем она мечтала.

А положение его жены... Это именно то, о чем она грезилась ночами. Оставалось сделать еще лишь шаг.

О жестокости Князя Четвертого клана ходили легенды. Почти все они были правдой, София знала это. Однажды на себе испытал весь его гнев и подлинную ярость, она в последствии остерегалась вызывать в нем хоть толику подобных чувств. Он не извинялся за их проявление, никогда. Великому Князю было всё дозволено. Даже унижительно отозваться о той, что представляла дворянства и была дочерью его друга. Если понятие дружбы вообще входило в лексикон Штефана Кэйвано. У него не было друзей.

Он не терпел неподчинения и своеволия. Он ломал их на корню. Но он восхищался силой, волей, ломкой тех стереотипов, что завели когда-то сильные мира сего. Были случаи, когда Князь статус раба превращал в статус свободного человека. Свободного от его власти, конечно же, потому что никто, однажды попавший за грань, уже не возвращался назад. Свободного — то есть, слуги. Но по-прежнему зависимого от него.

Софию мало волновало, что будет с теми, кто именовался рабами. Вернутся ли они назад, перейдя грань, и будут схваченными за чертой? Или же окажутся пойманными здесь, умирая под пытками за свое безрассудство? Умрут или останутся жить? Она никогда не мучила себя подобными вопросами. Она была представительницей дворянского рода, хозяйкой, — а не рабой. Она думала лишь о том, что касалось лично ее. И сейчас ее интересовал лишь один человек, этот безжалостный повелитель, что сидел рядом и горячей насмешливостью пробегающий взглядом по ее фигурке.

Ее бросило в жар, ладони противно вспотели, внизу живота все затрепетало, учащенно забились сердце.

Но она ответила на его взгляд взором холодной неприступности и усмехнулась уголками губ.

Штефан сощурился, брови его взметнулись, выражая легкое изумление, губы дрогнули и скривились.

Приподняв бокал с красным вином, осушив его одним глотком, он затянулся сигаретой, закрыв глаза и блаженно откинув голову на спинку кресла.

Он никогда никого не подпускал к себе ближе, чем на расстояние вытянутой руки, никому не позволяя прикоснуться к сути своего бытия. Он был одиночкой. По своему статусу, по жизни, по мироощущению.

София же собиралась стать первой, кто приблизится к нему. И ради этого готова была пойти на всё.

Родовое имение служило роду Кэйвано уже несколько столетий. Оно находилось на границе Чехии с Польшей. Это был великолепный средневековый замок, каменный, не полностью используемый для жилья. Часть комнат предназначалась для самого хозяина, остальные для рабов, в дни приемов и советов для мероприятий отводилось большинство комнат Южного крыла, предназначенных специально для гостей.

Сейчас Князь и его гостя находились в Северном крыле замка, в зале для приемов, который представлял собой большое помещение с высокими потолками куполообразной формы и стеклянными фресками вместо окон. В комнате, обставленной старинной мебелью девятнадцатого века и полом, устланным шерстяным ковром красного цвета, что зрительно говорило о богатстве хозяина.

Раскинувшись в кресле, Князь из-под опущенных ресниц наблюдал за своей гостьей, жестко улыбаясь.

Она была красивой, чертовски привлекательной и сексуальной, она всегда возбуждала в нем желание задрать ей юбку и опрокинуть на кровать. Уже в тот день, когда они познакомились, Штефан ощутил потребность обладать ею. Дерзкая и упрямая, статная и эффектная, она произвела на него неизгладимое впечатление, совершив почти невозможное, — заинтересовав пресытившегося и уставшего от однообразия безжалостного повелителя. Но уже тогда он понимал, что этого не добиться без ее согласия. Она не его рабыня или служанка. Она дочь представителя знатного дворянского рода, одно из древнейших родов за всю историю их мира, и подобной дерзости по отношению к ней не простят даже Князю Четвертого клана.

Он никогда не сомневался, что она станет его любовницей. И София ею стала. Жаль только, что сейчас она метила гораздо выше, чем просто любовница. Это немного раздражало.

Он знал, что она мечтает стать его Княгиней, хозяйкой его клана, властвовать вместе с ним. И их частые разговоры, в последнее время оканчивались довольно прозрачными намеками с ее стороны.

Он также знал, что этому браку будут рады в Совете. Такие союзы между Князьями и представителями дворянства были не редкостью и не исключением, а скорее правилом.

Вот только Кэйвано никогда этому правилу не следовали. Они были одиночки по жизни, потому что ни один из них не встретил ту достойнейшую, что смогла бы назваться хозяйкой Багрового мыса.

И Штефан был абсолютно уверен, что София не была достойнейшей. Она была лишь одной из...

И потому он не собирался уклоняться от законов своей семьи в угоду законам Совета.

На Софии он жениться не собирался, пусть она об этом и не догадывалась.

В последнее время она стала ему отчаянно надоедать, чрезмерно раздражая своей настойчивостью, даже навязчивостью. Он чувствовал, что начинает терять к ней интерес в угоду своим принципам и семейным табу не просто потому, что пресытился ее телом и ласками, но потому, что ее общество стало покушаться на его одиночество. А этого он не позволял никому. Одиночка не искал компании. И навязывать ее было очень глупо и опрометчиво.

Слишком быстро всё изменилось. Когда-то завлекшая его дерзость превратилась в желании подчинить его себе и вынудить поступить так, как того хотела она. Красота надоела, он ею просто пресытился. Лишь ее тело всё еще манило и влекло к себе, он по-прежнему разгорался за одно мгновение, стоило ей к нему прикоснуться. Но и это со временем должно будет пройти. Ничто не вечно. И Софии тоже найдется замена.

Глаза Князя сузились, а губы едва дрогнули в дерзкой полуулыбке, напоминавшей оскал. Он понимал, что за игру затеяла эта женщина. Но она уступала по силе, уму и хитрости той игре, которую он стремился предложить ей. Значительно уступала. У Софии практически не было ни единого шанса на выигрыш. Не в игре, которую она решила вести с Кэйвано.

Сейчас она тоже предпринимала попытку обратить на себя внимание Штефана. Совершенно напрасно, потому что Князь уже давно разгадал ее замыслы. Его влекло ее тело, роскошное, надо отметить, но ни на что большее польститься он не мог. И, когда она, медленно поднявшись и прошествовав с гордо поднятой головой к камину, а затем назад к

креслу, остановилась всего в шаге от мужчины и, откинув назад волосы, улыбнулась, Штефан не смог удержаться.

Отложив сигарету, мужчина стиснул зубы и процедил:

— Иди сюда.

Голос его был тих, но звучал громко в застывшей тишине зала приемов, и даже как-то зловеще.

Но Софию нельзя было испугать. Она лишь шире улыбнулась и вздернула светлые бровки.

— Или?..

Горячий взгляд обжег ее изнутри.

— Иначе я подойду сам.

Никто и никогда не смог бы назвать Софию глупой. Она была слишком расчетливой и хитрой.

Она высоко метила — стать женой вождя целого клана, почти короля! Но она всегда знала, чего достойна. Никогда себя не принижая, она верила, что достойна лучшего, и лучшим для себя считала именно Штефана Кэйвано. Как только он даст согласие, как только Совет одобрит их брак, София сможет по праву считаться хозяйкой этого имения и еще других, принадлежащих ему. Она сможет назвать себя хозяйкой и сердца этого холодного безудержного мужчины.

Он не любил ее, девушка это прекрасно знала. Женщины всегда чувствуют подобное. Но успокаивала себя тем, что Штефан Кэйвано никого не любил. Он не был способен на любовь к кому-либо. Но... всё же что-то скрывалось в глубине его черной, грешной души, что-то такое, что вселяло в нее веру и надежду, что когда-нибудь этот шикарный мужчина, северный лев назовет ее своей женой. Ради этого статуса леди Бодлер готова была стерпеть даже его нелюбовь. И ради этого она готова была рискнуть. Всем. Плюнуть на любовь и довольствоваться титулом Княгини.

Штефан продолжал, сощурившись, помутневшими глазами наблюдать за ней. От его взгляда бросало в дрожь и в жар одновременно. София прикусила нижнюю губу и, откинув на плечи водопад золотистых волос, волной рассыпавшихся по спине, подошла к Штефану, небрежно откинувшись на спинку кресла. И встала между его расставленных ног. Наклонилась над ним, загадочно улыбаясь, и, соблазнительно подергивая тонкими бровками, подставила его ищущему горящему взгляду упругую молочно-белую грудь, выглядывающую из глубокого декольте ее кроваво-красного платья, надетого специально для него.

Она знала, что этот цвет, цвет ярости и страсти, заводит его, возбуждая и воспаляя, и, усиливая эффект, наклонила голову, почти касаясь подбородком оголенного плеча. Посмотрела на него из-под опущенных ресниц. Дерзкая улыбка мелькнула на ее лице, когда Штефан, сощурившись, плотно сжал губы, втягивая в себя воздух. Отнюдь не такой сдержанный и спокойный, каким его привыкли видеть в Совете или при ведении дел. Страстен и горяч, неистов и импульсивен, хотя внешне холодно невозмутим.

— Ты сегодня не в настроении, — проговорила София, низко наклоняясь к нему и обжигая смуглую щеку теплом своего дыхания. Заглянула в глаза. — Что-то случилось?

Устало откинувшись на спинку, он из-под опущенных ресниц посмотрел на нее и усмехнулся.

— А разве отец тебе еще не доложил, в чем дело?

София надула губки, сделав вид, что обиделась. Но не столько оттого, что ее задел ответ Князя, сколько потому, что он никак не отреагировал на ее прикосновение к своей щеке. Насупившись, она спросила:

— Почему ты считаешь, что отец будет докладывать мне о том, что творится на Совете?

Он двигался молниеносно. София не успела ничего понять или осмыслить, а Штефан резко выпрямился, схватил ее тонкие запястья в плен своих горячих рук и потянул девушку на себя. Так резко и неожиданно, что она, не успев среагировать, упала в его объятия, почти распластавшись на широкой мужской груди.

Сердце застучало в ушах с удвоенной силой, а кровь прилила к щекам так быстро, что кожа запылала.

А Штефан, глядя в расширившиеся, пылающие мучительным вождением глаза, невыносимо медленно скользнул рукой по ее бедру, задевая красную материю и касаясь обнаженной кожи кончиками пальцев, надавливая на оголенные нервные окончания, сводя с ума от напряжения и всё нарастающего возбуждения.

Молчал, не произнеся ни слова, а его руки продолжали испытывающее скольжение вдоль ее тела, жестче и настойчивее приподнимая платье и обнажая загорелую бархатистость женской кожи.

София закинула голову назад и, учащенно задышав, приоткрыла рот. Кожа превратилась в раскаленный клубок нервов, поработанных первобытной силой плотского желания, которое подкрадывалось к каждой клеточке ее тела. Нарастающее электрическими волнами возбуждение разгоралось внутри нее огненным шаром в геометрической прогрессии. Низ живота скрутило сладкой болью, пронзившей тело до основания.

Его пальцы, коснувшись линии позвоночника, метнулись к плечам, легко надавливая и поглаживая, устремились к шее, прощупывая чувствительность, и застыли на нижней губе, нежно ее теребя.

Ей не хватало воздуха, ее ладонь стиснула его руку, вынуждая Князя остановиться. Или же продолжить сладкую муку?.. Через силу, едва разомкнув пересохшие губы, София проговорила:

— Так... почему ты так считаешь?..

Губы Штефана изогнулись, он грубо сжал ее затылок и притянул к себе.

— Потому что ты просишь его сделать это, — прошептал он саркастически в ее приоткрытые губы. — Нет?

София тяжело задышала, ощущая прилив первобытного возбуждения и непривычного страха перед этим опасным мужчиной.

Он, действительно, был опасен, она это знала. Это знали все в их мире. Да и за гранью он завоевал славу жесткого и беспринципного предпринимателя, перед которым пасовали очень многие. Его имя вызывало дикий ужас и всеобщий трепет, и лишь неосведомленный не боялся упоминания о нем. И она — боялась.

— От тебя ничего не скроешь, — тихо проговорила София, наклоняясь к нему все ниже. — Ничего...

Горячий спертый воздух возбуждения ударил ей в нос, провоцируя и сводя с ума. София протестующе застонала, когда его губы, остановившись в сантиметре от ее рта, решительно увернулись.

Штефан мягко, очень тихо рассмеялся, если это можно было назвать смехом, приподнимая уголки губ.

Князь Четвертого клана редко улыбался, если вообще когда-либо делал это.

— Что еще он тебе рассказал? — коснувшись языком ее подбородка, прошептал мужчина, чертя влажные круги на ее подбородке и поднимаясь выше.

— Н-ничего, — запинаясь, проговорила девушка, сильнее сжимая ладонями его руки, и чувствуя, как ногти впиваются в кожу.

— Ничего? — его влажный язык скользнул вдоль манящей сладости ее губ. — Ты уверена?

София застонала и подалась навстречу дурманящей волне желания, накрывшей ее с головой.

— Исаак хочет оспорить решение Совета и завещание Бернарда?.. — прошептала она на выдохе и закрыла глаза, ожидая поцелуя. — Это правда?

Если Штефан и напрягся, то не подал вида.

— Действительно? — она ощутила его усмешку кожей, брови Князя взметнулись вверх. — Но это не новость для меня. Сколько лет он уже хочет сделать это? С тех самых пор, как умер Бернард, кажется...

София наклонилась к нему, всем телом налегая на широкую грудь и предвкушая сладостный поцелуй.

— Я уверена, что у него не получится заполучить власть... Но ему этого очень хотелось бы.

— Ха, не сомневаюсь! — злобно хохотнул мужчина, резко отстранившись от девушки и заглянув ей в глаза.

София скользнула губами вдоль его щеки, задевая висок, касаясь мочки уха. Обдавая горячим шепотом:

— Если бы ты женился и произвел на свет наследника, подобной проблемы не возникло бы...

Штефан мгновенно застыл, помрачнел, глаза его сузились.

— Ты ошибаешься, — заявил он жестко. — Тот, кто хочет власти и стремится заполучить ее, не остановится ни перед чем, тем более его не остановит моя жена.

— Значит, тебе нужна жена, которая имеет голос в Совете, — настойчиво сказала девушка.

— К сожалению, Кассандра дала обет безбрачия, — сухо отрапортовал Штефан, отстраняясь от Софии.

— Или та, чьи родственники имеют этот голос, — добавила девушка, прижимаясь к Штефану плотнее.

Князь посмотрел на нее изумленно, а затем расплылся в улыбке. Слишком прозрачный намек.

— Кого ты имеешь в виду, София? — насмешливо спросил он, отлично зная ответ.

— Себя, — с вызовом заглянула ему в глаза. И совершенно ничего в них не увидела. Холодность, пустота, равнодушие. — Я могла бы составить тебе прекрасную партию, и ты это знаешь.

— Я не могу жениться на тебе, — сказал он резко, — и ты это знаешь.

— Но почему?! — выпрямившись на его коленях, воскликнула девушка.

— Потому что я один, — жестко выдавил князь, блеснув чернотой демонских глаз. — Я всегда один.

— Ты мог бы...

Она так и не успела договорить, в дверь легко постучали, вызывая в аристократке волну яростного гнева и острого разочарования. Черт побери этих визитеров!

Штефан, жестом велев Софии отойти, устало разрешил постучавшему войти.

София, поморщившись и недовольно скривив губы, с тягучей медлительностью отползла от Князя, нарочно задевая его тело своим, словно сползая по нему вниз. Так же нарочито медленно выпрямилась, вскинула подбородок и, покачивая бедрами, отошла. Она знала, что он возбужден, и намеренно вызывала в нем страсть и ответное желание.

— Ты еще вернешь мне этот долг, — коротко и жестко бросил Князь, пронзая девушку горячим взглядом.

Легко усмехнувшись, она повернулась к нему, вздернув брови, усмехнулась и присела на край кресла.

Через мгновение дрогнули двустворчатые двери, и в зал приемов, поклонившись, вошел его Ищейка.

Штефан нахмурился, удивившись.

— Максимус? — серо-голубые глаза превратились в льдинки.

— Мой господин, — подойдя ближе, проговорил мужчина в черном плаще, — я нашел для вас рабыню. Мне показалось, вы будете довольны.

Брови Князя поползли вверх, губы жестко скривились.

— Что мне нужно об этом знать? — равнодушно осведомился он.

-. У нее длинные волосы, черные, как вороново крыло, и глаза цвета зеленой листвы...

— Избавь меня от подробностей подобного рода, — резко перебил его властелин. — Веди ее сюда.

— Да, мой господин, — покорно сказал Ищейка и, откланявшись, вышел из зала.

София, сверкая глазами, уставилась на Штефана с едва сдерживаемой злостью.

— Еще одна?! — сквозь зубы процедила она, поджав губы. — Тебе мало рабынь?

Лицо Князя помрачнело. Приподнявшись с кресла, он сделал несколько тигриных шагов по залу.

— Их никогда не бывает много, — задумчиво, но жестко заявил он. — И к тому же, я полностью доверяю выбору Максимуса, он не предоставит мне испорченный товар, — сощурился. — Значит, что-то в ней есть.

— Твоей жене не понравится, что ты...

— Во-первых, — грубо перебил ее мужчина, остановившись и заложив руки за спину, — у меня нет жены! А, во-вторых, — он пронзил девушку раздражением, и та вздрогнула, — если она и появится, то не в силах будет запретить мне делать то, что я делал всегда, — его слова били сильнее кнута, и София, поджав губы, не смела произнести ни слова. — Это она станет Княгиней Кэйвано, второй после меня, а не наоборот.

София хотела осмелиться и все же сказать, что возражает против подобного обращения, но посчитала за лучшее не распускать язык. За свои слова она могла и поплатиться. В самое ближайшее время.

Легкий стук в дверь вновь потревожил стены зала приемов, и Штефан, медленно продвигаясь вперед, разрешил Максимусу войти.

Дверь мгновенно распахнулась, и Ищейка, придерживая под локти невысокую девушку, смущенно потупившую взор, вошел внутрь, подталкивая незнакомку вперед. Она не двигалась с места, словно ноги ее приросли к полу, и Максимусу пришлось толкнуть ее так сильно, что она, не ожидая этого, споткнулась и едва не упала, чудом устояв на ногах.

— Вот она, мой господин, — сказал Ищейка, отступая вперед и предоставляя новую рабыню взору хозяина.

Штефан окинул ту беглым равнодушным взглядом и, подойдя ближе, продолжил осмотр, наклонив голову набок. Что в ней было такого... особенного? Он доверял выбору своего слуги, но сейчас решительно не понимал, что тот нашел в этой девчонке.

Хрупкая, как стекло, как фарфоровая статуэтка, бледная, почти прозрачная, сломленная и подавленная, какая-то разбитая. Ему никогда такие не нравились. Его даже передернуло от отвращения. Слабая.

Но волосы у нее были, действительно, прекрасными. Длинные, спускавшиеся по спине гладкой волной.

Подошел к ней, остановившись в полушаге. Коснулся волос, ощутив кожей их шелковистость. Втянул в себя воздух. Пряный аромат ванили обдал его потоком свежести и сладости. А вот глаза ее смотрят в пол. Дышит часто и тяжело, губы плотно сжаты, ноги дрожат. Одета в короткое хлопковое платье, на ногах сандалии. Кому-то принадлежала до него?.. Бросил взгляд на оголенное плечо. Метки не было.

— Посмотри на меня, — грубо приказал он ей.

Но она не подчинилась, по-прежнему глядя в пол и не двигаясь, казалось, даже не дыша.

— Посмотри. На меня! — повысив голос, жестко повторил он свой приказ.

Ресницы ее дрогнули, встрепенились, и она приподняла личико. Хорошенькое личико, недурное.

Огромные зеленые глаза стали шире. А через мгновение она, неслышно вскрикнув, отступила назад, тут же наткнувшись на могучую спину Ищейки, который и удержал ее на месте.

Штефан стиснул зубы, вмиг разозлившись подобной реакции на свою персону.

А она продолжала смотреть на него изумленно, ошарашенно, выпучив глаза, приоткрыв рот, побледнев.

— Как тебя зовут? — спросил Штефан, коснувшись ее лица кончиками пальцев, но она, взирая на него с изумлением и страхом, молчала. Не отстранилась, но тряслась, как в лихорадке.

Штефан, стиснув зубы, повторил свой вопрос.

— Каролла, — вместо девушки ответил Максимус. — Ее зовут Каролла.

Не глядя на Максимуса и окинув рабыню бесстрастным взглядом, Штефан презрительно скривился.

— Десять ударов, — бросил он, обращаясь к слуге, но прожигая глазами девушку. — Через двенадцать часов приведешь ко мне, — это уже Максимусу. — Посмотрим, на что она сгодится.

Дав знак Ищейке уйти и увести рабыню, Князь сузившимися глазами провожал их до самой двери.

— Интересная девица, — мнимо равнодушно проговорила София, подошедшая и застывшая позади него. — Но слишком простая. И к тому же слабая. Тебе не понравится, я уверена.

Не отводя взгляда от закрывшейся двери, Князь нахмурился.

— Посмотрим, — холодно бросил он. — Возможно, она сможет меня удивить.

И резко повернувшись, захватил Софию в свои объятья, крепко сжимая девушку в стальных тисках.

— Кто-то здесь кое-что мне должен, — жестко выдал он, увлекая девушку за собой. — И я намерен получить свой долг.

Глава 9. Из огня да в полымя

9 глава

Из огня да в полымя

Это невозможно. Разве нет? Разве так бывает?! Разве можно хотя бы подумать, хотя бы представить на миг, что все это... правда? Не ложь, не фантазия, не иллюзия моего воспаленного воображения и не сон, но — реальность!? Нет, нет и еще раз нет! Не может быть. Или все-таки может?.. Мои глаза не обманывали, и кожа горела так же сильно, как и в первую встречу. И этот взгляд, эти холодные, убивающие льдом глаза. И жесткая линия губ, сведенные к переносице брови... Могло ли такое мне привидеться? Дважды?!

Но насколько же нереальным всё казалось, настолько вымышленным, ложным, неправильным, что хотелось разорвать действительность в клочья, лишь бы доказать себе и всем остальным, что это ошибка. Чья-то очень недобрая, плохая шутка!

Но реальность ударила мне в лицо грубым и жестким приказом голубоглазого монстра, кажется, и не обратившего на меня внимания. Ему было плевать, кто перед ним. Он меня даже не узнал! Для него я была лишь той самой... новой работой, привезенной Князю для утех и забав. Я была по-прежнему так же не нужна, как прошлогодний снег.

Хотя... КАК он смотрел на меня! Боже, люди так не смотрят. Люди так не умеют смотреть! Горячий и одновременно леденящий душу взгляд, раздевающий и убивающий защитные инстинкты, острый, хотя и почти невесомый, едва касающийся кожи, но такой... Словно тысячи электрических разрядов вонзились в кровь, пронзая тело до основания. Сердце на миг, кажется, остановилось, я не слышала, как оно стучит. Или оно отчаянно надрывалось у меня в горле, так неистово и бешено, что, казалось, я не смогу произнести и слова, даже если захочу?..

А демон всё скользил по мне глазами. Равнодушно, неспешно, вяло и инертно. С презрением, с апатией, с легким равнодушием, застывшим на мрачном загорелом лице, и читавшейся в демонских глазах скукой. Истинный Князь. Тогда я поняла это совершенно отчетливо. Он — Князь, он — рожденный повелевать.

Когда он спросил, как мое имя, я вздрогнула. Я бы осмелилась сказать, если бы могла, но слова не шли с языка, ни одного, лишь поток бессвязных полустонов и всхлипов, так с моих губ и не сорвавшихся. Он повторил свой вопрос более жестко, откровенно раздражаясь из-за моего молчания. И тот мужчина, что привел меня к нему... Кажется, его звали Максимус, ответил за меня. А я продолжала молчать.

Я не просто дрожала, меня трясло, как в лихорадке, неистово, сильно, долго. Я ощущала дрожь во всем теле, даже в глубине сердца, и после того, как меня увели из зала приемов. А его приказ, жесткий, грубый, настолько пустой, равнодушный и циничный... Он звучал у меня в ушах даже в тот момент, когда кнут, касаясь моей обнаженной спины, раздирал меня болью и оскорблял унижением.

И я всё еще молилась, всё еще ждала чуда, всё еще надеялась, что вот сейчас, через мгновение, открою глаза и пойму, что всё, что происходило со мной в течение последнего месяца, было лишь сном, кошмаром.

Но новый удар кнута рождал в теле и сердце новую боль, кажется, еще более острую,

чем предыдущий, а потом... после седьмого удара я уже перестала что-либо ощущать или чувствовать, провалившись в немую пустоту и отрешенность от всего.

Как сквозь сон, я услышала голос Ищейки, приказывавший отнести меня в комнату, а потом... ничего. Абсолютное ничто. Темнота, полумрак, разрывающийся калейдоскопическими картинками прошлого.

— Смотри, какая красавица!.. Наша крошка!

Это мама. Я не могу знать наверняка, я не помню ее голоса, но уверена, — это она.

Только у нее может быть такой нежный, такой родной, такой близкий голос. Это она. Ма-ам-а-а!..

— Ка-аро-оли-ина-а, — медлительно растягивая гласные, произносит она, обращаясь ко мне.

— У нее твои глаза, — с нежностью, заботой прорывается в сознание мужской голос.

Незнакомый, хриплый, но казавшийся таким же родным. И еще неизвестный доселе приятный аромат.

— И твои волосы, такие же черные, — усмехается. — Зачем мне второй дьяволенок?

— Я люблю тебя...

А потом вдруг:

— Хватай ее! Хватай! Ну же, держи!? — грубый детский шепот, срывающийся на раздраженный крик.

— А ну не брыкайся, тварь! А то все лицо тебе изрежу!..

— Держи ее за руки!.. Давай, режь! Чего стоишь?! — щелчок, резкий и неожиданный. Мой дикий крик.

— Она меня укусила!.. С*ка!

— Это тебе на память!.. — и боль обжигает лицо, словно прошлое, возвращенное назад.

А в эпицентре этого хаоса ОН. Демон, дьявол, сам Сатана, явившийся по мою душу и пронзавший огнем своих холодных голубых глаз, словно резавший ножами плоть.

— Посмотри на меня!.. Как тебя зовут?.. Десять ударов!.. — голос беспечен, жесток и холоден.

— Нет, нет... — шепот вырывается клочками боли из моей раскаленной груди.

— Ахахах... Ты — рабыня. Рабыня, рабыня... Рабыня!..

Мгновения спасительной пустоты и темноты, а потом вдруг озарение. Словно вспышка, искра, взрыв.

И понимаю, что сумасшествие завладело мной окончательно. Я попала в его власть.

Это он! Тот самый незнакомец, который чуть больше месяца назад сбил меня на своей шикарной БМВ. Он, и сомнений быть уже не может. Не брат-близнец, не просто очень похожий на него незнакомец, но тот же самый мужчина. Князь! Князь этого мира... А я... Я — сошка, я раба, я пешка!..

Хозяин, повелитель, владыка, дворянин, наделенный свыше неведомой мне властью.

Как и говорила Мария... Так, как она мне и говорила! Князь этого мира может оказаться богачом из мира моего... Боже, Боже, вот и оказался!.. Оказался... Но как?.. Почему?.. Как такое может быть возможно? Как можно игнорировать законы той же физики? Это. Не может. Быть. Правдой!

Иллюзия, плод моего воображения, фантазия.

Или завуалированная под ложь истина? Чтобы никто никогда не смог ее распознать, раскрыть, увидеть!?

Другой мир. Иная реальность. Чужая жизнь. Где ты разом теряешь всё, что имеешь. Свободу, права, чувства, эмоции, даже сама жизнь уже тебе не принадлежит. И нет пути назад, нет возможности вернуться в прошлое... В то прошлое, где параллельный мир казался лишь сказкой, легендой, нелепостью, чьей-то выдумкой... Потому что пути к отступлению перекрыты. Тот, кто перешел грань, уже не вернется назад.

Меня разбудило грубое прикосновение тяжелой мужской руки к моему плечу.

— Вставай!

Сознание не желало реагировать на грубые толчки в спину и едкие слова.

— Ну же, давай! — послышалось над моей головой вновь. — Хозяин не любит ждать.

Я приоткрыла глаза, опустошенно глядя вверх перед собой, где, нависнув надо мной, стоял Ищейка. Он был очень высок и широк в плечах. Одет просто, в черную футболку и синие, немного порванные джинсы. Лицо красивое, с правильными чертами, прямым носом, если бы его не омрачала жесткость острого взгляда и упрямая линия губ, волевой подбородок и сведенные к переносице брови.

Хмурый и мрачный тип. Еще один тюремщик. Еще один... убийца меня!

— Уже двенадцать часов прошло, — сказал Максимус, подталкивая меня. — Князь требует тебя к себе.

Я приподнялась на постели, чувствуя, как горит спина и дрожат руки, и, глядя на свои ладони, вдруг тяжело вздохнула. Не поднимая на мужчину глаза, тихо, едва разлепив сухие губы, смогла выдавить:

— Князь?..

— Штефан Кэйвано, — коротко бросил Максимус. — Твой господин.

Мой господин. Как смешно это звучит. Как нелепо. Как уничтожающе и искренне... С ума сойти!

— У меня нет господина, — могу лишь выдавить я из себя, с силой выговаривая слова. Болят и губы тоже.

— Теперь есть, — грубо хватая меня за руки, приподнимая с жесткого матраса. — Пошли!

И я на шатающихся ногах иду за ним, ни о чем не спрашивая. Болит все тело, но боль уже привычная, не чужая, а оттого не такая неожиданная. В доме Михаэля меня били пусть и не так жестко, но все же били, и силу этой боли я уже успела испытать.

— Когда Князь заговорит с тобой, отвечай на все его вопросы, — заявил Максиму, подводя меня к высокой двери. — Не думаю, что тебе стоит быть своевольной и упрямой с ним, он этого не терпит, — открывая дверь, он резко повернулся ко мне и впился в меня взглядом, прожигая им. — И не вздумай сама задавать вопросы!

У меня хватило сил лишь на то, чтобы кивнуть, и, когда Максимус, открыв дверь, впустил меня внутрь помещения, которое оказалось библиотекой, неспешно, едва передвигая ноги, я сделала шаг вперед.

Дверь позади меня, тихо и зловеще скрипнув, захлопнулась.

И я осталась наедине с моим персональным демоном.

Он сидел в высоком кресле за письменным столом в самом углу и, затягиваясь сигаретой, казалось, не смотрел на меня, поглощенный своими размышлениями. Волевой, статный, равнодушный, бесчувственный негодяй! Красивый, как Бог, и безжалостный, как сам дьявол.

Я исподлобья наблюдала за ним, вжимая плечи и стискивая подол платья дрожащими

потными руками.

Сердце билось, как сумасшедшее, разъедавая своим биением мои напряженные нервы. В висках стучало и шумело, а в горле вырос острый ком невысказанных вопросов, которые мне нельзя было задавать.

Демон молчал, уставившись в потолок и словно не обращая на меня внимания. Но я чувствовала, что его равнодушный вид напускной, лживый, всего лишь фальшивка. Он следит за мной, выжидает, наблюдает. Как я смотрю на него, так и он присматривается ко мне. Будто ищет мои слабые стороны, прощупывает их, ждет. Когда я ошибусь.

Но я молчала. Это молчание сводило с ума, словно разрывая на части меня и мое сердце. Руки тряслись, я сильнее сжала их в кулаки, сглотнула комок боли, застрявший в горле, и уставилась в пол.

— Подойди.

Этот голос вынудил меня вздрогнуть, задрожать вновь. Не грубый, но жесткий приказ.

На ватных ногах я двинулась к мужчине и, остановившись в паре шагов от него, подняла на него глаза.

Затягиваясь сигаретой, выпуская изо рта колечки серого дыма, смотрит на меня в упор, прищурившись и иронично скривившись. Словно играет со мной, как тигр играет с пойманной добычей, желая посмотреть на то, как она будет мучиться в его звериных объятьях, ставших бы для него последними.

— Ты Каролла? — медленно протянул Князь, откинув голову и наблюдая за мной с интересом во взгляде.

— Да, меня зовут Каролла, — и как только мне удалось заставить голос не дрожать?!

— Хм, — усмехнувшись, выдал он и, окинув меня беглым насмешливым взглядом, издеваясь, заявил: — Здесь тебя будут звать... ммм... Кара. Здесь это означает «бесправная», — пояснил он, хмыкнув. — Откуда ты?

— Из Праги, — сухо пробормотала я, стискивая зубы. Словно бы ты не знаешь!

— Сколько тебе лет? — продолжал мучитель.

— Двадцать четыре.

Его брови подскочили вверх, хотя глаза не выдали удивления, оставаясь такими же ледяными.

— Откуда этот шрам? — спросил он, равнодушно наклонив голову.

Я стиснула зубы, не желая отвечать.

— Ты меня не слышала? — от его тяжелого голоса меня бросило в дрожь. — Я не повторяю дважды.

— Подарок из прошлого, — глухо проронила я, опустив голову ниже. Спрятаться от него, от всего, что меня теперь окружает. Забыться, заснуть и... никогда, никогда не знать всего того, чем стала свидетельницей!

Мой мучитель промолчал, продолжая меня осматривать. Я не видела его взгляда, но чувствовала его пылающей кожей.

— Кто был твоим прежним хозяином? — спросил он наконец.

Я подобралась, слушая, как грохочет в груди сердце.

— Михаэль... Я не знаю его фамилии, — запнувшись, выдавила я.

— А кто я такой, знаешь? — сощурившись, спросил он и уставился на меня.

Нет. Я знаю лишь, что ты демон, что ты дьявол! И что ты не помнишь, совсем не помнишь меня!..

— Только то, что вы... Князь и...

— Стоп! — резко перебил он меня, пронзая меня острым взглядом. — На этом и остановимся. Ничего более тебе знать и не нужно, — голос вдруг изменился, став жестким. — Я Князь, я повелитель, я — твой господин, — он дошел до зловещего шепота, уничтожая меня холодом глаз. — Любое мое желание является законом для тебя. Ясно? — я промолчала, и он прикрикнул: — Ясно?!

— Да! — резко вскинув голову и оказавшись под обстрелом презрения, плескавшегося в его зрачках, я вновь потупилась и тихо повторила: — Да, ясно.

— Как долго ты жила у Михаэля? — спросил он, отбрасывая сигарету в сторону.

— Почти месяц.

— А до него?

Я гордо вздернула подбородок, глядя сквозь него, будто боясь встретиться с ним взглядом.

— Я была свободной, — заявила я, поджав губы. И получу свою свободу назад, чего бы мне это не стоило!

Ему не понравился тон моего голоса, губы его сжались, брови дернулись, сойдясь на переносице. Встав с кресла, он резко навис над столом, вглядываясь в мое бледное лицо.

— Ключевое слово здесь «была»! — резко выдохнул он. — Больше ты не свободна. Ты рабыня. Моя.

Почему-то именно это последнее слово — моя, подействовало на меня возбуждающе. Огонь раскаленной лавой промчался вверх, проникая в кровь, желудок скрутило узлом, а ладони вспотели сильнее.

— Он успел поставить на тебе свою метку? — жестко спросил Князь.

— Метку?.. — я отшатнулась.

— По всей видимости, нет, — сухо откомментировал мужчина и стремительно двинулся ко мне.

Я не успела ни вздохнуть, ни тем более, возразить, а он резко схватил меня за руку, повернув на сто восемьдесят градусов застывшее, будто одеревеневшее тело, и дернул платье вниз, обнажая плечи и спину. Я едва слышно вскрикнула, дернулась, подавшись вперед, пытаюсь высвободиться из его захвата, но Князь удержал меня на месте, грубо стиснув кожу пальцами.

Еще мгновение, и я ощутила прикосновение его горячих пальцев к своей коже. Погладил, грубо, жестко, но не причиняя боли, наклонился к моему уху и, обдавая холодным шепотом, произнес:

— Ты только моя, Кара, — язвительно хмыкнул, отстраняясь. — Никаких меток.

Я молчала, трясущимися руками поправляя платье, обнажившее тело.

— Но скоро появится, — добавил он, отойдя от меня и вновь схватив сигарету, затаился.

Я дрожала, словно в лихорадке, охваченная огнем и арктическим холодом одновременно. Какое предательское противоречивое чувство! Ноги подкашивались.

Я осмелилась повернуться к мужчине лицом и дрожащими губами произнести:

— Что со мной теперь будет?..

Он окинул меня быстрым колким взглядом. Усмехнулся, скривившись, но глаза оставались пустыми.

— Что будет? Хм... — его взгляд, клеймя и обнажая, пробежался по моей фигурке.

Я сцепила руки на груди в стремлении крепче запахнуть съехавшее набок платье, чувствуя собственную незащищенность. А мой личный монстр насмешливо выговорил:

— Для постели ты не годишься, не люблю слабовольных брюнеток, — он выпустил изо рта колечко сизого дыма, окинув меня презрительно-насмешливым взглядом. — Но я могу передумать, — сказал мужчина, сощурившись. — Если ты удивишь меня.

Ни за что! Я сглотнула и невольно отступила.

— Максимус проводит тебя к Лейле, она всё объяснит, — коротко бросил Князь, подходя к окну. — Если я не позову тебя, не смей попадаться мне или моим гостям на глаза. В противном случае будешь наказана, — грубо продолжал он. — Никаких попыток побега, тебе не понравятся последствия. Никому не рассказывай о том, что было в прошлом, забудь его, потому что прошлого у тебя теперь нет. Твое имя теперь Кара, на него и откликайся. Если ослушаешься, наказание не заставит себя ждать, — повернувшись ко мне спиной, он даже не делал попытки проверить, слушаю ли я его. Знал, что слушаю. — Отныне ты моя рабыня, одна из множества тех, кто мне подчиняется и служит, если не будешь делать, что приказано, то надолго здесь не удержишься. Я отправлю тебя в Колонию, — резко повернулся ко мне, лишь для того, что окинуть брезгливым взглядом. — Такую, как ты, там сломают в два счета. Если я позову тебя к себе, ты придешь и исполнишь всё, что я прикажу. Ясно? — я молчала, замороженная звуком его спокойного зловещего шепота. Так отдают приказания своим рабам и слугам истинные хозяева. — Ясно, я тебя спрашиваю?! — рявкнул он.

— Да, ясно... — выдавила я из себя. Неужели он, действительно, меня не помнит!?

— Тогда можешь идти, — бросил он, отвернувшись к окну. — Максимус тебя проводит.

Я сделала вперед лишь один шаг и остановилась. Сердце билось в груди сильно и резво, я знала, что не стоит спрашивать, не нужно, это обернется трагедией для меня, но не могла уйти просто так.

— А вы не помните меня? — осмелилась я. — Совсем не помните?

— А я должен помнить? — равнодушно осведомился он. — Я не обращаю внимания на всякий сброд.

И все остальные вопросы застыли на моих губах, так и не произнесенные. Грудь давило, жгло, опаляло. Нещадно, неистово, жестоко. Обида захлестнула глаза, ярость блеснула в глазах, лицо покраснело, щеки вспыхнули. Меня трясло и колотило от ненависти и презрения к этому человеку.

— Иди, — грубо толкнулся в меня словами Князь. — Ты мне больше не нужна.

Я двинулась к двери, не бросив на мужчину больше ни взгляда.

— Видимо, только я обращаю внимание на всякий сброд, раз вас запомнила, — подумала я, не осознавая, что эти слова невольно сорвались с моего языка.

И великий Князь Четвертого клана их услышал. Услышал, но промолчал, ядовито ухмыльнувшись.

Глава 10. Добро пожаловать за грань!

10 глава

Добро пожаловать за грань!

Максимус подхватил меня под руки, едва я вышла из комнаты. Мои ноги так тряслись, что я была ему даже благодарна за то, что его крепкие руки смогли удержать меня от падения. Я вздрогнула, подняв на него озадаченные глаза с читавшимся внутри вопросом. Но мужчина, бросив на меня короткий взгляд, сильнее сжал мой локоть, не давай и мгновения на то, чтобы прийти в себя.

— Пошли, — равнодушно сказал он, и в его голосе звучала сталь. — Князь приказал проводить тебе к Лейле.

А мне разрешалось?.. мне было позволено сделать хотя бы что-то иначе, чем мне сказали? Но я не задала этот вопрос вслух, всё ещё покоробленная и ошеломленная минувшим разговором с человеком, который... даже меня не узнал!

Я повиновалась приказу, отданному Максимусом по воле Князя, до сих пор ощущая, как стучит в груди сердце. Я боялась поверить тому, что со мной произошло. И даже не сама встреча с Кэйвано, его грубость и жесткость потрясли меня, а то, что я осмелилась сделать... сказать ему. Случайно, невольно сорвавшиеся с моего языка слова. Роковые слова, дерзкие, непростительная грубость, проявленная к человеку, который теперь являлся центром моего мироздания и хранителем моей судьбы, державший в своих княжеских руках мою жизнь. Будто на тончайшем волоске, который мог в мгновение ока перерезать по своему желанию.

Этого нельзя было говорить! Только не ему. Я сомневалась, что человек, подобный этому мужчине, может закрыть глаза на эти сказанные в порыве злобы, обиды и отчаяния слова. Пропустить их мимо ушей, забыть, проигнорировать? Только не он. Князь, король, лорд не потерпит неподчинения.

И ощущение скорой расправы за своеволие и дерзость терзало меня подобно еще одному десятку ударов кнутом. По обнаженной коже, сгоряча, сокрушительно, как электрический заряд по нервам.

Но, если подумать, жалела ли я о том, что сказала? Ничуть. Осознание непростительности сказанного ошеломило меня, поразило, удушливой волной заволокло легкие, но всё же... я не жалела. Меня оскорбили, растоптали, сравнив с ничем, с грязью под ногами, унизили и попытались указать на то место, которое я, по их мнению, теперь должна была занимать. Но это было не мое место. Не мое по праву рождения. Я родилась свободной, я боролась за эту свободу всю жизнь не для того, чтобы просто так отдать ее в лапы хищника и негодяя, захватившего мир по воле случая. Никогда!

Борьба будет продолжаться. До тех пор, пока я не решу, что пора ее заканчивать.

В детском доме я научилась многому, но главным учителем для меня стала сама жизнь. Я прекрасно и не понаслышке знала, что такое борьба за выживание. Главный закон, который я усвоила, как дважды два — умей бороться, если не хочешь быть избитой. И мой шрам на щеке явное тому свидетельство. Моя первая ошибка в этой борьбе с жизнью за саму жизнь. Лишь однажды я не смогла постоять за себя, и была жестоко наказана за это. И это не своеволие или гнусное высокомерие, на которое мне пытались указывать, это лишь

стремление доказать, что я имею право жить так, как хочу. И никто никогда не станет хозяином моей жизни, в которой лишь я сама являюсь полноправной хозяйкой всего.

Даже он. Особенно — он. Холодный, бесчувственный мерзавец. Князь? Король? Лорд?! Не для меня.

Богач-предприниматель, известный по всей стране и за ее пределами, делец, который прячет за маской равнодушной отстраненности, холодного цинизма и акульей жестокости свою истинную параллельную суть. Рабовладелец, изверг, зверь... Хозяин!? Ненавижу!.. Мне нужно ненавидеть его...

Но почему же так отчаянно тряслись руки в его присутствии? Почему дрожало сердце, словно зажатое в тиски? Почему жар опалял легкие, мешая дышать? И почему... откуда такая реакция на его касание, легкое, почти невесомое, не нежное совсем, а грубое, жесткое... Но откуда же эта сладость во всем теле?!

Я помнила... я, казалось, до сих пор чувствовала собственную дрожь, эту горькую болезненную сладость и силу его магнетизма. Дыхание сорвалось, а грудь сдавило при одном лишь воспоминании того, как он касался моего плеча, что-то проверяя, пронзая и так горящую кожу огнем своего не менее горячего взгляда. Казалось, откуда у этого холодного, как лед, жесткого, как сталь, мужчины такой обжигающий взгляд? Но я чувствовала его. Он жег именно огнем. А потом... это прикосновение. Меня передернуло, дрожь промчалась вдоль позвоночника, оставляя вместо меня лишь пепел, сожженный осадок. Сердце рвалось из груди, и я молилась, чтобы он отошел. Но его шепот... почти лишил меня чувств. Какого черта?!

Стиснув зубы, до крови прикусив нижнюю губу, и сжав руки в кулаки, я приказала себе не думать о нем. И хотя его таинственность и притягательность сводили с ума даже на расстоянии, сметая все условности, границы времени и пространства и саму реальность, я остужала свой пыл, напоминая себе, кто он такой.

Тиран и рабовладелец. Враг.

Следуя за Ищейкой, я позволила себе осмотреть его со спины. Высокий, широкоплечий, светловолосый молчун. Смуглая кожа лица, горящие глаза и плотно сжатые губы придавали ему мрачный, угрожающий вид. Он мало говорил, но, по всей видимости, много делал, он был решителен и уверен в себе.

Интересно, он тоже раб? Что за чушь?! Разве такой мужчина, как он, может быть рабом?!

Бросив на Максимуса быстрый взгляд, я тут же отвела глаза.

Спросить его об этом я не решилась, да и сомневалась, что получу ответ на свой вопрос. Вряд ли его можно было назвать человеком, который охотно отвечает на расспросы. О себе — особенно. Поэтому я решила зайти с другой стороны.

— Кто такая Лейла? — осмелилась спросить я, едва успевая передвигать ноги.

— Лейла заведует хозяйством, — неохотно, после долгого молчания пояснил Ищейка таким тоном, словно каждое слово давалось ему с трудом. — Она тебе всё расскажет.

— О чем?

Он резко застыл, и я врезалась в широкую спину, налетев на него сзади. Тут же отшатнулась. Его глаза, глаза зверя, полосонули меня ядом, а губы растянулись в оскале.

— О том, что тебе не стоит задавать так много лишних вопросов, — коротко бросил он. — Пошли.

И мы пошли. Я больше не осмелилась о чем-либо его спрашивать, да и не требовалось

этого. Не стоило усугублять положение, и так уже маячившее на отметке «минус сто».

Он привел меня в другое крыло замка Князя и, остановившись около двустворчатых дверей, велел войти внутрь комнаты. Я сглотнула, нерешительно двинувшись вперед.

— Оставляю тебя на поруки Лейлы, — как-то зло ухмыльнувшись, сказал Ищейка. — Не желаю удачи, ибо она тебе не светит. Никогда больше, — и с этими словами, открыв дверь, толкнул меня в спину.

Я устояла на ногах и, обернувшись на закрывшуюся тут же за мною дверь, огляделась.

Это была небольшая, довольно просторная комната, полупустая, не заставленная излишней мебелью, с широким окном, завешенным темно-синими гардинами.

— Ты новенькая?

Услышав негромкий женский голос, я вздрогнула, озираясь по сторонам в поисках незнакомки.

— Как тебя зовут? — вновь спросил голос, и невысокая статная фигурка выплыла из полутьмы комнаты, выйдя на свет и остановившись в паре шагов от меня.

— Каролла, — выдохнула я, с интересом разглядывая женщину.

Ей было около сорока на вид, одета в темно-бордовое платье ниже колен. Правильные черты лица, узкие губы с полноватой верхней губой, раскосые глаза, сверкающие синим пламенем, бледное лицо, очерченные скулы и немного квадратный подбородок. Красивая, статная, даже горделивая...

— Меня зовут Лейла, — сказала женщина, наклоня голову набок и, словно в ответ, рассматривая меня. — Но ты, наверное, знаешь это, — я кивнула она, а она подошла ближе.

Слегка приподняв подбородок, взирала на меня, сощутив глаза.

— А что ты знаешь о том, куда попала, Каролла? — спросила она меня.

— Почти ничего, — призналась я тихо.

— Так я и думала, — кивнула женщина, подходя ближе. — Мне велено рассказать тебе всё. А потом придет Вально́ и сделает тебе метку. В доме Кэйвано никто из рабов не ходит без метки, это неписаный закон, — она коснулась моих собранных на затылке черных волос, поправляя выбившиеся пряди, осмотрела лицо, поворачивая его к себе, нахмурилась, увидев шрам, заглянула в глаза. — Откуда он?

— С детства, — вмиг охрипшим голосом проговорила я, отчего-то вдруг смутившись. — А что за метка?

Вздернув брови и словно удивившись, Лейла ответила:

— Метка принадлежности. Роду Кэйвано в данном случае, — скривилась. — Она остается с рабом навсегда.

— А если меня продадут? — хрипло поинтересовалась я.

— Это вряд ли. Кэйвано никогда не продают своих рабов, — холодно отрезала она. — Никогда. Их ждет или смерть, или Колония. Иного не дано.

Я содрогнулась. Или смерть, или Колония. Перспективы не самые радужные, прямо скажем...

— Я не знаю, куда попала, — тихо проговорила я, словно желая выговориться. — Не понимаю, почему я...

— Когда ты перешла через грань, то всё изменилось для тебя...

— Что это за грань? — нетерпеливо перебила я.

— Грань, черта, граница, — перечислила женщина, — это переходная зона. Она напоминает туман, сизую дымку бирюзового цвета, отделяющую твой мир от нашего. И

переступив ее, уже не возвращаются назад. Каждый, кто шагнет сюда, становится меченым, — заглянув мне в глаза, она добавила: — И ты тоже. Если вдруг убежишь, тебя найдут. На той стороне у Князей везде есть свои люди. Наивно полагать, что сможешь от них скрыться, это невозможно в принципе.

Да уж, перспективы весьма не радужные.

— Что это за Князья? — спросила я, склонив голову. — Он... тоже к ним принадлежит?

— Он? — вздернув брови, иронично переспросила Лейла. — Кто — он?

— Он... Кэйвано, — прошептала я, будто боясь произносить его имя вслух.

— Твой господин? — он не господин мне! — Он Князь Четвертого клана, один из самых могущественных Князей мира. А всего их семь. Нами правит Совет семи Князей.

Всего семь человек? Семь безумцев, которые решили, что могут управлять целым миром?!

— Эта власть, — сказала Лейла, словно угадав ход моих мыслей, — дана им по праву рождения. И никто не в силах изменить устоявшийся за века, тысячелетия порядок вещей, — голос ее сошел на злобный шепот. — И уж тем более этого не сделать обычной рабыне, — это была грубая шпилька в мой адрес, но я пропустила ее мимо ушей. — Так зародилось, что вы подчиняетесь нам. Почему кто-то рождается королем, кто-то нищим, а кому-то уготована лишь роль раба? Ты можешь это объяснить?

— Я родилась свободной, — попыталась возразить я.

— Но, перейдя грань, стала рабыней!

— Я не сама перешла эту вашу грань, — резче, чем рассчитывала, воскликнула я. — Меня похитили...

— Это не имеет значения, — коротко бросила Лейла, словно не обращая внимания на всплески негодования с моей стороны. — Теперь ты здесь и обязана подчиняться нашим законам.

— А если не подчинюсь?..

— Господин сошлет тебя в Колонию, — жестко кинула она. — И не советую тебе добиваться этого. Ты там не выживешь! — схватив меня за локоть, она велела следовать за ней. — Пошли, я дам тебе платье. Наденешь его, а потом я скажу, чем ты займешься, — заглянула мне в глаза. — Всё поняла?

Мне оставалось лишь кивнуть. Наверное, именно этого сейчас от меня ожидают.

— Следуй за мной, — коротко бросила женщина и двинулась в сторону.

Лейла провела меня через тайный проход в стене, ведущий в смежную комнату, и, остановившись у высокого шкафа, достала с верхней полки какой-то сверток. Отдав его мне в руки, отошла.

— Я уточню твои обязанности, — сказала она. — Оставайся здесь, — и стремительно двинулась к выходу.

Я долго завороченно смотрела ей вслед, а потом перевела взгляд на сверток, который она мне дала. В нем оказалось платье. Обычное, серое, довольно-таки длинное, с коротким рукавом и высоким горлом.

Не успела я переодеться, как дверь в комнату распахнулась, и на пороге появилась домоправительница. Отчего-то мрачная, сверкающая глазами. Поджав губы, она подошла ко мне.

— Вижу, ты оделась, — окинув меня беглым взглядом, прокомментировала она. — Почему ты солгала мне о своем имени? — поджав губы, спросила она и, не дождавшись

ответа, продолжила: — Князь приказал тебе убраться в Южном крыле к приезду гостей, — глядя мне в глаза, заявила она.

— Гостей? — застыв, промолвила я.

— Осенью всегда проводится Совет Князей, — пояснила Лейла. — В этом году королей принимает наш лорд.

И почему же грудь так дрожит? Почему бьется пульс, разрывая вены?

— И когда состоится этот Совет? — сглотнув, проговорила я.

— Через две недели. Ты как раз должна будешь закончить уборку, — равнодушно отозвалась Лейла.

— Я буду работать одна? — удивилась я. — Но...

— Более того, — перебила меня Лейла, поджав губы, — Князь приказал тебе каждый день приходить к нему, чтобы докладывать о проделанной работе, — глаза мои расширились, а Лейла сухо добавила: — Голой.

Сердце задрожало, а желудок скрутило судорогой. Нет, я, наверное, ослышалась...

— Что-о?! — ошарашенно воскликнула я.

— Наверное, ты его чем-то... огорчила, — заявила женщина, — или уязвила. Он не прощает ошибок, острот и дерзостей, — я покраснела, вспомнив о своих опрометчиво брошенных словах. — Думаю, он так наказывает тебя. Радуйся, что не отдает тебя на предпочтение слугам.

— Я не буду этого делать! — отрицательно покачала я головой и стала пятиться. — Не стану!..

— Чего не будешь? — мрачняя, осведомилась женщина, кинувшись ко мне.

— Я не приду к нему голой... — дрожащими губами зашептала я. — Нет...

— Мне кажется, что спорить здесь бессмысленно, Кара...

— Меня зовут Каролла! — выкрикнула я, стараясь хотя бы в этом отстоять свое мнение.

— Нет, тебя зовут Кара. Привыкай и к этому тоже, — отрезала Лейла совершенно равнодушно. — Иди за мной.

И я пошла, машинально передвигая ноги, дрожа всем телом, хрипя сердцем. А в голове стучало: нет, не пойду. Не стану. Не буду! Никогда!..

Только слова здесь не имели веса. Не мои слова. Они не значили здесь ровным счетом ничего, ни тогда, когда впервые попала к Кэйвано в дом, ни после, когда я стала что-то из себя здесь представлять. Мне ясно дали понять, причем не единожды, что я лишь выполняю приказы, не более того. Именно об этом меня и пыталась предупредить Лейла, о том, что со мной не будут считаться, моего мнения не станут спрашивать, никто не поинтересуется о моем самочувствии, никого не будет волновать, что я думаю, о чем размышляю.

Моя жизнь находится теперь в руках человека, которому плевать, что со мной станет. Которому плевать и на меня саму. И будто в подтверждение моих мыслей, экономка обернулась ко мне.

— Лорд почти не интересуется рабынями, — коротко бросила Лейла.

Она, как я полагала, направлялась в Южное крыло, где мне предстояло работать, и следила, чтобы я шла за ней. Удостоверившись, что я никуда не свернула, она продолжила:

— В его власти находится около тысячи рабов, больше только у лорда Лестера, но он Первый Князь, так и должно быть, а наш господин не знает и не считает нужным знать своих рабов в лицо, — Лейла вздернула вверх подбородок, посмотрев на меня сверху вниз. — Есть, правда, несколько девушек, которые находятся на... особом почете. Их он знает в лицо, так

сказать, лично, — женщина скривилась, а я фыркнула, прикусив щеку изнутри, чтобы сдержать полустон. — Остальные же являются «невидимками».

Ясно, какого «почета» удостоены те... особенные. Согревать постель Князя по ночам, надо полагать?!

Но почему меня передернуло от одной лишь мысли об этом? Не оттого ли, что я на краткий миг, всего на сотую долю секунды представила себе, что... на месте одной из таких «наложниц» могу оказаться и я!?

Сердце пропустило удар, затем еще один, я покраснела.

— Не питай иллюзий, Кара, — резко обернувшись, задышала женщина мне в лицо, почти прижав к стене, — очевидно, ты уже заслужила подобную милость, — я сглотнула, дрожь промчалась по телу многовольтной электрической волной, вынуждая сердце стучать очень громко. — Он запомнил тебя.

И так же резко отшатнувшись от меня, Лейла равнодушно бросила:

— Пошли, он велел начать тебе работать с сегодняшнего дня.

Озадаченная, я устояла ей в спину, не тронувшись с места. Горло загорелось острой болью, грудь сковали горькие путы бессилия и неуверенности, ноги задрожали, так что мне пришлось прислониться к стене, а ладони вспотели. Кровь так сильно стучала в висках, что почти разрывала их. Перед взором встала кровавая пелена, застилая глаза. Что значит — он запомнил меня!?

— Ты не права, — запинаясь, проговорила я в спину Лейле, и когда та обернулась, повторила: — Не права.

— В чем? — вскинула она брови, удивленная.

— Я... не удостоилась подобной милости, — выговорила я, едва разлепив губы. — Он сам мне сказал.

Лейла пожала плечами.

— Что ж, посмотрим, — коротко бросила она. — А теперь, пошли, работа не ждет. А у тебя ее много.

И я двинулась за ней, заставляя ноги передвигаться, потому что те отказывались мне подчиняться.

Что имела в виду эта женщина? Неужели думает иначе? Но он сам сказал... он так думает, он не может хотеть меня... не может. Такой, как он... Жестокий, беспринципный, волевой мужчина. Он ясно дал мне понять, что я не могу рассчитывать на его милость, на особую милость быть запомненной великим Князем. Словно бы я в ней нуждалась!

Но все же... неужели у Лейлы есть основания полагать, что это не так?!

Лейла остановилась так резко, так неожиданно, что я едва не врезалась в ее спину и отшатнулась.

— Это Южное крыло, — обвела руками огромное пространство коридора Лейла, — ты должна справиться за неделю. Не сделаешь этого, будешь наказана. Князь никогда не шутит подобными вещами. Начинаешь работать в семь утра, заканчиваешь в девять вечера. Я каждый день проверяю сделанную тобою работу, — посмотрела на меня, пронзив острым взглядом. — И не забывай о том, что указал господин. Отчитываться в сделанной работе лично ему. Обнаженной, — делая акцент на этом слове, сказала женщина. — Ясно?

Что же тут может быть непонятно? Чертов мерзавец решил уничтожить мою гордость!

Я дерзко вздернула подбородок, но промолчала.

— Завтракать, обедать и ужинать будешь на кухне, — продолжала Лейла, — кроме тех

случаев, когда тебе будет приказано услужить господину лично.

И почему же вновь это «лично» так подействовало на меня? Услужить?! И что значит, услужить!?

— Начнешь с этой комнаты, — подойдя к высоким дверям и отворив их, проговорила Лейла и повернулась ко мне лицом. — По всему помещью расставлены камеры, поэтому даже и не советую тебе пытаться сбежать или делать иные глупости, — с угрозой в голосе прошипела она, сцепив руки в замок. — Как я уже говорила, Князь не терпит подобного, — пропуская меня вглубь комнаты, сказала она. — Когда закончишь, я проверю твою работу. Тебе всё ясно, Кара?

— Каролла... — попыталась исправить я.

— Кара, — упрямо повторила женщина. — Не думаю, что стоит своевольничать в этом, оставь. Ты всё равно проиграешь, все рано или поздно проигрывают, — вздернув подбородок, заявила она. — Просто если сдашься раньше, не разочаруешься. А разочарование непременно ждет тебя, если ты будешь упрямиться.

— Но ведь ты... имеешь здесь какую-то власть? — неуверенно проговорила я. — Как ты этого добила?

Гордо вскинув подбородок, Лейла взглянула на меня вызывающе.

— Я — служанка, а не рабыня, Кара, — заявила она. — Здесь эти понятия не равнозначны. Ты скоро всё поймешь сама, со временем. Всё необходимое для работы найдешь в ящике, — она указала на небольшую деревянную коробку, стоящую в углу. — Убереешь всё за собой, когда закончишь.

— А как же?..

— Оставляю тебя, — давая мне понять, что разговор окончен, перебила она меня. — Приступай, — и вышла из комнаты, захлопнув за собой дверь.

А я, оглядевшись, принялась за работу. Часы тянулись так медленно, в голове мелькнула мысль, что этот день не закончится никогда. И вовсе не потому, что работа казалась мне тяжелой, совсем наоборот. Я была уверена, что справлюсь в срок. Но то, чем мне грозило окончание этого дня... заставляло сердце трястись в груди, биться, как безумное, не останавливаясь. Появление перед Кэйвано. Обнаженной! Я не была готова пойти на это. Никогда. И не пойду. Лучше наказание, лучше плети, лучше... всё, что угодно, но не это.

Поэтому, когда я предстала перед комнатой Князя, облаченная в свой простой рабочий наряд серого цвета, я была готова к любому наказанию за свое самоуправство и упрямство. И, когда мужской голос, разрешил мне войти, я думала, что от страха упаду в обморок. Ладони вспотели, и я сжала руки в кулаки, ноги неестественно задрожали, а в горле вырос огромный тугой комок.

Я неуверенно распахнула дверь и застыла около нее, не двигаясь. Князя в комнате не было. Но зато я услышала шум льющейся воды, раздававшийся из-за стены. И мое сердце помчалось вскачь, как безумное.

Но он был в хорошем расположении духа, наверное, именно поэтому наказание заслушание не было применено ко мне. Наш разговор не составил, к моему удивлению, и пяти минут. Но к тому моменту, как Кэйвано вышел из ванной комнаты с обмотанным вокруг бедер темно-синим полотенцем, я уже почти не дышала, смущенная и скованная испугом перед предстоящим наказанием.

Он двигался вальяжно и нарочито медленно, как хищник, продвигающийся к добыче, глядя сквозь меня, и я так сильно сжала ладони, что ногти больно впились в кожу.

— Ты послушалась моего приказа, — коротко бросил мужчина, двинувшись ко мне. — Тебе есть что скрывать от меня, Кара? — жесткий огонек загорелся в его демонских глазах цвета грозового неба.

Охваченная испугом, я отчаянно покачала головой.

Он приблизился, остановился в паре шагов от меня.

— Тогда почему ты послушалась? — повторил он, не грубо, но жестко, оставляя на моей коже следы от слов.

— Я подумала, что...

— Разве Лейла не предупредила тебя, — перебил меня Князь, — что тебе запрещается думать? — он сделал ко мне еще один удушающий шаг, а я втянула в себя воздух, понимая, что того стало нестерпимо мало. — Почему ты послушалась, Кара? — приторно мягко проговорил Кэйвано, наклоняясь ко мне. — Ты хочешь, чтобы я сам проверил, что ты от меня прячешь? — иронично поинтересовался он, скривив губы, хотя глаза его оставались холодными и были прикованы к моему лицу.

— Нет!.. — воскликнула я и беспомощно попятилась назад. — Пожалуйста, нет!..

Он замер, оценивающе глядя на меня, скользя раздевающим взглядом по телу, закованному в платье. Меня пронзил ледяной пот, промчался змейкой вдоль позвоночника, а потом ударил обжигающей струей раскаленной лавы прямо в сердцевину моего существа, раскаляя кожу до предела.

Я горела, словно в огне, я готова была метаться, как в лихорадке. И воздуха стало так мало, нестерпимо мало, да и дышать уже невозможно, горло саднит, горит, режет, колет... Меня трясет, сердце стучит, рвет на части грудную клетку. И я почти умираю под натиском этого взгляда, в присутствии этого мужчины.

А уже через мгновение Князь отступает на шаг, всё еще смотрит на меня, оценивает, выжидает, ищет. Играет со мной, как кошка с мышкой, а потом...

— Хорошо. Можешь идти, — равнодушно, без эмоций, отстраненно.

Я застыла, ошарашенно глядя на него.

— Что?..

— Ты разве не слышала? — вздернув брови, спросил он. — Уходи. Сейчас же.

И я не стала переспрашивать, уточнять, выяснить причины... я сделала так, как он и просил. Дрожащими руками нащупала ручку двери, толкнула ту на себя и стремглав помчалась прочь от этой комнаты.

И только потом я поняла, почему он был так благороден. Он был не один.

— Почему ты снизошел до того, чтобы простить ее за непослушание? — выходя из ванной комнаты вслед за Штефаном, спросила у мужчины София. — Она посмела себя дерзко вести с тобой. Ты ей это позволяешь?

Резко повернувшись к ней, Князь одним движением сдернул с себя полотенце.

— Иди сюда, — сдержанно выдохнул он, глядя на нее в упор.

Светлые бровки взметнулись вверх от изумления.

— Да ты возбужден, Князь?.. — едко выговорила она, устремив взгляд на его восставшую плоть. — Это она?

Он нахмурился, пронзив ее острым, как стрела, взглядом.

— Иди сюда.

— А ты нетерпелив, — злобно сощурившись, выдавила из себя София, подходя к нему.

Он резко дернул ее вниз, приказывая наклониться.

— Замолчи, — почти грубо процедил он, вцепившись пальцами в ее волосы.

И София замолчала. Всего на пару мгновений. Черноволосая неприметная новенькая рабыня не давала ей покоя. Слишком много послаблений позволял ей Штефан Кэйвано.

— Она все еще держится? — проговорила она, наклоняясь вниз. — Странно, я думала, она сдастся быстрее.

— Она может тебя удивить, — втягивая в себя воздух, проговорил Штефан.

Коварно улыбнувшись и захватив его плоть губами, София прошептала:

— Сделаем ставки? — лизнула головку и спустилась языком вниз. — Сколько ты ей дашь?

Сжав руки в кулаки, Штефан проговорил:

— Предлагай первая.

Коварно улыбнувшись и облизнувшись, София прикоснулась язычком к его плоти и прошептала:

— А что ты будешь с ней делать, если она... сможет тебя удивить? — ее губы захватили плоть, нежно лаская ту, вынуждая девушку постанывать в такт движениям собственного языка. — Ммм?... Что... ты будешь... тогда делать?... — всхлипнула она, практически насаживаясь на него ртом и тихо урча от удовольствия.

— Есть... варианты?... — стискивая зубы, прошептал Штефан, закрывая глаза и откидывая голову назад. Вцепившись пальцами в золотистые волосы стоящей перед ним на коленях девушки, он сильнее надавил на ее затылок, одновременно качнув бедрами. — Чего ты... хочешь? — выдохнул он, чувствуя, как напрягается плоть с каждой секундой.

— Ты Князь, — облизнувшись, промурлыкала София и вновь дерзко коснулась язычком его плоти. — Тебе решать.

Он действовал молниеносно, коварная аристократка не успела и вздохнуть, когда мужчина в один миг схватил ее под локти, приподнимая над полом и резко метнувшись в сторону, с силой прижал девушку к стене. Коленом по-хозяйски раздвинул ее сведенные ноги, толкнулся вперед, открывая себе проход, и, замерев при входе в ждущее его лоно, наклонился к ее лицу, оставляя на подрагивающей щеке влажный след от своего языка, и жарко прошипел:

— Ты права, — вонзился в нее с силой, решительно, сокрушая. — Мне решать, — выдохнул он, толкаясь в нее с новой силой. — Только мне! — и начал непрерывное, сравнимое с марафонским, движение внутри нее, резкое, жаркое, влажное скольжение.

Наращивая темп, ничуть его не снижая, а лишь ускоряясь. Удерживая ее под ягодицы обеими руками, сильнее насаживался на женское тело, вынуждая девушку отвечать на свои завоевательные толчки, губами проскальзывая по горячей коже висков, шее, впадинке между обнаженных грудей, захватывая в плен рта возбужденные соски и слегка покусывая их. Не прекращая движения, слушал ее учащенное дыхание и громкие стоны. Еще несколько резких выпадов, и он слушает собственный гортанный стон, вынужденно вырвавшийся из груди. И к собственному изумлению стремительно, бурно кончил лишь тогда, когда перед глазами непроизвольно всплыл образ новой черноволосой рабыни. Той самой, что попала под колеса его автомобиля чуть больше месяца назад.

Она оказалась не права. Он ее запомнил. Он никогда и ничего не забывал.

И, отстраняясь от Софии, думал Князь Четвертого клана, властитель и вершитель судеб, почему-то лишь о той, что несколько минут назад покинула его комнату. Ослушавшись его

повеления.

На губах Кэйвано мелькнуло подобие ироничной полуулыбки, а глаза возбужденно сузились.

Да, она, определенно, его еще удивит. Он не сомневался в этом. Что-то в ней было, что-то такое, чего он не мог объяснить. Но что-то горело внутри ее зеленых глаз. Что?.. Гордость? Сила? Упрямство? Холодная сдержанность? Или же... вызов?..

Подхватывая Софию, чтобы та не упала, и слушая ее учащенное горячее дыхание, касающееся его кожи, Князь Кэйвано ухмыльнулся, сверкая глазами.

Что ж, пусть считает, что он принял ее вызов. И теперь оставалось лишь ждать, чтобы выяснить — за кем останется последнее слово.

Глава 11. Не сдаваться!

11 глава

Не сдаваться!

Оказывается, даже здесь, за гранью, судьба иногда дарует сюрпризы рабам. И о подобном сюрпризе я узнала уже на следующий день. Кто бы мог подумать, что мне, которой в пору было отчаяться и смириться с тем положением, в котором оказалась, подвернется такой невероятный шанс!? На побег. Единственный шанс из миллиона несуществующих возможностей. Представится ли подобный шанс еще раз, стоит лишь гадать, и не воспользоваться подарком судьбы сейчас означало бы смирение перед безумцем, который возомнил себя моим хозяином. А на это я пойти не могла. У меня никогда не было хозяина. И не будет!..

Меня всю трясло от одного лишь воспоминания о том, как он смотрел на меня...

Едва я вышла из комнаты Кэйвано, так противоречиво охваченная ледяным ознобом и одновременно брошенная в горячий пот, обволакивающий тело огненным кольцом, я поняла, что руки дрожат, а ноги едва меня держат, покалывая в коленях и подкашиваясь. В голове отчаянно звенело, как после звуков набата.

Не в силах дышать, ощущая невероятную усталость во всем теле, будто скованном колючей проволокой, я прислонилась к стене и закрыла глаза, приходя в себя.

А осознание того, что произошло, приходило постепенно, врываясь в мой мозг настойчивой трелью.

Он меня не наказал, не потребовал раздеться, не унизил, подобно Михаэлю, истерзав тело, покусившись на мою невинность. Он всего лишь... он повел себя... странно. Не так, как должен был поступить со мной истинный хозяин, великий князь, вызывающий страх во всех лишь упоминанием своего имени.

Разве должен он был меня просто... отпустить?!

И в тот момент у меня даже, пусть и на краткий миг, мелькнула невероятная мысль: а вдруг он лучше, справедливее и... добрее моего первого хозяина? Вдруг тот лик, который я вижу, только — маска?..

Но, охваченная негодованием к самой себе, я вдруг рассмеялась. От нелепости этого предположения.

Одного взгляда на Штефана Кэйвано достаточно, чтобы понять, что он за человек. И что он не прощает ошибок и проступков. Не рабам. Вообще никому.

Тогда почему же простил мой поступок, столь дерзкий, грубый, провоцирующий Князя отомстить мне так, как того захочет хозяин в отношении своей рабыни?! Что им двигало? Чем он руководствовался? Почему он не воспользовался своим правом, а просто... простил меня? Штефан Кэйвано — простил?! Это даже на слух звучало нелепо. Не мог он так поступить. Я не была настолько наивной, многое уже повидала в этом мире, чтобы верить в то, чего нет на самом деле. И в людях я пыталась разбираться, я видела, что они собой представляют, а потому редко в них ошибалась. В детском доме — один закон. Закон выживания. И чтобы жить, мне приходилось присматриваться, разглядывать, маскироваться, угадывать за улыбками и добренькими словами истинные лица. Я вполне овладела

искусством разгадывания людской натуры, чтобы определить, кто друг, а кто враг, кто надежен, а кто опасен.

Но Князя Кэйвано я разгадать не могла. Точно знала лишь одно — его нужно остерегаться. Он опасен.

Он меня пугал уже тем, что оставался для меня тихой загадкой. Всё в этом мире казалось невероятным, безумным, совершенно алогичным. Этот мир не был моей привычной действительностью. Но в этом мире мне приходилось существовать. И в эпицентре безумного хаоса, возвышаясь над всеми, стоял он.

Я так и не привыкла к правилам и негласным (может, и гласным, но мне они не были известны) законам, которые здесь всем остальным казались нерушимой и неоспоримой истиной. И боялась того, что законом для всех был он.

Но, когда я на трясущихся ногах, с бешено колотившимся в груди сердцем, вышла из комнаты Князя, отчего-то совсем не думала о том, куда попала. Все мои мысли были направлены на него! Мой господин, хозяин, вершитель моей судьбы, Князь. Он тот, кто станет решать, что со мной будет. И он сейчас... не наказал меня... даже не за проступок, а за откровенное своеволие, нарушение воли, его приказа. Неужели за подобное можно простить? Просто отпустить, приказать убираться и не наказывать за проявление упрямства? Не мне ли говорили, что Князь не прощает подобного? Так почему он допустил это сейчас? В отношении меня?

Сердце вновь отчаянно забилося в груди пойманной птичкой, и я приказала ему заткнуться и не питать иллюзий. Этот человек крушит иллюзии на корню, не давая им развития. И мои иллюзии, если я позволю им взлететь, вскоре окажутся на земле, погребенными за нелепыми и безрассудными мечтами.

Этот мир, являясь будто в насмешку чьей-то иллюзией, тем не менее не терпел проявления фантазий. На мечты у меня так же не было права, как и на что-то еще здесь. Мне приказывали, я исполняла. А если не исполняла, была наказана за неповиновение. Казалось, всё было слишком просто. Для тех, кто готов был следовать этим правилам. Для других, — не для меня.

И главной силой, которая могла сломить мое сопротивление, указать на мое истинное место в этом мире, был именно он — Князь Четвертого клана, холодный и равнодушный негодяй! Богач, циник, словно ледяное мраморное изваяние, вылепленное из презрения, жестокости и безжалостности.

Почему же ко мне он отнесся иначе, чем к остальным своим рабам? Потому что вдруг вспомнил о нашей с ним случайной встрече на улицах Праги? Решил пожалеть хрупкую девочку, брошенную в жестокий мир дикости и грубости? Сомневаюсь, что он был бы настолько добр. Не верю в то, что он вообще знает значение этого слова. Так в чем же причина его... милости?!

Это не просто раздражало, но бесило. Я не могла понять, что от него можно ожидать!

И только потом, уже позже, когда встретила с Лейлой, я поняла, почему Кэйвано был так благороден.

Хотя, может быть, я просто обманывала саму себя? Не правда ли, я поняла это еще там, в его комнате? Когда, стоя спиной к двери, чувствовала обжигающую сладость его тела, холод его шепота на своей коже, притягательную силу его могущества и подавления, жажду покорения, которая сквозила в каждом его взгляде, чувственном и ледяном одновременно. Как один человек может вызывать такие противоречивые эмоции?! Стыдно признаваться

себе в этом, но в тот момент не только страх сковал мое тело, но и еще что-то более сильное, могущественное, возбуждающе прекрасное. Бежать от него! Или же кинуться к нему навстречу. Но я осталась стоять на месте, дрожа от ожидания, нервничая, волнуясь.

А он смотрел на меня, пробегая ленивым, медлительно скользким взглядом по моему лицу и телу, наслаждаясь моим смущением, испугом и ожиданием расплаты.

Черт побери, уже тогда я понимала, что этот человек имеет неограниченную власть! Не только над всеми своими людьми, но и надо мной — тоже. Она исходила от него потоками раскаленной лавы, ею дышало всё в нем и вокруг него. Князь не терпел пререканий и отказов. Он был законом, он был не крушимой гранитной стеной, наделенной огромнейшей властью.

И он чувствовал в себе эту власть и делал всё для того, чтобы окружающие тоже ее чувствовали.

И я тоже ее чувствовала. Под напором его то леденящего, то обжигающего взгляда меня бросало в дрожь. Мне хотелось сжаться в тугую спираль, зажаться в угол и просидеть там до тех пор, пока сила его могущества не исчезнет, пока сам этот мужчина не перестанет внушать мне страх и благоговейный трепет.

Сказать, что я боялась его в полной мере, или в том смысле, в котором его, как мне казалось, боялись все вокруг, было нельзя. Я боялась его иначе. Я не так боялась тех ребят, что разрезали мне лицо в детском доме. Не так боялась похитителей, ворвавшихся ночью ко мне в дом и избивших меня до потери сознания. Я не так боялась Михаэля, когда он, сжимая своими ручищами мое худенькое тельце, пытался меня изнасиловать, он был не опасен, он был трусом и мокрицей. А вот Штефан Кэйвано... Этого человека нельзя было недооценивать. Он был тем для меня, с кем нужно было считаться.

Я ощущала нечто такое, чем он дышал. Я не могла этого объяснить, но осознавала, что он, если очень захочет, когда-нибудь сможет меня сломать. Не унижить физически, не сломить и покорить мое тело, разве оно что-то значит еще, кроме внешней оболочки, которую представляет? Но он, этот дьявол с холодными и внимательными глазами, мог сломать меня морально. Погубить мою душу, заковав ее в тиски своей власти, жестокости и тщедушия. В тиски своего желания, которое я должна буду исполнить. Будучи лишь рабыней.

И самое ужасное заключалось в том, что он уже стал делать это, очевидно, разгадав, что иначе меня сломать ему не удастся. Я чувствовала это каждой клеточкой существа, каждым трепетным ударом сердца в грудь. И не был ли его приказ приходить мне к нему обнаженной — унижением моей гордости?

Как он тонко прочувствовал, что только так можно меня сломить, покорить, подчинить? Не кнутом, не новым избиением, не поркой, но моральным унижением моего достоинства!

Он лишь играл со мной, заранее выставив свои правила. Он был хозяином положения. Ему разрешалось то, что было запрещено мне. Эта игра, казалось, должна была заранее выявить победителя и проигравшего.

И, боюсь, что Князь Кэйвано не был готов в этой игре проиграть. Он никогда не проигрывал, я уверена.

И мой протест, мой отказ выполнять его приказ, хоть и мог мне дорого обойтись, всё же имел свои причины. Я не собиралась сдаваться, не позволила ему выиграть даже эту маленькую битву, поставившую меня перед выбором — быть или не быть! Потому что я уже сейчас понимала, что сдаться именно этому человеку означало смириться и пасть ниц перед

его властью, покориться, признать себя слабой безвольной рабой. Навсегда. Не только перед ним, но, в первую очередь, перед самой собой.

Я не готова была отдать всё, за что так отчаянно боролась много лет. За свободу, независимость, свои мечты, желания, надежды. И теперь позволить им рухнуть, как замку из песка?! Просто потому, что кто-то назвал себя моим хозяином, распорядителем моей жизни?! Никогда.

Это будет трудный, во многом не равный бой. Бой не на жизнь, а на смерть. Как сказала Лейла, меня либо убьют, либо отправят в колонию, что, видимо, было равносильно смерти. Но даже если мне придется умереть, никто и никогда не завладеет тем, что принадлежит лишь мне одной. Моей независимостью.

Двадцать лет одна против всего мира, маленькая девочка, выброшенная в этот жестокий, планомерно и целенаправленно убивающий ее миг за мигом мир, выжившая в нем, поднявшаяся на ноги, не сломленная и не покоренная. Она и теперь не сдастся!

Слишком много мыслей, слишком много размышлений и эмоций. Этот бездушный и беспринципный человек заставлял меня трепетать в его присутствии. Я не могла чувствовать себя уверенно, решительно, меня бросало в дрожь лишь от его голоса, грубоватого, жесткого, со стальными нотками. И я уже не могла контролировать свои ощущения, он, казалось, захватил и их в плен.

Он был опасен, вот что я, не разгадав его до конца, знала наверняка. Он вынуждал меня забывать мой организм все инстинктивные реакции, которые тот выстраивал годами, он рушил защитные барьеры и преграждал пути к отступлению. Вынуждая меня вновь и вновь возвращаться на круги своя. К нему.

А о том, почему же Кэйвано все-таки простил меня, я узнала позже, когда появилась на кухне.

Лейла словно ждала меня там и, приказав кухарке поставить мне тарелку с едой, посмотрела на меня.

— Тебе, видно, повезло.

Я посчитала за лучшее промолчать. Уткнувшись в тарелку с супом.

— У хозяина гость, — коротко бросила Лейла, — точнее, гостья, — хмыкнула она. — Госпожа София.

Я удивилась тому, как скривились ее губы при упоминании этой особы.

— Она вам не нравится? — спросила я и тут же осеклась. Стоило ли спрашивать?

— Тебе не положено обсуждать отношения господ, — прикрикнула на меня Лейла, а потом, когда я уже пристыжено опустила голову, скривившись, ответила: — София Бодлер мечтает стать княгиней.

Я удивленно вскинула на служанку быстрый взгляд. Вот так новость! Хотя... что здесь удивительного? Кто бы не хотел стать Княгиней? Но вот хочет ли Князь обзавестись Княгиней — большой вопрос.

— Он... собирается жениться на ней?

Сама эта идея казалась мне безумной, да и просто-напросто глупой. Штефан Кэйвано не был похож на того, кто вообще когда-либо женится. Я видела его всего четыре раза, но и этих ничтожных моментов хватило, чтобы понять это, как факт. Он не женится. Или же сделает это по более веской причине, чем... А что он вообще будет иметь от брака с этой девушкой?

Словно читая мои мысли, Лейла, нахмурившись, проговорила:

— Подобные браки всегда приветствуются в Совете. Он Князь, она дочь дворянина, аристократка, к тому же очень красива. Их союз был бы выгоден всем, — Лейла вздернула брови. — Так все говорят.

— Но?.. — я знала, что есть это самое «но».

— Но наш господин не тот человек, который женится по указке Совета.

«Скорее, ваш господин не тот человек, который вообще женится» подумала я, но, конечно, промолчала. Лучше сидеть и помалкивать, глотая остывший суп, чем пытаться высказаться.

Больше мы этой темы не касались. По правде говоря, мы больше вообще никаких тем не касались, едва я поужинала, Лейла сообщила, что пора идти спать и приказала мне идти за ней. Я послушалась.

Ночь я провела в той самой комнатухе, в которую меня отвели изначально. Лейла сказала, что отныне это будет моим пристанищем, заявив, что хозяин, оказывается, был несказанно добр ко мне, так как все остальные рабыни спали в общих комнатах. И я не знала, радоваться мне подобной милости со стороны Князя, или же воспринимать это поощрение с подозрительностью. Очень я сомневалась в том, что Штефан Кэйвано делает что-либо просто так, без надежды впоследствии получить выгоду.

Вопрос заключался лишь в одном: что ему может понадобиться от меня, когда он сам заявил мне, что я его не привлекаю и не интересую?! Ведь так?.. Не привлекаю, не интересую!.. Ничего не изменилось?..

Спала я плохо, несмотря на то, что жутко устала, и должна была бы провалиться в сон мгновенно. Мне снова снились кошмары, которые с ужасающим постоянством будили меня посреди ночи.

Вновь привиделся детский дом, побои ребят и злобный шепот за спиной, угрожающий детский вызов, больше походивший на звериный рык. Потом вспомнился Рынок, когда меня продали, словно вещь, — товар, выставленный на витрину магазина. А затем почти месяц в доме Михаэля, бессмысленная попытка побега, надежды на возвращение домой и обретение свободы. А потом... холодный взгляд серо-голубых глаз моего демона, словно пронзавший меня насквозь, мешающий думать, защищаться, говорить, оправдываться или хотя бы пытаться вырваться из сети зависимости, в которую я попала. Безысходность, безнадежность...

Я проснулась рано, не было еще и шести, и так и не смогла больше заснуть, пока за мной не пришла Лейла. До ее прихода ворочалась в постели, пытаюсь выбросить из памяти обрывки серых воспоминаний, будто заполонивших мой мозг. Делая вид, что всё хорошо, уговаривая себя держаться, приказывая не сдаваться, не подчиняться, стоять на своем, противиться, противостоять моему личному демону, которого я обрела в лице Князя Четвертого клана. Штефан Кэйвано был опасен, и его мне стоило избегать.

Не вышло. В середине дня Лейла сообщила мне, что он просит меня к себе для разговора.

— Он ждет тебя в кабинете, — сухо заявила она, застав меня в кухне. — Сказал, чтобы ты зашла немедленно.

— Это срочно? — проронила я, гадая, о чем может пойти речь, и внутренне напрягшись.

— Не думаю, что тебе стоит уточнять, — вскинув подбородок, сказала женщина. — Тебе было велено прийти к нему, ничего иного от тебя не требуется. Так исполняй то, что

приказали!

И с этими словами она отвернулась от меня, будто указывая на то, что ее миссия на этом окончена.

Сглотнув, я приподнялась со стула и, едва передвигая ноги, с неохотой и опаской, поплелась в сторону кабинета, где меня ожидал хозяин замка.

Около двери я остановилась в нерешительности и, сильно зажмурившись, вздохнула. Сердце билось в виски, грубо пихаясь в них болью и напряжением. Дыхание сбилось и будто замедлилось.

А вдруг Кэйвано решил наказать меня за непослушание? Что может прийти ему в голову?!

Я сглотнула и, прижавшись к двери горячим лбом, часто задышала. Опасный мужчина, демон, монстр.

Все защитные реакции, спрятавшиеся вчера под действием силы его магнетизма, вмиг всколыхнулись и восстали против дикого могущества, против его власти надо мной, взбунтовались, взвыли, воспротивились.

Внутри все дрожало, болезненно сжавшись от волнительного напряжения и едкого чувства опасности, заковавшего меня в тиски. Распахнув глаза, я с удивлением заметила, что пальцы дрожат, и сжала ладони в кулаки. Вот к чему все привело! Я боюсь даже встретиться с ним лицом к лицу.

Нельзя показывать ему слабость! Демон не терпит слабости так же, как и не приемлет непокорность. В отличие от Михаэля, который упивался слабостью своего раба, Кэйвано ценил силу. Наверное, потому он и является Князем, а Михаэль всего лишь сошка. Такая же, как и я, только свободная сошка в этом мире.

Решив для себя, что не позволю демону себя сломить, я приподняла руку, чтобы постучать, именно в тот момент, когда из кабинета раздался властный, немного приглушенный голос голубоглазого дьявола.

— Входи! — меня обдало жаром изнутри. — Нечего стенку подпирать!

Вздрогнув от неожиданности и, изумленно озираясь, я не сразу заметила небольшую камеру, черной точкой светившую в глаза из угла на потолке. Наблюдавшую за каждым моим шагом, движением, мыслью.

Все во мне перевернулось, дрожь вонзилась в плоть сотнями маленьких иголок.

В этом доме невозможно было скрыться от всевидящего ока хозяина. И это открытие меня корбило.

Сглотнув, и ожидая скорой расплаты не только за вчерашний поступок, но и за сегодняшнюю глупость, я неуверенно толкнула дверь и вошла внутрь большой комнаты, будто поглотившей меня собою.

Князь сидел за столом и, откинувшись на спинку кресла, разговаривал по телефону. Как только я вошла, его соколиный взгляд вонзился в меня, словно наконечник стрелы. И не отпустил ни на мгновение.

Я внутренне подобралась и втянула плечи. Сердце загрохотало в груди с удвоенной силой. Михаэль во мне таких ощущений не вызывал. Его я презирала, а этот демон, что сидел напротив, пронзая меня острым, как бритва, взглядом, вселял в душу леденящий страх и трепет. Холод и жар одновременно.

— Подойди ближе, — обратился он ко мне, все еще прижимая телефон к уху. — Нет, я не тебе. Это рабыня.

Я двинулась вперед медленными неуверенными шажками и остановилась у стола, опустив голову.

О чем он хочет поговорить? Что ему от меня нужно? Он же сам сказал, что...

— Хорошо, — услышала я в опасной близости его жестковато тихий голос и вздрогнула. — Да, я приеду, можешь не сомневаться. Совет через две недели, я успею. И что же? — губы его сжались, он нахмурился. — Исаак мне не указ, — грубо выдал он, начиная злиться. — И ты это знаешь. Вайлас? — задумчиво покачал головой. — Думаю, будет. Да... Нет, не собираюсь! — это звучало грубо, жестко, слова собеседника разозлили Князя. — Кто тебе сказал? — прищурившись, он стремительно наклонился над столом. — Ясно... Нет, и я не собираюсь обсуждать это с кем бы то ни было! — кажется, что он вот-вот вспыхнет, я напряженно сжалась. — Нет. Хорошо, до встречи, — и решительно отбросил в сторону телефон, словно отмахиваясь от него.

Я не знала, с кем он разговаривал, даже предположить боялась, я вообще ничего не знала, о том, куда и к кому попала, но этот человек, сидящий за столом проникал, был опасен, и в кровь с каждой медлительной секундой, перетекающей одна в другую, проникало осознание того, что вставать у него на пути не стоит.

Он не простит, он не оценит, он уничтожит.

Я стояла, затаив дыхание, казалось, вообще не дыша, не решаясь смотреть на него, боясь увидеть тот взгляд, которым он удостоил меня в прошлый раз. Сердце стучало в висках, болью надавливая на нервные окончания. И хотя я не осмелилась смотреть на него, но чувствовала на себе его пристальный, острый, оценивающе пренебрежительный взгляд. И смущенно тупилась не в силах поднять на демона глаза. И лишь молилась: отпусти меня, не смотри на меня, не смотри же!..

Но он продолжал меня осматривать, будто впервые видел, медленно и неспешно пробегая глазами от лица и волос к сцепленным рукам, выглядывавшим из-под подола платья стройным ножкам и останавливая свой взгляд вновь на моем лице. Меня бросило в жар, а затем в холод. Какой холодный взгляд! Точно лед.

Сколько мы так стояли? Минуту, две, пять... или целую вечность? Я потерялась во времени, казалось, я тонула в пространстве, в нем, в том, что творилось вокруг меня. Я молилась о том, чтобы меня отпустили, но у Князя были иные планы на меня. И отпускать меня в них не входило.

Он ждал. Чего-то выжидал, как хищник, испытывал мое терпение, давил на нервы, вынуждал падать, но не подниматься с колен. Плел свои сети, вяло, неспешно, тягуче, иронично и насмешливо. Принудительно.

Я сжалась, ощущая легкое головокружение внутри себя, задышала чаще и резче, а демон продолжал смотреть на меня, так и не произнеся ни слова.

А потом вдруг резко:

— Посмотри на меня.

Я задрожала от звука его голоса. Жесткий, резкий, вяло равнодушный, но такой тягуче невыносимый.

Он забавляется моим смущением, моей неуверенностью. Тем, что он знает то, о чем я даже и не догадываюсь. Он упивается своей властью надо мной, ему это доставляет удовольствие — мучить меня неизвестностью! Ведь он знает, он ощущает во мне неуверенность, и он играет на ней, как на струнах.

— Посмотри на меня сейчас же, — повторил он громче и жестче, когда я, не

послушавшись, отвернулась.

Я сглотнула подступивший к горлу комок и подняла на него вызывающий взгляд.

«Не сдаваться. Не сдаваться!» звучало во мне снова и снова барабанной дробью.

Его глаза мне ничего не сказали. Вообще ничего. Или они молчали, или он умело скрывал свои мысли.

Холод серо-голубых озер полосонул меня будто ножом.

— Ты ослушалась, — заявил он, скрестив пальцы, опираясь на них подбородком и глядя на меня в упор.

Что мне следовало ему сказать? И стоило ли что-то вообще говорить? Ждал ли он от меня ответа?

Я просто кивнула, зачарованно глядя на него так же, как это делал он.

Тонкая линия губ дернулась, приподнимая уголки в жесткой ухмылке.

— Почему? — спросил он тихо, от его шепота дрожь пронеслась вдоль позвоночника. — Ведь ты понимаешь, чем это тебе теперь грозит?

Я догадывалась. Я знала, что Кэйвано не стерпит подобного. Не от рабыни. Вообще ни от кого.

— Я... не могу знать, — тихо проговорила я, опустив голову. Оказывается, от его глаз веет холодом.

— Не можешь, — растягивая слова, проговорил он, а потом резко: — Смотри на меня! — и я стремительно вскинула на него удивленный взгляд.

Да что же тебе от меня нужно?! Я не нужна тебе, отпусти меня!

К моему изумлению, губы его дрогнули, растянулись, а глаза, казалось, покрытые ледяной коркой, вдруг улыбнулись, жестко, грубо. И меня бросило в пот, дыхание сбилось.

— Ты любишь играть, так, Кара? — неожиданно спросил он, усмехнувшись.

Мои глаза широко распахнулись. Непривычное имя резало слух, а скользкие намеки бросали в дрожь.

— Я не понимаю, — пробормотала я, видя, как загорается пламя в его глазах. И это пламя разгоралось все ярче, вспыхивало, пленило, завораживало... уничтожало. Меня.

— Понимаешь, — протянул он тягуче и, медленно поднявшись с кресла, двинулся ко мне. — Кара.

Я знала, что нужно бежать. Немедленно, сейчас, пока он еще там, в нескольких шагах от меня, пока не захватил меня в свой плен, пока я еще чувствую себя в безопасности! Бежать. Но ноги не слушались меня, они дрожали, в коленях появилась нестерпимая слабость, а кончики пальцев закололи.

Он приближался. Медленно, неспешно, неотвратимо, целенаправленно. Как ураган, как пламенный вихрь, как лавина. Накрывая меня с головой в омут свой желаний и убеждений. И сопротивляться не было возможностей, ни единой. Я стояла и замороженно смотрела на то, как он приближается. Подавляет.

И только в миг, когда он оказался рядом со мной, стоял почти вплотную, я ощущала на своей коже тепло его дыхания, я предприняла запоздалую попытку отстраниться. Но не успела. Кэйвано резко, будто ждал от меня подобной реакции, схватил меня за локоть, удерживая на месте. Сильно, больно стискивая мою руку.

Я подняла на него быстрый взгляд и увидела, — он уже не улыбался. Глаза его горели иным огнем. Я задела его, опять воспротивилась, вновь осмелилась ему противостоять. Вновь едва не сбежала.

— Я не люблю, когда так делают, — выдавил он сквозь зубы, сильнее сжимая мою руку, причиняя боль, но не обращая внимания на искаженные складочки на моем лбу. — Это ясно?

Я сглотнула. Дышать становилось все сложнее. С каждым мгновением яростнее давило на мозг его прикосновение. Его безудержный гнев сдавливал мои легкие, перекрывая кислород.

Защитные инстинкты проснулись, всколыхнулись во мне. Опасный, опасный мужчина!

Я попыталась вырваться. Напрасно. Опрометчиво. Князь лишь крепче стиснул мой локоть, помрачнел.

— Ты играешь с огнем, Кара, — сквозь плотно сжатые губы, выдавил он.

Я знаю. Я знаю! Но все во мне противилось ему. Все стремилось к тому, чтобы вырваться, бежать.

— Отпустите меня, — прошептала я тихо, но решительно. — Отпустите!..

Он перевел взгляд на свою ладонь, стиснувшую мою руку, заглянул мне в лицо, а потом вдруг жестко улыбнулся одними губами. Глаза его вновь превратились в ледяные черные точки, прищуренные и злые.

— Почему ты ослушалась меня вчера? — игнорируя мою просьбу (рабы не имеют права на просьбы!), выдавил он. Я поморщилась, так как его захват вдруг стал крепче, и вздрогнула. — Почему?! — навис он надо мной, вынуждая отступить вновь и вновь.

Он давил на меня, я чувствовала это давление, оно сжимало меня изнутри, вынуждая продолжать борьбу и одновременно сдаваться его напору. Я жаждала вырваться из плена его захвата. А он бесился с каждой полусекундой все сильнее. Я ощущала его злость. Глаза его сощурились и стали почти безумными, губы сжались, дыхание вырывалось через рот резко и глухо, а его жгучее нетерпение сводило с ума.

Играть с огнем не безопасно. Это чревато последствиями. И Кэйвано может мне их предоставить.

— Я... не смогла... — выдавила я, под напором его взгляда потупив взор.

— Почему? — требовал он, продолжая свой террор. — Почему?!

— Я... я слышала, что вы не один, — солгала я стремительно. — И подумала, что это будет неудобно... и...

— Не твоя забота — думать! — жестко процедил он сквозь зубы и грубо оттолкнул меня от себя, будто разозлившись. Я едва удержалась на ногах от его пинка, тут же схватившись за обожженную его захватом кожу. — Ты рабыня, когда ты это усвоишь?! Ты не думаешь, ты выполняешь то, что тебе говорят! Это ясно?!

Я молчала. Язык не поворачивался, чтобы что-то произнести.

— Ясно, я спрашиваю?! — выкрикнул он, поворачиваясь ко мне. — Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, черт побери! — я резко вскинула на него изумленный взгляд. — Ты меня поняла?!

Я отчаянно закивала головой. Холодный демон превратился в безжалостного хищника. И это пугало.

— В следующий раз, если нарушишь приказ, — зловеще выговорил он, испепеляя меня острым взглядом, — пожалеешь.

И я ему поверила. Да, пожалее. Такой человек, как Кэйвано, не бросает слов на ветер.

— Я уезжаю, — резко меня тему, сказал мужчина, отходя к столу и поворачиваясь ко мне спиной. — На пару недель, должен буду вернуться к Совету.

Мысли путались. Я уставила на него с удивлением: почему он сообщает мне об этом?

И словно отвечая на мой вопрос, лорд презрительно выдохнул:

— Не думай, что я отчитываюсь перед тобой, — он жестко усмехнулся, — я предупреждаю тебя, Кара, — голос его сошел до угрожающего шепота. — У тебя будет время хорошо подумать о том, куда ты попала, и что от тебя здесь требуется, — его слова били кнутом сильнее и яростнее, чем это сделал бы сам кнут. — Ты подчиняешься мне, и если я говорю, ты выполняешь. Не думая и не предполагая. Поняла?

Горло жгло огнем, резало и терзало будто наждаком.

— Да, я поняла, — выдавила я из себя. Не сдаваться, не сдаваться! Не ему!

— Значит, ты понимаешь так же, — уже тише сказал он, — что мой приказ остался в силе?

Я сглотнула, покраснев. Значит, я была права...

— Да, я понимаю...

— Я вернусь, Кара, — жестко бросил Князь, — рано или поздно. И я буду ожидать от тебя его выполнения.

Я задрожала от одной лишь мысли о том, что мне придется предстать перед ним обнаженной. Не было сомнений в том, что он говорил именно об этом. И этим он желает меня подчинить. Ничтожество!

Я смотрела на него почти невидящим взглядом, а он безжалостно продолжал.

— Отлично, — неужели он рискнул улыбнуться? — И не думай, что я что-то забываю, Кара, — сказал он вдруг. — Я всё помню. Всё, ясно? — он пронзил меня взглядом, который был бы способен вытрясти из меня душу.

И я поняла. Он помнил меня. Он слышал мои слова в день нашей встречи. Слышал и... промолчал.

— Вижу, ты понимаешь, о чем я, — протянул он, но как-то сухо, безразлично. — Плевать, кем ты была до того, как попала за грань, теперь ты рабыня. Плевать, понимаешь ли ты, куда попала, теперь это станет твоей реальностью. Плевать, что ты была свободной, обладая мнимой независимостью, которую внушило тебе твое подсознание, — главное теперь, ты зависима. От меня, — брови его сошлись на переносице. — Забудь о том, что было, к этому ты уже никогда не вернешься. Кем я был там, не имеет значения, так же, как и то, кем ты была до встречи со мной. Важно лишь то, что теперь ты рабыня, а я твой хозяин, — он саркастически хмыкнул. — И тебе этого уже не изменить.

Я смотрела на него возмущенно, ошарашенно, не в силах признать то, о чем он говорил. Безумство какое-то! Нелепость, сумасшествие!

А Кэйвано продолжал давить на меня.

— Тебе уже поставили метку? — спросил он, бросив на меня еще один быстрый взгляд. Я покачала головой, и он стремительно помрачнел.

— Почему?! — вскинулся он. — Я же приказал!

— Я не знаю, — в тон ему, почти грубо ответила я и поспешила прикусить язык.

Он долго, казалось, целую вечность смотрел на меня, пристально и задумчиво, будто сдерживаясь, а потом вдруг словно остыл, но ярость читалась на его лице, в поджатых губах, в сощуренных глазах.

— Я разберусь с этим, — глухо бросил он, отворачиваясь. — Можешь идти, — грубо, сухо, равнодушно.

И я на ватных ногах двинулась к двери. Скорее бы добраться до двери. Уйти, сбежать,

спрятаться.

— И помни, — уже мне в спину бросил мужчина, — не вздумай забывать о том, кто твой хозяин и кому ты теперь принадлежишь.

Я промолчала. Разве об этом можно забыть?! И стремительно, насколько только могла, выскользнула из кабинета Князя. Прислонившись к стене, закрыла глаза.

Все могло быть хуже, почему же тогда у меня ощущение, будто меня только что вновь растоптали?!

Кэйвано уехал из поместья, когда не было еще и четырех, куда он направился, я не знала, мне не положено было это знать. И еще до его отбытия на мне поставили метку, на левом плече, почти около шеи.

Татуировка, почти клеймо, бирка, штамп. О моей принадлежности ему.

И в тот момент, когда оказалась меченной, я осознала, что попала в ловушку.

Глава 12. Нежданный гость

12 глава

Нежданный гость

Все казалось невероятным даже тогда, когда я, сидя в полутьме своей коморки, пыталась рассмотреть метку, поставленную мне клеймом накануне. Она была красивой, пожалуй, даже изящной: витиеватые линии, своеобразно сплетенные воедино, образовывали символическую черную лилию, как объяснила мне позже Лейла, являющуюся отличительным знаком рода Кэйвано. Метка, клеймо, штамп, татуировка. Красивая, утонченная, изысканная, прикрепленная на мою кожу навсегда. От этой метки избавиться было невозможно. Ее можно было только выжечь, как объяснила мне Лейла, оставляя на коже следы ожога, ничто более на нее не действовало.

Лейла не вдавалась в детали, а я не настаивала, узнавая лишь то, что она сама пожелала мне рассказать.

— Метки ставятся всем, кто попадает под чью-то зависимость, — сказала она почти равнодушно. — Если ты становишься рабом, то все вокруг должны знать о том, кто является твоим хозяином, — она бросила на меня презрительный взгляд, будто осуждая в чем-то. — Что бы ты ни думала, но хозяин отвечает за своего раба, он несет за него определенную ответственность, — пожала плечами, — по крайней мере, наш господин так считает. Да и никто в этом мире не ходит без метки, — добавила она колко.

— Почему же тогда Михаэль не поставит на мне... метку? — спросила я ее.

— Михаэль, это твой первый хозяин? — уточнила служанка, задумчиво нахмурившись. — Очевидно, он не посчитал нужным сделать это. Некоторые хозяева пренебрегают этим на начальном этапе пользования, — меня резануло этим ужасным словом — «пользование», и я поморщилась. — Но все равно рано или поздно, если бы ты оставалась у него, тебе бы поставили метку. Ходит специальный контроль, который ведет проверку. За отсутствие метки с хозяина взимается штраф, а раб отправляется на аукцион вновь.

От одной лишь мысли о том, что я могу снова оказаться там, на Арене, окруженная десятками пар жадных, пытливых глаз, оценивающих, казалось, каждый волос на голове, меня тошнило. Только не туда.

Наверное, даже мысль о колонии не была мне столь противна, как вероятность того, что я когда-нибудь вновь смогла бы по стечению обстоятельств оказаться на Верхнем Рынке. Унизительно, оскорбительно, вязко и тошнотворно. Чувствуешь себя не просто товаром, выставленным на торг, но товаром самого низкого качества, испорченного и будто выброшенного кем-то на улицу за ненадобностью.

— Черная лилия — отличительный знак рода Кэйвано, — продолжала рассказывать Лейла, — так повелось с давних времен, когда лорд Роуэн основал свой клан, — с благоговением и гордостью проговорила она и, бросив на меня еще один колкий взгляд, добавила: — Носить эту метку очень почетно.

Я вздрогнула, как от удара. Почетно?! Я ощутила, как к горлу вновь подступает тошнота. Как можно говорить о своем порабощении так спокойно, так смиренно, так...

благоговейно?!

Я сжалась, предательская дрожь пронзила меня насквозь от ужасного ощущения безысходности.

Никто здесь даже и думает о том, чтобы бежать, чтобы избавиться от рабства, стать свободным!?

— Лорд Роуэн? — переспросила я, поддерживая разговор.

Чем лучше я буду знать врага, тем больше у меня шансов на то, чтобы с ним справиться.

— Лорд Роуэн Кэйвано основатель Четвертого клана, — с готовностью ответила Лейла, — он приехал из Ирландии и поселился в Чехии много столетий назад, еще в одиннадцатом веке, он является и одним из основателей Совета. Наш Князь, лорд Штефан, является его потомком, а этим не каждый может похвастать, — женщина горделиво вскинула голову, а потом, будто задумавшись, проговорила: — Только разве Кассандра Мальво́, но она женщина, ей приходилось доказывать свою состоятельность, как Княгини, уже не один раз, — Лейла скривилась и, фыркнув, сказала: — У мужчин во все времена было больше власти и уважения со стороны народа, чем у женщины.

Я же была изумлена этой новостью, взирая на Лейлу с неверием.

— Значит, в Совете заседает и женщина? — произнесла я, затаив дыхание.

— Да, — коротко бросила служанка, — единственная женщина в Совете на сегодняшний день, и четвертая за всю историю его существования. Что ни говори, а в мире правят консервативные нравы, патриархальные устои, каковым бы этот мир не был, — она пожала плечами. — Мужчины захватили власть много лет назад, и до сих пор ее сохраняют. Нам, женщинам, стоит лишь покориться подобному положению вещей.

Говоря это, она бросила на меня такой пристальный, выразительный, даже словно бы обвинительный, взгляд, что я поняла, сказано это было очень двусмысленно — лично для меня.

Покориться, сдаться, перестать бороться с тем, что было заведено испокон века, издавна решено кем-то, — вот, что должна была она мне доказать. Убедить меня сдаться, заявить о поражении!? Не выйдет.

Как можно смириться с неволей человеку, который родился свободным? Который боролся за свою независимость с пяти лет, отстаивая право не только на существование, но на жизнь в этом мире?! Одна против всех, маленькая девочка с большими амбициями и желанием быть понятой, принятой, любимой!?

И как можно, добившись всего этого, отдать все своему врагу? Тому, кто не заслужил и минуты твоей завоеванной в сражениях с миром и самой собой свободы и независимости?! Никогда.

А Лейла, сама того не подозревая, своими следующими словами вселила в меня надежду. Веру.

— По правде говоря, — сказала она, — Кассандра всегда придерживалась довольно-таки... гуманного принципа управления, — я напряглась, вглядываясь в искаженное лицо служанки. — Например, именно она предлагала лет... — женщина свела брови, вспоминая, — да, лет двадцать назад, отмену рабства. Но мужчины, ха, послушают ли они указа женщины? — Лейла хмыкнула. — Это было заведено не ею много лет назад, и не ей менять устоявшийся порядок вещей, — управительница скривилась. — Она уступила им, осознав, видимо, что тягаться с ними даже ей не по силам.

Я заворуженно уставилась на женщину, честно говоря, не сразу осознав суть ее слов. А

потом поняла.

Неужели?.. Неужели у меня может появиться... союзник? Или, если не союзник, то хотя бы... помощник? Вдруг мне удастся уговорить Кассандру Мальво выкупить меня? Если она согласится, если поможет?..

Мысли закружились в моей голове звенящими мошками, жужжали, бились в виски, рвались извне, надавливая на мозг. Перед глазами потемнело, сердце застучало сильно-сильно, а дыхание стало горячим, но сухим. Не может быть... Или может? Я уже почти не верила в удачу, привыкнув надеяться лишь на себя и свои силы. Так неужели судьба сейчас улыбается мне? Дает мне единственный шанс на спасение?! И этот ничтожно малый, но такой ощутимый шанс держала в руках княгиня Мальво!?

Неужели она — тот единственный человек, который может мне помочь? Но сделает ли она это?! Кто я, и кто она? Есть ли у меня возможность получить эту помощь?.. Стоит ли мне на нее рассчитывать?!

Лежа в своей постели, темными ночами я думала о том, что узнала, о том, что слышала. Это шанс, да, именно шанс — единственный, возможно, нереальный и опрометчивый, но все же... я не могу отказаться от него. Мне нужен был хотя бы этот ничтожный шанс на то, чтобы выиграть эту битву. Спасти из лап безумца, подлеца, негодяя, демона. Вырваться из лап Штефана Кэйвано! Пока он не уничтожил меня.

Перевернувшись на другой бок, я распахнула глаза, глядя на затаившуюся за окошком ночную мглу.

Как странно, за все то время, что я уже провела в доме Князя, я видела только темные, безлунные ночи, словно погруженные в зияющую бархатную тьму. Порой становилось дико, жутко, страшно, до дрожи, до мурашек. Я поджимала под себя ноги, притягивая колени к груди, и сильно жмурилась, чтобы спрятаться от пустоты и темноты, что меня окружала. Чтобы избавиться от десятков роящихся в голове мыслей-термитов, чеканно уничтожавших во мне малейшие крупинки надежды на побег или выкуп.

«Кэйвано никогда не продают своих рабов...». Вспоминались и эти слова Лейлы, сказанные мне еще в первый день моего пребывания в этом доме. Отсюда попадают либо на кладбище, либо в колонию. Кэйвано никогда не отдают другим то, что принадлежит им, очевидно, придерживаясь принципа: если не им, тогда никому не доставайся. Грустно и... обезнадёживающе.

Я вздохнула, сжимая пальцы так сильно, что те заболели.

Как же уговорить Кассандру Мальво выкупить меня у Кэйвано? Что я могу ей предложить? Денег? Это даже звучит смешно! Княгиня, королева, разве нужны ей те жалкие гроши, что я смогу отдать ей за свое освобождение?! Вечное ей служение? Тогда чем мое положение будет отличаться от того, какое я занимаю сейчас у своего личного демона? Да, я буду не рабой, а служанкой, у той больше прав, чем у меня сейчас, но... разве к этому я стремилась? Получив свободу, собственноручно отдать ее во власть другого человека?!

И есть ли у меня вообще шанс на то, что княгиня станет со мной разговаривать? И как мне добиться этого разговора? Очень сомневаюсь в том, что служанки, простолюдинки, и уж тем более, рабыни, могут запросто подойти к госпоже и заявить о своих желаниях.

Да и Кэйвано предупреждал, чтобы рабы не показывались на глаза его гостей без его на то позволения.

За непослушание и игнорирование приказа пощады ждать не стоит. Особенно от этого демона.

Так как же мне устроить этот разговор? Как объяснить Кассандре Мальво мое положение, какие аргументы привести для того, чтобы она меня запомнила, чтобы захотела мне помочь?

И не обращались ли к ней с подобными просьбами раньше? А если обращались, помогала ли она им?

Да и с чего бы, собственного говоря, ей, высокородной особе, княгине, властительнице, помогать мне, обычной рабыне, купленной для забав такого бескомпромиссного и беспринципного человека, как Штефан Кэйвано?! Человека, у которого в глазах можно найти ответ на вопрос — сколько. И этот ответ — никогда.

Тяжело вздохнув, я вновь нетерпеливо перевернулась на спину, уставившись в потолок.

Ту ночь я провела почти без сна, а когда Лейла пришла за мной, я чувствовала себя почти разбитой, потому что мыслей о том, как мне устроить аудиенцию с Кассандрой Мальво, так не пришло на ум.

Со времени отъезда Кэйвано прошли уже пять дней. Они тянулись вяло, почти неспешно, медлительно и размеренно, как-то монотонно и относительно спокойно, без каких-либо происшествий. Я успела убрать большую часть Южного крыла, вычистила ее только что не до кристального блеска, и была уверена, что даже у Князя-демона, который, я не сомневалась, будет искать и при желании найдет, сотни причин, чтобы считать свой приказ не полностью исполненным, не будет и шанса на то, чтобы меня в чем-то упрекнуть.

Я делала свою работу аккуратно и тщательно, можно сказать, с трепетом относясь к тому, что мне было велено. Инстинктивно я понимала, что за малейшее нарушение желаний Князя я буду наказана, причем наказана весьма изощренным, эксцентричным способом, который он станет применять лично ко мне и ни к кому больше. Уже одна мысль о том, что мне предстоит вынести, когда Кэйвано вернется в замок, меня корбила, иссушала изнутри, убивала морально. И как устоять перед ним и избежать наказания, я не знала.

И как можно смириться с тем, что мне предстоит предстать перед ним в чем мать родила?! Как вынести?

А он, этот голубоглазый дьявол, он будет упиваться моим смущением, моим стыдом, моим унижением и оскорблением высшего сорта! Я уже видела, как губы его растягиваются в улыбке, как глаза саркастически блестят, плотоядно и жадно пробегая по моей тоненькой хрупкой фигурке. Становилось жарко и стыдно.

Ведь он сам говорил, что я не привлекаю его физически, так почему же он?..

Он хочет меня сломать, сломить, покорить, унижить. Показать мне то место, которое я должна занимать. Место подчиненной, место рабыни, место покоренной и сломленной куклы-марионетки, готовой исполнить любой приказ, любую прихоть, любое желание своего господина, стоит тому лишь пальцем щелкнуть.

Быть куклой мне становиться не прельщало. И уж тем более я не собиралась сдаваться и показывать этому монстру свое истинное «я». Если он считает, что может просто так меня сломать, то ошибается.

Никогда, никогда он не сможет, не получит, не вырвет... не позволю!..

Но мне не дано было знать, что уготовила мне судьба-злодейка в будущем. К сожалению.

А до возвращения Князя оставалось чуть больше недели.

Я закончила свою работу по уборке Южного крыла раньше положенного срока, не прошло двух недель, даже голубоглазый демон еще не вернулся в поместье, чтобы оценить

мои труды «по достоинству», чтобы насладиться вдоволь моим стыдом и наткнуться на мое упрямство. Лейла давала мне каждый день новые задания, узнавая, на что я способна. Вначале я работала на кухне, но повариха Милдред сослала меня подальше, не желая, чтобы я шаталась у нее под ногами.

И тогда Лейла определила меня на приусадебный участок. Именно там я и познакомилась с Анатолем. Тем водителем, который в мою первую встречу с Князем, когда я по своей наивности думала, что он просто богач, успешный промышленник и бизнесмен, попала под его машину.

Я встретила с Анатолем случайно, когда, убирая к зиме клумбы и засыпая их опилками, мужчина подошел ко мне и, остановившись возле меня, разглядывал с высоты своего роста довольно-таки долго, пока я не заметила чей-то пристальный взгляд и не подняла глаза.

Наверное, мое изумление было написано у меня на лице, потому что мужчина легко улыбнулся.

— Я не хотел тебя пугать, — сказал он, подходя ближе. — Извини.

Я приподнялась с колен и, не стесняясь, стала его рассматривать, глядя на мужчину снизу вверх. Он был довольно-таки высоким, крепким, красивым. Глубоко посаженные серые глаза, густые брови, прямой нос и очерченные губы, все это удачно сочеталось на его смуглом лице, и отчего-то вызывало у меня доверие.

Он потоптался на месте, а потом вдруг выпалил:

— Я Анатоль, — он даже протянул мне вперед руку в знак приветствия. — Ты, наверное, меня не помнишь? — видя мое замешательство и неспешность, с которой я протянула его свою ладонь, спросил он.

— Нет, я помню, — пробормотала я. — Меня зовут Каролла.

— Каролла? — его брови взметнулись вверх. — Мне казалось, что Лейла звала тебя Кара. Нет?

Новое имя вновь резануло меня ножом.

— Так называет меня... Кэйвано, — назвать демона хозяином у меня так и не повернулся язык.

Анатоль немного помолчал.

— Значит, ты все-таки не смогла убежать? — с какой-то грустью и даже удрученностью проговорил он.

Я промолчала. Стоит ли подтверждать очевидное?

— Мне жаль, — коротко бросил он, смущенно потупившись.

— Мне тоже, — ощущение участия с его стороны не проходило, и я продолжала смотреть на него.

— Если бы ты тогда не попала под его автомобиль... Если бы я тебя не сбил тогда... — выдавил Анатоль.

Я уставилась на него с изумлением. Он думает, что виноват в том, что я оказалась здесь?!

— Я думаю, что это ничего не изменило бы, — к своему ужасу, стараясь его успокоить, проговорила я. — Меня похитили для того, что продать. Кэйвано не... — я запнулась. — Тот случай не играл никакой роли.

Серые глаза сощурились, вынуждая меня повести плечами.

— Ты так в этом уверен? — глядя мне в глаза, напрямик спросил Анатоль.

Я сглотнула, почувствовав змейку холодной дрожи, промчавшуюся вдоль позвоночника. Что он хочет этим сказать?! Что все произошло неслучайно?! Но ведь это невозможно. Или возможно?..

— Ничего не случается просто так, — выдал мужчина, делая шаг назад, будто осознав, что сболтнул лишнее.

— Ты думаешь, что?..

Мужчина как-то грустно рассмеялся, перебив меня своим смехом.

— Мне не положено думать, — горько сказал Анатоль, скривившись. — Хотя иногда ничего не могу с собой поделать, — засунув руки в карманы брюк, он саркастически хмыкнул. — Я всего лишь слуга.

Я опустила глаза, сцепила руки в замок. Грудь жгло адской болью.

— А я — рабыня. У меня вообще нет никаких прав, — и это бесило! — А как ты стал слугой?..

Он успел лишь открыть рот, чтобы мне ответить, но его нагло и дерзко перебили.

— Кара!?

Я резко обернулась на голос. Лейла. Словно стервятник, она следила за каждым моим шагом, будто ожидая, когда я откинусь. Сейчас управительница двигалась ко мне быстрыми шагами с выражением лица, не предвещавшим ничего хорошего.

При ее появлении Анатоль тихо чертыхнулся себе под нос и отступил от меня еще на пару шагов.

— Что за?.. — прошептала я, глядя на него с удивлением.

А Лейла тем временем остановилась около меня и, смерив сначала Анатоля, а затем и меня пристальным грозным взглядом, словно мы занимались чем-то недостойным и нас застукали на месте преступления, сцепила руки, грубо выговорив:

— Мне кажется, я дала тебе задание, Кара? — голос ее был груб и громок.

— Я почти все сделала, — попыталась отчитаться я. — Мы с Анатолем просто поздоровались...

Она бросила на мужчину быстрый взгляд. И в этом взгляде, как я догадывалась, было очень много слов.

Мой новый знакомый отлично их понял. Губы его сжались в плотную линию, а глаза сузились.

— Я вижу, — сухо выдала женщина и, схватив меня под локоть, толкнула вперед, заявив: — Пошли в дом, за тебя работу доделает Мара.

— Но как же?.. — попыталась воспротивиться я, оглядываясь на Анатоля, застывшего мраморным изваянием и так и не сделавшего ни единого шага.

— Пошли, Кара, — грубо толкая меня вперед, вещала Лейла. — У меня приказ, — и, обернувшись к Анатолю, прошипела ему: — А ты, зайдешь ко мне после. Мне нужно с тобой поговорить.

Мужчина кивнул, не подавая виду, что знает, о чем пойдет разговор. Но я чувствовала, что он знает.

И ощущение опасности, нависшей над ним, не отпускало меня весь день.

А на следующий день меня перевели на постоянную работу в дом, в зимнем саду.

Анатоля я с того дня больше не видела.

А в день, когда до возвращения голубоглазого демона оставалось всего пару дней, случилось нечто, что перевернуло мою жизнь. Навсегда. И началось все с визита красивого

незнакомца в дом Кэйвано.

Я как раз заканчивала работу в зимнем саду, облаченная по приказу Лейлы в прочную серую рубаху с коротким рукавом, не доходившую мне и до колен, и выходила из комнаты, чтобы отправиться в душ, когда столкнулась с ним. С еще одним демоном. С еще одним дьяволом во плоти. И он пожирал меня.

У этого исчадия ада были пронизывающие карие глаза, которые из-за длинных ресниц казались почти черными. И этими глазищами он взирал на меня неспешно, медленно, лениво, вульгарно и уничижительно, будто раздевая, обнажая до гола не только мое тело, но и обнажая душу. Мне стало неудобно и противно.

А демон, вальяжно прислонившись к стене, засунув руки в карманы джинсов, наклонив голову набок, разглядывал меня так, как разглядывают товар на витрине магазина.

И ужасающе чувство дежавю накрыло меня с головой.

Я будто вновь оказалась на Арене, выставленная на продажу перед кучкой безжалостных извращенцев, возомнивших себя богами, вершителями моей судьбы. Беззащитная, напуганная, одинокая девочка, выброшенная на потеху богатых стервятников, животных, хищников, которые готовы были наброситься на меня, как на свежее мясо, и искромсать.

Я, тихо вскрикнув, испуганно отскочила к противоположной стене, прижимая руки к груди и глядя на неожиданного гостя с ужасом и опаской. Да, его стоило опасаться. Я чувствовала исходящую от него ауру.

Он был вызывающе красив. Не той дикой, первобытной красотой, какой был красив Кэйвано, а красотой, которую, очевидно, принято считать классической. Черты его лица были изящны, правильны и выразительны. Легкая усмешка на чувственных губах, саркастически приподнятые уголки, откровенно заглядывающие в самую душу темно-карие глаза, иронично приподнятые брови, выглядывающие из-под ниспадающей на лоб черной челкой, прямой ном, волевой подбородок. И поза. Поза властителя, короля, хозяина, повелителя и... искусителя.

Очень опытного и самоуверенного соблазнителя таких маленьких и неопытных девочек, как я.

Под его раздевающим взглядом я плавилась, словно на огне. Сердце загрохотало в груди, как бешеное, а вспотевшие ладони, чтобы взять себя в руки, пришлось сжать в кулаки.

Опасен. Стучало в мозгу надрывающимся кашлем.

Очень опасен, потому что искушен и очаровательно соблазнителен.

Меня обдало жаром, пронзившим каждую клеточку тела, ноги подкосились, кожа покрылась дрожью. О том, чтобы произнести хоть слово, не могло быть и речи.

И я, как замороженная, наблюдала за тем, как незнакомец, отстранившись от стены, делает шаг вперед.

И я понимаю, что мне нужно бежать. Пока есть выход, пока есть возможность. Но не могу бежать, ноги меня не слушаются, я даже закричать не могу, чтобы позвать на помощь.

Его мысли я читаю по его смуглому лицу, они слишком очевидны, прозрачны. Мне они не нравятся, эти мысли жажды и обладания.

— Так, так, так, — скривившись, проговорил незнакомец бархатистым голосом, обдавшим меня пламенем. — А Кэйвано и не подумал поделиться новостью о том, что заполучил в свою власть такую конфетку, — окинув меня медлительным, скользким взглядом, поделился мужчина. — Как тебя зовут, конфетка?

И тут меня будто ушатом ледяной воды обдало. Сердце затрепетало в груди уже от ужаса и испуга.

Он приближался ко мне. Стремительно, важно, резко, подавляя и преграждая пути к отступлению.

— Кто вы? — стараясь, чтобы голос не дрожал, выпалила я. Куда бежать? Где спрятаться? Как спастись?!

Губы его изогнулись, брови приподнялись.

— Неужели Штефан не сказал? — мужчина поцокал языком, усмехнулся. — Я его очень хороший друг, — он вновь двинулся на меня. — Очень хороший друг, — подчеркнул он и, нависая надо мной, добавил: — Поэтому, будь умничкой, скажи мне, как тебя зовут. Ты ведь не хочешь разозлить его? — он хмыкнул. — Не советую тебе делать это, он, знаешь ли, бывает чересчур... активен в исполнении наказания за непослушание.

— Я не получала от него приказа... в отношении вас, — запинаясь бросила я, отступая по стене.

Этот человек был столько же опасен, как и Кэйвано, с одной лишь разницей. Его опасность была спрятана под маской сладости голоса, саркастически приподнятых губ, иронически изогнутых бровей, небрежности и мнимого равнодушия. Его истинные помыслы скрывались за маской нежности и страсти.

Он не терпел отказа, это тоже можно было понять по одному лишь на него взгляду.

И я не удивилась, когда на свои слова в ответ получила гортанный приторно сладкий смех. Но глаза его стали холодными, жесткими и колючими, предупреждающе взирающими на меня, призывающими не делать глупостей.

Он продолжал надвигаться на меня.

— Я думаю, — тягуче проговорил он своим колдовским голосом, — мы сможем с тобой договориться.

Я отступала до тех пор, пока не врезалась в угол и, замерев, испуганно посмотрела на него.

— Как тебя зовут, конфетка? — повторил незнакомец свой вопрос. — Я обычно не повторяю дважды, но для тебя, как видишь, — он вновь окинул меня быстрым взглядом, — сделал исключение.

Расстояние между нами стремительно сокращалось. Дыхание стало частым и прерывистым, жар пронзал насквозь, пульс колотился в виски, оглушая и не давая разумно мыслить. Отступить мне было некуда.

— Вижу, ты не так проста, какой кажешься, — протянул он, надвигаясь на меня, почти вплотную подходя ко мне и закрывая меня своим телом.

Я испуганно озиралась по сторонам в поисках помощи, мысленно молясь лишь о том, чтобы он ушел.

Но уходить он не собирался, он продолжал наступление до тех пор, пока не прижал меня к стене.

— Я буду кричать... — сухими губами выдохнула я, когда он сделал последний, разделявший нас друг от друга шаг, и зажал меня между стеной и своим телом.

— Кричи, конфетка, — прошептал он мне в волосы и улыбнулся. — Может быть, кто-нибудь тебя и услышит.

Я рванулась вперед, предприняв попытку вырваться из его рук, загнавших меня в ловушку, но мужчина резко дернул меня на себя, заставляя оставаться на месте. И я начала

вырваться с бóльшей силой.

Все внутри меня тряслось, дрожало, билось, противилось.

— Тихо, тихо, — зашептал мужчина, склонившись надо мной, и рукой заправив выбившуюся из косички прядь черных волос за ухо. Погладил мою щеку кончиками пальцев, коснулся дрожащих губ и усмехнулся. — Что, он еще не приручил тебя, а?

Я вздрогнула от его слов и вновь попыталась вырваться, но меня вновь удержали на месте.

— Не брыкайся, конфетка, — проскользнул он словами по моей щеке и, добравшись до мочки уха, выдохнул: — Как тебя зовут? Я же все равно узнаю, конфетка, — давил он на меня. — Узнаю, будь уверена.

И тогда я сдалась. Наивная идиотка, я подумала, что он отпустит меня, когда узнает.

— Вы... отпустите меня, если я скажу?.. — проговорила я шепотом, сжимаясь под его телом, пытаюсь отстраниться как можно дальше.

Я почувствовала его усмешку кожей.

— Отпущу, — промурлыкал он мне в ухо, и я поежилась. — Если ты этого захочешь.

«Нет, не отпустишь» с грустью и ужасом подумала я и, приоткрыв рот, выдохнула:

— Каролла...

...одновременно с тем, как меня буквально оглушил, несмотря на скользкую противную тишину, злобный голос со стальными нотками жести... голос моего истинного хозяина.

— Надеюсь, я вам не помешал?!

И я еще успеваю подумать, что это конец, и чувствую скользкую улыбку незваного гостя щекой, ведь он так и не отступил ни на шаг, а потом вдруг с ужасом ощущаю, как мягкие влажные губы касаются моего рта в дерзком вульгарно-развратном поцелуе.

И томительно-нежный шепот в мой приоткрытый рот:

— Не удержался...

...был последним, что я запомнила из всего произошедшего.

Глава 13. Предостережение

13 глава

Предостережение

Как он был зол, знал только он один. Хотя не заметить этого, мог только слепец. И Штефану Кэйвано на мгновение показалось, что, если он не сдержится, не усмирит свой гнев, вспыхнувший в нем, подобно костру, пожарищу от одной лишь искры, то на одного слепца в мире станет больше.

Глаза его, замерев на высоком темноволосом мужчине, прижимавшемся к его девчонке, пылали.

Он был не просто зол, он пребывал в бешенстве, в пограничном состоянии ярости и гнева, смешанного с острым желанием разорвать в клочья того, кто посмел посягнуть на его собственность. На его рабыню!

Карим Вийар, мать его! Тот, кто чурался запретов, просто предпочитал закрывать глаза на правила, тот, кто обладал безграничной властью. Холодный и расчетливый сукин сын, цепкий, откровенно вызывающий, охотник, и никогда жертва, хозяин положения, бездушный мерзавец, скрывающий за маской сладости свой истинный образ кровожадного хищника. Его сделали таким обстоятельства, общества, люди... И он мстил каждому, кто смел бросить ему вызов. И теперь он посягнул на то, что ему не принадлежало!

Но это он не получит. Никогда. Штефан Кэйвано не тот человек, который будет играть с ним в его игры.

Но как посмела эта... девка, его новая рабыня, Кара!.. как она посмела показываться ему на глаза?! Ведь он запретил, не позволил, предупредил, что ее ждет в случае неповиновения. Она вновь его ослушалась?!

В груди, разгораясь с новой силой, вспыхнул костер злости и жажда мщения.

Сдержанно поджав губы, Штефан, сощурившись, наблюдал за тем, как мужчина, нагло ухмыльнувшись, наклоняется и жадно впивается в губы его рабыни сладострастным поцелуем, буквально слизывая губами ее стон и легкие вздохи. Крепче, сильнее вдавливая ее тело в свое, прижимая к себе, ощущая ее дрожь.

Князя передернуло, холодные глаза демона блеснули. Он делал с ней то, что сам Штефан еще не делал!

И ярость забила в нем с новой силой. Князь сжал руки в кулаки.

— Отойди от нее, — прошипел он сквозь зубы. Тихо, отточено, уничижительно. — Сейчас же.

Он, скорее почувствовал, чем услышал, как незванный гость хмыкнул, и улыбка растянула его губы.

Отстранившись от девчонки лишь на пару сантиметров, не оборачиваясь к нему, проговорил, обращаясь к ней:

— Видишь, что мы наделали, — губы его вновь дрогнули, уголки приподнялись, пальцы коснулись ее щеки, — разозлили твоего хозяина-тирана. Как думаешь, он простит нам это, конфетка?

Конфетка, твою мать?!

На скулах Штефана заходили желваки, глаза превратились в льдинки.

— Убери от нее руки, — жестко повторил Князь, по-прежнему тихо, но отчетливо.

А гость, будто не обращал на него внимания.

— Да, ты права, крошка, — вновь ухмыльнулся он. — Тиран, он и есть тиран...

— Убери от нее руки, Вийар! — больше не сдерживаясь, выкрикнул Штефан, едва удерживая себя на месте.

Еще одно слово, неправильное слово, неверный жест, уничижительный взгляд... И все будет решено. Здесь и сейчас. Штефан ощущал в себе это дикое, первобытное, разъедающее его изнутри желание крови.

Тот обернулся к нему полубоком, на лице его мелькнула легкая саркастическая усмешка. Князь поджал губы, чувствуя, как ярость заполняет все внутри его зияющей пустоты. Бесконтрольная, чистая, черная ярость. Такая же яркая, как взрыв, сокрушительная, как удар под дых, ослепляющая, как вспышка молнии.

Никто, кроме него, не смеет касаться ее. Никто, никогда. Никого из его рабынь. А ее — особенно!

Он сам еще не до конца выяснил, кто она есть на самом деле. А Вийар... он посмел, осмелился, рискнул!

— Тише, тише, Штефан, — улыбнувшись, проговорил он и, бросив на девушку, нерешительно застывшую у стены, следившую за всем происходящим в немом молчании, плотоядный взгляд, сказал: — Еще встретимся, конфетка. Ты будешь ждать встречи?

Та передернула плечами, поежилась, сжав руки в кулаки. Медленно, неуверенно, боязливо она перевела глаза на своего господина. И Штефана накрыло новой волной ярости, гнева и бешенства, смешанного, тем не менее, с первобытным возбуждением, с желанием обладания. Ею. Только ею.

Ее припухшие губы, слегка приоткрытые, широко распахнутые зеленые глаза, казавшиеся огромными на бледном личике, дрожащий подбородок и вздымавшаяся от частого дыхания грудь с выступавшими сквозь тонкую ткань рубахи сосками, — все это будило в нем животные инстинкты, о которых он будто забыл.

Казалось, он и не знал о них до того момента, когда увидел ее в лапах Карима Вийара, такую хрупкую, чувственную, вызывающе развратную, откровенную, желанную. Все в нем жаждало обладать ею. Почему? Почему она?! Почему не София, которая могла завести его с пол-оборота?! Что было в этой хрупкой, ни на что не годной девчонке, которая, казалось, вот-вот рассыплется, если он до нее дотронется.

Ему никогда нравились такие, как она. Они ни на что не годились, лишь занимали место в его усадьбе, а эта... вначале он хотел с ней лишь поиграть, потому что она показала свои коготки. Она боролась, терпела, злилась, но не переставала показывать характер. Ему доставляло удовольствие с забавой следить за тем, как она пыталась барахтаться в той пучине, в которую он ее опустил. Сколько она смогла бы выдержать? На что была способна? Где был ее предел, та грань, которую она уже не смогла бы перешагнуть и сдалась на милость победителю, — то есть ему?! Он жаждал это выяснить. Не больше. До этого дня. До этого момента.

Сейчас все изменилось. Молниеносно, стремительно, кардинально. Одного взгляда на нее хватило.

Ее трогал Карим Вийар, прижимал к себе, страстно целовал. Она выдержала, снесла, жива осталась, еще и удовольствие от этого получала? Ведь не сопротивлялась, не

противилась... Смирилась? Так быстро? Или же обманывала его, пытаясь строить из себя невинную непорочность и строгость, выражая силу воли?!

Холодные глаза зверя сузились, губы вновь сжались в линию.

Значит, он им помешал?! Вернулся не вовремя?! Оторвал их от приятного времяпровождения?!

Ему хотелось подойти и вырвать девчонку из цепких лап Вийара, но он остался стоять на месте.

— Отойди от нее сейчас же, — громче и жестче повторил Штефан, пронзая их ледяным взглядом. — Она моя.

Брови гостя поползли вверх, он оглянулся на застывшую у стены девушку, потом вновь посмотрел на Князя Четвертого клана. Усмехнулся, саркастически, нагло, откровенно.

— Неужели? А я-то думал...

— Зачем ты пришел? — перебил его Штефан, теряя терпение.

К его удивлению, мужчина мгновенно посерьезнел. Глаза его похолодели.

— Есть разговор, Кэйвано.

— В моем кабинете, — коротко бросил Князь, не отводя от гостя глаз.

— Как скажешь, — пожал тот плечами и, бросив на девушку мимолетный взгляд, широко улыбнулся ей. — Еще встретимся, конфетка.

— И не мечтай! — злобно выдохнул Штефан сквозь зубы.

Вийар лишь рассмеялся и подошел к нему, открыто улыбаясь и ничуть не скрывая своего удовольствия.

— Пошли! — выдохнул ему в лицо Штефан и, уступая мужчине дорогу, процедил: — После тебя. Ты знаешь, где находится кабинет.

Мужчина лишь пожал плечами, легко хохотнул, проходя мимо хозяина замка, и неспешно, с присущей ему грацией двинулся вдоль по коридору, даже не оглянувшись и не проверив, следует ли за ним Штефан.

А Князь задержался на месте лишь на минуту. Устремив яростный жгучий взгляд на рабыню, он тяжело дышал, стараясь сдержаться и не кинуться к ней. Чтобы раздавить, уничтожить. Силой своего возбуждения.

Под его взглядом она сжалась, втянула плечи, опустил глаза, покраснела и испуганно вздрогнула, как от удара, когда он резко рывкнул:

— Смотри на меня!

Девушка стремительно впилась в него испуганным взглядом. Сплотнула, будто зачарованная.

— Зайдешь ко мне после того, как он, — Штефан ткнул пальцем в спину удаляющегося Вийара, — уйдет.

— Я должна объяснить... — пробормотала она скомкано. — Я не виновата...

— Объяснишься! — резко перебил он. — Будь уверена, ты объяснишься! — и, повернувшись на каблуках, широкими быстрыми шагами пошел прочь.

Она ответит ему за все. Он заставит ее вспомнить, кто здесь хозяин, и кому она должна подчиняться. Он завладеет ею, он узнает, на что она способна, чего она стоит. Возбуждение достигло пика, а желание будто затуманило мозг. Он теперь не отступит, не отступится. Не отпустит ее.

Игры закончились, так и не начавшись?! Плевать! Исход этой игры был очевиден, и победитель должен был быть один. И он будет — один. Единственный. И она познает, кто

есть он, и кто есть она.

Теперь оставалось покончить с Вийаром, а потом уже воплощать в жизнь план мести. И, как бы у него не чесались руки от желания поскорее завладеть девчонкой, посмевавшейся наступить на горло его амбициям, следовало для начала разобраться с Каримом.

Чертов сукин сын! Какая нелегкая принесла его к нему в дом? Перед самым Советом!?

Карим Вийар его раздражал, и чувства эти были взаимны. И их противостояние никогда не закончится.

Едва Штефан открыл дверь, застав Вийара сидящим в одном из кресел, тут же услышал в своей адрес:

— А продай ее мне, Штефан.

Наверное, не стоило уточнять, кого именно, но Князь, громко хлопнув дверью, поинтересовался:

— Кого? — насупившись, прошел вглубь кабинета, не глядя на нежданного гостя.

Мужчина повернулся к нему, следя за его продвижением, наклонив голову и задумчиво сощурившись.

— Ты знаешь, — проговорил он тихо. — Ее. Кароллу.

Штефан помрачнел.

— Ее зовут Кара, — грубо исправил он и двинулся к своему столу. — И она не продается. Еще какие-нибудь пожелания, прежде чем мы перейдем к сути, и я узнаю, что ты тут делаешь? — присев в кресло и вальяжно откинувшись на спинку, Штефан воззрился на гостя с раздражением.

— Может, мы сторгуемся? — не отступал Вийар, постукивая кончиками пальцев по подлокотникам кресла. — Сколько ты за нее хочешь? Я дам столько, сколько попросишь, — он хмыкнул, — в разумных пределах, конечно же.

— Она не продается, Карим! — резче и громче повторил Штефан, начиная ощущать в себе новый прилив злости. — Ты знаешь это. Ни она, никакая другая из тех, что принадлежат мне. Кэйвано не продают рабов.

Мужчина повел плечом.

— Может быть, стоит менять традиции? — вопросительно посмотрел он на него.

— Зачем она тебе? — оцетинился Кэйвано.

Губы Карима Вийара скривились.

— Мне понравилось, как она целуется, — проговорил он, выжидающе глядя на Князя и провоцируя его. — Такая мягкая, сладкая...

Руки Штефана сжались в кулаки, сдерживать себя становилось почти невозможно. И Вийар знал это!

— Она не продается! — прошипел он сквозь зубы, прожигая Карима холодом серо-голубых глаз. — Ясно?!

— Тебе она тоже понравилась? — усмехнулся гость, продолжая провоцировать Кэйвано. — Не удивительно...

— Забудь о ней, — резко бросил голубоглазый демон и зарычал: — Она моя! И ты ее никогда не получишь.

Вийар пристально и очень внимательно посмотрел на него, и хотя он улыбался, глаза его оставались холодными, а выражение лица почти бесстрастным. Постукивая кончиками пальцев по креслу, он смотрел на Князя, не отводя глаз, выжидая, провоцируя, сдержанно. А потом вдруг клятвенно заверил:

— Мы еще вернемся к этому разговору.

Штефан нахмурился.

— Мой ответ не изменится.

Чувственные губы кареглазого дьявола дрогнули.

— Посмотрим.

Штефан с силой втянул в себя воздух. Несмотря на их отношения и взаимную неприязнь, оба знали, что ссориться было опасно и неразумно, тем более, ссориться из-за какой-то девчонки, из-за рабыни! Но сейчас Штефану отчаянно хотелось врезать по его смазливой физиономии, чтобы тому не повадно было лапать то, что ему не принадлежит! И Вийар знал, на что давить.

Они никогда не были друзьями, скорее противниками. Сошлись они лишь однажды, в одном вопросе. Во всем остальном оставаясь противоборствующими сторонами, тягаясь друг с другом и говоря: «А ты так можешь?!». Слишком сильные, гордые, волевые, не терпящие неповиновения и отказа.

Слишком похожие друг на друга не друзья, и не враги.

— Зачем ты приехал? — сдержанно спросил Князь Четвертого клана. — Ты разве не знал, что я в Лондоне?

Карим равнодушно скривился.

— Не знал, я как-то не слежу за твоими передвижениями, — усмехнувшись, он покосился на хозяина замка и поспешил его поддеть: — Мне нужно было приехать раньше, тогда сладкая конфетка сама смогла бы сделать выбор, с кем ей оставаться.

— Забудь! — рвано рыкнул Штефан, вновь начиная загораться. — Что тебе от меня надо?

— Хм, — покачал тот головой, — очень грубо, Штефан. Вообще-то, — проговорил он, выделяя каждое слово, — это что-то нужно тебе, а не мне.

— О чем ты? — серо-голубые глаза подозрительно сузились.

— До меня дошли слухи, — закинув ногу на ногу, скучающим тоном заявил Карим, — будто бы твои люди нарушают первое правило. И о том, что мы существуем, знает уже не один смертный, и даже не два.

Штефан мгновенно помрачнел, лоб протаранили складки, брови сошлись на переносице.

— Этого не может быть! — отчеканил он уверенно и твердо.

— Может, Штефан, — коротко возразил Вийар. — Я сам слышал, когда был в Варшаве. О нас уже болтают, — Карим увидел, как изменилось, исказившись гневом, смуглое лицо Князя. — Конечно, круг осведомленных слишком мал, даже ничтожен, в него входят лишь избранные, и все же... — вскинув подбородок, Карим выстрелил в Кэйвано колкостью взгляда. — Ты понимаешь, чем это может тебе грозить? Это нарушение?

Штефан попытался невозмутимо нахмуриться, выражая крайнюю степень уверенности в себе.

— Круг осведомленных всегда был, есть и, очевидно, будет, — спокойно выговорил Князь. — И никогда это не было проблемой.

— До сегодняшнего дня, — подтвердил Карим. — Этот круг не должен расти, ты знаешь, иначе ситуация выйдет из-под контроля. Новое восстание нам ни к чему.

Кэйвано, сам от себя не ожидая, решительно стукнул кулаком по столу. Щека его дернулась.

— Мои люди не могли этого сделать, — упрямо возразил Штефан, нависнув над столом. — Никто из них. Их дважды, трижды проверяют те, кто служит мне давно.

— А если их подкупили? — выразил предположение Карим. — Как сильно ты доверяешь тем, кто служит тебе? Так сильно, что можешь быть уверенным в том, что им не могли дать больше?

— Кто? — выдавил Князь сквозь зубы.

Губы Вийара сжались.

— Тот же, кто распускает слухи.

И Штефан уже знал ответ.

— Исаак...

Карим кивнул.

— Он не успокоится, пока не станет Королем, — сказал он. — Пока ты не умрешь, или пока не отправишься в колонию.

— С**а! — зло выдохнул Штефан. — Я не отдам ему Багровый Мыс! — прошипел он сквозь зубы. — Никогда не отдам, и он это знает. Я Князь по праву, по рождению. Я, а не он! Так решил Совет десятилетия назад!..

Вийар откинулся на спинку, равнодушно и, казалось, безразлично постукивая пальцами по креслу.

— Думаю, ты должен знать, — медленно, но верно подливал Карим масло в огонь, — что он хочет оспорить завещание Бернарда, — и, глядя в исполосованное гневом лицо Штефана, заявил: — Он приедет на Совет.

— Черт побери! — матерясь в голос, Штефан вскочил с кресла. — Откуда ты это знаешь? — посмотрел он на Вийара, уже не сдерживая эмоций. Только его «дядюшки» на Совете и не хватало!

Карим усмехнулся.

— Я умею, если хочу, добывать информацию, — брови его приподнялись, губы скривились, но глаза даже не блеснули, оставшись все такими же холодными. — Ты разве не знаешь?

Кэйвано промолчал. О прошлом Карима Вийара знали все, но упоминать об этом в последние годы не решался никто. Ищейка выйдет на след, найдет и уничтожит. Всех, кто посмел ткнуть в него пальцем.

— Зачем ты мне сказал об этом? — повернувшись к гостю лицом, спросил он, гордо вскинув подбородок. — Мы не друзья с тобой...

— Но и не враги.

— Противники, — упрямо сказал Кэйвано, щурясь. — Я не перевариваю тебя на дух, ты меня тоже. Так в чем же дело? Что ты хочешь получить за эту информацию?

Карим вновь саркастически улыбнулся, хмыкнув.

— А с тебя можно что-то спросить?

— Можешь попробовать.

— Твою рабыню? — иронично приподняв брови, хохотнул Вийар. — Кароллу?..

— Забудь, — мрачно отрезал Штефан.

Карим рассмеялся.

— Тогда, — проговорил он, — считай, что я рассказал тебе все просто по чистоте душевной, — развел руками. — Вот какой я хороший, а ты меня другом считать не хочешь, — поцокал он языком.

Кэйвано смерил его колким взглядом.

— Мы никогда не станем друзьями, — заявил он. — И ты это прекрасно понимаешь.

— Понимаю, — задумчиво протянул Карим, погладив подбородок. — Но, прошу, не ищи подвох там, где его нет, — задумался и выпалил: — Димитрию Мартэ ты веришь, — упрекнул он, — а мне не хочешь довериться?

Князь Четвертого клана пронзил гостя осуждением взгляда.

— Я помню тот Совет, — тихо сказал Штефан после продолжительной паузы.

— Это было сто лет назад, Кэйвано! — взмолился Карим, закатив глаза. — Не пора ли забыть?!

— Ты знаешь, что нет.

Взгляды, которыми они переглянулись, можно было поджечь, настолько яркими и жгучими они были.

— А ты злопамятен, Штефан, — протянул Вийар, приподнимая уголки губ.

— Как и ты, Карим, — парировал тот.

Вийар долго изучающе смотрел на Князя, а потом поднялся с кресла.

— Я предупредил тебя, Кэйвано, — сказал он, продвигаясь к двери. — Что ты теперь будешь делать, меня касаться не должно. Знай лишь, что я буду на твоей стороне, — грустно хмыкнул, — несмотря на то, что мы никогда не станем друзьями, — и, подойдя к двери, резко обернулся. — Слово Князя!

И стремительно вышел из кабинета, хлопнув дверью.

А Штефан Кэйвано, скрестив руки за спиной, задумчиво подошел к окну и нахмурился.

Исаак Хотвар не успокоится, пока не уничтожит его. Пока не покончит с ним раз и навсегда. Пока не отнимет власть, не убьет или не упрячет в колонию под любым предлогом. Пытался уже несколько раз, сразу же после смерти отца Штефана, своего сводного брата, затем еще и еще, пытаясь очернить его перед Советом, унижить, отобрать не только власть, но и Багровый Мыс. Но честным путем — не выходило.

И теперь он решил пойти на уловки? Осмелился пойти против правил, чтобы его растоптать?! Нарушил законы и перешагнул черту для того, чтобы приласкать свое честолюбие, насладиться собственной мстостью и удовлетворить желание, которое стало не просто мечтой, но манией!?

Он не успокоится. Не отступит. Но и Штефан не отдаст ему то, что заслужил по праву.

И это была война.

Глава 14. Преступление и наказание

14 глава

Преступление и наказание

Я боялась. Да, я, действительно, боялась его. Сидя на кровати с низко опущенной головой, втянув плечи и дрожа, я будто ждала начала конца. И боялась.

Как ни стыдно, как ни ужасно было это осознавать, даже признаваться себе в этом, но страх сковал мое тело стальными путами. Я боялась его. Того, что он мог сделать мне, со мной. Я знала, что он не оставит этого просто так, не спустит этого промаха, отомстит, накажет, укажет на то место в его доме, которое я должна занимать. Место рабыни, букашки. А я не смогу оправдаться, очистить себя от стыда и позора, не смогу противостоять его напору, его натиску, его решению показать мне, кто в этом доме хозяин.

Он накажет, он оставит все без внимания. Уже не оставил! Разве не объявил он мне, что будет после того, как уедет его друг? Ничего хорошего для меня. Наказание. А слова о том, что Кэйвано позволит мне объясниться — чушь, лишь слова, пустые и никому не нужные. Не позволит, не даст и единого шанса на то, чтобы хоть как-то исправить положение, попытаться рассказать ему о том, как все было на самом деле. Он не станет слушать. А если и станет, то услышит лишь то, что захочет слышать. А мне придется смириться.

Да кто он такой, чтобы диктовать мне... указы? Кто он такой, чтобы уничтожать меня, обвиняя? Кто?!

Хозяин, глава, Князь, он — Штефан Кэйвано. И этим, очевидно, все было сказано. Он имеет право на все, а я... я не имею права ни на что. Потому что он — всё, а я — никто.

Не в силах сидеть на месте, я резко приподнялась и прошлась по ничтожно маленькому пространству своей коморки. Туда-сюда, из угла в угол, заламывая руки, подрагивая и пожимая плечами.

Опасность в лице Князя, как Дамоклов меч, нависла надо мной, готовая вот-вот рухнуть вниз. На меня.

Я обняла себя руками, крепко, сильно, будто уговаривая успокоиться, не бояться, прийти в себя.

Но неизвестность перед надвигающейся бедой пугала своей мрачностью и откровенным кошмаром.

Когда ушел его друг, которого я отчего-то таковым не считала, я вновь нарушила его приказ — не пришла к нему. Я знала, что навлекаю на себя гнев, и все равно... не могла двинуться с места, сделать хотя бы шаг. Внутри все тряслось, сердце сжималось, а дыхание стало частым и сбившимся.

Я ненавидела себя за подобное проявление слабости. Страх перед ним. Дикий ужас перед наказанием.

Я знала, что он не успокоится, отхлестав меня кнутом, просто избив. Ему нужно нечто большее. Иное. Разве не это я прочла в его глазах в коридоре, когда он, нависнув надо мной, изрыгал угрозы? Я видела его желание, оно горело в его демонских серо-голубых глазах и выдавало его похоть и возбуждение. Он не желал побоев, он желал... меня. Упавшей перед ним на колени, покоренной, сломленной, тихой, избитой не физически, но морально,

полностью уничтоженной и отданной ему в услужение для развлечения.

Но моя гордость, моя совесть, моя внутренняя сила и волевой протест подымали клубы черного дыма, не желая отдавать то, что принадлежало только мне. Мою независимость, мою волю, мою душу. Саму меня.

И поэтому, когда Лейла пришла ко мне, уведомляя, что друг Князя ушел, и тот требует меня, я восстала.

Когда она вошла, я даже не повернулась к ней лицом, продолжая сжимать себя руками и глядя в стену.

— Он просит тебя к себе, — коротко бросила Лейла, пронзая мою спину горячим взглядом.

Я лишь сильнее стиснула свои плечи, ощущая трепещущую противную дрожь в теле.

— Нет, — отчаянно я замотала головой и, повернувшись к ней, повторила: — Нет, я не пойду!

Женщина чуть не задохнулась от возмущения.

— Ты что, с ума сошла? — изумленно выдохнула она, застыв в дверях. — Ты знаешь, что он с тобой может сделать за непослушание?! Ты хоть представляешь себе?..

Что угодно, пусть что угодно делает, но я никогда не пойду к нему. Пусть бьет, пытается, клеймит, только бы не... только бы... оставил меня в покое!

— Кара! — воскликнула Лейла, продвигаясь ко мне. — Подойди, тебе нужно пойти к Князю.

— Нет! — я продолжала стоять на своем, не намереваясь отступить.

— Господин Вийар уехал, — сообщила мне Лейла, — и хозяин сразу же попросил тебя. Немедленно!

— Мне все равно, — покачала я головой. — Не пойду! Пусть наказывает!

Лейла бросила на меня еще один предупреждающий взгляд, острый, гноящийся упреком и осуждением.

— Ну, что ж, — сквозь поджатые губы выдохнула она, — ты сама все для себя решила. Тебе и отвечать, — и, резко повернувшись на каблуках, решительно выскользнула в коридор. На пороге замерла, обернулась ко мне и коротко бросила: — Он придет сам, можешь не сомневаться. И подобного тебе не простит. Жди!

Еще мгновение, и моя коморка погрузилась в свистящую ужасом и моим собственным страхом тьму. А еще через мгновение я услышала звук поворачиваемого в замочной скважине ключа. Меня заперли.

Не в силах держаться на ногах я медленно подошла к кушетке и опустилась на него, почти недвижимая.

Что теперь будет? Боже, что же теперь будет?!

Забравшись на кушетку с ногами, поджав колени под себя, я сжалась комочком в углу. Ожидая прихода господина. А в том, что он придет, я не сомневалась. И не только потому, что об этом мне сообщила Лейла, я знала это и без ее слов. Он не смог бы оставить это дело. Неповиновение рабыни, где это видано?!

И как жаль, что этой своевольной рабыней была именно я!..

Он заставил себя ждать. И, хотя я не знала, который час, потому что часов у меня не было, но могла судить, что после ухода Лейлы прошло около часа, или даже немного больше. Или мне так лишь казалось? Иногда бывают ситуации, в которых одна минута кажется вечностью, а вечность превращается в минуту.

Но так ли важно, как долго его не было, как долго он заставил меня ждать своего прихода, если он все равно пришел!? И к моменту его прихода я уже сходила с ума от страха и ужаса, сковавшего тело. Сердце оглушало биением, больше похожим на бой набата, а пульс зашкаливал за недопустимой отметкой.

И, когда за дверью послышались спешащие тяжелые шаги, я едва не задохнулась. Сглотнув, сжалась.

Это он. Я знала, что это он. Чувствовала. Каким-то шестым чувством ощущала его приближение. Этого мужчину нельзя было спутать ни с кем другим. Он был такой один. Единственный. И он пугал меня.

Звякнули ключи, скрежет в замочной скважине, скрип открывающейся двери, и я меня ослепляет свет.

Дыхание сбилось, в висках появилась пульсирующая боль, ладони вспотели, и я сжала их в кулаки.

Я все дрожала, буквально тряслась от страха, когда в дверях возник его силуэт. Темный, мрачный демон.

— Ты опять послушалась меня, — тихо выговорил он с угрозой в голосе, пристально глядя на меня.

Я осмелилась посмотреть на него. В сером мраке, освещенный лишь тусклым сиянием света, льющегося из коридора, он выглядел зловеще. Дьявол, каратель, монстр, мой оживший ночной кошмар.

Я промолчала, прикусив губу. Слова не шли с языка, да и слов не было, чтобы что-то ему сказать.

— Вставай, — процедил Князь сквозь зубы. — Сейчас же.

И тогда я осмелилась. Произнесла лишь одно слово. Самое важное, отчаянное, гордое.

— Нет...

И это его изумило. Казалось, он застыл, пораженный.

— Что? Что ты сказала?! — он сделал шаг вперед и замер. Впился меня взглядом.

Я сглотнула. Повторить?.. Усугубить свое положение сильнее?.. Уничтожить себя окончательно?!

Нужно было промолчать, тогда, возможно, у меня был хотя бы ничтожный шанс на то, чтобы спастись, но... Гордость не сдавала позиций.

— Я сказала... «нет», — тихо, но твердо повторила я, слыша свой голос, будто со стороны.

Я видела, как сжались его губы, с силой, в жесткую линию, ноздри задрожали, втягивая воздух.

— Иди. Сюда. Сейчас же! — отчетливо выговорил он, выделяя каждую букву. И, когда я не отреагировала, крикнул: — Немедленно!

Я вздрогнула, в груди бешено забилося сердце, руки затряслись, и я сжала их в кулаки до боли в ладонях от ногтей. Но я не двинулась с места, застыв в углу кушетки, словно статуя.

Мне было страшно. Да, именно так, и даже больше. Меня объял невыносимый, скользкий ужас. И он расплзался по моему телу, окутывая его в свою липкую путину. Ужас, страх, кошмар...

Я сжалась комочком в углу, замотав головой в разные стороны. Зная, что он не оставит это просто так, но все же не смея изменить себе и сдаться. Никогда. Не ему и никому другому!

— Рабыня! — заорал он, надвигаясь на меня и заслоняя своим телом проход с льющимся из дверного проема светом. — Ты просто рабыня, твою мать! — глядя на меня бешеными глазами, негодовал Кэйвано, двигаясь ко мне неотвратно и сокрушительно.

Он убьет меня, пронеслось в моем растрепанном сознании. Убьет!..

И вдруг... неожиданно, резко, словно вспышка, застилающий глаза свет... Воспоминание из прошлого...

Я забыла, как дышать. Саднящая боль воспоминаний вонзилась в горло, в грудь, растеклась в вены ядом, наполнила собою легкие. Яркая зарница прошлого, как затхлый поток сырого и гнилого воздуха в ноздри.

Краткий миг воспоминаний. Всего секунда. Мгновение. Разноцветное, слепящее, жгучее.

Такая же темная тень, огромной каменной глыбой нависает надо мной. Большая, просто огромная, ползет на меня, заполняя собою пространство небольшой комнаты, освещенной лишь льющими свет бра.

Мое испуганное личико, исполосованное страхом, я вижу его отражение в висящем напротив зеркале.

Смотрю прямо перед собой зачарованно, боясь вздохнуть. А тень неумолимо приближается, заполняя собой все вокруг. Вскоре поглощая и меня собою. В клетку, в темницу, в глубокую яму.

— Красивая крошка, — слышится скрипучий голос тени, и, кажется, губы его раздвигаются в улыбке.

— Не трогай ее! — истерично кричит женщина. — Не трогай! Не смей!..

Мама?.. Я начинаю дрожать.

— Рабыня! — жестко выговаривает тень сквозь плотно сжатые губы. — Просто рабыня!

— Не-е-ет!!!

Тень резко наклоняется ко мне. Мгновенная боль, женский крик, рванулась вперед... И пустота. Немая, беззвучная, дикая. И темнота.

Острая боль, обжегшая руку, вынуждает сбросить с себя плен воспоминаний. Поднимая глаза, встречаю уничтожающий яростный взгляд серо-голубых глаз-омутов. Он режет меня, полосует, будто ножом.

Кэйвано нависает надо мной, хватая за локти, приподнимая на кушетке.

— Пошли за мной, — грубо дышит в лицо злобный звериный рык.

Пытаюсь сопротивляться, вырваться из лап хищника, из рук врага. Убежать, скрыться, спрятаться!..

— Нет... — могу лишь препятственно ему возразить, и не больше.

— Тебя никто здесь не спрашивает! — и, подхватив меня за талию, забрасывает на плечо.

Это удастся ему без особого труда и, даже, несмотря на то, что я сопротивляюсь, брыкаюсь почти всем телом, пытаюсь бить его по спине, царапаться и даже кусаться, это не мешает ему, сдерживая удары моих рук и захватив меня, словно в плен, подняться со мной по лестнице к своей комнате. Застыв на мгновение перед дверью, а затем резким толчком распахнув ее, занести меня внутрь и бросив на кровать.

Мое сердце почти вырывается изнутри, когда я вижу, как он подходит к двери и, быстро орудуя ключом, запирает ту, а потом, обернувшись ко мне, застывшей перед ним с выражением шока и страха, грубо рычит.

— Раздевайся.

Ослышаться я не могла, все к тому и шло, я это чувствовала, но все же переспросила.

— Что?.. — ноги подкосились, и я пожалела, что вскочила с кровати.

И его грубый крик почти оглушил меня.

— Раздевайся!

Я стояла ни жива, ни мертва, и с места так и не сдвинулась. Огонь и холод пожирали меня изнутри.

— Ты меня плохо слышишь, Кара? — сквозь зубы выдавил Кэйвано. — Раздевайся. Я жду.

И я отважилась вновь, как и прежде, покачать головой.

— Почему? — пробормотала я неуверенно. — Что я сделала?

— А ты не догадываешься? — зло сощурившись, выдавил он тихо и мрачно. — В этом доме не так много правил, чтобы их невозможно было запомнить. Но ты, видимо, посчитала, что можешь идти против них?

Я сглотнула, глядя на него с недоумением. В груди скованно билось сердце, а в горле хриплый стон.

— Я не понимаю...

— Тебе запрещалось показываться на глаза моим гостям! Но ты сделала это, — грубо перебил меня Штефан.

— Но я не специально! — воскликнула я, сжимая руки в кулаки. — Не специально... Это он. Я не знаю его. Он просто... неожиданно подошел сзади, и...

— И чуть было не тр***л тебя так же неожиданно сзади?! — прошипел Кэйвано, начиная двигаться на меня.

Кончики моих ушей заалели. Я так и не смогла что-либо произнести из-за сухости во рту.

— Ты принадлежишь мне, Кара, — выговорил Кэйвано сквозь зубы. — И никто не имеет права даже касаться тебя. Пусть даже кончиком пальца. И ты не должна никому позволять делать это, — продолжал шипеть он, не сводя с меня диких глаз хищника. — А если подобное происходит, ответственность лежит на тебе, и наказание будешь нести ты. Что сейчас и сделаешь, ясно?! — жестко закончил он и грубо добавил: — А потому, раздевайся, живо! Иначе мне придется сделать это самому. А тебе вряд ли понравятся мои методы!

Страх сковал мое тело. Я, казалось, не могла даже пошевелиться. Я знала, что должно произойти, видела его решимость, его слепую, безграничную уверенность в том, что он поступает верно. И переубедить его не представлялось возможным. Не мне. Не сейчас.

И я, зачарованно глядя на него испуганными глазами, стала отрицательно качать головой.

— Нет, — просипела я, едва шевеля языком, — нет... — и стала пятиться в стене.

Серо-голубые глаза полосонули меня яростью и недовольством.

— Не зли меня, Кара, — коротко предупредил он, продолжая надвигаться на меня. — Не беси, пожалеешь!..

Но его слова, его угрозы и предупреждения не возымели действия. Даже если разумом я и понимала, что должна подчиниться, что он все равно получит то, за чем пришел ко мне, я не могла позволить своей душе сдаться. Он возьмет меня силой, я знала. И это будет больно. Больнее, чем если я отдамся ему добровольно, но позволить ему сделать это со мной?! По

своей воле?.. Нет, никогда!.. Я буду бороться.

Если бы у меня были силы на это, физические силы. Если бы у меня было время на это. Но его не было.

Штефан Кэйвано подскочил ко мне стремительно, неожиданно быстро, хищной проворной кошкой, и, нависнув надо мной, схватил за руки, сильно дернув на себя, и впился безумным взглядом прямо в глаза.

— Игры закончились, даже не начавшись, Кара, — процедил он сквозь зубы. — И ты уже проиграла.

— Нет! — закричала я, отчаянно вырываясь, но мой гортанный крик потонул в треске разорванной материи, скрывающей мое обнаженное тело.

Казалось, сопротивляться не имело смысла, но я не сдавалась. Ни на миг. А его, казалось, только больше распаляло мое сопротивление, огонь, полыхавший в глазах, протест, застывший на губах, мой отказ.

И он продолжал меня подавлять. Резко стянул с меня остатки одежды, скользя руками по телу и задевая чувствительные участки кожи, нарочно касаясь их кончиками пальцев.

Я была слишком маленькой, слишком хрупкой, слишком незащитной, чтобы отбиваться от него. Он возвышался надо мной скалой, и образумить его я была не в силах. Он брал то, что считал своим. Меня.

— Нет, пожалуйста, — шептала я, сойдя на шепот, умоляя его. — Нет... Не надо...

Но он нависал надо мной, и не думая прислушиваться к тому, что я говорю.

Подхватив меня под попку, жестко и грубо сжал, надавливая на кожу и оставляя на ней следы. Толкнул меня вперед, вынуждая касаться кровати, а затем падать в омут белых простыней. Под его телом.

Его ладони скользнули по моей груди, задержавшись на горошинках сосков, сжали их, надавили. И мое тело откликнулось. Черт побери, откликнулось мелкой пульсирующей дрожью в каждой клеточке души!

Штефан склонился надо мной, подминая под себя. Руками сжал мой подбородок.

— Смотри на меня, когда я буду брать тебя, — грубо выдохнул он мне в лицо. — Смотри!..

Я застонала от бессилья, а он резко раздвинул мои ноги, притянув меня к себе за талию. Я попыталась сдвинуть бедра, ощущая дикий ужас, смешанный со стыдом, а потом... моей плоти коснулось нечто. И от беспомощности я закрыла глаза, дергаясь в стороны со всех сил и желая вырваться. Его пальцы! Там!..

— НЕТ!.. — выкрикнула я, найдя в себе силы на этот вызывающе дерзкий всплеск протеста.

— Да-а-а... — грубо, но как-то томно, интимно выдохнул он мне в щеку, одновременно погружая в меня один палец. Я едва не задохнулась. От боли и взрыва чувств, накрывшего меня с головой. Я метнулась в сторону, но Штефан не позволил мне сделать этого, удержав на месте. Палец толкнулся внутрь, снова и снова, насаживая меня на себя или же вынуждая меня поддаться.

— Нет... — выдохнула я нервно, желая сдвинуть бедра и избавиться плоть от этой пытки.

— Да, Кара, — повторил Кэйвано настойчиво. — Да-а, детка... — к первому пальцу присоединился второй.

Я вновь забрыкалась в его руках, но не могла пойти против ощущений, которые огненной волной, горячее, обжигающей лавой двинулись на меня искрящимся потоком.

Бурля, кипя, вырываясь извне.

Его жадные алчные губы нашли мои соски и стали их поочередно покусывать, облизывать, сминать своим жаром, вызывая трепет в груди и скользящую липкую влагу между ног, где проникали внутрь меня его проворные пальцы. С новой силой, размеренно и отточено, касание языка... вторжение пальцев, касание зубов в сладостном укусе... новый толчок пальцев внутрь... касание его губ... движение его пальцев...

Я должна его ненавидеть. Должна вырываться. Но не могу. Тело будто сковало судорогой и дрожью.

Меня била, колотила дрожь, она рвалась из меня, держала меня в своих тисках и не отпускала.

А потом... почти на грани чего-то, на краю чувств, восприятий, ощущений я почувствовала это. Он вошел в меня, резко, стремительно, почти грубо ворвался внутрь, тараня меня собой и прижимая к кровати.

Я вскрикнула от боли, поморщилась, метнувшись назад. Вражеское вторжение ослепило болью.

— Дьявол! — выдавил из себя Князь, насаживаясь на меня сильнее. — Девственница!? — и, замерев на пару мгновений, отстранился от меня, словно собираясь выйти, а потом... резко нырнул в тесные глубины моей плоти, удерживая меня за бедра. Застыл, подался назад, а затем вновь двинулся назад, в меня, сильнее.

И меня словно озарило. Дрожь, взметнувшись к лицу ослепляющей вспышкой боли, ударила в глаза. Я стала отталкивать от себя застывшего на мне мужчину. Пытаясь вырваться, изгнать из себя инородное тело, чужое, не мое, грубое и большое, причинявшее лишь боль. Я ударила Кэйвано по груди, по спине, а позже, как безумная, заколотила кулачками по его телу, царапая кожу, пытаюсь даже укусить. Но движения во мне продолжались, отчаянные, резкие, глубокие, точные, бьющие наповал.

Я хотела закричать, но не смогла издать ни звука, крик отчаяния и бессилия застыл на губах. Продолжая сопротивляться, я молила Бога о том, чтобы не расплакаться при нем. Я не вынесу этого предательства собственного тела. Потом, когда останусь одна, когда смогу позволить себе слабость. Но не сейчас!..

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я еще пыталась протестовать, увертываться, отказываться от того, что мне навязывали, но не могла.

Штефан продолжал двигаться во мне, не обращая внимания на мои вскрики, укоры, рывки, его толчки с каждой секундой, казалось, становились лишь резче, жестче, быстрее и сильнее. Он сжал мою талию так крепко, что я почти не могла пошевелиться, а из груди рвался то ли стон, то ли крик.

— Еще... — прошептал он мне в область шеи. — Да-а... еще, ну же... — еще толчок, внутрь, глубже. — Да!..

Он подхватил меня за бедра, приподнимая, вынуждая обхватить свой торс ногами, и я подчинилась ему, невольница, раба его желаний, исполнительница его приказов. Толкнулся в меня еще раз, затем еще, сильно, казалось, проткнув насквозь, а потом...

— Еще... да-а-а!.. — и, с тихим хриплым криком излившись в меня, застыл недвижимо на моем теле.

А мне ничего не хотелось. Разве что умереть?.. Но это лишь на краткий миг, сейчас, в минуту отчаяния. Но потом... я медленно, но решительно привстала с кровати, стараясь

прикрыть себя руками.

— Я вам больше не нужна? — голос мой звучал ровно, даже не дрожал.

Кэйвано приподнялся вслед за мной, бросил на меня взгляд, вмиг ставший острым.

— Нужна, — коротко и жестко. Встал с кровати, схватив мою одежду, отбросил ее в сторону. — Останешься здесь на эту ночь, — отвернулся, даже не взглянув на меня еще раз. — Не уверен, что удовлетворен.

И я, закусив губу от боли, бессилия и обиды, смотрела, как он скрывается в ванной комнате.

Хотела броситься к двери, но поняла, что та закрыта. Ключ у моего тирана. А если бы и убежала, потом пожалела об этом еще сотни раз. И мне не оставалось ничего, кроме того, чтобы кинуться на кровать, и, уткнувшись головой в подушки, неслышно и без слез зарыдать.

А когда он вернулся, ни сил, ни желания что-либо делать у меня не было. Не сейчас, по крайней мере.

За всю ночь он взял меня трижды. Я так и не смогла заснуть, даже не пыталась. Зато он, проснувшись в последний раз, резко развернул мое почти бесчувственное тело, прижал к себе, давая ощутить всю силу своего возбуждения, а потом шепнул:

— Значит, девственница?

Он спросил об этом впервые, равнодушно спросил, безучастно, даже холодно.

— Это что-то меняет? — сухо спросила я, чураясь его близости, даже тепла дыхания.

— Уже нет! — резко выдал он и, оттолкнув меня от себя, бросил: — Повернись спиной.

Не зная, что он задумал, я повиновалась. И почти сразу же ощутила на своей спине его жадные пальцы, скользнувшие вдоль позвоночника к пояснице. В груди застыл протест, когда он приподнял мою ногу, и его пальцы скользнули в меня вновь. Я чуть вздрогнула и невольно выгнула спину, подчиняясь их сначала неспешным, но постепенно ускоряющимся движениям. Между ног стало влажно и скользко, и я возненавидела себя за это. А еще через мгновение, сменив пальцы, напряженный, возбужденный член вонзился в меня, решительно продвигаясь внутрь. Ускоряясь, сильнее, яростнее, резче.

И моя кожа пылала, плавилась, жгла огнем изнутри, обдавая внутренности огнедышащей лавой.

Что происходит?.. Дрожь по телу, мелкая, противная, нарастает, ползет, захватывает в плен. Дрожит все тело, мечется, рвется куда-то, навстречу чему-то неизбежному, судорожному, ослепляющему. И я почти разрываюсь на миллионы крупинок, превратившись в ничто. И он кончает следом за мной, вцепившись в мое тело стальными объятьями, дышит в шею, оглушает сбившимся дыханием, а потом грубо шипит в ухо:

— Вот теперь я удовлетворен, — откатывается от меня на другую сторону кровати. — Свободна. Твое место на диване, утром чтобы тебя здесь не было, Лейла придет за тобой в семь.

Едва держась на ногах, сглотнув комок боли и обиды, жалости к себе и опустошенной отрешенности, я скатилась с кровати, на негнущихся дрожащих ногах подошла к кушетке и легла на нее, повернувшись к спинке лицом. Чтобы не было видно слез, застилавших мои покрасневшие от унижения глаза.

А на утро, когда Лейла пришла за мной, открыв дверь своим ключом, я осторожно покосилась в сторону кровати, на которой все еще спал Князь, и сквозь зубы выдохнула едва слышным шепотом:

— Ненавижу. Убегу!.. — и поспешила прочь, насколько позволяли ноющие конечности

и боль между ног.

Лейла тактично ни о чем не спрашивала, очевидно, зная, что произошло, а я шла за ней, ни на что не обращая внимания. Будто в вакууме, в пространстве, не в своей, а в какой-то чужой, инородной жизни.

— Я убегу, — как заклинание, повторяла я. — Убегу, убегу... Никто меня не остановит. Я убегу... Не останусь здесь! Не останусь!..

И Лейла вдруг застыла, обернулась ко мне, пробежав по лицу и зажатым в замок пальцам, и замерла.

А мне и думать не хотелось. Что она смотрит на меня, как на достопримечательность?!

— Пойдем, я покажу тебе кое-что, — проговорила Лейла, беря меня за руку и увлекая за собой. — Пошли.

Я не противилась, устала. Мне хотелось удрать, спрятаться в углу и не думать ни о чем хотя бы миг. Но воспоминания того, что произошло, накрывали с головой каждый раз, когда я закрывала глаза.

А Лейла тем временем провела меня в какую-то небольшую комнатенку, уставленную сверху донизу высокими стеллажами с книгами. Подойдя к одной из полок, женщина взяла толстую увесистую книгу и протянула мне.

— Что это? — я отшатнулась, не желая прикасаться к ней.

Лейла настойчиво протянула мне книгу, почти вложив ее мне в руки.

— Книга устоев. Здесь ты узнаешь все, что тебя волнует. На каждый свой вопрос найдешь ответ, — сказала женщина. — И поймешь, почему не сможешь убежать. Здесь наша история, если хочешь...

Я сглотнула, разглядывая книгу, но не чувствуя в себе желания ее открывать.

— А если я...

— Читай, — коротко перебила меня Лейла. — Оставлю тебя пока.

И, когда она вышла из комнаты, я нерешительно открыла книгу и стала читать.

Глава 15. Вторая параллель

15 глава

Вторая параллель

Этот мир существовал всегда. С начала сотворения всего земного и неземного, неподвластного разуму и полету фантазии. Он был одновременно сокрытым от посторонних глаз, как чужеродная страна, спрятанная от наших глаз морями и океанами, но в то же время существовал параллельно первородной реальности, наравне с ней. Этот мир всегда, с начала времен, своего сотворения был сильнее, вольнее, разумнее и выше всего, что было на этой земле, даже того, другого мира, над которым он стал властвовать впоследствии.

Как этот мир возник, как появился, что послужило толчком к сотворению? Никто не знает этого, и это останется еще одной загадкой, еще одной тайной, вопросом, на который никто никогда не ответит. Ему не было названия, но, когда его обнаружили, его стали называть Второй параллелью.

— Да будет мир этот называться Второй параллелью, — было сказано в Уставе. — Ибо является он другим миром, вторым после первого в час сотворения, но равным ему, как по силе, так и по могуществу.

И раскололся мир надвое, и разделила его Черта, невидимая граница, зримая лишь избранными. Грань.

Как устанавливаются человеческие отношения, так устанавливался и этот мир. Постепенно, медленно, год за годом познавая себя и то, что его окружало, выделяя себя из замкнутого круга и становясь на ноги.

Жители Второй параллели знали, что отличаются от тех людей, которые к ней не принадлежали, но все равно жили рядом друг с другом, общались, налаживали связи, укрепляли взаимоотношения, ссорились и враждовали, мирились и любили, укрепляли дружбу или расставались врагами, даже не догадываясь о том, что принадлежат к разным мирам, к разным сущностям, к разным мирозданиям. Не догадываясь о том, что кто-то из них родился рабом, а кто-то господином. Те, кому суждено было родиться по сторону господ, жили дольше, имели больше, знали секреты, о которых не ведали другие. Как и почему это произошло, никто не знал. Это, как и само появление Второй параллели, было тайной, загадкой, главным секретом бытия и мироздания. Так, а не иначе. И никому не по силам было изменить устоявшийся порядок вещей.

Раньше на это почти не обращали внимания. Люди слишком часто умирали, не успевая узнать, что их друзья смогли пережить их на сотни лет. Ведь тот, кто находился за гранью, был мудрее, он жил дольше и знал больше. А тот, кому было суждено родиться по ту сторону грани, умирал, не осознав тайны бытия.

Из года в год, из одного столетия в другое перекал один род людской в другой, пока не появился он. Прародитель, основатель, Король. И имя ему было Олаф Торалсон, пришедший с севера и подчинивший себе всё. Мир за гранью существовал и до его появления. Как племя, как нецентрализованное и хаотичное существование особой расы, народности, насчитывавшее не более двух сотен человек, но по мере того, как Вторая параллель расширялась, появилась потребность в предводителе, повелителе и покровителе. И Олаф

занял место Короля, поработав более слабых и не пригодных к жизни представителей рода людского. Так установился рабовладельческий строй. И тогда те, кто когда-то был одному другому, вмиг превратился в хозяина и господина. И вот уже бывшие друзья оказались стоящими на разных ступеньках социальной лестницы, разбросав друзей по разные стороны начерченной когда-то линии. Те, кто сильнее, захватили власть, трон, корону и стали править, подавив и поработив тех, кто оказался слабее их.

— Да будет так. Ибо сила наша несокрушима, власть наша непоколебима, мощь наша не знает границ, знание наше — наше оружие, и рождены мы для того, чтобы властвовать и подчинять!

И Олаф стал править вместе со своей супругой Мэдлин. Мудрая не по годам, остроумная и горделивая, честолубивая красавица с копной шикарных иссиня-черных волос, плавной волной спускавшейся по ее плечам и спине, зеленоглазая бестия, обладавшая знанием, которое было не ведомо никому, кроме нее. Единственная в своем роде, провидица, знахарка. Одни говорили, что Мэдлин была колдуньей, другие, что ведьмой, третьи — что цыганкой. Никто не знал, откуда она появилась, кто ее родные, где ее дом, родилась ли она за гранью и имеет ли право называться Королевой, но Олаф властью, данной ему свыше, сделал ее своей госпожой. Он спас юную деву от варваров, но сам пал жертвой ее чар и красоты, подобно воину, павшему в борьбе за власть и корону.

И они рука об руку шли друг рядом с другом много лет подряд. У них появились дети, внуки, правнуки, так правили они вместе до тех пор, пока однажды всё не изменилось...

— Ты не справишься один, — сказала Мэдлин своему мужу. — Рано или поздно, но люди узнают о нас. Некоторые, избранные, уже знают, Ищейки, что поставляют нам рабов, владельцы Рынков, Скупщики и Наемники, но все же... — коснувшись ладонью щеки мужа, женщина горько улыбнулась. — Ты не сможешь удержать власть один, Олаф. Люди слабы, мы поработили их, они родились рабами, а мы — господами, но, если они станут протестовать, восстание неизбежно. Мы не можем этого допустить, мы не должны, иначе... Вторая параллель перестанет существовать в таком виде, в каком она существует сейчас. Наш мир падет ниц, мы проиграем им, жалким людишкам, мы уподобимся им, снизойдем до того, чтобы снова быть им друзьями. А этого допустить нельзя!

— Что же мне делать, Мэдлин? — воскликнул Король. — Как предотвратить падение Второй параллели?

Мэдлин никогда не была глупой, равно как была хитрой и остроумной, она была и дальновидной.

— Тебе нужны помощники, — сказала жена, поглаживая его по плечам. — Такие же Короли, как и ты. Князья, дворяне, те, кто встанет на твою сторону, кто подчинит себе остальных, кто будет править рядом с тобой. Я помогу тебе добиться успеха, мой милый. Я найду тех, кто станет опорой нашему миру. Я найду таких же Королей, как ты.

Он прижал ее к себе.

— Я знаю, ты pomoжешь, — проговорил он. — И я сделаю всё для того, чтобы мы не потеряли власть.

— Поиски не будут легкими, — сказала Мэдлин, — но, когда они прекратятся, никто не сможет сокрушить Вторую параллель. Я обещаю тебе.

И Мэдлин сдержала свое обещание. Одного за другим она находила властителей, новых Князей и Соратников своему мужу. И, когда пришел их с Олафом черед покинуть этот мир, Совет Князей уже успел сформироваться и существовать. Неписанные законы, правила были

приняты и расписаны в Книге уставов и канонов, и любой, кто нарушал закон, подвергался немедленной пытке и смерти.

Миром отныне стал править Совет Семи Князей, избранных кланов, могущественных, влиятельных, всесильных и всевластных, тех, кто управлял не только судьбами людей Второй параллели, но и тех, кто находился по другую сторону черты. Самые древние и первые роды выделились в дворянство, опору и поддержку Совета, правую руку Князей и их помощников, все остальные становились простолюдинами, наделенными свободой и правом свободного передвижения, или же превратились в слуг и наемников.

Но кто бы не был жителем Второй параллели, все они должны были следовать Уставу, исполняя законы и не нарушая главное — Первое правило Устава, гласившее, что...

— ...тайна Второй параллели должна остаться тайной, сокрытой в легендах и байках страницей истории. Никто из тех, кто так или иначе не связан с Второй параллелью договором или работорговой меткой, не должен знать о том, что она существует. Тот, кто прослышит о том, что тайна оказалась раскрытой, должен рассказать обо всем Совету, иначе будет уничтожен. Тот, кто расскажет правду Второй параллели чужаку, будет считаться предателем и изменником, станет подвергнут немедленному уничтожению или обречен на вечную ссылку в колонию. Кары не избежит ни один предатель.

Положение же тех людей, которые против своей воли попали за грань, иногда не остается неизменным. Большинство из тех, кто находится здесь, на всю жизнь остаются рабами, если же хозяин даровал им волю, они не имеют права выйти за грань, но становятся оплачиваемыми слугами своего господина.

— Да будет так: два ранга слуг. Одни — безвольные, бесправные рабы, не задающие вопросов и молча исполняющие приказы господина. Другие — освобожденные рабы, слуги первого ранга, получившие право управлять своей судьбой самостоятельно. И дитя, рожденное за гранью, будь то сын или дочь Князя, простолюдина, слуги или раба, должно быть признано свободным, властным распоряжаться своею судьбой без ведома хозяина, если таковой имелся у его родителей.

Правила, каноны, написанные на первом Совете семи Князей, были положены в основу Устава, который с того дня стал считаться основным законом Второй параллели. Было указано, что Совет Князей собирается дважды в год, решая насущные вопросы текущих дней и предлагая пути решения возникающих проблем, или же по прошению одного из членов Совета или просьбе одного из дворянских родов.

— И будет собираться Совет для того, чтобы править и сохранять власть Второй параллели на столетия. И станет передаваться власть от отца к сыну, из поколения в поколение, нерушимая, несокрушимая, мощная сила в поддержании стабильности и хранении мира за гранью. И никто не в праве отнять власть у одного из кланов семи, ибо избраны они были Создателем и возведены на трон волей Всевышнего.

И с момента подписания семью Князьями уставного Завета, власть за Второй параллелью закрепилась окончательно, и уже ни у кого не осталось сомнений насчет того, кому править, а кому подчиняться.

— И будет так всегда: мы — властители, а они — подавленные рабы и слуги. Мы — сила, мы — могущество, мы — власть и Корона, а они — исполнители нашей воли, ибо именно так было изначально, с сотворения нас хозяевами, а их — рабами. И будут они нашим людом, завоеванным, попраным, подавленным и никчемным народом, способным лишь на подчинение. И сила наша в том, что мы знаем о них все, они же не должны знать о

нас ничего, ибо в истинном знании наша сила и их слабость.

Так было решено и подписано представителями семи избранных кланов: Торалсон, Маккерик, Мальвó, Кэйвано, Вийар, Роузберг и Станевич. Семь хозяев, семь Князей, семь властителей — семь Королей.

За счет рабов грань расширялась, численность жителей росла, и на сегодняшний день Вторая параллель насчитывает около миллиона жителей, включая рабов, слуг, Ищеек, Поставщиков, Скупщиков, Владельцев Рынков и Основателей — Князей и Дворян. Семь княжеских родов, двадцать восемь домов влиятельных дворянских семей, Девять владельцев Рынков по всему земному шару, включая Америку и Австралию, три колонии — в Европе, Австралии и Канаде, а так же сама грань — лишь в одном месте земного шара, розовато-бирюзовая дымка тумана, освещенная сиянием маяка. Та черта, граница, переходная зона, ступив за которую уже не вернешься назад. Сама параллель, разделяющая один мир от другого, пройти через которую можно, лишь приоткрыв завесу сизого тумана. И это будет дорога в никуда, роковой шаг в одну сторону без права когда-либо вернуться назад. Само возвращение в прежний мир, подвластный Князьям, становилось практически невозможным, ибо, единожды попав за грань, становишься меченным. Даже если кому-то из рабов удастся сбежать, Ищейки очень быстро нападут на его след, своеобразная метка была клеймом и опознавательным знаком услужника великих господ, по которой можно было найти беглеца. Если же рабу по какой-либо причине удавалось перейти грань вторично, вернувшись сквозь нее в свой мир, из-за временного коллапса они старели столь быстро, что надобности возвращать их назад уже не было.

Ежегодно за грань в услужение Князьям и Дворянам поставляют около двадцати пяти тысяч людей. В основном выбирают тех, кому нечего терять, кто уже отчаялся обрести что-то в своем мире, потерянных и давно забытых. Людей одиноких, сломленных, вымотанных и не способных к сопротивлению. Тех, кого не будут искать. А если будут, то не так рьяно, чтобы сыщикам невозможно было заткнуть рты деньгами.

Конечно, за время существования Второй параллели набиралось много противников и недовольных подобным режимом, бывали восстания. За всю историю существования Второй параллели четыре раза. Но все они подавлялись. Князья и Дворяне слишком могущественны и всеильны для того, чтобы не суметь подавить горстку всплывших рабов. Они имеют власть не только в своем мире, но и в мире обычных людей. Как правило, занимаясь предпринимательством, политикой, бизнесом, они стоят на верхушке элиты общества. Они управляют тем миром, который себе подчинили много веков назад. Не вызывая подозрений, они появляются на публике, играют свои роли, нацепив на лицо маски промышленников, магнатов, известных личностей, актеров и художников, депутатов и сенаторов, владельцев сети гостиниц, ресторанов, золотых приисков и месторождений природных ископаемых.

Они во всем такие же, как обычные люди. Любят и ненавидят, попадают в скандальные и нестандартные ситуации, совершают ошибки, красуются на первых полосах газет или «сидят в тени», посещают рауты и благотворительные мероприятия, женятся, разводятся, отдыхают и работают, скучают и веселятся, заводят любовниц и любовников, изменяют и воруют. Совершают все то, что совершают люди, чтобы походить на них. Оставаясь при этом теми, кем родились. Поработителями и властителями судеб всех на этой земле. Не выделяясь, разговаривают на тех языках, на которых говорят все вокруг, отдавая предпочтение родному диалекту лишь в кругу семьи, или же вообще им не пользуясь.

Это было свое мини-государство, которое распространилось во всем мире, захватило

мир, завладело им, взяло в плен, как варвар, и не отпускало, держа власть в руках с помощью наемной силы и своей воли.

Они властвовали во всем и везде, и лишь над временем они не имели власти. Оно убегало, ускользало, протекало сквозь пальцы, сочилось и уходило в никуда.

Князья тоже умирали, хотя и жили гораздо дольше людей. Три людских года равнялись одному году проведенному за гранью, и, хотя жители Второй параллели старели медленнее, но все же старели, рано или поздно умирая. И, когда наступал их черед уходить со сцены, они делали это незаметно, подстраивая свою смерть, маскируя все под несчастный случай или нелепое и трагическое стечение обстоятельств. Скрываясь в дальних уголках земного шара, они проживали свой срок, известными лишь в определенных кругах людьми.

Князей сменяли их преемники, как правило, первые сыновья клана, продолжатели рода. Мужчины правили в этом мире так же, как правили мужчины в мире людей. Исключений было четыре. И все четыре раза они происходили в роду Третьего княжеского клана, в роду Мальвó. И в тот день, когда у Грегора Мальвó появился, наконец, долгожданный наследник, оказавшийся девочкой, и были внесены поправки в закон о власти. Правом власти награждался ребенок любого пола, равно как мальчик, так и девочка, но с условием, что, будь то девочка, выходя замуж, она обязана сохранить за собой право на свою фамилию и продолжение своего рода.

Кассандра Мальвó была четвертой Княгиней за всю историю существования Второй параллели, и на ней, как поговаривали, должен был прерваться род Мальвó, так как девушка дала обет безбрачия много лет назад. И если Совет не примет меры, то Совет Семи Князей может распасться.

Столетия, века, тысячелетия существовала Вторая параллель, и будет продолжать существовать до тех пор, пока существует этот мир. Невидимой, сокрытой от чужих глаз, доступной лишь избранным, гранью.

Устоявшийся за столетия порядок вещей не сможет переломить никто. Все, кто пытался пойти против закона, были уничтожены или отправлены в колонию на вечное поселение. Восстания здесь подавляются, их почти не замечают. Информация не прорывается в СМИ, потому что княжеская власть никому не позволяет копнуть так глубоко. Люди знают лишь то, что Совет позволяет им узнать, видят лишь то, что Совет позволяет им видеть. И хотя население Второй параллели почти ничтожно, именно она осуществляет контроль над тем, что происходит. Потому что тайна открыта лишь избранным, и огромное количество людей даже не догадывается о том, что оказались обманутыми, считая истиной лишь ту правду, которую видят перед собой, не заглядывая за грань и не переходя черту.

Но стоит лишь ее перешагнуть, и весь мир обращается к тебе. Становишься меченным, будто раненым, и избавиться от этой метки невозможно даже после смерти.

Побег за пределы грани невозможен. Даже если поиски будут продолжительными, они все равно подойдут к концу, и тогда кары не избежать. Ищейки и Наемники сделают свое дело.

Ведь те, кто попадают во Вторую параллель, остаются в ней навсегда.

Глава 16. Вызов брошен

16 глава

Вызов брошен

Завывающий за окном ветер не отрывал его от дел. Никогда. Он его, наверное, даже успокаивал, журча в ушах своей неповторимой осенней мелодией. А вот мысли... да, пожалуй, они могли внести свою лепту в ход его деяний. Они врываются в мозг с потоком воспоминаний, не принятых решений, умозаключений, анализов, различных фактов, которым он еще не нашел подтверждения. Мысли были единственными нарушителями его спокойствия и умиротворяющего равнодушия, которым он окутал свою холодность.

И как странно, что все его мысли кружились сейчас не вокруг предстоящего Совета, который должен будет состояться сегодня вечером, а вокруг нее. Бесправной девчонки. Гордой, самонадеянной рабыни, возомнившей себя независимой и свободной. Той, что попыталась, отважилась, решилась на отчаянный шаг, рискнула противостоять ему. Даже смешно! Несмешным же было то, что мысли Князя парили вокруг девчонки, недостойной того, чтобы он, Князь, думал о ней! Но он, черт возьми, думал. В течение этого дня почти постоянно.

Он пытался оборвать поток бессвязных слов и фраз, рвущихся изнутри воспоминаний прошедшей ночи, но картинки так и вставали перед глазами. И его плоть реагировала на эти воспоминания откровенно плотоядно, жадно облизываясь и требуя добавки. Требуя ее. Немедленно. Сейчас. Подмять под себя, вонзиться в тесное, уютное тело, скользить внутри нее, ощущая бешеное сердцебиение, наслаждаясь ее всхлипами и стонами ему в шею, и слушая грохочущий стук крови в виски, сводящий его с ума. Как и аромат ее страсти, неподдельной, искренней, противоречивой страсти, бросившей ему вызов.

Мысленно застонав и почувствовав дискомфорт, сформировавшийся в брюках, Штефан смачно и несдержанно выругался. Вот уж никогда он не думал, что сможет когда-нибудь так ошибиться!

Не думал, что какая-то девица, обычная серая мышка, рабыня, хрупкая девчонка, до которой боишься дотронуться лишний раз, чтобы не рассыпалась, зажжет в нем такую страсть! Ведь он отверг ее вначале. Ему не нужна была такая, как она. И он не понял, не осознал того, что хотел сказать ему о девчонке Максимус, просто не придал значения словам Ищейки. Чем его может привлечь обыденность и серость? Она окружала его, сдавливая тисками со всех сторон. Он не увидел в новой рабыне ничего примечательного, и, уж конечно, и не думал о том, чтобы спать с ней. Он издевательски посмеялся над самой лишь мыслью о том, что эта девчонка может его заинтересовать и попадет к нему в постель. И как же рьяно хохотала сейчас над ним похоть, вызывающе громко, надрываясь от смеха! Он ошибся. В ней ошибся, в себе, не разгадав ее, не увидев в ней то, что так тщательно и ловко скрывала ее внешность. Силу. Волю. Стремление. Цель. Самоотверженность и внутренний стержень. То, что он ломал так же легко, как бил стекло, но и то, что он уважал и ценил больше иных качеств. Ломал до тех пор, пока сила не давала слабину, душил, пока не начинали просить пощады, а потом... отпускал.

Но не ее. Ее — никогда. Она принадлежит ему.

Он не изучил ее, не разгадал, не понял, не наигрался с непокорной игрушкой, зажатой в его руках, как в клетке. Как в ней могло сочетаться столь несочетаемое? Внешняя слабость и внутренняя стойкость? Что стало причиной подобному противоречию? Откуда в неприметной хрупкой девице столько боевого духа?!

Но он должен был признать, что его покорила ее сила и самоотверженность, безрассудная глупость, смешанная с желанием вырваться и детская наивность. Его бесила ее сила, но он не мог ею не восхищаться. Он мог раздражаться и гневаться на нее за непослушание, но не мог удержаться от восторга, спрятанного за маской злости и ярости от ее твердого и решительного отказа.

Вчера, когда он взял ее, она не сдалась, она боролась до конца, до его победного конца, но боролась. Она не сдалась даже после того, как проиграла. Даже ее тело сопротивлялось, оно не получало наслаждения или удовольствия, оно не желало его получать. Даже в этом девчонка осталась верна себе — она продолжала оставаться борцом. Конечно, он понимал, как мало можно извлечь удовольствия из насилия, и его никогда особо это не заботило, но она вчера находилась на грани взрыва, она балансировала на грани наслаждения, находилась в шаге от яркой вспышки оргазма, которому позволила прорваться во вне лишь с третьего раза.

И только тогда он... успокоился. Только тогда он сам остался удовлетворен. Только когда сжал в руках ее дрожащее мелкими судорогами тело и услышал невольный предательский стон, сорвавшийся с ее губ.

Почему именно с ней ему нужно было добиться подобного результата, чтобы отпустить от себя?

Он не мог дать ответа на этот вопрос, но, возможно, сможет после того, как девчонка вновь окажется в его постели. А в том, что она там непременно окажется, Штефан Кэйвано не сомневался.

Гримаса удовольствия отразилась на его лице, и Князь глубоко вздохнул.

Каролла... Нет, не так. Кара! Бесправная исполнительница его желаний и прихотей, которая имела смелость, наглость воспротивиться ему. Как смела? И он не мог внутренне не восхищаться силой и отвагой, сокрытой за хрупкостью и хрустальной нежностью ее тела?! Больше подобной ошибки он не совершит. Не в отношении нее. Только не в отношении нее. Он будет изучать ее медленно, неспешно, играючи. Вчера он сказал ей, что игра закончилась, не успев начаться, но он ей солгал. Игра лишь изменила правила. Она сама вынудила его их изменить, когда оказалась не той, какой он видел ее и представлял. Она — загадка, просто требующая того, чтобы он ее разгадал. Вкусная конфетка, обертка которой оказалась обманкой.

Кара. Сладкая и горькая одновременно, опьяняющая вкусом спелого винограда, манящая жаждой вкуса.

О, она не так проста, как хочет показаться. И он разгадает все ее сложности. И каждое открытие станет восхитительным, опьяняющим, волшебным откровением, сродни еще одной вспышке экстаза.

Он думал, что его ничто не сможет удивить, но и тут девчонка вынудила его ошибиться. Она удивила его. Она оказалась девственницей. Не сказать, что его это когда-либо волновало, но данное обстоятельство оказалось по меньшей мере неожиданностью. Сколько ей лет, она сказала? Двадцать четыре? Так почему же она в этом возрасте ни с кем не имела отношений? И почему здесь ее не тронули? Тот же Михаэль?..

При воспоминании об ее первом хозяине, руки Штефана невольно сжались в кулаки, скользя ногтями по ручкам кресла, а глаза, сощурившись, потемнели. Выпрямившись, он уставился в окно на бьющийся ветер.

Пожалуй, хорошо, что этот бесхребетник ее не тронул, потому что в противном случае, Князь не отвечал бы за себя. Желание узнать, что, как, какими способами Михаэль делал с рабыней, рано или поздно свело бы его с ума. И он не отвечал за то, что оставил бы все это просто так. Кара была лишь его. Желанием. Прихотью. Удовольствием. Рабыней. Просто — его, и ничьей больше.

Да, стоило признать, что он был собственником. По отношению к любой вещи, которая находилась в его власти. А Кара... она была больше, чем просто вещь. Она была его рабыней. Впрочем, как и другие, но... ее Штефан хотел видеть только рядом с собой, под собой, над собой. В любом положении, которое захочет.

Наверное, он все же погорячился, заявив, что не захочет ее больше, и налившаяся часть тела, жившая по своим законам, сейчас упрямо твердила ему то же самое.

Кого он пытался убедить в том, что больше ее не захочет? Себя? Напрасно. Ведь стоило ему лишь увидеть ее вновь, пусть мыслями, всю такую мнимо хрупкую, невинно непорочную, с горящими глазами на бледном лице, и он уже не мог отвечать за себя. Все в нем начинало гореть, зажигая сотнями огней тело, готовое к тому, чтобы подчинять, подавлять ее тело, готовое сопротивляться. И это откровенно возбуждало его еще сильнее.

Поднявшись с кресла, он подошел к окну, глядя на разыгравшуюся за окном непогоду. Ноябрь. Закурил, выпуская изо рта дымные колечки, и, потушив недокуренную сигарету, поспешил прочь из кабинета.

Найти Кару не составило большого труда, Лейла сказала, что приказала ей позаботиться о зимнем саде.

Штефан нахмурился: не там ли он встретил ее, когда она откровенно заигрывала с Вийаром?... Шаг его откровенно ускорился. Только пусть попробует повторить подобный трюк, с Вийаром или с кем-то другим, он ей докажет и наглядно покажет, кому она принадлежит!

Он застал ее за работой, когда, приоткрыв дверь, тихо вошел внутрь. Она не заметила его появления, и продолжала тщательно трястись над цветами. На ней было мешковатое платье бледно-серого цвета, больше напоминавшее тунику. Закрытое, без глубокого выреза, допустимой длины, с коротким рукавом, вполне приличное, но, стоило ему лишь раз взглянуть на него, и платье вдруг показалось ему откровенным.

Когда девушка приподнималась, вставая на носочки, чтобы достать до верхних листков растений, ткань стремительно ползла вверх, бесстыдно обнажая ноги. Когда наклонялась вниз, материя, будто нарочно, дерзко натягивалась, обрисовывая все изгибы фигуры, тонкую талию, округлые бедра, высокую грудь.

Штефан заскрежетал зубами, наблюдая за девушкой, и невольно сжимая руки в кулаки. А если бы не он, а кто-то из его гостей увидел ее в таком виде, — что бы он подумал? Что бы он сделал?!

То, что сделал Вийар. Посчитал бы девчонку доступной, порочной, выставленной с разрешения хозяина, как на витрину магазина. И взял бы то, что ему приглянулось. Это не было новинкой в его доме, это было негласным правилом во всех домах. Но Кара не доступна, она его собственность, и он не давал разрешения кому бы то ни было касаться ее!

Но при одном лишь взгляде на нее... Глаза его сузились, губы поджались, он шагнул к

ней.

И она, скорее, почувствовала, чем услышала, его приближение. Резко обернувшись, она уставилась на него, сглотнув и прижимая руки к груди.

Князь пронзил ее взглядом, будто приковавшим ее к полу. Она стояла, не дыша, а он надвигался на нее.

— Ты специально разгуливаешь здесь в таком виде? — прошипел он.

Она сначала опешила, зачарованно глядя на то, как сокращается расстояние между ними.

— Вы сами приказали мне носить эту одежду! — воскликнула девушка, гордо вскинув подбородок.

— Но не тогда, когда с минуты на минуту станут прибывать первые гости, — выдавил он сквозь зубы. — Или ты намереваешься вот в этом встретить Вийара?!

Девушка застыла, широко раскрыв глаза, но не успела и слова вымолвить в свою защиту, как Штефан, метнувшись к ней, резко прижал ее к стене, удерживая горло одной рукой, а второй касаясь ее щеки.

— Забудь об этом, деточка, — прошипел он ей в лицо, наклоняясь все ниже, опаяя своим дыханием. — Тебе никогда больше его не увидеть. Я запрещаю, ясно!? — она попыталась его оттолкнуть, но он прижал ее к стене еще сильнее. — И только попробуй ослушаться моего приказа, наказание тебя ждет незамедлительно.

— Я и не собиралась... — прошептала она одними губами, продолжая попытки освободиться.

— Если я увижу, или узнаю, или услышу о том, что ты пыталась встретиться с ним, Кара, — перебил ее Штефан, — ты знаешь, что будет?

— Догадываюсь...

— Ты рабыня здесь, — выговорил он, стискивая ее горло одной рукой и двигаясь кончиками пальцев другой к лицу. — Моя рабыня. Ты делаешь то, что я приказываю тебе делать. И ублажать ты будешь только меня, запомни. О Вийаре можешь забыть!

Ее зеленые глаза широко раскрылись, непонятно, что ее изумило больше: то, что он посчитал, будто она мечтает о Кариме, или то, что он пожелал видеть ее в своей постели вновь. А Князь продолжал.

— И не думай, что у тебя есть хотя бы шанс попытаться возразить мне снова, — он наклонился еще ниже. — Вспомни, чем все закончилось в прошлый раз, — зашептал он ей в лицо, и Кара вмиг перестала вырываться.

Штефан насмешливо изогнул бровь.

— Ты думаешь, это что-то изменит? Твоя лживая покорность? — губы его дрогнули, скривившись. — Ничего. Ведь мы знаем, какая ты на самом деле, — его шепот коснулся ее приоткрытых губ, и не успела девушка что-то сказать, как его рот стремительно накрыл ее, сжимая, подавляя, вынуждая зубы разжаться, а губы приоткрыться и впустить внутрь его язык. Но она не сдалась, и Штефан крепче стиснул ее в руках. Она не подчинилась, а он, хохотнув, отстранился. — Это будет интересно. Но только мне положено будет узнать все твои секреты, крошка, — он сжал пальцами ее подбородок, вынуждая смотреть себе в глаза. — Только мне.

Она все еще дрожала, когда он, резко отошел, все еще пристально глядя на нее. Ноги не держали ее, и Кара, ища опоры и поддержки, прижалась спиной к стене. Девушка тяжело дышала, приоткрыв рот.

— Увижу тебя в зале, — предупредил Штефан, — пеняй на себя, — и, повернувшись, вышел из комнаты.

Каролла еще долго стояла у стены, глядя на закрывшуюся за ним дверь, а потом медленно осела на пол.

Все пошло совсем не так, как она рассчитывала. Совсем не так...

А Карим Вийар, будто чувствуя, что в доме Князя Четвертого клана его особенно «жаждут видеть», не заставил себя ждать, он прибыл одним из первых.

Штефан встретил его в дверях, едва заметив подъехавший к дому «Лэндровер».

— Здравствуй, Штефан, — сказал гость, усмехаясь, и, оглядевшись по сторонам, смешливо поинтересовался: — А где же моя любимица? Где Кара?

Штефан стиснул зубы, мечтая не сорваться, чтобы врезать тому со всей силы, как много лет назад. Или же, наоборот, только о том и думая, чтобы набить поганцу морду за то, что посмел заикнуться о Каре.

— Не про твою честь, Вийар, — холодно выговорил он. — Наслаждайся обществом других моих рабынь.

Карим рассмеялся.

— Они меня не привлекают, — он бросил на Князя быстрый насмешливый взгляд, — впрочем, как и тебя, по всей видимости. Раз их ты выставляешь на всеобщее обозрение для потехи, а ее прячешь от наших глаз?

Черт побери, он был прав, но признаваться в этом?.. Обойдется.

— Не твое дело, — отрезал он. — Она моя рабыня, а не твоя, поэтому лишь я решаю, что она будет делать.

— Уже попробовал ее на вкус? — усмехнулся Карим, насмешливо стрельнув в него взглядом. — О, да, попробовал. И как? Сладкая, правда? Ммм... до сих пор чувствую на губах ее поцелуй. И шелк ее волос, а глаза!..

— Заткнись, Вийар! — воскликнул Штефан, ощущая в себе бесконтрольные волны ярости.

Карим вновь рассмеялся, а потом совершенно серьезным тоном, глядя Штефану в глаза, добавил:

— Она тебе когда-нибудь надоест, и тогда я заберу ее себе.

— Нет! — громогласно объявил Князь.

— Да, — коротко возразил Вийар. — Все рано или поздно надоедают, тебе ли не знать? Сначала кажется, что нашел что-то новое, яркое, неизведанное, игристое, как шампанское, думаешь, что отыскал что-то особое. Но... — Карим покачал головой с кривой ухмылкой на губах, — ошибаешься. Как и всегда. Кара тебе надоест, а я буду ждать этого момента, чтобы подобрать то, что ты бросишь. Я не побрезгую ради такого лакомства, ты же знаешь, — и рассмеялся, глядя на то, как потемнели глаза Кэйвано. — Вижу, ты хочешь возразить? Не стоит. Я просто буду ждать. А ты... наслаждайся, пока есть возможность, — а потом, резко сменив тему и не позволив Штефану что-либо сказать, огляделся и спросил: — А где же эти твои пресловутые другие рабыни? Почему они не покажут мне мою комнату?

— Ты ее не получишь, Вийар, — сквозь зубы сказал Штефан. — И ты знаешь, что я не бросаю слов на ветер.

Карим лишь мнимо равнодушно пожал плечами, но взгляд его говорил совсем иное. Получит. Получит, если очень захочет. Ищейки научены добиваться поставленных целей.

— Так где моя комната, хозяин? — улыбнувшись уголками губ, поинтересовался он.

И Штефан дал знак, чтобы его проводили в отведенную для него спальню.

Едва Карим скрылся за поворотом, бесхитростно и откровенно заигрывая с рабыней, Штефан, который все это время стоял, будто мраморное изваяние, и смотрел гостью вслед, стремительно повернулся.

— Максимум! — взревел он, окидывая сощуренными глазами пространство помещения.

Ищейка появился из темноты, выплыл из полумрака, словно тень, затаившаяся и ждущая своего часа.

— Да, Князь?

— Отведи Кару в Северное крыло, — коротко бросил он, едва ли не рыча. — И чтобы ни я, ни гости не видели ее в дни Совета. Это приказ! — и, не дожидаясь ответа, решительно направился в гостиную.

Следующие гости постепенно стали прибывать, и Князю Кэйвано ничего не оставалось, кроме как лично приветствовать их, как гостеприимному хозяину и руководителю Совета. Неистово хотелось осведомиться о том, исполнил ли Максимум его приказ относительно Кары, но мысли об этом пришлось выбросить из головы. И хотя Штефан не сомневался в исполнительности Ищейки, желание лично проверить, где сейчас находится его рабыня, долго не давали Князю Четвертого клана покоя. И это откровенно выводило из себя.

Когда бывало подобное? Когда его волновало, где находится его рабыня, и чем занимается?! А вдруг она сейчас уже раздвигает ноги перед Вийаром, нашедшим способ ее увидеть?! Ярость слепила глаза.

Скрепя зубами от злости на самого себя и свое противоречивое отношение к Каре, он встречал гостей, выжимая из себя подобие приветливых улыбок, но пронзая всех холодом глаз.

— Радужный прием, — усмехнулся Лестер Торалсон, Князь Первого клана, при взгляде на хмурое лицо Штефана, завуалированное маской учтивости. — Очень надеюсь, что сие выражение предназначено не мне?

— Не посмел бы обратиться к тебе, Лестер, — коротко бросил тот, уступая мужчине дорогу.

— Кто уже прибыл? — поинтересовался Торалсон, блеснув синевой глаз и глядя на Кэйвано.

— Вийар, — сквозь зубы выдавил тот, а Лестер усмехнулся уголками губ. — Стивен Манкрофт, он выступает свидетелем в деле поставки рабов, а так же Ричард Роузберг, приехал за полчаса до твоего появления.

— Все никак не успокоишься? — сведя брови, спросил Лестер после непродолжительной паузы.

— Не понимаю, о чем ты.

— О Кариме Вийаре, — откровенно заявил Лестер, наблюдая за проседью гнева, мелькнувшего на красивом лице Штефана. — Ты не думаешь, что пора бы уже закопать топор войны и забыть о том Совете?

Штефан нахмурился, молча стиснув зубы.

— Тем более что Карим в последствии все равно принял твою сторону, — продолжил Торалсон.

— Но изначально, — прошипел Штефан мнимым спокойным холодным шепотом, — он поддержал Исаака.

— Ты должен его понять, — тронул молодого Князя за плечо Торалсон. — И на это

были причины. А Исаак, если того хочет, может быть убедительным.

— Тебя ему убедить не удалось, — напомнил Штефан.

— Я знал твоего отца, — отозвался Лестер, — знал лично, Штефан, и никогда не сомневался в том, что ты — наследник. У Карима не было такой возможности, поэтому он... сомневался в тебе.

Штефан взглянул на Князя Первого клана немного прищуренными глазами. Определенно, ему стоило бы прислушаться к его словам. Он был умен и даже мудр, научен и опытен, обладал интуицией и ярким даром проникновения в характеры и умы других людей, кроме всего прочего, он был еще и самым старшим представителем Совета. Но между Штефаном и Каримом сейчас стояло нечто большее, чем просто распри прошедших лет и тот Совет по признанию Штефана единственным наследником Бернарда Кэйвано, на котором Карим Вийар изначально принял сторону Исаака Хотвара, того, кто претендовал на трон Князя уже много лет. Но так и не получил его. Это много лет стояло между ними, не делая их друзьями, хотя многие поговаривали, да и видели, как они похожи, но и не делая врагами, равнодушно оставляя их лишь Князьями своих кланов, вынужденных общаться по воле обстоятельств.

Сейчас между ними стояло нечто иное, не просто давний Совет, не просто недоговоренности и обиды. Между ними стояла... рабыня.

— Я подумаю над твоими словами, Лестер, — улыбнувшись холодом глаз, проговорил Кэйвано.

— Очень хорошо, мой мальчик, — кивнул Торалсон. — Мне бы не хотелось, чтобы внутри Совета не все было складно. А что ты сказал насчет Манкрофта? — вдруг подозрительно сощурился он. — Он здесь?

— Да.

— А Кассандра? Она об этом знает?

Губы Штефана скривились.

— Боюсь, ей придется возразиться через «не хочу», — развел он руками. — Потому что он нам необходим.

— Да помогут нам Небеса, — усмехнулся Лестер. — Надеюсь, обойдется без кровопролития.

— Кассандра всегда была противницей любого вида насилия, — ободрил его Штефан. — Надеюсь, она об этом вспомнит, когда решит убить Манкрофта из запрятанного в рукаве «Кольта».

Но Кассандра не собиралась убивать Стивена Манкрофта, по крайней мере, не сейчас. Но настроена она была довольно-таки воинственно, врываясь в замок, как амазонка, с распущенными волосами и горящими на загорелом лице глазами цвета фиалок.

— Кассандра, добро пожаловать в Багровый Мыс, — поприветствовал девушку Штефан.

— Ужасный прием, Штефан, — вместо приветствия с ходу заявила она, даже не обратив внимания на протянутую ей руку. — Почему я вижу у тебя в доме посторонних людей?

— Кого ты имеешь в виду? — насторожился Князь.

— Что здесь делает Манкрофт? — сквозь зубы процедила она, глядя на него сузившимися глазами.

— Прости, милая моя, но с этим я ничего не могу поделать. На Совете он будет выступать свидетелем.

Если она и была поражена, то виду не подала. Ее так воспитали. Держать свои чувства

под контролем, на цепи, в узде, чтобы никто не смог ими воспользоваться в своих целях. Хладнокровная сдержанная дева с огненным темпераментом, который постоянно приходилось сковывать в себе.

— Надеюсь, ты сделаешь милость и избавишь меня от его присутствия, насколько это возможно? — сухо проронила девушка, продвигаясь вперед.

— Без сомнения, Кассандра, — успокоил ее Штефан. — Ваши комнаты расположены в разных частях замка. Тебя проводят, — он дал знак рабыне, и та вмиг возникла перед Княгиней Мальво.

— Благодарю, — проговорила девушка и направилась к лестнице.

А Князь Кэйвано, едва та скрывалась из поля его зрения, поспешил к недавно прибывшему гостю.

— Не делай глупостей, Стивен, — с угрозой предупредил его Штефан, — я их не потерплю в своем доме.

— Думаешь, я позволю себе нечто непозволительное, чтобы разозлить Кассандру? — удивленно воскликнул тот, его светлые брови подпрыгнули чуть ли не до корней волос. — Я себе не враг, Штефан. И к тому же, меня дома ждут, если ты не забыл. Мне бы вернуться к ним живым и здоровым.

— Не хочу в тебе ошибиться, — сухо отозвался тот. — Потому что здесь ты лишь потому, что нужен Совету.

Рэйф Маккерик и Станіслав Станевич прибыли ближе к вечеру, объяснив причину опоздания долгим перелетом из Южной Америки, где находились по делам компании.

— Надеюсь, неприятных сюрпризов не будет? — хохотнул Маккерик, грузный рыжеволосый великан, сияя улыбкой в двести двадцать ватт и блеснув маленькими глазами. — Мне бы не хотелось вернуться к Хэзер изрядно помятым, как, помнится, бывало не раз, она меня в порошок сотрет.

— Она терпит тебя уже большую часть твоей жизни, — громогласно заявил стоящий рядом с ним Станевич, возвышавшийся над другом больше чем на голову. — Это уж и подавно стерпит.

Маккерик рассмеялся.

— Вот уж что есть, то есть.

— И как она только с ума не сошла? — скривился его друг.

— Полагаю, что Рэйф ей не позволил бы, — вмешался в перепалку Штефан, улыбаясь уголком губ.

Князя тут же устремили на Кэйвано серьезный взгляд.

— Хм, так чего же мы тут стоим? — нахмурился Маккерик.

— Совет через пару часов, — нашелся Станевич.

— Мои слуги проводят вас в ваши комнаты, — услужливо кивнул Штефан, наблюдая за тем, как друзья, переговариваясь и о чем-то споря, стали подниматься по лестнице.

Ироничная улыбка не сходила с его лица, пока они не скрылись за углом. Как они смогли нарисовать образ властителей чьих-то судеб и жестких управляющих перед людьми, Штефан никогда не понимал. Из всех, кого он знал, эти двое, наверное, меньше всего походили на жестких и волевых руководителей. Но, как ни странно, ими являлись, ко всеобщему недоумению и изумлению.

Штефан хотел было направиться в кабинет, круто повернувшись на каблуках, но был остановлен.

— А меня не встретишь, как подобает, — раздался за его спиной тихий голос с хрипотцой. — А, племянничек?

Лицо Штефана вмиг исказилось, глаза зло сощурились, губы сжались в тонкую ниточку. Гнев мелькнул на лице, а в груди заклокотала ярость, которую Князь, тем не менее, решительно в себе подавил.

— Исаак? — повернулся к гостю Штефан и, заглянув за спину своего дядюшки, язвительно бросил: — Со своей «шестеркой»? Не скажу, что рад тебя видеть.

Высокий мужчина, седовласый, худощавый, с узкими губами и маленькими глазками, сверлящими всех, будто буравчиком, одетый дорого и со вкусом, был почти одного со Штефаном роста, а потому смотрел ему в глаза вызывающе и презрительно, находясь от хозяина замка на расстоянии нескольких шагов.

— А тебе и не нужно радоваться, — пронзил Князя презрением острый, как бритва, взгляд Хотвара. — Я приехал не к тебе, — скинув плащ, который тут же был подхвачен предприимчивым и услужливым слугой, он прошел вперед. — Мне есть, что поведать Совету.

Губы Штефана сжались, а глаза почернели, превратившись в щелочки.

— Что ж, — выговорил он сквозь зубы, — мы внимательно выслушаем тебя.

— Не сомневаюсь, — отрывисто бросил Исаак, испепеляя племянника яростью всего своего существа. — И на этот раз, надеюсь, Совет прислушается к тому, что я скажу, — окинув Штефана холодом презрения, добавил: — Как не сделал этого раньше, и отдал трон Кэйвано ублюдку и подкидышу.

Штефан сделал к нему резкий и решительный шаг, намереваясь высказаться относительно оскорбления, но, осознав, что Исаак Хотвар именно этого и добивается, стараясь вывести его из себя, Штефан застыл.

— Совет считает иначе, — холодно улыбнулся он, — дядюшка. И оспаривать завещание Бернарда не имеет смысла. Если ты об этом хочешь заявить на Совете, лишь потеряешь время, твое прошение никто не станет рассматривать...

— Нет, не об этом! — резко оборвал его Исаак. — Но и до этого я тоже доберусь, — оскалился он. — Где моя комната?

— Тебя проводят, — презрительно улыбнувшись, проговорил Штефан.

Исаак долго смотрел на него, испепеляя и будто желая наброситься с кулаками, и двинулся вперед.

— Гай! — позвал он, и слуга стремительно метнулся к нему.

На первой ступеньке лестницы Хотвар вдруг замер и, повернулся к Штефану, ядовито усмехаясь.

— Ты даже не называешь его отцом, — скривился он в усмешке. — Никак не можешь отвыкнуть, не называя его хозяином? — и, не дожидаясь ответа, все еще кривясь, удалился, оставляя за собой последнее слово.

Совет Князей состоялся в зале приемов с высокими потолками куполообразной формы, украшенными лепниной, и с разрисованными античными сюжетами стенами, специально оборудованном для подобного рода мероприятий. В центре зала стоял большой полукруглый стол из красного дерева, за ним — семь кресел с высокими спинками, обитых красным бархатом. Большое окно на полстены, завешенное гардинами, не пропускало света, а потому зал был освещен многочисленными бра, висящими на стенах, и льющими в каждый уголок

комнаты приглушенный свет, а так же люстрой, свисающей с потолка, подобно огромной хрустальной слезе, освещающей комнату ярким потоком света.

Ровно в восемь часов вечера, когда все Князья заняли свои места согласно кланам, слева направо от Первого клана, Совет посчитали открытым.

Обсуждали управление Второй параллели в целом, отдельно в каждой области территории, находящейся под ее влиянием, подводили итоги года, решали возникающие по ходу обсуждения вопросы, коснулись вопроса о данном несколько лет назад обете безбрачия Кассандрой, проверили численность населения, прирост, число поступивших за грань рабов, не превышающих норму, так же поздравили Рэйфа Маккерика с предстоящей в декабре свадьбой сына, его наследника, с Наталией Д'Арси, представительницей одного из древнейших родов во Второй параллели.

Когда основная часть вопросов была рассмотрена, решения приняты, настал черед смотра внеплановых вопросов. И тогда Штефан, относительно напрягшись, но не подавая виду, нахмурился.

— Что ж, — начал Лестер Торалсон, — если ни у кого нет вопросов или дополнений по основным моментам нашей встречи, — обведя прищуренными глазами властителей, не останавливая ни на ком из Князей взгляд дольше, чем на пару секунд, он устремил взор на хозяина замка. — Думаю, настал черед пригласить сюда того, кто просил о слове на Совете, — он кивнул Штефану, и тот дал условный знак слуге.

Двустворчатые двери зала приемов почти сразу же распахнулись, впуская в пространство помещения высокого седовласого мужчину, выпрямившего плечи и спину и горделиво вскинувшего подбородок. Он сделал пару шагов, остановившись, обвел взглядом собравшихся и двинулся к центру комнаты.

— Исаак Хотвар, — коротко кивнул ему Лестер, казалось, с неохотой улыбнувшись. — Думаю, в излишнем представлении он не нуждается.

— Мои приветствия, господа, — поклонился мужчина, бросив острый взгляд на племянника, который, сжав руки в кулаки, невозмутимо смотрел на него из-под опущенных ресниц.

— Что привело тебя к нам на этот раз, Исаак? — поинтересовался Станіслав Станевич, оглядывая гостя.

— Все еще не успокоишься из-за завещания Бернарда? — вскинул брови Рэйф Маккерик.

— Мне казалось, — подала голос Кассандра, вскинув подбородок, — что это уже решенный вопрос. Нет?

Лестер Торалсон пресек поток высказываний, подняв вверх руку.

— Полагаю, что мы узнаем сущность вопроса от самого Исаака. Не так ли?

Мужчина, давась злостью и яростью от подобного обращения, в котором, несомненно, винил ублюдка своего сводного брата, легко кивнул, повинувшись старейшине Совета.

— Вопрос, который я бы хотел обсудить, по правде говоря, действительно касается Бернарда, — сказал он. — Точнее, его... отпрыска, — добавил он, бросив короткий взгляд в сторону Штефана, который до этого мига не произнес ни одного слова, а лишь испытывающе смотрел на него.

— И что же это за вопрос? — вскинул брови Лестер.

— Надеюсь, дело того стоит, Хотвар, — нахмурившись, откинулся на спинку кресла Ричард Роузберг.

— Право слово, я согласна с Ричардом, — скривившись, заявила Кассандра. — В чем дело, Исаак?

Мужчина, сдерживая гнев, попытался улыбнуться. Губы его дрогнули, а на лбу появился складочка.

— Боюсь, что новость, которую я сообщу, напрямую связана с нарушением законов Второй параллели.

— Конкретнее, Исаак, — поторопил аристократа Маккерик.

— Мне стало известно, — вскинув подбородок и обводя Князей взглядом, полным огня победителя, — из надежных источников, могу вас уверить, что люди Штефана Кэйвано нарушают правило гласности. Что разглашают — и могу осмелиться заявить, — преднамеренно о существовании Второй параллели.

— Это невозможно! — воскликнула Кассандра, сощурившись.

— Многие знают, что мы существуем, Исаак, — прервал поток возмущения Княгини Лестер. — И это не было большой проблемой раньше.

— Но когда эта проблема угрожала выйти за пределы круга осведомленных? — парировал Хотвар.

Князя настороженно застыли, глядя на седовласого аристократа пристально и внимательно.

Штефан сощурился. Он ожидал этой подлости от Исаака, но только сейчас осознал глубину проблемы.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Станевич. — Круг растет? Осведомленных становится больше?

— Именно так, — подтвердил Исаак, удовлетворенный произведенным эффектом. — Круг растет, уверен, что даже сейчас на одного или двух осведомленных стало больше. И мы все понимаем, — обводя взором Князей, продолжал он, — чем это нам может грозить.

— Восстание? — грозным шепотом проговорил Маккерик.

— Именно. Если круг тех, кто знает, вырастет и перейдет грань, — он сделал значительную паузу, прежде чем добавить: — Восстание неизбежно, а существование Второй параллели в тайне подрывается.

— Но с чего ты взял, что именно люди Штефана распространяют слухи? — воззрилась на Хотвара Княгиня.

Он насупился, глядя на нее почтительно, но с угрозой. Она всегда была проблемой. Княгиня! Всегда стояла на защите улюбюдка Бернарда, как сука, защищающая своих щенят.

— Я уже сказал, — медленно протянул он, — что эти сведения получены из надежных источников. Я лишь делаю акцент на том, чем все это может нам грозить. Расширение круга знающих может иметь глобальные последствия, вплоть до восстания, как уже было сказано, — он поджал губы и рискнул добавить: — К тому же, нарушение первого правила Устава, насколько мне известно, грозит карой Совета.

— На что ты хочешь нам указать? — не понимая его до конца, спросил Станіслав.

— Ты указываешь на Штефана? — напрямую спросил Ричард Роузберг.

— Неужели ты думаешь, что Штефан причастен к разглашению правды? — фыркнула Кассандра.

— Зачем ему это может быть надо? — подтвердил Маккерик. — В этом нет смысла.

Исаак дернул головой, между кустистых бровей залегла складка.

— Я не говорил, что ему это может быть надо, — спокойно сказал он. — Я лишь

считаю, что Князь, — сделав презрительное ударение на этом слове и бросив взгляд на Кэйвано, — который допускает подобное среди своих людей, не может заслуживать доверие и управлять целым кланом.

— И мы возвращаемся к твоему первому прошению, — холодно проговорил Штефан, не произнесший ни одного слова до этого, и пронзая Исаака взором серо-голубых глаз. — Не правда ли, Исаак?

Тот скривился, но промолчал.

— Даже если слуги Кэйвано и распространяют подобные слухи, — начал Лестер, — мы должны выяснить, кто это делает, с какой целью и... — быстрый взгляд на Штефана, — ...и знает ли об этом сам Князь.

Штефана передернуло от подобного оскорбления. Брови его сошлись на переносице.

— Если вы хотите услышать это от меня, — холодно и презрительно заявил Штефан, — то я говорю, открыто и правдиво: я не знал о том, что происходит.

— Я ничуть не сомневался, что ты скажешь именно это! — фыркнул Исаак, окатив его ненавистью взгляда.

— Моих людей проверяют трижды те, кто служит моей семье много не просто десятилетий, но веков! — отрезал Кэйвано. — В их честности и верности я не сомневаюсь.

— Но, если до нас дошли подобные слухи, — сказал Маккерик, насупившись, — мы не можем оставить это без внимания. Нужно все проверить.

— Согласен, — кивнул Станевич, — нужно выяснить все наверняка.

— У нас нет оснований не доверять словам Исаака, — покачал головой Ричард Роузберг.

— Неужели вы, действительно, думаете, что Штефан преднамеренно распространяет эти подлые сплетни? — возмущенно воскликнула Кассандра, сверкая глазами. — Или что он знал о том, что кто-то из его людей это делает, и до их пор не пресек их деяния? Именно Штефан Кэйвано!? Не смешите меня! — скривилась она.

— Кассандра, — мягко проговорил Лестер Торалсон, — я понимаю твое негодование, но давай рассуждать логически, не отбрасывая фактов, — девушка кивнула. — Факт остается фактом: кто-то распространяет слухи о Второй параллели. Круг осведомленных растет, мы не должны допустить гласности...

— Тогда давайте найдем тех, кто это делает, — терпеливо проговорил Роузберг. — И спросим их, кто, когда, зачем.

— А до тех пор...

— Я буду подозреваемым? — холодно процедил Штефан сквозь зубы, начиная беситься. Исаак не смог подавить торжествующую улыбку, скользнувшую по его губам.

— Боюсь повториться, — выговорил он восторженно, — но я говорил, что этот Трон не по твоему плечу.

— Но и не по твоему, — с яростью выдавил Штефан сквозь зубы. — Ты даже не Кэйвано!

Исаак, возмущенно напыщенный, дышащий кричащей ненавистью, хотел что-то сказать, но не успел.

— Успокойся, Штефан, — заявил Лестер. — И ты, Исаак. Мы во всем разберемся.

— Мне смешно даже предположить, что Штефан знал об этом, — раздраженно сказала Кассандра.

— Мы должны проверить все варианты, — упрямо заявил Станевич.

— Это серьезное заявление, — подтвердил Маккерик, — не думаю, что умно оставлять его без внимания.

— Мы и не оставим, — коротко бросил Роузберг. — Послезавтра, сразу же после приема, мы этим займемся.

— А до тех пор, — дышащий холодом Арктики, проговорил Штефан, — я должен оставаться в опале? Только потому, что мой дядюшка сказал, что мои слуги нарушили правило? — он злобно хохотнул, а потом заявил: — Не проще ли мне самому во всем разобраться? Раз уж это мои слуги?

— Не думаю, что это разумно, — возразил Маккерик.

— Учитывая, что ты — заинтересованное лицо, — подтвердил Станевич.

— Но и Хотвар — тоже заинтересованное лицо, — подал голос Вийар. Впервые за этот вечер, выразив свое мнение, а до того молча наблюдавший за разворачивавшимся перед ним действием. Казалось, он скучает.

Все взгляды устремились на него, и сощуренный ледяной взгляд Штефана Кэйвано тоже.

— Вы подозреваете меня?.. — возмущенно напыжился Исаак, крайне раздосадованный. — Меня?!

— А тебя есть в чем подозревать? — устало осведомился Карим, равнодушно взирая на аристократа.

— Нет! Конечно же, нет! — воскликнул тот, оскорбившись, чувствуя, что руки начинают потеть.

— Тогда и волноваться не о чем, — выговорил Карим, откинувшись на спинку, но не отводя от него глаз.

— Потому что ты знаешь, — бросила Княгиня, — что бывает с теми, кто злоупотребляет ложными доносами.

Исаак, казалось, оскорбился. Все в нем взбунтовалось против подобного обвинения в его адрес.

— Я знаю. И никогда не посмел бы...

— Очень хорошо, Исаак, — перебил его Лестер, поднимаясь со своего кресла и давая тем самым понять, что вопрос исчерпан. — Дело решенное. Мы все проверим и... доложим тебе о проведенном расследовании.

Исаак, казалось, хотел еще что-то сказать, но, резко передумав, поклонился Князьям.

— Рад служить Второй параллели, — проговорил он. — Я верю в то, что истина будет найдена.

— Ты можешь идти, — коротко бросил Лестер, и Исаак, еще раз поклонившись, решительно направился к двери, быстрыми шагами пересекая комнату.

Когда же двери за ним закрылись, Торалсон, нахмурившись, обратился к Штефану.

— И что ты думаешь обо всем этом, Штефан?

— Все свои домыслы я уже изложил, — сухо ответил тот. — Я ничего не знал о том, что происходит.

— У тебя есть версии, что это может быть? — спросил Станевич, поглядывая на него из-под ресниц.

— И кто мог нарушить правило? — добавил Маккерик, переглянувшись с другом.

— Не знаю, — со злостью отозвался Князь Четвертого клан. — Но узнаю, обязательно узнаю!

— Как по мне, так все и так ясно, — воскликнула Кассандра, — кто-то просто хочет, чтобы все ниточки вели к Штефану. И нам всем ясно, кто может быть этим злоумышленником.

— Ты имеешь в виду Хотвара? — удивился Роузберг. — Ему не за чем нам лгать. Мы разгадаем ложь.

— Да... — задумчиво проговорил Лестер. — Мы разгадаем. Я уверен, что слухи правдивы. Исаак не врал бы насчет этого. Не насчет этого. А вот насчет остального...

— Мы все проверим, — заявил Станислав, взглянув на Штефана. — Не переживай, Штефан, никто тебя не подозревает, просто факт есть факт: кто-то разглашает правду о нас...

— И оставить все это без внимания мы не можем, — закончил за него сам Штефан. — Я разберусь с этим. Теперь это стало моим личным делом.

— Все выяснится, Штефан, — сказал Лестер, успокаивая Князя. — Никто никаких обвинений предъявлять не будет, тем более, к тебе, пока мы не узнаем всей правды. Как не крути, но сейчас мы вообще мало что знаем наверняка.

Штефан приподнялся с кресла, вздернув подбородок. Ярость скользнула на его лице, омрачив его.

— На этом, полагаю, Совет можно считать оконченным? — это был, скорее, не вопрос, а утверждение.

Все поднялись со своих мест, подтверждая это.

— Не бери в голову, — тихо сказала ему Кассандра, тронув за руку. — Никто не верит в твою причастность к этому преступлению.

— Это война, Кассандра, — коротко бросил Штефан, не глядя на нее. Он так стиснул зубы, что на скулах заходили желваки. — Между мною и Хотваром. Но сейчас она перешла все границы, — злобно выдохнул он. — Он не успокоится, ты разве не видишь?

Девушка осторожно отступила, заглянула ему в лицо, подозрительно прищурившись.

— А это значит?..

— А это значит, — сверкнул он огнем глаз, — что нужно найти способ его успокоить.

Кассандра промолчала, глядя на то, как Князь с грацией разъяренно тигра, выпрямив спину, решительно покинул зал приемов. Нет, это не конец. Они все ошибались, когда полагали, что Исаак Хотвар успокоится и подчинится воле и решению Совета, сделавшего наследником трона Кэйвано Штефана.

Нет, Хотвар не отступит. И не уступит. Но он, очевидно, и не догадывается, что Штефан не отступит и не уступит тоже. И да, это война. И она началась.

И, повернувшись на каблуках, Кассандра Мальвó, единственная Княгиня Совета Князей, вышла из зала приемов.

Глава 17. Замкнутый круг

17 глава

Замкнутый круг

Когда представляла ее себе, я и не думала, что она окажется такой молодой. И такой красивой. На вид ей не было еще и тридцати, хотя я и понимала, что она гораздо взрослее тех лет, на которые выглядит, так как время во Второй параллели тянулось иначе, чем в моем мире. Но леди Мальвó удивляла своей откровенной молодостью, равно как и вызывающей красотой. Шикарные волосы, длинные, очень темные, но не черные, шелковистыми волнами струящиеся по плечам, точеные черты лица с высокими скулами, маленьким носом и полными губами. Но особенно выделялись на ее лице глаза, чистого фиолетового цвета, горящие подобно драгоценным камням. Воплощение молодости, красоты, изящества, благородного величия и небывалой власти на хрупких плечах в одном человеке. В одной женщине.

И разве эта женщина может быть жестокой? Разве не постарается она мне помочь, если я попрошу ее о помощи? Разве не сжалится она надо мной, не выкупит у Кэйвано? Разве я не угадала в ней властность вкупе с благородством души? Сердце не могло меня обмануть. Оно не должно было ошибиться.

Конечно, слишком много надежд было в моих мыслях. Надежд откровенно бесплотных и пустых. Где она, и где я? Что между нами общего? Она — Королева, она Княгиня, она Хозяйка, а я... Я рабыня. Я никто в том мире, в котором правит она. В мире, где для меня не осталось иного места, кроме как быть рабой.

Но надежда... разве она не умирает последней? И, когда она, едва загоревшись в сердце, не будет убита или воплощена в жизнь, душа будет мучиться и страдать от неизвестности.

И, не желая поддаваться унынию и сдаваться, ибо опустить руки, значит, сдаться и уступить, я сделала единственный шаг, который мне делать было запрещено. Я сделала роковой шаг — прямо в пропасть.

Не взирая на приказ Князя, я все же вышла из дальнего крыла, куда была отправлена Максимусом по приказу Князя, с единственным желанием, — посмотреть за прибытием гостей. Увидеть ее. Понадеяться.

И я узнала ее сразу, единственная женщина, заседающая в Совете Князей. Как ее можно было не узнать? Высокая, статная, изящная и хрупкая, как дорогая статуэтка, с внутренним стержнем и горящими глазами.

Княгиня Мальвó с высоко поднятой головой прошествовала вдоль зала, и все в ее движениях говорило о величии, благородстве, сдержанности и уверенности в себе. Королева. Истинная Королева. От макушки до кончиков пальцев ног. И, кажется, Штефан Кэйвано признавал в ней это — силу, власть, величие, красоту.

Оглушенная стуком собственного сердца, забившегося в висках, я стояла, едва дыша, прислонившись к колонне в полутьме зала, дабы не быть замеченной, и замороженно взидала на леди Мальвó.

Ее слова были отточенными и резкими, но в груди пламенем костра горело чувство — истинное чувство души, сокрытое за маской неприступности и сдержанной жесткости.

Холодная леди с горящим сердцем.

И в тот миг, когда Княгиня, вскинув подбородок и сверкнув глазами, коротко бросила что-то Кэйвано, направившись к лестнице, я поняла, что в этой женщине, утонченной и величавой, заключено мое спасение. Если кому-то и удастся спасти меня из того ада, в который я попала, то лишь ей. Никому, кроме нее.

Наблюдая из своего укрытия за выпрямленной спиной и напряженными плечами Княгини, удалявшейся от меня, я не могла сдержать полуулыбки, мелькнувшей не только в уголках губ, но и в глазах, в глубине моей скованной и забитой души, которую хотели подчинить себе руки Князя Кэйвано.

Он будет гневаться. Он будет вне себя от ярости и злости. Он уничтожит меня, если мое предприятие прогорит, если Кассандра Мальвó не поможет мне, если обманет то доверие, которое я всем сердцем хотела ей оказать. Штефан будет не наказывать, но казнить. И от его мести мне не убежать, не скрыться. Найдет.

Но я решила рискнуть. Положение рабы в руках Князя не прельщало. Оно унижало убивало, оно делало меня бесправной и зависимой. А вся моя жизнь была положена на то, чтобы стать свободной. И сейчас, попав в зависимость, я бы сделала все для того, чтобы вновь обрести свободу. Даже пойти против правил.

С горячей в груди уверенностью в своих дальнейших действиях, я вернулась в Северное крыло.

О работе нечего было и думать, все мои мысли были заняты Княгиней Мальвó, предстоящим разговором с ней. Мне нужно было поговорить с ней с глазу на глаз, перекинуться хотя бы парой слов, чтобы убедить ее меня выслушать. Я была уверена, что она не откажет. Возможно, удивится, но не откажет. Она не такая, как те Князья, что собрались в поместье господина Кэйвано. Я видела их, жестких, властных, горделивых и бесчувственных покорителей, поработителей чужих судеб, тех, кто решил саморучно править миром. Мне претил один лишь вид их напыщенных физиономий, скованных различными масками от радушия до скуки. Наплевательского отношения к тем, кто стоял ниже их, и, конечно же, не задавшего бы ни единого вопроса о том, как живет их рабам. Равнодушные, хладнокровные, безжалостные властители. Короли.

Но не она. И... не он. Тот, другой посетитель, гость, дворянин.

Среди этого чванливого благородства, роскошной презентации и страсти титулов и званий я видела еще одного человека. Он выделялся среди всей этой неугомонной суеты своей презентабельностью, стойкостью и сдержанным спокойствием, которое чувствовалось, кажется, в каждом его движении, каждом его шаге, в полуулыбке, скользившей по губам. Спокойный и уравновешенный, этот мужчина создавал впечатление человека, который уже перестал кому-то что-то доказывать, а оттого парадоксально и был тем человеком, к чьему мнению все прислушивались.

Я видела его, когда он приехал, наблюдая за прибытием новых гостей, родовитых дворян, аристократов от макушки до кончиков пальцев, из своего укрытия за дальней дверью, ведущей в зал приемов. Именно там должен был состояться торжественный ужин в честь Совета. Высокий, около сорока пяти лет на вид, не красивый, но статный, с черными волосами, в которых уже мелькала седина, сдержанно непринужденный и откровенно молчаливый. Очевидно, уставший говорить впустую и предпочитавший делать.

Позже от Лейлы я узнала, что его звали Димитрий Мартé, он являлся близким другом Штефана Кэйвано. В год смерти Бернарда Кэйвано на Совете, собранном по инициативе

Исаака для оспаривания завещания, именно Димитрий Мартэ выступил в защиту младшего Кэйвано со своей поддержкой и уверенностью в том, что никто иной на трон Четвертого Князя претендовать не имеет права.

Этого мужчину я видела в зале приемов, куда подавали ужин, и там же я увидела ее. Кассандру Мальвó.

Сердце трепетало в груди, когда я, подхватив в руки подносы с лакомствами, вопреки его запрету вышла в зал к гостям. Самовольно, не спрашивая разрешения, уверенная в том, что этого разрешения не получу. Я рискнула. Это был шанс. Наверное, единственный, чтобы его упускать. Такого больше не представится.

И меня не волновало, что меня ждет наказание. По крайней мере, в тот самый момент.

— Ты с ума сошла, Кара! — воскликнула Лейла, пытаясь ухватить меня за руку. — Да он убьет тебя!

— Я сама себя убью, если останусь здесь, — бросила я, решительно вырвавшись из ее рук.

— Сумасшедшая! Ты даже не представляешь, что он с тобой сделает за непослушание! — кричала мне вслед Лейла, но я ее не слушала, решительно направляясь к двери.

О, я представляла, что он сделает. Очень хорошо представляла. Только что это меняло? Он все равно сделает это. Ни за что. Так пусть же я пострадаю хотя бы за попытку вырваться из его лап.

— Кара! — кричала задыхающаяся Лейла. — Кара, вернись! Ты даже не представляешь, что будет!.. Там же...

Но я не услышала ее последних слов, больше не обращая на них внимания, выскользнула из кухни.

И сейчас стояла ни жива ни мертва, слушая, как стучит в груди сердце.

Помедлив у дверей, слушая бешеный стук сердца, я, вскинув подбородок, сделала тот роковой шаг в пропасть, чувствуя, как огонь поглощает меня в свои объятья. Ноги подкашивались, руки дрожали, но я медленно продвигалась к столам, за которыми восседали Князь и аристократия. В груди колело.

Пути назад не было, как и шанса на отступление — пропасть взирала на меня холодными серо-голубыми глазами демона. Жесткими ледяными глазами монстра, принявшего человеческий облик. Взирала глазами демона Кэйвано, пронзавшими меня одновременно адским пламенем и арктическим холодом.

В зале так же находился тот, другой. Который назвался другом Князя, но таковым не являлся. Вийар. И он тоже увидел меня сразу. Как и Штефан Кэйвано.

И если глаза Кэйвано сузились, а лицо задышало яростью, то губы Вийара расплылись в улыбке. И эта хищно-плотоядная улыбка, обращенная в мой адрес, меня покорила. Сердце, забившись раненой птичкой в груди, застучало где-то в висках.

Я сглотнула, не сводя глаз с коварного соблазнителя, коим, я была уверена, этот Вийар и являлся. Он смотрел на меня, не отводя глаз, очень внимательно, пристально, насмешливо, раздевая донага. Я почти не дышала, когда он, приподняв подбородок, откинулся на спинку стула и, немного наклонив голову набок, бросил быстрый взгляд на сидящего рядом с ним... Штефана Кэйвано!

Мое сердце едва не остановилось, когда я, проследив за его взглядом, увидела, что Князь тоже смотрит на меня, не отрываясь. И его глаза цвета холодной голубой стали вовсе

не смеются, но блещут от гнева.

Я поняла, меня ждет наказание. Я нарушила закон. Я, кажется, вообще переступила грань дозволенного.

Но сейчас у меня не было времени на то, чтобы жалеть себя, передо мной была иная цель, вытекающая из этого преступления. Поговорить с Кассандрой Мальвó и уговорить ее выделить мне время. А потому я, окинув быстрым взглядом зал приемов, где никто, кроме Кэйвано и его друга, не обратил на меня внимания, я увидела ее. К счастью, она сидела на противоположной от Штефана стороне длинного стола и, казалось, была поглощена не ужином или живыми разговорами, кружившимися в комнате, а собственными мыслями. Ее красивое лицо было задумчиво прекрасным, бровки немного сдвинуты к переносице, а глаза сощурены и устремлены в пространство.

Я подошла к ней и поставила поднос на стол, расставляя лакомства и закуски дрожащими руками.

Сердце стучало в груди так сильно, что казалось, вот-вот вырвется изнутри. Мои руки тряслись, когда я, едва касаясь пальцами рукава ее платья, тронула Княгиню за локоть, обращая на себя ее внимание.

Она обернулась, окинув меня взглядом самых невероятных глаз на свете — глаз цвета фиалок.

— Госпожа Кассандра, — проговорила я, борясь с хрипотой и заиканием, — позвольте переговорить с вами? — черные брови Княгини взлетели, выдавая ее изумление, а я, покосившись, поспешно добавила: — Наедине.

Я мысленно молилась, чтобы она не потребовала оставить ее и не наказала за возмутительный поступок, как обращение рабыни к госпоже. Но Княгиня не обманула моих ожиданий.

— Когда? — после непродолжительного молчания, совмещенного с кратким, внимательным осмотром меня с головы до пят, спросила девушка, слегка вздернув бровки.

Я сглотнула, не веря в свою удачу. Она согласилась? Неужели согласилась?!

— П-после... после ужина, — пробормотала я, оглядываясь по сторонам, и боясь быть обнаруженной за разговором с Княгиней. — В Северном крыле, меня отправили туда.

На ее лице мелькнула тень, губы дернулись, но глаза и их выражение оставалось бесстрастным.

— Хорошо, — кивнула она. — Как тебя зовут?

— Каролла, госпожа, — запинаясь от переполнявших меня чувств, выдавила я.

Княгиня вновь кивнула, окинув меня еще одним взглядом, теперь уже немного заинтересованным, что я сочла хорошим знаком, и я, поклонившись, удалилась. Лелея в груди надежду на то, что не все потеряно.

Я ходила, почти не дыша, так же выполняя и свою работу. Кэйвано, занятый гостями, так не пришел для того, чтобы объявить о своем наказании, но его появления я не боялась. Я ждала ее прихода, а потому нервничала и то и дело бросала взволнованные взгляды по сторонам.

А вдруг она меня обманула? Вдруг она не придет? Как быть, если расскажет о нашем коротком разговоре Штефану? Что, если я ошиблась в ней? И неужели нет... и шанса на спасение?

Я задохнулась от испуга, краска прилила к моему лицу, а в горле возник острый ком.

Но Княгиня меня не обманула. Она пришла. Вечером, после ужина. Одна.

— О чем же ты хотела поговорить со мной? — послышался за моей спиной тихий женский голос.

Я вздрогнула от неожиданности и резко обернулась с загоревшимся в глазах восторгом.

— Вы пришли, — не смогла сдержать я улыбки, глядя на Кассандру с благоговением.

— Пришла, — кивнула девушка, подходя ко мне со сцепленными в замок руками. — И хочу знать, чем же ты меня хочешь... удивить.

И тогда я испугалась, дыхание участилось, как и сердцебиение, а пульс замолотил в запястьях.

А вдруг она не поможет? С чего я вообще взяла, что она может помочь? Она — Княгиня, прежде всего. А я — рабыня, я — никто для нее, как никем являюсь и для Штефана Кэйвано.

И есть ли надежда, что она не пожалуется на меня Князю? Он не простит, он накажет. Мне и так не избежать наказания заслушание, но если он узнает, что я беседовала с Кассандрой Мальво, он будет жесток в своих способах отпущения за своеволие.

Но другого такого шанса мне уже не представится. И нет ни смысла, ни времени, чтобы гадать.

— Госпожа Кассандра, — начала я тихо, — я не знаю, как просить вас... И не знаю, какие слова подобрать...

— Говори, как есть... Каролла, верно? — мягко перебила меня она, глядя на меня с простодушием.

Этот голос вселил в меня надежду. Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями.

— Вы знаете, что я... рабыня в доме Кэйвано, — начала я тихо, отчего-то смутившись, и опустив взгляд. — Но мне... я... я не могу находиться здесь. Меня выкрали из дома, меня похитили и продали на аукционе.

— Но ты понимаешь теперь, куда попала, Каролла, — сказала Княгиня. — Здесь нет места законам, которые правят людьми в твоём мире. Здесь — свои правила и устои. И, попав сюда, ты должна им подчиняться.

— Я понимаю это, — скованно проговорила я. — Я знаю, куда я попала. Я осознаю это, но...

— Хочешь свободы?

— Это самое ценное, что у меня было, — свобода! Но и ее у меня отняли. Насильно, понимаете?!

— Это не новость, Каролла, — покачала головой Кассандра. — Подобное происходит каждую неделю, едва ли не каждый день по всей территории Второй параллели. Ты — лишь одна из, не более того.

— Я не хочу быть одной из, — горячо заявила я. — Я хочу заслужить свободу. Снова. Неужели я не имею на это права?

Кассандра пожала плечами, будто уверенная в том, что ничем не может мне помочь.

— Это решать не мне. Не я твоя хозяйка, а Штефан Кэйвано. Он, купив тебя, стал властителем твоей судьбы и твоей свободы.

— Но именно этого я и не хочу! — воскликнула я, метнувшись к ней. — Чтобы он был моим... властителем.

— Штефан? — сощурилась Княгиня, а потом задумчиво добавила: — То есть, ты хочешь сказать, что...

— Я хочу попросить вас... выкупить меня у Штефана Кэйвано, — откровенно произнесла я, решившись. — Пожалуйста...

Кассандра смотрела на меня долго и пристально, просто молчала, не произнося ни слова. А меня била дрожь, пронзая даже кончики пальцев на ногах.

— И почему ты выбрала меня? — умные фиалковые глаза пронзили меня вопросом.

Я смущенно опустила глаза. Сглотнула, боясь запнуться или сказать что-то не то.

— Я слышала, что вы... более благосклонны к рабам, — выдавила я из себя. — Что вы выступали на Совете за то, чтобы отменить рабство...

— Ходят подобные слухи? — иронично скривилась Кассандра Мальвó. — Интересно... — протянула она.

— Так вы поможете мне? — с придыханием спросила я, глядя на Княгиню с надеждой в глазах.

Девушка взглянула на меня очень пристально, разглядывая лицо, скользя взглядом по шраму на щеке, по губам, поджатым и немного подрагивающим, а потом покачала головой.

— Я не могу помочь тебе, Каролла, — откровенно призналась она. — Кэйвано не продают рабов, все об этом знают.

— Но можно ведь попробовать... — сдавленно прошептала я, чувствуя боль в груди. — Можно ведь...

— Послушай, я видела, как он смотрел на тебя, — мягко перебила меня Княгиня. — Даже если бы он и продал кого-то, это была бы не ты.

— Он мною еще не наигрался? — горько воскликнула я, глядя на Кассандру.

— Возможно, что так, — пожала та плечами. — Вероятнее всего, так, — поправились она. — Мне жаль, что я не могу тебе помочь, Каролла.

Слезы подступили к глазам неожиданно, готовые вот-вот скользнуть по щекам. Единственная надежда на спасение, единственный упущенный шанс, растоптанный шанс заслужить свободу. Всё пропало!

— Я понимаю, — прошептала я, ощущая, как болит сердце. И я, действительно, понимала.

Я пробыла в рабстве у Кэйвано месяц, но уже понимала, что он не тот человек, с которым стоит спорить.

— Откуда у тебя этот шрам? — участливо спросила Княгиня, тронув меня за плечо. — Это... Штефан?

Как бы мне хотелось солгать. Сказать, что это сделал именно он. Может, тогда Кассандра сжалилась бы надо мной и поговорила с Кэйвано. Но... Лживые слова не сорвались с моего языка. Почему? Почему!?

— Нет, это не он, — не глядя на леди Мальвó, пробормотала я и отшатнулась от нее, отворачиваясь. — Это... с детства. В детском доме были не очень дружелюбные дети... — и горько усмехнулась собственным словам.

— Ты из детского дома? — казалось, была удивлена Кассандра.

Именно таких, как я, выбирают для вас, мелькнуло в моей голове. Одиноких и забытых жизнью...

— Да, — ответила я, силясь не заплакать. — Я буду бороться за свою свободу. Я слишком много отдала за нее и не отдам ее просто так теперь, по прихоти властителя судеб... но не моей судьбы, — и двинулась вперед. — Простите, что побеспокоила, — и, пытаясь не сорваться на бег, быстрыми шагами поспешила по коридору.

Даже не догадываясь о том, что Кассандра Мальвó, глядя мне вслед, приняла для себя решение.

Решение, о котором мне пришлось пожалеть уже на следующий день.

Совет подошел к концу на следующий день. Князя и дворянство стали разъезжаться, и уже во второй половине дня никого из Совета и представителей высших кругов в особняке не осталось.

Я занималась своей работой в Северном крыле, как мне и было приказано, ожидая прихода Князя. Он не навестил меня вчера, чтобы лично высказать неодобрение моим поведением и наказать за своеволие, но я знала, что это не оттого, что он забыл. Смешно. Этот человек никогда ничего не забывает! Он просто был занят гостями. Настолько занят, что не считал нужным наказать меня через посредников, например, руками Максимуса, он жаждал лично присутствовать при экзекуции. Он, черный демон, желал быть участником моего падения. Снова. И от осознания этого становилось страшно до дрожи в теле.

Неизвестность пугала, она рвала меня на части. Я вздрагивала от каждого постороннего шага, каждого шороха, прислушиваясь и с замиранием сердца ожидая, когда же придет Лейла и накажет мне идти к нему.

Но он вновь испытывал меня на прочность. Он ждал. Он выжидал. Моей окончательной капитуляции.

И когда минул уже четвертый час по полудни, я почти сошла с ума от ожидания. Видимо, все шло по плану, как он и рассчитывал. Безжалостный, бесчувственный негодяй уже наказывал меня!

Но я не знала, на что способен этот человек. Даже не догадывалась. И я его недооценила.

Он не стал передавать приказ через Лейлу. Он лично пожаловал за мной.

Я убирала одну из гостевых комнат в Северном крыле, меняя простыни и застилая одеяло, когда вдруг услышала чьи-то быстрые приближающиеся шаги и застыла на месте. Сердце трепетало, руки задрожали, а дыхание участилось, прерывистое и поверхностное, не дающее насыщения.

Это он. Я знала, я чувствовала. Это он. Он пришел за мной!

Я уставилась на дверь, ожидая, что та вот-вот распахнется, и она не заставила себя ждать.

Едва не срывая петли, в комнату ворвался черный демон. Дышащий гневом, озлобленный, с горящими яростью глазами. Его красивое лицо было перекошено от не сдерживаемых эмоций, а губы поджаты.

Боже, что случилось? успела подумать я, перед тем как Князь шагнул в комнату, резко хлопая дверью.

— О чем ты говорила с Кассандрой? — спросил Штефан. — О чем таком ты с ней разговаривала, черт возьми, что после этого она пришла ко мне с просьбой продать тебя ей?! Ты, паршивка, что ты ей сказала?

Я стояла, ошарашенная и удивленная. Так значит, Кассандра разговаривала с ним? Я не ошиблась в ней.

Штефан метнулся ко мне, и я невольно пошатнулась, отступая, выронив из рук одеяло.

— Что ты ей сказала, дрянь такая?! — взревел Штефан, глядя на меня с яростью. — Что?! Отвечай!

Я попятилась, чувствуя исходящий от него гнев, который опалял меня с расстояния нескольких шагов.

— Н-ничего, — пробормотала я.

— Не лги меня, паршивка! — заорал Князь, двинувшись на меня очень быстро. — Только посмей солгать!

Я испуганно метнулась к стене, не отрывая глаз от его озлобленного лица, искаженного мрачной тенью.

— Я... я просто...

— Я видел, что ты разговаривала с ней в зале! — шипя, выдавил Кэйвано. — Неужели ты думаешь, что я не видел? Думаешь, могла скрыть это от меня! — он сделал еще один шаг ко мне, а я стала скользить воль стены. — Что ты ей сказала, Кара? — выговаривая каждое слово, выстрелил в меня он. — Что такого сказала, после чего она решила выкупить тебя у меня!? — его гнев я ощущала всем телом, которое тряслось, как в лихорадке от страха. — Надеюсь, что я слепой глупец, не сопоставлю два и два!? Говори!

— Я лишь... всего лишь сказала, что была в детском доме, — пробормотала я оправдание, глядя на него.

— Ты лжешь! — взревел он, метнувшись ко мне и желая схватить меня в свои тиски.

— Нет! — воскликнула я, оказавшись проворнее него и кинувшись в другую сторону, вырываясь от него.

— Иди сюда! — кричал он мне вслед, когда я, стараясь защититься, решительно помчалась к двери, лишь в ней видя свое спасение и совершенно не думая о том, что будет, когда Кэйвано меня настигнет. Я должна была убежать от него! Сейчас. Хотя бы сейчас...

Но он был быстрее, а потому догнал меня в два прыжка у кровати, и, схватив меня со спины и развернув в воздухе, повалил на постель, сильно стискивая мое тело.

Я попыталась брыкаться, отбивалась ногами и била его руками, по лицу, груди, тянула за волосы, но он оставался безучастным к моим попыткам вырваться.

— О, нет, — хватая меня за руки, воскликнул Князь, он резко оседлал меня, навалившись сверху, — тебе не сбежать. Неужели ты еще не поняла этого?

— Отпустите меня! — попыталась вырваться я.

— Тебя отвезти в подвал? Чтобы над тобой там поиздевались вдоволь?! — заорал он на меня.

И я сжалась, покоренная этими словами. Я ничуть не сомневалась, что он исполнит свою угрозу.

Одним движением руки он обнажил мою грудь, взирая на нее с видом хищника, резко наклонился, захватывая ее в плен своих губ и покусывая зубами. Руки скользнули вдоль бедер, разводя их в стороны и открывая проход к заветному месту моего тела. Он лишь приподнял юбку, обнажив ноги, грубо рванул на себя трусики, отбросив их в сторону, и уже через мгновение я ощутила его пальцы там.

Попытка вырваться не возымела результата, мои руки, пытающие защитить самое ценное, были упрямо отстранены и сцеплены в замок его второй рукой. Я шевельнулась, вызывая выпятив грудь, пытаюсь вырваться, но мое стремление освободиться имело иной исход. Штефан с рыком, подобным зверю, сомкнул губы на моей груди, покусывая ее и заглаживая жалящие укусы влажностью языка.

Я застонала, когда его пальцы скользнули в меня, я воспротивилась насильственному проникновению, но мое тело отозвалось на него совершенно иначе, что меня раздосадовало и возмутило. Мозг боролся, тем временем как тело уже сдало бастионы. И перед кем, — перед насильником!? Перед демоном!

Я застонала, мне хотелось верить, от отвращения к себе самой, но сладкая судорога, что

скользнула вдоль тела коварной предательской змейкой, уверяла меня в обратном.

Через мгновение Князь отстранился, приподнимая меня за собой, и не говоря ни слова, только смотрел в глаза. Своими горящими глазами цвета грозового неба, в которых плескалось... что-то, чему я не могла дать определения или найти объяснения.

Я взирала на него с непониманием, готовая ко всему. Но не к тому, что последовало затем.

Он расстегнул ширинку, выпуская на волю восставшую, готовую к действию плоть. Я смотрела на него, как замороженная. А Штефан, схватив мои волосы, намотав их на кулак, вынудил меня наклониться.

Наверное, краешком разгоряченного и охваченного страхом сознания я понимала, чего именно он хочет от меня добиться, но противилась этого всем своим существом. Нет, только не это. Только не так! стыдно, противно, невозможно!.. Я никогда не сделаю этого. Не буду!.. А внутри все дрожало и рвалось прочь.

Князь толкнулся бедрами вперед, так резко и неожиданно, что его член коснулся моего лица. Я в страхе отпрянула, но мужские пальцы лишь жестче вцепились в мои волосы, не отпуская.

— Не смей! — зловещим шепотом проговорил он, нависая надо мной. От боли хотелось кричать, но я лишь чувствовала резь в глазах, облизнув губы. — Ты знаешь, чего я хочу, — сказал он отчетливо. — Так сделай это.

Я испуганно уставилась на его плоть, находящуюся в опасной близости от моего лица. Сглотнула.

— Я... я не умею... — проронила я сухим дрожащим голосом. Мне нужно было кричать, вопить, что делать этого я не буду, и я мысленно отругала себя за опрометчивость.

— Учись! — грубо выдохнул мужчина, вновь толкнувшись бедрами вперед. — Ну же, давай!

Я тяжело вздохнула, закусил дрожащие губы и, закрыв глаза, наклонилась к нему. Главное, чтобы меня не вырвало. В памяти всплыла картинка, увиденная в доме Михаэля, моего первого хозяина за гранью.

Борясь с приступами тошноты, я неуверенно коснулась губами находящейся около губ плоти. Я не знала, что делать, понятия не имела, даже не представляла, а потому действовала совершенно по интуиции. Закрыв глаза, сдерживая стон отчаяния внутри себя, скользила губами по длинному стволу неумело, легко.

И молилась, чтобы это закончилось. Господь должен сжалиться надо мной!.. Но попытка продолжалась.

— Работай языком, — сиплым голосом проговорил он в мои волосы, и я почувствовала его дрожь.

Мне казалось, что я умру от стыда, но нерешительно выполнила его просьбу, коснувшись языком его плоти и медленно, нерешительно проведя им сверху вниз. И была вознаграждена его хриплым смехом.

Я, наверное, покраснела от кончиков ушей до пяток! А ему смешно!.. Обида и боль захлестнули меня.

Но... этот полустон, какой-то странный всхлип... разве это похоже на смех?..

Я неуверенно приподняла ресницы, вглядываясь в лицо Князя. И задохнулась от удивления. Искраженное мукой наслаждения красивое лицо сложно было назвать... веселящимся. Горячее, раскаленное наслаждение сомкнуто его своими путами, влажное,

обжигающее наслаждение, которое, к моему стыду, породило в моем теле отклик в виде внезапного и предательского всплеска возбуждения.

Я охнула, пораженная, раздосадованная позывами своего тела, его реакцией на этого... монстра! Но уже чувствовала, как что-то вязкое, скользкое, влажное, горячее тянущейся болью проникает в меня, наполняя сладкой мукой ожидания. Мое тело горело, соски возбужденно восстали, врезаясь в ткань рубашки, а шея, скованная его пальцами и их грубоватыми поглаживаниями, отдавалась мелкой будоражащей дрожью.

Я вся дрожала под этими пальцами, неумело и неискусно выполнявшая свое наказание. А потом...

— Хватит! — вдруг воскликнул Штефан, отталкивая меня от себя и поворачивая к себе спиной.

Я испугаться не успела, как оказалась, принужденная его настойчивыми сильными руками, стоящей на коленях, открытая не только его взгляду, но и его телу.

— Я чувствую тебя, — скользнул он жарким шепотом по моей шее, вызывая дрожь и толпу мурашек. — Я ощущаю твой жар, Кара, — его пальцы скользнули по моему телу, едва касаясь чувствительной кожи, едва коснувшись сосков, легко пробежав между ног, быстро и легко сжав складочки и найдя влажный вход. — Я знаю, чего ты хочешь, — жарко проговорил он мне на ухо. А я ощущала, что превращусь в пепел, если он не коснется меня еще раз. Только сильнее, крепче, жестче.

Я невольно вильнула бедрами ему навстречу, но, услышав гортанный хриплый смех, метнулась вперед, желая избавиться от насмешки путем побега, но сильные руки удержали меня на месте.

— Рано, крошка, — осадил он меня огнем голоса и прикосновением к разгоряченному телу. — Слишком рано. Неужели ты не попробуешь основное блюдо? — развернув к себе мое лицо и запечатлев горячий поцелуй на моих губах, резко и решительно вошел в меня, хрипом касаясь моего языка своим.

Чей это был стон, такой восхитительно сладкий, побуждающий действовать, возбуждающий до крайней меры? Его? Или мой!? Что происходит со мной и моим телом?.. О, Бо-ож-е-е!..

Размеренные движения его тела вскоре превратились в резкие и уверенные толчки, быстрые, острые, бесконтрольные. Он решительно толкался в меня, сильнее, крепче насаживаясь на мое тело, подвластное сейчас ему одному. Сдерживая мои бедра, он наклонился, вынуждая наклониться меня, изменяя угол проникновения и скользнув меня еще глубже. С каждым новым толчком резче, жестче, сильнее... Вызывая стоны, мольбы, даже крики, срывающиеся с моих губ. С каждым новым проникновением настойчивее и сильнее касаясь чего-то, что дарило блаженство, отчего затруднялось дыхание, перед глазами мелькали искры и светящиеся шарообразные огни. И дрожь... сладостная, восхитительно приятная дрожь во всем теле, вызывающая дикие и необузданные сокращения внутри меня, которые в одно мгновение изменяются, уступая место потрясающему наслаждению, пронзившему меня, подобно удару молнии.

Громкий крик не успевает сорваться с моих губ, он оказывается заглушенным жарким, пожирающим поцелуем Князя, дрожащего всем телом вместе со мной и нетерпеливо покусывающего до крови мои губы.

Позже он уложил меня рядом с собой на кровать, недвижимую, покоренную, поработанную, затихшую, обнимая сзади своими ручищами, не давая и шанса на то, чтобы

покинуть постель без его на то согласия.

Мое сердце стучало, как сумасшедшее, врывалось в виски, колотилось в грудь. Я закрыла глаза.

В воздухе витал запах секса, дикого, рьяного, откровенного, сумасшедшего секса, он касался моего носа, вызывая в памяти детальные воспоминания того, что произошло. И меня начинало трясти.

Князь прижал меня к себе, уткнувшись носом в шею, скользнул губами по виску, прикусил мочку уха.

— Ты принадлежишь мне, Кара, — сказал он тихо, но твердо, так, что я содрогнулась. — Ты не убежишь, я не продам тебя. Твое место в моей постели, пока я этого хочу. Когда ты уже это поймешь?

А в голове билось набатом, громогласной мыслью, убивающей меня. Я предала саму себя!

— Никогда, — прошептала я одними губами, полагая, что он не слышит.

Но он услышал. Резко повернул меня к себе лицом, подмял под себя, одним стремительным движением раздвинул бедра и вонзился в меня на всю длину. Я вскрикнула, но даже не успела воспротивиться захвату.

— Ответ неверный, — прошипел он мне в лицо, двигаясь сильнее, жестче, резче, вонзаясь в меня с новой силой, приподнимая ноги, углубляя вторжение.

Было больно поначалу, от неожиданности, от его преднамеренной грубости и жестких движений во мне, будто наказывающих, рваных, но вместе с тем отточенных. А потом...

Я прокляла себя. Снова. Потому что я чувствовала в объятьях зверя то, что мне чувствовать было нельзя.

И это было лишь первое мое поражение ему...

18 глава По следам

Быстротечно промелькнула осень, на смену ей ворвалась пленительная морозная зима, укутавшая город легким покрывалом из снега. Но зима закончилась так же быстро, как и началась, проскользнув змейкой и скрывшись в журчащих ручьях весны, которая, придя из ниоткуда, накрыла город уже в конце марта. И, уступая место теплему ветру и весеннему солнцу, в город ворвался пленительно сладкий, дурманящий май.

Но Штефана Кэйвано, сидящего в своем кабинете и задумчиво смотрящего невидящим взглядом в окно, мало заботил теплый и ласковый май, Князь думал о телефонном разговоре, который только что закончил. Последние месяцы хозяин Багрового Мыса думал лишь о том, чтобы найти виновника его вынужденной опалы и неодобрительного к нему отношения со стороны Совета, которое кому-то было на руку.

После того, как Исаак Хотвар выступил на Совете с докладом, больше похожим на донос, о нарушении правил Устава, уличая в разглашении существования Второй параллели своего племянника, Советом было решено провести тщательное расследование с целью выявления разносчиков, осведомителей, а также целей данного нарушения. Лестер Торалсон предложил найти зачинщика разглашения до момента, пока не станет слишком поздно, ибо восстание было не к чему, да и последствия его могли стать сокрушительными. Было решено выделить Ищеек для поиска преступников и наводчиков, но и сам Штефан не желал оставаться в стороне, решительно настроенный, чтобы самому найти предателя. И уничтожить его.

И месяцы спустя для него всё по-прежнему сводилось к главному нарушению, которое могло пасть на жителя Второй параллели — огласка, причина раскрытия тайны, нарушений правил Устава. Предательство.

Этот донос, предпринятый дядюшкой Хотваром, был лишь поводом, чтобы устранить его, Штефана. От власти. Устранить сейчас, как не удалось сделать это много лет назад, когда умер Бернард Кэйвано. И чтобы достигнуть цели Хотвар, по всей видимости, готов был пойти на всё. Включая собственное падение.

Спустя месяцы после проведения расследования, обнаружения его результатов, подтвердилась лишь еще одна догадка Штефана: всё было подстроено специально. Чтобы свергнуть его с княжеского трона, завладеть Багровым Мысом, отобрать власть и навлечь позор на него лично и на весь его род в целом. Отомстить, опорочив его имя.

Ведь известно, что клеймо предателя, если таковое ляжет на имя клана, распространится на весь род до конца его существования, если таковое будет долгим. С предателями обычно поступали категорично, избирая жесточайшую меру наказания, помещая в колонию и уничтожая. История Второй параллели знала подобные случаи, и лишь немногие представители угнетенных когда-то родов существовали по сей день. Многие из их представителей покончили жизнь самоубийством, чтобы не дать потомства и на себе завершить род предателей, а кто-то сошел с ума, не справившись с биркой стыда и клеймом позора. А если они и жили, то проклинали судьбу за то, что выжили. Потому что участь

предательства до скончания века легла на их плечи, — без права пересмотра решения Советом в будущем. Всё имущество, если оно имелось, отдавалось в пользование властям, и предатель, как правило, оставался без средств к существованию, вынужденный влачить жалкое существование нищего и отверженного. За грань их не выпускали, вынуждая погибать на родной земле, а если по каким-либо причинам им удавалось проскользнуть, их вылавливали, доставляя в колонии, где они и доживали свой срок, ожидая скорой смерти после изнурительных пыток или полного сумасшествия в одиночной камере.

Князь Четвертого клана не желал, чтобы клеймо предателя, поджав хвост бежавшего, прикрывающегося именем своих людей, уничижительно легло на его плечи. Для него это стало бы не просто преступлением или предательством, это было бы чревато личному унижению. Род Кэйвано никогда не был столь постыдно осрамлен. Не будет этого и сейчас, не при нем, не с ним. Он — Князь, он — Король, он — верный и преданный подданный своего государства, и он докажет, что измена, как лично для него, так и для всего его рода, будет равносильной самоубийству. Это было личным оскорблением и подлостью вышей пробы, чего не стерпел бы ни один истинный представитель рода Кэйвано. Не стерпел этого и Штефан.

Только что законченный разговор с одним из лучших Ищеек лишний раз подтверждал его истину.

Кто-то решил его уничтожить, добив контрольным выстрелом по тому, что было ему дороже всего.

И Штефан был уверен, что к этому причастен Исаак. Его дорогой дядюшка не упустил бы возможности навредить. Но Штефан и не догадывался раньше, что Хотвар может дойти до подобной низости. А он смог!

Никаких признаков его вмешательства или подозрений, что в этом замешан именно он, найдено, даже личными ищейками Кэйвано, не было, но Штефан был уверен, что Исаак приложил ко всему этому руку. Слишком сильно он ненавидел племянника, отчаянно презирая, жаждал получить трон Кэйвано и Багровый Мыс, чтобы опуститься до подобной низости. Он был единственным, кто до сих пор не смирился с тем, что наследником Бернарда стал именно Штефан. Со дня смерти отца Штефана прошло не одно десятилетие, а Исаак Хотвар не успокоился. И не успокоится никогда. Теперь Князь осознал это совершенно ясно.

И сейчас, поговорив с Ищейкой, сообщившим ему, что найти осведомителей не удалось, что они будто в воду канули, но все ниточки, которые Ищейке удалось найти, вели к дворянству, Штефан понял — он прав. Ему был известен лишь один представитель знатного рода, который желал навлечь на него позор, каторгу в колонии и наказание Совета. Но, к сожалению, доказательств своим домыслам Штефан найти пока не мог.

Поездка в Будапешт и Варшаву, совершенная им в январе, пусть и имела результаты, но не совсем те, на которые он рассчитывал. А еще одна поездка в Варшаву, где, якобы, в последний раз были замечены те, кто разглашал секрет Второй параллели, почти ни к чему не привела.

Дело о разглашении тайны Второй параллели до сих пор не было разгадано до конца. Помощником в этом деле, как ни странно, выступил Вийар. Штефан откровенно не понимал подобного рвения и весьма подозрительно и даже ревностно относился к его допросам подозреваемых. Но Кассандра, к которой Штефан питал некую слабость, сестринскую любовь и нежность, уговорила его не относиться к Кариму предвзято, и

Штефан старался закрывать глаза на их бывшие склоки. Тем более что Ищейки лучше Вийара, как во Второй параллели, так и за ее пределами, было не найти.

Но их совместное расследование часто перерастало в личные выяснения отношений, касающиеся далеко не вопроса о том, что их когда-то сделало соперниками. Выяснения эти были более личного характера.

— Не думаешь ли ты, — сдержанно недоумевал Кэйвано, — что за помощь тебе будет предложена награда?

С губ Карима срывался ироничный смешок, брови приподнимались, а смех напоминал хриплый стон.

— Не думаешь ли ты, — усмехаясь, спрашивал он в ответ, — что я уже выбрал себе... награду?

Штефан скалился, начиная ощущать нарастающий внутри гнев.

— Можешь не сомневаться, я думаю, — но Карим в ответ лишь кривился, а Штефан добавлял: — Тебе ее не получить, Вийар, — твердо и жестко.

Кажется, тот продолжал насмехаться, потому что в демонских глазах сверкали веселые огоньки.

— Ты так думаешь? — Штефан готов был взорваться. — А не думаешь ли ты, что она сама захочет прийти ко мне?

— Она не сделает этого по доброй воле, — уверенно заявил Кэйвано, хмурясь. — Она рабыня, не более того, и не имеет права выбора.

— Как знать, — пожал Карим плечами, — может, ты ее продашь? Сделаешь исключение для старого друга?

Штефан едва не зарычал от ярости.

— Кэйвано не продают своих рабов, — выплюнул он. — И тем более, этого не сделаю я.

— И тем более, не с ней?.. — добавил Вийар чуть тише, будто провоцируя Князя. И добиваясь успехов.

Штефан поддался на его уловку; сощурившись и втянув плечи, будто готовясь к прыжку, он кинулся к Кариму, но мужчина успел отскочить в сторону, миролюбиво улыбаясь и откровенно кривляясь.

— Это означает «да»? — усмехнулся он и, увидев, как потемнели глаза Кэйвано, подняв руки, добавил: — Ну, ладно, не хочешь, так не хочешь. Не буду настаивать. Тем более, сейчас не то время, чтобы это обсуждать.

— Никогда не будет подходящего времени, — сквозь зубы рыкнул на него Кэйвано. — Кара не продается!

Вийар скривился, губы его изогнулись, в глазах зажегся бесовской огонек, но сам он промолчал.

— Может, займемся делом, Кэйвано? — предложил он, решительно сменив тему и зная, что предыдущий вопрос всё еще остается открытым для него. Карим Вийар тоже просто так не сдастся. Игра — его стихия, а Штефан Кэйвано слишком интересный соперник, чтобы не попытаться сразиться с ним.

В январе они по наводке Исаака, отчетам Ищеек, нанятых Советом, и усилиями Штефана, вышли на человека по имени Владимир Боцлав. Свидетелей или самих распространителей тайны найти не удалось, но Владимир был лишь первой ниточкой к тому, чтобы выяснить правду. И с него они решили начать.

День для того начинался совершенно паршиво. Владимир, когда они к нему подошли,

сидел за столиком одного из ночных баров Будапешта в гордом одиночестве, делая вид, что пьет виски. Он был до безобразия голоден, плотоядно оглядывая взглядом бар в поисках шикарной красоти, но пока не нашел кандидатуру, которая могла бы помочь ему утолить мучившую его жажду плоти. И это раздражало, выуживая на поверхность животные инстинкты, инстинкты хищника, способного пойти на что угодно, чтобы утолить свой голод, — утонуть в блаженном экстазе и... успокоиться.

Владимир стиснул стакан, зажатый в руке, так сильно, что тот треснул. Но мужчину это не взволновало. Ему хотелось крушить всё, что попадаете на глаза. Он даже этот чертов бар готов был разнести в клочья, лишь оттого, что здесь не было того, что он искал! Не было ее, подходящей!

Он гневно зарычал, осматривая полутемное помещение, освещенное блеском ламп. Но жертвы не было!

Мужчина откинулся на спинку стула так резко, что тот покачнулся и едва не упал. Глаза превратились в узкие щелочки, ищущие, жаждущие найти, идущие по следу снова и снова.

Простой рык готов был превратиться в звериный рев. Владимир едва сдерживался от раздражения и неудовлетворения. Придется довольствоваться малым. Просто утолять голод, плотскую жажду, вместо того чтобы наслаждаться каждым мгновением, проведенным в объятьях жертвы, и наблюдать за тем, как она молит о пощаде, неслышно что-то шепча едва приоткрывшимися губами. Придется отложить удовольствие и притупить чувства голода. Придется уступить, чтобы потом никогда не уступать.

Мужчина уже поставил стакан на стол, намереваясь подняться и уйти. Но именно в этот миг два темных силуэта, закутанные в объятья ночи, скользнули в полутьму бара. И Владимир застыл, пораженный.

Он, конечно же, узнал их. Их невозможно было не узнать.

Луч света выхватил их из полутьмы, на несколько мгновений озарив устрашающие лица, не знавшие жалости и сострадания, и черные глаза, внушающие страх и призывающие к повиновению. Глаза зверя.

Облаченные во всё черное, вошедшие мужчины, оба высокие, подтянутые, один блондин, а другой брюнет, будто слились с темнотой. Темные странники. Циничные убийцы. Не знавшие пощады демоны. Один из них — так точно, это был всеизвестный Карим Вийар. А вот второй — истинный Князь, Король.

Владимир хотел бы раствориться в темноте, спрятаться от ищущего взгляда пришедших, но подобной возможности ему не представилось. Его узнали, выделив из толпы беснующихся людишек, и медленной уверенной походкой хищников, готовых к бою, двинулись в его сторону.

Мужчина невольно втянул плечи, глядя на то, как они приближаются. Медленно, неспешно, размеренно, прекрасно осознавая, что жертва не сбежит. Просто не посмеет сбежать.

И Владимир даже не думал о бегстве. Он боялся. Этих двоих стоило бояться.

Он вжался в спинку стула. Первой мыслью, мелькнувшей в его голове, была: «За что?! Ведь я ничего не сделал!» А второй: «Как долго я буду мучиться, когда попаду в колонию?».

А демоны приближались, натянув на лица зловещие выражения опасности, сжав губы в плотную линию, устремив устрашающие глаза на свою жертву, которой сегодня стал он.

Мужчины остановились в полушаге от его столика, скрывая от посторонних глаз посетителей бара.

— Владимир, — проговорил Штефан Кэйвано, и голос его звучал холодно и твердо.

— Доброй ночи, многоуважаемые, — выдавил из себя Владимир, не понимая, чем мог навлечь их гнев.

— Развлекаешься, Владимир? — спросил Карим, скривившись.

Они обогнули стол, расположившись так, чтобы перекрыть мужчине пути к отступлению. Они не давали ни единого шанса, чтобы даже попытаться уйти.

— Я... нет, — пробормотал тот, отвечая на вопрос, адресованный ему.

— Мы составим тебе компанию? — спросил Вийар, отодвигая свободный стул и присаживаясь на него. — Ты же не против? — он бросил на Владимира вопросительный взгляд и вызывающе вздернул черные брови.

— Не против, — проговорил тот, сияясь улыбнуться, но так и не осмелившись на это.

Наверное, если бы его сердце могло биться сильнее, оно уже разорвало бы грудную клетку.

Штефан, оставшийся стоять над ним, будто таким образом указывая на свое превосходство, окинул его пренебрежительным взглядом. И Владимир понял, кто перед ним. Такой взгляд мог принадлежать только ему. Штефану Кэйвано!

— Ты знаешь, кто мы? — спросил брюнет таким тоном, словно прекрасно знал о том, что ему ответят.

Владимир кивнул.

— Да, многоуважаемые.

— Мы недавно в Будапеште, — начал блондин, протяжно растягивая слова. — Есть какие-либо новости?

— Я ничего не слышал...

— Уверен? — спросил блондин и наклонился над столом, словно пытаясь подавить своим голосом.

— Или ты просто ничего не заметил? — сказал брюнет, сокращая расстояние между ними, завлекая в плен.

— Подумай, Владимир! — уничтожающе заявил Штефан, не двигаясь с места, но вынуждая мужчину застыть на стуле, словно статуя.

Вздрагнув, Владимир посмотрел на него и наткнулся на не менее уничтожающий, чем голос, взгляд.

— Что... именно вы хотите узнать, многоуважаемые? — осмелился спросить он.

— Что ты знаешь, — почти над самым его ухом произнес блондин, — о разглашении нашей тайны? Ходят слухи, Владимир, — голос Штефана сошел до зловещего шепота, — что кто-то нарочно говорит правду людям. Ты что-нибудь об этом знаешь?

Владимир побледнел, волосы на теле встали дыбом.

— Ничего...

— Ты лжешь, Владимир, — жестко сказал брюнет.

— Мы очень не любим, когда нам лгут, — казалось, даже не разлепляя губ, проговорил Штефан.

— Расскажи нам, что ты знаешь, — сказал брюнет с невозмутимым выражением на лице.

Владимир посмотрел на него затравленным взглядом. Хотелось сжаться до размеров молекулы. Исчезнуть. Но исчезнуть ему не позволят. И убежать не дадут. Даже шанса на побег не представится.

— Что происходит в городе, Владимир? — с нажимом добавил Штефан. — Мне известно, что ты кое-что слышал. Что именно?

Владимир взглянул на него, чувствуя, как холод окутывает с головы до ног, затем перевел глаза на брюнета, смотрящего на него в упор, будто в том чувствуя поддержку.

— Я слышал, — начал он, сглотнув от волнения, — что кто-то распространяет слух о нашем существовании.

— Это нам известно. Как распространяет? — спросил брюнет, продолжая смотреть на него в упор.

— Я слышал лишь, что кто-то... делает это, — сказал он. — Как — я не знаю...

— А кто? — спросил Кэйвано. — Знаешь? — перевел взор на Владимира, удерживая на месте немym приказом.

— Нет! — воскликнул тот, не смея двигаться.

— А зачем?! — прорычал Штефан.

— Зачем?.. — пробормотал Владимир. — Я...

— Не лги нам! — угрожающе предупредил его Штефан, начиная терять терпение.

— Они делают им... нам какие-то странные предложения, — проговорил Владимир, чувствуя боль в горле.

— Они?! — Штефан нахмурился, холодные голубые глаза блеснули.

— Говорят, их двое, — выдавил из себя осведомитель.

— Что за предложения?

Взгляд Владимира перемещался от одного мужчины к другому, не зная, на ком остановиться. Мысли беспорядочно метались в голове, и собрать их в нечто целое оказалось не так легко.

— Я... точно не знаю, — произнес он. — Это всё слухи. Я даже не знаю, правда ли это!..

— Кто они? — настойчиво давил Карим.

— Я не знаю этого! — испуганно воскликнул он. — Я их не видел. Они ко мне не приходили!

Глаза Штефана недобро заискрились.

— А что за предложения они делают?

— Этого... я тоже не знаю, — пробормотал Владимир. — Я слышал, что это как-то связано с Князьями. Но, в чем дело, я не знаю. Это всего лишь слухи. Разве нет?..

Большого от него добиться было нельзя, он ничего не знал. И Штефан с Каримом оставили его в покое.

Но угнетающее чувство опасности не покидало, а осознание возможно грядущего переворота под чьим-то умелым руководством становилось всё реальнее и ощутимее.

И Штефан точно знал, кому именно всё это могло понадобиться. У него лишь не было доказательств. Но он был уверен, что не оставит всё просто так. Виновник заговора будет найден и понесет соответствующее наказание за свое преступление. Рано или поздно он оступится, и Штефан будет готов выявить предателя.

Глава 19. Противоречия

19 глава

Противоречия

Но какими бы мрачными не были мысли Штефана о предательстве и заговоре против него, это была не единственная проблема, которую он желал бы разрешить. Была и еще одна. И у нее, как и у первой, было имя. Нежное имя, а оттого опасное. Кара. Его рабыня. Слишком своевольная и гордая рабыня, отчаявшаяся бросить ему вызов. О ней он тоже не забывал. Она каким-то непостижимым образом заняла его мысли. Он и рад был не думать о ней, в моменты, когда его занимала гонка за предателем, он о ней забывал на краткий миг. Но не надолго. Сам он вспоминал, что в замке его ждет она, или же Вийар напоминал ему об этом, становилось уже не таким важным от осознания мысли, что она там. И она — в полной его власти. До тех пор, пока он не захочет отпустить ее. А он не захочет. И прекрасно знает это.

Чем она привлекала его? Он сотни раз задавался этим вопросом, он ненавидел непонимание, а потому с особой тщательностью, рьяностью искал ответ и на этот, беспокоящий его вопрос. Миниатюрная девчонка с копной шикарных (кто уж станет спорить!?) черных волос, струящихся по спине шелковистой волной. Он должен был признать, что именно волосы были ее силой. И его слабостью. Он чувствовал их гладкость под своими пальцами и будоражащий цветочный аромат даже на расстоянии, почти с ума сходя от дикого желания коснуться их вновь и вдохнуть в себя столь дурманящий запах. Он мог захватить черный шелк в плен своих ладоней, наслаждаться их пьянящей сладостью или карать за неповиновение, потянув на себя. Он обожал, когда жидкий водопад ее волос касался его разгоряченной кожи, словно оставляя на его теле замысловатые узоры и отметины, шрамы и метки, вызывая приятную дрожь тела и его пульсацию.

У нее были зеленые глаза, довольно-таки выразительные, но привлекало его не это, а тот безудержный огонек упорства, неповиновения и борьбы, что загорался в их чарующей глубине каждый раз, как только он смотрел на нее. Она всегда была готова к схватке с ним. Это бесило и вызывало уважение одновременно.

А еще у нее был шрам, длинный, тонкий, белесой полоской тянувшийся от виска вниз по правой щеке. Давний шрам, метка далеких событий, в прямом смысле оставивших на ней отпечаток. Он не спрашивал, что произошло, никогда. А она не особо распространялась на эту тему.

Они вообще не разговаривали. Он делал свое дело — приказывал ей. А она — исполняя приказ, пыталась сопротивляться, найти выход, избежать наказания, но каждый раз, вновь и вновь оказывалась подчиненной. Как в день, когда подчинилась его ярости, получив достойное наказание за свое поведение, решив играть в те игры, к которым правила писала не она.

Когда Кассандра, по чистоте душевной, решила поговорить с ним, чтобы уговорить продать ей Кару, Штефан просто взбесился. Княгине Мальвó он ни в чем не мог отказать, но в тот день она, поистине, просила о невозможном. Продать Кару ей? С чего бы? И как она вообще до этого дошла, Кассандра вообще редко покупает себе кого-то, а тут... такой

интерес, даже ажиотаж. И к кому, — к той, кого он не то что не продаст, но даже подумать о продаже не успеет, отмечая возможные варианты, как невозможные!

Он почувал подвох, как только Княгиня вошла к нему в кабинет. На следующий день после Совета, когда почти все гости разъехались, оставив в старом замке лишь его обитателей. И... Княгиню Мальвó. Она, как всегда, статная, немного высокомерная холодным королевским высокомерием, грациозная и красивая, была истинной Королевой. Не просто королевой, Княгиней, госпожой, но и хозяйкой положения. Всегда. Где бы ни находилась, даже в его доме, там, где хозяином всегда и в любых ситуациях был только он. Но она и здесь чувствовала себя раскрепощенно и уверенно.

Кассандра вошла в его кабинет решительно и без предупреждения, осторожно затворила за собой дверь и, остановившись в центре комнаты, взглянула на Штефана, как тому показалось, странно. Может, именно взгляд ее удивительных глаз вызвал у него подозрение? Так она на него еще не смотрела.

— Штефан, — а вот голос ее звучал всё так же уверенно и непоколебимо. — У меня к тебе просьба.

Что ж, она никогда не любила ходить вокруг да около, насколько он знал. Прямой взгляд, вздернутый подбородок, губы плотно сжаты. Уверенная в себе женщина, привыкшая получать то, что хочет.

— Может, присядешь? — предложил он, ничем не выдавая свою озадаченность. Лишь глаза сузились.

— Не смотри так, Штефан, — предупредила Кассандра, наклонив голову. — Не стоит.

— Как? — усмехнулся он и, затянувшись в последний раз, затушил сигарету.

— Я хочу купить рабыню, — вызывающе выдала, глядя на него в упор. Хотела сломить его сопротивление? — Я подумала, что мне не помешает новая... служанка, Ольга уже никуда не годится.

Штефан, не купившись на ее мнимую досаду и горький вздох, нахмурился.

— Пришла ко мне за советом? — спросил он, насторожившись. — Подсказать кого-то?..

— Нет, — покачала она головой. Помолчала. А потом огорошила его: — Я уже выбрала рабыню, — он нутром чуял подвох, сердце застучало в груди сильнее, но он молчал, глядя на нее. — Продай мне Кароллу.

— Не понял... — привстал он с кресла, чувствуя, что от одного лишь упоминания о Каре, завелся.

— Я видела ее пару раз, — сказала Кассандра всё так же спокойно, — в зале, потом в коридоре пару раз. Она показалась мне услужливой и исполнительной...

— Она не продается! — рыкнул Кэйвано, вскочив с кресла. И чего он завелся? Постарался успокоиться.

— Почему? — напрямую поинтересовалась леди Мальвó, пожав плечами. — Все продают своих рабов.

— Но не Кэйвано! — вспыхнул Штефан вновь. Откуда в мыслях у Кассандры появилась эта блажь?!

— Не понимаю твоего гнева, — отметила подруга, покачав головой. — Это всего лишь рабыня, Штефан. Что с тебя убудет, если ты продашь ее мне? Сколько еще находится в твоём подчинении?

— Неважно, — прошипел мужчина и решительно повернулся к окну. — Эта рабыня не продается!

— Ах, только эта? — уточнила Кассандра, не собираясь уступать так быстро. — А остальные? — вздернула она тонкие бровки. Хотела подловить его на словах?

— И остальные тоже, — отрезал Штефан, повернувшись к подруге лицом, на котором мелькнула тень. — Тебе прекрасно известно о правилах этого дома, Кассандра, мне стоит напомнить о них? Тебе? — он качнул головой. — Вот уж не думал.

— Я помню о правилах, — поджав губы, заявила она, вскинув подбородок. — Но неужели ты не сделаешь исключения ради меня? — надавила на него девушка. Знала, отлично знала, что ради нее он может пойти на многое. А на это, сможет? — Штефан, — проговорила она тихим, завораживающим голосом, — это всего лишь раба. Еще одна из твоих игрушек, одна из многих. Ты найдешь себе новую, всегда находил, ведь правда? — быстрый взгляд ему в глаза. — Так почему ты вцепился в эту?

— Я не вцепился! — рыкнул тот в ответ.

— Серьезно? — улыбнулась та. Странно, улыбалась Кассандра крайне редко. А потом решительно и твердо: — Продай ее мне, Штефан.

И тут его озарило. Просто токомшибануло, так ударило, что даже искры в глазах заплясали. Это она. Это Кара! Она просила Кассандру поговорить с ним. Это она, сомнений быть не может.

Глаза сузились, губы сжались, лицо помрачнело сильнее. Кассандра уловила его состояние мгновенно и, перекрывая путь к двери, встала около нее, загородив ту своим маленьким телом с гордо выпрямленной спиной. Она была намного ниже него, но выглядела разъяренной амазонкой, готовой бороться не на жизнь, а на смерть. Только вот за что она решила бороться? И ради кого, только подумать!? За рабыню!

— Штефан, не делай глупостей! — осадила она его.

— Смотря, что ты называешь глупостью, — рыкнул тот и попытался обойти ее, но девушка встала рядом. Он заглянул подруге в глаза: — Это она, верно? Она просила тебя поговорить со мной? Купить ее у меня?! — он чувствовал, как злость огненным кольцом смыкается внутри него, застилая на глаза красную пелену гнева.

— О чем ты? — попыталась сказать непонимающей девушка, но Штефана было не так легко провести.

— Это она, я знаю! — прошипел Кэйвано сквозь зубы. — Как она посмела, эта... девка!?

— Штефан, она тут не при чем! — схватила его за плечи Княгиня Мальвó. — Не при чем, слышишь? Штефан!

— Слышу, — коротко бросил он. — Но не верю, — и, легко оттолкнув Кассандру от двери, вышел из кабинета.

И в тот миг он рассвирепел, взбесился, слетел с катушек, оглушенный яростью и ослепленный злостью. И, ворвавшись к рабыне, единственным способом, который был к ней применим, укрощал ее своеволие и упрямство. Он не контролировал, да и не желал контролировать себя. Он брал то, что ему принадлежало. И никто не мог осудить его за это. Никто, кроме Кары.

Но и она сдалась, согнулась под натиском ощущений, огня желания, что, Штефан был уверен, сжигал ее изнутри так же, как сам он пылал от него. Разве не подчинилась она ему? Вырвала победу? Она уступила. И с тех пор уступила еще много-много раз. И уступит. Будет уступать до того момента, пока ему не надоест.

А вот когда ему надоест? С тех пор, как попробовал ее на вкус, ощутив на языке ее вкус

и запах, его, как после деликатесов, теперь отворачивало от обычной пищи. Он не желал других женщин, он жаждал только Кару. Пытался справиться с этим, унижая ее, приглашал к себе в постель других рабынь, но очень рано осознал, что Кара была этому только рада. Сколько раз отмечал он на ее лице тень улыбки, огонек глаз в миг, когда при ней (нарочно, естественно!) приказывал Лейле привести к нему в покои очередную утеху на ночь. Она, черт ее побери, была рада такому положению дел! А вот он — не был. Он бесился. И вскоре Князь перестал обращать на других рабынь внимание. Всё в них было не так. Не та сладость губ, не тот шепот, не тот стон, не то учащенное дыхание и бешеное сердцебиение, не та гладкость и глубина, что была у нее. И он перестал испытывать себя и судьбу, и вновь пригласил ее к себе.

Поймал ее в коридоре, когда девчонка, низко наклонив голову, попыталась проскользнуть мимо него. Ее глаза широко распахнулись, когда Штефан одним резким движением прижал ее к стене и зашептал на ухо:

— Сегодня ночью это будешь ты, — и, не говоря больше ни слова, стремительно ее поцеловал, и ушел.

Она не посмела послушаться. Очевидно, помнила, чем чревато неповиновение ему, но, когда появилась в его комнате, Штефан вдруг осознал, что она не боится. Да, сжимает руки в кулаки, вздрагивает и почти не дышит, но не боится!

— Пришла, — удовлетворенно протянул Штефан, скидывая с себя халат, под которым ничего не было, и сделал к ней один шаг. — Что ж, ты знаешь, что нужно делать дальше.

Зеленые глаза полосонули его негодованием и... неужели раздражением? но она исполнила то, что от нее требовалось. И с того момента эти месяцы лишь она была любовницей в его постели. Из числа рабынь, конечно же, так как княжеское ложе было отдано Софии. Но и это было уже не то. Совсем не то, что он чувствовал, когда прикасался к Каре. Просто привычка, черту которой он пока не желал подводить. Рабыня есть рабыня, а София, как ни крути, представительница знатного рода, аристократка. Очень себялюбивая и гордая аристократка. Не стоит давать ей лишний повод для ревности. Да и портить отношения с Бодлером нет надобности, учитывая, что сейчас происходит вокруг Штефана, — сплошные заговоры и интриги.

И все же, что-то было не так. Его отношение именно к этой рабыне было... если не особенным, то иным. Он прощал ей многое, то, что никогда не простил бы другой рабе или прислуге. Она не боялась открыто бросать ему вызов, пристально смотреть в глаза, будто завораживая и приказывая ему сдаться, она имела право слова, — то, чего не имела ни одна прислуга в его доме! Но расплатой за все ее неповиновения и голос было ее тело. И он закрывал глаза на другие ее грешки, идя ей на маленькие уступки.

Он не наказывал ее физически, ни разу с того дня, как она появилась в его доме. Все его угрозы были лишь фальшью, мистификацией, он прекрасно знал, что не сделает ничего подобного. Он может требовать от нее секса, выполнения самых извращенных своих фантазий, но не физической расправы. Каким-то неведомым образом Каролла наложила запрет на телесные наказания, не сказав об этом ни слова. Хрупкая девочка с силой духа, не уступающей ему, она тем не менее была прочнее хрусталя, ежедневно демонстрируя выдержку. И это не могло его не подкупить. Он поддался очарованию ее воли, ранимой оболочки и крепкой души. От Лейлы, случайно обмолвившейся ему, он узнал, что Кара находилась в детском доме. Это не волновало его, но он все же вскользь отметил, что оттуда она могла заполучить и таинственный шрам, и силу воли вкупе с выдержкой и отвагой,

которым мог бы позавидовать мужчина.

Единственное, чего он не мог избежать, — это пленительный аромат ее тела. Ему порой казалось, что он ощущает его издалека, как помешанный. После первой ночи, уже тогда ему следовало задуматься, почему именно ее тело, такое непокорное и горячее, вызывает в нем бурю чувств. Лишь в нее погружаясь, он был удовлетворен: силой ее духа, пульсацией ее тела, глубиной ее ощущений, которые он тоже впитывал в себя, ее сладостью и искусительской влагой желания. Да, его тянуло к ней физически. Он не отрицал это. И мог, наверное, выделить ее в толпе безликих женщин безошибочно, потому что только она производила на него странный эффект разорвавшейся бомбы. Она привлекала его. И этому влечению было название. Плотское желание. Он хотел ее всю, без остатка, каждую клеточку ее тела, исследовать каждый миллиметр ее плоти, но не души. И, когда понимал, что этого обладания может не произойти, бесился, как дикий зверь, сходил с ума, выходил из себя. И, когда кто-то, вроде Карима Вийара, пытался накладывать свои права на нее, как на свою собственность, когда покушался на то, что принадлежало ему, Штефан становился сам не свой.

Она пыталась ему отказывать, но он брал то, что хотел, даже против ее воли, злясь на Кару за этот отказ. Как странно, но ее нежелание всегда превращалось в горячий влажный экстаз, стоило ему коснуться ее.

Однажды она все же отказалась прийти. Что стало тому причиной, он не знал, выяснять не стал. Рабыня почувствовала, что ей дозволено больше, чем остальным, и решила заявить о своих правах? Рискованно. Очень рискованно. И за этот риск ей пришлось поплатиться. Вновь, как и за своеволие, — своим телом.

Он запихнул девушку в свою комнату силой и, как она не старалась упираться, стащил с нее одежду, почти разорвав ту в клочья, бросил хрупкое тело на кровать и кинулся сверху, расстегивая молнию на джинсах и раздвигая ногами ее бедра. Она сопротивлялась, упиралась, била его кулачками по груди и плечам, царапала спину, пыталась кусаться. Это было похоже на изнасилование. Если бы только это его волновало! Он лишь брал то, что принадлежало ему, разве нет? Он просил — она отказала. И понесла за это наказание. Как он ее и предупреждал.

Но вскоре она перестала отбиваться, выгнулась под ним, откинув голову, до крови сжимая зубами губы.

— Будешь отрицать, что хочешь меня, Кара? — шептал он ей на ухо, медленно двигаясь в ее теле. — Будешь лгать мне? И себе?

— Дьявол, — могла лишь выговорить она сквозь мучительно сдерживаемые стоны, рвущиеся из горла.

Он начинал хохотать над столь правдивым предположением.

— Ненавижу, — вместе с гортанным не сдержанным стоном наслаждения вырывается у нее.

Но он не обращает внимания на ее слова, давно уже не обращает на них внимания. И многое ей прощает. Он разряжается в нее, ощущая, как она сжимает его изнутри. И ликующая улыбка озаряет лицо демона. Как бы она не отрицала, тело его не обманет: все ее ощущения, как на ладони. Их она не скроет.

И как бы он не пытался отрицать, факт оставался фактом: едва прибыв в замок, он вспомнил о ней. О том, что обещало ему общение с ней. Ласка, желание, огонь, сила ее сопротивления и сладость поражения. И губы его растянулись в плотоядной улыбке.

Он вновь хотел ее. Он слишком долго ее не видел. Да еще Вийар со своими провокациями!.. Он должен был увидеть ее, почувствовать свою власть над ней, ощутить силу ее страсти под губами, вспомнить ее...

На то чтобы принять решение, ему хватило и пяти секунд.

— Максимус, — позвал Князь Ищейку, зная, что тот стоит за дверью, будто тень.

Через мгновение Ищейка появился в кабинете, тихо прикрыв за собой дверь.

— Скажи Лейле, — не глядя на него, проговорил Штефан, — что я хочу видеть Кару. Сейчас.

— Она в Восточном крыле.

— Это что-то меняет? — покосился Князь на слугу.

— Нет, это ничего не меняет, — поджал губы тот. — Что-нибудь еще?

— Можешь идти, — и Ищейка ретировался, ни о чем более не спрашивая.

Откинувшись в кресле, Князь Четвертого клана затянулся сигаретой, вдыхая в себя горькую сладость и выдыхая сероватые колечки изо рта. Закрыв глаза, предвкушая встречу с ней, и оскалился.

Скоро она вновь станет его. А если посмеет отказать?.. Губы беса изогнулись. Если посмеет отказать, тем слаще для него будет ее поражение, которое неминуемо ее настигнет.

Кара вошла в кабинет без предупреждения или уведомления о том, что собирается это сделать. Гордая, холодная, неприступная, подбородок приподнят, брови сведены к переносице, а губы плотно сжаты.

Его губ коснулась плотоядная полуулыбка, а глаза блеснули. Какая гордая девочка! Холодная и такая неприступная. Неужели не рада его видеть?

— Чем-то недовольна? — ухмыльнувшись, спросил Штефан, но девушка промолчала.

Князь приподнялся с кресла и, затушив сигарету, шагнул вперед. К ней.

— Ты знаешь, что по твоей вине я уже не раз отступался от правил, которые сам же и завел?

Если она была поражена, то не подала виду, выражение ее лица по-прежнему не изменилось, напоминая маску отстраненности и уязвленной гордости, хотя глаза блестели, как никогда. И уже это его возбуждало.

Штефан приблизился к ней. Каролла не шелохнулась, упрямо оставаясь на месте. Лишь сжатые в кулаки ладони выдавали ее испуг и нервозность. Он схватил ее в тиски своих рук. Коснулся пальцем щеки.

— Ты меня не боишься, ведь так? — наклонившись к уху, прошептал Штефан сладким шепотом. — Почему? — губы нашли мочку уха и захватили ее в плен. — Почему ты меня не боишься, Кара?

— А я должна... бояться? — сухими губами проронила она, тяжело дыша.

Губы его изогнулись. Не отвечая, он схватил ее за талию и привлек к себе, сильно сжимая в своих руках.

Холодные серо-голубые глаза нашли ее зеленые, схлестнулись в битве, в противостоянии, в борьбе друг с другом. Мгновение, превратившееся в вечность, наткнулось на это противостояние взглядов.

— Раздевайся, — коснувшись губами ее шеи, прошептал Князь. — Или за тебя это сделаю я.

Она задрожала, и он уловил ее дрожь собственным телом. Возбуждение нарастало, поднимаясь извне с горячей волной ожидаемого удовлетворения.

Она не выполнила его просьбу. Стояла молча, глядя в его глаза, не моргая. Будто что-то решая для себя.

— Желаешь мне не подчиниться? — коснулся ее кожи его жаркий шепот, а его пальцы потянули за бретели сарафана, который на ней был надет. Девушка вздрогнула от этого прикосновения. И он, почувствовав ее дрожь, улыбнулся. Захватив в плен ее затылок, вынудил ее прижаться к нему.

— А у меня есть выбор? — проговорила Кара едва слышно, но твердо.

Почему-то ее тон ему не понравился. Его бесил факт, что ему нужно ее тело, а она прекрасно может обойтись и без него. Разве так должно быть!?

— Нет, — рыкнул Кэйвано. — Нет у тебя выбора. Не было и никогда не будет! — и жадно накинудся на нее, сминая женский рот своими ненасытными губами, поворачивая спиной к столу и толкая на него.

Властный язык скользнул внутрь, раздвигая ее губы, а руки, жадные и горячие, стремительно стянули с нее сарафан. Кажется, она пыталась сопротивляться? Он зажал ее кисти одной рукой за ее спиной и навис над ней, поработав собою.

— Еще не научилась быть покорной? — шепнул он в ее приоткрытый рот, раздвигая коленом ее бедра. — Ну, ничего, научишься еще, — резким движением стянул с нее трусики, пальцами провел между ног, скользнув одним внутрь. Каролла вскрикнула, попытавшись сдвинуть бедра и вырваться, но Штефан не позволил. — Времени у нас... предостаточно... д-да... — расстегнув джинсы и спустив трусы, устремился к ней. Уже ждущей его. — А говоришь, не умеешь быть покорной, — горячим шепотом сказал Кэйвано, усмехнувшись. — Такая влажная, такая... обжигающая... да, детка... — простонал он, входя в нее резко и уверенно. — Мне это нравится... — и, подхватив ее, насадил на себя сильнее, врываясь в нее с большим пылом, усиливая давление, удерживая где-то на грани — между наслаждением и болью. Резко, цепко, вновь и вновь... Сильнее и глубже, выше... еще выше... Туда, где судороги сводят тело, а перед глазами стоят разноцветные огни.

Он почувствовал ее оргазм кожей, он накрыл ее за секунду до того, как опустошил и его.

Удерживая ее от падения, уткнулся носом в шею, покусывая вспотевшую кожу зубами. Так и не вышел из нее, а потому по-прежнему ощущал ее. Всю. До конца. До последней клеточки столь желанного тела. Но почему же этого вдруг стало мало?..

— Ненавижу, — спустя время выдохнула Кара, тяжело дыша. — Ненавижу, — повторила она тише.

— Кого? — совершенно серьезно спросил демон, не глядя на нее. — Меня? Или себя?

Она промолчала не найдя, что ему ответить. Потому что правда была равносильна еще одному падению.

20 глава

Соперница

Жизнь за гранью изменилась для меня. И дело не только в том, что я уже более или менее смирилась с тем, где нахожусь и кем здесь являюсь, ведь, смирившись, я не потеряла надежды, что когда-нибудь смогу убежать из этого ада. Вопрос состоял в другом: а является ли это место действительно адом для меня? Это ограничивает мою свободу, делает меня уязвимой и раненой птицей, заключенной в клетку из золота. Но ад ли это? Меня принуждают и мне приказывают, надо мной здесь имеют власть люди — или всё же не люди? — которым не было бы до меня дела, будь мы за границей Второй параллели. А сейчас я — рабыня, всего-навсего служанка, игрушка, услаждающая своего хозяина. Ад ли это? Есть ли в мире место, где мне могло быть хуже? Оно было — детский дом. Там я боролась за жизнь и побеждала. А здесь... здесь жизнь сыграла со мной в ответ, откровенно заявив, кто из нас двоих является хозяином положения. Это точно не я.

Но разве того, что я вытерпела, что перенесла и чего добилась из ничего и кем стала из никого, не может откупить меня от столь унижительного, оскорбительного и — совершенно точно! — незаслуженного положения, какое я занимаю сейчас!? Разве выживание в детском доме, преломление судьбы в поисках своего места в этом мире не стоит того, чтобы заслужить свободу и быть вольной самостоятельно выбирать, где жить, как и с кем!? И в каком качестве! Разве я заслужила судьбу рабыни? Выбравшись из ужаса избиений и с колен встав на ноги, перечеркнув прошлое и решив строить настоящее, разве не смела я надеяться на подарок судьбы? Но вместо дара мне преподнесли новое испытание.

Об этом мире я до некоторого времени не имела ни малейшего представления. Даже через время я не могла осознать до конца, что это правда, что я нахожусь за гранью, в другом измерении и пространстве, в другой параллели. Оставаясь все же на территории знакомой мне реальности, — в Праге ли, в Варшаве или в Вене. Просто вне досягаемости от посторонних глаз. Не достойная на эти чужие глаза попасться. Здесь это было чревато последствиями. Меня могли увидеть, со мной могли поговорить, я даже могла пожаловать на то положение, к которому меня принудили. Но окружающие покрутили бы пальцем у виска, сославшись на мое неменяемое состояние. К такому трудно подготовиться, поверить в подобное, не увидев всё своими глазами, просто невозможно. Я оказалась заключенной в золотую клетку с личным надзирателем, лишённая прав рабыня, приговоренная к вечной каторге за то, что ничего не сделала.

Да, у меня появился... хозяин. Господин. Штефан Кэйвано. Мрачный и беспощадный демон. Одного его взгляда порой хватало, чтобы меня бросило в холод, а затем в жар. Слишком противоречивые эмоции, но обмануть себя и заявить, что я его просто ненавидела, нельзя. Он являлся теперь неотъемлемой частью моей жизни. И все уверения, что он меня не отпустит... Я верила ему. Я знала, что так и будет. Если я сама не позабочусь о том, чтобы предоставить себе свободу.

А еще в моей жизни была она. София Бодлер. Аристократка, знатная особа, дочь одного из влиятельных людей Второй параллели, да и моего мира, пожалуй. Равная по положению

моему хозяину и решившая во что бы то ни стало заполучить желаемое, — стать Княгиней Кэйвано. И она была соперницей. Хотя нет, это меня она считала соперницей, полагая, что Кэйвано уделяет мне слишком много внимания для обычной рабыни, и ревновала. Меня к нему. И его ко мне. Где логика?..

Ревность. Наверное, оно не подвластно логике. Это странное чувство, возникающее внутри тебя даже против твоей воли. Я никогда не ощущала его, раньше как-то повода не было, причин. До того как попала... сюда, повода, да и объекта ревности, как-то не находилось. А теперь, здесь, в отношении Штефана Кэйвано к этой женщине... что-то такое... непонятное, рваное рвалось из груди, чему я не могла дать определения. Жгучее чувство, острое, как клинок, и необъяснимое, как сверхъестественное явление. Наверное, не ревность, уверяла я себя, но протест! Я не желала, чтобы эта женщина стала хозяйкой замка Кэйвано. Не желала, чтобы она стала моей хозяйкой. Не желала, чтобы он женился на ней. Он этого не хотел, даже, наверное, скептически относился к откровенному стремлению Софии Бодлер занять княжеский трон с его гербовым отличием. А еще... он не любил ее. А он вообще любил кого-нибудь? На этот вопрос ответа я не находила, но догадывалась о нем. Нет. Он никогда никого не любил.

Изменилось ли мое отношение к Кэйвано? Вопрос, определенно, требует тщательных размышлений. Кажется, наши отношения просты и прозрачны. Он — хозяин, я — рабыня. Куда уж проще? Но... всё было не так просто. Как и всё, что кажется наивным и понятным на первый взгляд. Может ли вообще измениться отношение рабыни к своему хозяину? Я ни на минуту не забывала о том, кто он такой, кем является за пределами того мира, в котором жила когда-то и куда не теряла надежды попасть вновь, как не забывала и того, что он со мной сделал, в кого меня превратил. Но вместе с тем я отлично понимала, что что-то переменилось в отношениях между нами. Что это было и когда всё началось, я не могла ответить. Когда определилась эта перемена? Можно ли сейчас, спустя время, уловить дату эволюции? Я не могла сказать определенно, но чувствовала, что лед тронулся. Но я еще не знала и не догадывалась, в какую сторону.

Разделяло нас очень многое. В мире, где я жила, между нами стояло социальное положение, его высокий статус богача-предпринимателя и мой — обычной санитарки в пражской больнице. Слишком он был высоко, слишком низко стояла я. Но даже тогда это положение не было роковым или плачевным, чем стало оно сейчас. Я — в положении рабы, и он — на престоле господина. Между нами пропасть. Между нами трагедия одной судьбы — моей. Между нами — всё, что нас окружает. А еще... Еще между нами София.

Изысканная и утонченная леди Бодлер откровенно негодовала, наблюдая за нашими отношениями, если их так можно было назвать, всю свою ядовитую злость выплескивая на мне. Естественно, кому еще она могла заявить, что недовольна установившимся порядком вещей, тем, что простая рабыня стала занимать в постели Князя место единственной любовницы? Кому она могла пожаловаться? Штефану? Это даже звучало смешно! Да и слушать он бы не стал, если бы обошлось без иных последствий. За те месяцы, что я провела в его доме, я кое-что о нем узнала, подслушав разговоры слуг и рабов, кое-что поняла, прочитав газетные статьи о Штефане Кэйвано, как предпринимателе, а что-то осознала и без подсказки, что-то, что вовсе не требовало объяснений. Штефан Кэйвано был из разряда тех людей, которые не слушают чужих мнений, а поступают так, как считают правильным сами. Думаю, что это знала о нем и София Бодлер.

Она была невыносимой. И даже не потому, что вымещала всю свою злость на мне,

ревнуя и бесясь от невнимания Кэйвано к своей аристократической персоне, ведь раньше этого внимания было, по всей видимости, предостаточно. Но, наверное, даже это она снесла бы, пережила, перебесилась. Но София была невыносима той невыносимой ревностью, которой давит женщина на людей, которых винит в потере своего прежнего положения в жизни любимого мужчины. И виновницей всех преступлений для нее стала я.

Казалось бы, что ее пугает, почему она бесится и откровенно злится, ведь я просто рабыня — игрушка хозяина, захотел — поиграл, захотел — отбросил в сторону за ненадобностью. В чем проблема? Останется-то Князь все равно с ней, вернется все равно в ее постель. И женится тоже на ней, превратив в хозяйку, в Княгиню и госпожу, а меня оставив лишь рабыней. Никем — для себя и для нее. Но София была, видимо, из того сорта людей, которые не терпели отклонения в сторону от своих желаний и стремлений ни на йоту. И, если видели малейшие изменения в отношениях, устраняли этот пробел. Или причину возникновения этих изменений. Любыми способами и путями, чтобы вернуть себе прежнее положение. Даже идя по головам. И я была уверена, что следующей в списке «голов», которых касается ножка аристократки, была моя.

Ее злость, граничащая с яростью и безудержным гневом, вначале не давала о себе знать. Она старалась насолить мне спонтанно, словно случайно, мимоходом. Солгать, что я вела себя с ней непозволительно грубо, пренебрежительно; обернуть на скатерть принесенный мною (по ее же инициативе!) чай и выставить всё так, будто я сделала это нарочно; испортить себе платье, свалив всё на меня, якобы не доглядевшей за ним; раззадорить хозяйских собак, чтобы потом можно было указать на меня, заявив, что это я, якобы, виновна в том, что не закрыла загон на засов. Ее претензии были необоснованными, я откровенно негодовала, Лейла просила не обращать внимания, а Штефан... ему было до лампочки, что происходит. Но постепенно злость Софии перешла и через эти допустимые границы «случайностей», вскоре она открытым текстом стала говорить мне, угрожая, чтобы я и думать не смела о том, чтобы занять ее место в постели Князя. Место, которое, как оказалось, должно было единственно принадлежать ей.

Она поймала меня в коридоре, когда я, убрав комнаты, с корзиной для белья направлялась вниз.

— Ты Кара? — накинулась она на меня, преградив мне путь.

Я остановилась, вскинув подбородок. Мне-то отлично было известно ее имя! А вот она, хоть и дичилась, делая вид, что не знает моего, прекрасно его помнила. Просто, дабы указать мне на мое место в этом доме, делала всё для того, чтобы демонстративно показать, кто здесь кто.

— Леди Бодлер, — проговорила я спокойным тоном. — Вам что-то нужно?

Она испепеляла меня яростью глаз очень долго, прежде чем прошипела:

— Нужно, — и стремительно кинулась ко мне, прижав к стене и нависнув надо мной скалой. — Нужно, чтобы ты вспомнила, кто ты такая, — обычная рабыня! — и перестала мнить себя свободной.

Я попыталась вырваться, но София удерживала меня, не позволяя сдвинуться с места.

— Я не понимаю, о чем вы, — сквозь зубы выговорила я.

Ее красивое лицо исказилось маской гнева, глаза метали стрелы, она до боли стиснула мою руку.

— Не понимаешь? — зашипела она. — Хочешь, чтобы я объяснила? Ты хоть представляешь, с кем пытаешься шутить? Стоит мне лишь пальцами щелкнуть, и от тебя

даже горстки пепла не останется, — голос ее сошел до приглушенного устрашающего шепота. — Я отправлю тебя туда, где не живут такие, как ты. Где вообще не живут, поняла? Где тебя сначала изнасилуют всеми возможными способами, а затем избыют до полусмерти!

— Вы не можете сделать этого, — холодно проговорила я. — Не вы моя хозяйка.

Казалось, она на мгновение опешила, а потом аристократка взяла в ней верх. Она накинулась на меня.

— Ты что себе позволяешь?! — ее шипение касалось моего лица, я почти явственно чувствовала источаемый ею яд. — Да ты понимаешь, с кем разговариваешь? Рабыня, продажная девка! Да я тебя в порошок сотру, если захочу!

В том, что она захочет, сомневаться не приходилось. Я молчала, не находя слов. А что я могу сказать?

— Я понимаю, что Штефан еще не наигрался, — продолжила она кидаться ядом. — Но очень скоро ты ему надоешь, так всегда бывает. А к кому он возвращается, знаешь? Правильно, ко мне. Так что тебе лучше не нарываться, деточка. Стоит мне лишь попросить об этом, и тебе будет удостоена участь подстилки для конюха или организовано место в колонии. С личным наблюдателем. Я лично устрою такой исход для тебя.

— Мне кажется, — сказала я, начиная закипать, — вы мне угрожаете?

Ее смех был горьким и полоснул меня презрением.

— Что ты, деточка. Всего лишь предупреждаю. Знай свое место, рабыня! — прикрикнула она, пронзая меня острым взглядом. — И не вздумай метить выше, чем можешь расправить крылья. Тебе их могут отрезать!

С этими словами она меня оставила. Гордо вскинув подбородок и отбросив на спину шикарные волосы с золотистым отливом, она прошествовала к лестнице, у которой, на мгновение обернувшись, скупно бросила:

— И не смей поведать Штефану о нашем разговоре, — и скрылась.

Рассказывать Кэйвано об этом разговоре я бы и сама не стала, предупреждение было излишним. Хотя очень хотелось, дабы насолить этой женщине, поведать хотя бы суть предъявленных ею обвинений. Только был ли в этом толк? Такие, как она, аристократки, дворянки до мозга костей, чья голубая кровь проникла в сердцевину их сущности, всегда добивались поставленных целей. И навлекать на себя гнев одной из них не было особого желания. Я понимала, о чем она толковала. Почему взбесилась, тоже понимала. Штефан Кэйвано на какое-то время предпочел меня ей? Да уж, вот досада для аристократки, метившей в Княгини! Но нарываться я не хотела. Леди Бодлер могла быть опасной, я не сомневалась. Особенно жестокой она могла быть с врагами. А я, по всей видимости, возглавляла их список.

В тот день, как и всегда, Штефан Кэйвано позвал меня к себе. Но я отказалась к нему идти. Можно было сослаться на что угодно, придумать, какую угодно причину, я бы, наверное, смогла солгать, но... я просто молчала, когда он спрашивал. А спрашивал он всегда лишь раз. Потом — брал то, что считал своим. Меня он уже давно считал своей. Собственностью. И брал всегда так же, как если бы хватал с полки телефон.

Но я его не ненавидела. Этого чувства к нему я не испытывала. Хотя должна была! Должна... но оно так и не зародилось во мне. Зато было что-то другое, непонятное, необъяснимое, хрупкое и... тревожное. Меня беспокоило то отношение, которое к нему проявляло мое тело, да и мое нутро тоже. Объяснения своим чувствам я не находила. Почему

этот человек, этот... монстр, демон так будоражит меня? Отчего, стоит ему меня коснуться, я загораюсь, будто спичка, поднесенная к огню? Что делает со мной этот дьявол во плоти?!

Я так много слышала о нем! Это были плохие истории, это были невыносимо ужасные истории. Такие не рассказывают детям, как сказку, на ночь, такими пугают непослушных деток, вовлекая их в царство ночного кошмара. Он был демоном. Не только для меня, но и для всех в этом мире. Вторая параллель знала его, как безжалостного и жестокого Князя. Суровый и бескомпромиссный хозяин, волевой и непреклонный господин, сдержанный и хладнокровный палач. О нем здесь ходила своя слава. А вот мой мир... В нем, как я потом выяснила из принесенных мне Лейлой газет и журналов (доступ в интернет мне был закрыт), он тоже был таким. Безжалостный, бескомпромиссный делец, предприниматель, один из богатейших людей в мире, продолжатель бизнеса отца, основатель своей собственной империи. О нем поговаривали, что он продал душу дьяволу. Я сомневалась в этом. Я была уверена, что он родился с темной душой.

Но почему же я, которая сталкивалась с этим демоном изо дня в день лицом к лицу, не боялась его? Или — почти не боялась. Не благоговела перед ним, не пасовала, не млела в испуге и желании испариться. Почему я не чувствовала... опасности в нем? Реальной опасности, угрозы, расправы. И хотя испуг он в меня вселял, это был испуг иного сорта. Единственное, чего я боялась от столкновения с бесом, это плотской близости с ним, бесконтрольного, дикого, первобытного желания ощущать его на себя... и в себе. Неукротимого желания тела поддаться его соблазну и пасть жертвой его развратных силков. И тихих, нерешительных, преступных желаний души сдаться на милость победителя, подобно телу. Быть пойманной птичкой в его золотую клетку из грязного наслаждения и сладостного порока. Которых так отчаянно хотело и ждало мое обезумевшее тело-предатель.

Именно поэтому я избегала его. Потому что чувствовала, что он имеет власть надо мной. Не душевную, но телесную, и противиться ей, противостоять ему с каждым разом становится всё сложнее. Будто тонкая нить, что когда-то связала нас с искушающим дьяволом в первый день единения, с каждым последующим проникновением в мою кровь, уплотнялась, крепла, превращаясь в стальную нить из не обычных привычек, но зависимости. Ощущать, чувствовать, прикасаться, слышать, кричать. С ним и для него.

Это какое-то сумасшествие, согласна. Как можно испытывать нечто подобное к насильнику? К демону, к человеку, который владеет тобой, как вещью, и уверен, что это — нормально!? Как можно желать этого человека, хотеть его прикосновений и ожидать их? Нужно бороться, биться, кричать, звать на помощь и молиться о том, чтобы быть избавленной от страданий плоти и души. Ждать освобождения, стремиться к нему. Убежать. Зачеркнуть то, что было, и бежать. Каким угодно способом, плевать на последствия, — но скрыться. Чтобы больше не ощущать, не чувствовать, не хотеть, не желать и не жаждать. Не предавать саму себя и разбиваться о камни несбывшихся надежд. Не быть растоптанной коварным ангелом мщения.

И я противостояла. Я пыталась противостоять. Я делала всё, чтобы показать, как сильно я не жажду его. И, в насмешку, всё больше желала обратного. И стоило ему уехать... Что со мной произошло, черт побери!? Я ждала его возвращения! Я против воли ждала, когда он вернется. Я не желала и отчаянно ждала его возвращения. Как такое возможно? Как можно одновременно презирать и... жаждать человека?! Но эти два противоестественных чувства, две противоположности боролись во мне. И я не могла разобраться в себе, решив, чего жажду больше. И так и осталась ждать его возвращения, заклеянная противоречиями и

безумными неосознанными желаниями собственного тела. И души.

Я подружилась с остальными слугами и рабынями в доме Кэйвано, конечно, не со всеми, потому что их было слишком много, но со многими. С Анатолем, водителем Князя, мы даже стали добрыми друзьями, хотя и пытались скрывать нашу дружбу. Как мне кажется, Лейла ничего не рассказала Штефану о нашем с ним разговоре в день знакомства. Я была уверена, что Кэйвано запретил бы этой дружбе существовать, а потому мысленно благодарила домоправительницу за маленькое одолжение, которое она невольно для меня сделала. Доступ к Интернету мне был закрыт, что неудивительно, учитывая силу новых технологий, с помощью которых можно было рассчитывать на свободу, а вот газеты, журналы и даже несколько раз телевизор, мне был предоставлен в пользование.

И, как назло, я видела его на экране. И казалось, что он даже тогда, находясь по ту сторону экрана, видит меня насквозь. Опасный, жесткий, неудержимый, беспринципный и бескомпромиссный сукин сын! Демон. Казалось, он контролировал меня даже вдали от дома! Что-то было в его взгляде... влекущее, манящее, но вместе с тем откровенно дикое, опасное. Он будто предупреждал, он будто знал всю правду обо мне, о том, что я чувствую, что думаю, даже об ударах моего сердца знал.

Он вызывал во мне желания, которые я подавляла всё это время.

— У него такой взгляд, — послышался за спиной голос Анатоля, и я невольно вздрогнула, не заметив его приближения, — будто насквозь видит. Будто знает всё, что ты скрываешь. И о твоих мыслях тоже знает, — я молчала, а Анатолий подошел ко мне, остановившись за спиной. — Правда?

Почему его вопрос звучит двусмысленно для меня?

Завороженно глядя на экран, я кивнула. Да, Анатолий прав. И этот взгляд начинал проникать не только на поверхность кожи, вызывая дрожь и благоговейный трепет, но и под кожу, в кровь. Наркотиком и ядом.

И когда он, вернувшись, позвал меня к себе... Сотни иголок будто вонзились в тело.

— Он просит тебя к себе, — сказал Максимус, найдя меня в Северном крыле.

— Просит? — скривилась я, облизав сухие губы. Сердце бешено билось в груди от переполнявших эмоций.

— Просто иди к нему, — поджал губы мужчина и вышел из комнаты.

Я ведь знала, что он рано или поздно приедет. Знала так же, что позовет меня к себе. Знала, что буду сопротивляться, даже если тело будет молить о пощаде. Безудержное желание идти к нему и одновременно скрыться с его глаз сковало меня по рукам и ногам. Но послушаться приказа я не посмела.

А он продолжал меня удивлять. Будоражить всё внутри меня, бросая мне вызов. И я съела наживку.

Как можно оправдывать того, кто сделал тебя рабой?! Но я оправдывала.

Он открылся передо мной с иной стороны. Я не видела в нем того монстра, каким он являлся на самом деле, хотя прекрасно знала, что дьявол дремлет в нем. Я встречала демона-искусителя, соблазняющего и упивающегося своим грехопадением темного беса, но никогда (по крайней мере, до сегодняшнего дня) — жестокого и безжалостного тирана. Может быть, от меня скрывалась эта его вторая сущность? Он не бил меня, ни разу с момента, как я попала в замок. Физическое насилие совершалось надо мной иначе. И, если раньше это вызывало протест, бурное сопротивление и мучительное желание бороться, то сейчас... Он превратил наказание в награду, черт его побери! Я шептала о том, что ненавижу, что терпеть

его не могу, что буду бороться до конца — и я, действительно, буду, потому что иначе будущего у меня не будет, — но не могла лгать себе. Не ненавидела, не презирала. Что чувствовала?... Ответа не было.

Но рядом с ним у меня не было будущего. У меня не было... себя. А я пойду на всё, чтобы себя вернуть.

Эта девка, какой бы миленькой и невинной не казалась, была опасна. Опаснее многих, кто когда-либо был рядом со Штефаном Кэйвано. София чувствовала в ней соперницу. Хрупкая миниатюрная брюнетка с зелеными глазами, ранимая и беззащитная с виду, маленький домашний цветочек, который сломает напор северного ветра. На что она может быть способна, кроме как не умереть от обычной пощечины?

Как она могла так ошибиться!? София не переставала зло чертыхаться. Она-то думала, что эта девица не протянет у Штефана и недели, сломается, покорится, падет. Ведь все до нее падали и преклоняли колени, все рано или поздно гибли под натиском власти Князя Четвертого клана! А она... выстояла. Тварь! Она заставила его обратиться на себя внимание таким способом! Строила из себя невинную маленькую девочку, а на деле оказалась соперницей, хищницей, покусившейся на то, что ей не предназначалось.

Штефан положил на нее глаз. Не сразу, София помнила это. Эта девка не привлекла его с первого взора, что-то было в ней такое, что позволяло утверждать, что она сломается быстрее, чем пролетит хотя бы неделя. Штефан тогда сказал, что это девочка, вполне возможно, сможет его удивить, а София рассмеялась над этим предположением. Каким нелепым оно ей тогда казалось! А сейчас... Как же глупо, нелепо, как трагически она ошиблась! Эта девка прожила гораздо дольше недели. Получила гораздо больше того, что должна была получить. И изощренно претендовала на то, что еще не попало к ней в руки. На самого Князя.

Холодные карие глаза дворянки сузились, а лицо исказила гримаса отвращения, смешанного с яростью.

Она его не получит! Эта девка еще узнает, где ее истинное место, — возле господских ног, униженной и покоренной. Тягаться с Софией Бодлер — все равно что тягаться со сворой собак. Губительно для себя. И эта девица, видимо, еще не осознала, с кем связалась. Но ничего, скоро ей представится такая возможность.

Она не внимала словам, не опасалась предостережений, не чуралась запретов. Она слушалась Софию, когда та потребовала оставить Князя в покое. Конечно, следовало отметить, что Штефан и сам не желал отпускать эту шлюху от себя так рано, но девка делала всё для того, чтобы отдалить этот момент. Она все еще ему противостояла! И этим раззадоривала Князя, зажигала огонь в его крови, выуживала изнутри инстинкт охотника и завоевателя, каким всегда был Штефан Кэйвано. Она делала это специально. Тварь!

Всё обозначилось для Софии совершенно откровенно в день Совета. Конечно, она и до этого замечала, что Штефан ведет себя по отношению к темноволосой девке странно, но лишь подозрительно шурилась и испепеляла рабыню взглядом, сканируя ее и собирая о ней всю необходимую информацию. Но лишь на Совете леди Бодлер поняла, насколько всё серьезно.

Эта девица появилась в зале всего раз, но и этого раза леди Бодлер хватило на то, чтобы всё осознать. А взгляда на Князя Кэйвано, пожирающего рабыню глазами, стало достаточно, чтобы серьезно задуматься об этой проблеме. Кара не делала, вроде бы, ничего, чтобы

привлечь внимание Кэйвано или его гостей, но стала центром всеобщего внимания в миг, когда хищнический взгляд хозяина Багрового мыса обратился в ее сторону. Карим Вийар, разглядывая эту шлюшку пожирающим взглядом, усмехнулся, что-то сказав, чем разозлил Князя Четвертого клана, Кассандра Мальво́ следила за новой рабыней с удивлением и интересом.

А вот София смотрела на нее, распознавая в Каре соперницу. И всем своим несчастьям София в тот миг давала лишь одно объяснение — появление в замке Штефана Кэйвано этой девицы.

Штефан изменился. Стал холоден к ней. По-прежнему страстен и горяч, но вместе с тем... холоден и отстранен. Они считались парой, если так можно было назвать их отношения, два года, и этого Софии хватило на то, чтобы строить планы и метить на трон Княгини. И отпускать столь выгодный брак, с таким мужчиной, как Штефан, страстным, искусным, не уступающем ей ни в чем, а во многом ее превосходящим, она не станет. И порвет плотку любому, кто попытается сделать это. И первой в очереди на уничтожение стояла новая любовница Князя. Она узнала от слуг, что он спит с этой новенькой, Карой! Но неужели в ней всё дело? Не может этого быть. Рабыня?.. Какая-то мелкая сошка? Невольница!? Завоевала симпатию такого человека, как Штефан Кэйвано!? Трудно в это поверить. Неужели какая-то оборванка, призванная услаждать похоть господина, смогла дотянуться до звезд и сорвать с небес одну из них. Заветную и самую желанную для самой Софии?!

Пора было расставить все точки над «и» и решить, что для него значит эта девица. И, если ее опасения подтвердятся, она не оставит и горстки пепла от той, что когда-то носила имя Каролла.

Штефан вернулся из Польши уже чуть больше недели назад, но со дня приезда в Багровый Мыс позвонил ей лишь три раза. Она, черт побери, считала! Она ждала его звонка. Она смирила свою гордость и сама позвонила ему дважды! Никогда она не унижалась до подобного — смирить гордость и преклониться перед мужчиной. Хотела приехать, предложив приятное времяпрепровождение, но он отказался. Отказался, черт возьми! Променял ее? На эту девку с зелеными глазами?! Да как он смел?.. Никто и никогда еще так не поступал с ней, и Штефану Кэйвано не стать первым. Иначе она не София Бодлер!

Яростно отбросив телефон, коротко вскрикнула криком, больше напоминавшим рык хищницы. Стиснув зубы, постаралась взять себя в руки, быстро и тяжело задышала, успокаивая сердцебиение. Сощурилась.

Она приехала в замок без предупреждения, но, когда ее увидел, Штефан, казалось, даже не удивился, будто ждал ее приезда. Но девушка, улыбнувшись улыбкой кинозвезды, прошествовала к нему.

— Не ждал меня, милый? — поцеловала его в губы, страстно и глубоко, отметив, что он ответил на поцелуй с неохотой. — А я приехала, — прошептала она ему в губы.

— Я рад, София, — пробормотал Князь и, мягко отстранившись, заглянул ей в глаза.

Нет, совсем не рад, отметила про себя девушка, но не подала виду, что чем-то уязвлена.

— Ты приехал уже больше недели назад, но так и не навестил меня, — упрекнула его она, решив начать издалека. — Я соскучилась, — потянулась она к нему для объятия и нового поцелуя.

Штефан не оттолкнул ее, но и не горел желанием прижать к себе. Как раньше. Неужели теперь всегда что-то будет напоминать ей о том, что всё вокруг ее сейчас не так, как

раньше!?

— У меня много дел. И проблем, — сказал он беспечно. Но этой беспечностью не смог закрыть ей глаза.

Всё дело в этой девке! София поджала губы, глаза ее зло сощурились, превратившись в щелочки.

— Может быть, я смогу помочь тебе расслабиться? — с придыханием поинтересовалась София, скользнув рукой к его паху и почувствовав легкое мужское возбуждение. — Я даже уверена, что помогу, — зашептала она более страстно.

Она знала, какое воздействие может оказывать на мужчин, и свободно пользовалась этим в своих интересах. Только вот Штефан Кэйвано сам был мастером искушения и соблазнения. С ним ли ей тягаться?

— Поговорим в моем кабинете, — хриплым, но немного отстраненным голосом сказал хозяин, мягко высвобождаясь из ее объятий. — Пойдем, — и, не сказав больше ни слова, двинулся в сторону кабинета.

Леди Бодлер, уязвленная и раненая в самую глубину души, которой у нее не было, замерла. Что-то было не так, она напряглась. Сердце забилося в груди с удвоенной силой, а перед глазами встала темная пелена. Девушка сделала пару шагов следом за хозяином замка. Вмиг застыла, будто вкопанная. Оглянулась.

Глаза сузились и потемнели, а губы сжались в тонкую ниточку.

На ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж, стояла она. Эта девка. Эта шлюха. Новая рабыня Штефана. Казалось, она не обращала внимания ни гостю своего хозяина, ни на него самого, но София была уверена, что эта невнимательность наигранная. Она всё видит и слышит, она прекрасно понимает, что происходит. И, похоже, она не прислушалась к ее совету не приближаться к Князю. Не послушалась!

София сжала руки в кулаки, хотела, ослепленная яростью и ревностью, метнуться в сторону Кароллы, вытиравшей с перил пыль, но остановилась. Разговаривать с этой девкой бессмысленно. Что она может ей сделать? Максимум ударить, выливая на служанку свой гнев, а потом придется объяснять Штефану, как произошел подобный инцидент. Но результатов это не принесет. А Софии нужны были результаты!

Она должна уничтожить эту девку. Уничтожить руками самого Штефана! И она сделает это.

Холодная улыбка тронула губы, а глаза загорелись. Мысли, перебивая одна другую, неслись в голове.

Резко обернувшись, она последовала за Князем в его кабинет, не заметив, как Кара, едва она скрылась за стеной, подняла взгляд, провожая ее тревожными глазами.

София резко хлопнула дверью, когда входила в его кабинет. Не хотела, да и не следовало. Но не могла сдержаться. Слишком рассержена, слишком разгневана, слишком удручена сложившейся ситуацией, чтобы держать под контролем чувства. Хотя стоило бы, потому что отлично знала, что Штефан подобного не терпит. Всякого рода ревность вызывала в нем ярость. Она не желала напоказ выставлять свою ревность, это делало ее уязвимой, и к тому же... нужно было найти иной выход, как удержать Штефана около себя.

— Так как, — проговорила София глухо, двинувшись к мужчине, стоявшему у окна, — я смогу помочь тебе справиться с твоими проблемами? — коснулась пальцами волос на его затылке, мягко провела рукой. Так, как ему нравилось. Желая почувствовать дрожь его тела. Но вместо этого слышала холодное:

— Вряд ли ты сможешь мне помочь.

Она сначала опешила, застыла, удивленная. А потом, потянувшись к нему, прижалась губами к его шее, скользнула языком вниз, прикусила кожу зубами, тут же зализав укус языком.

— А так? — зашептала она ему на ухо, прикусывая мочку и обнимая мужчину со спины, поглаживая его грудь, спрятанную под черной шелковой рубашкой и желая потрогать его кожу тонкими пальчиками.

— Никак, — ответил Князь, выворачиваясь из ее рук и отходя к столу. — Извини, у меня нет настроения.

Холодно, очень холодно и жестоко. Обида, смешанная с гневом, поднялась в Софии горячей волной, застилая глаза.

Отвергнутая женщина, — что может быть опаснее?

Отвергнутая женщина, строившая планы и не привыкшая проигрывать, — что может быть страшнее?

Взяв себя в руки, она едко усмехнулась и сделала медленный шаг в его сторону.

— Значит, вот как? — вскинула подбородок. — А можно узнать имя твоего настроения?

— София, — устало выговорил Штефан, не глядя на нее, — не начинай.

Его предупреждение, сказанное тихо, но твердо, она проигнорировала.

— Дай-ка, угадаю, — она сделала к нему еще один шаг, продолжая цинично кривиться. — Наверное, Кара?

— София, — с тихой яростью предупредил ее Штефан вновь.

— А что такое, Штефан? — с вызовом бросила она ему. — Не хочешь слышать правду? А кто же тебе ее еще расскажет? Все боятся.

— А ты не боишься? — пронзил он ее холодом серо-голубых глаз.

— А ты что-то сделаешь мне? — вызывающе спросила она.

Он промолчал, в ответ лишь смерив ее взглядом, в котором плескалась растопленная ярость.

— А что же, Штефан, рабыне позволено бывать в твоей постели, а мне нет? — продолжила София. — Рабыне дозволено ублажать хозяина, а аристократке нужно ждать своей очереди?

— София, — ледяным тоном оборвал ее Штефан, — мне кажется, ты забываешься.

— Я? — вскинула девушка светлые бровки. Голос ее дрожал от едва сдерживаемого гнева. — А этой девке позволено больше, чем мне! Она, наверное, уже вольную от тебя получила? — она не обратила внимания на то, как сжались его кулаки. — И в чем ее секрет, а, Штефан? Член сосет лучше, или что?!

Кэйвано молчал, плотно сжав губы. Но его поза, лицо мрачнее тучи, сверкающие глаза и плотно сжатые губы, явно говорили о том, что он едва себя сдерживает. И София поняла, что зерно из ее слов падает на благодатную почву. Он воспримет всё именно так, как должен принять. Как она ожидает.

— Взяла тебя в обороты, Штефан? — усмехнулась София, горько усмехнувшись. — Что, правда?

Тот пронзил ее ледяным взглядом. Спокойный, равнодушный, безупречно безразличный. Казалось...

— Никто мне не указ, София, — отрезал Штефан. — И ты прекрасно это знаешь.

— Я уже начинаю сомневаться в этом. Ты променял меня на какую-то шлюшку, это уже

о многом говорит!

— Что бесит тебя больше, София, в твоих предположениях? — сощурился Князь. — То, что это рабыня, или то, что она заняла твое место?

Его слова ее задели, больно ранили, даже оставили след, но она не поперхнулась ими, выдержав удар.

— Мое место? — она рассмеялась, злостно, цинично, и ее звонкий голос раскатистым эхом отозвался в потолке. — Но, Штефан, мое место свободно. Когда ты наиграешься и поймешь это, еще попросишь у меня прощения, — она уверенно подошла к нему и заглянула ему в глаза. — Только, пожалуйста, не заиграйся.

Он молчал, стиснув зубы так, что на скулах заходили желваки.

— Помни о том, кто ты, и что ты делаешь, — сказала София и сделала шаг назад. Продолжила играть с ним на его же нервах. Знала, куда бить и как больнее всего это делать. — Подумать только, рабыня? — смех превратился в оглушительный хохот. — Что, обычная рабыня укротила и твой гнев тоже? — прямой взгляд глаза в глаза, но истинная аристократка не дрогнула и не согнулась под напором ярости, что блеснула в серо-голубых глазах Князя. — Никогда бы не подумала о тебе такого, — проронила она. Подошла к Штефану вновь и прошептала: — Грозный тигр стал котенком в умелых руках рабыни? — коснулась губами его уха, но на лице Кэйвано не дрогнул ни один мускул. — Шлюха укротила сластолюбца? Вот уж новость! Для первых полос газет, — и, цинично усмехнувшись уголками губ, отстранилась, очень медленно, вальяжно, встретила глазами с яростью демонского взгляда и процедила: — А что дальше, Штефан? Пустишь ее не только в свою постель, но и в свою жизнь?

И, не дожидаясь ответа, стремительно отшатнулась и коротко бросила, повернувшись к Кэйвано спиной:

— Не провожай, я отлично знаю дорогу.

Штефан не проронил ни единого слова даже в момент, когда за Софией захлопнулась дверь, пустыми, остекленевшими глазами вглядываясь в пустоту перед собой. Холодная неприступная крепость изо льда. Которая в этот миг дала трещину.

А леди Бодлер ликовала, растягивая губы в улыбке: она добилась ровно того результата, которого ждала.

Штефан Кэйвано принадлежит ей. И только ей. Никому, и тем более, не рабыне, пытаться посягнуть на него.

Бросившая вызов, как наживку, и уверенная в своей победе, София неспешно двинулась к выходу.

Глава 21. Неоправданная жестокость

21 глава

Неоправданная жестокость

Штефан знал, что София его провоцирует. Слишком откровенно она себя вела, слишком прозрачными были ее намеки и претензии. Слишком... ревнивой она выглядела. Он терпеть не мог ревнивых женщин, от них пахло их ревностью, и он ненавидел этот запах. Запах страсти, смешанный с отвратным смрадом ускользающего удовольствия. Он ненавидел ревность. Он сам никогда не ревновал. Но еще больше он терпеть не мог быть зависимым от кого-то. Никогда больше. Так решили за него много лет назад. Так решил он сам, став Князем Четвертого клана и поработителем чужих судеб. Зависимости в его жизни тоже не было. Никогда. Или почти никогда. Он уже забыл те времена, когда кто-то что-то решал за него. Будто их и не было, этих времен. К хорошему быстро привыкаешь. Особенно, если становишься хозяином этого хорошего. А он стал. Хозяином. И господином, и королем, Князем. А Князю не престало быть осужденным на зависимость от чего-то. Или от кого-то. Это было наркотиком для любого нормального человека, а саморучно подписаться на наркоту, все равно что подписать себе смертный приговор. Штефан Кэйвано не собирался умирать. Он слишком любил жизнь. Такой, какой она была для него. Ту, которая его окружала. Ту, которую сам вокруг себя создал. Он был консерватором, человеком устоявшихся взглядов, принципов и убеждений. У него были свои авторитеты, и он сам для многих был авторитетом. Уж он-то знал, что значит быть поработителем, и как это — быть рабом. Он чувствовал разницу, он знал ее, он видел границу. И перешагивать ее — еще раз — был не намерен. Никто его не заставит.

Едва София вышла из его кабинета, оставив мужчину одного размышлять над своими нарочно (и это было очевидно) произнесенными словами, Штефан действительно много думал. Не сказать, что подобные мысли не посещали его до этого разговора с его гостьей. Посещали, и не раз. Но только сейчас Князь осознал, как это выглядит со стороны. И что это означает, не только для него, но и для других.

София была права: эта девка делала его зависимым, уязвимым, беззащитным. Она его укрощала. Медленно, но несокрушимо, едва ощутимо, но целенаправленно. Подчиняла себе, как марионетку, которую можно дергать за ниточки, вынудив делать, что пожелается.

Он — и вдруг марионетка! И в чьих руках?! В хрупких руках рабыни!

Вскочив с кресла, Князь выхватил из пачки сигарету и закурил. Затягиваясь едким дымом, наслаждался его горечью всего сотую долю секунды, а потом, не ощущая удовлетворения, затушил сигарету. Вышел из-за стола, прошелся вдоль кабинета, засунув руки в карманы джинсов. Нахмурился, стиснул зубы.

Чертова девка! Он позволил ей слишком многое, а значит, она уже добилась успеха. Он изменил себе и своим принципам. Из-за нее. Разве не изменилось его отношение к ней? Разве не позволял он ей много больше, чем другим рабам? Разве не позволил ей нагло и откровенно разговаривать с ним? Так, будто она — равная ему по положению и статусу! В то время как она — обычная девка для княжеских утех! Она заслужила так много наказаний за свои поступки, действия, поведение, сколько не заслуживал никто из его людей! Но наглой

дерзкой девице всё сходило с рук...

Штефан сощурился, сведя брови к переносице. Руку в карманах джинсов сжались в кулаки.

Черт побери! София была права, рабыня укрощает сластолюбца! Она не имеет на это права. Никому не дано такого права! Только он, он один имеет право кого-то ломать, подминая под себя. Только он! Так какого же черта всевластный Князь идет на поводу у какой-то девицы? Да кто она вообще такая, мать ее!? Даже не красавица. Черные волосы и зеленые глаза, эка прелесть! Да он сотни, даже тысячи раз видел женщин в сто раз красивее! Что она себе позволяет? Думает, что ее тело сможет удивить его чем-то, раз он обладает им?! Она привыкла, чтобы ее холили и лелеяли? Чтобы пресмыкались перед ней? «И когда — она ведь из детского дома!» билась в мозг спасительная мысль-оправдание, но Князь не слушал ее, проклиная Кароллу и свое отнюдь не княжеское отношение к ней.

Что в ней такого, что у него «снесло крышу»? А ведь, действительно, снесло, София еще очень лестно обрисовала ситуацию. Он никогда не поступал так с рабами, никому не позволяя переходить ту невидимую грань, что разделяла раба от его хозяина. А Кара, черт ее побери, пересекла эту грань! А он не наказал ее за это, не объяснил «доходчиво», что можно, а что нельзя, купился на ее внешний вид невинной ранимой девочки-цветочка с волевым характером, закрыл глаза на своеволие и безобразное по всем допустимым и недопустимым меркам поведение. Он попросту простил ее за всё. Он — Князь, о котором ходили легенды одна страшнее другой!? И кто его принудил к этому? Обычная девчонка? Его никто не принуждал. А если и было такое когда-то, то уже стерлось из памяти, забылось, былшем поросло. А значит, и не было этого вовсе. Но девчонка пробудила в нем нежеланные воспоминания.

Чертыхнувшись, Штефан подошел к окну, выглянул в сад. Нахмурился, увидев, что Кара разговаривает с Анатолом, его личным шофером. Очень мило разговаривает, улыбается, будто они знакомы сто лет. Будто они лучшие друзья, твою мать! Тот отвечает ей тоже с улыбкой, а глаза... Штефан видел это даже издали, не мог не заметить, глаза сверкали, полыхали... желанием. Жаждой обладания. Страстью и вожделением.

Жгучая ярость, будто горький яд, ослепила глаза, превращая действительность в кровавую пелену из разыгравшейся фантазии. Кара и Анатолий. Что между ними? За его спиной?! Рабыня и слуга! Спелись? Сдружились? Одурачить его решили?! Тварь. Интересно, и как долго всё это длится? С его рабыней, его девкой для утех, развлекается какой-то... служака!? Как посмел?!

Сузившимися потемневшими глазами Князь следил за тем, как Кара что-то сказала, видимо, извинения, а потом заторопилась прочь, помахав Анатолию рукой и улыбнувшись. Тот же не ушел, пока не проводил ее взглядом до самой двери. Жадным взглядом, плотоядным, разгадав который, Штефану захотелось избить водителя до полусмерти. И он не был уверен, что усмирит гнев и не исполнит свое желание.

Непроизвольно высунув руки из карманов, будто желая что-то смять, Штефан дернулся вперед.

Какого хрена эта девка крутит задницей перед его слугами? Кому она еще дала? Кому позволила себя касаться!? Неудивительно, что стала такой откровенно горячей и раскрепощенной в его руках. Научил кто-то?..

Зло рыкнув, Штефан сжал подоконник, словно готовый к прыжку хищник, нацеленный на жертву.

София права, слова ее верны и логичны. Слишком много он позволяет Каре. Позволял, поправил он себя. Больше он подобной ошибки не совершит. Баста, поиграли с доброго хозяина и хватит! Пора ей узнать истинного Князя Четвертого клана.

Бросив последний взгляд в окно, и отметив, что Анатолий, вздохнув, побрел вглубь сада, Штефан круто развернулся и решительно вышел из комнаты. Он поставит всё на свои места сейчас же. Сию минуту. Он напугает наглую, вызывающе своевольную, дерзкую девчонку, где она находится, он укажет ей, кто она и где должна быть, — только у его ног, смирившаяся и охваченная страхом. Такой закон этого мира, в котором она является рабыней, а он — ее хозяином. Ведь так?

Разузнав у Лейлы, где сейчас находится Карола, он ворвался в комнату девушки без предупреждения. Так яростно, решительно, чуть ли не срывая дверь с петель, что Кара вздрогнула, повернувшись к нему.

Злость клокотала в его груди, а сердце бешено билось, разрывая виски, разнося по всему телу горячую лаву ярости, злости, негодования и безумного клокочущего внутри желания заклеить Кару.

Орлиный взгляд хищника уловил мелькнувшую на женском лице всего на краткий миг улыбку, прежде чем ее губы сомкнулись, а глаза с осторожностью взглянули на него.

— Ч-что-то случилось? — спросила она.

Веревка, которую она сжимала в руках, вдруг показалась ему преступной. Что задумала эта девка?

Голос девушки дрогнул, он слышал ее дрожь, но, взбешенный, не обратил на нее внимания.

Она рабыня, стучало в его мозгу, всего лишь рабыня! А перед глазами только кровавая пелена, в центре которой — она, закованная цепью, сидит у его ног. Там, где и должна находиться рабыня!

— Ничего, — рыкнул он совершенно спокойно и, закрыв за собой дверь, двинулся к ней. — Я тут хозяин пока, — взгляд его стал тяжелым, а лицо мрачнело с каждым мгновением. — А ты, — выплюнул он из себя яд, — всего лишь рабыня! Что скажу, то и будешь делать, поняла!?

Кара молчала, глядя на него непонимающими глазами, в которых светилось изумление. Она и хотела бы о чем-то его спросить, но не решалась. А он злился и заводился с каждым мгновением всё больше. Его бесило сейчас даже ее молчание, ее покорная смиренность, а ведь она никогда не была столь смиренна. Вызов всегда горел в ее глазах, а сейчас... она ему даже улыбнулась. Какого черта, он что, ей позволял?!

— Поняла, я спрашиваю?! — выкрикнул он, когда так и не дождался от нее ни слова.

Она снова вздрогнула, отважившись кивнуть, нервно теребя веревку, которую держала в руках. А потом рискнула спросить:

— Что случилось?..

Он не ответил, стремительно шагнул к ней и вырвав из тонких пальцев преступную, нервировавшую его веревку. Со злостью откинул ту в сторону и возвысился над девушкой, мрачный, холодный, непоколебимый, решительный, не готовый отвечать на ее вопросы, но решивший сам мучить ее своими.

Наверное, она поняла, что он от нее хочет, но сделала шаг назад, пытаясь вырваться из плена его тисков.

— Меня ждет Лейла, — проговорила она с дрожью в голосе и отступила. — Мы

должны...

— Я твой хозяин, а не Лейла! — рыкнул Штефан ей в лицо и, резко дернув Кару на себя, скользнул руками по хрупкому телу и стал жадными движениями стягивать с нее одежду. — Будешь делать то, что я скажу!

— Я не понимаю, — пробормотала девушка, упершись руками в его грудь. Силилась оттолкнуть Князя от себя, но это было равносильно сдвинуть с места каменную глыбу. Практически невозможно. — Отпусти, — попросила она тихо, но твердо.

— Какого х** ты крутишь задницей перед всеми, кто подвернется? — прошипел он ей в лицо, опаяя жалом своего дыхания. — Так понравилось раздвигать ноги? — руки сильно надавили, оставляя на коже следы.

— О чем ты? — задохнулась она от возмущения и в бесплотной попытке попыталась вырваться.

— Я не позволял тебе такого отношения в этом доме, — зашипел Штефан, стискивая ее в своих руках. — Ты слишком вольно ведешь себя здесь. Думаешь, что тебе всё дозволено? Что твои действия и слова останутся безнаказанными, раз ты спишь с хозяином? — его голос сошел до угрожающего шепота, который касался ее щек, будто резал ножом. — Спешу тебя разочаровать, деточка, — презрительно выдохнул он. — Ты здесь всего-навсего рабыня, больше ничего! Думаешь, тебе дозволено больше, чем остальным, раз я не наказываю тебя за самоуправство и дерзость?! Ошибаешься, детка! — сказал, будто выплюнул он. — Ты рабыня. Моя рабыня, понимаешь значение этого слова? Оно означает, что ты ведешь себя тише воды, ниже травы, выполняешь в точности всё, что я говорю, и помалкиваешь! Ясно? — навис над ней, выламывая из нее слова. Но девушка продолжала пытливо смотреть ему в лицо и молчать. Не боялась его, это очевидно, но не понимала, в чем он ее укоряет. — Ясно, я спрашиваю?! — заорал он ей в лицо, и Каролла закрыла глаза. — На меня смотри!

Она послушно подняла на него взгляд. Зеленые глаза полосонули его негодованием и... презрением?

Штефан почти озверел. Схватив ее за плечи, он толкнул девушку к стене, наваливаясь на нее сверху, преграждая все пути к отступлению. Каролла едва слышно охнула, пытаясь сопротивляться, но не могла.

— Отпусти, — выдохнула она сквозь зубы. — Отпусти меня! — выкрикнула она, когда мужчина, и не подумав слушать ее, шарил по маленькому телу жадными руками, тяжело дыша ей в лицо сквозь приоткрытый рот. — Нет! — вызывающе заявила она, чем вызвала в Князе волну бесконтрольного гнева.

Штефан помрачнел, руки сильно дернули платье, вызвав приглушенный женский вскрик. Послышался треск материи. Порвал одежду, обнажая ноги и бедра. Каролла попыталась вырваться с большей силой.

— Отпусти меня! — громче и увереннее сказала она.

Чего и следовало ожидать, не подчинился. Лишь яростнее схватил ее за руки, оставляя на нежной коже синие следы от жестких прикосновений.

— Мне больно!

— А мне плевать!

Она тяжело выдохнула, вдруг ощутив страх, расплзшийся по всей коже от кончиков пальцев ног и до макушки. Липкий, скользкий страх. Никогда еще она не видела Князя Кэйвано в таком... бешенстве, иначе не сказать. Он действительно был вне себя. От злости, от всепоглощающей ярости, от бешенства. А причины ему Каролла дать не могла. Знала

лишь, что если не вырвется сейчас, не убежит, не противостоит ему, то случится нечто плохое. Нечто ужасное. Нечто, чего она не сможет принять и простить.

Одна его рука скользнула между ее ног, проворно, грубо, причиняя боль. Стянул с нее трусики, коленом раздвинул бедра, проникая в нее резко и без предупреждения, сначала одним пальцем, а затем двумя. Она не была готова к этому. Каролла вскрикнула, попыталась сопротивляться, вырваться из его рук. Тщетно. Он не отпустил. Лишь настойчивее стали его проникновения, приносящие боль, яростнее атака на нее. Она силилась закричать, молить о помощи... Но у кого? Кто поможет ей, кто осмелится помочь, зная, что ему придется противостоять Князю?!

Она услышала звук расстегиваемой молнии на его джинсах, и лишь успела взмолиться о том, чтобы он этого с ней не делал, но Штефан прижал ее к стене, зажав Кару между нею и собой, приподнял над полом, вынуждая обхватить его за бедра. Каролла вновь попыталась вырваться, оттолкнуть его, не подчинившись обхватить его ногами, и он, рассвирепев, одним движением колена раздвинул ее ноги и проник в нее. Грубо, жестко, стремительно. Она не успела подготовиться, она не была готова. Было больно и неприятно, непривычно и... противно. Даже в первый раз было не так.

— Нет! — вскрикнула она, кулаками стуча по его груди и плечам. — Нет! Не нужно так!..

— Не нравится? — с угрозой оскалился Кэйвано, подхватывая ее под бедра и яростнее врываясь в хрупкое тело. — Не нравится, да? — вонзился в нее еще сильнее, почти вдавливая девушку в стену. — А тебе и не должно нравиться! Кто ты такая, чтобы тебе нравилось!?

— Пожалуйста, — прошептала Каролла, царапая мужчину ногтями, до крови, до боли, оставляя следы на коже, но не добившись результатов, потому что Князь продолжал свои беспощадные жесткие движения, грубыми толчками проникая в нее еще резче, еще глубже.

— Рабыня! — прорычал он ей в лицо. — Обычная девка для утех, поняла!? Что ты о себе возомнила?

Каролла чувствовала, что слезы вот-вот рванутся из глаз, и сильно зажмурилась, сдерживая их напор. Борьбась почти перестала, лишь изредка ударяя мужчину по груди в бесплотной попытке защититься. Закрыла глаза, будто таким образом защищаясь от окружающей ее грубой жестокой реальности.

— Открой глаза, черт возьми, — зашипел ей в лицо Штефан, вновь и вновь погружаясь в ее тело, яростнее атакую крепость, которая, он знал, осталась не павшей. — Открой!

Она замотала головой в разные стороны, не подчиняясь ему, и тогда Штефан, резко вонзившись в нее, больно прижал девушку к стене, дрожащими пальцами сжал ее подбородок.

— Посмотри на меня, я сказал! — свирепо выдавил он сквозь зубы. — Быстро!

И она подчинилась. Зеленые глаза вспыхнули, глядя на него. Ненавистью, яростью, обидой? Штефан не смог думать связно, находясь в тесном и влажном тепле ее тела, и возобновил движения. Резкие и мощные.

— За что? — прошептала Кара изумленно. — За что?..

Не отвечая, Штефан вышел из нее и коротко приказал:

— Спиной повернись!

Когда девушка не подчинилась, безвольно прислонившись к стене и слясь не упасть, он схватил ее за волосы и повернул спиной к себе, прижав животом к стене.

Крайним уголком сознания она поняла, что произойдет. И как произойдет. И уже ненавидела его за то, что будет. Он никогда не поступал с ней так. Ни разу с момента ее попадания в его дом. А сейчас... за что?

Его руки скользнули по ее бедрам, не глядя, а словно проверяя что-то. У нее не осталось сил на то, чтобы сопротивляться, но, когда его пальцы скользнули вдоль ягодиц, отыскивая вход, она отшатнулась от него, метнувшись в сторону. Реакции организма, противящегося вторжению. Не помогло, Штефан удержал ее на месте, схватив за волосы и грубо толкнув на стену и заставив наклониться.

— Сбегать тебе не разрешалось, — прошипел он ей в ухо, придвинувшись ближе и плотнее к ней. — Рабыня!

Еще мгновение, одно крохотное мгновение, в течение которого Кара надеялась на чудо. Но его не произошло. Штефан вошел в нее медленно, раздвигая стенки, изведывая новое и незнакомое, но резко, с упорством и настойчивостью проникая внутрь, несмотря на сопротивление ее плоти этому варварскому проникновению. Грубая боль пронзила тело Кары. Глаза защипало, а с губ сорвался крик. Девушка до крови закусил губу, ощущая на языке привкус крови и слез. Штефан начал двигаться быстрее, яростно ломая ее сопротивление с каждым толчком. Узкая, тесная, такая, мать ее желанная, что сводила его с ума! Головокружение маячило перед глазами, но он продолжал по инерции двигаться в ней, сиюсь не закричать от накрывавшего с головой оргазма.

Тяжело дыша, прижался к Каролле, вжимая ее тело в стену. Девушка стояла совсем неподвижно, будто замерла навсегда. Он коснулся ее волос рукой и отвел ее с плеч, обнажая шею. Она вздрогнула от его прикосновения, дернулась, будто обожглась, и он взбесился.

— Терпи, деточка, — рыкнул он, резко выходя из нее и поворачивая к себе лицом. — Тебе тут никто не обещал сладкую жизнь!

Она промолчала, не сказала ни слова. А вот глаза кричали. Они били его кнутах. Они ругались и рычали. Они его не прощали. А он сделал вид, что ему плевать.

Застегнув джинсы, Штефан стремительно покинул комнату своей рабыни, не увидев как та, почти сразу после его ухода, скатилась вниз по стене и зарыдала.

Он сделал то, что должен был сделать. Он показал ей ее место. Ее истинное место! Место рабыни. Безвольной, бесправной, забавной игрушки, которую можно использовать по своему усмотрению. Вот он и использовал. И получал от этого наслаждение. Всё так, как и должно быть. Каждому — свое.

Только почему же тогда он не ощущал ни капли удовлетворения?

Я ненавидела его. Сейчас, в этот самый миг, я его люто ненавидела. Болело тело, болела душа, болело всё внутри меня, будто искромсали ножами и бросили на съедение волкам. И самое страшное, я тоже была виновата в собственной боли, а не только тиран, который сделал это со мной.

Я ненавидела себя. Да, именно так, сейчас, в этот момент, я ненавидела себя сильнее, чем его. За то, что поверила, предала саму себя, допустив мысль о том, что этот монстр может оказаться... нормальным. Нет, не может! Негодяй он и есть негодяй, его не исправит ничто. То, что вьелось под кожу, проникнув в кровь, с рождения, не исправят годы и лживые уверения в не возможном. Все слухи, что ходили о нем, и которым я не желала верить, оказались правдой. Одна я осталась обманутой. Идиотка! Глупая, глупая Каролла! Как ты могла так ошибиться? Стена, воздвигнутая мною перед ним, чтобы себя обезопасить от

посягательств, была уверенно снесена лишь для того, чтобы сейчас, выявив его истинную сущность, быть воздвигнутой вновь. И чтобы лишний раз доказать мне, что я его совсем не знаю. Монстр, демон, дьявол. Даже хуже.

Оставшись в комнате одна и чувствуя, что по ногам стекает его семя, смешанное с моей кровью, я даже не могла рыдать. Удивительно, правда? Но слезы так и не коснулись глаз. Была лишь боль, жгучая, острая, изысканная боль, нанесенная Князем в отместку за что-то. Самым странным и смешным было то, что я не знала, чем заслужила подобное отношение к себе. Что я сделала не так? Чем разозлила его? Или, может, он сделал это просто так, потому что ему захотелось поизмываться надо мной? Вновь проверить на прочность? Что ж, теперь он, очевидно, остался доволен результатами.

Кое-как поднявшись на ноги, я двинулась к кровати. Боль отдавалась в теле при каждом движении, но я, стиснув зубы, терпела. Взгляд упал на веревку, которую мне дала Лейла, чтобы перевязать тюки с одеждой и отдать их нищим, когда те придут попрошайничать. Я осторожно присела на краешек кровати и поправила на себе одежду. Свела ноги, чтобы не видеть пятен крови и свидетельства его удовольствия. Подонок!

Может, повеситься? мелькнула в голове сумасшедшая мысль при повторном взгляде на веревку. Может, тогда он успокоится? Но смерть была слишком легким решением проблемы. Я не доставлю ему подобного наслаждения! Хотел меня сломать, подавить, унижить, показать, что я слабее? Сегодня лишний раз доказал, что я рабыня? Так я об этом никогда не забывала! Каждый гребаный день, когда просыпалась в своей камере и, оглядываясь по сторонам, вспоминала, где нахожусь, я знала, кем являюсь теперь. Не мирилась с этой мыслью ни на минуту, но прекрасно осознавала, что происходит. Напоминать мне об этом... таким образом не стоило. Хотя, Князь, кажется, думал иначе. Вот и показал, что к чему.

Ненавижу его! Ненавижу! Но больше, чем его, я ненавижу себя. Как я могла хоть на секунду подумать, что он лучше и... благороднее, чем кажется? Как я допустила до себя эту мысль? Как... доверилась?..

Я все же едва слышно заплакала, сжимая пальцами покрывало. Приподнявшись, попыталась лечь, но боль напомнила о себе в тот же миг. Я, скрипнув зубами, резко откинулась на подушки. Хотелось смыть с себя всё, что произошло, стать чистой и не раненной, такой, как была часом раньше. Но реальность больно била в лицо, напоминая о том, чему не дано будет случиться. Никогда.

Я убегу, решительно забилась в сознание глубокая, мучительная мысль. Убегу от него! Он сказал, что не отпустит, что найдет и отправит в колонию, если я ослушаюсь... Что ж, всё лучше, чем находиться здесь. С ним. С демоном и чудовищем! Лучше смерть. Да, лучше так, чем быть здесь.

Отвернувшись к стене лицом, я закрыла глаза и обхватила себя руками, будто меня бил озноб. Почему-то вдруг стало холодно и пусто. Одиноко и темно. Сердце глухо и сильно стучало в груди, а вот дыхание едва можно было различить. Я сжалась на кровати комочком и не пошевелилась, даже когда Лейла пришла за мной. Она тихо позвала меня, но я не ответила, продолжая вздрагивать. Она оставила меня в покое.

Я убегу. Я решила, убегу. Он сказал, что не смогу? Смогу, господин Кэйвано! Смогу, вот увидишь. Ты же растоптал мои иллюзии, значит, и я смогу удивить тебя. Убегу! Я не позволю тебе больше... не позволю тебе... Никогда!.. Слышишь, не позволю!..

Слезы коснулись глаз, и я прикусила губу, чувствуя на языке привкус крови.

Завтра. Завтра я стану свободной от него. Потерпеть, совсем немного потерпеть. Я

смогу, выдержу. Чего только не выдержит человек, перед которым маячит хотя бы отблеск надежды на светлое будущее?

С мыслью о ненависти и побеге я заснула.

А на следующий день, к удивлению Кароллы, в Багровом мысе появился гость. Она видела его всего несколько раз, он приезжал в замок к Штефану, а так же присутствовал на Совете в числе важных персон. Его звали Димитрий Мартэ. Аристократ, дворянин, по всей видимости, друг Кэйвано, а так же личность, имеющая явный и ощутимый голос во Второй параллели. Это девушка поняла быстро, потому что еще во время Совета заметила, что он держался с Князьями, как с равными, открыто и статно. Она была поглощена своими планами, намерением поговорить с Кассандрой, но его выделила из толпы. Он ей даже понравился. Немного, совсем чуть-чуть. Ведь он тоже был одним из них, — тех, кто поработил других. Таким, как демон.

Когда он приехал, девушка была в саду, срезая розы в гостиную а, увидев подъехавшую к парадному входу машину, взглянула на прибывшего незаинтересованным, безразличным взглядом. Никто и ничто, никакое непредвиденное обстоятельство не должно было помешать ее побегу. А этот гость... странный он, осматривается, когда идет, немного прихрамывает на правую ногу, сцепив руки за спиной, головы не опускает, гордо вскинул подбородок. Высокий мужчина, не худощавый и не плотный. Темноволосый, с выразительным острым взглядом. На вид ему можно было дать лет пятьдесят.

Каролла даже не заметила, что рассматривает его, до тех пор пока мужчина не обернулся к ней, тоже ее внимательно рассматривая. Она замерла, слышала, как стучит в груди сердце, отбивая чечетку.

Он легко ей улыбнулся, поприветствовал кивком головы, и Каролла смутилась. Может, перепутал с кем-то? Оглянулась, проверяя, нет ли кого-то рядом, кого бы он мог поприветствовать. Но позади нее никого не было. Зачарованно глядя на мужчину и на то, как он приближается к ней, девушка улыбнулась в ответ.

— Хорошая погода, вам не кажется? — спросил Димитрий, приблизившись к ней. — Уже совсем лето.

— Ммм... да, пожалуй, — смутилась Каролла, опустив взгляд.

— А вот настроение у вас не очень, — нахмурившись, утверждая, а не предполагая, заявил аристократ. — Я прав? — всевидящий взгляд, казалось, проник в нее.

Каролла неопределенно пожала плечами, ничего не сказав.

— Я вас никогда не видел, — осматривая ее сощуренными глазами, проговорил мужчина, — вы давно здесь?

— С осени.

Он помолчал, всё еще внимательно глядя на нее. И Кара не могла произнести ни слова.

— Вы рабыня, — сказал Димитрий Мартэ.

Кара горько усмехнулась.

— А кто же еще? У Кэйвано тут никто больше не задерживается.

Она понимала, что дерзость была лишней, но не могла сдержаться. Нервничала, злилась, негодовала, волновалась перед побегом. А тут этот Мартэ! Извиняться не стала. Да Димитрий и не ждал от нее этого.

— Штефан умеет заводить приятные знакомства, — усмехнулся он.

Кара молчала, не зная, что ответить, да и стоит ли что-то говорить, а он, будто

опомнившись, поспешил прочь. Забыв о том, что даже не спросил у девушки ее имени.

Штефан, увидевший из окон кабинета подъехавший автомобиль друга, встретил Дмитрия в гостинной, поприветствовал без тени улыбки на лице. Мужчина хмыкнул, вскинув брови.

— Плохое настроение? — поинтересовался он, не надеясь на ответ.

— Да, — пробурчал Штефан. — Я рад, что ты приехал. Я бы хотел с тобой поговорить.

— Об Исааке?

— О том, что за чертовщина вокруг меня происходит, — холодно процедил Штефан и повернулся к другу спиной, бросив: — Пошли в кабинет.

Дмитрий Мартэ и Штефан были давними друзьями. Даже несмотря на то, что первому по людским меркам было за пятьдесят, а второму чуть больше тридцати. Непонятно, как они сдружились, но это случилось. После оглашения завещания Бернарда Кэйвано, по условиям которого Штефан признавался единственным наследником рода, именно голос Дмитрия Мартэ сыграл решающую роль в постановке точки в этом вопросе. Дмитрий всегда плевал на то, что говорят о Штефане другие, он не верил слухам, он не тешил слух байками и россказнями, он просто поступал так, как считал нужным. И он точно знал, что не ошибся, когда, поддерживая Штефана, поставил свою подпись на документе, подтверждающем его истинное положение и законное право княжеского трона. Дмитрий Мартэ имел весомый голос в кругах Совета, в пределах всей Второй параллели, и с его мнением считались. Дворянин, истинный аристократ, справедливый правитель и жесткий организатор. Всем вокруг было известно, что его поддержка — синоним защиты, а слово — железно и непоколебимо. Поэтому, когда в день Совета решался вопрос о присуждении Штефану права трона Князя, слово и поддержка Дмитрия Мартэ сыграло свою роль. Существенную роль. Конечно, титул достался Штефану по закону, но авторитет Мартэ был велик. С ним не могли не считаться. А подобного Штефан никогда не забывал.

— Исаак хочет убрать тебя с трона? — напрямую спросил Дмитрий, едва они вошли в кабинет. — Мы не успели поговорить во время Совета, извини. Так что?

Штефан прошел к столу и наклонился над ним, не глядя на друга.

— Да он спит и видит, как бы выбросить меня на помойку и заграбастать себе Багровый мыс и трон!

— Думаешь, это он? — после секундного молчания спросил Дмитрий, подойдя к другу со спины.

— Сомневаться не приходится, — рыкнул Штефан, резко повернувшись к нему. — Я нутром чую, что это его рук дело, а доказать, мать его, ничего не могу! — мужчина выругался, сверкнул глазами. — Он умело замечает следы, в этом ему не откажешь! Но я знаю, — ударил он по столешнице, — знаю, это он!

— Тиши, успокойся, — совершенно без эмоций проговорил Дмитрий, тронув друга за плечо. — Пойдем-ка, покатаемся. Ты мне всё расскажешь. А заодно и пообедаем, я, честно говоря, проголодался.

Штефан сдержанно кивнул, пытаясь заглушить в себе ярость, нахлынувшую волной при воспоминаниях о дядюшке.

— Тебе нужно иметь холодную голову на плечах, — заявил Дмитрий, открывая перед Кэйвано дверь, — не стоит пороть горячку. Исаак, если это действительно он, только и ждет, когда ты ошибешься. А ошибешься ты только в случае, если, как сейчас, не будешь держать себя в руках. Хладнокровие и расчет, вот залог победы, — заявил Дмитрий, выходя за

другом из комнаты.

— До сих пор не пойму, — сказал Штефан, остановившись в дверях и заглянув Мартэ в глаза, — почему ты тогда поддержал меня, а не Исаака? Он, по всем канонам должен был бы стать Князем.

— Но ведь ты — единственный наследник рода, — мягко упрекнул его Димитрий. И Штефану показалось, что он знает гораздо больше, чем говорит или показывает.

— Многие в этом сомневались в свое время, — сказал Штефан, задумчиво сощурившись. — Но не ты.

— Не я, — согласился Димитрий, наклонив голову. — Это потому, что я всегда знал правду, — хитрый взгляд щекотал нервы, но Штефан не дрогнул, а друг добавил: — Ты истинный Кэйвано.

Штефан ничего не ответил, приказав Лейле не накрывать на стол сегодня и предупредив ее, что приедет после обеда, он вместе со своим другом умчался из замка.

Вернулся в четыре, спустя пять часов. Не сказать, что полностью довольный, но удовлетворенный, это точно. Димитрий обещал помочь в поисках доносчиков, подключив своих людей. А эта помощь, как и его поддержка на Совете много лет назад, была поистине неоценимой.

— Мы выведем их на чистую воду, — решительно уверял Мартэ, когда они входили в гостиную замка Кэйвано. — Невозможно работать чисто всегда, рано или поздно что-то сорвется, кто-нибудь да проколется. И тогда мы будем готовы, чтобы повязать их по рукам и ногам.

— Я знаю, что поймаю эту гниду, — выдохнул Штефан с плохо скрываемой яростью, — а когда поймаю...

— Пожалуйста, без подробностей, — усмехнулся Димитрий. — Вообще-то, я заехал, чтобы забрать машину.

— Не выпьешь чашку кофе? — предложил друг. — Не хотелось бы показаться негостеприимным хозяином.

Димитрий вновь усмехнулся.

— А ты и не кажешься. В библиотеку? — и, не дождавшись ответа, направился в комнату.

Штефану оставалось только хмыкнуть, не обозлившись, а усмехнувшись подобной дерзости, и, отдав приказание промелькнувшей мимо него с каким-то испуганным лицом служанке, чтобы она принесла кофе в библиотеку, последовать за ним. Странно, что это с ней, подумалось ему. Вроде, не зверствовал сегодня. А вообще, правильно. Пусть боится. Именно страх внушает уважение.

Когда дверь за ним закрылась, Димитрий сказал:

— Мне кажется, или у тебя еще что-то произошло?

Штефан застыл, на лице маска из смеси холодности и безразличия.

— С чего ты взял? — надеялся, что проницательный друг не заметил, как он невольно сжал руки в кулаки.

— Ты нервный, — пожал плечами Димитрий Мартэ. — И, уверен, не только в Исааке дело. Расскажешь?

Князь Четвертого клана взглянул на мужчину, наклонив голову набок, будто на что-то решаясь. Есть ли смысл в том, чтобы делиться... личными переживаниями с другом? Сможет ли он понять, ведь сам Штефан с трудом понимал, что происходит? Поймет ли,

примет ли, не осудит ли? А чем сможет помочь?..

Стук в дверь отвлек его от правильного ответа, и Штефан, выругавшись, позволил стучавшему войти.

На пороге возникла фигура Максимуса. Лицо волевое, лишённое эмоций, но что-то блеснуло в глубине черных глаз, что уловил Штефан и вмиг напрягся.

— Что-то случилось, Максимус? — приподняв подбородок, спросил Кэйвано. — У меня гость, видишь ли...

— Случилось, господин, — отважился перебить его Ищейка, чем насторожил Штефана ещё больше. — Произошло непредвиденное. Я знаю, что я виноват во всем, — каялся мужчина, продолжая ходить кругами, и не называя вещи своими именами. — Только я виноват. Я не уследил. И я готов понести заслуженное наказание. Любое, какое только вы можете... предложить мне.

— Что. Случилось. Максимус? — выделяя каждое слово, выговорил Штефан сквозь зубы, подходя к слуге, почти нависая над ним, хотя роста они были почти одинакового.

— Кара, господин, — тихо, но твердо произнес Максимус, а Штефану уже сносит крышу.

— Что с ней?! — вскричал Князь, подскочив к Ищейке и не обращая внимания на то, с каким изумлением смотрит на него Димитрий, раскинувшийся в кресле.

— Она... убежала.

Кажется, Штефан не понял его с первого раза. Или не осознал до конца смысла слов.

— Что-о?!

— Я не уследил... — проговорил Ищейка, стиснув зубы. — Я понимаю, что виноват, и что...

— Как это произошло?! — зарычал Кэйвано. — Когда вы узнали?!

— После обеда. Ее никто не видел после часа дня, — сказал Максимус. — Она убиралась в комнатах, а потом по указанию Лейлы работала в саду, и...

— Найти немедленно! — вскричал Штефан. — Вернуть в замок живой! Головой отвечаешь за нее, — прошипел Кэйвано, угрожая немедленной расплатой за неповиновение. — Ты меня понял? — Максимус кивнул. — Тогда выполняй!

Ищейка задержался всего на секунду, будто желая сказать что-то еще, но потом, так и не произнеся ни слова, кивнул и стремительно покинул библиотеку.

А в мозгу Штефана до сих пор вертелось одно: убежала, Кара убежала. Отважилась на побег. И убежала. Как она посмела? Как она смогла?! И время удачно выбрала, пока его в замке не было. Но камеры должны были засечь, как она передвигалась и куда. И кто ей помогал. А в том, что она не обошлась без чьей-то помощи, Штефан не сомневался.

Блеск серо-голубых глаз был ужасен, он предвещал бурю. На мгновение Штефан забыл, что находится в комнате не один. А опомнился, лишь когда друг неуверенно кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Извини, — холодно проронил Штефан, поджав губы. — Проблемы.

— Рабыня? — приподнял брови Димитрий.

— Своевольная упрямая девчонка! — зло чертыхнулся Кэйвано себе под нос. — Рабыня, черт ее побери!

— Так хороша, что ты не желаешь ее... хм... отпустить? — сощурился друг.

— Никто и никогда не уходил от Кэйвано, — сквозь зубы прошипел Штефан, налил себе виски и отхлебнул из стакана, даже не поморщившись от его горечи. — Не будет этого

и теперь.

— И это, — наклонившись к нему, проговорил Димитрий, — единственная причина?

Штефан посмотрел на него со смешанными чувствами недопонимания и раздражения. Что это, б***, означает?!

— Признай, что для тебя на самом деле значит эта женщина, — сказал Мартэ, отстраняясь. — И не допусти, чтобы она превратилась в кого-то большего, чем просто раба, — прямой, немигающий взгляд глаза в глаза. Твердый и решительный. Вызов. Совет. — Ты знаешь, к чему это может привести, не хуже меня.

Штефан промолчал, сильнее стиснув зубы. Стекло стакана задрожало под напором его пальцев.

— Значит, вот что случилось, — проговорил Димитрий, внимательно разглядывая лицо своего собеседника. — Случилась она. Так?

Димитрий вдруг вспомнил о девушке, которую встретил в саду. Он почти не сомневался, что это она. И появилась она в замке осенью. Не красавица ведь, а вот что из-за нее произошло. Хотя... было в ней что-то, подумал Димитрий Мартэ. Воля, сила, стать, нечто неуловимое, но ощутимое. Будто она знала, что находится гораздо выше того положения, которое ей досталось.

Штефан промолчал. А потом резко, словно выплюнул:

— Она не случилась, — отпихнул от себя стакан и упрямо прорычал: — Ничего не случилось. Всё, как прежде!

— Если что-то пойдет не так, — Димитрий тронул его за плечо, — ты должен быть готов к последствиям, — Штефан стиснул зубы так сильно, что на скулах заходили желваки, а Мартэ добавил: — Ты готов к этому?

Штефан промолчал. Сказать было нечего.

Ситуация выходила из-под контроля.

22 глава

Сила и слабость

Вечером пошел дождь. Сильный, хлесткий, но довольно-таки теплый, по-настоящему весенний, даже уже летний. Я всегда любила именно такие дожди, пропитанные теплой негой наступающего лета. Я помню, в детском доме все смеялись, когда я, едва завидев первые признаки дождя, выходила на улицу и, глядя в грозовое небо, начинала танцевать под аккомпанемент дождевых капель, отбивающих мелодичный ритм на асфальте. Когда жила в Праге, всегда выходила на балкон своей квартирki в одном из не самых лучших районов города, но заработанной своими силами, и смотрела на то, как косые струи начинавшейся бури захватывают меня в тиски. Теплые, влажные, сладкие тиски свежего безумства. Я не танцевала, нет. Выросла, наверное, а может, устала казаться безумной и не такой, как все. Но душа моя всегда смеялась и танцевала, в то время как тело противилось телесным инстинктам.

— Смотри, — невольный звонкий смех срывается с женских губ, — она радуется дождю.

— Совсем, как ты, — улыбается стоящий рядом мужчина.

— Она может простудиться, — беспокоится женщина, тревожно глядя на девочку.

— Нет, — обнимает ее и заглядывает в тревоженные зеленые глаза. — Она очень сильная.

А черноволосая малышка, не обращая внимания на застывших в нескольких шагах от нее, под крышей беседки, мужчину и женщину, продолжает кружиться вокруг себя, приподнимая подол платица, босиком, по траве. Танцует и улыбается. Немногословная, беззаботная и невероятно счастливая.

Сейчас не хотелось танцевать. И для улыбок повода не было. Зато был десяток поводов глотать слезы от боли и заламывать руки в бесплотной попытке успокоиться и уговорить себя бежать дальше. И я бежала.

Единственной мыслью, которая была в мой воспаленный мозг, была мысль о побеге. И, наверное, если бы не урчание в желудке, как напоминание о том, что я давно ничего не ела, я бы чувствовала себя больше, чем хорошо. Конечно, тело болело нещадно, хотя боль и притупилась, стала менее ощутимой. Или я просто не обращала на нее внимания? Но я продолжала с не рабским остервенением рваться вперед. К свободе. Я была уверена, что там, где брезжит свет надежды, меня ждет новое будущее. Где я не буду рабой.

Ощущая, как от голода начинает скручивать желудок, я пожалела, что, убегая,хватила с собой лишь кофту, булку и пару яблок, которые съела еще вчера. Сейчас, спустя почти сорок три часа с момента, как я убежала, физиология отчаянно давала о себе знать. Две ночи на открытом воздухе, под иссиня-черным небом, которое давило своей беззвездной тяжестью, будто готовое вот-вот опрокинуть на меня божью кару. Лес, кишаций животными и остервенелыми птицами, норовившими подобраться ко мне ближе, не казался столь дружелюбным, а потому не дал мне нормально вздремнуть. Все две ночи, что мне, скрывающейся в лесной чаще, пришлось провести среди густо поросших деревьев и зверья, я

спала четыре-пять часов.

Отчаянно скручивающийся от голода желудок пришлось успокоить, уговаривая себя скорой наградой. В детском доме мне тоже приходилось терпеть лишения, когда завистники и недруги подмешивали стекло мне в кашу или бросали канцелярские кнопки и скрепки в суп. Приходилось запасаться булками, которые от долгого хранения в ящике стола превращались в сухари, а потом грызть их, налегая на хлеб зубами. Порой эти припасы и спасали меня от голода. Воспитателям я ничего не говорила под угрозой скорейшей расплаты от других воспитанников, мысленно недоумевая, почему они меня так не любят. Они говорили, что я не такая, как они, что не имею права с ними играть, общаться и дружить. А воспитатели уговаривали, что я просто «не от мира сего» и дети это чувствуют. Наверное, они были правы. И мне приходилось терпеть подобное отношение к себе окружающих.

Сейчас, в девять часов утра, когда горизонт уже был охвачен золотистым сиянием взошедшего солнца, прошло уже больше сорока трех часов с момента, как я покинула Багровый мыс. С момента, как убежала. И лишь эта мысль заставляла меня улыбаться. Я убежала от самого Штефана Кэйвано! Где это видано. Но я смогла сделать это. Не без помощи других и по воле случая, но все-таки... Смогла! А он пускай кусает локти оттого, что из-под его носа ускользнула обычная рабыня!

Воспользовавшись отсутствием Князя, отвлеченного приехавшим к нему другом, я действовала быстро и продуманно. Или почти продумано. План побега не был тщательно организован или продуман, но шанса, чтобы привести его в исполнение, могло и не представиться, а потому я решила рискнуть. Вопреки всему и даже здравому смыслу, который неистово орал, что я еще поплачусь за столь необдуманный поступок, что смерть моя будет долгой и мучительной, что я идиотка, раз решила играть с огнем — со Штефаном Кэйвано, то есть, но я все же решилась на побег. И, к своему удивлению, нашла соратника в этом вопросе. Анатолий.

Уговорить его открыть мне ворота не составило труда. По чести сказать, мне было немного жаль, что я оставляю его в замке Кэйвано, потому что мы действительно стали хорошими друзьями. Эх, если бы иная обстановка, другое время, место... обстоятельства другие! Если бы не Штефан Кэйвано! Всё могло бы закончиться более чем хорошо. Но не закончилось.

Мне пришлось убежать одной, эгоистично оставляя Анатолия в Багровом мысе расплачиваться за помощь и содействие в моем побеге.

И только после того, как место моего многомесячного заключения осталось позади, я осознала, НА ЧТО толкнула своего нового друга. Картинки одна ужаснее другой вставали перед глазами, как только я представляла, что сделает со своим слугой, когда узнает, что именно он помог мне бежать. А в том, что Кэйвано узнает личность моего сообщника, я не сомневалась. Вопрос времени. Это всего лишь вопрос времени. И про ворота узнает, и про камеры наблюдения, и про ложь, сказанную им охранникам. Уж они-то точно выдадут Анатолия с головой! И тогда... тогда я пожалею о своем поступке еще больше.

— Ты молчалива сегодня, — сказал мне друг в день моего побега. — Что-то случилось?

— Да нет, — покачала я головой и решила улыбнуться. — Готовлю план побега. Поможешь?

Я сказала это просто так, решив пошутить. Кто шутит подобными вещами в логове зверя? Но Анатолий воспринял мои слова вполне серьезно.

— Помогу! — совершенно откровенно заявил он. — Может, ты и права, — задумчиво кивнул он. — Князь не успокоится, пока не сломит твою волю.

— Так ты... ты что, поможешь мне бежать? — уставилась я на него.

— Да, — просто улыбнулся он.

И он, действительно, помог. Отвлек охранников и открыл ворота, уничтожил пленки видеонаблюдения за входом, сделал всё для того, чтобы не хватились еще пару часов, уговаривая Лейлу, что видел меня в саду, когда та меня искала. Он подставлял себя ради меня. Какая неоценимая услуга!

— Пойдем со мной, — уговаривала я Анатоля. -

— Я не могу, — грустно улыбнулся мужчина. — Мне не тридцать, Кара... Мне шестьдесят три, — заметив мои округлившиеся глаза, он сжал мою ладонь. — Как только я перейду грань, годы возьмут свое. Зачем тебе старик на плечи? Лишний груз!..

— Не говори так! Мы можем...

— Не можем, Кара, — возразил он. — Тебе нельзя оставаться за гранью, ты должна перейти черту. Во Второй параллели тебя найдут в два счета, а там... за гранью, есть хоть какой-то шанс, что ты скроешься.

— Неужели всё так... опасно?

— Пока ты не перейдешь грань, шансов спастись, у тебя практически нет. Тебя вычислят по метке. Но как только перейдешь черту, беги. Каждый переход через грань фиксируется Пограничными силами, но за гранью... в твоей родной параллели, тебя вычислить будет намного сложнее. И помни, что твоя Прага и Прага за гранью — один и тот же город, — Анатолий давал наставления, а я слушала его с замиранием сердца, — ты можешь столкнуться с Ищейками Князя или с ним самим. Но, чтобы вернуть тебя назад, им придется вновь перевести тебя за грань. У тебя будет время, а это самое главное в борьбе с ними. На этот раз оно будет играть на твоей стороне. Как только попадешь домой, уезжай из города, они найдут тебя.

— Что же, — спросила я, — мне теперь всю жизнь придется бегать? Скрываться, лгать?..

— Вероятнее всего, да, — опустил глаза Анатолий. — Но ты станешь свободной, оно того не стоит?

Стоит, конечно, стоит! Но скрываться, прятаться, лгать окружающим всю жизнь!.. Убегать... Превратить всю свою жизнь в вечный побег от опасного порабощителя. Готова ли я пойти на это?

— Как только я открою ворота, ты должна оказаться там, — сказал Анатолий. — Всего на две минуты, Кара. Если опоздаешь, всё сорвется. Выскользнешь из замка и пойдешь к лесу, там тебя сложнее будет найти. Ближайший город находится в ста трех километрах, на машине ехать около двух часов, но пешком... скрываясь в лесу и не выходя на дорогу, ты сделаешь «крюк». Попадешь туда только к вечеру второго дня, — перспективы не радуют. — Но помни, что и там тебе нельзя верить всем подряд. Есть те, кто знает о Второй параллели, а есть те, кто примет тебя за сумасшедшую, потому что живут в твоей реальности и через грань не переходили, — поцеловав меня в щеку, он шепнул. — Будь осторожна. И, пожалуйста, выживи...

Я благодарила его, не уставая. Не спрашивая о причинах помощи, не интересуясь мотивами, а когда он открыл ворота, я выполнила всё так, как он и говорил. А сейчас... сейчас в мозг билась отчаянная мысль...

Что я наделала, подставила его!? Собственноручно отправила его на плаху.

Угрызения совести вмиг взяли свое, вынуждая то и дело оглядываться, гадая, что происходит в замке, и как там Анатоль, и заставляя себя двигаться вперед — к свободе, а не, следуя уверениям сердца, вернуться в замок, чтобы защитить Анатоля от руки карателя. Не уверена, что с ним всё будет хорошо. И я буду виновата в его несчастье! Почему я не подумала об этом раньше?! Почему не осознала, что подставляю его перед Штефаном?! Ведь Князь не простит, не забудет, он будет мстить, и возмездие будет беспощадным.

Нужно было остаться. Изначально не нужно было втягивать во все это дело Анатоля, это были лишь мои проблемы и заботы, мне нужно было самой всё решить! Нужно было... Но как? Как бы я справилась одна? Без Анатоля я бы не вышла и на территорию, прилегающую к замку! И он сам предложил мне помощь...

А теперь он будет платить по моим счетам! Боже, за что?..

Закрыв лицо руками, я присела в траву, поджав ноги.

Как мне теперь искупить эту вину? И смогу ли я сама себя простить? Верно, что Анатоль сам предложил мне помощь, но я должна была, обязана была подумать, что с ним будет потом. За эту самую помощь! Как карается попытка побега? А сам побег? А что сделает Князь с сообщником побега, оставшимся на месте «преступления»? Страшно представить.

Нужно отбросить прочь эти мысли! Нужно встать и идти дальше, как велел Анатоль. Сам он просил о себе не волноваться, он справится. А я не должна его подвести. Мне нельзя возвращаться в замок.

Оставалось надеяться, что я смогу найти и другую помощь по дороге. Обратиться в полицию? А смысл? Меня вмиг отправят назад к Кэйвано, уверена, что в этом плане у него всё схвачено. Да и вообще, есть ли здесь, во Второй параллели, хоть один человек, которому я смогла бы довериться? Что там говорила Лейла об этой действительности, что я прочитала в Книге, о чем меня предупреждал Анатоль? Люди, живущие на территории Второй параллели, могут даже не подозревать, где находятся. Ведь, только перейдя грань, они оказываются заложниками этого мира. А это значит... мне нужно найти того, кто не подозревает о том, на чьей территории он живет! Кто не знает о Второй параллели, тот мне и поможет!

Но как выяснить, знает он о существовании этого мира, или нет. Подойти и спросить в лоб? Отошлют в психушку, а то и того хуже — в полицию, откуда я попаду прямо в руки Кэйвано. Намеками и наводящими вопросами узнавать правду? Как вариант, вполне подходит. Вот только, найти бы теперь в этой глуши хоть кого-то! За все время, что скрывалась от Кэйвано и его людей, которых, я была уверена, он уже пустил по моему следу, мне не встретился ни один человек! Замок Князя располагался в отдалении от города, в лесостепной полосе, а потому, нырнув в чащу, я всю ночь провела среди деревьев. И только к утру вышла к дороге, остерегаясь быть схваченной и оглядываясь по сторонам. Двигаться нужно было осторожно, не привлекая к себе внимания, потому что вероятность наткнуться на Князя и его людей была огромной.

Что я чувствовала к Кэйвано, не описать словами. Боль, негодование, ярость, злость, ненависть, апатия. Все это смешалось и билось из меня через край. Но боль телесная не шла ни в какое сравнение с тем, что чувствовала моя душа. Внутри меня всё рвалось на части от негодования.

Как он мог так поступить со мной? А главное — за что?! В чем я провинилась? Ведь он

так и не объяснил причины! Это было насилием, — он совершил насилие надо мной, акт вандализма. И, кажется, считал, что имеет все права на это. Хотя, если посмотреть на всё с другой стороны, предательски шептал внутренний голос, то он и был в праве делать это, делать со мной всё, что угодно. Он — хозяин, я — рабыня. Другое дело, что я не могу простить подобного! Но задумывался ли он об этом? Волнует ли это вообще, что чувствует к нему рабыня? А я чувствовала боль... тупую боль предательства и отчаяния.

Я ненавидела себя за слабость. За то, что поддалась голосу сердца, которое едва слышно шептало мне: он не такой, он другой. Побесится и перестанет, на то он и Князь. Не перебесился, не перестал. Отомстил мне за что-то, выплеснул на меня всю свою ярость и злость. Я стала лишь пешкой, разменной монетой, игрушкой для битья и игры в наслаждение и боль. Насилием заставил подчиниться и подтвердить мое положение перед ним. Он всевластен, ему всё дозволено, он имел на это право. Согласна. Но поруганное и попранное доверие вернуть очень трудно. И те зачатки чувств, добрых чувств, что зарождались во мне к нему, угасли, умерли на корню, загнили и уничтожились. Перед моими глазами предстал Штефан Кэйвано — монстр и дьявол, не способный к жалости, состраданию и объяснению своих поступков. Это был жестокий правитель, деспот и тиран. Такой, каким его и рисовали окружающие. Тот, кого я не разглядела сразу за личиной благородной добродетели. Которую сама себе и нарисовала.

Странно только, что он еще не напал на мой след. Неужели нюх потерял? Хотелось рассмеяться. Я знала, что он найдет меня. Рано или поздно. Но лучше уж поздно, когда я смогу выбраться из Второй параллели и рассказать правду тому, кто мне поможет. Не будет же он, в самом деле, открыто мне угрожать при свидетелях!? Или будет?.. На что он сможет пойти? На что он уже шел, чтобы вернуть беглого раба? Я не знала, каков предел его власти. И есть ли вообще этот предел. Что, если власть его безгранична? Такое возможно?.. Тогда мой побег забавное недоразумение, бесплотная попытка обмануть саму себя? Лишь длинный, долгий, утомительный путь домой — для того только, чтобы потом вернуться в замок Князя на место рабыни?!

Стиснув зубы, я поднялась с травы и упрямо двинулась дальше. Не время жалеть себя, нужно убегать.

Как долго мне еще предстоит идти, чтобы напасть на след цивилизации? Я даже не знала, где нахожусь! Когда я жила в Багровом мысе, даже не знала его местоположения. Как же быть? А что, если я вообще не в Чехии? В чужой стране! Почему я не спросила об этом Анатоля? Если бы я знала хотя бы приблизительно, где нахожусь... Если бы мне кто-то мог помочь, подбросить до города...

И тут Бог будто услышал мои молитвы, вдалеке на дороге показался черный автомобиль, маленькой, постепенно увеличивающейся точкой возникая передо мной.

Я застыла, ни жива ни мертва. Люди Штефана? Меня нашли? Всё, закончена моя попытка к бегству? Что делать? Я метнулась к кустарнику, заслонившему бы меня от глаз водителя автомобиля. А машина тем временем приближалась, надвигаясь на меня несокрушимо и неизбежно. Сердце бешено застучало в груди, отдаваясь острой болью в ушах и запястьях. Я сжала руки в кулаки.

Почему я не убежала, ведь инстинкт самосохранения должен был сработать и увести меня отсюда!? Вместо того чтобы ринуться назад в лес, я придыханием и дрожью в теле наблюдала за тем, как машина медленно останавливается на обочине, в нескольких десятках метров от меня, дверцы распахиваются, и из салона выбираются трое мужчин.

Я прищурилась, всматриваясь в их фигуры и лица. Незнакомые мужчины. Один был ниже остальных, но, по всей видимости, на его авторитет в компании это не влияло, потому что держался он прямо и гордо.

Не обращая внимания на то, что кто-то мог стать свидетелем их стоянки, они разговаривали между собой, смеялись и шутили.

Помогут они мне, если я попрошу их о помощи? А если они не говорят по-чешски?

Эх, была не была. На убийц они не похожи, вроде бы. Да и на маньяков тоже...

Но не успела я додумать эту мысль до конца, как, оглушенная тишиной, застыла, поняв, что неосознанно выбралась из своего укрытия и теперь находилась перед незнакомцами, как на ладони. Один из них заметил меня и теперь стоял, широко расставив ноги, с засунутыми в карманы брюк руками. Смотрел прямо на меня, не отрывая взгляда.

— Эй, гляньте-ка, что у нас там, — крикнул он своим приятелям. По-чешски! Он говорит по-чешски! Только это имело сейчас значение для меня, и я, не задумываясь, правильно ли поступаю, игнорируя красный огонек опасности, включившийся на полную мощность, медленно направилась к ним.

Мужчины, теперь уже все трое, смотрели на меня. Наклонив головы, с интересом меня разглядывая.

— А ничего так, симпатичная, — услышала я голос одного из них.

— Пожалуйста, помогите мне, — прошептала я, кинувшись к мужчинам. В мозгу билась отчаянная мысль о спасении и гибели, но я не обращала на нее внимание. Они говорят по-чешски, и они могут помочь мне! Это не люди Кэйвано, раз так развязно себя ведут. Сомневаюсь, что Ищейки Князя останавливались просто так на дороге и хохотали над какой-то шуткой. А эти... эти...

Я застыла на месте, когда лица двоих из троицы скривились, приобретя, поистине, звериный оскал.

Красный огонек опасности обжигал глаза. Сердце бухнуло куда-то вниз, а руки задрожали. Идиотка!

— Сама в ручки к нам пришла, — оскалился один из мужчин, и у меня внутри все перевернулось.

Это не спасение, — это гибель. Но не от рук Князя Кэйвано, а от рук насильников!

Идиотка, что же ты наделала?! Какая же ты идиотка!

— Кажется, я ошиблась, — пробормотала я, начиная отступать.

Убежать, толкалась в мозг спасительная мысль. Убежать!

— Почему же ошиблась, детка, — усмехнулся один из незнакомцев, — очень вовремя ты нам попалась.

Я продолжала пятиться. Главное, добежать до кустарников, там я смогу скрыться. Смогу спрятаться!

Я читала по их лицам все мысли, что мелькнули в них. И желания помочь среди них не было. Зато желание приятно провести время с заблудившейся в чаще девчонкой...

Вскрикнув, я бросилась бежать. Быстро, очень быстро... Но ноги почему-то перестали слушаться, когда от леса оставались считанные метры. Я боролась с собой, заставляя бежать, двигаться дальше, адреналин толкал меня вперед, но усталость бессонных ночей дала свое, и уже через минуту я стала задыхаться.

Меня нагнали очень быстро, прижав спиной к мужскому телу. В груди не осталось даже крика, чтобы возмутиться, сил, — чтобы вырваться, сопротивления, — чтобы бороться. Я

стояла в их руках беспомощной куклой, а в груди, скрутившись в тугой комочек, тревожно билось сердце.

— Куда же ты засобиралась, малышка? — зашептал мне на ухо угрожающий голос. — А как же поиграть?

— Отпустите меня! — смогла-таки выкрикнуть я, прежде чем мне закрыли рот ладонью, и второй негодай, подскочив к нам, не ударил меня наотмашь по лицу.

В глазах потемнело, желудок скрутило, и я почувствовало, что у меня закружилась голова. Я попыталась вырваться, но меня вновь ударили, сильнее и ощутимее, уже не по лицу, а в живот. Я согнулась бы, если бы меня не удержали крепкие мужские руки одного из негодаев.

— Не вынуждай меня применять силу, детка, — зашипел один из них мне в лицо.

Но я боролась так отчаянно и неистово, как дикая кошка, будто в меня вдохнули жизнь. Но за каждый новый толчок, за каждое движение-сопротивление меня ударяли вновь и вновь. Боли я не чувствовала, она будто атрофировалась, а вот липкий влажный страх сковал меня по рукам и ногам, вынуждая бороться за свое надруганное тело. Перед глазами возникла иная картинка... Штефан Кэйвано рядом со мной. Он тоже принуждал меня к этому. Но не так. Не так!

— Не рыпайся, с***! — заорал один из насильников, когда я попыталась вырваться вновь. — Стой, б***!

Кожу лица обожгло острой болью, а тело вдруг стало нещадно колоть. Притупившаяся боль дала о себе знать. Сердце бешено колотилось в груди, когда они, развернув меня, яростно сдернули с меня платье, обнажив плечи, спину и грудь. Я не успела защититься или как-то помешать им, но, когда один из них попытался меня коснуться, я едва не укусила его, защищаясь зубами, за что и получила новый удар в лицо.

От боли я уже ничего не понимала, всё кружилось перед глазами, а ноги подкашивались. Боролась я по инерции, не осознавая, что происходит. Упала на колени, но насильники подняли меня, держа в своих руках, как куклу-марионетку. Слезы потекли из глаз против воли, смешиваясь с кровью и оседая на языке.

А в голове монотонно и уничижительно звучит: виновата, сама виновата!

— Смотри-ка, — сказал один из насильников, рассмеявшись, — у нее татушка есть.

— Дай гляну, — сказал третий, присвистнул. — Да, ничего так, красивая. А эта крошка, оказывается, с секретом? — наклонившись надо мной, он хлопнул меня по щеке. — Чур, я первый.

— Эй, чего это ты? — возмутился его приятель. — Мы ее втроем нашли. Давай бросим монетку.

— Еще чего? Я ее первый увидел, значит, и отымею первым!

Третий насильник тем временем смотрел на меня, пробегая глазами по груди и обнажившимся бедрам. Даже сквозь боль я видела, что в глазах его мелькнуло вожделение. А потом он вдруг застыл, как громом пораженный, сощурился, подскочил ко мне, больно схватил за плечо, рассматривая метку.

— Что за х***?.. — шепотом прошипел он.

— Эй, Зак, ты чего это? — накинулись на него приятели. — В очередь становись!

— Откуда у тебя это? — обратился ко мне тот, кого называли Заком. — Откуда, я спрашиваю?

Я продолжала молчать, понимая мозгом, что нужно что-то сказать, защитить себя,

обезопасить, но не могла. Тело будто налилось свинцом, давя на меня своей тяжестью, опуская к земле, отпуская...

И меня, действительно, отпустили, позволив моему беспомощному телу рухнуть на землю. Попыталась сделать хотя бы движение, но не смогла. Безвольная, бессильная, ни на что не способная. Идиотка!

— Зак, ты чего? — с недоумением и неким испугом поинтересовались его друзья. — Что ты?..

— Ты что, — вновь посмотрел Зак на меня, — ему... принадлежишь, да? — голос его дрогнул. — Ему!?

Я нашла в себе силы кивнуть, а Зак, отскочив от меня, начал материться.

— Б***, так и знал, что это до добра не доведет! Так и знать, б***! Мать твою, это ж надо было так вляпаться!

— Да что случилось? — кинулись к нему двое насильников, оставив меня лежащей на земле. — Ты можешь объяснить толком?!

— Валить надо! — рыкнул Зак, отвернувшись от них. — Валить нахрен из города, а может, и из страны! Если он узнает, б***! — он как-то истерично хохотнул, а потом застонал. — Б***, это что же будет!?

— Ты че, с катушек слетел?! — накинулся на него один из приятелей. — Какой валить, у нас и здесь дела атас как идут!

— Ты не врубаешься ни во что! — заорал на него Зак. — Валить надо, пока живы еще. Не могу ручаться, что не станем трупами уже к утру!

— Из-за девки этой, что ли? — удивился его друг. — Да кто она такая?

— Без разницы, — отозвался тот. — Важнее то, кому она принадлежит!

— Авторитет какой, что ли? — изумился негодяй. — Так она ж одна была, откуда мы знали-то...

— Валим! — не ответил Зак и двинулся прочь. — Валим, пока целы!

— Да объясни ты толком! — кинулись за ним его друзья. — Оставим ее тут, что ли? А как же?..

— Так и знал, б***, что не задался день! — бормотал Зак, продолжая уходить. — Так и знал!

Остальные двинулись следом, на ходу о чем-то его расспрашивая. А я не могла даже поднять голову, чтобы посмотреть, уехали они или нет. Только услышав, как взревел мотор, засвистели шины по асфальту, я поняла, что они оставили меня одну. Побитую и искалеченную. Не способную пошевелить ни рукой, ни ногой, безвольную куклу. Так и оставшуюся лежать в траве, недалеко от дороги. Я понимала, что нужно встать и прятаться в лес, чтобы меня не заметили, но не могла сделать этого. Сил не осталось.

И почему-то я думала сейчас не о том, что могли только что сделать эти ублюдки и по воле случая не совершили, а о том, что меня растоптали, покалечив, еще два дня назад. Когда Штефан Кэйвано прикасался ко мне в последний раз. Но, оказывается, насилие может принимать и другие формы...

И с этой мыслью я провалилась в спасительную темноту.

Он нашел ее. Спустя почти сорок восемь часов после исчезновения, он все-таки нашел беглянку. И думал, разорвет в клочья. Как она посмела, эта девка, мелкая сошка, эта... недостойная!.. А потом... увидев разорванное платье, обнажавшее грудь и бедра, царапины и

отметины на ногах и руках, ободранную кожу на бедрах и синяк на лице, со звериным рыком кинулся к ней, думая лишь о том, что найдет того, кто это сделал, и прикончит. На месте. Без выяснения причин содеянного. Просто прикончит и всё.

Ярость была настолько сильной, что вырывалась из груди отчаянным рыком вместе с чертыханьями. И он уже себя не контролировал, действуя бессознательно, так, как не престало действовать Князю Кэйвано.

Когда узнал, что она исчезла из замка, думал, прикончит негодяйку, будет пытаться, заставляя вымаливать прощение, вплоть до ударов — сама напросилась на применение этого наказания, ведь раньше он избегал наказывать ее именно таким образом! Но сейчас... Кара, поистине, перешла все границы. Как она посмела сотворить подобное!? Осмелилась, отважилась... обычная рабыня! От него почти никто не убегал. А кто убегал, жестоко потом за это расплачивался. В области опыта наказаний и проявления жестокости Князю Кэйвано, пожалуй, не было равных. И если она рассчитывала, что избежит кары и сейчас, после того, что сотворила, то она глубоко ошиблась. Неужели, действительно, не понимала, на что идет? Не осознавала, чем чревато ее бегство? На что рассчитывала? На что надеялась? Что он не найдет ее?! Оставит в покое? Отпустит?! Неужели до сих пор питала иллюзии на этот счет? Ей никогда не уйти от него. Он ее из-под земли достанет, но вернет в замок. Даже если придется перевернуть всю Вторую параллель, даже если она выбралась за грань, он отыщет Кару и в ее реальности. Но вернет. Туда, где она должна находиться. Рядом с ним, в его замке. Другого пути у нее не было. И никогда теперь уже не будет.

Но, когда, спустя сорок часов поисков, о ней не было ничего известно, Штефан стал... беспокоиться. Он никогда и никому не признается в этом, но чувство, охватившее его, было именно беспокойством. За нее. Что будет делать одна в незнакомом месте девушка ее... комплекции? Как справится? Как протянет хотя бы ночь наедине с самой собой? А если уже не с самой собой?.. Что если ее кто-то обнаружил?

Невозможно! Его люди прочесали всю округу в поисках беглянки, он лично вместе с Максимумом объезжал близлежащие территории, разглядывая каждый клочок земли, включая лес. Она не могла далеко уйти, по его подсчетам, если она улизнула из замка около двух-трех часов дня, то не добралась и до первого населенного пункта. А если и добралась, то что? Как она себе представляла, что будет делать, как только попадет в город и встретится с жителями? Что им скажет? Попросит помощи, сказав, что ее сделали рабыней? Вряд ли, Кара далеко не глупа, а это вмиг превращает ее в идиотку. Скажет часть правды, заявив, что ее похитили? Вероятно, что так. Но неужели она и тогда надеялась, что он ее отпустит? Не найдет?! Да он землю будет рыть, он все города перевернет вверх дном, чтобы найти пропажу. Любую. А своевольную рабыню — подавно. Кару — и подавно! У него всё схвачено, нужные люди предупреждены, если только она попробует сунуться в город и обратиться за помощью, ему сразу станет известно об этом. Она не успеет осознать, что схвачена, как окажется пойманной в кольцо его рук. И уже не сможет убежать. Штефан не позволит ей этого сделать снова.

Он никогда и никому не расскажет, что испытал, когда узнал, что она пропала. И никогда в этом не признается. Даже себе. Себе — в первую очередь. Слишком противоречивые это были мысли. Мысли, которые не приносили облегчения. Гнев, ослепляющая ярость, негодование и злость, раздражение, желание свернуть ей шею и выпороть, как маленького ребенка. И вместе с тем еще одно желание... увидеть ее живой и невредимой. Снова в его руках. Рабыней, игрушкой, просто женщиной. Но только рядом с

ним.

Он знал, почему она убежала. Точнее, предполагал. Но был уверен, что интуиция его не обманывает. То, что произошло между ними два дня назад не прошло бесследно. Не только для нее. Для него тоже. Насилие над ней. Жесткое и неоправданно жесткое, бесконтрольное и уничижительное. Он никогда так раньше не поступал с ней, никогда не поднимал на нее руку, и никогда не принуждал ее таким способом. Раньше тоже было насилие, но иное, и Князь это понимал. Он никогда раньше не унижался до подобного.

Но в тот день всё играло против него и нее.

Он не ожидал от себя подобного взрыва эмоций. Не ожидал, что набросится на нее, как остервенелый, как замученный зверь, жаждущий отомстить обидчикам в свой смертный час. Он вел себя, как хищник, у которого кто-то возжелал отнять добычу. Как тиран, как деспот. Как обезумевший от ярости и... неужели ревности? герой-любовник. Но Князя не злятся из-за этого! Князя не ревнуют своих рабынь! А он... ему давно уже было не плевать на Кару. И бесился он именно по этой причине. А подтверждение этих мыслей не придавало успокоения, а лишь раздражало сильнее, отчаяннее надавливая на гордость и стойкость. В тот день он сорвался. Не сдержался, слетел с катушек, взбесился настолько, что не мог контролировать себя и свои хищнические инстинкты, которые вопили, чтобы он защитил своё. И он защитил, он утвердил право на Кару единственным способом, который был ему известен, как эффективный. Единственный способ, который она бы слышала. Да, поступил жестоко, — но кто будет винить господина, что он «надругался» над своей рабыней? Это происходит сплошь и рядом во Второй параллели, намного чаще, чем это в последнее время стал делать Штефан. Да, он поступил необдуманно, — но кто в силах удержать эмоции под контролем, когда каждое сказанное кем-то слово, будто точит нож о незажившие раны. Раскаивался ли он в том, что совершил? Нет, не раскаивался. И не мог раскаяться. Князя не имеют такой привилегии. Он осознавал и принимал тот факт, что поступил по отношению к Каре бесчувственно и хладнокровно, причинив ей боль, и вызвав, по всей видимости, негодование и отвращение, но винить себя, равно как и оправдывать, не стал.

И только в час, когда узнал, что она исчезла, ускользнула из-под его носа, убежала, он осознал всю глубину ее боли и негодования. Он не верил, что мысль о побеге была запланирована заранее, а сейчас лишь приведена в исполнение. Побег был совершен спонтанно. И часть причины его лежала на Князе Кэйвано, как бы он не старался закрыть глаза на этот факт. Кара не собиралась просто так забывать произошедшее, как и прощать его за подобное к себе отношение не собиралась... Словно бы он просил прощения! Но сомневаться не стоило, причиной ее побега стал именно тот инцидент, его поведение, его срыв и взрыв, который она не поняла, не приняла, не простила. Она была обижена, и ее понять можно было, она тоже имела на это право... кое в чем. Но когда он ее вернет, — а в том, что он это сделает, Штефан не сомневался, — он доходчиво объяснит ей, на что можно обижаться, на что не следует.

Но всё пошло вразрез с его планами о скором возвращении беглянки на место еще с момента, когда он узнал, что Кара сбежала. Проверяя записи камер наблюдения, Штефан с изумлением взирал на пустые пленки. Кто-то почистил их раньше, чем он до них добрался! И это было бунтом на корабле. Кто-то в замке был ее сообщником, кто-то помог ей скрыться, открыв ворота и уничтожив пленки. Штефан догадывался, что самой совершить побег ей не удалось бы, и это было равносильно новому восстанию.

Как назло, словно подтверждая его и так не радужные мысли, вчера ему позвонила

София, надавливая на нервы своим откровенно сладким голоском, и интересуясь, как он.

А как он, черт возьми, может быть, если его рабыня сбежала?!

— Чего ты хотела, София? — голос его почти груб.

— А что, я уже не могу позвонить... ммм... старому другу просто так? — сладко пропела она, а Штефан заскрежетал зубами. Как же хотелось послать ее далеко и надолго!

— Можешь, — коротко откликнулся он, — только вот у меня сейчас совершенно нет времени разговаривать.

— Я слышала, у тебя в замке... кое-что случилось? — не смогла скрыть удовольствия она.

— Что, уже и в Багровом мысе завелись твои «шестерки»? — устало проронил Штефан, обещав себе разобраться и с этим тоже. Но позже.

София рассмеялась.

— Везде есть уши, мой милый. Мои нашептали мне о том, что твоя... девица сбежала?

— Не долго ей радоваться свободе, — клятвенно заверил он ее, проклиная Софию за ее любопытство.

— Вот как, — хмыкнула девушка. — А что потом? Когда ты вернешь ее назад? Ты же понимаешь, что она нарушила правила.

— Я всё прекрасно знаю, София, — сдержанно ответил Штефан, начиная заводитьсь. — Не нужно промывать мне мозги.

— Так я же для тебя стараюсь, глупый, — усмехнулась та. — Надеюсь, теперь ты видишь, что за девку пустил под свое крылышко? Она тебя предаст, и глазом не моргнет! Из-за таких, как она, поднимаются восстания, Штефан. И кто сказал, что она не сделает того же? Убежать из Багрового мыса, у тебя из-под носа, ей уже удалось!

Штефан молчал, слушая ее тираду. Слушал и понимал, что в ее словах было очень много смысла. Даже более того, София опять была права. Но на этот раз подвергаться провокации с ее стороны он не стал. Кара, когда он ее найдет, сама выскажет свою версию побега, — ее желание обрести свободу от него не в счет, — а потом он будет делать выводы.

Черт побери! Он опять идет на уступки рабыне! Но ничего не мог с собой поделать.

Противоречивые мысли терзали его, подобно сотне надоедливых насекомых, вонзаясь в мозг острыми иглами, когда он, прочесывая округу, искал ее след. Он хотел ругаться, он бесился, он обещал себе и ей, что спустит с девчонки три шкуры, прежде чем выслушает, что она скажет ему в свое оправдание. Потом успокаивался, тяжело дышал и предубеждал себя от поспешных выводов и возможных ошибок. Потом, вспоминая разговор с Софией, уверения леди Бодлер в том, что Кара сделала из него подчиненного в исполнении своих прихотей, вновь бесился, выходя из себя. И в мыслях уже полосовал ее тело кнутом, не слушая оправданий.

А потом... когда Ищейка указал на обочину дороги... когда увидел ее тело, побитое и покалеченное... ее, лежащую без сознания, почти полностью обнаженную, все мысли о наказании ушли на второй план.

Глаза налились кровью, зубы заскрежетали, из носа от тяжело и частого дыхания только что дым не пошел. Он приказал Максимусу тормозить и едва ли не на ходу выскочил из машины. Ищейка — за ним.

Все доводы о нарушенных ею запретах, правил и уставов, своеволии и наглости, о непозволительности ее преступного поступка отошли в сторону, открывая перед ним лишь перспективы сладкой и болезненной кары тем, кто так поступил с ней.

Максимус думал о том же, а потому мысли хозяина распознал с легкостью.

— Думаете, они ее?..

— Пусть только попробовали! — со звериным рыком перебил он его. И на ходу крикнул: — Найди ублюдков!

Максимус кивнул, наблюдая за тем, как Князь Кэйвано стремительно подбегает к телу лежащей на дороге девушки и опускается возле нее на колени.

— Идиотка! — орал он. — Идиотка, б**ь! — приподнял ее за голову. — Глаза открой, — проговорил он тише. — Открой глаза, я сказал! — она не повиновалась. Была без сознания. Он ударил ее по щекам, один раз, другой, когда девушка не отреагировала на его шлепки, потряс ее за плечи. — Ну, давай же! Давай, детка, ну же! Ты можешь, — говорил он нервно и немного сбивчиво. — Ты же такая упрямая, мать твою, почему сейчас молчишь!?

Он никогда не забудет той беспомощности, которую испытал, когда она не пошевелилась, вообще никак не отреагировала на его слова или действия. Никогда не признается даже себе, что чувствовал себя в тот момент беззащитным и безвольным. Впервые за долгие-долгие годы Князь Кэйвано чувствовал, что ничего не может сделать, чтобы хоть как-то исправить ситуацию. Есть что-то, чего не в силах исправить даже он.

Он ударил ее по щекам еще раз, потом встряхнул, сильно сжал пальцами плечи, оставляя следы. И тогда она дернулась. Штефан замер. Встряхнул Кару еще раз, словно призывая отозваться на его зов до конца, и она подчинилась ему. Зеленые глаза, поблекшие, замутненные, приоткрылись. Не совсем понимая, где находится, и что с ней произошло, не способная отвечать или вообще разговаривать. Но отлично осознавая, кто перед ней склонился. Штефан был уверен, что она узнала его.

— Не кричи, — прошептали ее пересохшие губы. — Голова болит, — и вновь провалилась в небытие.

А Штефан Кэйвано, князь Четвертого клана, тяжело вздохнув, мог лишь наклониться над ней и, сильно зажмурившись, тихо выругаться, касаясь горячими губами ее холодных щек.

— Идиотка, — выдохнул он, а потом крикнул уже приблизившемуся Максимусу: — Машину подгони, — и, подняв рабыню на руки. — Я найду этих ублюдков, и они пожалеют, что вообще на свет родились! Клянусь!

Он медленно поднялся, заключив свою находку в объятия, и пошел к машине, подогнанной Ищейкой.

— Как давно это случилось? — спросил он у Ищейки. Прямой взгляд в глаза, горящий, почти безумный. Жаждающий крови. — Ты можешь узнать?

— Через час, — коротко кивнул Ищейка, сузив глаза.

Посмотрел на ту, которую Князь уложил на заднее сиденье своего автомобиля, и... тень промелькнула на его красивом лице. Никто не заметил бы ее, не отметил изменения, но у Ищейки не было привычки лгать себе. И сейчас он не стал делать это. У него было очень много женщин. Самых разных. Красивых и просто симпатичных, блондинок, брюнеток, рыженьких, шатенок, высоких и миниатюрных, умных и глупеньких, но никогда... такой, как ЭТА. Каролла. Он еще помнил ее имя. То, которое дали ей при рождении, а не то, которым ее наградили здесь. И это имя ласкало ему слух, он часто мысленно произносил его, боясь даже прошептать, чтобы не быть услышанным в замке, где и у стен были уши. Он смаковал его, наслаждаясь тем, как звучит каждая буква в его мозгу, ударяясь о сердце. Холодное и ожесточенное сердце Ищейки, не знавшее до этого мига сострадания и... любви.

— Ты куда смотришь? — услышал он над собой злобный рык Князя Четвертого клана, и только тогда понял, что без зазрения совести пялится на ее обнаженное тело, едва прикрытое разодранной одеждой.

Вздрогнул, будто застигнутый на месте преступления. Ему не позволено то, что он себе позволяет. Но он, кажется, на мгновение забыл, кем стал. А в мозгу всё монотонно звучало: найду, расточу, уничтожу.

— Садись в машину! — вновь злобный рык из уст Князя Кэйвано.

Резкий оглушительный хлопок, — Князь демонстративно захлопнул дверцу автомобиля, перекрывая доступ к просмотру своей рабыни. Не говоря ни слова, сел на пассажирское сиденье, ожидая, что Максимус последует за ним. И тот последовал. Постояв на месте несколько секунд, бросив быстрый взгляд вдаль, он пообещал себе найти ублюдков, что сделали это с НЕЙ, а потом обошел машину и сел за руль.

— Никогда не смей на нее так смотреть, — зловещим шепотом сказал Штефан, едва они тронулись с места.

Быстрый взгляд на Ищейку, глаза в глаза, два схлестнувшихся в борьбе взгляда, долго, пристально, до дрожи в руках. А потом грубым шепотом, способным вытряхнуть из легких воздух:

— Не забывай о том, кто ты!

Максимус поджал губы, коротко кивнув. Вдавил педаль газа в пол и рванулся вперед, как остервенелый.

Он и не забывал. Никогда. Он сам выбрал свою судьбу. Или выбора у него не было? Он уже почти забыл, как стал тем, кем сейчас является. Бесчувственным и хладнокровным исполнителем, Ищейкой без души и сердца, чьи чувства — лишь холодный расчет и твердая воля. Без прошлого и без будущего. Тень...

Так или иначе, он лишь Ищейка, а она — рабыня. И он обязан подчиняться правилам, которым следовали все. ОНА — не для него. Рабыня, заслужившая право называться «любимицей» самого Князя Кэйвано, и Ищейка, призванный в услужение или собственноручно подписавший контракт со смертью? Это неважно.

Каролла была единственной женщиной, на которую он посмотрел, как на достойную. И единственной, на кого ему смотреть было запрещено. Она принадлежала Кэйвано. И он принадлежал ей.

Максимус покосился на Штефана, на краткий миг оторвав взгляд от дороги.

Только вот сам Князь, похоже, не желает признавать этот факт и мириться с ним. Или что-то мешает ему делать это?

Максимус служил Штефану много лет и знал, что тот не так прост. Прошрое Максимуса было задернуто вуалью неизвестности, сотканной из предположений. Но и у Князя Кэйвано были свои секреты.

23 глава

Штефан

Его звали Штефан Вацлачек, но мама называла его Штефи. Как плюшевого мишку, которого подарил ей при первой встрече будущий муж, его отец. Будучи мальчишкой трех-четырёх лет, он частенько засыпал, только когда заботливая мама клала медвежонка рядом с ним. Мама всегда говорила, что Штефи принесет ему хорошие, разноцветные сны, полные радости и смеха. И всегда приносил, — мама не обманула!

А когда Штефи было пять, Господь подарил ему сестренку, которую называли Маришкой. Он не ревновал родителей к ней, он очень любил златовласую малышку, точную копию матери. Они переехали в Вену из Веспрема, что в Венгрии, надеясь, что здесь дела у отца пойдут в гору. Так вначале и было. У Штефана даже стали появляться новые игрушки, а отец, возвращаясь с работы, всегда покупал ему разные сладости.

Но, когда мальчику исполнилось шесть лет, сестренка сильно заболела. Он не мог выговорить названия болезни, но знал, что жизнь девочки висит на волоске. Родители стали больше работать, собирая деньги на лечение, поначалу оставляя с Маришкой сына, а, когда той стало хуже, матери пришлось оставить работу, чтобы ухаживать за дочкой самой.

Штефан очень переживал за сестренку, он привязался к ней, она была так похожа на маму! Он каждую ночь молился о том, чтобы Господь помог им. И Он помог. Но не совсем так, как того просил мальчик.

Когда Штефи было семь лет, его похитили.

Не сказать, что они жили богато, но на еду и одежду им всегда хватало. Только болезнь сестры сильно подорвала семейный бюджет, денег уже не хватало ни на что, а Маришка бледнела на глазах. Он боялся произносить это слово, но понимал, что сестра умирает. Понимали это и родители.

— Мама, а Маришку скоро заберут ангелы? — спрашивал он у матери, когда та, измученная и лишенная сил, ухаживала за дочерью.

Мама никогда не отвечала однозначно, не говорила ни «да», ни «нет», но по ее грустным глазам Штефи читал всё, что она не высказала вслух. И он больше не спрашивал.

Он всегда был умным ребенком, еще, когда жил с родителями, учителя говорили, что он способный малыш, его даже хотели отдать в класс группы А, для одаренных детей. Но даже он долгое время не мог понять, что происходит. А точнее, силился не принимать ту правду, перед которой предстал. Он боролся.

Это потом, много позже он узнал, что его вовсе не похитили. Его продали. Собственные родители. Чтобы спасти жизнь младшей сестре, которая болела редким заболеванием. Во Вторую параллель, как он потом узнал, редко поставляли взрослых мужчин, их с трудом удавалось сломить и подчинить своей воле. Только за редким исключением за грань попадал кто-то старше двадцати трех. Это были в основном слабые, беспомощные парни, которым некуда было деться, и которых никто не стал бы искать. Никому не нужные марионетки. Их волю быстро ломали, делая сначала рабами, а затем возвышая до ранга слуги. Но таких было мало, аристократы и Князя особо не жаждали подчинять кого-то в зрелом возрасте с более

или менее сформировавшейся психикой, а мелкие предприниматели не были настолько сильны, властны, чтобы заставить себя уважать. Спросом пользовались мальчики и парни в возрасте от трех до семнадцати лет. И девушки почти всех возрастов.

Штефан Вацлачек в свое время попал именно в эту категорию востребованного товара на Рынке Второй параллели.

Родители не объясняли, что к чему. Он и узнал-то о том, что никогда их не увидит и больше не вернется домой, только через полгода пребывания за гранью. До этого времени призрачный огонек надежды всё еще горел в его детском сердце, ожидавшем чуда. Но так его и не дождавшемся.

В день, когда за ним должны были прийти Наемники, мать зашла к нему в комнату и поцеловала на ночь. Как и всегда. Обыденный ритуал, который повторялся изо дня в день. Но что-то тогда было не так. Штефи это почувствовал. Толи поцелуй матери продолжался дольше, чем обычно. То ли она стиснула его в объятьях так сильно, что он даже поморщился. То ли бешеный стук ее пульса, когда он схватился за ее шею.

Мальчик еще не знал, что это его последняя ночь в кругу семьи, и что утро ему предстоит встретить с совершенно чужими людьми, не способными на сочувствие к горю посторонних людей.

— Как Маришка? — спросил он тогда и не заметил, как блеснули глаза матери в свете ночника.

— Хорошо, — наклонившись, она поцеловала его в щеку еще раз. — Теперь всё будет хорошо.

Она пожелала ему доброй ночи, сказала, что небесные ангелы сэберегут его от зла, улыбнулась, но какой-то грустной улыбкой, в серо-голубых глазах томилаь печаль и боль... и вышла. Оставив дверь открытой.

А ранним утром, когда не было пяти, пришли чужие. Распахнули дверь, громко стуча каблуками сапог, прошли к его кровати, остановившись на краткий миг, рассматривали бледное заспанное мальчишеское личико с застывшими на нем испуганными серо-голубыми глазками, ничего не понимающими, а затем резко откинули покрывало и подхватили ничего не соображающего мальчика на руки.

Опомнился Штефи быстро. Он закричал. Не мог не закричать, ему было всего семь. А потом заплакал, заголосил, что было сил. Незнакомец ударил его, заставляя замолчать, но он продолжал плакать и кричать, отбиваясь от мужчины руками и ногами, царапаясь, выворачиваясь из его захвата, но не в силах что-либо сделать, чтобы освободиться.

— Мама! — кричал он надрывающимся голосом. — Мамочка, помоги! Где ты, мамочка!.. Мама!..

— Не ори! — ударил его незнакомец, больно сжимая худенькое тельце в своих больших руках, а когда мальчик взвизгнул, наотмашь ударил его лицу.

Штефан заплакал еще громче, продолжая звать мать, умоляя ту прийти ему на помощь.

Но женщина не отозвалась. Молчал и ее супруг. Прижимая к себе маленькое тельце двухлетней дочери, умирающей от лейкемии, она беззвучно плакала, зажимая ладонями уши малышки. Отдавая жизнь одного ребенка в обмен на жизнь другого.

Штефана переправили за грань в это же утро, холодное и туманное. Продали с аукциона на Нижнем рынке через два дня. Попав к Скупщику, мальчик огрызался, брыкался, боролся до полного изнеможения, показывая характер. И рвался домой. Как никто до него в таком возрасте.

— Заткнись, щенок! — рыкнул на него Скупщик, пнув ногой в живот. — Здесь теперь будет твой дом.

— Я хочу к маме!

— Твоя мать продала тебя, — грубо отрезал тот. — Будешь делать то, что скажут, сможешь выжить. А будешь показывать норы, — он угрожающе навис над ним, огромный и ужасающий, замахнулся, ударил Штефана по лицу, рассекая губы и сломав нос. — Узнаешь, что получают рабы за непослушание, — Штефан заплакал, свернувшись комочком у стены, чем просто взбесил Скупщика. — Не ори, щенок! — пнул он его ногой. — Не ори, кому сказал! — продолжая наносить удар за ударом, кричал он. — Ненавижу, когда сопли распускают! Заткнись, сказал! С**а, заткнись, б***!

Он продолжал бить его до тех пор, пока мальчик, задохнувшись от собственных слез и крови, не потерял сознание. А уже через пару дней он попал к своему первому хозяину. Григорию Яцкевичу.

Он был жесток, измывался над ним, как душе было угодно, наслаждаясь мучениями и адской болью, читавшейся на мальчишеском лице. Штефан был для него своеобразной игрушкой для битья, он наказывал его за любую провинность, выбивая из него прыть, выносливость и внутреннюю силу.

— Моя мама найдет вас, — кричал мальчик, рыдая в голос от боли и страха. — Мой папа убьет вас. Он убьет вас!

Тот хохотал, брызгая слюной и сверкая безумными глазами.

— Никто тебя не станет искать, слизняк! Тебя продали, как старый хлам, как ненужную вещь, как игрушку. Никому ты не нужен, ни матери своей, ни отцу. Они продали, а я купил! Понял, щенок? Так что никто не придет и не заберет тебя отсюда. А еще раз заикнешься о доме, поколочу так, что ходить не сможешь!

Штефан не верил ему. Долго не верил в то, что происходит, куда попал и кем стал в этом странном мире. А потом в один миг всё осознал. Как загоревшаяся в мозгу вспышка, как спавшая с глаз пелена. Никто за ним не придет, никто не заберет его, он никому не нужен. Почему? Он был плохим мальчиком: делал что-то неправильно, не так, как того хотела мама? Он был послушным, не плакал по пустякам, не капризничал. Так почему же мама с папой не приходят за ним? Почему они отдали его... этому ужасному человеку?

А потом он понял, почему. И больше не спрашивал о родителях. Не заикался о доме. Молча негодовал, а потом... очень скоро, тихо ненавидел. В него вбили эту ненависть вместе с желанием вырваться отсюда. Он приспособился, он научился дышать этим воздухом, жить в этом мире. Он молчал, когда нужно было, симулируя рабскую покорность, но никогда не сдавался. Он знал, что рано или поздно, выберется из этого места. А когда выберется... Он не заглядывал так далеко в будущее, его научили жить одним днем, в котором ты либо выживешь, либо погибнешь.

Он не знал и долгое время не понимал, куда попал, ему пытались объяснить, но это были лишь пустые слова. Его вновь и вновь лишь ставили перед фактом. А факты на тот момент ему ни о чем не говорили. Он научился прятать истинные чувства за панцирем отрешенности, безразличия и холодности. Он откровенно презирал слабость, особенно собственную, — она ломала его, а он обязан был оставаться сильным, и терпеть не мог слез. Уже через год после того, как осознал, что с ним сотворили, он не проронил ни слезинки. Его били каждый день, когда-то сильнее и отчаяннее, порой мягче и слабее. Но всегда касались обнаженного тела кнутом или плетью. И тогда он научился терпеть боль. Он

привык к ней. Он сросся с ней. И вскоре сам стал приносить муки другим.

Он озлобился. Добрый и благородный малыш, любивший животных, защищавший девочек и читавший книжки на чердаке своего дома, стал мстительным и злобным мальчуганом, не способным проявить даже что-то отдаленно похожее на добрые и светлые чувства. Он забыл о них. Они забыли его. Где-то глубоко внутри они таились и, возможно, ждали часа, когда смогут проявиться, но сквозь толщу льда и ненависти, захватившей детское сердце, словно в панцирь, сейчас выйти не могли.

В доме первого хозяина он прожил пять лет. Он ненавидел его, он клялся отомстить. Холодными ночами, избитый и покалеченный, как всегда, лежа в своей постели и глядя в серый протекший потолок, строил изощренные планы отмщения. С мечтами о мести он просыпался и засыпал все пять лет. До момента, когда слуга Бернарда Кэйвано случайно не увидел его в городе. Штефан хладнокровно доказывал что-то какому-то мужчине, а тот грозился избить его до полусмерти. Что, по всей видимости, Штефана ничуть не пугало, потому что он оставался мрачно отстраненным, равнодушным к происходящему. А мужчина тем временем схватил плетъ, висевшую на поясе, и приказал мальчику повернуться спиной. Резко сдернул с того рубашку и один за другим стал наносить мощные, крепкие удары. Парнишка под напором хлыста не дрогнул и не проронил ни слова, лишь зубы стиснул. Он не проронил и слезинки.

Верноподданный Князя Кэйвано уже через неделю купил парня у прежнего хозяина и привез в Багровый мыс. И он попал из лап одного тирана в руки другого. Еще более мрачного, нелюдимого и устрашающего.

Бернард Кэйвано был жесток. Он был Князем, он был Королем, он был его Хозяином. Он воспитывался на жестокости. Он воспитывал жестокость. Он умел ею управлять, а потому и был опасен.

Он жил отшельником и отступником. В огромном замке, способном разместить более пяти сотен гостей, не проживало и пятидесяти. Сам Князь, его верный слуга, повар и около десятка слуг и рабов. Жены у него не было, детей тоже. Зато, как потом узнал Штефан, была любовница. Рабыня. Ее звали Алисией, и она умерла около восьми лет назад. С тех пор Бернард Кэйвано не подпускал никого в свою обитель.

Штефан даже не догадывался, какая роль ему отведена в замке, чей хозяин не стремился обзавестись окружением. Парня избивали, ломали, почти кромсали на куски без видимых причин, будто вновь и вновь испытывая на прочность силу духа и характер.

А он терпел. Он научился терпеть. Боль, отчаяние, ярость, ненависть, слезы. Словно вообще перестал чувствовать. И вскоре превратился в холодное мраморное изваяние, похоже, — неживое.

Он ненавидел Бернарда, он уважал его, он испытывал, пожалуй, страх при взгляде на него. Слишком противоречивыми были его эмоции по отношению к хозяину. Он хотел убежать, пару раз даже сделал это, но его возвращали на место, жестоко наказывали и заставляли жить так, как он жил до этого.

Но когда Штефану исполнилось пятнадцать, он понял всю суть своего предназначения. Стать одним из них.

Он был этого достоин. И жестокий и мрачный Бернард предоставил ему эту возможность. Предоставил рабу возможность прыгнуть выше головы и достичь тех высот, которые никто до него не достигал.

Стать истинным Кэйвано.

У Бернарда не было детей, кровных родственников, не считая сводного брата Исаака Хотвара, который спал и видел, как умирает Князь Кэйвано, а он занимает его место правителя. А Бернард ненавидел Исаака всей душой, он поклялся, что трон скорее достанется подкидышу и иждивенцу, чем ему. И он выполнил свое слово перед самим собой.

— Если бы у меня мог быть сын, — сказал Князь, — то никто, кроме тебя, не имел бы права называться им.

Штефан опешил, но мгновенно спрятал непонимание и изумление за маской безразличия.

— Слишком почетно, мой господин, — проговорил парень, отводя глаза. — Я слуга, я раб, какое я имею право на то, чтобы называться вашим сыном.

— Никому не нужно знать правду, Штефан, — блеснув глазами, заверил его Князь. — Никто никогда ее и не узнает.

Штефан побледнел и отшатнулся от Бернарда, словно обжегшись.

— Ч-что... это значит? — прошептал он заплетающимся языком. — О чем вы говорите?

— Я делаю тебе честь, сынок, — жестко улыбнулся Бернард. — Отныне ты будешь носить мою фамилию. Станешь моим сыном, моим — пока! — незаконнорожденным сыном от рабыни Алисии. Твоей матери, — добавил он, подумав.

Он умело прятал свои чувства, но в тот миг скрыть эмоции был не в состоянии.

Штефан уставился на Князя, широко раскрыв глаза.

— Почему... я?

— Ты достоин этого, — твердо сказал Бернард, уверенный в своей правоте. — Ты силен не только телом, но и духом, что неисправимо доказал мне и своему прежнему хозяину в течение многих лет. Именно таким и должен быть истинный Князь. Клянусь, в твоём роду были короли! — рассмеявшись, он добавил: — Надо же, и людишки могут чем-то удивить! — его лицо вмиг стало мрачным. — И к тому же, я никогда не позволю завладеть тронном Кэйвано Исааку. Никогда! — глаза Князя полыхали гневом. — Эта жалкая мокрица не сделает и шага в моем доме на правах хозяина!

— Но я раб... — попытался возразить парень.

— Замолчи! Ты не раб больше, — разозлился Князь. — Ты станешь моим наследником, точка.

Возражать Штефан не осмелился. Чего только не взбредет в голову безумному хозяину? Хочет сделать его своим сыном, наследником трона, да пожалуйста. Уже через неделю эта блажь у него пройдет, и всё вернется на круги свои. Он превратился в раба, а Бернард взойдет на трон. Всё слишком просто в этом мире.

Но княжеская блажь не прошла.

Штефана стали готовить к власти, уча тому, что должен был знать истинный Князь и господин. Еще до того как попал за грань, Штефан умел читать и писать, ему были доступны элементарные знания о мире. Попав за грань, втайне от своего первого хозяина таскал из его хилой библиотеки редкие книжонки, ночью в полутьме пытался осилить текст и мечтал, что сможет выбраться из этого ада. Попав в дом Кэйвано, стал читать всё больше, благо размеры библиотеки и количество хороших книг позволяли ему делать это. Он был любознательным от природы, даровитым и способным к наукам, к языкам. Читая в оригинале Данте и Гёте, выучился итальянскому и немецкому, читал много научной литературы, познавал мир через книги. А когда Бернард Кэйвано сделал его своим наследником, его стали обучать профессиональные учителя. И он уже не просто читал книги, но учился вести дела, не

просто познавал мир, но учился им управлять. Острый ум, смекалка, способность быстро усваивать материал и жажда знаний позволили ему влиться в учебный процесс так скоро и глубоко, как только было возможно. Ему обучали экономике, политике, умению вести дела и переговоры, проводили курсы психологии и философии, высшей математики и информатики, он осваивал всё, ему предложенное, впитывая информацию, как губка воду. Он стремился впитать в себя как можно больше, прежде чем Кэйвано возьмет свои слова назад и вновь сделает его рабом, а не господином.

Но этому не суждено было случиться. Вскоре Штефан узнал, что слух о том, что у Бернарда Кэйвано есть незаконнорожденный сын от рабыни, разлетелся по всей Второй параллели. Слух этот был распушен по указке самого Бернарда, но никому до этого уже не было дела, все поверили в эту ложь, как в истину. И как бы не пытался отрицать этот факт Бернард, на показ выставляя свою честность и порядочность, Совет принял решение взглянуть на мальчика. И Бернард, негодуя и неистовствуя на публику, в душе не мог нарадоваться тому, как легко смог повернуть это дело.

Игра была разыграна. План приведен в исполнение. А наживка, брошенная Совету проглочена.

Совет познакомился со Штефаном, когда тому минуло шестнадцать лет, а уже в семнадцать его стали считать единственным наследником трона Кэйвано и будущим наследником Багрового мыса.

И никто из Князей и дворянства не усомнился в истинности своих заблуждений.

Но все они были обмануты, даже не подозревая о самообмане.

Когда умер Бернард, всё наследство, включая Багровый мыс и княжеский титул, перешло к Штефану.

Малыш Штефи Вацлачек перестал существовать, явив миру беспощадного Князя Штефана Кэйвано.

Попытки Исаака Хотвара, второстепенного наследника Кэйвано и единственного сомневающегося в истинности кровного родства Штефана с родом Кэйвано, оспорить завещание и вернуть себе ушедший из его лап трон Князя пошли прахом, когда Лестер Торалсон заявил, что решение обжаловано не будет. Экспертиза ДНК была проведена еще при жизни Бернарда, все факты и доказательства были налицо, сомневаться — не в чем. И дядюшка Хотвар успокоился... на время. А Штефан, став истинным Кэйвано, принял трон, как дар за силу и отвагу.

Новый Князь был жесток. Он стал столь же жестоким, каким был его новоиспеченный отец. Его научили быть жестоким. Взрастили в нем это вместе с новым именем и властью, свалившейся на него в один миг. Он завоевал славу жестокого Князя. И никто не сомневался, что он приходится сыном Бернарду Кэйвано.

Когда Штефан занял престол, впервые «побеспокоился» о том, чтобы узнать, что стало с его родителями и сестрой. Он не ожидал, что они будут живы, столько лет по их меркам прошло! Но ему отчаянно хотелось заглянуть в глаза людям, которые продали его в ад за гроши. Чтобы спасти жизнь его сестре, верно, но ПРОДАЛИ! Этого он простить и забыть не мог. Он нашел их. На городском кладбище Вены. Дата смерти удивила. Ровно тот год, в котором его продали в рабство. Попытался найти сестру, но оказалось, что после смерти родителей Маришка была отправлена в детский дом, где скончалась от лейкемии, не прошло и месяца.

Жаждавший праведной мести, новоиспеченный Князь навестил своего первого хозяина.

Тот его, конечно, не узнал, хотя и шептал какие-то оправдания перед смертью. Но клинок Князя Кэйвано бил точно в сердце. Извиниться за содеянное мужчина не успел, как и увернуться от смертоносного удара.

Он был жесток к врагам и беспощаден к тем, кто был настроен против него. Жестокость породила жестокость в свое время, и теперь Штефану не было равных в мести, уже давно переставшей быть возмездием. Его месть переросла в нечто большее. Это было отмщение миру, который подарил ему звание человека, превратил в раба, а потом даровал княжеский трон.

Штефан не упивался своей властью, но знал, что за ответственность лежит на нем. Бернард Кэйвано умело научил его тому, в чем сам был мастером. И он усвоил его уроки.

Но никто не знал правды. Все, кто были посвящены в нее, умерли или погибли, в живых остался только сам Штефан. И жестокое сердце Князя по-прежнему требовали мести. Кому угодно. Всегда.

Но сейчас жестокий и всевластный Князь не знал, что делать, и как быть. С рабыней. Черт побери, кто бы подумал, — с рабыней!? Ему никогда не пришло бы на ум, что наступит время, когда он не будет знать, как спрятать все эмоции и чувства под контроль, как оставаться всё тем же равнодушным и бессердечным Князем, каким он был до ее появления в его доме. И месть всему миру враз рассыпалась по кусочкам.

Прошло больше трех недель с момента, как она сбежала и была возвращена обратно. Их отношения не изменились, она была его рабыней, а он ее господином, но всё-таки кое-что трансформировалось. Она была обижена. Она была задета. И до сих пор не простила его за зло, что он причинил ей накануне побега. Она не забыла о боли, и о растоптанных чувствах, начавших зарождаться внутри нее против воли, она тоже не забыла. И крушение собственных надежд и иллюзий причиняло еще большую боль, чем его срыв.

Она была его любовницей. Уже в день, когда вернул ее в замок, он не смог... сдержаться, он искупался в удовольствии, которое могла ему предоставить лишь она. Он просто взял своё — снова. Как хищник, жаждущий подтвердить клеймом завоевание жертвы, он доказывал ей и себе, что она по-прежнему принадлежит ему. И ее бессмысленный и откровенно глупый побег ничего не решает. Она останется с ним. И будет с ним до момента, пока он ее не отпустит.

Он осознал, что в отношении Кары является тираном и эгоистичным собственником.

Потому что не отпустит ее никогда.

Она продолжала оставаться его любовницей, но вела себя... сдержанно-холодно и откровенно вольно. Если раньше она опасалась говорить что-то вслух, и Штефан мог уловить бунт лишь в ее глазах, то теперь она, не стесняясь, говорила всё ему в лицо. Казалось, полностью равнодушная к тому, что ее ждет за это. Ей, конечно, ничего не было, — ни наказания, ни расплаты, только злобный рык и яростный крик Князя. Но и это ее, казалось, мало задевало. В ее глазах светились искорки, которых не было раньше, холодные, но обжигающе горячие. И они сводили его с ума. Обжигающий лед, способный растопить его ледяное сердце!

И он бесился оттого, что она стала такой... неприступной. Горячей, чувственной, обжигающе сладкой, но вместе с тем отстраненной. Она отвечала на его ласку — черт побери, он даже вспомнил, что такое ласка применительно к рабыне! Она была непокорна и своенравна не только за пределами постели, но и в ней. Она не уступала ему ни в чем, и после побега, казалось, стала более раскрепощенной и отзывчивой. Но... не давала ни шанса

Князю на то, чтобы тот получил прощение. А ему, мать ее, отчего-то нестерпимо важно было знать, что она забыла тот случай. Но она не забывала. И он бесился всё сильнее.

Он пошел ради нее на то, на что не пошел бы даже ради себя. Ради спасения своей души из адского пламени, если бы верил, что он существует. А для нее... он сделал почти невозможное. Примирился с собой, подавил инстинкты хищника, контролировал слова и действия, постепенно осозная, что действует уже большей частью бессознательно. Он переступил через принципы, которые когда устанавливали для него, и которым он стал слепо следовать.

А она!.. Она была всё так же холодна и неприступна.

Но сдаваться Князю Четвертого клана не перестало!

Спустя неделю после ее возвращения, он нашел ее в зимнем саду, где она поливала цветы, напевая под нос какую-то песенку. Оказывается, у нее красивый голос. И где-то он уже слышал эту мелодию... нет?

Он подошел к ней незаметно, остановился в дверях и несколько минут просто смотрел на ее расслабленную спину и слушал, как она поет.

Что-то в груди тревожно забилось. Неужели сердце... почувствовало что-то?..

— Кара, — позвал он ее, и увидел, что девушка не вздрогнула, как раньше. Будто знала, что он где-то рядом.

— Дуешься? — спросил он, глядя на нее непроницаемо.

Он всё еще злился на нее. За всё. За побег. За то, что вынудила его против воли волноваться. За то, что была равнодушна, беспечна. За то, что страстно отвечала на его страсть, оставаясь дерзкой и хладнокровно отстраненной. Будто в ней уживались два человека. Глаза благословляли на слепую безудержность, а голос оставался спокойным и твердым.

— Значит, дуешься, — выговорил он сквозь зубы, когда она не ответила, медленно подошел к ней со спины.

Она молчала, лишь цветы продолжила поливать, а его будто и нет в комнате!

— А знаешь ли ты, — отточенно заявил он, пронзая яростным взглядом ее спину, — что ты не имеешь права дуться?! Ты — рабыня, детка, не забыла?

— Где уж мне? — недовольным голосом пробормотала она, так к нему и не повернувшись. — Мне дословно и... наглядно в прошлый раз объяснили, кто я в этом доме. Запомнила. Повторения не нужно, спасибо.

Штефан взбесился от такого показного равнодушия и резко схватил ее за плечи, повернув к себе лицом. Навис над ней каменной глыбой, но Кара ничуть не шелохнулась, уставившись на него почти безразлично. Только слегка подрагивающие уголки губ выдавали ее волнение. Глаза не просто горели, но пылали.

— Тогда какого хрена ты себе позволяешь? — выдохнул он ей в лицо, начиная заводить от ее холодности.

Казалось, какая ему разница, как она на него смотрит, каким тоном с ним разговаривает... Рабыня она, и только! А нет, волновало. Еще как волновало. И это бесило больше, чем ее безразличный голос и уставший (от него?!) взгляд.

— Ничего не позволяю, — коротко ответила девушка, продолжая пытливо на него смотреть. — Что-то не так?

— Да! — рыкнул Штефан, сильнее сжав ее плечи, до боли, до синяков. Заметил, как она поморщилась, но не мог остановиться, крепче сжимая девушку в тисках своих рук. Вновь

терял контроль над собой и своими действиями. — Не так! Ты, кажется, забыла, что еще не ответила мне за свой побег. За свою, — с угрозой выговорил он, — попытку побега. Знаешь, что я делаю с теми, кто пытается бежать?

— Отправляешь в колонию? — совершенно спокойно спросила она. Совсем не боится?! И без паузы: — Так давай же, отправляй, если хочешь! — прямой, вызывающий взгляд глаза в глаза. Схлестнулись, столкнулись две волны ярости и гнева, обиды и раздражения, в неравной борьбе хозяина и его рабыни. — А, если не отправишь, я всё равно убегу, ясно?

Он рассвирепел окончательно. Да как она смеет?! Эта... девка, рабыня... эта... зараза!?

И, не помня себя от ярости и бешенства, овладевшего им, сжал ее в своих руках так сильно, что Кара поморщилась и даже вскрикнула, пронзил ее своим безумием и стремительно прижался к ее губам. Это был поцелуй-наказание, поцелуй-покорение, поцелуй-порабощение. Настоящее, полное, грубое. Настоящее покорение, которое не принесло результатов.

— Доволен? — сквозь зубы выдохнула она, когда Штефан отстранился. — Удовлетворен? Только это тебе и нужно было? Или желаешь задрать на мне юбку и тр***ь по быстрому?! — ее слова сочились ядом. — И что тебе это даст? Власть, победу, порабощение... что?!

Она замолчала, а он продолжал смотреть на нее и метать стрелы. Тяжело дыша и едва себя сдерживая, чтобы не накинуться на нее — с кулаками или с новыми грубыми поцелуями, он еще не понял.

— А я всё равно убегу, — выдохнула она с вызовом, холодно и безапелляционно.

— А вот об этом и не мечтай, детка, — рыкнул он, сверкнув глазами, и, подхватив ее на руки, прошипел: — И ты права, я желаю задрать на тебе юбку и тр***ь по быстрому, — и вынес сопротивляющуюся девушку из зимнего сада, направляясь в сторону спальни. — Как думаешь, за полчаса уложимся, у меня встреча в три!?

— Отпусти меня! — шипела она, стреляя в него ядом, но Штефан был глух к ее крикам.

— Побереги силы, детка, — толкнул он дверь ногой и так же, ногой, захлопнул ее. — Они тебе понадобятся.

— Зачем тебе это нужно? — спросила она коротко и тихо, уже не вырываясь, осознав, что бесполезно.

— Я хочу тебя, — так же коротко и тихо ответил Князь. — И ты будешь моей.

То, что он сделал с ней потом, не походило ни на что, что делал он когда-либо, и что чувствовала при этом она. Не было грубости, не было силы и подчинения, не было порабощения и доказательства своего лидерства. Просто были двое — мужчина и женщина, которые боролись страстью в борьбе с соперником и с самими собой.

Легкие скольжения языка, влажного и мягкого, — до сорвавшегося с губ крика. Нежные касания пальцев к разгоряченной коже, превратившейся в оголенный клочок нервов, — до гортанного выкрика, свидетельства чьей-то капитуляции. Чувственные поглаживания, переходящие в страстный взрыв. Смещение дыхания, переплетение языков при поцелуе — как новая схватка или борьба. Приглушенный стон и громкий выкрик. Стиснуть до дрожи в теле и до покалываний в области сердца. Схлестнуться в битве... и проиграть обоим.

— Рано или поздно, ты ответишь, кто помог тебе бежать и открыл ворота, — проговорил Штефан, глядя в потолок, но свободной рукой, на которой не покоилась голова Кары, перебирая пальцами черный шелк волос. — Вариантов не так и много, детка, так что не питай иллюзий. Скажешь ты мне сейчас или нет, но я все равно узнаю.

— Не скажу, — просто откликнулась девушка, не моргнув и глазом.

Он резко повернул ее к себе, вынуждая заглянуть в глаза.

— Ты испытываешь мое терпение, Кара.

— А ты — меня, — отозвалась она тихо. — На прочность. Доволен результатами? Или придется повториться?

Он промолчал, не зная, что сказать. Права ли она? Пожалуй, что да. Но признаться в этом сейчас, значит заявить о своей полной капитуляции. К этому Князь не был готов.

Сжав ее сильнее, он прошипел:

— Ты слишком много себе позволяешь для обычной рабыни.

— Накажешь меня? — легко поинтересовалась она и, когда он ничего не ответил, спросила: — И как?

— Будь уверена, — твердо заявил Штефан, — я придумаю. У меня большой опыт в этом вопросе.

Кара промолчала, потому что отлично знала, что он говорит правду. Но думать об этом не стала. И зря.

Глава 24. Верить в чудеса

24 глава

Верить в чудеса

Время шло, медленно пролетала моя жизнь в замке Штефана Кэйвано. После побега — под тщательным наблюдением хозяина за моими передвижениями, действиями и даже словами. Он контролировал всё. Без исключения. Особое внимание уделяя моим отношениям с остальными рабами и слугами. Не знаю, что послужило этому тщательному, тотальному контролю... А хотя нет, знаю. Мой побег, по всей видимости? Может, Штефан думает, что если я смогла убежать сама, то подвигну на великие свершения и других слуг? Мысль весьма интересная, только... даже если бы у меня и были такие планы, сделать этого теперь не представлялось возможным. Потому что Кэйвано следил с особым рвением за моими передвижениями. Не удивлюсь, если он расставил по каждому углу «своих людей», чтобы те по пятам шатались за мной. Вот же!.. Убежала один раз, и на тебе последствия. Я, конечно, подозревала, что он не в своем уме, но только сейчас поняла, насколько он не в себе. И самое ужасное, — это не лечится. Ну, вообще никак.

Я была зла на него. Очень зла. Я негодовала и бесилась, я сходила с ума от ярости... и от невозможности выплеснуть ее наружу. Ведь Князю просто так не скажешь «Иди к черту!». Хотя, я стала за собой замечать, что всё чаще не стесняюсь в выражениях, когда дело касается моего... кхм... хозяина. Может, те уроды, что меня избили и чуть не изнасиловали, отбили у меня всякую способность к самозащите? Это ж кто решится живому-то Штефану Кэйвано в лицо гадости говорить и посылать... так далеко, что оттуда не вернуться?

Но мне было как-то... всё равно. Сказала ему всё, что думаю, и как-то легче стало, успокоилась, ровнее дышать даже стала. А потом... опять всё сначала. Он давит — я отвечаю. Он прессингует — я свирепею. Или вообще никак не реагирую на его тиранские замашки. А что? Очень даже эффективный способ. Он бесится. А я... в душе я ликую, хотя сама себе в этом признаваться боюсь, потому что способ этот «вырабатывала» вроде как для того, чтобы смирить свои чувства к Князю. ВСЕ чувства. И зачатки светлых чувств... тепла, нежности, например, и злых, которые, когда одолевали мною, я готова была даже замахнуться на него. Гнев и ярость, даже ненависть. Да, пожалуй, я его ненавидела... раньше. А сейчас... Черт возьми, как такое может быть!? Но сейчас я уже не испытывала к нему ненависти!

Не могу объяснить, как это произошло, но мое отношение к нему изменилось. В противоположную сторону. Вот вроде бы живешь, думаешь о человеке одно, а он оказывается другим. Разочаровываешься, клянешь его последними словами, негодуешь и втихаря бесишься, а потом — бац! Что происходит? С ним, с тобой? Но твое отношение вновь кардинально меняется. И ты понимаешь, что уже не контролируешь этот процесс. Всё происходит помимо твоей воли и желания. Твои желания уже давно не учитываются. Ты вообще влезла не в свою игру, предложив игрокам свои правила. Кто тебя будет слушать, наивную, глупую девочку?

Примерно то же самое произошло и со мной. И с ним. Я знала, что перемены обоюдны. Я чувствовала.

Когда он вернул меня в замок, я ненавидела его. Я могла поклясться на Библии, что убью его, если мне представится такая возможность. Он сломал мне жизнь, он меня покалечил, он пытался подогнуть меня под себя. Ему было мало моего тела, он жаждал получить и мою душу. Какая незадача! Это единственное, что принадлежало лично мне. То драгоценное, что я могла отдать лишь добровольно! Но не сделаю этого. И он это знает. Оттого и бесится, по всей видимости. Не знаю, чего он хочет, но, скорее всего, полноправной собственности надо мной. И, понимая, что этого ему не достать, негодует. Хотя «негодует» это еще слабое определение тому, что с ним происходит. Он просто... бесится. Он калечит меня, он ломает и режет, не слышит мольбы и крика, он просто насаждает и берет своё. Не взирая на препятствия. Разве будет для него являться препятствием мнение и желание какой-то рабыни? Вот и с моим мнением он не считается. Берет, как брал всегда то, что ему принадлежит.

Я пыталась вырваться из плена, перестать быть вещью и принадлежностью, — убежала. У меня почти всё получилось! Если бы не моя глупость, если бы не самоуверенность... оставалось только корить себя, ничего иного было не дано. Меня нашли. Он меня нашел. И когда увидела его лицо, склоненное надо мной, так близко... его глаза, потемневшие, казавшиеся почти черными, в них, кажется, горел какой-то огонь, ярость и... неужели? Растерянность и бессилие? Какая-то... беззащитность. Я открыла глаза лишь на мгновение, а потом вновь провалилась в спасительную на тот момент темноту и подумала, что, наверно, мне показалось. Не мог Князь Кэйвано испытывать такие чувства. Это не для него. Чувства — вообще не для него.

А когда я очнулась, он сидел рядом, в кресле напротив кровати. В комнате, не предназначавшейся для прислуги! И, не отрывая немигающего взгляда, смотрел на меня. На лице непроницаемое выражение, глаза странно блестят. Разве такой мог испытывать что-то, хоть отдаленно напоминающее бессилие?

Уже через несколько дней после возвращения в замок, когда я вернулась к своим обязанностям по дому, все посматривали на меня с любопытством, наверно, гадая, когда ко мне придет расплата в лице великого и ужасного Князя. А я помалкивала, не желая уведомлять их, что расплата меня нашла в тот же день, как это сделал и сам Князь. В тот миг, как только я распахнула глаза. И пожалела, что сделала это. Уж лучше бы мне было умереть там, на дороге, от рук тех насильников!..

Или мне всё же повезло, что меня нашел именно он? Ненавистный человек, от которого я убегала. Тот, кто пытался меня уничтожить, и... кто стал моим спасителем.

— Очнулась? — проворил он, хотя могу поклясться, что не видела, как он разлепил сомкнутые губы.

Я попыталась приподняться на кровати, но наткнулась на предостерегающий взгляд, который дерзнула проигнорировать. Поморщилась от боли, но все равно приподнялась на локте. Тело болело нещадно, будто его ножами резали, а потом зашили по кусочкам. Губа распухла, кажется, я даже почувствовала на ней запекшуюся кровь, хорошо хоть глаза не заплыли. Не помню, сильно ли меня били в лицо...

— Больно? — осведомился Князь, продолжая смотреть на меня немигающим взглядом, и не шелохнувшись. Я промолчала, а он со злостью бросил: — А нечего было убегать, тогда не было бы больно!

— Если бы не тот случай, — проговорила я сквозь зубы и через силу хриплым голосом, потому что в горле пересохло, — я бы не убежала!

Штефан промолчал, впившись в меня более пронизывающим взглядом, чем прежний тяжелый взгляд. Несколько мгновений, показавшихся мне вечностью, мы смотрели друг на друга, словно сейчас набросимся на противника с кулаками. Опять война взглядов, переросшая уже в откровенное состязание. Но вот Князь неожиданно для меня поднялся с кресла, медленно подошел к столику и налил в стакан воды. И всё это, не проронив ни слова, с выпрямленной спиной, гордый и непоколебимый. Повернулся ко мне, подошел.

А я следила за ним с изумлением, явно читавшимся на моем бледном лице.

— Пей, — подал он мне стакан, и я поспешила выхватить его из мужских рук. — Не спеши ты так! — крикнул Кэйвано, когда я жадно стала глотать спасительную воду. Я не послушалась, выпила всё до капли. — Еще? — вскинул он брови, а я покачала головой. — Как хочешь, — пожал он плечами.

Отошел, поставил стакан на столик, не поворачиваясь ко мне с минуту, не меньше, а потом сказал:

— Как ты себя чувствуешь?

— Как та, которую избили, — коротко выдохнула я с недовольством. — Нормально, бывало и хуже.

— Бывало? — резко повернулся он ко мне, глаза его сощурились. — Когда бывало? Кто..?

— Я во Второй параллели уже почти год, — перебила я, — а тут, знаешь ли, всем хочется испробовать раба на прочность, — наверное, не нужно было грубить, но чувство страха, по всей видимости, атрофировалось.

Он пытливо смотрел на меня, испепеляя взглядом. Но молчал. Поза небрежная, но это лишь видимость. Я знала, я научилась распознавать эту показную небрежность. На самом деле, он готов к прыжку, как тигр. А, если задуматься, он и есть тигр. Самый настоящий хищник. И не раз, и не два уже это доказывал. Тиран!

Я продолжала смотреть на него, тоже молчала, зная, что еще успею поплатиться за всё сполна, а Штефан тем временем подошел к кровати. Нас разделяло теперь меньше полуметра. И эта близость пугала!

— Тебя вымыли и переодели, — коротко бросил Князь, склонив голову набок, словно рассматривая меня. А когда мои глаза недобро блеснули, добавил: — Это сделал не я, — язвительно усмехнулся. — У меня еще будет время рассмотреть твои... прелести.

Я бы задохнулась от гнева и негодования, этот человек легко выводил меня из себя, но он не позволил, в один миг оказавшись около кровати и нависнув надо мной каменной глыбой. И молчал. Я смотрела на него.

— Ты ведь понимаешь, — прошипел Кэйвано, склоняясь надо мной всё ниже, — что не можешь уйти от меня безнаказанной, — пронизывающие холодные глаза нашли мой взгляд. — Понимаешь?

Я не хотела с ним разговаривать. У меня не было на это ни сил, ни желания. Я опять промолчала. Чем, по всей видимости, задела его гордость, потому что Штефан вдруг схватил меня за плечи, причиняя боль, и приподнял на кровати.

— Молчишь? — выдавил он из себя. — Думаешь, что молчание спасет тебя? — горячий взгляд остановился на моих губах. Я почти явственно ощущала их жар. — Тебя ничего не спасет от меня, — отрезал Кэйвано, накидываясь на меня с поцелуем. Жестким, яростным поцелуем, скорее похожим на клеймо, на печать, на владение. Отстранился он так же быстро, как и поцеловал меня. Бросил быстрый взгляд на плечи, зажатые в тисках его

ладоней, поднял взгляд на мое лицо. — Больно?

Я кивнула, заморожено глядя на него и поджимая губы. В который раз он уже поинтересовался, больно ли мне? Это он так со всеми рабынями... мается? У него что, дел больше нет, кроме как...

— Что они сделали с тобой? — глаза его потемнели, сощурившись. — Они тебя... трогали? Что они сделали?

— Ничего, — выдавила я, глядя ему в лицо немигающим взглядом. Странно, почему я его не боюсь? Совсем не боюсь! Даже его мести, которая, я знала, еще меня настигнет. Почему?!

— Я еще раз тебя спрашиваю, Кара, — сильнее сжал мои плечи Штефан, — что они сделали?

— А тебе какая разница? — с вызовом вздернула я подбородок. — Это имеет какое-то...

— Ты моя! — рыкнул он, придавливая меня своим телом к постели. — Моя, ясно? И никто, кроме меня, не имеет права тебя трогать!

Я внимательно смотрела на него, не отводя взгляда. Глаза какие-то бешеные, сужены, губы поджаты. Буря всколыхнулась во мне, огненная, неконтролируемая, опасная стихия. Глаза потемнели.

— Тогда иди и прирежь их, если найдешь! — заявила я ему в лицо. — Потому что они больше, чем просто трогали меня!

— Кара! — угрожающе прошипел Штефан, продолжая прижимать меня к постели, а я поддавалась ему, не в силах противостоять. — Что они сделали? — по словам проговорил он. — Конкретно!

— А по моему внешнему виду, разве не понятно? — зашипела ему в ответ я. — Изнасиловать пытались!

— Только пытались? — продолжил допрос Князь. Чем взбесил меня еще больше.

Какая ему разница?! Подумаешь, надругался кто-то над его рабыней! Так это тут, наверное, на каждом шагу происходит! Чего он бесится?!

— Только пытались? — повторил он гневно, продолжая причинять мне боль своим захватом.

— Да, да! — закричала я, приподнявшись и невольно оказавшись в нескольких сантиметрах от его лица. — Да! — повторила я уже тише, глуше, ощутив, что гнев сменяется отчаянным дыханием и сердцебиением. Что за черт?.. — Да, они только пытались, — сказала я совсем тихо и сглотнула.

Продолжая смотреть в его глаза, заметила, что они расширились, стали светлее, обдавая меня теперь вместо северного холода жаром тропиков. Дрожь прошла вдоль позвоночника, а руки вспотели. Что за?..

— Хорошо, — сказал он так же тихо, как это сделала я.

Я не успела отстраниться, наши лица стали еще ближе. Смешались два дыхания в одно, глаза жгли огнем, выжигая на мне — это уж точно — огромную метку принадлежности. Ему.

— Они заплатят за то, что сделали, — клятвенно заверил меня Штефан, касаясь моих губ своими губами. — Клянусь.

— Но они ничего не сделали... — выдохнула я ему в губы, стараясь отстраниться.

Откуда это чувство во мне? Летящее, щемящее... Неужели он... нежен!? Со мной?..

Не ответив, Кэйвано с грозным рыком прижался к моим губам, сминая их своими, проникая языком в рот и утверждая свое право на то, чего негодяи так и не сделали. Он снова меня подавлял. А я поддавалась.

Я попыталась вырваться, бороться. Его поцелуй причинял мне боль вначале, а потом, когда внезапно превратился из страстного в ласкательно-нежный, от новых ощущений, что во мне зародились, попыталась его оттолкнуть от себя. Испугалась. Он так никогда не делал, — в памяти были свежи воспоминания совсем других поцелуев, совсем другого... наказания. Я вновь попробовала вывернуться из его рук, протестуя что-то пробормотала ему в губы, но он лишь сильнее захватил в плен мой рот, раздвигая губы языком.

Он не отпустил меня. Он доказывал свое превосходство и свою власть надо мной тем способом, который считал самым эффективным. Он был почти нежен. Сначала неистов и агрессивен, даже несколько груб, срывая с меня платье, которое принесли мне по его указанию взамен разорванному. Но потом будто что-то вспыхнуло в нем. Его касания изменились, оставаясь решительными, даже где-то отчаянными, властными и покоряющими, они вместе с тем превратились в томительные, сладко болезненные и возбуждающие. Он знал, что делает, этот демон, этот дьявол во плоти.

Боль отступила, или я просто не обращала на нее внимания? Она забылась, растворилась в ощущениях.

Черт возьми, он знал, где и как, в какой момент коснуться, чтобы я вскрикнула или, вцепившись в него, молила не останавливаться. Он всё это знал. То, что он делал, не было похоже на то, что я испытала перед побегом. Словно два разных человека. Две сути одного целого. Две стороны медали темного Князя. Они сочетались в нем наравне друг с другом. Грубость и нежность, власть и покорение, звериный рык и хриплый стон. И я, отдаваясь во власть одного, не могла не признать, что падаю ниц и перед вторым.

— Скажи, что ты принадлежишь мне, — шептал он в мои припухшие от поцелуев губы, не делая заветного движения вперед, не заполняя собою, вынуждая меня приподниматься, желая ощутить его всего. — Скажи, — говорил он, разжигая во мне не просто страсть, но вожделение и распутность. — Скажи!..

Нет, нет, нет! Не могу, не хочу, не буду!.. Нет... Пожалуйста!..

Я предательски застонала, когда он коснулся меня губами. Поцелуй-укус, а потом... влажный язык на моей коже. Дрожь пронзила, казалось, до основания. Дьявол! Он дьявол во плоти!..

— Скажи, Кара, — шептал змей-искуситель. — Ты проиграешь, детка. Всё равно проиграешь...

— Не-е-ет, — простонала я, желая вырваться, но лишь неистовее сжимая Князя в своих объятьях.

Почему он такой? Почему он... нежен? Черт возьми, другого его легче ненавидеть и помнить зло... А сейчас... Почему он другой!?

— Ну, давай, — касаясь разгоряченной кожи, шептал дьявол. — Скажи мне это, и ты получишь... всё. Кара?..

— Я принадлежу тебе, — покорила я, понимая, что проигрываю. — Принадлежу... ох... тебе!.. — и ощутила, наконец, столь желанную плоть в себе. Ощутила его в себе. И закричала от восторга... и ненависти к тому, что превратилась в распутную девку для утех, как он и говорил.

И, черт побери, это было моим наказанием! Пламенные ответы моего тела, жар

дыхания, гортанный стон, вырвавшийся из меня против воли, желание касаться его, быть с ним рядом, кожа к коже. Близко, глубоко, томительно и сладко. И глупо было отрицать, что дело только в теле. Дело было в нем. В дьяволе, который укрощал меня день за днем, упрямо двигаясь к главной своей цели. И в этом было мое наказание. Он почти добился своего. Покорил меня полностью.

И за это я ненавидела его еще больше. Но всему в вину ставила не это, а то, что произошло перед моим побегом. А он негодовал по этому поводу. «Но что же ты ожидал, хотела крикнуть ему я. Как ты поступил со мной, что сотворил?!». И главное, — почему, за что? Без объяснения причин! Я, конечно, понимаю, что являюсь здесь рабыней, что со мной дозволяется делать всё, что душе угодно, без зазрения совести и угрозы наказания, но сказать, что именно я сделала не так, как он того желал, можно было! Но Штефан не сделал этого. И на это он тоже имел право. А я не имела права ни на что. И это вновь возвращало меня с небес на грешную землю, на круги своя, — кто есть кто из нас двоих.

Он спрашивал, обижаюсь ли я. Странно, что он вообще затрагивал эту тему. Не всё ли ему равно, что я чувствую? Он сам четко дал понять в наш последний разговор, кто я, и кто он. Переходить грань не стоило. Я и не пыталась. Но он, по всей видимости, считал иначе. Поэтому так поступил со мной? Потому, что решил, будто я пытаюсь... Не могу уловить полет его беспощадных крошащихся на клочки мыслей. Потому что думал, что я пытаюсь перейти грань и стать кем-то большим, чем обычная рабыня?! Какой бред! Князь не должен думать об этом, его не волнуют такие мелочи. Но что творится в его голове... кто знает?

Я медленно сходила с ума. Осознавая, что нужно бежать от этого человека, как можно дальше, боролась с бесконтрольным желанием остаться рядом с ним. Но место рабыни у его ног мгновенно ставило всё на свои места, опуская меня на землю. Ничего иного ожидать от него не приходится. Я всего лишь рабыня. А он — мой господин. И ничего не изменится. И осознание этого факта после эйфории и сладостного экстаза окатило меня ушатом ледяной воды.

У нас с ним не было будущего. У меня с ним не было будущего. Меня вообще не было. А он...

Уже на второй день после возвращения в Багровый мыс я обматерила всё, что находилось вокруг меня. Чертыхалась так, что Штефану пришлось усмирить буйную рабыню путем угроз, иначе я не замолчала бы. Негодование было столь велико, что я едва сдерживалась, чтобы не крушить всё вокруг. Как я могла так низко пасть?! Позволить ему, позволить себе!.. Почти предать саму себя, после того, что он сделал.

Но слово сдержала и не кричала. Оставаясь к нему отстраненной и поминая Князю всё, что он сделал.

Язык так и чесался спросить, как там Анатоль, в порядке ли, ничего ли с ним не сделали, но я боялась, что подведу друга таким образом. А вдруг Кэйвано еще не выведал, кто помог мне бежать? И тогда я сама дам ему наводку на своего сообщника. И если я обошлась (по непонятной причине) лишь выговором, матерными словами в своей адрес, настолько хлесткими, что в груди всё дрожало, а уши краснели, и постоянным тотальным контролем, то я сомневалась, что Анатоль, если его обнаружат, обойдется тем же.

Штефан после первого нашего разговора, закончившегося подчинением меня его воле и телу, спрашивал меня и о тех подонках, которых я встретила на дороге. Отвечать ему не хотелось, хотелось лишь послать этот образец внимательности и заботы далеко и надолго. Почему, ну почему же он обнаружил меня так скоро?! Хотя, если быть честной к самой себе,

то можно было и пожать себе руку. Я еще долго продержалась. Более сорока часов. Никто из тех, кто убегал, по словам Лейлы, не выдерживал дольше двадцати четырех часов. Так что я могла собой гордиться. Но отчего-то чувства гордости не распознавала в себе. Наверное, его заглушила мучительная тоска и отвращение. К тому месту, в которое меня вернули. К человеку, который вновь стал мне хозяином. Я избавилась от него, став свободной, лишь на время. Наверное, на большее рассчитывать не приходилось. Штефан Кэйвано не делал подарков. Или делал? Ведь как объяснить его поведение после моего возвращения? Меня должно было ждать жестокое наказание, а он показал себя с иной стороны.

Кстати, как я потом узнала, Штефан нашел тех негодяев, что меня встретили на дороге.

— Не беспокойся, они получили своё, — коротко бросил Князь, не желая вдаваться в детали.

— Ты их убил? — нахмурилась я. Конечно, я желала, чтобы они были наказаны, но не смертью же!

— Нет. Но они пожалеют, что я не убил их, — клятвенно заверил он меня. — Я отправил их в колонию, — сказал он, почувствовав мою тревогу. — С потенциальными насильниками там разговор короткий.

Интересно, какой там разговор с беглецами? Естественно, интересоваться этим я не стала. Себе дороже.

Для меня оставалось загадкой, почему Штефан до сих пор не узнал имя моего сообщника. Анатолий так хорошо замел следы? Или... нет уже Анатолия? Я вздрагивала от подобных мыслей, отгоняя их прочь. Даже думать о том, что с Анатолем что-то могло случиться, и всё по моей вине, я не желала. Штефан не давал ответов, а я боялась спрашивать напрямик. Даже на кого-то из слуг я боялась положиться. Они могли быть посланными Кэйвано, чтобы втереться ко мне в доверие и всё разузнать о побеге.

Штефан Кэйвано всё же оставался Штефаном Кэйвано до конца. Он не изменился. Нрядом с ним я теряла себя, всё отчетливее осознавая, что пропадаю. Вновь и вновь осознавая, что становлюсь жертвой чувств к этому... извергу. Против воли, вопреки собственным желаниям. Я теряла не просто разум, но что-то большее. И с каждым днем, проведенным в его доме, в его обществе, я осознавала, что теряю себя. Но сейчас эта потеря не казалась такой... обезоруживающей. Потеря была взаимной.

Ненавидеть человека можно всю жизнь, можно лишь сотую долю секунды, в миг слабости, собственного фиаско, затем каяться в содеянном. А можно, как я, ненавидеть его чуть больше месяца. Или даже меньше.

Ровно столько длилась моя ненависть к Штефану Кэйвано. Прежде чем я поняла, что это не ненависть, и перестала убеждать себя в обратном. В этом просто не было смысла.

Я стала безразличной к нему. Точнее, я делала вид, что мне все равно, на самом же деле, всё внутри меня кровоточило. Я видела, что его бесило мое холодное отношение к нему. И он, к моему удивлению, пытался исправить это. Желал получить назад своевольную и упрямую рабыню, способную противостоять его напору и власти. А зачем? Чтобы дать ему лишний повод отправить меня в колонию? Не могу сказать точно, но он вынуждал меня стать той, какой я была до побега. Где-то безрассудной и взбалмошной, импульсивной и откровенно вызывающей, упрямой и своевольной. Он, казалось, делал всё для того, чтобы вынудить меня себе грубить и противостоять. Но я оставалась хладнокровной и беспечной к нему, на протяжении почти месяца лишь в минуты слабости отдаваясь во власть импульса и огрызаясь с самим Князем Кэйвано. А потом... потом я перестала себя сдерживать, и стала с

ним такой, какой он хотел меня видеть. И какой я всегда была рядом с ним.

Я не перестала быть его любовницей. Кто бы мне позволил, интересно? У Штефана на этот счет других планов не было. Каждую ночь я проводила с ним, как и прежде. И за все это время он ни разу не сделал того, за что я могла бы его ненавидеть... еще раз. Но прошлая обида не забылась, рана не зажила, а боль и потрясение от пережитого не уступили место прощению. Но постепенно, незаметно даже для самой себя, мои чувства вновь трансформировались. Ненависть, сменившаяся негодованием, теперь переросла в нечто мне не известное. Теперь я не желала отправляться в колонию. Не потому, что боялась, что меня там ждет жестокое наказание, их было предостаточно и в доме Князя, а потому что вдруг стала осознаваться, что... если кому-то и быть моим хозяином, то только ему. И я с каждым днем убеждалась в том, что он... может быть не таким уж и монстром. И я становилась рядом с ним такой же сумасшедшей, каким был он сам.

Кроме меня, он по-прежнему встречался с Софией. Аристократка, появляясь в замке, всегда одаривала меня порцией ядовитых взглядов и язвительных замечаний. В груди клокотала ярость к этой красивой дворянке, а еще... что-то еще, чему я пока не могла найти определения. Я терпеть ее не могла.

Уговаривая себя, что это лишь злость за ею содеянное по отношению ко мне, я скалилась, как только она приезжала в замок к Князю, и он вечером уезжал с ней куда-то. Зачем уезжал, и что они там на пару делали, мне объяснять не стоило. Я отлично всё знала. Оттого и бесилась. И злилась на себя из-за то, что меня это волнует. И не просто волнует, а что я... бешусь от этого! Какого черта этот... кобель себе позволяет?! И со мной спит и эту... удовлетворяет!? Уже через секунду приходилось окатывать себя ушатом холодной воды, выводя на свет Божий всю правомерность его поступка. Он — Князь, и конечно, ему многое позволено. В том числе развлекаться с аристократкой и заниматься сексом со мной. Почему бы, черт возьми, нет? Одна метит в Княгиня, а другая... другая вообще права голоса не имеет. Что скажут, то и будет делать.

Книги на сайте — Книголюб. нет

Я терпела, я молча негодовала, когда он обнимался с ней и при мне (хоть бы постыдился, хотя о чем-то это я?!) целовался с ней, поглаживая стройное тело. Я подсматривала за ними, как заядлая шпионка, а он... более чем уверена, что он знал, что за их любованиями наблюдают. Ему всегда и всё было известно. И я скрежетала зубами, чувствуя, что начинаю не контролировать процесс.

Я не могла вслух высказать свои... неожиданные и противоречивые чувства, но однажды все-таки не сдержалась. Когда он уехал к своей... пассивности, я заперлась в комнате, без намерения выходить, даже если он позовет меня к себе. Я была уверена, что позовет, — всегда звал. После нее. Кобель проклятый! Я ему что, девочка для утех?! И потом осаждала себя: да, я девочка для утех. Но терпеть его бл***о я не желала!

Он пришел за мной и вышиб дверь ногой, когда я проигнорировала его приказной тон открыть ее.

— Ты что же, меня плохо слышала, — прошипел он сквозь зубы, а из глаз чуть ли искры не сыпались. — Я что тебе говорил про двери?! — проорал он и стремительно подскочил ко мне, поднимая с кровати.

— Что, леди Бодлер так плоха, что ты ко мне пришел!? — прошипела я ему в ответ, боясь признаться даже себе в том, что именно за чувство сейчас испытываю.

Он испытывающе смотрел на меня, будто прожигая взглядом, больно сжимая плечи. А

потом складочки между бровей разгладились, даже захват его рук ослаб. Он усталился на меня.

— Ты что это, детка, — с иронией проговорил он уже тише, — ревнуешь?

— Отпусти меня! — выдохнула я с яростью, не желая признавать его правоту. Но он не отпустил.

— Ревнуешь, — удовлетворенно протянул он и опустил меня на кровать. — Не стоит, детка. Вам с Софией нечего делить, — и, не говоря больше ни слова, стал раздеваться. А я смотрела на него, часто моргая.

— Ты что... что ты делаешь? — почему голос дрожит?! Я отшатнулась к стене, едва ли не сросшись с нею.

— Как что, доказываю тебе, что ревновать не стоит, — усмехнулся Штефан. Интересно, когда он научился так усмехаться. Не злобно, даже как-то... игриво?! Сумасшедший Князь! Сумасшедшая я!.. Нет, нельзя...

Пока я, опешившая, смотрела на раздевающегося мужчину, он уже полностью оказался раздетым.

— Милая, — вновь усмехнулся он, двигаясь на меня во всей своей обнаженной красоте, — тебе не кажется, что пора бы уже уравнивать наши... позиции? — я, не понимая, уставилась на него. — Раздевайся, сладкая моя, — проговорил он таким голоском, что меня прошиб озноб, а потом... потом тело вспыхнуло.

Был ли у меня хоть единый шанс на спасение в тот момент? Наверное, не было. Учитывая, что Штефан подчинял. Тело — ему преклонялось, а я... мне осталось лишь сдать позиции, как он и требовал.

Себе лгать не престало. И я отдалась в объятья дьявола. Добровольно. Вот идиотка!

Наши... отношения, если их можно так назвать, были более чем странными. И они уж точно не походили на отношения хозяина и его рабыни. Хотя, если подумать, у хозяина и рабыни вообще никаких отношений быть не должно. А у нас... между нами... что-то было. И я уверена, что это чувствовала не я одна.

Мы никогда не разговаривали с ним о том, что послужило причиной моего побега. Вряд ли Штефан Кэйвано был готов к подобным откровениям, а я... в памяти оставались лишь те дни — после моего побега, — когда он, сам того не понимая, возвышался и оправдывался в моих глазах. Как это произошло, не знаю, но я поняла, что демоны тоже умеют... чувствовать. И Штефан Кэйвано не исключение. Что он чувствовал, я не знала, но точно знала, что это чувство мешало ему быть ко мне жестоким и беспощадным, каким он был с другими. Он продолжал оставаться нетерпимым и неуправляемым, но вместе с тем... что-то в нем изменилось. Уступки, на которые он шел. Угрозы, которые не выполнял в отношении меня. Слова, которые вводили меня в ступор. Отношения с Софией, которая стала всё реже бывать в замке. Всё это накладывало отпечаток на мои с ним отношения. И сознание, когда-то упрямо протестовавшее против этого мужчины, тоже уступало его безликой второй сущности, которая покоряла, не угнетая, а доказывая, что у всего в этом мире две стороны медали. И Штефан Кэйвано, кажется, решил показать вторую свою сущность мне.

Началось всё с вопиющего случая. В тот день он узнал, кто именно помог мне бежать. Это случилось почти через неделю после моего возвращения. Информация, я не сомневалась, раздобыл для него Ищейка, этот Максимус. Станный субъект, надо бы отметить. Иногда я ловила на себе его странный взгляд, понимая, что черные глаза, смотрят на меня из-под сдвинутых бровей... как-то откровенно. Следит? Выведывает что-то? Ждет,

когда я выкину очередную глупость, вроде той, чтобы заговорить с Анатолем? Не дождется. С Анатолем мы хоть и виделись пару раз с момента моего возвращения, но никак не подали виду, что нас что-то связывает, будто взглядами договорились молчать.

А в день, когда Штефан узнал, кто именно помог мне бежать, Анатоля вообще не видела. Я знала, что Князь просто так это дело не оставит и рано или поздно докопается до истины, но молилась, чтобы это случилось как можно позже. Не судьба... Максимус разведаль всё в два счета. Хотя, почему-то мне казалось, что он знал обо всем уже давно, но по какой-то, неизвестной мне причине, молчал. Иначе как объяснить его странные взгляды и слежки за мной? Но и он не смог терпеть с докладом долго, так как, я была уверена, Кэйвано налегаль на него со всех сторон. И Ищейка сдался.

Штефан матерился, чертыхался, едва ли не перевернул вверх дном всё, чего касался. Позвал меня к себе, чтобы сообщить «радостную новость», а я, на тот момент равнодушная и беспечная, решившая быть с ним как можно более холодной и сдержанной, сорвалась. И он тоже сорвался.

— Ты звал меня? — закрывая за собой дверь его кабинета, спросила я, гордо вздернув подбородок. Это было не к чему, моя гордость и так уже сдалась на милость победителю, но показывать это не стоило.

Штефан стоял ко мне спиной, упираясь руками о край стола. Спина напряжена, плечи тоже, наклонил голову вниз. И будто меня не слышал, потому что никак не прореагировал на мой приход. Но он знал, что я пришла, в этом не могло быть сомнений. Я сглотнула и сделала нетвердый шаг вперед.

И застыла на месте в тот же миг, осознав, что Кэйвано едва себя сдерживает, чтобы не сорваться. Такое было уже однажды... Накануне моего побега.

Я вздрогнула. В глазах потемнело от яркой вспышки воспоминания, в горле вдруг вырос комок.

— Что-то случилось? — проговорила я, вынуждая голос не дрожать.

Черт, какое отвратительное чувство дежавю! Было уже такое когда-то. А потом был взрыв. Ломка. Крах.

Я не решалась подойти ближе к нему, смотрела на его выпрямляющуюся спину, на то как Штефан очень медленно поворачивается ко мне, смотрит мне в лицо, пронзая взглядом серо-голубых глаз.

— Так, значит, это он? — прошипел Штефан, стиснув зубы. — Он!?

И я мгновенно понимаю, в чем дело. И о чем он говорит. В груди всё начинает дрожать, скользкий и липкий страх начинает расползаться по телу. За себя я не боюсь. А вот за Анатоля...

— Какая теперь разница? — вскинув подбородок, выговорила я.

— Значит, действительно, он, — утвердительно кивнул мужчина и сделал шаг в сторону. — Ну, что ж, отлично, — прорычал он и, сжав руки в кулаки, двинулся к двери, решительно и стремительно. Сомневаюсь, что ему вдруг захотелось выпить чаю.

Нужно его остановить! билось в мозгу. Нужно немедленно его остановить!

Я кинулась к нему, неосознанно схватив Штефана за руку.

— Стой. Куда ты? Что ты будешь делать? — словно потеряв чувство страха, выпалила я.

Мужчина остановился, как вкопанный. Заглянул в мои горящие глаза, не разжимая сомкнутых губ, медленно перевел взгляд на мою ладошку, стиснувшую его запястье, а потом вновь заглянул мне в глаза.

— Пойду переговорю с ним, — ответил он тихо, но с угрозой. — С глазу на глаз, — двинулся вперед, вырывая свою руку из моего захвата, но я его не отпустила.

— Нет! — воскликнула я и, метнувшись к двери, перегородила ему путь. — Не пущу! Нет!

Серо-голубые глаза сверкнули яростью.

— Ты что?.. — кажется, он изумлен? А как я изумлена подобной дерзостью, кто бы знал!? — Ты что, мне указываешь? — сузились его глаза. — Да кто ты такая!? С ума сошла! Забыла, что такое удар кнута?!

— Забыла, — с вызовом крикнула я, твердо глядя на него. — Да, забыла. Напомнишь?

Он испепелял меня взглядом. Долго, мучительно долго и болезненно. Глаз его, несмотря на то, что были холоднее льда, жгли адским пламенем. Мне казалось, я теряю почву под ногами. Пронизывающий взгляд, твердый, вселяющий страх. Сердце забилося в груди пойманной птишкой. В виски заколотился пульс. Но я не отступила даже тогда, когда лицо Князя помрачнело до отметки «полный мрак». «Не пущу!» решила я для себя. Даже страшно представить, что он может сделать с Анатолом в таком состоянии. Штефан мастер в исполнении наказаний, сам говорил, так что...

— Отойди, — выдавил он из себя, чувствуя, как сжимаются на запястье мои пальцы. — Немедленно отойди.

— Ударишь? — с придыханием спросила я, нутром чувствуя, что он не сделает этого. Может, потому и не боялась его.

Он лишь сильнее стиснул зубы, отвечая молчанием и яростью на мои предположения. Резко наклонился ко мне, свободной рукой захватывая затылок и прижимая голову к своему лицу. Глаза горели, полыхали неведомым мне пламенем, губы все так же сомкнуты, тяжелое и горячее дыхание вырывается сквозь нос. В груди у меня всё перевернулось несколько раз. А от его близости накатило еще что-то... дерзкое желание прижаться к этому монстру еще ближе. Что он со мной сделал?! Почему я не могу иначе на него реагировать, — как раньше, с отвращением и презрением?! Почему!?

Еще мгновение, напряженное, удушающее, и он стремительно захватывает в плен мои губы, решительно раздвигая их своим языком. А спустя еще мгновение, я отвечаю ему с той же неистовостью, что он доказывает мне свое превосходство. Страстный поцелуй, дерзкий, жадный, возбуждающий. Способный сломить мою волю. Но вдруг срывающий все преграды и сводящий с ума обоих.

Штефан отстранился от меня, задышал тяжелее и чаще, коснулся лбом моего лба, закрыв глаз. А я не могла прийти в себя, все еще ощущая на губах вкус его губ. Его ярости, страсти и одновременно нежности.

— Отойди, — сказал Штефан. — Мне нужно с ним поговорить.

Захват моей руки стал менее цепким и ослабленным. Сердце сильно билось. Но я не отпустила руки.

— Я ему ничего не сделаю, — услышала я его шепот. — Если тебе от этого легче станет... — я сглотнула, не в силах поверить тому, что он говорит, — то я не буду его трогать, — приподняв меня за подбородок, вынудил открыть глаза и посмотреть в собственные серо-голубые бездны. — Обещаю.

Я тяжело дышала, могла лишь смотреть в его глаза, поработившие мой разум и накачавшие наркотиком мое тело, размякшее и безвольное. Не верю ему... Нет, так не может быть. Не с ним. Он же тиран! Монстр и дьявол во плоти. Или же?..

— А теперь отпусти, — коротко приказал он мне.

И я подчинилась ему. Я ему поверила.

Он отстранился от меня, подошел к двери, потом резко развернул меня к себе и крепко поцеловал.

— За его ошибки будешь расплачиваться ты, — сказал он мне с легкой угрозой. — Ты готова к этому?

Я могла лишь зачарованно кивнуть, а он, оскалившись, вышел из кабинета. Я стояла, замороженная, и не тронулась с места, пока сердце не перестало размеренно и монотонно биться.

Анатолю он, действительно, ничего не сделал, как и обещал. Только после того дня я больше не видела своего друга в Багровом мысе. Как я потом узнала, его отправили в городской дом Кэйвано в Варшаве.

И я просто... запуталась. Кто такой Штефан Кэйвано? Неужели в нем действительно уживаются две сущности, две персоны? И как такое может быть!? Вроде, он прежний, тот самый Князь, который встретил меня в своем доме ударами кнута и беспощадными приказами. Жестокий, беспринципный и безжалостный властитель, хозяин чужих судеб, в том числе, и моей судьбы. Но и другой, тот Князь, который будто много лет скрывался внутри бесчувственного тирана. И то, что он сделал с Анатолем... а точнее, чего он с ним не сделал!.. О чем это может говорить? И зачем ему всё это? Хочет меня задобрить?.. Очень смешно. Зачем Князю искать снисхождение рабыни!? Но что-то внутри меня уверенно шептало, перебивая остальные мысли, что он делает это ради меня. Ради меня, подумать только! Ведь он сам сказал... Если тебе от этого станет легче. И его отношение ко мне... Другое, совсем другое. Интересно, он сам замечает, что позволяет мне слишком многое? Конечно, замечает, что за вопрос!? И бесится, и злится, и выходит из себя всё по той же причине, — ему это... это отношение в новинку. А я? Что мне думать? Как мне быть? Если бы он кидался словами, я бы ему всё равно верила, — Штефан Кэйвано не тот человек, что бросает слова на ветер. Но когда он действует... Это говорит само за себя.

Голова раскалывается от подобных мыслей. И как с этим мириться? И можно ли мириться с этим? А главное, нужно ли? Что это дает, — мне, ему? Это чревато последствиями. У этих... перемен нет будущего.

Но как же трудно принять эту его другую сущность! А вот привыкнуть к ней... легко. Особенно, когда ощущаешь, что понимаешь его. И в этом беда. Чужая душа — потемки, — ты можешь быть обманут.

И я не собиралась так легко верить в перемены, хотя видела их. Мало того, я их ощущала, не только на себе, но и на других слугах. Я слышала, как они шептались, будто Князь стал сдержаннее в проявлении эмоций, реже наказывал, словно закрывая глаза на проступки и «преступления». Взять того же Анатоля... И во всем «винили» меня. Меня!? Якобы, что эти... изменения в безжалостном Князе Кэйвано проявились с моим появлением в его доме. Я не оспаривала это мнение, потому что не знала, как он вел себя с другими до моего появления. Зато я могла судить, что его отношение ко мне почти год, когда я сюда попала впервые, и сейчас... стало иным. И подтверждение этому я получала даже чаще, чем могла рассчитывать.

Оказывается, Штефан Кэйвано умеет удивлять. Если захочет. Не знаю, хотел ли он меня удивить сейчас, но ему это удавалось.

И уже почти через месяц после моего возвращения, когда наши... отношения с Князем

достигли новой отметки, словно перейдя какую-то невидимую черту, он совершил еще одно... открытие. Чудо для меня. И я осмелилась заговорить с ним о том, о чем никогда не думала осмелиться заикнуться.

Этот разговор с самого начала не предвещал ничего хорошего. Он был не в духе. Его чем-то расстроил Ищейка, проскользнувший в его кабинет после обеда и сообщивший, по всей видимости, дурную новость. Но я все равно осмелилась подойти к нему. Начала издалека, намекая и так и эдак, но по сути, ходя вокруг да около, а Штефан не сдержался. Не потому, что именно сегодня был не в духе, в потому, что я вывела его из себя. И понимала это. Я уже давно осознала: чтобы добиться от Князя чего-то, нужно распалить его, в гневе он способен дать такие обещания, на которые не снизойдет в холодном рассудке.

А потому, когда Штефан, не выдержав, сорвался на меня, закричав, я мысленно поздравила себя.

— Чего ты хочешь, черт возьми?! — кричал он, сверкая глазами. — Чего тебе не хватает?!

— Свободы! — выкрикнула я. — Я хочу свободы от тебя!

— Свободы?! — рыкнул он и остановился посреди комнаты, испепеляя меня взглядом. — Ты, значит, хочешь свободы, — повторил он странным голосом, больше похожим на хрип. — От меня?

А вот это уже не очень хорошо. Этот его тон, да еще и взгляд. А вот подходить ко мне необязательно! Я поняла, что пячусь, когда спиной уткнулась в книжный стеллаж. Штефан двигался прямо на меня.

— Да, — проговорила я, отчаянно соображая, что делать. — А кто ее не хочет? — главное, стоять на своём.

— Ты забыла, где находишься, Кара? — угрожающим шепотом осведомился он. — Тебе напомнить? — и, преодолев, последние пару шагов, что нас разделяли, запер меня в клетке из своих рук.

— Не думаю, что от тебя убудет, — проговорила я, нервничая от его близости, — если ты дашь мне вольную. Ну, подумай, куда я от тебя денусь? Ты всё равно найдешь меня. И к тому же, вольная оставляет за тобой право хозяина!

Мне казалось, что это веские аргументы, но так ли думал Князь? По его непроницаемому лицу ничего понять было нельзя. Он уставился на меня, испепеляя взглядом. Такой злой взгляд, а в глазах ураган чувств! Негодование, раздражение, борьба, какое-то желание, сомнение. А потом он выплюнул:

— Что ж, я дам тебе вольную, — как-то зловеще это звучит, сквозь зубы, пронизывающий холод от слов. — Если ты этого так хочешь... избавиться от меня. Будь по твоему, — а я замороженно смотрела в его мрачное лицо, на сведенные к переносице брови, плотно сжатые губы. Не в силах поверить тому, что слышала.

— Ты... отпустишь меня? — изумленно выдохнула я ему в лицо.

— Нет, конечно же, — холодно отрезал он, и теперь нахмурилась я. — Я просто дам тебе вольную, как ты и говорила. Ты станешь служанкой, а не рабыней. Поверь, есть разница, — заметив мое неудовольствие, сказал он, усмехнувшись. — Но подпишу я вольную только через год.

— Почему? — с придыханием спросила я.

— Я так хочу. Точка, — рыкнул он и дернул меня на себя, притягивая к груди. — С чем-то не согласна?

— С чем же тут можно не согласиться, — пробормотала я тихо, но он услышал меня.

— Лучше смирись. Это гораздо лучше, чем ничего, — он задумчиво сощурился. — Хотя, если ты возражаешь, я могу оставить тебя рабыней. Желаеть этого? — я отрицательно покачала головой, а он удовлетворительно хмыкнул. — Я так и знал. Поэтому возрадуйся, детка. У тебя всегда будет путь назад, — наклонившись ко мне, он зашептал в мои приоткрытые губы: — Подумай, у тебя впереди целый год.

Тут и думать нечего. Лучше возрадоваться синице в руках, а журавль?.. Он может и не прилететь ко мне.

— Я хочу выезжать в город, — заявила я, отстраняясь от него.

Играть, так по-крупному. Я сошла с ума, кажется?

— Ты с ума сошла? — озвучив мои мысли, стиснув зубы, выдохнул он. Глаза налились кровью.

— Нет, не сошла. Я не хочу сидеть в четырех стенах...

— Да ты рехнулась! — вскричал Штефан, больно стискивая мои плечи. — Деточка, а не много ли ты на себя берешь?! Ты пока еще моя рабыня, и мне решать, поменяешь ли этот статус!

— Но служанкам ты позволяешь выезжать за пределы замка, — возразила я весомо. — Почему мне нельзя?

— Потому что тебе я не доверяю! — зарычал он, наклоняясь надо мной.

— А если я пообещаю не убежать? — проговорила я после продолжительного молчания, решилась заглянуть ему в глаза. — Разрешить покидать замок?

— Твое слово что-то стоит?

— Если я даю его сама, а его не выбивают из меня силой, то да! — гордо вскинув подбородок, заявила я.

Он молчал долго. А внутри у меня уже успело все перевернуться несколько раз. Такой взгляд! Он может равно, как свести с ума, так и свести в могилу.

— Хорошо, — сказал Кэйвано, вынуждая меня еще раз удивиться. — Тебе будет разрешено выезжать в город. Но! Под охраной моих людей.

— Ни на что другое я и не рассчитывала, — сухо проронила я, вновь пытаюсь вырваться из его рук. Но он не отпустил. Даже больше, он прижался ко мне еще сильнее. Я почувствовала его возбуждение, и вспыхнула.

— Ты не хочешь поблагодарить меня за проявление милости? — проговорил он и, наклонившись ко мне, припал к моим губам.

И я, идиотка несчастная, сумасшедшая, предательница самой себя, преступница и самоубийца, ответила на его поцелуй уже через секунду, зарывшись руками в его волосы и распаясь всё сильнее от его и собственных стонов, вырывающихся из самой глубины души. Желая получить то, что он мне предлагал.

Жестокий Князь показал мне другую сторону медали. Иную сторону своего бытия. Сокрытого от чужих глаз. Он показал ее... мне. Этого нельзя было не оценить. Он был и таким тоже наравне с беспощадным и хладнокровным обликом правителя. Но отрывать друг о друга эти две сущности одного «я» Штефана было бы кощунством. И я смирилась с тем, что он такой. Закрывать глаза на недостатки и увидеть достоинства. У него они были, и ему их показать было гораздо сложнее в силу своего положения, характера, имени, себя.

Но он переступил эту черту. Показал мне вторую личину своего «я».

И я снизошла до невозможного. В жестоком мире Второй параллели, там, где

разбиваются мечты и рушатся надежды, я стала верить в чудеса.

Глава 25. Холодное блюдо женской мести

25 глава

Холодное блюдо женской мести

Оскорбленная женщина всегда найдет способ отомстить обидчику. Будь то обычный человек или Князь Четвертого клана, но она не успокоится, пока ее эго не будет удовлетворено, а месть не подойдет к своему логическому завершению — полному уничтожению противника.

Месть униженной женщины будет тонкой, как паутинка, и изящной, как маленькая ножка, облаченная в чулок. Напрямик эта женщина действовать не будет, у нее найдется множество изощренных вариантов, как отомстить, и без притязаний на Князя. Его личность не должна пострадать, а вот личность того или той, кто вынудил ее опуститься до отмщения, превратится в ничто. Только так, а не иначе.

Решиться на подобную месть сможет не каждая женщина, а лишь та, что будет уверена в собственной безнаказанности. И только в том случае, если иного пути добиться своей цели она не обнаружит. Рисковать может каждый, а вот праздновать победу, играя с огнем, будет суждено не всем.

И когда нет возможностей отступить, приходится играть. Играть по своим правилам. Чтобы выиграть.

В миг, когда леди София Бодлер, аристократка до мозга костей, дворянка с голубой кровью, чей род был одним из первых родов-основателей во Второй параллели, утонченная и горделивая орлица, осознала, что поставленная ею цель вот-вот окажется на границе недостижения, она и решила действовать. Промедление в этот раз было равносильно гибели. А погибать София Бодлер не намеревалась. Она намеревалась прожить долгую, полноценную, счастливую жизнь, не омраченную переживаниями о недостигнутой когда-то звезде. В статусе Княгини Кэйвано. На княжеском троне. В объятьях мужчины, которого желала даже больше возвращения растоптанной им же гордости, когда тот привел в свою постель рабыню. Тот, кого она вознамерилась заполучить честным... или же бесчестным путем. Но заполучить.

Она почти достигла цели, оставалось совсем чуть-чуть, маленькие шаги вперед к тому, чтобы сломить сопротивление Князя и выйти за него замуж. Она бы добилась от него согласия на этот брак. Он почти сдался, ей почти удалось приблизиться к тому, что заполучить не только заветный титул, но и Штефана Кэйвано в свои руки. Им было хорошо вдвоем, как в постели, так и вне ее, София понимала его, она была дочерью дворянина и лучшей для него партией. Она стала бы лучшей из Княгинь Кэйвано, которых когда-либо знала история Второй параллели. Если бы не появилась она. Эта девка без роду без племени разрушила ее планы, растоптала своими рабскими ножками замки из песка и неумолимо двигалась вперед, к звездам. К главному призу, что ожидал ее на вершине Олимпа. К Штефану.

И уж этого позволить ей София была не в силах. Главный приз должна была взять лишь она!

Но ее отношения с Князем находились на грани разрыва. Она с замиранием сердца

приезжала к нему, с трепетом отвечала на согласие пообедать вместе, если поступало предложение, ожидая, что Князь вот-вот отвергнет ее. Она с яростью и ядовитой ревностью смотрела на его девку, когда та попадалась ей на глаза, что бывало с течением времени всё чаще и чаще. С гордо выпрямленной спиной и злорадством во взгляде провожала ее глазами, когда девчонка, безуспешно пытаясь скрыть недовольство, смотрела ей вслед, когда они со Штефаном отправлялись ужинать. Чем они потом занимались, девица догадывалась, а София делала всё для того, чтобы она правильно обо всем догадалась.

София делала практически всё, чтобы завлечь Князя в свои любовные сети вновь, но не всегда что-то выходило так, как ей хотелось. Шли месяцы, и мало что менялось в ее отношениях со Штефаном. И это настолько вымотало ей нервы, что она психовала по любому поводу, срываясь на родителях, начавших что-то подозревать, друзьях, с которыми стала проводить все меньше времени, и даже случайных прохожих. Вначале она хотела рассказать отцу, что Князь променял ее на рабыню, что предвещало тому объяснения случившегося, но быстро остыла, отказавшись от этой затеи и осознав, что ничего, кроме ярости и презрения Штефана этим не добьется. Кэйвано найдет ответы на вопросы, и очень быстро догадается, что к чему. И тогда не видеть ей княжеского трона и титула Княгини, как и звания жены Штефана. Подобного Князь не забудет и не простит. И она сходила с ума от ощущения собственной беспомощности. Всё играло против нее, обстоятельство, время, место... она! Это был почти тупик. И это начинало отчаянно раздражать.

Она никогда не считала себя несдержанной и импульсивной, да, горячей и безудержной, но с присущей ей от рождения статью и хладнокровием отвечающей на удары и переходящей препятствия. Ей было бы почти всё равно, случись это с кем-то другим, но Штефана она упустить не могла. Только не его.

Но он изменился. За последние недели — особенно резкими стали изменения. А причина перемен была ясна и прозрачна. Его девка для утех, новая рабыня Князя. В том, что эта девица привлекает его в чисто физическом плане, Софию не особо интересовало, сколько бы у Кэйвано не было девиц, все они ничего для него не значили. Он всегда возвращался к ней, своей женщине, избранной, неповторимой, единственной в своем роде женщине! Всегда. Только в ее постели находя удовлетворение и истинное наслаждение. В объятьях равной себе по положению и статусу. Так было всегда. Он Князь, а она аристократка, бесспорно лучший союз. И никакие рабыни, сколь бы много их у Штефана не было, не могли его разрушить.

Но в отношении Кары София не могла быть уверенной наверняка. Что-то с этой рабыней было не так.

Страстные ночи, которых становилось все меньше, уже не приносили успокоения и... уверенности в том, что всё нормально. Что всё остается на своих местах, что Штефан вернется к ней вновь, а рабыни — всего лишь легкое увлечение. София стала осознавать, что не всё так, как раньше. И каким бы страстным и неистовым не был Штефан, за два года отношений она смогла кое-что узнать о нем. И теперь точно знала, что, находясь в постели с ней, мыслями он был где-то далеко, за пределами не только ее горячих объятий, но и ее спальни вообще. И София боялась предположить, где именно, и с кем сейчас обитает его сознание.

Потому что она почти знала наверняка, — с ней. С этой девкой, что осталась ждать его в замке.

Ревновала ли она его? Да. Она неистово его ревновала. Она никогда не опускалась до

этого чувства. Что уж скрывать, до Штефана у нее было много мужчин, но ни одного она не ревновала. Ни одного! Она считала унижительным для дворянки само это чувство, срезав его на корню. Оно унижало достоинство и гордость, а София Бодлер была слишком гордой для того, чтобы отказаться от своей гордости в угоду мужчине. Но ради Штефана Кэйвано она готова была пожертвовать многим, почти всем. Даже гордостью.

И эта девка вынудила ее раскрыться перед собой. И перед ним тоже. Их разговоры, по большому счету, всегда заканчивались ссорами и спорами, скандалы участились и усугублялись. София поняла, что уже не контролирует ситуацию. А быть бессильной что-либо сделать она не любила. Она была сильной, она такой родилась, в ее сердце горел неистовый огонь, рвущийся в бой только за победой. И она вознамерилась выиграть и в этой схватке, пусть отлично осознавая, насколько не равны ее силы в борьбе со Штефаном.

И в день, когда она решила выяснить всё раз и навсегда, поставив перед Князем выбор между собою и ней, — девкой для утех господина, Штефан тоже сделал свой выбор.

И это поставило точку в их отношениях для Софии. Это, по сути, очень многое решило не только для леди Бодлер, но и для многих, кто ее окружал.

Они со Штефаном встретились на нейтральной территории, в стареньком кафе на окраине города, вдали от посторонних глаз. Они часто беседовали вот так, сидя друг против друга, буквально пожирая друг друга глазами и соблюдая правила приличия лишь для того, чтобы потом их нарушить. Начиная срывать друг с друга одежду, едва выйдя из кафе и добравшись до автомобиля. Плевав на изумленные взгляды и шепот за спиной, он только более возбуждал, надрывая раскаленные нервы и вызывая дикое желание.

Но сегодня, войдя в кафе, София вдруг поняла, что приличия будут соблюдены. Страсть не вырвется из-под контроля. Потому что страсти в холодных серо-голубых глазах Князя не горело. Они были пусты.

— Ты прекрасно выглядишь.

Именно этими словами встретил ее мужчина, приподнимаясь из-за стола девушке на встречу, когда та появилась в дверях. София невольно засветилась, не отметив равнодушного приветствия, сказанного без подтекста, а как должное соблюдение всё тех же приличий. Значит, не все потеряно, решила девушка.

Она радовалась произведенному эффекту, еще сотую долю секунды заблуждаясь и думая, что Штефан оценил по достоинству ее желание и стремление ему угодить. Она желала произвести на него впечатление.

Она воистину была прекрасна. Темно-синее летнее платье на бретелях, подчеркивающее высокую грудь и осиную талию, туфли на высоком каблуке, представляющие взору красивые длинные ноги. Шикарный водопад золотистых волос, разбросанных по плечам. Пронзительный взгляд карих глаз и пухлые губки.

Все взгляды посетителей кафе вмиг устремились на нее. А она смотрела лишь на Князя, еще одну сотую долю секунды заблуждаясь и думая, что этот неотразимый и опасный мужчина принадлежит ей.

— Присаживайся, — указал Штефан на стул, стоящий напротив. — Я заказал всё, как ты любишь. Надеюсь, ты не против?

Улыбка спала с красивого лица девушки, а брови сдвинулись к переносице. Она всё поняла.

— Ты помнишь, как я люблю? — не удержалась она от едкого замечания и, осознав, что напрасно дерзила, проговорила: — Я имею в виду, что мы давно с тобой нигде не были.

— В пятницу мы ужинали в ресторане, — напомнил Штефан, нахмурившись.

София присела напротив него, решив промолчать. Иногда Штефана Кэйвано лучше не злить. Учитывая, что она пришла сюда, чтобы помириться, все эти выяснения отношений были совсем не к чему.

— Ну, не сердись, милый, — проговорила она, облизав губы. — Я не хочу, чтобы мы ссорились по пустякам.

Наклонившись к мужчине, она зазывающе улыбнулась и, положив ладонь на его колено, скользнула по ней вверх, поглаживая и, она знала, возбуждая. Улыбка вновь скользнула по губам, глаза засветились.

— Ведь мы не будем ссориться? — томным шепотом проговорила она, надеясь на его ответную реакцию. Но той не последовало, к ее стыду, изумлению и дикой обиде.

— Не будем, — коротко ответил Штефан и дернулся, отстраняясь от Софии. Слишком резко и вызывающе.

София озадаченно уставилась на него, так и застыв с протянутой к нему ладонью. Ему не приятны ее ласки? Уже не приятны?! И как давно, интересно?! Ярость начала накапывать подобно мелкому дождю.

Поджав губы, София выпрямилась, откинувшись на спинку стула, и гордо вскинула подбородок. Глаза ее полыхнули, в них загорелся первый тревожный огонек разочарования. Вот, значит, как?..

Появился официант, предоставляя собеседникам право на передышку, потому что оба чувствовали, что перед важным разговором оно им просто необходимо. Когда молодой человек удалился, София, скрестив руки на груди, уставилась на Штефана. Тот, будто игнорируя ее острый взгляд, раскладывал приборы.

— Что ты решил делать со своей рабыней? — напрямик спросила София, привлекая внимание Князя и не дождавшись, пока Кэйвано взглянет на нее.

— А мне что-то нужно с ней делать? — медленный, пронизывающий насквозь, почти дикий взгляд.

Значит, он понял, о ком она говорит, с первого раза!

София поджала губы. Разговор обещал перейти в русло, по которому она не желала идти.

— Насколько мне известно, она так и не была наказана за побег, — решила надавить на него девушка.

— И откуда тебе это известно? — скривившись, осведомился Штефан. — Твои «шестерки» постарались?

Он улыбался, но лишь губами, глаза его были угрожающе прищурены, будто предупреждая о чем-то.

— Слухами земля полнится, Штефан, — коротко бросила девушка. — Так как? Что решил сделать с ней? Ни за что не поверю, что ты решил ее... простить. В духе ли это грозного Князя Кэйвано? — горько усмехнулась она и скривилась. — Побег так легко никому не сходил с рук...

— Она была наказана, — коротко бросил Штефан, принимаясь за еду.

— Неужели? — саркастически усмехнулась леди Бодлер, злясь на него за то, что ему, похоже, их разговор мешал обедать. Какое уничижение... и даже оскорбление!

— Да, — твердо заявил Штефан, пронзив ее взглядом. — Так, как я посчитал нужным.

София нахмурилась. Сдержанность и хладнокровие Штефана выводили ее из себя.

Перепополнявшие ее эмоции стало сдерживать всё сложнее. Так же, как и скрывать неудовольствие, негодование и безумную ревность. Она понимала, что играет с огнем, ходит по битым стеклам, стоя на краю пропасти, но сдержать себя не смогла. Аристократки никогда не нисходили до подобного. И она не снизойдет. Молчать не будет.

— Когда ты избавишься от нее? Когда она перестанет стоять между нами? — выпалила она, почувствовав нутром, что не стоило задавать подобный вопрос. Но ничуть не жалела, что сделала это. Он должен сейчас задуматься о том, что может потерять ее. Он должен выбрать. Ее выбрать, а не эту... мелкую шлюшку!

Нужно выяснить всё окончательно. И пусть он делает выбор. Князь Кэйвано не должен ошибиться, он сделает правильный выбор, она была уверена. Слишком он был... Князь.

Штефан застыл, посмотрел на нее так, что ей показалось, он дал ей пощечину.

— Я не собираюсь от нее избавляться, — слова, как новый шлепок. — И она не стоит между нами.

— Неужели? — вскрикнула девушка, раздосадованная его спокойным равнодушием и безразличием. К ней! — Ты думаешь, я ничего не чувствую? — продолжила она, не обращая внимания на то, что на них стали оглядываться. — Думаешь, ничего не замечаю? Твоя девка подошла к тебе уже слишком близко! Как много ты ей позволяешь, а? Она еще не командует в твоём доме?!

Штефан стиснул зубы так, что на скулах заходили желваки. Холодные серо-голубые глаза полосонули ее гневом. Никому лучше не видеть этого взгляда. София внутренне сжалась, сглотнув и ощутив дрожь, но не подала виду, что взволнована. Истинная аристократка, она оставалась невозмутимо... импульсивной.

— Мне не нравится тон, которым ты со мной разговариваешь, София, — проговорил он, не повысив голоса.

— Да ты что? — возмущенно взвизгнула девушка. — А сказать тебе, что не нравится мне? Сказать, Штефан? — ее карие глаза от гнева стали почти черными и полыхали огнем. — Мне не нравится, что со своей шлюхой ты проводишь больше времени, чем со мной. Не нравится, что мне — дочери дворянина! — приходится ожидать подачки от рабыни, ждать, когда ты с ней наиграешь и соизволишь прийти ко мне! — она пронзила его ядом, метая молнии глазами. — Ты думаешь, это должно мне нравиться? Приносить удовольствие?! Я должна закрыть на это глаза?

В сознание раненой птицей рвалось предупреждение, что нужно остановиться, но она не могла побороть в себе пламенный порыв. Негодование рвалось из нее через край. А Штефан продолжал молча свирепеть.

— Да кем ты меня считаешь!? — воскликнула София, срываясь. — Своей очередной подстилкой?!

— Почему же сразу так грубо, — выговорил Штефан всё так же спокойно. — Не подстилкой. Но и жениться на тебе я тоже обещания не давал. У тебя какие-то претензии ко мне? — его брови иронично дернулись. — Считаешь, я должен попросить прощения за то, что не выполнил обещание, которого не давал? Так, что ли?

Она едва не задохнулась от возмущения и негодования. Ее просто игнорируют! И слышит он лишь то, что желает слышать, а не то, что она объясняет.

София сжала кулаки, чтобы не залепить ему пощечину. За нее она бы дорого потом ответила.

— Я лишь хочу, чтобы ты относился ко мне соответственно моему статусу и

положению!

— А я отношусь к тебе иначе? — вновь изогнулись его брови, а губы скривились. — Не замечал...

— Совет был бы рад нашей свадьбе, ты это знаешь! — с шипением выдохнула она, хватаясь за соломинку.

— Знаю, — кивнул Штефан с холодным княжеским равнодушием. — Но я не давал подобного обещания, повторяю еще раз, — вновь острый взгляд ей в глаза. — Тебя не устраивает положение, которое ты сейчас занимаешь в моей жизни? — слишком прямо и откровенно, так же, как говорила и она, вызывая его на дуэль.

— Думаешь, я не заслужила хотя бы уважения? — взорвалась София, стреляя молниями глаз. — За два года отношений! Я была верна тебе, я...

— А я просил этого? — грубовато ответил Штефан, пронзив ее холодом глаз. — Я не запрещал тебе поступать так, как ты считаешь нужным. Против твоих отношений с кем-то помимо меня, я тоже не возражал. Ты была вольна поступать, как тебе заблагорассудится, — он пожал плечами. — Ты не делала этого? Так причем же тут я? Я тебе в верности никогда не клялся!

— Но ты променял меня на рабыню! — воскликнула София. — Ты это понимаешь?! Что я должна думать, как это понимать?! Смириться, может быть, что дочку аристократа променяли на шлюху?!

— Ты утрируешь, София, — сухо отозвался Штефан, а София не могла остановить поток гневных слов.

— Ладно, ты не уважаешь меня и не считаешься с моим мнением, — горько сказала девушка. — Но подумай, что скажут в Совете! Тебя вообще не волнует мнение окружающих?!

— Когда оно волновало кого-то из рода Кэйвано? — раздраженно проговорил Штефан, начиная заводитьсь.

— Ты сейчас серьезно? — ужаснулась София и уставилась на него с изумлением. — Ты сошел с ума... Ты что, действительно, хочешь сказать, что... — глаза ее сузились, а губы сжались в тонкую полоску. — Ты променял меня на рабыню?! На невольницу? На ту, которой дозволено лишь ноги тебе вытирать!?

— Тебя это не должно касаться, София.

— Не должно касаться?! — вскричала девушка. — Я твоя невеста, Штефан!..

— Невеста? — ядовито выговорил он, сощуренными глазами посмотрев на девушку. — Я только что тебе это сказал, что ничего не обещал, разве нет? Ты мне не невеста, и никогда не была ею. Подстилкой, как ты говоришь, да, может быть, но не невестой.

Губы Софии сложились в тонкую ниточку, а глаза яростно заблестели. Бесконтрольное желание ударить его почти вырвалось за край ее терпения и растоптанной гордости.

Кто-нибудь хоть раз унижал ее столь сильно? Хоть кому-нибудь она позволяла это?!

— Значит, рабыня? — сквозь зубы выдавила София. — Беглянка? Эта серая мышь?! Променял меня... на нее?!

— Ее зовут Кара, — безэмоционально заявил Штефан.

И волна протеста, злости, причиненной боли, безудержного гнева нахлынула на оскорбленную девушку.

— А ты знаешь, — угрожающим шепотом сказала леди Бодлер, пытаясь найти спасение и отмщение хотя бы во лжи, — что твоя... дорогая Кара спит с Каримом Вийаром?

Штефан резко повернулся к ней лицом, рассеченным гневом. Вздрыгнул, глаза сузились.
— Ты лжешь!

Может, он и хотел бы выглядеть спокойным и отстраненным, не верить ей, но... София видела и плотно поджатые губы, и стиснутые зубы, и ходившие на скулах желваки, и кулаки. Он был разгневан, почти взбешен. И он из-за их разрыва так не переживал, как из-за упоминания, что эта девка спит с Вийаром!

Гнев пронзил Софию насквозь, вынуждая продолжать, дерзко заглядывая Князю в глаза.

— Зачем мне лгать? Он сам сказал мне об этом! — гордо вскинула она подбородок, выдавая одну ложь за другой, не видя иного выход, желая больнее уколоть и уязвить. — Может, как раз сейчас, в это самое время, пока ты тут со мной разговариваешь, она там уже обрабатывает его, — выплюнула она. — Работать телом ты ее научил, по всей видимости, хорошо. Вийар оценил ее по достоинству, раз повадился к ней под юбку.

— Я тебе не верю, — отточенно выговорил Штефан, уверенный в своих словах. — Она не может с ним спать. У нее даже возможности такой нет.

— Ой ли, Штефан, — рассмеялась София громким смехом. — Нет возможности? Для Карима Вийара? — она резко смолкла. — Ты не хуже меня знаешь, что он из себя представляет. И если он чего-то хочет, то достигает желаемого. Кажется, твою рабыню он захотел, а она поспешила раздвинуть перед ним ноги. Похоже, это у нее в крови, — хохотнула она, действуя Кэйвано на нервы и раздражая его. — Шлюха она и есть шлюха, без разницы, кому отдавать свои... прелести, — увидев, как дрогнул мускул на лице Штефана, София добавила: — А там хоть есть на что смотреть, а, Штефан? — она злорадно хохотнула, скривившись. — Не ты ли говорил мне, что у нее нет ничего, что могло бы тебя в ней привлечь?

— Замолчи, — сквозь зубы выдохнул Штефан свистящим шепотом. Значит, она его задела!..

— А то что? — вызывающе наклонилась к нему девушка. — Что ты мне сделаешь? Я не твоя рабыня, дорогой мой, запомни это! — откинувшись на спинку стула, она проговорила, наклонив голову набок: — Не веришь мне, да? — продолжила она, ощущая свое превосходство над ним хотя бы в этом вопросе. — Думаешь, она не может тебя обмануть? Крепко она за тебя взялась, ты уже не веришь... старой подруге. А ей веришь? Ей!?

— Думаю, наш разговор на этом можно закончить, София, — выговорил Штефан зло.

— Только разговор? — сощурилась она. — Или перечеркнем и всё, что между нами было, в один миг?

Он поднял на нее решительный взгляд. И она всё поняла без слов. Ярость клокотала в груди, билась и вырывалась изнутри, горячая, раскаленная лава из растоптанной любви, превращенной в ничто.

— Ты еще пожалеешь, Штефан, — коротко выговорила София сквозь зубы и поднялась. — Пожалеешь, что поверил не мне, а своей... драгоценной Каре, — поморщилась девушка, не на шутку рассвирепев. — Ты сам понимаешь, ЧТО только что сказал? Рабыне, Штефан! Ты поверил рабыне! Ты пожалеешь!..

— Ты угрожаешь мне, София? — сощурился Штефан, выпрямившись.

— А в этом есть смысл? — вопросом на вопрос ответила она. — Я лишь хотела открыть тебе глаза на всё, а ты... — она бросила на него последний вызывающий взгляд. — Когда осознаешь всю глубину своей ошибки, придешь ко мне и будешь умолять вернуться, простить тебя... я еще подумаю, давать ли тебе второй шанс!

— Мне хватило и первого, — холодно отозвался Князь, по-прежнему откинувшись на спинку стула и взирая на выпрямленную спину бывшей любовницы.

София вздрогнула, как от удара. Резко повернулась к нему, пронзив яростью карих глаз. Но ничего ему не ответила. Гордо вскинув подбородок, она вышла из кафе стремительно и решительно, обозленная и оскорбленная. Готовая к тому, чтобы отомстить обидчикам.

Всё сказанное Софией не упало бы на благодатную почву, если бы Князь Четвертого клана не был так сильно увлечен своей рабыней. Ведь когда нам всё равно, — нам истинно всё равно, и неважно, что говорят другие. А когда мы не равнодушны к чему-то или кому-то, даже малейшая тень сомнения может закрасться в наше сознание. Ведь когда внешне мы сопротивляемся или же пытаемся делать попытки сопротивления, наше внутреннее «я» уже всё решило за нас. И внутреннее эго Штефана Кэйвано уже давно за него решило, что, даже если существует малейшая вероятность, что Кара изменит ему, он не оставит этого. Он обо всем узнает, а потом... Он и сам боялся представить, что будет потом. Даже от мысли о подобном преступлении с ее стороны он не желал думать, свирепея на глазах и в один миг. И если окажется, что его подозрения и сомнения имеют почву под ногами... Всё будет решено за них двоих.

Если бы ему было всё равно! Всё было бы намного проще. Если бы к полноценному владению ею не примешивалось еще личные интересы Князя! Если бы она была просто рабыней. Если бы ему было только все равно. Если бы не расщепляющее чувство незащищенности перед ней. Да, именно незащищенности. Потому что ему всегда было ее мало. А он желал обладать ею всей, до клеточки, до сердцевины, и ему казалось, что всем он не обладает. Что-то она еще не отдала в его собственность, что-то оставила при себе, с ним не поделившись. И он чувствовал себя ущемлено. Он обладал ее телом, ее свободой, ее правами, даже ее поступки были им проконтролированы. Но всё же было что-то такое, что не было ему вручено ею самой. И это его... бесило, выводило из себя. Он ощущал себя неполноценным, незащищенным. И бесился оттого, что кто-то мог его опередить, завладев тем сокровищем, что он хранил для себя. Ему нужно было обладать всем, что она только могла ему предложить! Других быть не должно, только он.

И поэтому, когда София откровенно заявила, что кое-что из того, что принадлежит Штефану, пользуется спросом и у Вийара, а к тому же, еще и поощряется самой Карой. Штефан рассвирепел. Конечно, он хотел бы не подать виду, что задет колки словами женщины, желания и прихоти которой читались по ее лицу, но не мог остаться равнодушным. Когда дело касалось Кары — уже не мог.

И он стал подозревать ее. Постепенно осознавая, что на то были причины!

Кара и Карим Вийар? Подлая и злая шутка или реальность, которую он не желает принимать?

Карим давно проявлял заинтересованность именно этой рабыней Князя. Как часто он предлагал купить ее, и как долго уже это делал, говорить не стоит, — очень часто и очень долго. Как изощренно и хитроумно провоцировал Штефана, уверяя того, что он, Вийар, ничуть не хуже, а, может, и лучше Князя Четвертого клана. И с ним Каре было бы... комфортнее. Сменить одного хозяина на другого, о каком комфорте может идти речь? Но ни одного из мужчин этот вопрос не интересовал. Задавшись целью получить Кару в свою полную власть, никто из двоих опасных хищников не собирался уступать. Стремясь получить добычу.

Но если для одного добыча уже давно перестала таковой являться, превратившись в нечто иное и более значимое, то для второго... она по-прежнему оставалась лишь игрушкой, которую необходимо было заполучить. Ради развлечения и очередной игры, которую он вел.

Вийар неумолимо склонял Штефана к продаже, а Кэйвано неизменно отказывался, рыча и раздражаясь.

Штефан не мог представить, что Кара согласилась отдаться Кариму по доброй воле. Она боролась с ним, она — борец, так же боролась бы она и с Вийаром. Сомнений быть не может. Или могут?..

Штефан не был в ней уверен. Он не был уверен в том, что Кара ему верна, что если действительно дала слово, то не нарушит его, что если «оттаяла», то сделала это лишь потому что, ему доверилась. Он не верил ей полностью. Он привык полагаться лишь на себя и верить лишь себе, а потому ее слова... сейчас для него значили гораздо меньше, чем собственные сомнения. Слишком мало времени прошло, чтобы он поверил.

Не потому ли слова Софии так задели его за живое? Оттого, что была реальная вероятность того, что она говорит правду? Кара изменяет ему? С Вийаром? Но как, когда? И где? Невозможно, некогда, негде! Или?..

Сотни острых мыслей вонзились в Князя, распаляя воображение и будоража сознание воспоминаниями.

Он, конечно, отлучался из замка, бывало, что на несколько дней, но Кара даже в этом случае находилась под присмотром. Он никогда не оставлял ее без присмотра, всегда и везде следуя за ней по пятам даже там и тогда, где и когда она не ожидала слежки. Он мог узнать всё об ее передвижениях и даже словах. Как и когда она могла заигрывать с Вийаром? И зачем ей это было нужно? Хочет провести Штефана еще раз и просить Карима о побеге за грань? Или же... она, подобно множеству, глупых и похотливых девиц повелась на его извращенный соблазн? Верно, что перед этим кареглазым негодяем никто не устоит, но Кара... Слишком она была правильной, чтобы отдаться Кариму. Или не была? Чего он о ней не знает?

И он вспоминал, что она часто отпрашивалась из замка в город. Часто выезжала без Князя, только под присмотром Максимуса или кого-то из верных Штефану слуг. Не бывало ее порой больше трех часов. Что можно делать в городе столько времени? Встречаться с тайным любовником? Но неужели она не понимает, что с ней сделает Штефан, если ее обман раскроется!? На что она надеется?

И что вообще во всем этом правда, а что лишь злостная ложь, предназначенная специально для того, чтобы расpalить его горячность и раздражение?

Управлять его эмоциями София могла и научиться. Зная, куда нужно надавить.

И единственный способ выяснить, врет София или нет, — спросить обо всем саму Кару. Она не сможет солгать. А если солжет, то он распознает ложь, она сама себя выдаст. Он прочтает по ее лицу всю правду.

И, решительно вскочив с кресла, Штефан летящими шагами направился к девушке. Он узнает. Он узнает всё. И только тогда успокоится.

Кара находилась в одной из дальних бытовых комнат, складывая постиранные вещи в большие бельевые корзины, когда он ворвался к ней с перекошенным лицом и потемневшими глазами.

Она так и не успела улыбнуться, губы застыли в полуулыбке, а засветившиеся вначале глаза уставились на него изумленно. Длинные шторы, которые она складывала в корзину,

едва не выпали из ее рук.

А он продолжал взирать на нее с высоты своего роста, угрюмый и решительный, тяжело дыша.

— Да или нет, ты спишь или не спишь с Каримом Вийаром? — выпалил напрямик, пристально глядя на нее.

Она даже возмутиться не успела, возмущение потонуло где-то в горле с протестом и оправданием.

— Что?.. — опешила она, застыв на месте. А потом, подобравшись, гордо вскинула подбородок: — О чем ты?

— Да или нет? — сквозь зубы повторил Штефан, не двигаясь с места, сжимая руки в кулаки. — Ответь мне.

Она вскинула подбородок еще выше, оскорбленная и задетая до глубины души. Его вопрос и претензии она, конечно, поняла, — ее обвиняют в измене, но гордость не позволила снизойти до прямого ответа.

— К чему такие вопросы? — разозлилась она. — Я не желаю отвечать на них, это оскорбляет меня!

— Оскорбляет? — приглушенно выдохнул Штефан, так глухо, что, казалось, это давит на мозг.

Прямо, слишком прямо и... дерзко. Штефан кинулся к ней, разозленный и разгоряченный, но застыл.

— Я не желаю, чтобы ты подозревал меня в чем-то, — заявила девушка, продолжая гордо держать голову. — Это не достойно ни тебя, ни меня!

Он дышал тяжело и горячо, глядя на нее так, будто вот-вот готов был сорваться с места, чтобы разорвать в клочья. Мрачный, темный демон с узкими, как щелочки, глазами, холодными и острыми, как лед, тихий, а потому опасный, внушающий страх и желание подчиниться, пав на колени. Руки сжаты в кулаки, линия рта превратилась в тонкую ниточку, а ноздри вздымаются от ярости.

— Не так сложно ответить, — прошипел мужчина, сделав к Каре медленный, будто наполненный свинцовой тяжестью шаг, — тебе не кажется? Если ничего нет, тебе нечего и скрывать.

— Меня оскорбляют твои подозрения, — заявила девушка, так и не тронувшись с места, хотя должна была бы уже кинуться прочь. — Я обещала быть верной и не сбегать...

— Но не давала обещания не ублажать Вийара! — выкрикнул Князь, распалившись окончательно, и схватил Кару за плечи, притянув к себе.

— ... Мое слово ничего для тебя не значит?! — выпалила та, попытавшись отшатнуться от него.

— Ты моя, это ясно? — прошипел он ей в шею, сжимая хрупкое тело тисками рук и ног. — Моя, поняла?!

— Я поняла! — выкрикнула Кара, не сдержавшись. И он вдруг выпустил ее из рук. — Не нужно так орать.

Они так и стояли друг напротив друга. Два равных соперника, казалось, два непримиримых противника, два сильных взгляда и две крепкие воли. В новой равной борьбе друг с другом. Рабыня и ее хозяин? Уже нет. Аристократ и аристократка, не нашедшие компромисс. Коса, нашедшая на камень. Битва стремлений и желаний, мужчины и женщины, прихотью которых было лишь добыть веру для себя.

Тяжело дыша, они стояли в какой-то паре сантиметров друг от друга. Не говоря ни слова, молчали. Но их взгляды, не закованные в цепи яростных слов и упреков, сказали им всё. Даже слишком много.

— Я дала слово, Штефан, — тихо сказала Кара, первой нарушив парализующее их молчание. — А если дала, то сдержу его. Обещаю, — и, не контролируя себя, приподнялась на носочки и легко коснулась его щеки горячими губами.

Отстранившись, заглянула в изумленные серо-голубые глаза и, подхватив корзину, вышла из комнаты.

Штефан. Она назвала его... Штефан. По имени. Впервые за этот год!

Он мог думать только об этом, забыв даже о Софии, ее предостережениях и о Кариме Вийаре.

И только когда за Карой захлопнулась дверь, Штефан осознал, что она так и не ответила на его вопрос.

Длинные ухоженные пальчики с аккуратным маникюром тем временем сжали сигарету, сбросив пепел сквозь приоткрытое окно автомобиля на асфальт. На тонком запястье блеснули золотые часы, подаренные отцом на прошлый день рождения, а на безымянном пальце сверкнуло кольцо с гербом дворянского рода.

Откинувшись на спинку сиденья, София Бодлер вновь затянулась, вдыхая горьковатый сигаретный дым, смешанный с запахом яблока. Закрыв глаза, она выдохнула, выпуская изо рта дымные колечки, облизнула губы и вновь затянулась, упиваясь горечью сигареты и наслаждаясь собственным уединением. Здесь, в монотонной тишине и медлительном покое всегда можно было расслабиться или подумать.

Ты считаешь, что можешь просто так бросить меня, Штефан Кэйвано? Считаешь, я тебя отпущу?!

Несмотря на унижение, которое испытала днем при встрече с Князем и желание унижить его в отместку, София быстро отошла, успокоившись, решив, что гораздо проще унижить и уничтожить рабскую девку, что посмела раскинуть перед ним ноги и завлечь Кэйвано в свои объятия. Погубить ее — проще простого. А о потере Штефана она еще может пожалеть. Она снизойдет до того, чтобы простить ему эту его слабость. Зато в награду потом получит не только титул Княгини, но и этого невероятного мужчину в свое полное пользование. И тогда никакие рабыни не смогут рассчитывать на то, чтобы сорвать звезду с неба. Здесь, во Второй параллели, звезд с неба не хватают. Они обжигают руки.

София закурила, наслаждаясь дымом, проникающим внутрь. Курение расслабляло и одновременно возбуждало ее сознание. Одна мысль, обгоняя другую, мчалась вперед, формируясь в определенный план, который, в свою очередь, систематизировался и обобщался в навязчивую идею, готовую к исполнению.

Для Софии Бодлер всё встало на свои места. Отбросив на асфальт не докуренную сигарету, она потянулась к телефону. Найти нужный номер не составило труда, гораздо труднее будет договориться с собеседником. Но и к этому она себя подготовила. Человек, которому она звонила, любил игры. А поиграть в ту игру, которую ему хотела предложить она, он не сможет отказаться. Игра с самим Штефаном Кэйвано, что может быть опаснее... и увлекательнее?

Ответили Софии не сразу, пришлось подождать несколько секунд, прежде чем на том конце телефона раздался хриплый мужской голос. Девушка вся подобралась, собираясь с

мыслями.

Опаснее Штефана Кэйвано мог быть только Карим Вийар.

— Карим? Это София Бодлер, — она говорила уверенно, даже решительно, голос ее не дрогнул.

— София? — его голос так же спокоен, даже ироничен. — Чем обязан?

Он смеется, она отметила это сразу. Ирония и даже сарказм читались в каждом полутоне этой короткой фразы. И София возмутилась бы подобному обращению, снисходительно-презрительному, если бы ей не была нужна его помощь. Смирив гордость, София начала:

— Есть разговор, ты сможешь?..

— А какой мне в этом интерес? — мягко перебил Вийар, насмешливо играя с ней.

— Поверь, — стиснула девушка зубы, — интерес твой гораздо сильнее, чем ты можешь представить.

Он легко рассмеялся. Почувствовал ее раздражение и забавлялся им. Это выводило из себя.

— Заинтриговала, — протянул он, скользя словами по нервам. — Выкладывай, в чем дело.

— При личной встрече, — отрезала София, сдерживаясь из последних сил. — Сегодня, в шесть, под часами на Староместской площади в Праге.

— Почему ты так уверена, что я приду?

— Ты же хочешь заполучить эту... — она хотела сказать «шлюху», но вовремя спохватилась и закончила: — Рабыню Штефана, не правда ли?

Карим насторожился. София почти явственно ощутила, как он подозрительно сощурился, будто пронзив ее острым взглядом. Как такое возможно, она не понимала, но чувствовала, как опасен этот человек.

— Кару? — проговорил Карим, задумчиво лаская это имя. А потом резко: — Что ты задумала?

Ее губы сложились в циничную полуулыбку, а голос был тверд и горько-насмешлив. Она укротила его неожиданностью своего предложения.

— В шесть, — повторила она, — на Староместской площади под часами в Праге. До встречи, — и отключилась.

Она знала, что он придет. Чтобы посмеяться, дерзить или саркастически усмехаться, сверкая критикой глаз и остротами слов, но он придет. А потом... потом он согласится со всем, что она ему предложит.

Всё идет по плану, ликовала леди Бодлер. Отмщение близко, она уже ощущает его аромат. Скоро.

Глава 26. Триумф и падение

26 глава

Триумф и падение

Если хотя бы крупица сомнения когда-то закралась в мозг, то рано или поздно, если ее не уничтожить, она превратится в созревшее зерно, которое в последствии принесет свои плоды. И тогда обычная мелочь может превратиться в проблему, которая раз и навсегда способна будет перевернуть вашу жизнь.

Это и произошло со Штефаном. Упреки Софии, пусть он и знал, что они были брошены скорее для того, чтобы уязвить его, оставив за собой последнее слово, не быть растоптанной окончательно, добавить ложку дегтя в бочку его медовой жизни, всё же закрались глубоко в сознание Князя. А всему виной не столько предупреждения Софии, сколько сами чувства Штефана к собственной рабыне. Всё дело было в том, что он не верил... не мог поверить ей окончательно. Он всегда полагался лишь на себя. Он был один, всегда, с тех пор, как ему исполнилось восемь. Одиночка по жизни, пусть и не по рождению, но превратившийся в волка неприступный и хладнокровный грешник, переступивший черту, за которой остались какие-то чувства.

Кара одним своим присутствием что-то разбудила в нем, может быть, эмоции, которые дремали внутри него все эти годы? Разрушила стены, переступив запретные грани, ворвавшись в его ледяную стабильность подобно обжигающему урагану из чувств и противоречий. И внутри него словно взорвалось — он один, но больше один быть не желает. Как вспышка сверхновой, яркая и неожиданная. Из-за нее. Но она не всецело принадлежит ему. Какая-то ее часть всё еще сопротивляется, уходит из-под его контроля, убегает.

Сомнения, которые породили в его душе слова Софии, были подобны толчку, шагу вперед к осознанию того, что именно ему нужно от Кары. Одного тела уже явно было мало. Нужно больше. Гораздо больше.

Он стал замечать, что всё тщательнее следит за Карой, стараясь обращать внимание даже на мелочи. На действия, слова, отношение к слугам и рабам. Он еще не подписал вольную на ее имя, но собирался сделать это, как и обещал. Время шло, а он с каждым днем все отчетливее осознавал, что не желает отпускать ее от себя. Ни на шаг. И бесился от этого. Она завладела его сознанием, мыслями, даже действиями. Он ловил себя на мысли, что реже стал выезжать из Багрового мыса, хотя раньше, до ее появления, ему не казалось странным, что он мог не бывать в замке несколько недель подряд, хотя и любил это место больше других. И всё потому, что не желал оставлять ее одну. Без себя. Потому, что не желал... расставаться с ней. И эта зависимость от нее стала преследовать и настораживать. Он не желал, но терпел, он хотел избавиться от нее, но не мог. Он то приближался, то удалялся, постепенно осознавая, что рядом с ней чувствует себя комфортнее, чем без нее. Потому что когда она была рядом, он ощущал ее присутствие и не беспокоился, где она, с кем и как проводит время. И вскоре постоянный контроль, который он ей устроил, медленно, но верно превратился в личный контроль над самим собой.

Вначале было особенно сложно. Когда он доверял ей меньше, когда только приходил к осознанию того, что она стала чем-то его в жизни. Он не знал — чем именно. Но чем-то

необходимым и важным, насколько вообще он мог признаться себе, что ему что-то необходимо. И он не мог отказаться или избавиться от этой необходимости. Именно от нее отказаться не мог.

По долгу «службы» или по велению Совета ему приходилось много разъезжать по Европе, оставляя Кару на попечение слуг и Максимуса, единственного, кому он мог доверять безоговорочно. И в первое время было трудно контролировать себя и не контролировать Кару. Он требовал от Максимуса подробного отчета о том, что Кара делала, где была, с кем разговаривала, вплоть до того, что именно говорила. Его раздражала и выводила из себя собственная мания, граничащая с какой-то необъяснимой одержимостью, но он не мог отказать себе в желании знать о нем всё. На его личные расспросы Кара не отвечала, лишь демонстративно поджимала губы, шурилась и выдавала коронное:

— Я считаю подобные вопросы неуважением не только к себе, но и к тебе!

И он, к собственному изумлению и стыду, затыкался. Злился на нее, конечно, да и кто бы на его месте не злился? Только вот биться головой о стену было излишним, Кара стояла на своем и усердно молчала.

— Ответь мне просто «да» или «нет»? — рычал он в порыве гнева. — Не так и сложно. Если тебе нечего скрывать, — добавлял он, начиная заводить не на шутку.

Вот только его угрозы, мрачный вид и маячившая перед ней опасность быть наказанной, девушку ничуть не пугала. Она лишь язвительно кривилась и с гордо поднятой головой отворачивалась от него.

Он десятки раз спрашивал себя, почему не заставит ее ответить, не вынудит из нее признание? Ведь он мог бы, — единственным действенным способом, он бы добился от нее ответа. Но не хотел такого хода в ее сторону. Однажды он уже сорвался и получил по заслугам, повторения он не желал. По-другому. Иначе.

— Я думаю, что ты порой забываешься, дорогая моя, — хищнически улыбался Штефан, — кто ты есть.

Каролла, вздернув бровки, ничуть не пугаясь, проговорила:

— А я думаю, что ты напоминаешь мне об этом, чтобы самому не забыть, кто я есть.

Штефан, разозлившись, схватил ее за локоть, притягивая к себе.

— Ты слишком много себе позволяешь, детка, — прошипел он.

— Я давала тебе повод для... для... ревности? — выдавила она, наконец, едва подобрав верное слово.

— Я не ревную! — прорычал он ей в лицо, метая стрелы холодных глаз, полыхающих ярким пламенем.

— Так или иначе, — чуть-чуть запинаясь, проговорила девушка, упираясь кулачками в его грудь, — я не давала повода, так? — ему пришлось согласиться, резко, отчаянно кивнув. — В таком случае, я не считаю уместными все эти вопросы, — добавила она, отстраняясь от него. Но он не выпустил ее из своих рук.

Долгие мгновения они смотрели друг другу в глаза. Тяжело дыша, будто им не хватало воздуха, но не отстраняясь, изучая каждую черточку лица, каждую морщинку и родинку.

А потом слышится его шепот. Сдержанный, спокойный приказ... Приказ, в котором он просил.

— Назови меня по имени.

Она не подала виду, что удивлена, лишь в глазах мелькнуло что-то, но Штефан не уловил, что именно. Облизнув пересохшие губы, она выполняет его просьбу.

— Штефан.

А ему этого кажется мало. Слишком мало, отчаянно мало. Ему нужно от нее больше, гораздо больше.

— Еще раз, — прошептал он, наклоняясь к ней, касаясь губами ее лица. — Повтори еще раз.

— Штефан... — часто дыша и слушая стук собственного сердца, выдыхает она, прежде чем его губы накрывают ее рот.

— Кара, — слышится его полустон. — Моя... Кара.

И жестокий Князь понимает, что маленький Штефи, когда-то заключенный в оборонительный панцирь бесчеловечного и беспринципного Князя всё еще дышит, всё еще живет внутри него. Живет рядом с ней.

После разговора с Софией и брошенных ею в порыве злости и отчаяния грубых слов, Штефан несколько раз порывался позвонить Кариму, пытаясь у него выведать правду об его отношениях с Карой. Если такие отношения вообще имели место быть. Но, сделав это лишь однажды и услышав, что Князь отправился в Грецию для решения «важного вопроса», отступил. Значит, не судьба. Не нужно ему это знать. Не стоит. Потому что, возможно, правда, будет колоть глаза, и иногда неведение гораздо приятнее истины.

Он сотни раз задавался вопросом, что было бы, окажись слова бывшей любовницы правдой. Что, если Кара действительно спала с Каримом? Изменяла своему Князю, раздвигая ноги перед другим? Что, если просто дурачила Штефана, играя на его к ней отношении, преследуя определенные цели лично для себя, — например, свобода, которую ей мог бы предоставить Вийар, или неприкосновенность. Подобные размышления никогда не заканчивались хорошо. Штефан даже и предположить не мог, что бы он сделал, если бы подозрения Софии подтвердились. Лишь кровавая пелена застила глаза, оставляя перед ним картинку эротического содержания с Карой и Вийаром в главной роли. И всё, у него начисто сносило крышу. Из горла рвался звериный собственнический рык, а кулаки помимо воли сжимались в кулаки в желании ударить, покалечить, убить. И, попадись ему в тот момент Карим Вийар, быть беде.

Этот человек никогда не был его другом, хотя и утверждал, что желал бы этого. Но не был и врагом, даже, наверное, способствовал укреплению положения Штефана в Совете, принимая его сторону в споре с Исааком, но им так и не удалось примириться. А теперь — тем более не удастся. Из-за женщины. Из-за рабыни. Карим Вийар был не просто Князем, он был игроком и опытным соблазнителем. Цель игры — выиграть. Любой ценой. И Штефан знал точно, что если он захочет получить Кару, то сделает для этого всё. Правила игры он любил устанавливать сам. Неважно, с кем играть... пусть даже с тем, кто отчаянно не любил подобные игры. И Кара... сможет ли она устоять перед властью опытного любовника и изменить своего господину? Своему... мужчине? Единственному мужчине, которому она когда-либо принадлежала и будет принадлежать!?

Что бы он сделал с Карой, узнай об ее измене, Штефан боялся представить. Его фантазии были жестоки и беспощадны, выжигая на поверхность те инквизиторские замашки, которые, казалось, должны были забыться с течением времени. Но не забылись, воскресли в памяти, словно нарочно. Вся жестокость и безумная ярость пережитого в детстве и юности сейчас, подобно кусочкам мозаики, собиралась в цельную картину, кровавую картину распятия изменницы. Он понимал, что не сдержится, если узнает, что Кара ему лгала. Если узнает, что она принадлежала кому-то, кроме него. Даже в мыслях он

не мог сдержаться, вымещая свой гнев и ярость на предметах интерьера, что уж говорить о том, на что пойдет, если плод его воображения превратится в реальность?

Он пытался унять свои буйные фантазии, в общем-то, ни на чем не основанные, ссылаясь на ревность, злость и мстительность Софии Бодлер, всё, что так откровенно читалось не только на ее лице, но в каждом ее слове и движении, но это приносило успокоение лишь на некоторое время. А потом всё начиналось сначала, будто воспаленный воображением мозг не желал абстрагироваться и забыть.

Что это было? Как это можно было назвать? Было ли вообще определение тому, что он чувствовал? И мог ли Князь, Король, господин что-то чувствовать к своей рабыне?! Невозможно. Или это своеобразная преемственность поколений? Стоило только усмехаться. Его нареченный отец тоже был влюблен в рабыню, не пожелав после ее смерти завести новую любовницу и превратив себя в отшельника, а его, Штефана, в наследника не просто своего состояния, но и всего рода. Княжеского рода, берущего основы в истоках образования Второй параллели. Неужели и ему суждено пойти по стопам своего приемного отца? И что значит — «тоже»? Влюблен?! Он!? Невозможно. Неприемлемо и неправильно. Он не умеет любить. У его мании есть лишь одно объяснение — чисто физиологическое. Страсть, похоть, влечение, желание, удовольствие. А чувства? Они подвластны холоду и желчи его темной души, погрязшей во грехе прошлых преступлений и насилий. Его отношение к Каре — одержимость, от которой он рано или поздно избавится. Не чувства — всего лишь состояние.

И все-таки он бесился, когда подобные мысли проникали в его сознание, будоража, но отнекиваясь от того, что он никогда и никому не позволит ее забрать, было ясно. Она навсегда остается с ним. А потом он решит, что с ней делать.

Но Кара... Кара не желает быть рабыней. Она жаждет получить свободу! Упрямая, своевольная девчонка. Сильная и волевая в своем желании обрести хотя бы частичную независимость. И он готов был предоставить ее ей. Не в полной мере, конечно, ей от него не избавиться, пока он того хочет, но... относительной свободой действий и передвижений она будет обладать. Выезд за пределы замка, не тотальный, а умеренный контроль за ее действиями и передвижениями, статус служанки, а не рабыни, дарующий свои преимущества. Это ведь не так и мало! Тысячи рабов, находящихся в его услужении, могут только мечтать о таком подарке судьбы, а Кара получила его меньше через год после того, как стала его рабыней. Ей стоило бы порадоваться вновь обретенной свободе, а она... Неужели его волнуют ее чувства?

Значит, опасения Софии, думал он, все-таки оказались безошибочными? И он попал-таки в зависимость от рабыни? Гордый, волевой, бескомпромиссный господин превратился в марионетку в умелых женских ручках?

Что за черт, неужели так и есть?! Темная сторона его сущности медленно отступала перед напором ярой чувственности рабыни? Признать это — значит, признать что-то такое, чего Князь Четвертого клана пока не был готов признавать. Может, когда-нибудь, когда наваждение пройдет... или не пройдет. Но не сейчас. Рано, еще слишком рано...

Пришлось помириться с Софией. Эта ссора не принесла ничего хорошего ни для одной, ни для другой стороны. Совету стало известно об их разрыве почти сразу, что неудивительно, учитывая, какую власть Князья имели в мире, и этот разрыв, хотя и не был воспринят ими в штыки, все же восторгов не вызвал. Их Князь Четвертого клана и не ждал. Он не собирался оправдываться, никогда этого не делал и никогда делать не стал бы, но все

же готов был объяснить свою позицию, если бы от него того потребовали. Но от него не потребовали. София, к его удивлению, промолчала о своих подозрениях относительно Штефана и его рабыни, а Кэйвано предпочитал не высказываться вслух относительно того, что произошло.

Казалось, всё прошло и было забыто. Приняла ли София их разрыв? Штефан очень сомневался. Но она никак не проявляла и своей обиды, мести, если не считать откровенного молчания. С момента расставания в кафе, по прошествии почти месяца, они так и не виделись, даже мельком. Он не искал встречи, София, по всей видимости, тоже. Наверное, такое положение вещей устраивало обоих, если бы только София Бодлер не была отвергнутой любовницей, гордой и решительной, а Штефан Кэйвано слишком лакомым кусочком, чтобы отдать его безродной девке с улицы.

Впервые после расставания они встретились случайно, в Лондоне, когда Штефан, навещая Манкрофта и поздравляя того с годовщиной свадьбы, был приглашен заботливой хозяйкой на торжественный обед. На обеде оказалась и София. Как всегда неотразимая, изысканная и утонченная, шикарная, закутанная в платье известного модельера и сверкающая в свете огней бриллиантами и примирительной улыбкой. Что могло бы Штефана насторожить, но не насторожило.

Он смотрел на то, как она приближается, медленно, легко и свободно, раскрепощенная и зазывающая, с тенью улыбки на губах, а перед глазами в этот миг стоял почему-то совершенно иной образ. Черные волосы, зеленые глаза, вызов в глубине зрачков и протест, застывший на губах.

Штефан отбросил прочь фантазии, когда София подошла к нему и, тронув за локоть, тихо проронила:

— Здравствуй, Штефан, — томно и приветливо. Он не ожидал подобной легкости в общении после того, что произошло. Она должна была бы его ненавидеть.

— Здравствуй, София, — сдержанно выговорил он, глядя на нее с высоты своего роста. — Удостоила Манкрофта своим присутствием? Не ожидал, если честно, — и нахмурился.

София поджала губы, что-то мелькнуло в ее глазах цвета шоколада, но Штефан не успел уловить этой эмоции, прежде чем девушка потупила взгляд.

— Нам не стоит воевать, Штефан, ты так не думаешь? — кажется, что она почти искренна в своих словах, но Штефан не верил в эту искренность, от которой веяло ложью и... чем-то еще, очень опасным. А София тем временем продолжала: — Эта ссора... зачем она? Ведь мы так давно знаем друг друга, — мило и мягко улыбнувшись, девушка протянула ему руку в знак дружбы. — Мир?

Он думал всего мгновение, заглянув в ее глаза, сощурившись. Мелькнувшее в глубине души подозрение он подавил. А зря.

— Мир, — пожал он ее ладонь.

— Я очень рада, — сверкнула она улыбкой в двести ватт. Помолчав, проронила: — А как ты... поживаешь? Что у тебя нового?

— Всё отлично, — коротко бросил Князь, не желая выдавать всё, как на духу. Да никто за ним подобного и не замечали. — Бизнес привел меня в Лондон, решил заскочить и к Манкрофту.

— Ммм, а как дела в Багровом мысе? — осторожно спросила девушка, качнув головой. — Всё... по-старому?

Можно было и не быть провидцем, ясновидящим или умельцем читать мысли, чтобы понять, что именно ее интересует. Штефан скривился, глаза его блеснули.

— Всё по-старому, — ответил он немного насмешливо, немного грубовато.

Это Софию задело, но она не подала виду, что чем-то уязвлена или смущена. Лицо ее не накрыла тень, глаза продолжали лучиться. Коснувшись ладонью его плеча, она проговорила:

— Я лишь хотела предупредить тебя, Штефан. Тогда, в кафе, — напомнила она. — Я не хочу, чтобы ты остался в дураках.

— Ты опять начинаешь давно забытый разговор, София, — начал злиться Штефан. Ее слова были подобны пуду соли, высыпанной на не зажившую рану. А его размышления и сомнения были отчаянно свежи. Он начинал злиться, заводясь с пол-оборота. — Не пора ли уже закрыть эту тему? — поджал он губы.

— Извини, — проговорила девушка, смутившись. — Но я должна сказать тебе, я не могу молчать.

— О чем сказать, София? — устало и раздраженно спросил Штефан. — О том, что Кара спит с Вийаром? Так это ложь.

— Ты уверен?

— Более чем, — отрезал Князь сквозь зубы. — И я не поверю обычным словам. Если тебе так хочется меня в этом убедить, то предоставь мне более веские улики, чем пустословье! — грубовато выдал он, отстраняясь. — Боюсь, что примирения, как такового, так и не произошло. А жаль. Мне не хочется с тобой воевать, — он взглянул на нее из-под сведенных бровей и отошел. — Прошу меня простить, но мне нужно идти, — и стремительно направился к выходу, оставляя ее одну.

София потемневшими от гнева глазами следила за его удаляющейся спиной. Даже не обернулся! В ее взгляде горел неистовый мстительный огонь, огонь оскорбленной женщины, уязвленной в самое сердце.

— Так, значит, тебе нужны доказательства, Штефан? — прошипела она. — Что ж, ты их получишь! — и, выйдя из комнаты, позвонила по уже известному номеру.

Ей ответили почти сразу. Она знала, что ее звонки для собеседника сейчас были в приоритете, пусть он и пытался уверить ее в обратном дерзкими улыбочками и мнимо равнодушными сарказмами.

— Привет, это я, — заявила она. — В Лондоне. Да, он тоже здесь. Вернется в замок завтра вечером. У тебя все готово? — ей ответили, а она отчего-то продолжала злиться. Всё должно было пройти по плану, ошибок быть не должно. — Надеюсь на это, потому что если дело прогорит... Не думаю, что это повод для смеха, Вийар! — зашипела она, разозлившись. — Штефан опасен. Я знаю, что ты в курсе. Хочу верить, что завтра всё пройдет как по маслу. Ты можешь мне это обещать? Хорошо. Я позвоню тебе, если планы изменятся. Пока, — и отключилась.

Вот и началась игра. Твоя игра, Штефан. Ты разве не хотел поиграть? Только вот играть мы будем не по твоим правилам. Иногда бывают моменты, когда хищник превращается в жертву. В умелых руках другого хищника. А еще лучше — двух.

Спрятав телефон в карман сумочки, София направилась в зал, где проходило торжество.

Не заметив человека, который привык оставаться в тени, незамеченный и не выхваченный на свет из тьмы своей души и жизни.

Но, на ее счастье, он не собирался никому рассказывать о разговоре, которому стал свидетелем. На это у него были свои причины.

Князь задержался в поездке еще на один день. И вместо запланированного завтрашнего вечера вернулся в замок лишь вечером следующего дня. София знала об его планах, и эта задержка сыграла ей на руку.

Игра, как и планировалось, была разыграна, точно по нотам. А уже вечером произошла трагедия.

Сумерки еще не сгущались над замком, но легкая дремота уже окутала Багровый мыс, будто наложив на него темную вуаль предстоящих сновидений. Сейчас, в середине сентября, когда бабье лето полноценно вступило в свои права, солнце, медленно опускаясь за горизонт, окрашивало всё в золотисто-алый цвет, наполняя запахом уходящего лета воздух. Чем-то это состояние природы напоминало предчувствие. Будто затишье перед бурей, способной в один миг разрушить всё до основания. Опасное состояние природы.

Но на Князя Четвертого клана, возвращавшегося домой, это спокойствие не произвело впечатления. Он оставался глух к подобным предостережениям.

Штефан опаздывал. Пришлось задержаться в Англии, чтобы уладить дела, не требующие отлагательств. Неожиданная встреча с партнером из Токио, приехавшим в Лондон всего на несколько часов, требовала личного присутствия Князя, генерального директора крупной компании, а потому ему пришлось отложить возвращение домой, как бы ему ни хотелось вернуться в срок.

Вороны кружили над головой, громко и надрывно каркая, когда он проезжал по старой дороге, ведущей к замку через кладбище, но Штефан и на это не обратил на это внимания.

Он спешил в Багровый мыс, как не спешил никогда. Никогда, до момента пока в нем не появилась Кара.

Максимус, верноподданный, сидел рядом с ним, волевой и неприступный. Тень, Ищейка, Исполнитель, — кто угодно по воле Князя. Много лет назад пришедший «на службу» к Кэйвано и принявший его условия, лишь для того, чтобы скрыть правду, истинное происхождение, должно находиться в тайне. Верный пес, беспрекословно исполняющий всё, что ему велено. Тот, на кого можно было положиться. Почти друг. Если бы Штефан верил в дружбу. И к тому же — слуга, а он — Князь. Слишком большая пропасть между ними.

Но та же самая пропасть, еще более громадная, разверглась и меж тобой и Карой, упрямо нашептал голос внутри него, вынудив Штефана оскалиться собственным мыслям.

Тут совсем другое! пытался убедить он себя.

Да, другое... она не служанка, она — рабыня, насмешливо вещал прямолинейный голос в глубине души.

Штефан предпочел промолчать, яростно поджав губы в знак протеста. Только вот обмануть себя, как ни пытался, не смог. Будь она тысячу раз рабыней, это ничего не изменило бы для него. Его отношения к ней... не изменило бы. А это отношение, проникнутое... — о, ужас! — чувствами, было! Только что именно он к ней чувствовал, Штефан не знал. Или же знал, но не желал этого признавать. После стольких лет зияющей пустоты чувств сердце одиночки не могло смириться с проникновением в душу чего-то... постороннего. Он привык быть один, а потому противиться инородному, давно забытому чувству будет с ярым постоянством.

— Вороны раскаркались, — подал голос Ищейка, сидевший за рулем. — Дурной знак.

— Не знал, что ты веришь в приметы, — без тени улыбки проговорил Штефан, глядя в

окно. — Я уже вижу замок, прибавь-ка газу и отвлечись от своих... знаков, — добавил он с долей нетерпения.

Максимус, бросив быстрый взгляд в зеркало, отметил откровенное нетерпение своего хозяина. Складка между бровей и плотно сжатые губы, передали все его эмоции, от раздражения до гнева. Ищейка прекрасно знал, к кому так спешит Князь.

Он прибавил скорость, как Штефан и просил, а когда автомобиль, въехав на территорию замка, минуя высокие кованые ворота и садовые аллеи, и остановился у главного входа, Кэйвано стремительно выскочил из машины и, коротко бросив Ищейке, чтобы тот загнал машину в гараж, вошел в замок, на ходу поправляя воротничок своей белоснежной рубашки.

Ищейка проводил его сощуренным взглядом и, стиснув зубы, сжал руль. Через мгновение расслабился, приняв невозмутимое выражение лица, будто вспомнив, что Ищейкам не велено чувствовать, и исполнил приказание Князя монотонно и безэмоционально, как делал это всегда.

Штефан ворвался в дом так резко, что сам удивился подобной стремительности. Замедлил свой полубег и погасил огонь глаз, которые уже выхватили из света комнаты домоправительницу и нескольких слуг, при его появлении вмиг испарившихся, как по волшебству.

Вот и правильно, подумал он, они знают, когда нужно быть незаметными. В этом доме — всегда!

Единственным его желанием в тот миг было, чтобы Кара выскочила ему навстречу, улыбаясь и радуясь его приезду, — они не виделись четыре дня! Но вместо зеленоглазой упрямцы к нему обернулась Лейла.

— Господин, — служанка подошла к нему, застыв рядом с чопорной сдержанностью на лице, — я очень рада, что вы вернулись. Мы не ждали вас раньше девяти вечера.

— Удалось справиться со всем раньше, — нетерпеливо сказал он, раздражаясь на себя за то, что позволил себе отчитываться перед служанкой. Поморщившись, уставился на Лейлу, ожидая, что та продолжит свой «отчет», но вместо этого Лейла заявила всё с той же чопорностью и сдержанностью.

— Вас ожидает госпожа Бодлер.

— София здесь? — нахмурился Штефан, продвигаясь вперед. А вот это совсем ни к чему.

— Она в вашем кабинете, — ответила служанка, поджав губы. — Ждет вас уже более часа. Я говорила, что вы вернетесь не раньше девяти, как и сказали мне, но она не пожелала покинуть замок, не поговорив с вами.

Штефан выругался про себя, нахмурившись. Только этого ему и не хватало!

Он не желал видеться с ней сейчас, и не здесь тем более. Ему казалось, что они уже всё выяснили. Что еще нужно этой женщине? Штефан понял, что начинает заводиться. Из-за глупых предрассудков и тихой ревности София не желает мириться с неизбежным. Но разве виноват он в том, что она сама себя обманула, решив, что имеет право считаться его невестой. Даже подумать смешно — невестой, почти женой! Он разве давал ей такие нелепые обещания? Надо же, какой поразительно безумный самообман!

Игнорировать ее приезд он не может, как не может закрыть глаза на то, что она дочь дворянина и просто влиятельного человека. Порвать с ней все связи просто невозможно.

Штефан тихо чертыхнулся себе под нос, но тут же поднял взгляд на Лейлу, холодный и

неприступный.

— Скажи Каре, чтобы зашла ко мне в комнату через полчаса, — коротко бросил он и стремительными шагами направился к кабинету, не обратив на неуверенность в глазах Лейлы внимания.

Заметив состояние Штефана, женщина, едва приоткрывшая до этого рот, чтобы сообщить ему новость, умолчала, что любимицы Князя, как Кару называли в доме, не было видно уже около двух часов. Рано или поздно сообщить придется, но к тому времени Кара, узнав, что хозяин вернулся, отыщется сама. Лейла на это очень рассчитывала и даже надеялась. В противном случае... несдобровать никому.

Тяжело вздохнув, так и не сказав всей правды, служанка, проследив за удаляющейся в сторону кабинета спиной Князя, поспешила на кухню.

А Штефан, чертыхаясь про себя и шурясь, подскочил к кабинету, желая скорее разобраться с Софией, хотел распахнуть дверь кабинета именно в тот момент, когда та отворилась сама. Он отшатнулся, хмурясь.

Навстречу ему вышла София, блистая красотой и величием, равно как негодованием и раздражением.

При виде него она немного опешила, застыв на месте с широко распахнутыми от изумления глазами. Но шок ее длился не долго, она почти сразу взяла себя в руки и устремила на него холодный взгляд.

— А я уж думала, ты никогда не появишься! — упрекнула она его, надвигаясь на мужчину.

— Вот уж не думал, что ты удостоишь меня своим визитом в ближайшее время, — холодно парировал Штефан, пропуская ее вперед. — Чем обязан?

— Слишком много чести, Штефан, — колко выдала девушка, сузив глаза, — за одну-то неделю!

Намек был слишком прозрачным, чтобы его не понять. Князь мог бы прореагировать на него, съязвить, ответить колкостью, пронзить ядом с макушки до пят, но он... равнодушно уставился на нее.

— Что тебе нужно, София? — сощурившись, проговорил Штефан холодным тоном. — Если ты приехала не выяснять отношения, то зачем же тогда? — брови его взметнулись.

Она, кажется, не ожидала такого спокойного равнодушия, а потому немного сконфуженно уставилась на бывшего любовника. А чего она могла ожидать, когда они выяснили, что их отношений больше нет?

— У меня послание от отца, — скрестив руки на груди, заявила она, вскинув подбородок. — В конце месяца он устраивает вечер в честь дня рождения мамы. Ты тоже приглашен, — сухо добавила она.

— Чему ты очень рада, как я вижу, — усмехнулся мужчина, даже не улыбнувшись глазами. — Но ни за что не поверю, что ты приехала бы ко мне лишь для этого.

София поджала губы. В проницательности ему не откажешь, только игра должна идти по ее правилам!

— А ты наблюдателен, да, Штефан? — язвительно отозвалась она. — Вот только иногда дальше своего носа не видишь. Или же боишься смотреть, — она не испугалась мрачной мины, исказившей его лицо.

— О чем ты? — стиснул он зубы.

— Да всё о том же, Штефан, всё о том же, — ответила девушка, — да вот только моим

словам ты не веришь. Ты веришь своей... ненаглядной Каре, — она едва не зашипела от ярости. — Она уже встретила тебя у ворот? Ноги обмыла? Или, может, ты успел тр***ть ее наскоро, а потом пошел ко мне?!

— Наскоро у меня с ней никогда не получается, — сквозь зубы выдохнул Штефан, начиная заводиться. — Ты пришла поговорить об этом?

— А зачем? — пожалала леди Бодлер плечами. — Ты же мне всё равно не веришь.

— Не верю, — согласился Штефан. — И мы возвращаемся к моему первому вопросу: что тебе нужно?

— Я потеряла у тебя в доме кольцо, — напрямик заявила София, словно устав ходить вокруг да около. — Старинное, с гербом дворянства. Мне его подарила бабушка. Я обыскала весь дом, прежде чем вспомнила, что в последний раз надевала его, когда приезжала к тебе, — глаза ее превратились в узкие щелочки. — Не будешь ли ты так любезен, открыть мне мою гостевую комнату, чтобы я посмотрела его там? Без твоего согласия мне запретили это делать! — фыркнула она, разозлившись. Когда-то ей было разрешено не только это, но гораздо больше! А теперь... теперь ее даже в комнату для гостей без ведома Князя не пустили!

— Таковы правила этого дома, — коротко бросил Штефан, будто отвечая на ее немой протест. — Я скажу, чтобы тебе открыли комнату, — и, не говоря больше ни слова, двинулся в кабинет, очевидно, решив, что их разговор исчерпал себя. Поговорили ни о чем, на пустяках всё решили. Бессмысленно и коротко.

София подобной бестактностью была уязвлена, но не только это вынудило ее остановить его в дверях.

— Даже не проводишь меня, Штефан? — донеслось ему в спину, и он остановился. — По старой дружбе?

Она горько усмехалась, а ему было вовсе не до смеха. Он обернулся к ней, собираясь проститься, но так и застыл, словно пораженный. Взгляд зацепился вовсе не за ее красивое лицо, не за шикарные волосы, не за свободное платье, подчеркивающее все достоинства женской фигур, цепкий взгляд, подобно взору хищной птицы, остановился вовсе не на девушке. Так, наверное, бывает только в кино, но произошло с ним.

На краткий миг метнувшись к полу, орлиный взгляд остался прикованным к нему недвижимо.

На полу, у кресла, блестела чья-то запонка, сверкая бриллиантом, будто красной тряпкой, брошенной быку. Она будто провоцировала, будто предупреждала и... влекла. Чтобы рассмотреть ее ближе.

Сощурившись, Штефан наклонился и, подняв ее, поднес к глазам. Именная! С гербом... Пятого клана!

Вийар! Это имя пронеслось в его голове горячим вихрем, палящим ветром и истребляющим ураганом. Глаза налились кровью, а губы плотно сжались в тонкую линию. Лицо мрачнело с каждой полусекундой, а из носа вырывалось тяжелое, рваное дыхание, сдерживающее звериную ярость, бушевавшую внутри беса.

Вийар здесь! В его доме?! Что этому бесу здесь понадобилось, черт возьми? И почему ему не доложили?

Штефан сжал запонку в ладони так сильно, что она до боли впилась в кожу. Взгляд устремился в тугое пространство, превратившееся в один миг сгусток нервирующих вещей и одновременно пустоты.

— Штефан? — проронила София, глядя на него изумленно. — Что с тобой? — она осторожно тронула его за плечо, но Штефан резко отшатнулся. Во взгляде, вскользь брошенном на нее, было бешенство и гнев.

— Не сейчас, София, — рыкнул он шепотом и решительно направился в сторону гостиной. — Вийар здесь.

— Вийар? — выдохнула гостья, охнув. — Что ему... нужно?

— Очевидно, тоже решил пригласить меня на ужин! — язвительно отозвался Штефан. — Лейла! — взревел он, не обращая на девушку внимания. Та отшатнулась, как ошпаренная, уставившись на него во все глаза.

— Что случилось, Штефан? — повторила она свой вопрос. А он повторил свой рык, одновременно бросаясь в сторону холла и сталкиваясь на ходу со спешащей к нему служанкой.

— Лейла! — крикнул Штефан, останавливаясь и нависая над женщиной, будто скала.

— Да, Князь? — проронила она, отступая от него в испуге.

— Здесь находится Вийар? — прошипел Штефан. — Карим Вийар сейчас находится в моем доме?!

От испуга она, кажется, потеряла дар речи, потому что заговорила не сразу.

— Я... я видела его, он приезжал, — пробормотала служанка, — но я думала, что он... он уехал...

Какие-то нелепые слова, глупое пустословье и сумятица! Он не это на самом деле желает услышать.

И тут из него будто весь воздух выбили, одним резким ударом в грудь. Вспышка перед глазами, боль и... какое-то странное чувство, ему не знакомое, или знакомое, но давно забытое. Беспокойство? Тревога?..

— Где Кара? — спросил Штефан, нависая над Лейлой, глаза его сузились и потемнели. — Где Кара, Лейла!?

От его крика она вздрогнула и пошатнулась, дрожь прошла вдоль позвоночника, а в горле вырос ком.

— Я... я не знаю, мой господин, — созналась женщина. — Я не видела ее... я... я хотела сказать вам, но...

— Как давно ты не видела ее? — не слушая ее, уточнил Кэйвано, нетерпеливо ожидая ответа. — Как давно!?

— Штефан, что случилось? — проговорила София, застыв за его спиной, но Кэйвано отмахнулся от нее.

— Лейла, — продолжал Штефан свой допрос, срываясь на крик, — как давно ты не видела Кару?!

— Часа два... не больше... — пробормотала Лейла, теребя в руках подол рубашки, — но я... я...

— Где она может быть? — не слушал ее хозяин. — Куда ты ее направляла на работу?

— В Северное крыло, — ответила женщина, боясь смотреть на Князя, — но ее там нет, мы проверяли...

Подозрения и... опасения стали проникать в мозг, раскаляя тот до предела. Если Карим Вийар посмел, рискнул... Что он сделал с Карой? Как он посмел что-то сделать с ней? Только притронуться к ней!?

Штефан сжал руки в кулаки, на скулах заходили желваки. Ярость разгоралась

бушующим пламенем.

— Зимний сад? Библиотека? Мой кабинет? Спальня? — стал перечислять он, желая, чтобы ему дали тот ответ, который он жаждет услышать. — Камеры стоят по всей территории, кроме моего кабинета и спальни. Вы смотрели пленки? — а потом самый главный вопрос, от которого даже потемнело в глазах. — Вийар уехал один?

— Я не видела, когда уехал господин Вийар... Пленки мы не смотрели, ведь вход доступен только вам и...

— Вы хотите сказать, что Вийар в замке до сих пор? — сузившимися глазами посмотрел он на Лейлу.

— Возможно, — проронила Лейла, испуганно глядя на него. — Я не знаю...

Штефан в голос выругался, приведя в ужас Лейлу и в смятение Софию. Ярости продолжала бушевать.

— Найдите Кару, — рыкнул он Лейле в лицо, кинувшись в сторону, где мог убедиться в своих подозрениях.

— Штефан, — окликнула его София, бросившись за ним. — Что всё это значит?

— Не сейчас, София! — крикнул он на ходу, так к ней и не обернувшись.

Он должен знать. Он должен убедиться. И Лейла сказала, что Вийар был в доме, а может, до сих пор в нем находится! И Кара... ее никто не может найти. Случайность? Совпадение? Что ему думать?!

Если этот человек только прикоснулся к ней... только посмел... Если совершил преступление, выкрав ее!.. Холодные глаза демона сузились до темных щелочек. Он поплатится за каждую минуту, проведенную с Карой наедине! Так просто получить ее... подонок, мерзавец! Штефан поклялся, что не допустит этого.

Он ворвался в комнату так стремительно и резко, что охранник подскочил в кресле от неожиданности и испуга. Нечасто хозяин удостаивал его своим присутствием так рьяно. Один только раз это было — когда пропала Кара. Тогда Князь едва по кусочкам не разнес комнату и компьютеры. А когда узнал, что пленки кто-то уничтожил... Охранник не желал повторения, но что-то подсказывало, что сейчас будет еще хуже.

— Покажи мне, когда Вийар приехал в замок! — потребовал Штефан, нависнув над ним. — И когда он уехал.

Мужчина замешкался, за что получил предупреждающий взгляд от Князя и тут же принялся за работу.

Его пальцы забегали по клавиатуре очень быстро, проверяя записи камеры слежения на выезде у ворот.

Тяжелое дыхание Штефана Кэйвано угнетающе нависало над ним, подавляя и вызывая дрожь, но когда он закончил, то понял, что ничего хорошего сообщить хозяину не может. Да он и сам всё прекрасно видел.

— Он не выезжал, — проговорил охранник, запинаясь. — Камеры зафиксировали только его приезд.

— Ты можешь узнать, где он? — раздраженно выговорил Кэйвано. — Покажи мне все комнаты, в которых стоит видеонаблюдение, он в одной из них! Давай же!

Одна картинка стала сменять другую. Пустые комнаты, гостевые и служебные, кухня, холл, складские помещения, коридоры. Пустые и с занимающимися своими делами слуги и рабы. Ничего особенного, всё, как всегда...

А потом вдруг... на одной из камер... стремительно, в одну сотую долю секунды

мелькнули два силуэта, переплетенные в объятьях. Взгляд всех смотрящих на запись выхватил с серого экрана черные женские волосы, разметавшиеся по простыне, и крепкие мужские руки, сжимающее нежное хрупкое тело. Картинка появилась и вдруг сменилась другой, спокойной и монотонной, но навсегда застыла в памяти всех троих.

— Стой! — крикнул Штефан и навалился на стол, вглядываясь в экран. — Предыдущую! — со злостью рыкнул он. — Что это? — выдавил он, не веря своим глазам, глядя и не видя ничего, кроме своей любимой рабыни в объятьях чужого мужчины. В объятьях Карима Вийара.

— Я... я... — заплетающимся языком выговорил охранник, с ужасом наблюдая за тем, что происходило на экране. В горле стало сухо и горько, а от ярости Князя волосы на затылке зашевелились. Его гнев был столь же осязаем, как и он сам. Это был гнев хищника, зверя, опасного и безудержного. — Это... Я...

— Где это?! — сквозь зубы, свистящим шепотом выговорил Штефан. — Какая это комната?! Отвечай же!

Охранник испуганно вздрогнул.

— Эээ... это Северное крыло, — пробормотал он. — Зеленая комната...

Штефан стиснул зубы, ноздри приподнимались в такт частому и тяжелому дыханию. Там должна была убираться Кара в его отсутствие. А Вийар решил ей помочь?! На краткий миг Князь перестал видеть, что происходит вокруг него, не реагируя на действительность, будто оказавшись вне времени и пространства.

Он видел только ее. Свою Кару. Ту, которую... которая... Предательницу, которой хотел верить. Которой он, черт побери, уже верил! А она обманула его доверие, легла в постель к Вийару, расстелилась под ним, как самая последняя!.. Ярость, ревность, боль, неверие и глухое безумство завладело им полностью.

И в зловещей тишине, прерываемой частым дыханием и едва сдерживаемой яростью, вдруг слышится тихий женский голос:

— И что, она лучше меня?

Штефан стиснул зубы так, что на скулах заходили желваки. Верить увиденному он не хотел. Но не верить своим глазам? Они никогда его не обманывали. Какой шанс, что всё это случайность? Шутка или игра? Стечение обстоятельств?.. Хотелось расхохотаться. Кара с Вийаром в одной постели — это стечение обстоятельств?! И какое этому может быть объяснение? Что она может сказать в свое оправдание, защиту? Или она сейчас... так утомлена, что ничего не сможет сказать?..

Глаза, сузившись, налились кровью. Сердце хищника жаждало расплаты и отмщения за предательство. Слабый огонек разума раскололся пополам, уступив место безудержной ярости, охватившей Князя.

Разум пасовал перед эмоциями. А чувства... они тоже были, еще более откровенные, яркие, жадные, чем прежде. Еще более разрушительные. Что может быть сильнее любви? Только ненависть.

Хищник внутри него вырвался на свободу, сметая безропотного ангелочка с пути. Он жаждал крови и вопил о своей жажде во всё горло. Темная сторона его жестокости вновь завладела сознанием. Теперь он не просто чувствовал, чувства переполняли его. И желали найти себе выход для оглашения приговора.

— Как давно? — смог выговорить он зловещим свистящим шепотом, не отрывая глаз от экрана.

София замерла, боясь шевельнуться и даже вздохнуть. Казалось, вот-вот ее напряжение будет поймано за хвост, и Штефан обо всем догадается. Но в приступе бесконтрольной ярости он ничего не замечал, глядя на экран совершенно безумными глазами.

— Как давно... что? — с придыханием спросила леди Бодлер.

— Как давно ты знаешь об этом? — глухо повторил Штефан, не отрывая взгляда от экрана.

— Наверняка знаю где-то месяц, — равнодушно пожала та плечами. — Он всегда ее хотел, сам признавался. И купить ее у тебя хотел, ты же помнишь. Но, оказывается, твоя рабыня уже давно дала ему то, что ему было от нее нужно.

— Я хочу видеть всё своими глазами.

София на мгновение замешкалась, но Штефан, поглощенный яростью, не заметил этого.

— Что тебе мешает? — стараясь говорить уверенно, сказала девушка. — Она в одной из гостевых спален...

— Я вижу, — рыкнул мужчина и ринулся прочь из комнаты.

София, немного замешкавшись, бросилась за ним. Он пролетал ступени со скоростью ветра, девушка едва успевала за ним. А когда ворвался в Зеленую комнату, где должны были скрываться любовники, София замерла от того зрелища, что предстало перед ее глазами.

Она поверила тому, что двое, распластавшиеся на кровати, были любовниками! Поверила!..

Разгоряченная и возбужденная девушка с длинными черными волосами, рассыпанными по плечам и спине. Губы приоткрыты, припухли от поцелуев, зеленые глаза затуманились, ресницы подрагивают. Она полностью обнажена, и взору открываются маленькие груди с возбужденными сосками, округлые нежные бедра и плоский живот с родинкой у пупка. Лицо искажено, непонятно, наслаждением или болью. Она не сразу реагирует на то, что их любовное объятие было прервано, продолжая безрассудно метаться в постели.

Мужчина, лежавший рядом с ней, обнажен, как и девушка, и мгновенно реагирует на прибытие гостей.

— Штефан?! — воскликнул Карим, приподнимаясь и ничуть не смущаясь своей наготы.

Кажется, девушка откликнулась на этот возглас, на произнесенное с удивлением имя своего Князя. Глаза ее приоткрылись, а губы зашевелились, будто она хотела что-то сказать, но так и не сделала этого.

Штефан бросил презрительный взгляд на свою рабыню, смерил ядовитой ненавистью Карима.

— Не ждали? — язвительно бросил мужчина, проходя вперед, сжимая руки в кулаки и поморщившись от омерзения, когда увидел запретное объятие вновь.

— Штефан... — заплетающимся языком проговорила девушка, поднимаясь с кровати. — Я... я...

— Заткнись! — грубо перебил ее Князь, сжигаемый злостью. — Я тебя слушать не желаю, шлюха!

— Штефан, — попытался заступиться за нее Карим и подскочил с кровати, натягивая на себя простыню.

— А ты, — перебил его тот. — Убирайся из моего дома, чтобы я тебя здесь больше не видел. Никогда! Понял?

— Послушай меня...

— Заткнись, твою мать! — заорал Штефан, кинувшись к Кариму и едва не

набросившись на него с кулаками. — Не вынуждай меня вышвыривать тебя на улицу, Вийар!

Карим замолк, бросил быстрый взгляд на Кароллу, отчаянно сопротивляющуюся и желавшую возразить.

— Что будет с ней? — почти равнодушно проговорил он, стиснув зубы.

— Это не твоя проблема, — злобно скривился Штефан, бросив еще один презрительный взгляд на девушку.

— Моя, — упрямо зашипел Карим. — Она получит наказание?..

— Это не твое дело! — сквозь зубы выговорил Штефан, уже не глядя на Кару и боясь сорваться. — Убирайся!

— Я не уйду без нее, — заявил Вийар, пристально глядя Кэйвано в глаза, и всем своим видом показывая, что не собирается отступать.

— Это с ней ты не уйдешь, — бросил Кэйвано.

— Штефан...

— Максимус! — рявкнул Штефан, и Ищейка, будто по мановению волшебной палочки, возник рядом с ним. — Отведи ее в подвальные помещения и приготовь всё, что необходимо, — кивнул он на девушку.

— Штефан, — проронила Кара тихо, но твердо. — Послушай...

— Максимус, ты меня слышишь!? — игнорируя девушку, заорал Штефан.

— Для чего, господин? — будто опомнившись, спросил Ищейка, глядя то на Князя, то на Кароллу.

Штефан пронзил его заледеневшим взглядом серо-голубых глаз. И тому всё становится ясно. Ни один мускул на его лице не дрожит, лишь губы плотно сжимаются, а вот глаза... они кричат во все горло. Но сам Ищейка остается равнодушным и безмолвным свидетелем расправы над провинившейся рабыней.

— Я понял, — коротко бросил Максимус и, подхватив сопротивляющуюся Кароллу на руки, быстро укутав ее в какую-то одежду, прикрывая наготу, вышел вместе с ней из комнаты.

— Нет, Штефан, — проговорила она, едва дыша. — Штефан!.. — а потом провалилась в небытие.

— Я с ней не спал, Штефан! — выдал вдруг Карим, но Кэйвано его уже не слушал, невидящим взглядом рассматривая постель, на которой только что совершилось преступление. Его смерть. Смерть светлого его.

— Штефан, ты что задумал? — закричал Карим, взглянув в спину Ищейки. — Ты что, твою мать, задумал?!

— Это не твое дело, повторяю еще раз, — спокойно проговорил Штефан, оторвав взор от смятых простыней.

— Ты будешь ее пытаться? Бить? Штефан!? — заорал мужчина, бросаясь к Князю. Но тот оставался безумно равнодушным и монотонно спокойным. Холодный, как лед, непоколебимый и бесчувственный, каким был всегда. Каким его знали все. Кроме той, что совершила преступление. — Продай ее мне, — выкрикнул Карим. — Если тебе она не нужна... больше, продай ее мне! Я куплю ее за любые деньги. Продай, Штефан!..

Лицо Кэйвано исказилось яростью, глаза потемнели, превратившись в черные точки. Ничего хорошего ждать от него после такого взгляда не приходилось. Вийар нахмурился. Игра выходила за правила.

— Так хороша в постели? — грубо спросил Штефан, презрительно усмехнувшись.

Карим молчал, тяжело и рвано дыша. Сказать было нечего. Да и что говорить? Ситуация выходила из-под контроля, грозясь перейти в разрушительное бедствие вместо небольшой проблемы.

— Штефан, — позвал Карим Князя, но тот окатил его вызывающим презрением.

— Ты ее не получишь, — глубоким шепотом, злобным, заволакивающе опасным, низким выговорил Князь. — Никогда, — и стремительно вышел из комнаты, бросив слугам, которые застыли в коридоре: — Господин Вийар желает уйти. Помогите ему вспомнить дорогу.

— Штефан, сукин сын! — закричал Карим, понимая, что ничего не может исправить. — Штефан!

— Ты получил то, что хотел, Вийар, — обернувшись к нему, бросил Князь. — Ты удовлетворился? — губы его дрогнули. — А я — нет. И я собираюсь исправить это упущение.

И быстрыми летящими шагами направился в сторону лестницы, ведущей в подвальные помещения.

Глава 27. Как умирают чудеса

27 глава

Как умирают чудеса

Я не знала, как это случилось, но я стала ему верить. Не просто на словах, лишь бы дать слово, чтобы он оставил меня в покое, а по-настоящему верить. Я чувствовала изнутри это доверие. Я никогда никому не верила до него. В детском доме не приходилось полагаться ни на кого, кроме себя, там правил вой закон — закон выживания. Принцип естественного отбора вряд ли кого-то может сделать друзьями. А после я стала с осторожностью и тихим вниманием относиться к людям, замечая их поведение, отмечая какие-то нюансы и делая для себя определенные выводы. У меня были знакомые, даже друзья, но не так много и не такие близкие, чтобы можно было им довериться. К тому же меня считали какой-то... не такой, будто не от мира сего девочкой, а немногословность и услужливая исполнительность прочно укрепили это уверение в тех, с кем мне приходилось общаться.

Но с ним я чувствовала себя, как рыба в воде. Как это произошло, я не знаю, но я верила ему. Верила в чудо, которое он мог мне предоставить. Он уже делал это, и не раз, просто сам не догадывался об этом. В нем было много того, что мне не нравилось, что я категорически не допускала, но отрицать тот факт, что с ним мне было комфортно, не стоило и пытаться. Я ощущала себя защищенной. Он сделает всё для того, что защитить меня от других. Но в то же время, единственный, кто сможет меня уничтожить, это он сам.

Это происходило так медленно и незаметно, что я не почувствовала подвоха. Это проникало в меня, не просто под кожу, но впивалось в кровь. Не просто чувство, не просто ощущение, не обычная эмоция на определенного человека... Нечто большее. Больше, чем обычное чувство, больше, чем все чувства, которые я испытывала, вместе взятые. Гораздо больше. Это было всем для меня. Это разрушало и воскрешало, свергало с небес на землю и возносило ввысь. Запретное чувство, роковое, немыслимое и невозможное.

Но в день, когда мое доверие было попорчено, а чувство рассыпалось по крупинкам, я поблагодарила Бога за то, что не раскрыла перед дьяволом свою душу и не призналась ему в немыслимой, неправильной любви. Это было бы ошибкой для меня. Высокое, пусть и неправильное, было бы осмеяно. Ведь любить господина — запрещено. А любить такого господина, как Штефан Кэйвано, равносильно самоубийству.

Если раньше я верила, если надеялась на то, что он тоже может чувствовать... то после рокового случая убедилась в том, что обманывала саму себя, нарисовав в мыслях образ светлой и сдержанной в своем гневе и страстях дьявольской души. Но ей было заказано место в аду. И спасти эту душу я не буду. Дьяволы не умеют любить, и наивно было с моей стороны полагать, что я смогу научить этому одного из них.

Мой самообман раскрылся и облил меня ушатом холодной воды на голову, приоткрывая завесу шальной истины. Холодное сердце никогда не растает, бесчувствие не вылечить никакими чувствами. И не рабыне делать это. Слишком простая аксиома, чтобы запутаться или забыть. Я ее запомнила, только обманувшись.

Он прибыл днем, после обеда, решительный и уверенный в себе, как всегда. Искушающий грешник и черноглазый бес Карим Вийар. Князь Пятого клана. Я не боялась

его, но ощущала исходившую от него опасность. От таких людей, учитывая его странные отношения со Штефаном, лучше держаться подальше.

Он был порождением порока, а может, и самим пороком. Он не был ни другом, ни врагом. Ни злым, но и не добрым. Его невозможно было понять, а узнать, каким будет его следующий ход — в его личной игре по его правилам — не представлялось возможным. Он добивался того, чего хотел. Всегда. И если Князь Пятого клана желал видеть меня, ему ничто и ничто не помешало бы сделать это. У него были свои причины и мотивы, мне не известные, да и вряд ли известные кому-то, кроме него, и он играл по своим правилам. Что ему от меня было нужно, я не осознала сразу, хотя всё внутри вопило об опасности. А когда поняла, чего он добивается, — даже не зная его целей, — было уже поздно.

Он застал меня в личном кабинете Князя, проникнув в комнату без предупреждения и стука, не заявив о своем приходе. Резко обернувшись, я уставилась на него. Всё так же великолепен, красив и порочен.

Я пожалела в тот миг, что Штефан обещал быть только к вечеру. Я не знала однозначно, какие отношения были между двумя Князьями, но видела, что они точно не друзья. Да и от Вийара я не знала, что ожидать. Штефан был в этом прозрачнее и яснее, а может, я просто к нему привыкла...

— Господин Вийар? — проговорила я, вскинув подбородок. — Вам что-то нужно? Князя нет дома...

— Зачем же так официально? — мягко перебил он меня, подходя ко мне, будто подкрадываясь, как хищник к добыче. — Можешь называть меня Карим, — губы его изогнулись. — Штефана ты называешь по имени?

Мне не понравилась его ухмылка и скрытый намек на мое личное отношение к Князю, а упоминание об имени вызвало легкую краску на щеках. Стоило немедленно взять себя в руки. С этим человеком малейшее расслабление подобно поражению.

— Думаю, что Князь Кэйвано этого не одобрит, — покачала я головой и отшатнулась от мужчины, чувствуя исходящую от него опасность. — Если вам что-то нужно, я сделаю это, если же нет, я должна идти.

— Ты, — легко улыбнулся он, сияя глазами-омутами.

— Простите, что? — посмотрела я на него с удивлением.

Сердце застучало, как сумасшедшее. Надеюсь, что я ослышалась, или поняла его неправильно. Ведь не мог он, в самом деле, заявить, что...

— Ты спросила, нужно ли мне что-то, — покорно повторил Вийар, улыбаясь. — Я ответил: мне нужна ты.

Значит, не послышалось. И поняла я его правильно. Что меня ничуть не радует. Уж лучше бы мне было сказать себя глухой. Хотя, что бы это изменило? Для хищника, который уже выбрал себе жертву?..

— Князь не отдаст меня на потеху, — с уверенностью заявила я. — И не продаст, в этом будьте уверены.

Карим задумчиво покачал головой и вновь улыбнулся. От его улыбки меня пронзила дрожь.

— Считаешь, что нет? — приподняв брови, спросил он, приближаясь.

— Мне нужно идти, господин Вийар, — твердо сказала я и, обходя его, направилась к двери.

— Ты убегашь, — с удовлетворением отметил мужчина. И я не распознала сразу

подвоха и удовлетворения.

— Нет, всего лишь выполняю свою работу, — бросила я мрачно и, повернувшись к нему спиной, двинулась к двери.

— Надо же, я тоже, — услышала я за спиной его приглушенный шепот, а потом... в один миг ощутила его рядом с собой. Стремительно и бесшумное движение, сократившее расстояние между нами в один миг.

На то, чтобы приблизиться ко мне, схватив сзади за талию, ему хватило нескольких секунд. На то, чтобы нажать на болевую точку на шее, усыпляя меня, и того меньше.

Я ощутила, как расслабляется тело, дрожат руки и подкашиваются ноги, сердце забилося сильно-сильно, а потом приглушенно затрепетало. И перед тем, как провалиться в темноту, я почувствовала, как мужчина, вынув из кармана своего пиджака маленький флакончик, поднес его к моему рту, вынуждая выпить. Я выпила, всего глоток, но, как выяснилось, и этого было достаточно, а потом... провалилась во тьму.

Очнулась от ощущения, что горит всё тело. Жар сковал по рукам и ногам, сердце почти выскакивало из груди. Кожа превратилась в тонкий чувствительный покров, будто вуаль, дотронешься до которой, и она порвется. Сердце билось так сильно, что, казалось, прорывало грудную клетку, частое и рваное дыхание вырывалось сквозь приоткрытые губы. Грудь вздымалась, а соски отзываются чувственной болью, будто ожидая прикосновения. Внизу живота странное тянущее ощущение, и горит, пылает, бьется внутри меня.

Да что же это? Может, я заболела? Ничего не понимая, я попыталась пересилить зов тела, стиснув зубы.

С изумлением оглядев себя, я поняла, что полностью обнажена. Ужаснувшись, попыталась подняться на кровати, но надо мной нависла мужская фигура, прижимая к постели. Тоже обнаженная.

Нервная дрожь прошла по телу, а липкий страх сковал чувственное тело. Я попыталась отстраниться, но мужчина что-то зашептал мне в волосы, будто успокаивая, и не позволили отодвинуться. И я вспомнила.

Карим Вийар!

Что он здесь делает? А что здесь делаю я?! В таком виде?!

Паника, граничащая с истерикой, рвалась во мне мелкой дрожью, превращавшейся в крупную. Желание оказаться как можно дальше отсюда, как можно дальше от этого человека билось во мне и вопило.

— Спокойно, девочка, — прошептал Карим, прижавшись ко мне. И мое тело ответило на его прикосновение жгучей дрожью и сладостной болью. Я попыталась отодвинуться, но не смогла, меня возвратили на место. — Не двигайся, тебе нужно касаться меня, — его проворные нежные пальцы, которые, очевидно, сняли с меня одежду, продолжили путешествие по моему телу, легко касаясь чувствительной кожи. — Ведь правда?

Он улыбался, забавляясь, я чувствовала это. Он наслаждался моей беспомощностью, испивая ее до дна глоток за глотком. А я с каждым мгновением понимала, что со мной что-то не так. Мое тело отвечало не эту ласку — запретную ласку чужого мужчины! Я пыталась вырваться, но одновременно с этим тянулась к жаркой плоти, находящейся рядом со мной. Безумие, наваждение, просто дурной сон! Я проснусь и ничего не почувствую... Вот, сейчас... о-ох... почему его руки блуждают по моему телу?.. черт!

Я не должна здесь находить. Я только Штефану могу принадлежать, лишь ему! Я его люб...

— Отпустите! — воскликнула я, ощущая, как накатывает на меня волна и неправильное, бесконтрольное желание. Но я не хочу его! Единственный, кого хотела и хочу, это Штефан. Так что же это со мной?.. — Что вы со мной сделали?! — выкрикнула я, изгибаясь дугой под его руками.

Карим, продолжая нежно касаться моего трепещущего тела пальцами, широко улыбнулся.

— Этому есть лишь одно объяснение, конфетка, — наклонившись ко мне, касаясь губами, казавшимися мне холодными, моей горячей щеки. — Желание, — прошептал он. — Ты меня хочешь, — протянул он сладко.

— Нет, — решительно увернулась я из его объятий, но тело взмолилось о пощаде жгучей болью.

— Да-а, — томно пропел Карим, приподнимая меня на кровати и притягивая к себе.

— Я не хочу вас, — едва ли не плача, прошептала я, пытаюсь вырваться. — Не хочу!..

— Твое тело говорит обратное, конфетка, — и его руки скользнули по моему телу, обхватывая грудь и скользя по бедрам. — Разве нет?

— Что вы со мной сделали?! — закричала я, вырвавшись из его рук.

— Тебе понравится, конфетка, — убеждал Вийар, прижимаясь ко мне всем телом. Я ощущала жар его кожи, его возбужденную плоть, касавшуюся моего бедра, и вскрикнула от этого невольного прикосновения.

— Не трогайте меня! — выкрикнула я, пытаюсь вырваться, сражаясь с зовущей манией обладания плоти. — Не трогайте! Не-ет!.. Что это?.. — я изогнулась, жадно хватая ртом воздух и не чувствуя насыщения. Жарко, душно, томно. Мало! Чего-то не хватает...

— Тебе без меня не обойтись, детка, — сладко зашептал мне в лицо Карим, целуя мои виски и спускаясь к шее, закусывая кожу зубами и отпуская в плен жадных губ. — Не сегодня. Не сейчас.

— Штефан обо всем узнает!.. — воскликнула я, едва ли не плача от стыда и предательства собственного тела, которое отвечало на каждое прикосновение этого чужака к нему. Я могла бы сопротивляться, разумом понимая, что происходит, и что случается ужасное, неправильно, дикое... предательство, измена! Но тело, коварное, извращенное, похотливое тело отвечало на ласки врага с яростью и страстью.

— Мы ему не расскажем, — усмехнулся Карим, захватывая в плен губ мою грудь и терзая соски.

Я задохнулась от ощущений и часто задышала, не в силах контролировать сладкую дрожь наслаждения.

— Вы не нужны мне, — смогла все же выдохнуть я сквозь дрожащие губы. — Мне нужен Штефан... А вы... ах... вы не он!.. — добавила я, вновь забившись в жаркой конвульсии.

И вдруг он неожиданно меня отпустил, всего на краткий миг, и я успела отодвинуться на край кровати.

— Что... ч-что вы со мной сделали? — запинаясь, прошептала я, пытаюсь прикрыть наготу краем простыни.

Его голос звучал глухо и почти равнодушно, если бы не было в нем едва заметных раздраженных ноток.

— Афродизьяк, конфетка. Знаешь, что это такое? — его губы изогнулись в улыбке, плотоядной, как оскал.

Я знала, не такой уж маленькой и наивной была, как могло показаться. Только знания мои меня сейчас ничуть не радовали. Тело дернулось, поглощенное новой жаркой волной. А это означает...

— Не-е-ет! — воскликнула я, желая в этот момент лишь смерти. Смерти в муках и пытках, но только не так. Не в этой постели с чужаком, не запятнанная позором, изменой и оскорблением, которое нанесу Штефану.

Не ожидая от себя подобной прыти, я резко вскочив с кровати и попыталась бежать, но сильные руки схватили меня за талию и вернули в постель.

И вновь жалящее желание, чувство беспомощности, незащищенности.

— Нет, отпустите меня! Нет! Штефан не позволит! Я не хочу! Нет... Штефан! — кричала и звала я, но меня слышал лишь темноглазый демон. Который не собирался мне помогать. — Штефан!..

— Я использовал совсем немного, конфетка, — успокаивая, сказал Карим. Прикасаясь губами к моей коже и чувствуя ответную дрожь. — Надеюсь, что больше не понадобится.

— Нет, нет, — шептала я, протестуя, но не была услышана.

Хищник добивался того, что хотел.

— Зачем вам это нужно? — прошептала я, выбиваясь из сил. — Зачем?... — краткий миг просветления, когда я еще могла что-то выговорить, узнать причины, взглянуть в глаза ненавистному человеку, убившему меня.

— Я получаю то, что хочу, конфетка, — заявил Карим, — всегда.

— Ненавижу! — выкрикнула я и, попытавшись вырваться и ничего не добившись, заплакала.

Главное, чтобы Штефан не увидел. Чтобы он не узнал. Как я смогу смотреть ему в глаза после этого?!

А мучитель-соблазнитель продолжал распалять желание, не удовлетворяя его до конца. Касался каждого кусочка воспаленного тела, но не доводил дело до логического конца, вынуждая меня мучиться, страдать, кричать от сладкой боли и рвущегося наружу желания, почти убивавшего меня.

Я ненавидела себя в эти мгновения. Что скажет Штефан, если узнает? Что он подумает, если увидит?!

— Ненавижу, — выгибаясь под обжигаящими поцелуями, выгибалось навстречу чужим губам мое тело.

— Я знаю, детка, — слышался его горячий шепот. — Всё знаю. Это игра, детка. Ты убегаешь, я догоняю. Ты ненавидишь, а мне... все равно!

Я начинала вырываться с новой силой, но вскоре ласка и желание затмевают сознание. И я уже начинаю ненавидеть себя. Даже больше, чем мужчину, лежащего рядом со мной. Я мысленно молю о помощи, но понимаю, что нахожусь в плену, в капкане из наслаждения и боли, презрения к самой себе и полной апатии.

И, когда я почти выбилась из сил и не могла произнести и слова, явился он. Мой спаситель. И мой палач.

Я слабо помнила, что было потом. Карим резко вскочил с постели, и я, кажется, приподнялась, мутными глазами пытаюсь разобраться, что же произошло. А потом я поняла... Штефан! Он пришел за мной. Пришел, чтобы спасти! Или чтобы уничтожить? Он был мрачен и разъярен, как дикий зверь. А в глазах плескалось презрение и... омерзение. Я ощутила холодок, пробежавший вдоль тела. Желание всё ему объяснить рвало на части, но из

горла вырывались полустоны и едва различные слова, самой мне казавшиеся лепетом. А вот Штефан кричал, он злился, он пребывал в состоянии бешенства. И я не знала, как его остановить.

Тело пронзило острой стрелой желаний вновь и я чуть не согнулась пополам. Крики одурманили меня. Я лишь видела за спиной Штефана силуэт Софии Бодлер и успела понять разгоряченным сознанием, что это ее рук дело, когда сильные руки Ищейки укрыли меня чем-то и увели из комнаты. Я сопротивлялась. Нельзя оставлять Штефана одного... с Каримом, с ужасными мыслями, что вселились в него подобно бесу.

Но оправдаться я не успела.

— Я не спал с ней, Штефан! — услышала я голос Вийара, злой и будто бы... отчаянный, а потом не слышала уже ничего, провалившись в пустоту и темноту.

А когда очнулась, захотела заснуть навечно.

Он стоял надо мной. Мой спаситель и мой палач. Грозный, мрачный, бешенный, в глазах плескается горькое безумие. Он был полностью обнажен и часто, тяжело дышал. Я едва разлепила глаза, как он в одно мгновение резко раздвинул мне бедра и вошел в меня, дерзко проникая внутрь. Грубо и жестко, но мне почему-то в тот момент было все равно, лишь бы ощущать его рядом, на себе, в себе. Только его! Я против воли застонала, сжимая его тисками рук и ног, приподнимаясь и принимая его глубже. Удовлетворение настало быстро, накрыв меня с головой, вынудив кричать от восторга. Дрожь, пронзившая тело, накатывала волнами раз за разом, когда он, отточенно и резко врывался в мою тугую плоть, обхватившую его.

Тяжело дыша, он не прекращал движений, будто сошедший с ума, безумный, неуправляемый.

— Смотри на меня, — выдохнул он грубо мне в лицо. — Это я, а не Вийар! Штефан Кэйвано, твой хозяин! — он зло расхохотался, не замедляя движений, будто стараясь этим причинить мне еще большую боль. — Но тебе, видимо, этого было мало!? — он дернулся еще раз, резко вошел в меня в последний раз, излившись, а потом с презрением выдохнул: — Шлюха.

Оскорбление я проигнорировала, глаза закрывались, а губы отказывались говорить. Было слишком легко и спокойно, слишком... хорошо. Я расслабилась, почувствовав удовлетворение оттого, что это сделал он, а не ненавистный Вийар!

Но в тот же миг Штефан так же резко вышел из меня, поднялся и натянул на себя джинсы, — оказывается рубашку, он так и не снял. А потом... потом началась интенсивная пытка. Продолжалась она вечность. Или совсем чуть-чуть? Я сбилась со времени и потерялась в пространстве. Машинально поднимаясь, ощущала, что каким-то тряпьем мне прикрыли наготу, подвели к цепям и... холодный металл коснулся горячей кожи, вызывая нервную дрожь. У меня не было сил даже на то, чтобы сопротивляться.

— Мне кажется, — прошипел Штефан мне в лицо, когда я оказалась закованной перед ним, — ты кое-чего не поняла, девочка, — его слова жгут, бьют, убивают. — Мне не стоит лгать.

— Я не лгала, — смогла-таки выдать я из себя, но разъяренный зверь не слушал оправданий.

Кнут, кончик которого был чем-то смазан, оказался в руках палача и, взметнувшись вверх, опустился на мою оголенную спину, чувствительную и расслабленную. Боль пронзила острием ножа и вонзилась внутрь.

— Нет!.. — вырвалось у меня против воли и я поперхнулась словами. — Штефан, — выговорила я с надрывом, — не нужно...

Но палач не внял моим мольбам. Он хладнокровно и размеренно исполнял наказание, нанося удар за ударом отточенно и безэмоционально на мою спину и плечи, пока я не зашаталась и по ощутила, как по коже струится горячая липкая кровь. Моя кровь на руках убийцы чувства. Я едва вскрикивала, силясь не заорать в голос, стискивая зубы и закусив до боли губы.

Хотелось спать. Отчаянно, неистово.

Какая странная мысль перед смертью! Но имело ли это для меня значение в этой жизни?

Не имело. Потому что даже жизни у меня уже не было. Ее отняли. Выпотрошили из меня, как опилки из мешка, вырвали из моей груди сердце и бросили в ноги.

Он все-таки своего добился. Как и мечтал когда-то. Сломал меня.

И сейчас, стоя на краю пропасти мне хотелось лишь одного — заснуть. Вечным сном.

Но он не позволял. Он никогда не шел вразрез со своими планами. А моя смерть в них никогда не входила. Ему нужно было, чтобы я мучилась, страдала, чтобы меня кромсала боль, как кромсало его удушие от моего предательства. Чтобы молила, о королевской милости, прощении, которого не заслужила.

А я не молила! Никогда, с того самого первого дня, как попала к нему, я никогда не просила его, не умоляла отпустить. Я молчала. До боли стиснув зубы, зажмурившись, я просто молчала.

Когда он увидел, что мои глаза закрыты, гортанным рыком приказал мне их раскрыть. Я помню, мои ресницы вздрогнули, с трудом приподнимаясь от щек, а потом... опустились на них вновь.

Я не могла на него смотреть. Я вообще ни на что не могла смотреть. Больно не было, просто я настолько устала, что этот приказ исполнить не могла.

Тогда он стремительно подскочил ко мне и, грубо схватив за подбородок, сжав его своей ладонью, словно тисками, вынудил меня посмотреть на свое перекошенное от злобы и гнева лицо. По истине, в тот момент я испугалась. Я задрожала от страха, скорчившись в его руках.

В холодных глазах зверя сверкало пламя огромной разрушительной силы. Он наводил на меня ужас.

Но этого он и добивался. Он питался страхом, он вызывал его, он был его хозяином и повелителем.

А я была его рабыней. Не только физически, но и морально. Ведь я, черт возьми, любила его!.. Когда-то.

И это искалечило мою душу.

Удары кнута не прекращались ни на мгновение, а его жесткий, хлесткий свист закладывал уши.

Я уже ничего не слышала, скованная кричащей внутри меня болью, отчаянием, разочарованием, обидой и гневом. Его мертвым равнодушием к тому, что происходит. Как я медленно умирала у него на глазах.

Длинный кнут с кончиком, смазанным кислотой, вновь и вновь обрушивался на мое тело, нарочито медленно пробегая от лопаток по спине и к пояснице.

Мой палач умело с ним обращался. Он был мастером своего дела.

Раз за разом вынуждая меня резко вздрагивать, и в бесплотной попытке побега дергаться вперед.

Все посторонние звуки слились в один протяжный завывающий стон. Мой стон?.. Снова и снова, удар за ударом, я кричала. Я никогда не кричала, а сейчас... словно горло, некогда перехваченное и скованное, очнулось и могло издавать членораздельные звуки. Я кричала, я молила и взывала к его... чему? Чувствам? Он не умеет чувствовать! К сердцу? У него нет сердца! Так до чего же я пыталась достучаться? До ничего. До пустоты и равнодушия.

Ему не нравились мои крики. В них не было страха, в них была боль и отчаяние. А это ему было не нужно. Он давился от моих громких стонов, бесился оттого, что не мог вытрясти из меня прощения, и вновь заносил кнут над моей обнаженной кожей.

Стискивая зубы, мой палач терзал мое тело, пока оно не превратилось в окровавленный кусок мяса, и только потом подошел ко мне. Нависнув над моим качающимся, едва держащимся на ногах телом, грубо схватил за шею и сжал ее.

— Смотри на меня! — крикнул он. Я не узнала это ужасное лицо, которое считала красивым. Не он. Это был не он. А где же... ты? Тот, который был со мной в последние месяцы? Тот, кому я доверилась, открылась, которого... полюбила? Где ты?.. Где!?

Кровь, которую я чувствовала на языке, рванула изо рта по моим губам, оставляя следы на его руке, но он сверкающими яростью и бешенством глазами смотрел на меня. Его бледное лицо исказила гримаса гнева. Демонские глаза, сощурившись в безумии, прожигали меня насквозь.

Он крепче сжал мою шею и подтянул меня за нее вверх, вынуждая приподняться.

— Посмотри на меня, я сказал! — заорал он, и я чувствовала горячее жесткое дыхание на своих щеках.

Ноги мои дрожали, став ватными. Колени дрогнули и опустились, потянув меня за собой.

Но мой палач подхватил меня за талию, яростно удерживая на ногах.

— Стоять! Я с тобой еще не закончил! — рыкнул он. — Смотри! Смотри на меня, шлюха! — заорал он, тряхнув меня за плечи. — Кого ты видишь?! Кого, я спрашиваю?!

Мои ресницы дрогнули и распахнулись. Зеленые глаза помутнились, сквозь серую дымку я видела его горящее безумием лицо. На языке тлела кровь, в висках нещадно давило, тело, растерзанное и разодранное, казалось, ничего не чувствовало. Я стала болью, стала пустотой, превратилась в ничто...

— Говори! — крикнул король, сузив демонские глаза. — Говори, тварь!

Язык не слушался меня, по губам, подбородку и щекам текла кровь, противной липкой массой оседая на коже.

Палач сжал мои плечи так сильно, что, казалось, кости хрустнули.

— Говори! — затряс он меня, обезумевший и взбешенный моим молчанием. — Говори, с**а!

Он тряс меня, и мое тело дрожало крупной дрожью. Когда это не возымело действия, он ударил меня. Шея дернулась, голова откинулась назад, ноги онемели, кончики пальцев закололи.

Боль ворвалась в мое тело бешеным ураганом, парализуя его.

— Шлюха! — он ударил меня снова. — Говори! — и вновь удар. — Продажная девка! Тварь! Говори!

Но я упрямо молчала даже тогда, когда все мое тело, обессилев от боли, завопило о

пощаде.

— Говори!!! — кричал мужчина, нависая надо мной.

И тут я сказала. Одно-единственное слово, которое рвалось изнутри кричащей болью моей сломанной, израненной души. Губы мои приоткрылись, гортанные звуки и стоны вскоре сложились в хриплые буквы и слоги, я сипло выдохнула, глядя ему в глаза. Всего одно слово...

— Ненавижу.

Он взбесился. Серо-голубые глаза сощурились, превратившись в черные точки.

Резко отпустив меня, так что я тут же недвижимой куклой повисла на сковывающих мои руки плетях, он вновь схватил кнут, намереваясь взяться за наказание вновь.

Но мне было все равно. Душа и тело требовали освобождения. Я уже мечтала о смерти.

И когда моя спина дрогнула от новых беспощадных ударов, я, казалось, даже не ощутила дурманящей боли, охватившей тело. А когда то, что осталось от моего тела, с шумом свалилось на пол, я уже ничего не чувствовала.

Мой палач подошел ко мне, тронул за плечо, проверяя, жива ли я.

— Она ваша! — презрительно крикнул он стоявшим у стены слугам. — Делайте, что хотите, а потом уберите ее из моего дома. Продавайте, кому угодно, кроме Карима Вийара, — ступил к двери, не бросив на меня ни одного взгляда. — Развлекайтесь! — и стремительно вышел из зала.

Я даже не готовилась к новым насильственным действиям, настолько мне было все равно.

Я лежала неподвижная посреди зала на ледяном полу, истекающая кровью, со сломанными ребрами, рассеченной губой и бровями, и уже ни о чем не думала.

Поскорее бы провалиться в забытие. Поскорее бы умереть.

Ну, где же вы?! Где?!

Я уже почти молила, чтобы его верные ищeyки приблизились и сделали свое дело.

Но никто из слуг, даже спустя время, так и не осмелился ко мне подойти.

Сегодня я узнала, как умирают чудеса.

28 глава

Новый хозяин

Я не знала, что он уехал. Как потом сообщили слуги, то ли в Лондон, то ли в Дублин, он никому не сообщил о своем отъезде, просто вскочил в свой автомобиль и покинул территорию замка. Но мне, по сути, было всё равно. Единственное, о чем я мечтала в тот момент, так это смерть. Я уже почти видела крылья Ангела Смерти, летавшего надо мной, подобно стервятнику. И у этого Ангела были демонские серо-голубые глаза моего персонального убийцы. Того, кто добился-таки своего — сломал меня, погубив. Тот, кто сделал свое дело щедро и хладнокровно. Тот, кому я доверилась и кого... полюбила. Тот, кто... имел право на то, чтобы сделать это.

Но мысли были потом, холодные и расчетливые мысли, анализирующие и принимающие случившееся, как данность. Сейчас не было ни сил, ни желания что-либо анализировать. Когда ты, избитая и униженная, лежишь на холодном полу зала экзекуций, мечтаешь либо о том, чтобы спастись, ни о чем не вспоминая, либо, чтобы умереть, ничего не помнив. Я хотела второго. По той простой причине, что у меня не было больше того, ради чего мне стоило жить. Жизнь? Кому она теперь нужна?.. Даже мне она теперь казалась настолько никчемной и разрушенной, что продолжать ее не имело смысла. Чувства? Любовь, например... А была ли она у меня? Я думала, что полюбила. Сотворила невозможное, полюбив зверя. Я думала, что и он... тоже чувствует что-то... А он не поверил моим словам. Он сказал, что они — ложь. Я ошиблась.

Я не знаю, как долго лежала в месте моей пытки, минуты и часы слились в одно мгновение, серое и безжалостное, пустое и никому не нужное, в котором я вновь и вновь умирала у него на глазах. Мимо меня сновали слуги Кэйвано, скорее всего, проверяя, жива ли я, поглядывая на меня с изумлением, а кто-то даже с жалостью, но никто с момента ухода Штефана так ко мне и не подошел. Был ли это его приказ перед отъездом, или их... самовольное решение, я не знала. Я не могла думать. Вообще. Ни о том, что он сделал, ни о том, как мне было больно. Ни о том, как быть дальше... с растоптанной любовью и разбитым сердцем.

Через какое-то время, когда одна минута, потонув в другой минуте, вязкой и промозглой, взорвалась во мне надрывным кашлем и тошнотой, вокруг меня началось легкое движение.

— Нужно перенести ее в холл, — подал кто-то голос. Кажется, это Лейла? Сожалеет, сочувствует?..

— Или в ее комнату, — отозвался второй, кажется, мужчина. Константин? Я сталкивалась с ним пару раз.

— Не думаю, что Князь будет в восторге, если обнаружит ее здесь по приезду.

По приезду... Он уехал. Бросил меня здесь... одну. Умирать?.. Боль стремительно поднялась к сердцу.

— Он уехал? — озвучил мой немой вопрос кто-то третий.

— Сразу, как только... закончил с ней, — сказал кто-то шепотом. — В Лондон, или в

Дублин... Так Максимус сказал, а он знает больше, чем мы.

Максимус? Ищейка Князя. Что он здесь делает? Решил добить меня? А разве я еще не мертва?..

— Он приказал продать ее. А кто ее такую возьмет?! На ней ведь живого места не осталось!

— Давно я не видел, чтобы он так... выходил из себя.

— Вспомни, когда он последний раз наказывал слуг подобным образом!?

— А тут и думать нечего, — ответил кто-то. — Как только она появилась, так и перестал, — тяжелый вздох. — А теперь опять начнет зверствовать...

— А как давно он сам не брался за плетъ? — спросил кто-то и сам же ответил на свой вопрос. — Вот, в чем вопрос. В последний раз это было пару лет назад, — а потом без паузы: — Чем же она так провинилась?

— Изменила Князю с господином Вийаром, — послышался быстрый шепот.

— Да ни за что не поверю, — воскликнул кто-то, — чтобы она осмелилась на измену! Не такая она... Другая.

— М-да уж, — горько поддакнул кто-то. — Да что теперь думать-гадать? Князь приедет, со всем разберется. А может, и не разберется, — задумчиво добавил он. — Главное, чтобы... Кары в замке не было к его приезду, а то разозлится он.

— Теперь все мы попляшем на адской сковородке, — отозвался кто-то, и собравшиеся замолчали.

Если бы я могла усмехнуться, я бы сделала это, язвительно и дерзко. Вот теперь-то вы попляшете! Князь и на вас отыграется за свое плохое настроение. Только злорадной радости во мне было еще меньше, чем желания усмехнуться или сделать что-то еще.

— Давай поднимем ее и вынесем в холл... хотя бы, — сказал мужчина.

— Лучше в ее комнату, — предложил кто-то. — Не нужно ей светиться в холле. Может, полежит пару дней, пока хозяин не приедет, и поправится немного?

— Ты что, волшебник? — едко отозвался друг. — Сотворишь чудо? Ты погляди на нее! Она поправится не раньше, чем через неделю, а то и больше. До того момента, кто ее такую купит?!

В ответ лишь молчание. Я не знала, как выпляжу, но, учитывая боль, сковавшую тело, хорошего во мне сейчас было мало. Если что-то вообще было.

Я не ощутила приближения кого-то ко мне, а потому не успела воспротивиться захвату. Хотя о чем я говорю, какое сопротивление? Разве не было мне абсолютно все равно? Резко наклонившись, меня подняли на руки, будто пушинку, и понесли. Куда, не знаю. Надеюсь, что туда, где я скорее распрощаюсь с жизнью. Потому что смысла жить дальше не осталось. В теле отзывалось болью каждое движение. А я «парила» над землей, будто птица. Некогда окрыленная, но сброшенная на землю. Осужденная на вину без причины.

Слуги, кажется, шептались о чем-то между собой. Наверное, обсуждали меня и мое... преступление. А мне даже не хотелось оправдываться! Такая апатия накатила, такое равнодушие, что и рукой пошевелить сейчас было бы для меня подвигом. Мои глаза по-прежнему были закрыты, я не хотела их открывать, они бы вмиг увидели жестокий и неправильный мир, в котором я жила всё это время. Несправедливый мир.

— Давай-ка в ее комнату, — услышала я голос одного из слуг, — вниз...

Правильно, вниз. Туда, где я уже и так оказалась. Куда же мне еще падать?

Ах, Штефан... Что же ты наделал? Почему, за что? Я так провинилась перед тобой, что

ты решил убить не только меня, но и всё, что во мне было?.. Ах, Штефан, а ведь там, что ты убивал, была моя любовь...

Я чувствовала, что меня несут куда-то, спешно, решительно пересекая холл, и я плыла по течению. А потом... я не поняла, что произошло. Глаза мои были закрыты, и раскрывать их не было ни сил, ни желания. Но вдруг что-то изменилось. Кто-то вошел в холл! Посторонний. Гость в замке Кэйвано! Я вздрогнула. От отчаянного желания спрятаться, испариться, деться было некуда. Я пробовала пошевелиться в руках того, кто застыл со мной на полпути, остановленный чьим-то окликом.

Нет, нет, нет! Я не хочу, чтобы меня видели такой. Не хочу, чтобы знали причину моего состояния. Не хочу, чтобы думали, будто я изменница и предательница. Ведь это неправда! Защититься, убежать...

Неизвестный гость Кэйвано тихо подошел ко мне. Как странно, но я почувствовала его приближение. Мне хотелось открыть глаза, чтобы рассмотреть, кто это, но я не смогла.

— Господин! — воскликнул один из слуг, явно смутившись. — Мы не ждали вас. А Князь... он уехал.

— Что она сделала? — изумленно спросил тот, не обращая на слова слуги внимания и рассматривая меня.

Я вынудила себя приоткрыть глаза хоть немного, но все равно не смогла разглядеть его лица, но голос казался мне отдаленно знакомым. Кто он?.. Так странно... Я будто уже слышала этот голос раньше. Давно. Или я потерялась во времени или это было всего неделю, месяц назад?.. До того, как я умерла.

— Говорят, — подал голос слуга, — изменила господину Князю.

В знак протеста я вновь пошевелилась в руках слуги. Не изменяла, не предавала! Меня оклеветали!

— Говорят? — со злостью выдохнул гость. — И кто же говорит?

— Эээ... я точно не могу сказать... — замешкался слуга, застигнутый врасплох. — Вроде бы, князь сам всё видел... — а потом, через паузу. — Только, знаете, не верю я в то, что Кара могла это сделать! — и тут ж замолчал, будто осознав, что говорит с неравным себе по положению и только что позволил дерзость.

— Князь приказал продать ее, — проговорил второй слуга, который шел рядом с нами.

Тяжелое и рваное дыхание вырвалось из груди гостя Кэйвано. Какое-то знакомое дыхание...

— Понятно, — выговорил он. И я вспомнила, кто это! — И сколько она стоит?

— А сколько вы готовы заплатить? — вновь замешкался слуга. — Нам не было дано конкретных указаний на этот счет...

Димитрий Мартэ!

— Сто золотых? — предложил мужчина, не думая.

— О, да это целое состояние! — воскликнул слуга как-то испуганно. — Я не думаю, что...

— Думаете, она, — кивнул он на меня, перебив пытавшегося объясняться слугу, — не стоит этих денег? Она, насколько мне известно, была... хорошей рабыней?

— Упрямая только, — подал голос второй слуга. — А так, да... Князь жаловал ее.

— Тогда берите деньги, ни о чем не спрашивая, — заявил Димитрий немного раздраженно. — Я уверен, что не разочаруюсь в своем приобретении.

О своем приобретении. Как горько! Еще раз — продали. Новый хозяин, господин. А я

всего лишь рабыня.

— Доставьте девушку в мою машину сейчас же, — услышала я твердый голос Мартэ.

— Как скажете, господин Мартэ, — отозвался слуга, все еще не придя в себя.

— Князя нет в замке, вы сказали? — уточнил он. — А где он?

— Мы не знаем, Князь не предупреждал нас.

Мне показалось в моем полубредовом состоянии или Димитрий Мартэ, действительно, выругался?

Я не успела больше ничего услышать, потому что мужчина подошел ко мне вновь. Я попыталась открыть глаза, и у меня получилось. Заплывшими глазами, как сквозь дымку, я увидела его лицо. Знакомое лицо, какое-то... доброе. Димитрий Мартэ добр? Я уже не знаю, чему верить.

— Не бойся меня, девочка, — склонился надо мной. — Не бойся меня, я не причиню боли. Ты мне не веришь? — я молчала. Нет, не верю. И он это отлично знает. Отстраняется от меня и говорит уверенно. — В машину ее.

Уже через несколько минут я слышу, как открывается входная дверь, Лейла что-то кричит нам вслед, а потом, очевидно, увидев Мартэ, замолкает. Моей кожи касается прохладный воздух сентября, охлаждая разгоряченную плоть.

Приоткрыв дверцу машины, меня осторожно уложили на заднее сиденье автомобиля, и я вдохнула запах кожи. Поперхнулась, сдерживая позывы к рвоте, но не смогла сдержаться. Всё съеденное за день вырвалось из меня на серые сиденья богатой машины вместе с отхарканной кровью и слюной.

— Спокойно, спокойно, — слышу голос Мартэ, не раздраженный и не злой, а будто убаюкивающий. — Тихо.

Я застонала от внезапной боли, откашливаясь от крови, а Мартэ коротко сказал о чем-то слугам. Я уже не слышала, о чем они разговаривали, да и не хотела ничего знать.

Дверца машины, как новая тюремная камера, захлопнулась за мной, погрузив меня в полутьму салона.

Я закрыла глаза и тяжело задышала, стараясь, чтобы меня не вырвало вновь. Димитрий Мартэ забрался в машину через несколько долгих томительных минут.

— Вы же собирались поговорить с Кэйвано, — услышала я немного удивленный мужской незнакомый голос со стороны водительского сиденья.

— Он уехал из замка, — ответил Димитрий, — разговор, по всей видимости, придется отложить.

— Это же неотлагательное дело, насколько мне известно? — нахмурился незнакомец.

— Он сейчас, очевидно, не в настроении разговаривать, — глухо отозвался Мартэ.

— А это что это? — поинтересовался водитель, бросив быстрый взгляд на меня. — Новая покупка?

— Что-то вроде того, — отозвался мой новый хозяин.

— Кэйвано продал рабыню? — изумился водитель, не веря услышанному. — Вот уж новость.

— Поехали, — бросил Мартэ. — Позже я всё выясню.

Водитель усмехнулся, но в его усмешке не было ни капли смеха. А потом автомобиль тронулся с места, унося меня прочь от Багрового мыса, от места моего возвышения и падения. От места, где осталась моя любовь. Поруганная и не произнесенная.

А еще через несколько минут я провалилась во тьму.

Очнулась от ощущения, что холодный воздух коснулся кожи, вынудив поежиться, а чьи-то крепкие руки приподняли меня, заключив в объятия.

— Боже, — воскликнул незнакомец, который был с Мартэ в машине, — кто же с ней это сделал?.. Кэйвано?!

— Ни слова больше, Лукас, — отрезал Димитрий. — Занеси ее в дом.

И в тот же миг мы двинулись с места. Едва вошли в дом, кто-то бросился к нам, бормоча что-то на ходу. А потом голос замер. Видимо, заметили меня.

— Господин Мартэ!.. — изумился женский голос. — Кто эта девушка?

— Обогреть, накормить, переодеть, залечить раны, — коротко бросал распоряжениями тот вместо ответа. — Живо! — а потом объяснил: — Я купил ее, Рослин. Она будет жить здесь.

Женщина могла лишь ахнуть. Интересно, кто это? Его жена? Дочь?.. Нет, нет, голос взрослой женщины.

Я не увидела, но почувствовала, как засуетились слуги вокруг меня. Такое движение из-за рабыни?..

— Неси ее в краевую комнату, Лукас, — приказал Мартэ, а сам двинулся в другую сторону.

Мне хотелось воспротивиться, почему-то я внутренне противилась тому, чтобы оставаться в комнате с кем-то еще, кроме Димитрия Мартэ. Рядом с ним я чувствовала себя такой... защищенной. Я знала, что за его спиной, как за каменной стеной, несмотря на то, что я всего лишь рабыня, а он мой хозяин. От него исходило тепло, уют, какой-то внутренний душевный свет. Или я просто сошла с ума? Он же дворянин, аристократ — и не может быть... добрым. Не с такими, как я. Или может? Я уже ничего не осознавала, а меня ловко, как пушинку, понесли прочь от нового хозяина. Если бы я и хотела протестовать, то не смогла бы, потому что тело совсем меня не слушалось, отдаваясь в каждой клеточке плоти тепой болью.

Я тихо застонала, когда некий Лукас, слуга Димитрия поднялся со мной по лестнице и, распахнув дверь, положил меня на кровать. Я даже не смогла пошевелиться, просто лежала, едва разлепив веки и взглянув на застывшего надо мной мужчину.

— Кто она такая? — спросил вдруг женский голос, и я заметила, что в комнату вошла невысокая женщина в простом темно-сером платье с перевязанным на поясе фартуком. — Новая рабыня?

— Похоже на то, — хмуро отозвался мужчина, продолжая смотреть на меня. Очень странным взглядом.

А я в свое время пыталась, в свою очередь, сквозь пелену рассмотреть его. Высокий, плотно сложенный, с темными волосами и носом с горбинкой. Лицо мрачное, а плотно сжатые губы и сведенные к переносице брови не придают облику серийного убийцы привлекательности. Дружелюбия от подобного экземпляра добиться будет очень сложно. Но разве меня это должно касаться?

— Димитрий не сказал точно, — подала голос женщина, — он купил ее у... Штефана Кэйвано?

Губы мужчины сжались еще плотнее.

— Что настолько странно, что с трудом верится, — бросил он и двинулся к двери.

— Кэйвано не продают своих рабов! — воскликнула женщина, которую Мартэ назвал Рослин.

— А этот... продал, — не оборачиваясь, сказал мужчина. — Темная история, — пробормотал он и скрылся.

Я увидела его удаляющуюся спину, но по-прежнему не произнесла ни слова. Женщина подошла ко мне ближе, рассматривая мое израненное лицо и тело в кровоподтеках.

— Что же ты сделала, девочка? — проговорила она, не требуя ответа и ни к кому явно не обращаясь.

Я не ответила, просто не смогла. А внутри меня, нарывая болью, кричала душа — полюбила зверя.

То, что происходило потом, я помню с трудом. Помню, как появились девушки-служанки, раздели меня, пытаясь не причинить боль, а все время постанывала не в силах сдержаться. Обмыв, они переодели меня в простое хлопчатобумажное платье и перевязали раны и наложили примочки. Аккуратно и бережно, стараясь лишний раз не вызвать во мне боль. Приказ Димитрия Мартэ? А с каких это пор господа заботятся о том, чтобы их раб не испытывал боли?

— Метку нужно будет уничтожить, — коротко проговорила Рослин, проводя рукой по моему плечу. — Но не сейчас, конечно, — быстро добавила она, — а когда ты будешь готова.

Я готова сейчас! могла бы выкрикнуть я. Я не желаю больше принадлежать ему! Но я промолчала.

Оставив на столе поднос с едой, все девушки, кроме Рослин, вышли. Женщина подошла ко мне, глядя на меня очень внимательно, даже пристально. В любой другой ситуации я бы смутилась, отвернулась, может, даже покраснела, но не сейчас. Я просто в ответ смотрела на нее из-под припущенных ресниц.

— Что ты сделала, девочка? — спросила она напрямик, а я молчала. — Штефан Кэйвано слишком Князь, чтобы нарушить многовековые устои своей семьи и продать тебя. В чем ты провинилась?

Я продолжала молчать, только отвернулась к стене, закрыв глаза. Было больно слышать о своей вине, — несуществующей вине! А ответить... что отвечать? Оправдываться, говорить, что Князь видел только то, что ему хотели показать? И есть ли в этом смысл? Зачем оправдания тому, кто не желает знать правду?

— Не хочешь говорить, — с пониманием отозвалась Рослин, — я понимаю. Но, надеюсь, когда-нибудь ты решишься сделать это, — она легко, даже с нежностью, коснулась моего виска. — Тебе станет легче, девочка, поверь. Нельзя хранить боль в себе, она рано или поздно разъест тебя изнутри, оставив в сердце пустоту.

Я продолжала молчать, а Рослин, выпрямившись, в последний раз взглянула на меня и вышла.

О той боли, что билась во мне, хотелось кричать, а не просто говорить. Слезы, рвущиеся из глаз, обожгли щеки и я, преодолевая боль в теле, свернулась калачиком у стены, чтобы успокоиться.

Димитрий Мартэ пришел ко мне через пару часов, уже после того, как меня отмыли от крови, переодели в чистое платье, наложили примочки и, обработав кровоподтеки, забинтовали раны. Я ожидала, что он придет, но не думала, что он будет так... приветлив. Таких хозяев не бывает! Я их не видала... до него.

— Кто вы? — прошептали мои губы, когда он вошел. — Мой... новый хозяин?

Он присел в кресло напротив кровати, внимательно меня разглядывая, кажется, даже не отрывая глаз от моего лица и тела. Даже сквозь припухшие глаза, заплывшие от ударов, я

видела это, — что он смотрит на меня очень странно. Внимательно пробегает взглядом от лба и щек, носа и губ к рукам и пальцам на ногам, возвращается к черным волосам и останавливается на глазах.

— А ты бы этого не хотела? — медленно спросил он, выговаривая слова.

— А кто хочет быть рабыней? — отозвалась я.

И мы замолчали. Но это молчание было блаженным, теплым и комфортным. Я купалась в жарких лучах блуждающей по комнате теплоты и уюта. Какого-то семейного уюта. Но тут же одернула себя.

— Как тебя зовут? — спросил Димитрий, наконец.

Я вздрогнула от этого вопроса. Вроде бы простой, совершенно стандартный. Но я не знала, что сказать.

Кто я? Изменница, предательница, преступница? Или невинная рабыня, которую оболгали? Кто я?..

— Он называл меня... Кара, — шепотом проронили мои губы. В горле встал острый ком. Кара...

— А как называла себя ты? — осторожно спросил Димитрий.

— Это имеет значение? — грустно усмехнулась я. — Я уже не принадлежу себе. Меня попросту больше нет.

— Хорошо, Кара, — проворил мужчина с ударением и приподнялся с кресла. — Мы с тобой обязательно еще поговорим, — его клятвенное уверение почему-то заставило меня вздрогнуть. Я поняла, что от него мне не скрыть правды. — Но не сейчас, а когда ты поправишься. Отдыхай, — и вышел из комнаты.

А я еще долго смотрела на захлопнувшуюся за ним дверь. Пустыми глазами, в которых плескалась боль и непонимание. А через некоторое время заснула, незаметно и глубоко провалившись в сон.

Я провела в доме Мартэ три дня. Он сказал, что как только я смогу ходить, буду выполнять домашнюю работу вместе с другими слугами. Я еще не вставала с постели, только к концу третьего дня, преодолевая боль, стала приподниматься на кровати, а потом и понемногу ходить. Мне приходилось испытывать подобную боль, в детском доме, чего только не придумывали, чтобы указать мне на мое место и вынудить плакать. Но боль, которую я испытывала сейчас, была тем ужаснее, что была не столь физической, сколько душевной. А излечить ее... только время может решить, когда она пройдет.

Димитрий Мартэ так и не намекнул на мою вину, из-за которой Кэйвано меня продал, он так же ничего не говорил о моем будущем, — в его доме, или же он решил меня продать. Лишь однажды в ходе короткой беседы я поняла, что продавать меня он не собирается.

— Что со мной будет? — проговорила я, когда он пришел справиться о моем здоровье. Уже в который раз!

— Ты будешь работать в доме наравне с остальными слугами, — разглядывая мое лицо с застывшими на нем следами насилия, ответил он. — Тебя это устраивает?

Я неопределенно качнула головой.

— Вы дадите мне... свободу? — осмелилась спросить я.

— Вольную. Это не совсем одно и то же, — мягко улыбнулся он. — Отпустить тебя я не могу.

— А если бы могли, — выдавила я из себя, — неужели сделали бы это?

И вновь этот его взгляд. Очень внимательный, пристальный, изучающий. Будто он

вспоминает что-то. Задумчиво хмурится, щурится, губы поджимает, а брови против его воли сдвигаются к переносице.

— Не знаю, — честно ответил он на мой вопрос. — Возможно, что сделал бы, — и, попрощавшись, вышел.

Я вновь провожала его глазами, еще долго глядя на дверь, за которой он скрылся. Станный человек, удивительный человек! Кто он такой? Почему он... такой? Не похожий на других господ. Другой.

И я смирилась. Мне хватило трех дней на то, чтобы покориться. Ему, Димитрию Мартэ. Он был достоин того, чтобы я склонила перед ним колени. Он, наверно, был единственным человеком во Второй параллели, которому я согласна была подчиняться. Он не принуждал, он мягко и непринужденно настаивал. Да, он был господином и хозяином, но указывал на свое превосходство совершенно будничным тоном, так, будто разговаривал с приятелем. И его... не скажу, что доброта, я видела, как он относится к некоторым своим рабам, и доброго в его отношении было мало, но он был... порядочным. Справедливым.

Он был истинным аристократом от макушки до пяток. И этот человек мог бы носить титул Князя. Единственный, кто был достоин сделать это. А не те, кто делали это, но достойными не являлись.

В его доме мне было спокойно. Как-то уютно и... несмотря на то, что я была рабыней, — тепло. Здесь меня не унижали, не оскорбляли, ни разу не ударили... Я чувствовала себя здесь в безопасности, под защитой Димитрия Мартэ, а его защита была каменной глыбой, перешагнуть через которую мог позволить лишь он сам. Я молилась отныне лишь о том, чтобы Штефан Кэйвано не выкупил меня назад.

Мне снились кошмары. Каждую ночь в течение тех дней, что я провела в доме Мартэ. Мне снился он, мой личный дьявол с холодными серо-голубыми глазами. Он смеялся надо мной. Он был моим палачом. И я просыпалась в холодном поту с криком на губах. Глаза застилала слезы, я не могла сдержаться и плакала навзрыд, сворачиваясь калачиком в углу кровати. За что? Почему? Так жестоко... Он дьявол!..

А вечером четвертого дня мой кошмар превратился в реальность. Палач нашел меня в моем убежище.

Глава 29. Сломанные крылья

29 глава

Сломанные крылья

Перелет был невыносимым, так же, как и следующие три дня, что он провел в Дублине. Город давил на него свинцом, выворачивал наизнанку, вырывая из груди сердце и бросая в ноги той, которая, не зная того, его растоптала. Серые тучи, обрушившие на город проливной дождь с жесткими и апатичными порывами ветра, будто плакали вместе с ним. Но он не плакал, нет. Разве Князю Четвертого клана дозволено плакать? Это смешно. Но если бы у него было это право, слезы, наверное, душили бы его. Потому что так плохо ему не было еще никогда. От осознания, что тебя предали, унизив... изменив! Оттого, что убили в нем чувство, которое еще с ним пребывало, глубоко похороненное где-то в душе. Доверие...

С ним были мысли. Беспощадный поток бессвязных и иррациональных мыслей, задающих всегда одни и те же вопросы, — почему, зачем, за что? — и всегда ни одного ответа на них.

А еще с ним пребывала боль. Он никогда не думал, что будет так больно. Физическая боль не была так страшна, как эта. Тихая, немая боль сердца, где-то глубоко внутри, разрывающая его пополам. Он знал, что такое боль — разная, он привык к ней, когда был рабом, он причинял ее другим, когда стал господином.

Он знал о боли почти всё. Он отрекся от нее, надев на голову венец Князя, никогда не думая, что испытает ее вновь. И сейчас пытался от нее отречься снова. Уничтожить, убить, забыть. Излечиться. Как от болезни, едкой и разрушительной. Но не мог. Заглушая потоки мыслей алкоголем, уже неосознанно, не думая ни о чем, вспоминал ее. Ту, что эту боль ему причинила. Шелковистые черные волосы, выразительные зеленые глаза и упрямый подбородок. Хрупкое тело в его объятьях... и Карим Вийар рядом с ней! Выпивал еще и еще, глоток за глотком, залпом, не чувствуя ни удовольствия, ни насыщения, только чтобы избавиться от воспоминаний. Скорее, немедленно, он сможет справиться с этим!

Но они не отпускали. Они пребывали с ним с момента, как он покинул Багровый мыс. В машине, когда он, выскочив из дома, сел за руль и, никому ничего не сказав, умчался в неизвестном направлении, тоже. Это потом он понял, что неосознанно мчался в сторону аэропорта. Да, именно так, правильно. Улететь от яростных мыслей и неправильных чувств, которые он не должен был испытывать, но вопреки разуму и собственным принципам испытывал к рабыне. Уйти, исчезнуть, не видеть и не знать. Никогда бы не знать ее!..

Чертыхался, матерился, гнал всё быстрее, не ощущая скорости, чувствуя насыщения холодным осенним воздухом, бьющим в лицо сквозь приоткрытое окно автомобиля. Бросил машину прямо на стоянке, даже не поставив ту на сигнализацию. Стремительно кинулся к пилоту и сказал тому, чтобы он готовился к отлету, а тот, видя, что босс не в настроении, спорить не стал.

— Куда? — коротко поинтересовался он.

А где можно скрыться от боли, что так неожиданно сковала сердце.? Где избавиться от презрения? Где можно восстановить доверие и забыть о то, чему стал свидетелем? Где вновь обрести веру в кого-то?

— Плевать, куда лететь, — сквозь зубы прошипел Штефан, поднимаясь на борт. — Пошевеливайся!

Лететь в неизвестном направлении было невозможно, и, как только сел в кресло, сообщил пилоту, чтобы тот держал курс на Дублин, там у Кэйвано был коттедж, где можно укротить собственные чувства, забыв, что они вообще проявились. После стольких лет тишины. Забыть то, что вспоминалось с таким трудом.

Но в личном самолете почему-то всё напоминало ему о ней. О предательнице и изменнице, поправшей его доверие. Ведь он никогда никому не доверял. Димитрию Мартэ, если только. А она... ей он доверился. Впервые за столько лет! Она даже представить не могла, насколько это трудно, — довериться кому-то вновь! Откуда ей было это знать? Он Князь и не должен показывать свою слабость, и уж тем более, глупость. Князья всегда коварны и жестоки, грубы и бессердечны, сильны, а потому всевластны. Так его учили. Это он и запомнил. Слабым, как и глупцам, не было в этом мире места. А он показал ей и то, и другое. Слабый, наивный глупец, которого обвели вокруг пальца. Князёк, упорно называющий себя его другом, и рабыня, заявившая, что ее слову можно верить. Предатели. Оба.

Он пытался отключать сознание, проваливаясь в сон без сновидений, но просыпался. Заглушал задворки памяти алкоголем, который столь рьяно употреблял с момента посадки в самолет, но ничего не помогало.

Не думать о ней он не мог. И о том, что произошло, тоже. О том, что он сделал. Он не мог осознать, что, именно сделал не так, — ведь хозяин и не такое мог сотворить с изменившей ему рабыней, но понимал, что совершил нечто плохое. Что-то, что в момент первого удара... только занесения кнута над ее обнаженной спиной разверзло между ними пропасть, непроходимую, роковую и глубокую. Такую же, какой была рана в его сердце.

Он не думал, о том, какую причиняет ей боль, когда кнут вновь и вновь с упорным постоянством, заданным его рукой, опускался на ее обнаженную спину. Он не слышал ее крики, очень скоро перешедшие в стоны и полустоны, а затем и вовсе... в молчание. Он продолжал терзать ее плоть, пока в глазах не перестало рябить. Ее молчание он воспринял по-своему. Она даже не пытается оправдать себя! Разозлился. Кричал на нее и вынуждал смотреть себе в глаза, чтобы в зеленых помутневших омутax увидеть правду.

Наверное, он еще верил во что-то... Или уже потерял веру во всё? Он лишь желал добиться от нее правды, услышать ее историю, ее версию... Он желал выбить из нее признание, если потребуется. И он добился своего. Она сказала ему правду.

— Ненавижу!..

И он чувствует, что уже себя не контролирует. Глаза наливаются кровью и яростью от осознания уже не ее вины, а собственного бессилия. Перед ней. Он вдруг понимает — он совершил ужасное, непоправимое деяние. И продолжил его совершать до тех пор, пока ее истерзанное тело недвижимо не повисло на цепях.

Он ненавидел ее в тот момент. Он ненавидел в тот момент себя. Еще больше, чем ее. За то, что она вынудила его вновь почувствовать боль. И об этой боли не забыть, залечив раны плоти, эта боль останется с ним навсегда, пока не зарубцуется сердце и вновь не заледенеет душа.

Слишком сильное чувство — ненависть. Оно способно застилать глаза, от него теряют разум, совершают глупости. Оно может возникнуть стихийно, почти спонтанно. Его невозможно контролировать или убедить себя в том, что ненавидишь. Ее ненависть была

искренней и неподдельной. Холодная, как лед, и твердая, как сталь. Она читалась в потемневших от боли глазах, в каждой дрожащей морщинке, в трясущихся губах, с силой поджатых. И он видел всё это. Вот теперь она не лгала. И он, ненавидя себя и ее, мечтал о том, чтобы не знать этой правды.

Он медленно уничтожал ее, выбивая из памяти прикосновения другого мужчины и оставляя на их месте следы его касаний. Жестких и беспощадных прикосновений его кнута. Только почему он не почувствовал удовлетворения? От ее мести!? Может, потому, что не это ему было нужно. Но это он из нее выбил.

И в отчаянной ярости, в лютой злобе и злости на самого себя он обрушил на нее еще несколько ударов. Но Кара и тогда не произнесла больше ни слова. А он чувствовал себя совершенно разбитым. Будто вновь очутился в большом зале экзекуций на коленях перед своим первым хозяином. И снова боль, раздирающая на части. Но он тогда терпел ее, он ведь привык к ней! А сейчас... боль была настолько сильной и настолько ощутимой, до дрожи в кончиках пальцев, что у него едва не подкосились ноги. Чтобы удержаться на ногах, он коснулся носком туфли ее тела, с ничего не выражающей миной на лице, повернулся к слугам и рыкнул им приказание и желание удовлетворить свою похоть с ней. Он знал, что каждого потом убьет медленно и жестоко, если только кто-то исполнит его приказ, но все равно давал столь резкие указания, выходя из зала.

Он себя тогда уничтожил, а не ее. Именно — себя. Вместе с ней.

И от боли убегал в Дублин. Запивал боль алкоголем, надеясь, что тот поможет ему забыться и забыть. Хотя бы не думать о ней. О том, что она сделала, о том, что сделал он. Потом станет легче. Она всего лишь рабыня. Предательница, к тому же. И она понесла заслуженное наказание. В чем его можно упрекнуть? Каждый хозяин на его месте поступил бы так, а может, и сослал бы девчонку в колонию на вечные муки. А он... всего лишь нарушил многовековые традиции дома Кэйвано. Продав свою рабыню другому хозяину.

Он думал, что забудется, сотрется из памяти, уничтожится и пройдет. Но не проходило.

Один день сменял другой так же, как мысли в его голове сменяли одна другую. Первый день, второй, третий... Пустой одинокий коттедж, снующие туда-сюда слуги, алкоголь и вечерние вылазки в город, чтобы расслабиться. Пить... напиваться до состояния, когда мыслям нет места в голове, занятой вином и ароматом женских тел. Напиваться и упиваться тем, что ему предлагали другие, но не могли его удовлетворить.

Тот бар бы очередным среди тех, что он посетил, заливая чувства чем-то более крепким и забываясь в объятьях красоток. Они танцевали перед ним, расставляя ноги так широко, что было видно тонкое кружево трусиков. Они кружили вокруг него, как мошара, надоедливая и настырная, жужжа, проникающая в мозг. Они ласкали его слух сладкими словами и дразнили тело нежностью прикосновений. Но ему было плевать, пока он не увидел ее. Девушка у шеста танцевала, будто соблазняя, плавно двигаясь в такт музыке. И она была так похожа на нее! Черные волосы, гладкой волной струящиеся по плечам и спине. Завораживающие глаза неизвестного ему цвета. Но это ведь не так и важно, если он закроет глаза, то может представить, что они зеленые. Тонкий стан, выгибающийся ему навстречу. Как у нее. И крик, срывающийся с губ. Или ему лишь показалось?

Она игриво улыбнулась, увидев его жадный взгляд и поймав его в плен, и больше не отпустила.

А он смотрел лишь на нее. Так похожую на ту, что он оставил в замке.

Она подошла к нему без предложения с его стороны, когда танец закончился. А он,

развалившись в кресле, так и не двинулся с места, из-под опущенных век наблюдая за ее приближением.

— Я что-то могу для тебя сделать, малыш? — томно проговорила девица, наклоняясь над ним.

И вовсе она не нее не похожа. Совсем не похожа. И волосы отдают синевой, а у нее они жгучего черного цвета. И глаза не те, золотисто-карие, куда уж им до зеленых колдовских омутов? И тело... не тонкий шелк, а лишь мягкий бархат. Не такая, как она. Не она.

— Ну, так что, малыш, — касаясь его уха, повторила девушка, — я могу тебе... ммм... помочь?

— Я позову тебя, — прикрыв глаза и затянувшись сигаретой, — если ты мне понадобишься.

— Смотри, малыш, — усмехнулась девушка, немного задетая, — я не предлагаю дважды.

— А я беру, не спрашивая разрешения, детка, — парировал Штефан, скривившись.

Она лишь усмехнулась и отошла. Не надолго. Ему нужна была разрядка. Ему нужно было забыть.

Он взял ее прямо за VIP-столиком, отгороженным от других зон защитным стеклом. Она была горячей и чувственной, жаркой и страстной, быстро дошла до грани, задохнувшись от наслаждения, а ему было мало. Он врывался в нее вновь и вновь, пока перед глазами не замаячил огонек экстаза. Но так и не смог удовлетворить возбужденное тело, пока, закрыв глаза, не представил перед собой хрупкое тело маленькой рабыни с зелеными глазами, которую оставил в Багровом мысе. И только тогда наслаждение накрыло его.

Он почувствовал себя грязным, как только отодвинулся на нее. Захотелось принять душ, чтобы смыть с себя запах чужих духов и едкую похоть, которой пропиталась его кожа. Не ее запах, не ее дрожь. Не она.

Он прогнал девицу, поправил на себе одежду, застегнул ширинку и, поднявшись, вышел из комнаты.

А в его дублинском доме, который Кара не видела и видеть не могла, тоже всё напоминало о ней. Почему так? Почему здесь? И почему — опять она!? Невольница, рабыня... преступница. Такая же, как и он.

И он вновь мыслями обращался к тому, что вынудило его прилететь в Ирландию. То, что произошло в его доме, то, чему он, став невольным свидетелем преступления, поверил. И разрушил до основания то, что еще не успело выстроиться. Потому что в основании этого не было доверия.

Так что же там произошло? Как правильно проанализировать ситуацию и выстроить верные доводы? Как сделать выводы и не ошибиться? И что есть правда: то, что он видел, или то, что витало в воздухе?

На холодный разум рассчитывать не приходилось, им полностью завладели чувства, эмоции, ощущения. Разрушительные по своей силе. В случае с Карой он не мог их контролировать, они прорывались сквозь лед души против его воли. Он вновь возвращался мыслями в ту комнату, где всё произошло, где свершилось преступление, где рассыпался по кусочкам светлый мир того Штефана, в которого он превращался. Но которым так и не успел стать. Он вспоминал и омерзение охватывало его. Презрение и безумная ярость. А потом... боль предательства. Как она могла?! Казалось, он ничего не видел из-за ослепившей его ярости, не чувствовал ничего, кроме боли и пустоты, яростно надвигающейся на него, а

потом... бесконтрольное желание причинить ей такую же боль, какую она причинила ему. Поранить ее духовно он бы не смог, но в его власти было ее тело. И именно на него обрушилось всё его негодование. И он вышел из себя. Убивая ее, медленно убивал и себя.

И только когда закончил, когда отбросил кнут в сторону, когда покинул израненное тело, умчался прочь из замка... вспышкой в сотни вольт он вдруг осознал... Что-то там было не так. В той комнате, в воздухе, в атмосфере, в Каре... Что-то, чего он не увидел сразу, ослепленный гневом. Он не мог точно объяснить, что именно, но точно знал, что что-то его смущает. Он терзал память, хотя и помнил всё детально, но не мог уловить, что же было нелогично и неправильно, в том, что происходило в той комнате греха. То, как Кара смотрела на него? В ее глазах читалось не только безумное желание, но так же и... отчаяние? Тревога? Испуг и стремление объясниться?.. Что же было в томных зеленых омутах?!

Лгала ли она опять, пытаясь выманить прощение, или действительно сожалела о том, что совершила?

Или не совершала? Тогда как объяснить, что оказалась в постели с голым Вийаром, в его объятьях?!

Штефан начинал вновь злиться, яростно сжимая руки в кулаки, как только память услужливо рисовала в памяти картинку из недалекого прошлого. Того прошлого, которое следовало забыть. Но того прошлого, которое никогда забыто не будет. Пока не выяснится вся правда произошедшего.

Почему он сорвался, — тоже было немаловажным. Для него. Это было непривычно и неожиданно, к тому же еще и неприятно. Неужели он сорвался, потому что увидел Кару в постели с Вийаром? Потому, что это был Вийар, завладевший тем, что принадлежало ему? Или потому, что это была Кара, предавшая и обманувшая его? Кто является виновником его сумасшествия? Что с ним вообще произошло? Почему у него снесло крышу из-за какой-то... рабыни?

Может, потому, что она перестала быть для него рабыней и стала кем-то большим? Нет, нет и еще раз нет! Она просто рабыня. Разве может она стать кем-то большим для него?! Но тогда отчего это негодование и злость?

Он вспоминал минуты, проведенные рядом с ней, невольно вспоминал их, понимая, что и не забывал никогда, а просто ждал момента, чтобы насладиться воспоминаниями. В этих мгновениях было много хорошего. Он не обращал на это внимания, когда хорошее было рядом с ним. Но когда этого не стало, он вдруг заметил его отсутствие. С ней было хорошо и легко. Ему было хорошо. А теперь ее нет... И ему хуже, чем просто плохо. Ему так жутко, что лучше растоптать себя ногами. А на душе грязно и мерзко, будто он совершил ужасное. А он и совершил. Своими руками уничтожил то, что едва успело в нем зародиться.

И тогда он понял, что погорячился. Не стоило давать слугам указания продавать Кару. Он разберется во всем, а потом уже будет решать, что ему делать и как быть. Слишком много сомнений и подозрений. Он сейчас, не опьяненный гневом и не ослепленный яростью, вдруг ясно понял, что всё было слишком просто. Можно сложить два и два, получив пять, но, если ты знаешь, что ответ — четыре, неужели не попробуешь доказать это остальным?

Он верил не только своим глазам, но и своим ощущениям. А они упрямо твердили, что он ошибся.

Нужно всё проверить. Нужно узнать правду. Просмотреть пленки с камер наблюдения, — он видел лишь малую толику того, что должен был просмотреть. Он не

видел и половины того, что должен был смотреть в первую очередь. Как Карим встретился с Карой. Как они попали в Зеленую комнату. Как... свершилось предательство. Всё, всё, всё!.. Он должен знать всё, а потом уже делать выводы. Узнать правду, чтобы залечить боль, чтобы заглушить раненое сердце, чтобы раскаяться или убить себя выстрелом в голову.

И уже днем четвертого дня он вылетел назад в замок. С единственной мыслью, бьющей в мозг, — узнать правду, дознаться до истины. Не упустить ни одного факта и доказательства, не позволить себя обмануть обстоятельствам. Отбросить эмоции и положиться на холодный расчет, которым он руководствовался всё это время. Просто Кара... она... рядом с ней он забывал о расчете. Но первое, что он планировал сделать, когда вернется в замок, это вызвать ее к себе и поговорить. Она должна объясниться, рассказать свою версию произошедшего. Она не сможет солгать. Он увидит ложь. От него она никогда не скроет правды.

Может, она и в тот роковой день хотела ему всё сказать, но он оглушенный сначала угрюмой тишиной, обрушившейся на его мозг, а затем свистом кнута, опускавшегося на ее кожу, не слышал ее оправданий. Но сейчас он отбросит чувства, которым не мог найти объяснения, и просто выслушает ее. Найдет факты и доказательства ее вины, а потом...

А если не найдет?.. Что будет, если она — не виновна? Он — ошибся!?

Он не желал об этом думать, закрываясь в каменный панцирь из княжеской сдержанности и жесткости.

Потому что знал, что эта ошибка может стоить ему слишком дорого.

Самолет приземлился в Чехии в час дня, и уже спустя час, Штефан гнал свой автомобиль в направлении Багрового мыса, там, где разбилось сердце, и возрождалась надежда на воскрешение.

Стремительно он выскочил из машины, захлопнул дверцу и, стараясь уговорить себя не бежать, кинулся в дом. Слуги встретили его изумленными взглядами, но молчали, застыв на месте и боясь произнести хоть слово. Первым опомнился кто-то из мужчин.

— Господин... Кэйвано? Вы вернулись...

— Приведите ко мне Кару, — коротко бросил Штефан, проходя в гостиную. Он узнает правду немедленно!

Что-то вынудило сердце дрогнуть. Наверно, напряженная и раскаленная атмосфера, повисшая в комнате.

— Но... но... ее нет в замке, мой господин, — запинаясь, проронил слуга.

Князь застыл на месте, плечи его напряженно выпрямились, спина дрогнула. Он медленно повернулся к говорившему и пронзил того ледяным взглядом.

— То есть как — нет? — выговорил он сквозь зубы диким шепотом. — А где она? — свист вырывался из него.

— Мы... мы продали ее, мой господин, — проговорил слуга. — Как вы и приказывали...

В висках застучало от прилившей к голове крови, а глаза сузились, потемнев.

— Кому? — взревел Штефан, кинувшись к слуге. — Кому?! Кто так быстро согласился ее купить?! — ярость и яркая вспышка гнева ослепила его. — Вийар?! — просвистел он с шипением. — Если это он...

— Это сделал Димитрий Мартэ, мой господин, — поспешил сказать Максимус, незаметно появившийся в гостиной. — Он купил ее за сто золотых.

— Что? — казалось, он ослышался. — Димитрий?.. — кнут с оглушительным свистом

ударил прямо в лицо.

Но как, почему?.. Димитрий Мартэ, его старинный друг купил у него Кару?! Зачем она ему нужна?..

— Он приехал почти сразу после вашего отъезда, — продолжил Максимус. — Хотел о чем-то поговорить, а когда увидел Кару, то...

— Хватит! — рывкнул Штефан, едва сдерживая ярость. — Не говори больше ни слова, не то я... — он не договорил, но всем стало ясно, что Князь не в себе. — Вон! — крикнул он, сверкая глазами. — Живо все вон пошли! — заорал он вдруг, и слуги молча и быстро покинули гостиную.

Штефан невидящим взглядом уставился в пустоту, прожигая ту глазами. А перед глазами — ее лицо, черные волосы и упрямый подбородок, улыбка, в последнее время всё чаще мелькавшая на ее губах. И всего этого он больше никогда не увидит. Ее продали другому хозяину. По его указанию, данному сгоряча.

Почему он не позвонил, почему не отменил приказ? Почему вместо этого отгородился от всего мира, сетуя на то, что его унизили и предали!? А в этот миг свершалось другое преступление. Кара... больше не принадлежит ему, Штефану! Только потому, что он сам приказал ее продать. И купил ее Димитрий Мартэ.

Штефан резко выпрямился. Значит, есть еще шанс на то, чтобы ее вернуть! Димитрий не откажет ему, если Штефан попросит его. Он давно отметил, что Кэйвано не так, как ко всем, относится к этой маленькой невольнице, он поймет... Он должен будет понять. Всё так ново, непривычно, нелогично... Но в то же время правильно. Он должен ее вернуть! Она должна быть рядом с ним. Как это — если ее не будет!?

И не медля больше не секунды, Штефан Кэйвано стремительно кинулся к выходу, не переодевшись с дороги, вновь никому ничего не сказав, и, запрыгнув в автомобиль, помчался в сторону особняка Мартэ.

Его, конечно, не ждали там, а если и ждали, то очень умело изображали недоумение и удивление. Лукас, один из приближенных к Димитрию слуг, зорко и будто с неодобрением смерил его колким взглядом с головы до пят, а потом заявил, что хозяин никого не принимает.

— Думаю, что для меня он сделает исключение, — едва ли не зарычал Штефан. Кажется, и здесь перед ним встают какие-то преграды в продвижении к Каре? Но его уже никому не остановить.

— Что ж, — пожал необъятными плечами мужчина, — смотрите сами, — и пропустил Штефана внутрь.

— Штефан? — Димитрий встретил его сидящим в кресле у камина в гостиной и читающей какую-то газету. — Не ждал тебя... так рано, — добавил он, разглядывая раздраженное лицо гостя. — Что-то случилось?

— Мне сказали, — услужливо выдавил Кэйвано сквозь зубы, — что ты никого не принимаешь.

— Лукас? — уголки губ Мартэ приподнялись. — Что ж, он прав. Я не принимаю.

— И меня не примешь? — язвительно отозвался Штефан, застыв на месте и сжимая руки в кулаки.

Долгий пристальный взгляд. Скользнул по немного растрепанным от ветра волосам, по перекошенному мрачному лицу и сузившимся глазам. Без пальто, только джинсы и черный пиджак, застегнутый на одну пуговицу. Гость тяжело дышит, смотрит волком и явно чем-то

не доволен. И Димитрий догадывается, что произошло.

— Присядешь? — нахмурившись, предлагает мужчина, указывая на соседнее кресло. — Оставьте нас, — коротко бросает он паре слуг, метавшихся рядом, и они вмиг исчезают из комнаты.

Штефан садится в кресло резко и демонстративно. Молчит. А Димитрий медленно откладывает газету в сторону и смотрит на него скользящим взглядом. Бьющее по нервам молчание, нарушаемое лишь биением настенных часов, вскоре начинает сводить с ума.

Князь не выдерживает первым.

— Почему ты не сообщил мне, что купил ее? — прорычал Штефан, гневно сверкая глазами.

— Я звонил, — спокойно отозвался тот, — но ты не отвечал на звонки. А твой мобильный был отключен. Как ты мне прикажешь до тебя достучаться? Прилететь за тобой в Дублин, или где ты там был?

— Ты мог бы найти способ, чтобы сказать...

— А зачем? — перебил его Димитрий, нахмурившись. — Ты велел своим людям продать девочку, Штефан. Это было твое решение, никто тебя не заставлял. Ты сказал, они — исполнили. Я оказался ее покупателем.

Штефан стиснул зубы и сжал кулаки. Ноздри затрепетали от его тяжелого дыхания, а сузившиеся глаза смотрели твердо и с легкой угрозой.

— Отдай ее мне назад, Димитрий, — с расстановкой проговорил мужчина.

— Ты продал ее, Штефан, — непоколебимо заявил Мартэ, сведя брови. — Обычный договор.

— Я действовал, не подумав!..

— Мне жаль. Но я думал, когда покупал ее. И отдавать ее тебе не намерен.

— Она моя! — вскочил Кэйвано. — Она мне принадлежит!

— Больше не твоя, и принадлежит не тебе, — спокойно отозвался Димитрий, не шелохнувшись.

— Зачем она тебе? — воскликнул Штефан, чувствуя, что вот-вот перейдет грань. — В качестве любовницы?

— Я ценю твой юмор, Штефан, — отозвался тот с грустной улыбкой, — но ведь ты знаешь, что со дня смерти Милены в моей постели побывало не больше двух женщин. Постоянных. И разнообразия я не ищу.

— Тогда зачем тебе моя Кара?! — вскричал он, метнувшись в сторону и не отводя взгляда от друга.

— Она будет служить мне, она уже дала согласие, — сказал мужчина. — Ей не нравилось у тебя.

Штефан грязно выругался себе под нос. Отвернувшись от дворянина на мгновение, он стиснул зубы.

— Это она сказала? — выдавил он из себя, вновь взглянув на Мартэ.

— Она не проронила ни слова. Но когда ее тело выглядит так, как... выглядит, — он поморщился, — нетрудно догадаться, что ей не нравилось, — взгляд друга стал твердым и решительным, и Штефан понял, что ничего не сможет вынудить его передумать. — Ты избил эту девочку, Штефан. За что? — спросил Мартэ. — Что она сделала не так? Изменила тебе? — Штефан вздрогнул, тень искажила его лицо. — Я не верю этому.

— Ты знаешь ее всего три дня, — сквозь зубы прошипел Кэйвано. — И уже делаешь

подобные выводы?

— Мне, в отличие от тебя, ярость не застилает глаза, — отозвался Димитрий. — Если бы ты смог взглянуть ей в глаза... если бы она позволила тебе сделать это сейчас, после того, что перенесла по твоей вине, ты бы увидел то же, что вижу в них я, — каждое слово — еще один рубец на его обожженной коже. Еще один — и он не выдержит. — Она не виновна, Штефан.

Эти слова, разверзая пропасть, падают между ними, как свинцовые капли.

— Я ошибся. Я жестоко ошибся, Димитрий, — признался Штефан глухим шепотом и повернувшись к другу, попросил: — Отдай ее мне назад. Я не могу...

— Нет, Штефан, — мягко, но решительно перебил его Мартэ. — И это мое последнее слово.

Тревога нарастала, а в груди больно щиплет, колет, рвет и выворачивает наизнанку.

Он ее даже не увидит?..

— Если наша дружба что-то значит для тебя...

— Наша дружба самое ценное, что у меня осталось, Штефан, — перебил его Мартэ совершенно спокойно, но отстраненно холодно, — не играй на моих чувствах, это нечестно.

— И ты не играй на моих, Димитрий, — глухо отозвался Кэйвано, стиснув зубы и понимая, что призрачная надежда на возвращение Кары превращается в маленькую угасающую точку из невозможности.

— Что для тебя значит эта девушка, Штефан? — вдруг спросил Димитрий, сощурившись.

— Что ты имеешь в виду? — удивился и одновременно разозлился Штефан.

— Что она для тебя значит? — повторил друг. — Почему ты хочешь вернуть ее себе? Должна быть причина.

Штефан с силой втянул в себя воздух, его катастрофически стало не хватать. Разве нужны объяснения? Черт побери, зачем? Она принадлежит ему... Она должна принадлежать ему, и точка. Разве мало того, что она... нужна ему? Он хочет ее. Он хочет, чтобы она была рядом с ним. Почему — какая разница?!

Но сквозь плотно сжатые губы вырывается лишь короткое и рваное:

— Я не знаю...

Димитрий поднялся с непроницаемым выражением на лице.

— Когда узнаешь, дай мне знать, — сказал он, направляясь к двери. — До тех пор Кара останется у меня.

И уже не видел, как Князь, метнувшись к столу, смел всё на пол, громко и отчаянно ругаясь.

Я видела, как он уезжал, садясь в свой автомобиль. Я наблюдала за ним из окон своей комнаты, поджав губы. Рослин сразу сообщила мне, что приехал Штефан Кэйвано и просил встречи с хозяином. Я дрожала, боясь, что Димитрий продаст меня назад. Я содрогалась от мысли, что вновь буду зависима от зверя. Но Рослин успокоила меня, заявив, что Димитрий никогда не сделает этого. И я успокоилась. Если Мартэ дал слово, он его держал.

Они долго разговаривали о чем-то в гостиной, в то время как я тихо сходила с ума от неизвестности. Я почти приковала взгляд к окну, силясь разглядеть силуэт, который был мне когда-то так дорог... А потом я увидела, как Кэйвано вышел из дома, и задрожала. Сердце понеслось вскачь, в виски ударила кровь, перед глазами потемнело, и я схватилась за стену,

чтобы не упасть.

Штефан резко выскочил из особняка, решительно двинулся к машине. Вдруг неожиданно застыл, спина его напряженно выпрямилась, голова дернулась. Он резко повернулся ко мне лицом. Глаза его сощурились, а губы дернулись, будто он хотел что-то сказать.

Он увидел меня.

Я это знала, я это чувствовала. И что это в его глазах? Решимость, уверенность, воля? А еще... странное выражение... будто сожаление, смешанное с неудовольствием? Он смотрит на меня уже не как хищник... И я не чувствую себя жертвой. Хуже, много хуже... Я ощущала в его горящих глазах силу и желание получить меня вновь. Не смотрит, а прожигает взглядом. В серо-голубых глазах зверя в тот миг, в бесчувственных глазах человека, убившего во мне веру, горели все чувства мира, которые только мог испытывать человек!

В груди что-то сжалось, превратив сердце в крошечное пристанище для молниеносных атак. Только его глаза на всем свете, глядящие в мои. Только его лицо, мрачное, перекошенное от эмоций, лицо палача. И я видела только его. Глаза в глаза, одна десятая доля секунды, секунда, минута, вечность... Навсегда. С ним. Как единое целое, когда-то расколовшееся на две половинки.

Я вздрогнула, осознав, что попала в плен его хищнической натуры, призванной губить всё, чего он касается, и решительно отошла от окна, прячась за шторами, дав понять, что не желаю его видеть. И знать не желаю. Я теперь ему не принадлежу, я не его собственность. Ему не получить меня вновь. Не получить!

Когда, через несколько томительно долгих минут, я посмотрела вниз, автомобиль Штефана, рассекая дорогу, уже мчался прочь от особняка Дмитрия Мартэ. Оставляя меня одну.

В сердце закралась пустота и боль. Стараясь сдержать слезы, я закусила губу, а затем зажала рот рукой.

Что же ты наделал, Штефан? Что же ты наделал!..

30 глава

Каролла

При рождении ей дали имя Каролина. Дочь Королевы и дитя Короля. Ее родители не были причислены к рангу почтенных королей, но имели достаточное положение в обществе, чтобы их ребенок таковым стал. Маленькая принцесса. Девочка с глазами цвета зелени, такими же зелеными, как у матери, и черными волосами, отливавшими на солнце смолой, как и у отца. Они мечтали о сыне-наследнике, но некто свыше подарил им дочь. Чудесную малышку с красивой улыбкой и лукавым взглядом, способным растопить даже самое ледяное сердце.

— Она так улыбается тебе, — благоговейно касаясь щеки дочери тонкими пальцами, говорила ее мать, обращаясь к мужу, — что, кажется, всё понимает. И даже ответить готова, — рассмеялась, — вот только сказать ничего не может.

— Я и так понимаю ее, — коснувшись черных шелковистых кудряшек, проговорил мужчина, — без слов.

— Она похожа на тебя, — шептала жена, прижимаясь к супругу и закрывая глаза, наслаждаясь его теплом и силой.

— Нет, на тебя, — рассмеялся тот в ответ. — И слава Богу!

— Такой же бесенок, как и ты, — усмехалась молодая женщина, не сдаваясь. — Вся в тебя.

А мужчина молчал. В такие минуты он мог лишь прижимать к себе любимую женщину, касаться губами ее волос, вдыхая сладкий аромат, восторженно следить за тем, как дочка толкается ножками в ладони жены, и благодарить Господа за то чудо, что Он преподнес ему.

— Мне кажется, я смогу узнать ее среди тысяч других детей даже с закрытыми глазами, — прошептал он, когда дочь прикрыла глазки и, слегка посапывая, погрузилась в сон. — Нас будто что-то связывает. Ты тоже это чувствуешь?

— Она часть тебя, — улыбнулась жена. — Что бы ни случилось, она всегда вернется домой. К тебе. Всегда...

И в те счастливые блаженные минуты, когда хочется наслаждаться присутствием друг друга, теплом и нежностью, никто из них не думал о том, что слова молодой мамы могут оказаться пророческими.

Они обожали дочь, не было дня, чтобы они не баловали ее, не покупали подарков или не исполняли любой каприз. У нее было всё, о чем только могла мечтать принцесса. Но капризной она не была. Уже с детства в ней проявился аристократический характер — холодная рассудительность, не свойственная детям ее возраста, и огненная горячность, выдававшая силу характера и чуткое сердце. Такая... особенная, другая, не такая, как все. Одна на всем белом свете такая. Как за гранью, так и за ее пределами.

— Смотри, она куклу отдала, — улыбнулась ее мама. — Едва на ногах стоит, а уже рвется кому-то помочь.

— Вся в тебя, — улыбнулся муж, глядя на дочь и переводя взгляд на любимую женщину.

— Конечно, не в тебя же, — смеялась жена в ответ.

Это были счастливые два года... почти два года жизни. Ей так и не исполнилось двух, когда случилось несчастье. Людская зависть и коварство может найти лазейку, чтобы низвергнуть счастье с пьедестала, превратив его в кровавые осколки обыденных воспоминаний. О том, что уже никогда не повторится.

Каролина была дочерью людей, союз которых был невозможен по множеству причин. И, несмотря на то счастье, что ее окружало, она была рождена вне законов и правил, вне условностей и под запретом. Ее мать была рабыней. Вольной рабыней, получившей свободу еще в детстве, но клеймо невольницы пало на нее до конца жизни. Такой недолгой жизни рядом с любимым мужчиной. Мужчиной, который никогда не был для нее парой. Не для нее. Он был истинным дворянином по происхождению, властителем чужой судьбы, а она... Что такое она? Бывшая рабыня, получившая вольную? Служанка, вставшая на ноги? Еще одна среди многих? Никто — для таких, как он. До момента, пока они не встретились.

Это была любовь с первого взгляда. И на всю жизнь. Такую недолгую жизнь рядом друг с другом.

Поговаривали, что ее мать была представительницей рода Первой Королевы, незаконнорожденных ее потомков, но эта теория никак не подтверждалась, хотя местные сплетники и судачили по всем уголкам Второй параллели, что бывшая рабыня, а ныне всесильная дворянка — представительница княжеского рода. Но сама молодая женщина никогда подобных слухов не одобряла, она не верила в свое столь знатное происхождение. Ей хватало и того, что она была счастливой женой и матерью.

А вот отец малышки... Отец имел полное право претендовать на титул Князя. Он был единственным сыном старшей дочери Правителя, но волею судеб трон достался его двоюродному дядьке. Путем отказа притязаний на княжеский трон со стороны истинного наследника. Он уже был дворянином, титул же Князя накладывал определенные обязательства на него и те действия, что он совершал. Титул Князя не позволил бы ему сочетаться браком с бывшей рабыней, которой дали вольную, и которая впоследствии родила ему наследницу. Наследницу княжеского рода! Аристократку, каким был и отец малышки.

Неравные браки никто не забывает. На них просто закрывают глаза, до поры пока не удастся лишний раз напомнить о том, что это неправильно, ткнув в лицо этим фактом. О браке дворянина и бывшей рабыни не забыли и, радуясь появлению на свет маленькой наследницы аристократического дома, пристально следили за тем, чтобы непредвиденностей больше не произошло.

Может быть, дело было именно в том, что они не были парой? Наверное, это было основной версией из тех, которые потом были исследованы. Столь неравный брак, выходящий за рамки правил и старинных устоев, не может быть принят окончательно. Или причина была в том, чтобы устранить от трона истинных наследников? Об этом мало кто задумывался, хотя, наверное, стоило бы. Или причина была в другом?

Никто так и не узнал всей правды. Еще одна тайна Второй параллели, погребенная под сенью минувших лет, потерявшая всех свидетелей. Ведь, когда Каролине не было и двух, ее похитили из родного дома. Предварительно убив мать, защищавшую ее, будто тигрица, истерзали на глазах дочери и убили.

Слишком жестокая смерть. Слишком дерзкое похищение, завуалированное под убийство.

— Рабыне не место на троне! — говорил ее мучитель, глядя сквозь щелочки черной

маски, скрывавшей его лицо, на истерзанное тело молодой женщины. — И твоей плебейке не получить престол, как и тебе!

— Пожалуйста... — могла лишь шептать она, пытаясь дрожащими руками, омытыми собственной кровью, защитить дочку, плачущую рядом с матерью в голос. — Пожалуйста, нет... Не трогайте...

— Рабыней родилась, рабыней и умрешь! — рыкнул убийца, замахнувшись на нее тонким лезвием ножа. И за мгновение до смерти она слышит его слова: — Не беспокойся, твоя девка будет в безопасности, — грубый гортанный хохот вырывается из его перекосившегося от оскала рта. — Рабыней, как и ее мамаша!

— Нет... — и не вырванный из глубины сердца крик замирает на ее губах.

А убийца, облаченный в черный плащ, накинув капюшон на голову, подхватывает на руки плачущую в голос малышку и скрывается во тьме наступившей ночи, освещенный лишь кровавым сиянием скрывшейся за тучами луны, — единственной свидетельницы двойного преступления.

Она была рождена за гранью, но за грань была переправлена. В мир чужой и несвободный, мир рабов, а не господ. И в этом мире жила, пока ей не исполнилось двадцать четыре, и ее вновь, помимо воли, вернули домой. Туда, откуда она была родом, не подозревая о своем происхождении. Туда, куда рвалась ее душа. Туда, где она уже не была не своей, не такой, как все. И пусть она была рабыней, всё в ней выдавало ее истинное происхождение. Род дворянский и аристократический. Древний род, который на ней мог и прерваться. Единственная дочь дворянина, единственная выжившая свидетельница заговора, единственная полноправная наследница княжеского дома. Не угодная никому наследница. Потерянная и не найденная.

Ей было около двух, когда она оказалась тайно перевезенной за грань, оказавшись одна в чужом мире. Ее подбросили под дверь детского дома в Праге, написав только имя — Каролла. Ни даты рождения, ни сведений о родителях. Ничего. Только воспаление легких и красная ленточка, которой было обвязано ее запястье. Ее возраст не определили точно. Когда она попала за грань, ей уже не было два. Воспитанницы приблизительно определили ее возраст, как «чуть больше трех лет», оттого, что она была очень хиленькой и хрупкой. Долгое время они даже не были уверены, что она выживет. Но девочка пошла на поправку. А потом... неприятие со стороны других воспитанников, ненависть и злость, грубое обращение и борьба не на жизнь, а на смерть. Отвоеванная свобода, белесая полоска шрама на виске в доказательство силы характера и еще одно закабаление. Вновь — похищенная, перевезенная за грань. Домой. Туда, где никто не знал. Никто не ждал. Никто не надеялся. Никто, кроме него.

Ей суждено быть стать рабыней в мире, в котором она родилась, дабы повелевать. Забытой и бесправной невольницей, услужливой исполнительницей чужой воли, потерявшейся изгнанницы, о которой было удобно забыть. На целых двадцать три года.

Но сейчас она вернулась. Туда, куда стремилась ее душа. К тому, что ждал и не забывал. Домой. К отцу.

Случайно все произошло или же это был четкий, давно выученный и приведенный в исполнение план, я узнала не сразу. Вначале списывала всё на стечение обстоятельств. Затем на банальное совпадение. Жуткое и противное, от которого становилось плохо и неуютно, но все же совпадение. И лишь потом, уже в конце пути, я осознала, что ничего не

смогла бы изменить.

Череда бесконечных обстоятельств, нелепых случайностей, совпадений, причин и следствий непременно приведет к закономерности жизни.

И это была моя жизнь. Моя причина и мое следствие.

Моя закономерность, которую я уловила лишь тогда, когда уже перестала верить в случайности.

Это началось осенью. Дождливый октябрьский день, когда я попала под машину моего персонального демона. Тогда началась моя трагедия. И мое возвращение после длительного скитания вдали от дома. Это было давно, кажется, в другой жизни. Той чужой жизни, где я не была ни своей, ни чужой. А закончилось поздней осенью, такой же промозглой и холодной, какой стала моя жизнь.

Я уже почти месяц жила в доме Дмитрия Мартэ. Я начала заниматься домашними делами вместе со всеми слугами, хотя порой ловила на себе такие внимательные взгляды, что догадаться было нетрудно, они приставлены следить за тем, чтобы я не перенапрягалась. Эта забота, ясно, кем представленная, вызывала на моем лице улыбку. Я улыбалась теперь, только вспоминая своего хозяина. Дмитрия Мартэ. Он так много сделал для меня! И продолжал делать. Для простой служанки! И его я называла своим господином. От него убежать я не собиралась. Я не посмела бы... просто не смогла... предать то доверие, которое он на меня возложил. Я дала ему слово, пусть не сказав вслух, ничего не обещая. Но я мысленно поклялась ему в верности, и это слишком много для меня значило.

А еще... он был хорошим. И тоже держал свое слово. Он обещал, что не отдаст меня никому и защитит, и не обманул. Не продал. Защитил. От человека, который посещал меня каждую ночь в кошмарах. От Князя Кэйвано, который не прекратил своих визитов в дом Мартэ. За мной. Рослин мне потом докладывала, что Штефан приезжает к Дмитрию только с единственной целью, чтобы вернуть меня в Багровый мыс.

— Опять приехал, — шепнула мне Рослин, когда я, хлопоча на кухне с посудой, взглянула на нее. — За тобой, как пить дать, — тяжело вздохнула. — И что ему не уgomониться? Ведь знает, что Дмитрий, раз уже сделал свой выбор, не изменит решения? — покачав головой, женщина посмотрела на меня, а, заметив, что я перестала натирать кастрюли и пустыми глазами смотрю в пространство, добавила: — Он не продаст тебя.

— Ты думаешь? — смогла лишь выдавить я, опомнившись. — Князь... друг хозяину.

— Ну и что? — пожала Рослин плечами. — Это на решение Дмитрия никогда не смогло бы повлиять.

Я молчала, не зная, что сказать. Но внутри, где-то глубоко в сердце, затаилось приглушенное чувство... обиды и жалости к самой себе. Ему меня не получить. Я никогда его больше не увижу. Никогда... Но иногда с ужасом осознавала, что хочу его увидеть. Жесткие и волевые черты лица, плотно сжатые губы, серо-голубые глаза, по которым всегда без труда могла угадать ее настроение. Всего его... Прижавшись к нему, услышать биение сердца... Как раньше. До его преступления и моего падения.

И я прочь отбрасывала столь нелепые мысли, возникающие в сознании с такой свободой и легкостью, будто между нами ничего не произошло. Простить то, что он сделал, невозможно. Раны не затянутся, их не залечить. Кто смоет кровь с его рук и с моих плеч? Кто вернет свет в глаза и изгонит из них горечь и боль? Кто убедит сердце не биться от ожидания скорой расплаты и вынудит кошмары не приходить ко мне по ночам? Кто излечит

раненное сердце и вернет мне мою жизнь?! Кому мне стоит сказать «спасибо» за ту меня, в которую я превратилась? Имя ему Штефан Кэйвано. Моему господину и моему палачу. Властителю моего сердца и его же убийце. Тому, кому, даже перестав принадлежать, все равно... принадлежала.

Я поняла его. Да, это так, я его поняла. Всё было слишком точно разыграно, чтобы не поверить своим глазам и поверить... словам обычной рабыни. Карим Вийар и София Бодлер, а я ничуть не сомневалась, что она причастна к моему падению, сделали ставку и взяли главный приз. Продуманная и с блеском разыгранная партия. Я не понимала, зачем им понадобилось устраивать это представление. Если София желала получить Штефана и княжеский титул, то что нужно было Кариму? Только игра? Только сладость победы у самого Князя Кэйвано? Станный человек. Темный человек. Или не человек вообще?..

А добились ли София своего? Наверное, сейчас мое место в постели Князя занимает она!? А я здесь... Искалеченная, разбитая, раненная в самое сердце. Загубленная любовь и поруганная невинность. И ничем не излечить, не избавиться от наваждения, не вытащить из сердца и не бросить в ноги, растоптав и поправ в себе все чувства к нему. Не забыть, но и не перестать любить. Связанная с ним в единой паутинке, как натянутый раскаленный провод. Продолжая страдать, — любить. Продолжая испытывать боль, — любить. Продолжая забывать, — и не забыть. Вырвать любовь из сердца, — лишь чтобы осознать, что она въелась в кровь. Продолжая любить, — понять, что он сделал.

Но, продолжая любить, — не принять и не простить. Пытаться забыть. Забыться. В чем угодно. Только бы он позволил сделать это! Но он не позволял. В течение почти месяца, что я провела в доме Мартэ Штефан, приезжал в особняк каждый день. О чем-то долгие беседовал с Дмитрием, а потом уходил раздраженный и взбешенный. Я наблюдала за ним из окон своей комнаты, прячась за шторами, чтобы он, как в последний раз, не увидел меня. Я скрывалась, наверное, и от самой себя, потому что Штефан был врагом, и следить за ним я не имела права. Я не должна была, но делала... А он оборачивался, глядя на мои окна. Всегда. Будто знал, что я наблюдаю за ним. И в эти мгновения сердце мое едва не переставало биться.

Штефан хотел выкупить меня назад. А Дмитрий не давал согласия. И за это я уважала Мартэ. Этот человек, пусть и был моим хозяином, стал мне по-своему дорог. Хозяин, которого я готова была так называть. Он дал мне вольную еще месяц назад, сразу же после того, как купил меня у Штефана. Слишком многое для меня сделавший, чтобы его... не уважать. И я уважала. Я, наверное, даже привязалась к нему. Это было сделать намного проще, чем привязаться, например, к Рослин, которая испытывала ко мне словно бы отеческую привязанность. Она не отходила от меня ни на шаг, пока я приходила в себя, а потом следила за тем, чтобы я не перенапрягалась, когда я начала работать наравне со всеми. Она была дружелюбной, и мы быстро нашли с ней общий язык. Она с давних времен работала в доме Мартэ, более двадцати лет уже, она застала и жену хозяина, и даже его дочку, — а я и не знала, что у него есть семья. Но об этом не любили распространяться, а потому всё дошло до меня на уровне слухов и сплетен, давно уже под тяжестью лет превратившихся в легенды, в которых не знаешь, что правда, а что ложь. Но даже она не знала всей правды.

А вот мне однажды довелось ее узнать. Не всю и не до конца, но на это у меня еще было время.

И кто бы мог подумать, что эта тайна будет настолько крепко связана с моей!

Димитрий Мартэ постучал ко мне в комнату вечером, когда я, уединившись в комнате, переоделась в платье, предназначенное для работы на кухне. Я думала, что это Рослин пришла, чтобы помочь мне одеться и застегнуть пуговицы на спине. Я все еще не могла сделать это самостоятельно, даже спустя почти месяц после избиения. Ребра не были сломаны, в них оказалась трещина, и боль от движения давала о себе знать при каждом неосторожном движении или повороте тела.

Я не знала, что это он. А если бы знала... что бы я сделала? Запретила ему войти?..

— Да-да, — проговорила я, повернувшись к двери спиной и устремив взгляд в зеркало, висящее напротив.

Дверь отворилась тут же, и на пороге замер он. Мой хозяин. Я испуганно, растерянно взидала на него, не в силах отвести глаз от зеркала, в котором встретились наши взгляды. Будто электрический разряд в сотни вольт пронзил меня до основания, пробрал до дрожи, до трепета. Дыхание замерло, в горле, пересохшем и огрубевшем, вырос ком, мешающий произнести хоть слово. И молчала, тяжело дыша и глядя в зеркало в его глаза, отчего-то сейчас казавшиеся такими знакомыми. Отблеск от стекла?..

Димитрий тоже смотрел очень пристально, разглядывая мое лицо так, будто видел его впервые.

Я едва не задохнулась от недостатка кислорода, его вдруг стало не хватать. А я всё стояла и смотрела на вошедшего, прикрывая обнаженное тело обрывками платья и стоя к нему нагой спиной с тонкими шрамами и полосками бывшего преступления.

— Тебе всё еще больно? — проговорил Димитрий, переводя взгляд на мою исполосованную спину. Неужели в его голосе звучит сочувствие и... боль?

— Уже нет, — выговорила я вмиг пересохшими губами. — Иногда... когда резко поворачиваюсь.

— Как он мог сделать это? — выдохнул мужчина, сводя брови и поджав губы. — Как?..

Я опустила глаза, не в силах выдержать его взгляд.

— Он думал, что я... изменила ему, — едва разлепила я сухие губы. — Он прав? — слова прозвучали вопросом, хотя я знала на него ответ. И Димитрий его тоже знал.

— Прав, — ответил он тихо. — Если ты обычная рабыня, — добавил он жестко. Взгляд его скользнул по моему обнаженному телу, вновь и вновь возвращаясь к каждому из шрамов глазами. — А ты не просто невольница. Ты... — а потом вдруг застыл, будто громом пораженный. Уставился на мою спину, широко раскрыв глаза, не веря тому, что видит. Застыл. А потом его взгляд взметнулся к зеркалу, где поймал мой удивленный взор, направленный на его изумленное лицо. — Откуда у тебя... эта метка? — проговорил Димитрий шепотом.

— К-какая? — проронила я, с испугом глядя на то, как господин Мартэ медленно подходит ко мне. Я крепче вцепилась в платье, ощущая себя незащищенной и полностью обнаженной, а не на половину.

Его пальцы, оказавшиеся мягкими и теплыми, коснулись моей кожи, медленно пробегая по небольшому созвездию родинок, образующих своей россыпью витиеватую длинную линию, напоминающую стебель цветка. И я сразу поняла, о чем он меня спрашивал. Но Димитрий молчал, как замороженный глядя на эту незамысловатую «метку», как он ее назвал, едва касаясь ее пальцами. А я стояла, едва жива.

— Откуда она? — повторил он свой вопрос, оторвавшись от моей спины и встретив мой взгляд в зеркале.

— С рождения, — вырвалось из моей груди. — Это родимое пятно. Моя воспитательница говорила, что оно, скорее всего, наследственное, досталось мне от одного из родителей, — сглотнув, я добавила: — Я думала, что смогу найти их по нему, когда вырасту, но...

Я замолчала, с ужасом глядя на то, как всевластный правитель Димитрий Мартэ, тяжело дышит, смотрит в мои испуганные, ничего не понимающие глаза в отражении зеркала, а потом... я опомниться не успеваю, вдруг, неожиданно стремительно и резко обнимает меня сзади за плечи и касается лицом моих волос.

— Я нашел тебя. Боже, я нашел тебя, — шепчут его губы непонятные мне слова.

Будто замороженный, гладит меня по волосам, вдыхает запах волос и не отпускает. Держит в тисках рук.

— Ты вернулась домой, — слышу я его взволнованный голос, хриплый, очень тихий. — Как она и говорила... Ты вернулась домой, моя девочка.

— Господин? — испуганно вскрикнула я, попытавшись вырваться, но не смогла.

А он что-то говорил, будто не слышал моих слов. И продолжал сжимать меня в своих руках.

— Я думал, что уже никогда не увижу тебя, — шептал он, не обращая на мои слова внимания. — Но я всегда верил. Я ждал, что ты вернешься. Между нами связь, я всегда это знал, я чувствовал, что ты жива. Я знал, что ты придешь. Как она и говорила!.. Как она и говорила...

— Господин?.. — уже настойчивее проговорила я, вновь попытавшись вырваться, но не смогла.

Испуг, начавший переходить в настоящий страх, поднялся во мне изнутри, подкатив к горлу с криком.

— Я не мог понять, — продолжал шептать Димитрий, не замечая моих терзаний, — почему ты... такая. Что в тебе не так? Что... заставляет меня смотреть на тебя, вспоминая?.. — голос его стал более громким, но все еще нервным. — А это была связь. Наша с тобой связь, — его взгляд встретил мои испуганные глаза. — Кара...

— Господин! — воскликнула я, снова попытавшись вырваться, и на этот раз мне удалось отскочить от него в угол комнаты. Может, он увидел испуг и тревогу в моих расширившихся глазах?

— Господин Мартэ, что с вами? — повторила я, запинаясь. — Что вы... что вы делаете?..

Он казался удивленным и даже ошарашенным, будто не понимал, почему я вдруг вырвалась из его рук и сейчас стою, с силой прижимая к себе платье, дрожащая и ничего не понимающая.

— Ты меня не помнишь? — спросил он тихо, тяжело дыша. — Совсем... не помнишь?

Дрожь прошла по телу, сердце забилося сильнее. Станный человек. Кто он? И так всё это знакомо отчего-то... Его взгляд, лицо, голос...

— Я вас не понимаю, — проговорила я, едва ли не вжимаясь в угол комнаты, и Димитрий увидел мой испуг.

— О Боже! — воскликнул он. — Прости меня, я не должен был... так бурно реагировать. Прости, девочка!.. — и, шагнув ко мне, вдруг замер.

— Что с вами произошло? — спросила я, поджав дрожащие губы. — У вас такое странное лицо...

— Ты говорила, что родители узнали бы тебя по этому родимому пятну, — вместо ответа сказал Мартэ.

Завороженно глядя на него, но не понимая, к чему он клонит, я кивнула.

— Но они погибли, — прошептала я, сжимая руки в кулачки. — Мне сказали, что они погибли...

— Это неправда, — заявил Димитрий. — Ведь я узнал тебя, — прошептал он, не сводя с меня глаз. — Моя дочь...

На то, чтобы осознать сказанное им, мне потребовалось не меньше минуты.

— Что?..

— Я узнал тебя, — ответил Димитрий и сделал ко мне еще один шаг. — По родимому пятну.

Я застыла, с ужасом и неверием глядя на него. Высокий статный мужчина, аристократ, дворянин, мой хозяин... Узнал меня!..

— Вы хотите сказать, что я... ваша дочь? — прошептала я едва слышно, а потом меня словно взорвало. — Но это невозможно! Это просто... невозможно. Я родилась в Праге, мне сказали, что мои родители погибли, и я попала в детский дом! — голос мой сорвался от неожиданного озарения. — Моя мама, мой отец... погибли!..

Мой голос сорвался. Откуда я знаю, что это правда? Я ведь ровным счетом ничего о себе не знаю. Не помню... Но это вовсе не означает, что я... что он... этот мужчина... Разве такое может быть? Чтобы он был моим отцом... я его дочерью?.. Нет!.. Какое-то безумие просто. Шутка, очень неудачная и злая!

Я взглянула на Димитрия с опаской, внимательно, но боязливо осмотрела, будто стараясь выявить в нем сходства с собой. Или же боясь их обнаружить. Мы с ним не похожи!.. Или похожи?.. Ничего. Только цвет волос... У него они черные, как смоль, на висках поблескивающие серебристой сединой. И всё... Ничего!..

— Это не может быть правдой, — зашептала я, зачарованно глядя в его глаза и... видя глаза из своих снов-воспоминаний. Я попятилась к стене, продолжая настаивать. — Я даже не знала об этом мире, пока сюда не попала. Я ничего о вас не знаю! Я не ваша... дочь. Этого не может быть!.. — слезы подступили к глазам.

Слезы обиды и боли от столь жестокой лжи. Зачем, почему? Мне и так больно!.. Зачем еще и эта ложь? Я уже смирилась, я и так согласилась быть служанкой в доме Мартэ. Почему... зачем так?!

— Я не ваша дочь, не ваша!.. — продолжала я повторять, как заклинание, понимая, что пытаюсь ухватиться для защиты за невидимый тонкий щит, отгородившись от правды и приняв ту ложь, в которой жила всегда.

А человек, который не мог быть моим отцом, продолжал настаивать и наступать на меня.

— У тебя эта метка, — сказал он, подходя ко мне. — Родимое пятно, такое же, как у нее... Наследственное, как ты и говорила. Передается из поколения в поколение по женской линии...

И весь мой устоявшийся мир начинает рассыпаться под ногами, поглощая меня в бездну.

— Нет! — закрыла я уши руками. — Нет, не может быть! Неправда. Зачем вы меня обманываете? — заплакала я, не в силах больше слышать острые слова, приносящие боль. — Это ошибка. Всё сон, я сейчас проснусь, и тогда... Вы забудете, что говорили! — я сильно

зажмурилась, чтобы не видеть его лица и приближающуюся ко мне фигуру. — Раз. Два. Три...

— Тебя похитили, когда тебе не было и двух лет, — решительно сказал Димитрий, перебив меня. А я продолжала считать, не желая его слушать, перебивая его слова монотонным счетом. — Твоя мама... она умерла, защищая тебя. А я потерял в тот день самых дорогих мне людей! Ее и... тебя, Кара...

Я не желаю знать. Я уже привыкла к одиночеству, я смирилась с тем, что всегда одна! Зачем сейчас всё это? И так подло, так жестоко! Зачем? Я же никакая ему не дочь, зачем он обманывает меня?! Вселяет в меня несуществующую надежду! Я — дочь аристократа? Дочь господина и повелителя Второй параллели?!

— Нет, нет! — закричала я срывающимся голосом. — Не нужно, нет!.. Зачем вы всё это говорите мне? Зачем!

— Я искал тебя все эти годы, долгие двадцать три года я сходил с ума от неизвестности и тоски. Я верил, я искал тебя, но безрезультатно, — продолжал Димитрий наступать на меня словами, постепенно подойдя ко мне вплотную. — Теперь понятно, почему... — услышав рядом с собой его теплый голос, распахнула глаза, когда его руки, коснувшись моих прижатых к ушам ладоней, отвели те в сторону. — Тебя тайно вывезли за грань. Совершили преступление!.. — добавил он, глядя в мои испуганные глаза. — Тебя отняли у меня, моя девочка, — проговорил он, нежно поглаживая мои щеки. — Насильно увезли от меня, попытались разорвать нашу с тобой ниточку, — голос его стал прерывистым и хриплым. — Но им не удалось сделать это. Ты все равно вернулась ко мне, малышка, — прошептал он, поглаживая мои плечи и не отпуская взгляда из тисков своих глаз. — Ты вернулась ко мне. Навсегда, ведь правда, моя девочка? Ты не уйдешь больше, я не отпущу. Я не переживу, если потеряю тебя еще раз, — добавил он с горечью, которая была слышна среди полутонов.

Я смотрела в его лицо, не в силах оторвать взгляд. Знакомый нос, подбородок, складочка между бровей, его глаза — глаза из моих снов-воспоминаний, губы. И его голос!.. Теплый, как пламя, и сладкий, как мед. Его руки, ладони, касающиеся моих плеч,

— Но почему? — прошептала я, не сдержав потока слез. — Почему?.. Я не понимаю!..

Он понял мой вопрос, хотя я и сама не понимала, о чем спрашиваю. Почему, зачем, за что, кто?.. Все чувства смешались в одно, взорвавшееся во мне электрическим зарядом.

— Я не знаю, дорогая, — проговорил Димитрий, настойчиво, но легко прижимая меня к себе. — Я не могу ответить на этот вопрос, — я доверчиво прижалась к нему, ощущая себя... защищенной. А он продолжал: — У меня нет врагов... По крайней мере, я так раньше думал. До того, как кто-то расправился с Миленой, и ты исчезла!

— Миленой? — прошептала я, запнувшись. — Это... это... — я боялась произнести это слово.

— Твоей мамой, — мягко проговорил мужчина, убирая волосы с моих щек.

Я вздрогнула, услышав подтверждение своих мыслей.

— Ее так звали? — я не смогла сдержать слез, они коснулись моего языка. — Очень красивое имя...

— Она была королевой, — сипло проговорил Димитрий. — По крайней мере, для меня. Мы называли тебя Каролиной, — сказал он, погладив мою щеку. — Дочь Королевы. Ты... совсем ничего не помнишь? — с сожалением спросил он.

— Я... помню кое-что. Но не много... совсем чуть-чуть, — призналась я, не глядя ему в глаза, боясь поднять на него взгляд, боясь разочароваться и мечтая, чтобы этот волшебный

сон не заканчивался. — Иногда слышу женский голос... — выговорила дрожащими губами. — Он зовет меня, напевает колыбельную...

— Милена пела тебе каждый день... — прошептал Димитрий, всё крепче и отчаяннее прижимая меня к себе.

— И во сне она называла меня... Каролиной... — выдавила я и, сильно зажмурившись, подалась навстречу мужским объятьям. Таким теплым, таким родным... Своим, любимым. К нему!

Это было единение и воссоединение. Я чувствовала это истерзанным и закаленным сердцем.

— Мы узнаем, кто сделал это с ней? — прошептала я, слизнув слезы губами. — И со мной? Узнаем? — осторожно отстранившись, я заглянула ему в глаза. — Пожалуйста.

— Конечно, моя девочка, — он вновь привлек меня к себе, будто боялся отпустить от себя слишком далеко, обнял, поглаживая по голове. — Конечно, милая. Я нашел тебя. Боже, я действительно нашел тебя! Я уже и не мечтал... не надеялся!.. Но я ждал. Я всегда ждал тебя, моя крошка! Моя Каролина... Моя дочь, моя хорошая! Я теперь никогда не отпущу тебя, и никому не позволю тебя обидеть, слышишь? Никогда...

Я закрыла глаза, вдохнув приятный знакомый аромат... из детства. Родной, любимый аромат, который исходит только от отца. Он особенный, он неповторимый. Он не обманет.

И только теперь я поняла, почему мне было так спокойно, когда я попала сюда.

Я, наконец, была дома.

Глава 31. Правда скрывается во лжи

31 глава

Правда скрывается во лжи

Всё тайное рано или поздно становится явным. Слишком незыблемое правило, чтобы пытаться обмануть его. Ведь, сколько не скрывай истину за маской лжи и притворства, желания утаить правду, она все равно просочится и окатит тебя своим презрением. Последствия всегда будут. Ведь именно потому, что мы боимся последствий, мы правду и скрываем.

Но Ищейка не боялся последствий. Не для себя, точно. И за себя он не боялся. Никогда. Его причины были более банальны. Хотя для него лично, наверное, настолько неожиданны, что поверить им удавалось с трудом. Он старался ни к чему не привязываться. Потому что привязанность делала человека слабым, а слабым ему быть было непозволительно. И худшей из привязанностей была привязанность к людям. Они лживы, порой нелогичны, непостоянны и им нельзя верить до конца. За все годы своего существования в звании Ищейки, он никогда не привязывался к людям. Раньше было, да. И это было его ошибкой. Единственной, но роковой. Стоящей ему очень многого. Сейчас он на своей ошибке выучился. Но, кажется, не совсем хорошо, потому что... вновь привязался. К той, на которой стоял запрет. К рабыне, к любимице Князя.

Почему именно к ней, он так и не смог понять. Наверное, что-то в нашей жизни все же не поддается рациональному объяснению, а просто происходит и всё. И он просто привязался к ней. Хотя... это было больше, чем привязанность. И это... пугало. Ему бы избавиться от столь противоречивых эмоций, а вместо этого он лишь сильнее загонял себя в угол.

Он предал своего Князя. И сделал это вполне умышленно. Он не загадывал и не планировал, но этого и не потребовалось. Всё решили за него. А он... он просто согласился с этим решением. Молча, не проронив ни слова.

Всё было слишком просто. И слишком сложно одновременно. Скрывать истину и дальше. Но очень скоро всё изменилось. В тот миг, когда ситуация вышла из-под контроля. Когда совершилось преступление против невинной. Когда была утаена вся правда произошедшего. Когда она покинула этот дом. И когда он стал другим.

Ищейка понял, что не в силах больше скрывать правду. Не потому, что ему было трудно делать это. Совсем наоборот, очень даже легко. Молчание всегда ему легко давалось. Но он прекрасно видел, что происходит с ним. И это было столь же необычно, как и ужасно по своей сути. Никто никогда не подумал бы, что обычная рабыня может совершить невозможное, — заставить бесчувственного зверя почувствовать всю силу своих к ней чувств. Неожиданно и нелогично, но истинно.

Ищейка знал Штефана Кэйвано очень долгое время. Наверное, он уже и сам забыл, когда всё началось, в памяти засели неприятные и нудные воспоминания тех дней, в которые он не желал возвращаться. Это было еще до того, как он стал Ищейкой, изменив самому себе. И до того, как проклял самого себя — того прежнего себя, к которому уже не было возврата. До того, как он решил променять благополучие и предательство на рабство и, как

ни парадоксально, собственную независимость. Надев на себя рабские кабалы, он превратился в свободного человека. Свободного от обязательств, которые на него накладывали, в первую очередь. Свободного от предательства и измены, на которую не был способен.

Он ушел. И вмиг превратился из всего в ничто. Из господина в изгоя. Вечного странника, ищущего несуществующий приют. Всегда один, — одиночка по крови и отшельник по жизни. Сам выбравший свой путь от богатства к бедности. Кристофер де Ривьер. Когда-то его звали именно так. А сейчас... не звали уже никак. У него было множество имен, но в доме Князя Кэйвано было известно лишь одно — Максимус. Ищейка, изгой, преступник и отступник, отшельник и... раб. Имевший когда-то намного больше, чем кандалы на своих запястьях.

Сколько себя помнил, Максимус всегда имел цель. Всё в его жизни имело цель. И то, что он совершил... а точнее, чего он совершать не пожелать, тоже имело свою цель. Избавить ее от страданий. Почему-то ему захотелось сделать это. И он впервые в тот миг пожалел, что не имеет того, что у него когда-то было. Того, от чего он собственноручно отказался, потому что, по сути, не имел на то права. Ее ничто не смогло бы спасти. Штефан Кэйвано не отдавал своего. И ему оставалось бы лишь наблюдать за ее мучениями. Изю дня в день, из года в год. А она желала свободы! Она жаждала ее, она дышала грезами о ней. Но именно этого воздуха ей было не получить. Он обрадовался, когда она убежала. Анатолий отважился на то, чего он никогда не смог бы преподнести ей в дар. Он был в бешенстве, когда ее обнаружил, истерзанную, раненую беглянку. Но еще больше взволновался, что Князь увидит его интерес к своей рабыне. И Князь увидел. Он всё понял по одному лишь полувзгляду, которым Ищейка снабдил Кароллу. И Максимусу пришлось еще раз напомнить себе, кто он есть. Безвольный раб и исполнитель чужой воли, — ни больше, ни меньше. Ему когда-то этого было достаточно. А сейчас было слишком мало. Из-за нее.

И он отважился на невозможное, на немыслимое, — он предал своего Князя, поправ его доверие. Он изменил ему и себе.

Но кто мог подумать, что дело обернется именно так? Кто знал или мог подумать, что Штефан Кэйвано перестанет довольствоваться холодным расчетом и включит чувство? Кто мог представить, что Князь Четвертого клана не просто привяжется к своей рабыне, настолько, что почти обезумеет от ревности, но даже больше того — что он... полюбит? Верилось с трудом, но факты говорили сами за себя. А Ищейка привык верить фактам, даже если рассудок уверял его в обратном.

Любовь — не привязанность и не просто чувство. Это гораздо больше, чем чувство. Это твоя кровь. Это воздух, которым ты дышишь. Это твой надорванный крик и глухой всхлип. Это — часть тебя. Это — весь ты. В этом — ты живешь. Любовь это союз двух любящих сердец. Она сильнее всего. Но даже она может быть сломленной предательством и завистью кого-то третьего.

Этим третьим Максимус и оказался. В тот миг, когда услышал разговор Софии Бодлер в Лондоне. Она тогда очень нервно с кем-то разговаривала по телефону, и, учитывая события последующих дней, Ищейка без труда сделал вывод — с кем именно. А он... не рассказал об услышанном разговоре Штефану. Он просто промолчал. Он скрыл правду. Он позволил свершиться несправедливости. Он мог бы заявить, что всё знает, рассказать Штефану правду, защитить Кароллу, когда Кэйвано приказал отвести ее в зал пыток. Но он не сделал этого. Почему? Не думал, что дело пойдет так далеко?... А думал ли он в тот миг вообще?!

Мысли вертелись в его голове со скоростью, на которую он и не рассчитывал, а они всё кружили, надоедливо врываясь в мозг. В памяти всплывали ощущения тех минут, когда он слышал тот роковой разговор. О чем говорила София? С кем? Что она задумала? Всё это отчего-то стало не столь важным, уступая место единственному желанию, завладевшему им, — спасти ее от него. И он действительно считал, что поступает верно. Ему казалось, что он избавляет ее от тирана. Он полагал, что если Кэйвано откажется от нее, а это непременно должно было произойти, она получит то, о чем мечтала. Свободу. Конечно, наказания было не избежать, но чтобы добиться чего-то, всегда приходится идти против ветра. Ему ли не знать этого?

Но он просчитался. Глубоко и безнадежно ошибся. Он совершил главную ошибку боя. Недооценил противника. Он даже в расчет не взял, что Штефан Кэйвано... может что-то чувствовать к ней. И это стоило ему совести, которой у него почти не осталось. Того клочка черной души, что еще теплилась в давно безжизненном теле, обезображенном рубцами и шрамами прошедших лет.

Он знал, что ей тоже плохо. И страдала она из-за него. От его предательства, от боли, как физической, так и моральной, от чувства вины, которой за ней не было. От того, что он не поверил ей. А потом ей стало все равно.

И именно ее безразличие ко всему, апатия, мертвенность и безжизненность вернули к жизни его, раскрыв глаза на то, что именно он сотворил. Убил в ней саму себя. Не вылечил, не спас, — а убил.

Он бы купил ее у Кэйвано, если бы имел на то право. Но кто он? Что он? Всего лишь слуга, Ищейка, без права голоса, безвольный исполнитель. Он не может стать ее господином, и никогда им не станет. Он хотел раскрыть перед Штефаном правду, когда тот вернется из Дублина, но... не успел. Димитрий Мартэ согласился купить Кароллу так быстро, что даже самому Максимусу не оставил права голоса. Но смятению и мимолетной злости не осталось места, когда Ищейка понял, что лучшего хозяина для девушки не найти.

Правда, оказавшись на границе разглашения, вновь осталась нераскрытой.

Но когда-то и ей суждено было вырваться из плена лжи. Максимус сам решил открыть ее тому, кто первым должен был ее узнать.

Максимус никогда не скрывался от трудностей. Ни тогда, ни теперь. Теперь — особенно. Он решил открыть Штефану глаза на произошедшее, спустя лишь пару недель после продажи Кары Мартэ. Штефан уже знал о том, что Каролла не изменяла ему с Вийаром, что тот подстроил пикантную сцену, от которой у Князя снесло крышу. Он просмотрел пленки с камер слежения и... сделал соответствующие выводы, те, которые не смог сделать, увидев свою рабыню в объятьях другого мужчины.

Уже когда Штефан вернулся из Ирландии, Максимус понял, что что-то в хозяине изменилось. Хотя бы тот факт, что он приказал привести к нему Кару, которую им следовало продать. А это означало лишь одно: он пересмотрел свое решение. Слишком поздно. И когда понял это, взбесился. А потом, когда Мартэ не вернул ему девушку, вообще свихнулся. В полном смысле этого слова.

Максимус застал Князя в кабинете, Штефан очень часто сидел здесь с того дня, как вернулся из Дублина и посетил дом Димитрия Мартэ. Уже не пил, как раньше, Максимус лично проверял содержимое стоящих в кабинете Князя бутылок со спиртным, просто сидел в кресле, выкуривая одну сигарету за другой и глядя в окно сощуренными глазами, будто что-то вспоминая.

У каждого свой наркотик, думал Ищейка. И каждому — своё. Кому-то — боль физическая, кому-то — пустое и бессмысленное уничтожение изнутри.

Аристократ Димитрий не продал ему Кароллу, но не только это было причиной затворничества хозяина Багрового мыса. Он узнал правду. И пребывал в такой лютой ярости, что, попадись ему кто-то под руку в тот миг, он бы убил, не задумываясь. Но к нему никто и не подходил, оставив его наедине с его открытием.

И пребывал Князь в состоянии ярости, не выплеснутого отчаяния за совершенное в отношении любимой рабыни преступление каждый день с момента, как узнал истину. Слуги, рабы, все, кто находился в доме, старались избегать столкновения с ним, и Максимус не был исключением. Но не потому, что боялся гнева Князя, а потому, что и себя считал виноватым, а явно читающееся на лице Штефана отражение истины, выплескивало из Ищейки собственную вину.

Но ничто не смогло остановить Максимуса раскрыть Штефану правду сегодня. Ни хмурый вид Князя, ни свинцовые тучи, нависшие над замком, ни палящая атмосфера удушья, что витала в кабинете Кэйвано. Он уже принял решение. А он всегда держал обещания, данные самому себе.

— Чего тебе? — рыкнул Штефан, едва Максимус неслышно приоткрыл дверь. И хотя Штефан сидел к вошедшему спиной, уставившись в окно, сразу понял, кто его побеспокоил.

— Мне нужно поговорить с вами, — решительно заявил Максимус и прикрыл за собой дверь. Решительно направился к Кэйвано, не дожидаясь разрешения на подобную милость. Он знал, что может ее не дожидаться.

— Хм, поговорить? — спустя время проговорил Князь, задумчиво покрутив в руках нож для разрезания писем. — Иногда нам только и нужно это — поговорить, — он затянулся, выпуская изо рта колечки едкого дыма. — Выслушать. Услышать, — горько усмехнулся, поворачивая нож в руках. — Если бы можно было предугадать, что принесет тебе этот разговор, ты бы тогда решал, стоит ли он твоего времени...

— Этот — стоит, — уверенно заявил Максимус, подходя к столу Кэйвано и глядя на хозяина сверху вниз.

Он отлично понимал, что именно вспомнил Князь. Точно так же просила его о разговоре Каролла, когда Штефан бездумно и безжалостно наносил ей удар за ударом.

— Если ты о том, когда я вернусь, наконец, в суматошную рутину дел, — раздраженно рыкнул Штефан, повернувшись к слуге полубоком, — то лучше сразу убирайся! Я не намерен это обсуждать с тобой...

— Я хочу поговорить о Каре, — перебил Князя Максимус, что заставило Штефана резко уставить на него. Холодный, звериный взгляд, прожигающий насквозь. — Это очень важно, — выговорил Ищейка, твердо глядя в глаза зверя.

Если он и был заинтересован, то виду не подал, ни один мускул на его лице не дрогнул, выдавая хоть толику интереса. Он повернулся в кресле и, наклонив голову набок, прищуренными глазами уставился на Максимуса. Затянулся сигаретой, продолжая молчать. А потом вдруг поджал губы, будто разозлившись каким-то собственным мыслям.

— Что ты хочешь мне сказать? — помрачнев, спросил Кэйвано сквозь зубы. — Я не знаю чего-то, что стало известно тебе?

— Да.

Штефан вздрогнул, не ожидая, очевидно, подобного ответа и нахмурился. Посмотрел на Максимуса, пронзив того необычной чернотой глаз, превратившихся в щелочки.

— Неужели? — с расстановкой проговорил Князь, медленно поднимаясь из-за стола и продолжая смотреть на Ищейку. — И чего же, по-твоему, я не знаю? — медленно отложил нож в сторону.

Если не сейчас, то когда же тогда?! Максимус выпрямился, вскинул подбородок.

— Я знал, что Кару подставили, еще до того, как всё произошло, — напрямик выдал мужчина. — Я знал всё с момента, как мы были в Лондоне у господина Манкрофта.

Тягостное молчание, повисшее между ними, выдавало с головой смирение перед судьбой с одной стороны и нарастающую ярость и неверие с другой. Сжатая пружина начала медленно раскручиваться, обдавая обоих мужчин жаром от взрыва раскаленного металла.

— Что ты имеешь в виду? — медленно и тихо спросил Князь, не двинувшись с места, в миг превратившись в оголенный клочок нервов, натянутую тетиву, готовую вот-вот порваться, в ледяное изваяние, чье сердце бьется так громко, что способно вырваться из плена холода во взрыв действительности.

— Я знал о том, что Кару хотят подставить, — повторил Максимус, глядя в глаза господину и ожидая всплеска эмоций с его стороны. Но Кэйвано стоял недвижимо, будто не услышав сказанного. — В Лондоне я слышал разговор леди Бодлер с кем-то. Она называла собеседника по имени... Карим, — сказал мужчина. — Я могу и ошибаться, но как много людей с именем Карим вы знаете? — Штефан вновь промолчал. — Они договаривались о том, чтобы повернуть какое-то дело. Я думаю, что не стоит догадываться, какое именно, учитывая события последующих дней, — добавил Ищейка.

Кэйвано по-прежнему молчал. Это было страшное молчание. Губы его были поджаты, а ноздри вздымались, выпуская частое дыхание, брови сдвинулись к переносице, образуя складку. Штефан молчал, но Ищейка видел, чего ему стоит это молчание! Он едва себя сдерживает, чтобы не сорваться. Сжимает руки в кулаки, грудь часто вздымается, а на скулах ходят желваки. Вот-вот порвется тонкая нить терпения, прорвется плотина. Произойдет взрыв.

— Вы понимаете, что это значит? — решил спросить Максимус, не видя ответной реакции на свои слова со стороны Штефана. — Она не виновата. Кара не виновна! Она не изменяла вам, ее... заставили, принудили... Они опоили ее чем-то! Она была предана вам!..

— И ты всё это время молчал? — неожиданно перебил его Штефан глухим голосом с хрипотцой. Плохо, очень плохо. Он не кричит, но говорит так, что по телу дрожь бежит, обдавая жаром и холодом попеременно. — Всё это время ты не удосужился рассказать мне правду? — голос его сошел до угрожающего шепота, от которого по венам быстрее побежала кровь. — Почему? — выговорил он, уставившись на Ищейку.

Максимус поджал губы. Он ждал, что услышит этот вопрос. Он даже продумал несколько вариантов ответов, наиболее приемлемых и достоверных, которые ему позволено было высказывать перед Князем, но все же к этому вопросу оказался неподготовленным.

Как сказать еще одну правду? Если эта правда будет колоть глаза!..

— Она... особенная, — выговорил Ищейка тот единственный ответ, который был истинен, но который был последним, который стоило произносить вслух. Тем более, перед Князем Кэйвано. — Не такая, как все.

— Ты хотел ее, Максимус? — прошипел Штефан. Ноздри его вздулись от едва сдерживаемой ярости, а губы плотно сжались. — Ты до сих пор хочешь ее?

— Она не заслужила того, что произошло с ней...

— Ты не ответил на мой вопрос, черт побери! — рявкнул Штефан, наседая на стол с

искаженным от гнева лицом. — Ты хотел и до сих пор хочешь ее?!

Ему не стоило говорить этого. Он заслужил изгнание и колонию. Но не сказать правды он не мог.

— Да.

Твердое и смиренное слово упало между ними, как капля железа, разведшая их по разным берегам. Глаза Штефана налились кровью, а губы подрагивали, будто сдерживались и не кричали ругательства, так и рвавшиеся с языка. Максимус видел, что Князь не в себе, что вся его поза кричит о том, что хищник готов, он находится в стадии последующего прыжка на жертву, дабы растерзать ее и уничтожить. Но еще сдерживается. Что-то прорывается в ней человеческое, внезапно и неожиданно даже для самого зверя.

Наклонившись над столом, он почти хрипит в лицо Ищейке, так и не сдвинувшемуся с места.

— Ты ее не получишь, — клятвенно заверяет он. — Никогда, — и, опершись руками о столешницу, низко наклонил голову, тяжело и часто дыша. А потом, в один миг... стремительно сметает всё на пол, выходя из себя. — Б**ь, Максимус! Почему?! Почему ты не сказал?! — вскочив с места, кинулся к Ищейке. — Ты знаешь, что с тобой будет за это? — схватил мужчину за грудки, яростно стискивая ворот рубашки. — Ты знаешь, черт возьми?!

— Я знаю, что меня ждет, — коротко заявил мужчина, даже не пытаясь отшатнуться, увернуться от гневной руки Князя. Он заслужил. От него... Но от нее больше. Гораздо больше.

— Я презираю тебя, — выдохнул Штефан ему в лицо, сжимая рубашку и испепеляя взглядом. — Презираю понял!? — а потом сквозь зубы: — Предателю не место в моем доме, — с силой оттолкнул он его. — Пошел вон.

Максимус уставился на него. Почти холодный и почти равнодушный, если бы не было так... горько.

— А наказание?..

— Ты будешь изгоем и отшельником, будь уверен, я устрою это, — перебив, прошипел в ответ Штефан, — думаешь этого мало? Никто и никогда не возьмет тебя в услужение, ты станешь влачить жалкое существование до конца своих дней, пока не сдохнешь где-нибудь в канаве! Или пока не перейдешь грань и не убьешь себя этим сам! — заглянув Ищейке в глаза, пронзая мужчину лютой ненавистью и выдохнул в лицо: — Пошел вон! — и резко оттолкнул его от себя. Но Максимус не пошевелился, и тогда Штефан яростно взревел: — Убирайся, я сказал! Немедленно! Пошел вон!

И Максимус, бросив на хозяина последний взгляд, вскинул подбородок и с выпрямленной спиной вышел из кабинета Князя, оставляя того одного. Вновь один, вновь отшельник и скиталец. Одиночка по крови и по жизни, уже не претендующий ни на что. Даже на то, чтобы быть рабом. Он не заслужил даже этого.

Штефан же, глядя на закрывшуюся за ним дверь, с глухим рыком кинулся к столу, яростно сметая на пол всё, что там осталось от первого погрома. А затем, громко выругавшись, с силой ударил по столу, причиняя себе боль, но почти не обращая на ту внимания. Разве она сравнится с той болью, что бушевала сейчас в его сердце, вынуждая то кровоточить каждый раз при воспоминании о ней и том, что он сделал. А сейчас... после признания Максимуса...

Он зарычал, не сдерживаясь, постепенно превращая злобный рык в полустон и глубокий стон, рвущийся из его души, тех остатков души, что у него имелись. Кинувшись к книжным

полкам, оперся о них руками, а потом вдруг стал молотить по ней кулаками. Вызывающе, до одури, до боли, не обращая внимания на сбитые костяшки пальцев и выступившую на коже кровь. Вот так, сильнее, яростнее, с отчаянием, до боли... Чтобы чувствовать и не забывать о том, что сделал. Что натворил. Сам уничтожил самого себя.

То, что он чувствовал, не передать словами. Это можно только прочувствовать. Смесь чувств и эмоций, ураган из ярости, презрения и отчаяния. Откровенное безумие. Но не все ли ему равно?!

Он думал, что ему стало плохо, когда он узнал, что Кара продана. Его другу продана, и тот не собирается возвращать ее Штефану. Или в миг, когда увидел ее. Стоящую в окне второго этажа дома Дмитрия. Он будто почувствовал ее взгляд спиной. Обернулся... а там она. Смотрит прямо на него и словно бы не дышит. Он тогда ощутил что-то. Колкое и болезненное давление в груди, острое и невыносимое просто, и будто сам перестал дышать. А потом она скрылась за шторами. Специально, чтобы указать ему на его ошибку и вину, на то, что она его не простила.

Или плохо ему стало в миг, когда он просмотрел все пленки с камер наблюдения и понял, что она... не виновата? Ни в чем не виновата из того, в чем он обвинил ее? Не изменяла, не предавала, не лгала. Его милая девочка... А в груди с болью отдается... Больше не его!

Пересиливая ярость здравым смыслом, он тогда помчался в Багровый мыс и, едва попал в дом, приказал начальнику охраны принести все пленки, отснятые в день измены Кары. А потом приказал всем слугам явиться к нему в кабинет для «допроса». Никто не сомневался, что именно Князь хочет узнать, но почти никто не мог дать ему вразумительного ответа.

— Никто не уснет в этом доме, пока я не поговорю с каждым, — рыкнул Князь, скрипя зубами и выходя из себя.

Карим Вийар, как оказалось, в тот день будто превратился в тень. Его мало кто видел, почти никто не замечал, и все были уверены, что он уехал сразу после того, как узнал, что Штефана нет в замке. Но пленки с камер видеонаблюдения не могли обмануть или не увидеть. Они отметили всё, что происходило на самом деле. Они знали правду.

Разговор со слугами длился четыре часа. На то, чтобы просмотреть все пленки с камер наблюдения понадобилось еще два. И никто в Багровом мысе не заснул до самого утра.

А когда Князь выяснил правду, не спал только он один.

Кара не виновата. Она не изменяла ему. Она... не лгала ему. Она его не предавала. Это он... он предал ее! Своим неверием, мстью за несовершенное преступление, казнью, которой она не заслужила. А она... оказалась обманутой, раздавленной его неверием и отмщением за то, чего не совершала. Убита его руками так же, как и возрождена ими когда-то. Это он виноват, только он. А она... она не виновата!

Вот, разве это не Карим Вийар несет ее податливое и совсем недвижимое тело на своих руках? Выходит из кабинета Князя, где нет камер слежения. Что происходит там, Штефан не знает, но уверен, что там свершилось предательство и несправедливость. Вийар подстроил всё так, что комар носа не подточит. Отнес Кароллу в Зеленую комнату, где раздел и разделся сам, лег рядом с ней, ожидая, когда она проснется. А потом... когда она проснулась. Его девочка пыталась сопротивляться! Она хотела уйти и убежать. Она... Боже!.. Она молила, она звала на помощь, она просила Штефана прийти к ней, она звала, выкрикивая его имя, а он... он... Он пришел. Но для того, чтобы наказать, а не чтобы спасти.

Его бедная девочка... Нет, уже не его, напомнил грубо внутренний голос.

Он тогда сошел с ума от ярости и злости, от бешенства, от ревности... Он себя не контролировал. Но разве это может оправдать его? Что вообще может его оправдать? То, что он сделал с ней!..

Когда увидел ее в окне, заметил царапины и синяки на нежной коже лица. Цепкий хищнический взгляд отметил и ушибленные руки, которыми она вцепилась в шторы, будто боясь упасть. Рассеченные губы и левую бровь с кровоподтеком. Следы его насилия. Последствия его преступления. Которое ему никогда не искупить.

Разве не было ему плохо весь последующий месяц после дня, когда он узнал, что убил в себе самого себя, наказав Кару за то преступление, которого она не совершала? Разве не было ему плохо каждый раз, как он приезжал в особняк Дмитрия, вновь и вновь заговаривая с другом о продаже ему Кары? Разве не казалось ему в тот момент, что он отдаст все деньги мира лишь за то, чтобы увидеть ее... хотя бы на миг? Но ни деньги, ни положение, ни дружба с Мартэ ни разу не сыграли на его стороне. Кару он так ни разу и не увидел.

Вот и пришло отмщение. Быстро пришло. И ударило прямо в сердце, не убивая, но вырывая то из груди и бросая к ее ногам.

Что с ним творилось, не передать словами. Это была пустая и бессмысленная вереница событий, не приносивших ему совершенно никаких чувств. Кроме одного. Всепоглощающей боли и необъятной вины. Боли в себе и вины для нее. Но ей не была нужна его вина, и его боль она тоже не заметила. Наверное, он сам был ей не нужен. А она... она была нужна ему еще сильнее, еще яростнее, чем раньше. И она была единственным, что он не мог получить.

Он напивался каждый день в первое время. Забросил дела, потому что самым важным для него в тот миг оказалось не решение Совета об его изгнании и вынужденной опале, а желание вернуть Кару домой. Туда, где она должна была находиться. Рядом с ним. Не было никого, кто вправил бы ему мозги. Не было Кары, чтобы накричать или успокоить. А Дмитрий не желал идти на компромисс или переговоры. Он вцепился в девушку, как цепной пес, нашедший что охранять. Апатия, обличенная в форму обреченности и горечи, преследовала его долгие четыре дня, а потом всё медленно вернулось на круги своя, возвращая и его в колею и круговерть событий, которые происходили вокруг него.

Он взялся за оставленные дела, совершил несколько запланированных еще в конце октября поездок в Варшаву и Вену. Заключил контракт на строительство гостиницы в Нью-Йорке. Встретился с Лестером Торалсоном, обсуждая расследование, которое проводил Совет в поисках того, кто разглашал правду Второй параллели. А, возвращаясь в Багровый мыс, всегда вспоминал, что там его теперь никто не ждет.

София, мерзкая сучка, и «дружок» Вийар, отъявленный негодяй, провернули дело так, что никто не станет искать правду. Только вот просчитались! Он — будет искать правду. И он ее нашел. И она обжигала ему не только глаза, но и душу, уже обожженную и истерзанную собственной глупостью.

Дмитрий заговаривал с ним об Исааке в дни, когда Штефан приезжал к другу совсем с другими целями, но Штефан, слушая, пропускал его слова мимо ушей, думая о том, что сделает, если Кара вдруг появится в дверях. Что он сделает тогда? Он так давно ее не видел... Оправилась ли она? Видны ли ушибы и шрамы на ее теле и лице? Будет ли она смотреть на него волком, или хотя бы попытается выслушать? Есть ли у них хотя бы шанс, чтобы...

— Штефан? — окликал его Дмитрий. — Ты меня слушаешь?

— Да. Что ты сказал? — конечно же, он не слушал, и Димитрий прекрасно это знал.

— Я сказал, что мои люди выяснили кое-что о том, кто распускает слухи, что якобы ты разглашаешь тайну Второй параллели. Но ниточка никак не ведет к Исааку, — пожал Димитрий плечами. — Или твой дядюшка слишком хороший стратег и всё предусмотрел.

— Я склонен думать, что он хороший стратег, — хмуро выговорил Штефан. — Это он, и рано или поздно он заявит о себе.

Разговоры о делах мало его заботили. Как можно думать о чем-то, когда она находится где-то рядом? Когда может вот-вот выйти из своего укрытия ему навстречу, не зная, что он в доме. Хотя, он сомневался, что она не в курсе того, что он приезжает. Скорее всего, ей уже обо всем доложили. И она не выходит к нему, потому что... не желает его видеть. И это правильно, это логично и закономерно после того, что он сделал. Но вот он-то жаждал увидеть ее хоть раз!

Он часто приезжал к дому Мартэ без официального визита. Просто останавливался в кустах орешника, между стволов пожелтевших кипарисов и, не выходя из машины, курил, глядя на окна особняка Димитрия. Высматривал ее. И порой ему даже удавалось ее увидеть. Во рту вмиг становилось сухо, а недокуренная сигарета начинала жечь пальцы. А он все смотрел на нее, не в силах оторвать взгляд, или выйти из машины и встретиться с ней лицом к лицу. Он мог лишь смотреть на нее... На то, как она двигается, медленно и размеренно, будто выверяя каждый шаг. Как морщится, если резко дернулась, вызвав боль в теле. На то, как она улыбается... столь редко, но оттого столь драгоценным было воспоминание. Не ему улыбается. И еще долго не сможет ему улыбнуться.

Он ненавидел себя в эти минуты. Но сердце билось, как сумасшедшее, от осознания, что этот день не прошел напрасно. А завтра он попытается вернуть ее вновь.

Но он не верил в то, что сможет добиться этого. Димитрий слов на ветер не бросает, а он обещал, что Кара останется с ним. Да и сама Кара не простила его. Она никогда, наверное, не просит. Такое не забывается. Но он будет последним трусом, если хотя бы не попробует. Он найдет способ. Он найдет причину. Он будет пытаться вновь и вновь, и стена рухнет. Димитрий ясно дал понять, что Кару не продаст. Если не будет достойной причины. А этой причины у Штефана пока не было. Ее не было почти месяц. Долгий томительный месяц, когда он, сходя с ума от неизвестности и отрицания тех чувств, что разрывали его грудь на части, едва не обезумел.

И только спустя месяц, он, наконец, понял, что с ним происходило. Уже после того, как Максимус признался в предательстве, а сам он обил порог особняка Мартэ в бесплотных попытках заполучить Кару назад. Новое, забытое чувство, похороненное сознанием в глубине души и ледяного сердца. Настолько непривычное, что казалось неправильным и запретным. Но это чувство было. Его нельзя было вытравить изнутри или принудить его уйти. Оно вросло в него, въелось в кровь, растворилось в нем без остатка. Давно забытое, неправильное, запретное... Оно не должно было возродиться в нем, ведь когда-то лично было похоронено им в глубине души, чтобы огородить себя от боли. Не просто одержимость. Любовь. Та, что исцеляет и убивает одновременно. Возносит на небеса или свергает на грешную землю.

Так вот она какая... его любовь. Давно забытая, спрятанная глубоко в памяти, разбитая и покалеченная, но еще... дышит. Он слышит ее вздохи, он чувствует биение ее сердца, он ощущает ее дрожь. Такое маленькое, но такое сильное чувство! Оказывается, признаться в нем себе не так и страшно. И почти не больно. Только бы она тоже... что-то чувствовала.

Еще... чувствовала к нему что-то, кроме ненависти!..

И он срывается с места, вновь мчится в особняк Димитрия и, едва не срывая звонок, а потом чуть не сбив с ног верную служанку Рослин, врывается в кабинете друга, плотно и с грохотом захлопнув за собой дверь.

— Здравствуй, Димитрий, — без объяснений выговаривает он застывшему в кресле мужчине, а тот никак не реагирует на его вторжение. — Надо поговорить. Срочно!

Следом за Штефаном в кабинет врывается и Рослин, тяжело дыша и со злостью глядя на неожиданного гостя.

— Господин Мартэ, я пыталась его остановить! — воскликнула она, подскочив к хозяину. — Но он вломился, словно ураган, я не успела... Я не смогла его удержать. Мне позвать Лукаса?

Димитрий взглянул на Рослин, перевел недовольный взгляд на застывшего с мрачной миной на лице Штефана, а потом вновь обратился к женщине, то и дело поглядывающей на Кэйвано, насупившись.

— Не стоит, Рослин, — покачал головой Димитрий, вставая с кресла. — Я сам разберусь... со своим гостем.

Почему-то тон, которым говорил Мартэ, Штефану не понравился, но он отбросил прочь плохие мысли.

— Но, господин Мартэ! — пыталась возразить служанка, явно вознамерившаяся выставить Кэйвано за дверь.

— Ступай, Рослин, — с нажимом выговорил Димитрий, глядя на нее так, будто что-то говоря глазами. С неохотой женщина подчинилась. Кивнула, мрачней, поджала губы и, бросив на Князя пренебрежительный взгляд, вышла из кабинета.

— Не особенно радужный прием, — сквозь зубы проговорил Штефан, глядя на закрывшуюся дверь.

— А ты достоин чего-то еще? — сухо спросил друг, повернувшись к Штефану спиной.

— Я вернулся всего пару часов назад, меня не было три дня, — сказал Штефан, сдерживая злость, — а ты меня... гонишь?!

Димитрий предпочел не отвечать, молча пожав плечами. А Штефан, понимая, что что-то произошло, но не осознавая, что именно, подошел к Димитрию со спины. Тот лишь напряженно выпрямился.

Как начать разговор, столь волнительный, важный, что даже руки трясутся от предвкушения, гнетущего ожидания и волнения? У него — хладнокровного Князя!

Они молчали. Димитрий смотрел в окно, даже не бросив на друга короткого взгляда, а Штефан не знал, как начать. Казалось, мир перевернулся. И Димитрий смотрит на него волком, точнее... не смотрит вообще. И Штефан понимает, что должен что-то сказать, он ведь за этим сюда пришел! Но слова не идут с языка.

Как сказать о любви, в которую перестал верить? Как сказать о любви, которая кажется невозможной? И сейчас тоже кажется... неправильной, запретной. Но душераздирающей и всесильной, способной растопить даже ледяное сердце дикого зверя.

Но как высказать ее? Где найти слова? Чем выдать ту глубину чувств, что родились в нем?..

— Я нашел причину, Димитрий, — проговорил Штефан, наконец, тихо, но твердо.

— О чем ты? — не повернувшись к нему, спросил Мартэ, и Штефан вдруг острс почувствовал: произошло нечто непоправимое.

— Ты говорил, что продашь мне Кару, когда я найду причину, — проговорил он, ощущая, как вспотели ладони. И что-то режет изнутри, бьется сердце, тревожно стучит, боясь быть отвергнутым. — Я нашел ее. Нашел причину...

— Это уже не имеет значения! — отрезал Димитрий, резко повернувшись к Штефану и заглянув ему в глаза.

И Кэйвано понял, что всё рушится. Он не успел. Опоздал! Что-то не так. А Димитрий смотрит на него очень внимательно, и что-то новое читается в его взгляде, но Штефан не может уловить, что именно.

— Я не продам тебе Кароллу, — резко падает между ними свинцовый лед из слов. — Никогда не продам.

Штефану кажется, что он ослышался. Перед глазами встал белесый туман, а затем — алая пелена.

— Ты даже не хочешь услышать...

— Мне плевать, Штефан! — резко перебивает его друг. — Что бы ты ни сказал, это не убедит меня. Я ее не продам!

И Штефан уже не может сдержаться.

— Ты обещал, Димитрий! Ты обещал, черт побери, отдать ее мне, когда я найду причину!

— Тогда я еще не знал, что ты, мерзавец, избивал мою дочь! — яростно зарычал Димитрий, сорвавшись.

Штефан застыл, будто громом пораженный. Так бывает иногда, что слова оказываются сильнее удара. Они оглушают, калечат, убивают... всё убивают в тебе, и даже тебя убивают. И не веришь им, не желаешь верить, отказываешься, потому что... потому что... Они ложь! Они — убийцы твоих мечтаний.

— Что?.. Дочь? — он ошарашенно уставился на Мартэ. — Но у тебя нет дочери...

— Мою Каролину, дочку Милены, — поясняет Димитрий совершенно без сомнения.

Грудь начинает давить с такой силой, что, кажется, та сейчас разорвется от жгучей боли. Не может быть! Неправда, ложь, чья-то... шутка, вполне неудачная! Только вот смеяться не хочется. И что-то тянет в груди, жжется и колется, не унять и бешеный стук сердца, и ритмичную пульсацию в висках, и дрожь рук...

— Она пропала двадцать лет назад, — замороженно покачал Штефан головой. — Это невозможно...

— И вот она нашлась, — отрезал Димитрий, сжав руки в кулаки. — У нее родимое пятно, то самое, какое было и у Милены. Я уверен, что это она!

— Это невозможно, — прошептал Штефан, осознавая, что с этим признанием рушится не просто его просьба, но и вся его жизнь. Невозможно купить дворянку!.. — Этого не может быть, — повторял он, как заведенный, пытаясь отыскать соломинку. — Она даже не из Второй параллели! Я купил ее... она...

— Ее тайно вывезли за грань, когда похитили, — перебил Димитрий. — То, что она попала сюда и, я нашел ее, просто чудо.

— Но ведь ты не уверен точно, — сказал Штефан, качая головой и не желая верить тому, что он находится в шаге от поражения. — Нужно провести расследование, сделать анализ ДНК, еще кучу всего, чтобы...

— Прими как факт, Штефан, — резко перебил его Димитрий, — Каролла — моя дочь. Она — Мартэ. А это значит, что теперь она свободна!

И Штефан вздрагивает от этих слов. Она свободна. Это равносильно — она недоступна. Для него. Никогда теперь. Он осознает это стремительно и однозначно. А Димитрий продолжает жечь его словами:

— Я буду ходатайствовать перед Советом, чтобы ее признали, — голос его решителен, а у Штефана внутри всё дрожит. — Она истинная Мартэ и должна занять то место, которое принадлежит ей по праву рождения.

Штефан молчал. Он уже слышит, как рушится его жизнь, погребая его под своими обломками.

— И тебе ее не получить, Штефан, — разверзается пропасть между ними, непроходимая бездна. — Никогда!

— Димитрий... — пытается еще что-то сказать Штефан, но понимает, что ни одно слово не будет верным.

— Уходи из моего дома, Штефан, — сдерживая ярость, выговорил Мартэ сквозь зубы. — Уходи, пока я... не выставил тебя отсюда силой.

— Димитрий, послушай, — пытался еще что-то сказать Штефан, понимая, что нет в мире слов, чтобы высказать, как он удивлен и ошарашен, как он сожалеет и раскаивается. Как бы он хотел вернуть всё назад!

— Я никогда не прощу тебе того, что ты сделал с моей дочерью, — шипящим шепотом выговорил друг, глядя на Кэйвано сощуренными глазами.

— Я не знал тогда, что это твоя дочь!

— А мне плевать! — рявкнул Димитрий, едва ли не в первый раз выйдя из себя при постороннем человеке. — Это было. И мне этого забыть. Даже если забудет она, — тихо добавил он скрипучим голосом. Выпрямился. — Уходи!

Штефан понял, что спорить бесполезно. Поджав губы, он направился к двери, но остановился на полушаге. Неужели он уйдет просто так? Не увидит ее?

А представится ли ему еще когда-нибудь шанс, чтобы ее увидеть?!

— Ты не разрешишь мне даже увидаться с ней? — спросил Штефан, остановившись в дверях.

— Я — не разрешаю, — категорично заявил он. — Но, если она захочет, смогу ли я возразить?

Штефан бросил на друга еще один быстрый взгляд, а потом, понимающе кивнув, вышел из комнаты.

Шатаясь, прошел по коридору, ничего не видя перед собой. Кара — дочь Димитрия? Дворянка?! Как такое может быть правдой?.. Как — из обычной рабыни превратиться... стать... Невозможно!.. Или просто он не желает верить в возможность этого, потому что тогда Кара становится для него недостижимой?!

Остановившись, мужчина тяжело задышал, перед глазами возник ее образ. Кара... его... или уже не его!?

Он должен с ней поговорить! Обязан. А если она откажет... он будет пробовать вновь и вновь, но от своего не отступится. Разве когда-нибудь он пасовал перед трудностями?

Но раньше на кону не стояло твое сердце, тихо, но уверенно прошептал внутренний голос.

На глаза ему вдруг попала Рослин, маячившая у кабинета господина, очевидно, ожидая, когда можно будет выставить нежданного гостя за дверь. Наверное, это желание всех слуг Димитрий отныне!?

— Вы не подскажите, где я могу найти Кару... леди Мартэ? — поправил Штефан сам себя, глядя на Рослин.

Женщина посмотрела на него волком, исподлбья глубоко посаженными глазами, сейчас казавшимися Штефану дьявольскими. Разговаривать с ним она не желала, но отказать Князю или солгать, не посмела.

— Каролла в саду, — ответила она. — На качелях. Но не советую вам тревожить ее, — предупреждающе сказала она, вскинув подбородок. — Теперь у нее есть тот, кто о ней позаботится.

Это был удар в самое сердце. То самое сердце, которое раньше ничего не чувствовало, а сейчас чувствовало слишком много. Именно к тому, что не ждала его прихода, обиженная и уязвленная.

— Я это знаю, — ответил он и клятвенно заверил: — Я уничтожу любого, кто ее обидит.

Рослин осмотрела его с ног до головы и усмехнулась краем губ, горько и не веря ему.

— Хотелось бы верить, господин Кэйвано. А кто защитит ее от вас? — и с этими дерзкими словами, за которые могла и поплатиться, она извинилась и поспешила прочь.

А Штефан остался стоять, глядя на ее удаляющуюся спину и понимая, что она права. Но не попробовать, не попытаться что-то решить... он никогда не отважится именно на это! И решительно направился в сторону сада, где и обнаружил Кару. И замер, замороженный ею. Казалось, ничего особенного в ней было, обычный голубой плащ, шейный платок и шаль, покрывающая голову. На плечи спускаются волнистыми прядями черные волосы, а носочек сапожка едва касается земли. Девушка сидела на качелях, раскачиваясь.

Низко наклоненная голова не позволяла видеть выражение ее лица и любимых глаз цвета листвы. А ему так хотелось заглянуть в их глубину и свежесть! Вновь испытать блаженное чувство возрождения из пепла.

Он ничем не выдал своего присутствия, но она узнала о том, что больше не одна. Даже больше — Штефан был уверен, что она узнала, что к ней подкрался именно он. Как хищник, как зверь, как убийца... Ее чувств к нему. Резко подняв голову, не распрямляя плеч, посмотрела на него. В глазах появилось что-то, огонек, искра, а потом потух... Губы сжались, она сглотнула и выпрямилась, взглянув на него с интересом.

— Кара, — проговорил он, подойдя ближе. Голос срывается отчего-то, а шаги становятся нетвердыми.

Она вздрогнула и напряглась. Не желает, чтобы он подходит ближе? И он в одно мгновение замер, следя за ее реакцией с придыханием и жадной уверенностью в том, что не причинит ей дискомфорта.

— Штефан, — выговорила она сухими губами. — Я не знала, что ты здесь.

— Я уже ухожу, — смог выговорить он, остановившись напротив нее и засунув руки в карманы плаща.

Замолчали, рассматривая друг друга. Ее царапины почти зажили, оставляя на коже лишь небольшие белесые полоски, над бровью почти не виден шрам, смотрит на него без злости и ярости... Простила? О нет, как наивно с его стороны было полагать, что всё так просто! Не простила, конечно же. Не забыла и не приняла, он всего лишь мечтатель. Его девочка... такая сильная в своей минутной слабости перед ним! И он жаждет схватить ее в объятия и зацеловать, но руки приходится сжать в кулаки, чтобы не дать им воли.

Она смотрит на него твердо и без страха, но молчит. Просто рассматривает, с

интересом и... обидой в грустных глазах. И он понимает, что нужно что-то сказать.

— Я... видел пленки с камер наблюдения, — проговорил он и тут же отругал себя за эти слова. Не то, совсем не то ему стоит говорить ей сейчас!

Она нахмурилась и, оттолкнувшись, поднялась с качелей. Он смотрит на нее с испугом. Она уходит?!

— Я рада, что ты выяснил правду, — только лишь и сказала она, отведя взгляд.

— Ты не виновата... — попытался он удержать ее словами. — Я всё видел, ты... не предавала.

— Что ж, — помолчав, выговорила она, так на него и не взглянув, — я это уже говорила тебе. Ты не поверил.

И теперь молчит он, не знает, что сказать. В свое оправдание. Слов нет, все вышли. Так много он желал ей сказать при встрече, а оказалось, что говорить совершенно нечего. Всё неправильно и нелепо. Да и не поверит она, если он скажет. А он и не скажет, просто не сможет пересилить себя и свой внутренний страх быть отвергнутым.

Штефан продолжает молчать, а Кара тем временем, засунув руки в карманы плаща, опустив голову, идет к нему... и мимо него, обдавая его ароматом волос и своим особенным ароматом! Он забывает дышать, ощущая внутри этот запах любимой женщины. И уже не может произнести ни слова, слова застывают где-то в горле. А Кароллы отходит всё дальше и дальше от него. И он с ужасом осознает, что не может ее задержать. Она вдруг останавливается, всё так же низко опустив голову, а потом поворачивается к нему.

— Не приходи больше, — говорит она тихо, но Штефану кажется, что он оглушен. — Оставь прошлое в прошлом. Я больше не твоя... собственность, — и, горько усмехнувшись, пересиливая боль, смотрит ему в глаза, а потом отворачивается, сдерживая слезы, и уходит. Очень спешно, бегом, не оборачиваясь.

А он смотрит ей вслед и не может поверить, что это... конец. Для него конец. Всего, что у него было, но, как оказалось, не было ничего, пока не появилась она. И вот она ушла... Навсегда... Попросила уйти и его тоже. Но разве может он исполнить ее желание? Именно это желание!?

Штефан тяжело дышит, втягивая в себя удушливый воздух ноября, не чувствуя насыщения. Не сдастся! Он никогда не сдастся, не откажется от нее, не уйдет, как она просила. У него еще есть силы бороться с тем, что он сам и выстроил, и он будет бороться!

Любое прощение нужно заслужить. А прощение любящей женщины, любовь которой растоптали, поправ, и предали, — тем более. Штефан знал, что завоевание не будет легким, но отступать не был намерен.

Он — Князь Кэйвано, а она не просто дочка Димитрия, аристократка и голубая кровь. Она — его любовь, прежде всего. И он, обрета, не потеряет ее вновь, как много лет назад. Он выбьется из сил и разобьется в кровь, чтобы она вернулась. И осталась с ним навсегда.

32 глава

Решительный шаг

Три месяца спустя

Это были очень суматошные три месяца. Физически они никак не отразились на Каролле, разве что раны на ее теле полностью исчезли, перестав напоминать о себе, но морально девушка чувствовала, будто заново родилась. Наверное, так и было на самом деле. Ее встреча с отцом, о которой она давно перестала мечтать, считая того погибшим, позволила ей не просто возродиться из пепла, став из никого сразу всем, — любимой дочерью, аристократкой, девушкой, за спиной которой — каменная стена, защитник, отец, но эта встреча позволила ей променять одиночество на семью, — то, что она всегда отчаянно желала получить. Это было чудом. И она вновь стала верить в то, что чудеса существуют, а желания исполняются.

Привыкнуть к тому, что Димитрий Мартэ, властитель Второй параллели, известный предприниматель в том мире, где она провела большую часть сознательной жизни, влиятельный аристократ, входящий в Совет Князей, было не так и сложно. Каролла чувствовала то тепло, нежность, любовь... благоговение, которое он отдавал ей, что не откликнуться на проявление его искренних и бесконечно истинных отеческих чувств к ней было просто невозможно. И она не устояла. Если еще пару месяцев назад всё казалось ей лишь красивой сказкой, которая может вот-вот закончиться, стоит ей распахнуть глаза и проснуться, то теперь она не сомневалась, что сказка превратилась в реальность, став явью. У нее теперь есть отец. Любящий ее и горячо любимый ею. Самый дорогой, самый родной человек в этом мире, да и за его пределами тоже.

Димитрий был терпелив к ней, он уважал ее решение, он не давил и не выпрашивал любви, которую она по началу не могла ему дать, ежеминутно опасаясь подвоха. Он ждал, когда она будет готова. А потом... отвез ее на могилу Милены.

— Она очень любила тебя, — проговорил он, кладя на ухоженную могилку букет гладиолусов, любимых цветов жены. — Говорила, что ты ее маленький бесенок, потому что похожа на меня, — улыбнулся, а в глазах показались слезы, в уголках, почти незаметные, но Каролла их заметила. — Как же она тебя любила!..

Девушка стремительно кинулась к нему, обняв со спины, и порывисто поцеловала в щеку.

— Я тоже любила ее, — проговорила она совсем тихо. — Я не помню этого, — ответила на удивленный взгляд отца, — но я это чувствую. И сейчас люблю ее, люблю еще сильнее, чем раньше, — склонив голову на плечо мужчине, шепотом добавила: — И тебя люблю. Очень. Не отпускай меня...

И Димитрий Мартэ, резко повернувшись, долго и пристально смотрит в зеленые глаза, такие дорогие и любимые, как напоминание о том, что он когда-то потерял и сейчас обрел. Сильно сжимает Кару в своих руках и, целуя в виски, тихо произносит:

— У тебя ее глаза, — а потом добавляет: — Я тебя не отпущу. Я люблю тебя, доченька.

Очень люблю!..

— Я дома, — шепчут ее дрожащие губы, — папа, — закрыв глаза, крепче стискивает его спину. — Я дома!..

И мгновение замирает в этот момент, обреченное дать обретшим друг друга отцу и дочери второй шанс на любовь.

А дальше были почти три месяца счастья. Не безоблачного, подверженного многократным подозрениям, сомнения и опасениям... со стороны Совета Князей, в большей мере. Димитрий Мартэ имел в своих руках власть, был достаточно значимой фигурой за гранью, чтобы упустить из виду тот факт, что его дочь, якобы, нашлась. Кароллу называли кем угодно, но не леди Мартэ. Мошенница, охотница за наследством, плебейка и даже любовница, но не дочь. Слишком неожиданное возвращение, слишком счастливое воссоединение, слишком чудесное воскрешение. Всего было — слишком. А может быть, ее появление просто не было кому-то угодным. Димитрий задавался и этим вопросом тоже, к сожалению и ужасу, находя не одну причину, по которой властителям Второй параллели было не угодно именно это чудо!

Вторая параллель встретила сумасшедшую новость без восторгов и радостных восклицаний, настаивая, что нужны более веские доказательства того, что бывшая рабыня является представительницей древнего дворянского рода. Это было не просто воссоединение семьи и обретение своих корней, это уже было делом государственной важности. Учитывая, кем являлся отец девушки.

— Они не хотят признать, что я твоя дочь, — проговорила Каролла, когда отец получил личное уведомление от главы Совета Лестера Торалсона, — потому, что я была рабыней? Многие видели меня в доме Кэйвано...

— И даже не взглянули в твою сторону, — коротко и мягко перебил ее отец. — Поверь мне, такие люди не обращают внимания на рабов, какой ты тогда была.

— Но ты обратил внимание, — напомнила девушка, легко улыбнувшись.

— Между нами связь, — улыбнулся Димитрий в ответ. — А между ними и тобой — ничего общего.

— Но сейчас они припомнят мне то, что я была рабыней, — с грустью проговорила Каролла, сцепив пальцы.

Димитрий заметил ее волнение и переживание за его судьбу в большей степени, чем за свою.

— Им придется принять, что ты Мартэ, — с уверенностью и любовью заявил он, сжав ее пальцы, чтобы те не дрожали. — И ты докажешь им, что не просто достойна быть представительницей знатного рода, но что ты родилась ею! Ни больше, ни меньше, — и, притянув девушку к себе, поцеловал в макушку. — Им придется сделать это, — прошептал он ей в волосы. — У них просто не останется выбора, — жестко добавил он.

А на следующий день отправился к Лестеру Торалсону для откровенного разговора. Кажется, право на любовь и семью ему вновь придется отстаивать с боем. Но ничего, на этот раз в его руках козыри.

— Ты должен понять, Димитрий, — сказал глава Совета Князей, встретив гостя в зале приемов, — я очень рад за тебя. Я искренне переживал вместе с тобой, когда случилось это несчастье. Я знал Милену лично и встречался с твоей дочкой, — он замолчал на мгновение, а затем добавил мягче, чем собирался изначально: — Но ты должен понимать, что мы не можем верить лишь... какой-то метке. Это недопустимо. Эта девушка... она может оказаться

мошенницей, ты это понимаешь?

— Моя дочь — не мошенница, — сквозь зубы выдохнул Димитрий, заглянув Князю Первого клана в глаза. — Делай, что хочешь, проводи, какие надо, анализы. Я знаю точно, что они подтвердят ее принадлежность к роду Мартэ! Каролла — моя дочь.

— Не заводишь, Димитрий, — попытался успокоить его Лестер. — Я понимаю твоё желание найти свою дочь, но все же давай будем действовать, всё взвесив и рассудив.

— Действуй, — коротко бросил Димитрий. — Я знаю, что есть правда, а что ложь!

Он замолчал и уставился в сторону, не глядя на Князя Первого клана, который тоже молчал.

Это была игра, очень древняя, очень опасная и выматывающая. Это была борьба. Борьба за княжеский трон. Который Димитрию был не нужен. Но если ты являешься претендентом на то, чтобы стать Князем, то невольно оказываешься участником игры-борьбы. Пешкой или Королем — решать только тебе. Пешкой Димитрий Мартэ никогда не был. И не позволит стать пешкой той, что всегда была для него дороже всего на свете. Своей дочери. Он не хотел такого исхода, видит Бог, не хотел, но если они будут настаивать!.. Ему придется защищать то, что он не уберег двадцать три года назад. И в этот раз ошибки он не допустит.

Резко повернувшись к молчавшему Лестеру, Димитрий подошел к нему, остановившись в паре шагов от трона, на котором тот восседал. Гордый Князь вскинул подбородок, а в глазах зажегся огонек интереса.

— Думаешь, я не понимаю, что происходит вокруг меня, Лестер? — с шипением выдал Димитрий, подойдя ближе и наклонившись к Князю, ничуть не боясь того. — Думаешь, я не понимаю твоей озабоченности? Или озабоченности Совета? — глаза сощурились, а губы сжались в тонкую линию. — Моя дочь негодная никому наследница, ведь так? И она первая претендентка на трон Княгини Торалсон, — выговорил он отчетливо и с шипением добавил: — Потому что мы оба с тобой знаем, кем была Милена на самом деле!

Если слова всесильного дворянина и задели его, Лестер не подал виду, что уязвлен.

— Ты ошибаешься, Димитрий, — совершенно спокойно возразил он, не отстранившись и не выдав своего возмущения или неодобрения подобными словами. — Твоя дочь, где бы она ни была, не имеет прав на трон.

— Не имеет, — согласился Мартэ, горько усмехнувшись, — пока она того не захочет. И тебе это прекрасно известно, — его голос сошел до шепота: — Это я отказался от трона Князя в пользу Станислава, и на трон Станевичей Каролла претендовать не может, но Милена отказ не подписывала! — слова ударили Торалсона, будто хлестом. — И ее дочь имеет все права на то, чтобы заполучить твой трон! — глаза Димитрия недобро блеснули, а губы ядовито скривились. — Не особенно радужная перспектива, не так ли? — едко добавил он.

— Ты в чем-то подозреваешь меня, Димитрий? — сощурившись, выговорил Лестер. Оказываться пешкой, загнанным зверем не желает никто, тем более, этого не хочет Князь Первого клана. — Может, еще обвинишь меня в том, что я похитил когда-то твою дочь и убил жену двадцать лет назад?!

Димитрий пронзил его острым взглядом.

— Может быть, — был его лаконичный ответ. — Ведь эту версию почти не проверяли, не так ли?

— Ты играешь с огнем, Димитрий, — покачал головой Лестер, вновь спокойно рассудительный. — Ходишь по натянутому над пропастью канату, зная, что можешь упасть.

Это глупо.

— Глупо было верить тому, что меня и мою семью оставят в покое, — выговорил мужчина сквозь зубы. — Я верил Совету, Лестер, а он предал меня. Не защитил ни Милену ни Каролину! Мою жену убили, а дочь похитили. Я могу сказать, что мне оказали поддержку!?! — брови сдвинулись к переносице. — Значит, я сам буду защищать свою семью. И никому, слышишь меня, — никому! — не позволю причинить ей боль вновь!

Князь приподнялся с кресла правителя и наклонился к Димитрию, тронув того за плечо. Как ни странно, но ему была понятна боль этого сильного мужчины, совсем недавно он сам потерял сына и любимую жену в автокатастрофе. Совершенно нелепая смерть, случайность, неожиданность. Те, кто считает, что Князя всеильны, — ошибаются. Они такие же люди, как и все, и также равны перед смертью. Несчастье в семье Торалсон еще не забылось, хотя прошли долгие четыре года, потому объявление о том, что пропавшая дочь могущественного аристократа Мартэ нашлась, болью отозвалась в сердце Князя, председателя Совета. Его семья к нему не вернется, как бы он не молился об этом ночами. А он и не молился. Потому что не верил.

— Мы узнаем, кто это сделал, Димитрий, — заявил Торалсон, стараясь сгладить обстановку. — И накажем преступника...

Димитрий не отшатнулся, но взгляд, которым он пронзил Лестера, был пропитан ядом.

— А если преступник среди нас? — выговорил он мрачно. — Что, если преступник... ты?

— Ты заходишь слишком далеко, Димитрий! — воскликнул Лестер, явно взбесившись, и отскочил от гостя, нервно дернув головой. — Ты не имеешь права подозревать меня, уже не говоря о том, чтобы дерзить и...

— Я уже никому не могу доверять, — откровенно заявил Мартэ, — даже главе Совета Князей, — заглянув Торалсону в лицо, он сказал: — Слишком многое было потеряно, Лестер, чтобы ошибиться еще раз. Милену уже не вернуть, в отличие от Кароллы, — с горечью добавил он, — а ты хочешь отнять у меня и ее.

— Я даю тебе слово, Димитрий, что мы узнаем, кто это сделал с твоей семьей, — клятвенно заверил он.

— Я не верю словам, Лестер, — отрицательно покачал тот головой. — Сейчас, когда моя дочь нашлась, я сделаю всё, чтобы не потерять ее вновь. Чтобы защитить ее. От любого, кто только попыбует сказать, что она не моя, или навредить ей, — холодный взгляд пронзил Князя до сердцевины. — Не стой у меня на пути, — и, считая, что аудиенция окончена, двинулся к выходу из зала приемов.

— Мы проведем ДНК-экспертизу, — ударил ему в спину холодный голос Князя.

— И она лишь подтвердит твои опасения, — отозвался Димитрий, обернувшись к тому полубоком. — Но не беспокойся, Каролле не нужен твой трон. Она напишет отказ, как только подтвердится ее принадлежность к Мартэ. Но это, — заявил он, — ничего не меняет. Я узнаю правду, и тогда преступника ничто не спасет.

С этими словами Димитрий вышел из зала с гордо выпрямленной спиной, уверенный в том, что если его заставят играть в эту игру, он не проиграет. А вслед ему глядели, сощурившись, холодные глаза Князя.

ДНК-экспертиза, проведенная через несколько дней после состоявшегося разговора с Торалсоном, как и предполагал Димитрий, подтвердила, что Каролла его дочь и единственная наследница рода Мартэ.

Это сообщение вновь всколыхнуло Вторую параллель. Кто-то продолжал не верить этому, кто-то даже беззастенчиво уверял, что результаты экспертизы были подменены, но Совет Князей не смог игнорировать столь веские доказательства принадлежности Кароллы к роду Мартэ, а потому, после экстренного сбора в Будапеште, на котором решался столь щепетильный вопрос дня, было решено признать девушку истинной Мартэ и наследницей Димитрия. Так на свет официально вернулась Каролина Мартэ, провозглашенная на Совете, по личной просьбе Димитрия, Кароллой.

Страсти закипели над домом аристократа. Князя и высшее дворянство, исключая, мелких помещиков, повалили в родовой особняк Мартэ, дабы выказать уважение и почтение и уверить новоиспеченную леди Мартэ в своей искренне радости за нее. Она принимала всех с улыбкой, как того и требовали правила, но в глазах наиболее внимательные могли отметить огонек подозрения. Сдержанная и даже немного чопорная, она являла собой истинный образец женственности и хладнокровности, которыми тоже должна обладать родовитая дворянка.

— Все они будут ползать перед тобой на коленях, — предупреждал отец, — чтобы только сыскать выгоду.

— Это слишком непривычно для меня, — отвечала девушка, смеясь, — а потому совершенно бесценно.

— А вот это ответ аристократки, — улыбнулся Димитрий, уверенный, что дочь не совершит ошибки.

Неофициальный визит в дом Мартэ нанес и Лестер Торалсон. Заявив свое почтение Каролле и отметив, что та очень похожа на свою мать, он обратился к ее отцу.

— Димитрий, — заявил Лестер, — я думаю, нам не стоит воевать. Если мы объединим наши силы, то быстрее найдем и накажем преступников. Я переговорил с Князьями, — добавил он, — все они готовы действовать.

— Благодарю за оказанную нам с дочерью честь, — ответил Мартэ, про себя насторожившись.

— А что, Каролла, — обратился Лестер к девушке с улыбкой, — правда ли, что мы уже встречались? В доме Князя Кэйвано, вы, кажется, были там в услужении?..

Каролла вздрогнув, бросила быстрый взгляд на отца, а тот, нахмурившись, сдержанно взирал на Князя.

Напряжение, повисшее в воздухе, начинало жечь кожу.

— Знаете, господин Торалсон, — тихо проговорила девушка, вскинув подбородок, — а я и не знала, что вы обращаете внимание на тех, кто находится в услужении. Это, — она запнулась, — весьма похвально. Правда, папа?

— Думаю, что похвально, — задумчиво ответил Димитрий, — если в этом внимании нет злого умысла.

Слишком прозрачный намек, чтобы его не заметить. Лестер Торалсон предпочел лишь рассмеяться, а Каролла и Димитрий вторили ему. Только никто из них так искренне и не улыбнулся.

Карточки и поздравления шли в особняк Мартэ со всех уголков Второй параллели и за ее пределами, от знакомых и партнеров Димитрия в бизнесе. Все они уверяли, как рады, неописуемо счастливы, что его дочь нашлась. Поздравление от себя лично и от всей семьи прислал так же Натан Бодлер. А Каролла попросила отца не давать положительный ответ на личный визит его семьи, потому что понимала, что еще не готова встретиться с леди Бодлер

лицом к лицу в своем новом качестве. На равных с ней, а не в качестве рабыни.

Все с нетерпением ждали официального представления Кароллы Мартэ высшему свету. Заголовки газет пестрели статьями о фантастической и невероятной истории Золушки из Праги. Девушке, еще недавно работавшей санитаркой в больнице, внезапно исчезнувшей и столь неожиданно найденной. Ей завидовали, ее удаче радовались, втайне надеясь на подобное чудо для себя, ее желали увидеть. Но никому не удавалось сделать этого до момента, пока на официальном благотворительном вечере, который проходил каждый год в начале марта, она не будет представлена высшему свету.

О ней ходили легенды, ее образ, случайно выхваченный удачливым фотографом, заполнил журнальные киоски и первые полосы газет. Каролла Мартэ, дочь известного промышленника и аристократа Дмитрия Мартэ, обрела лицо. И с нетерпением от ожидания личного представления.

А сама Каролла, привыкая к новой роли аристократки, каждый день получала, кроме поздравлений и газет, пестревших статьями о себе, огромные букеты цветов. Каждое утро, точно по расписанию, от одного и того же человека. Прекрасно осознающего, что подобный знак внимания ничего для него не решит и решить не может, но по-прежнему усердно присылающего корзины цветов по известному адресу.

Не сдавшийся борец, упрямец и сдержанный в словах мужчина, всё еще верящий во что-то. Наверное, в то же, во что, сама того не подозревая, верила и та, которой эти цветы предназначались. В прощение и исцеление. Любовью... Единственным, что осталось у них общего на двоих.

Когда я вошла в комнату, первое, что отметила, это удивительный запах цветов. Он коснулся моего носа и, изящно скользнув внутрь, кажется, зацепился за сердце, потому что то стало вдруг очень сильно биться в груди. Опять цветы. Опять от него. Знак внимания. Или выражение собственного упрямства? Сомневаюсь, что Князь Кэйвано делает что-то просто так, но сейчас... искренне не понимала, зачем ему всё это нужно.

Я подошла к отцу и, наклонившись, поцеловала его в щеку. Совсем недавний ритуал, который я считала не только данью уважения, признанием любви, но также доказательством того, что я теперь не одна в этом мире. Прежде всего, для себя самой. Скользнуть поцелуем по щетинистой щеке и ощутить аромат родного, отцовского парфюма. Странно, но мои обонятельные рефлексы помнили то, что забыла память. Касаясь вот так его щеки и вдыхая запах сигаретного дыма, смешанного с дорогой туалетной водой, я возвращалась в детство. А за эти воспоминания я готова была отдать очень многое.

— Доброе утро, — выдохнула я и отошла от кресла, в котором отец читал газету, не обращая внимания на то, что комната заставлена цветами. Точнее, делая вид, что не замечаю этого.

— Доброе утро, милая, — проговорил Дмитрий, приподнимая очки с носа. — Ты была в городе?

— Натали просила приехать, чтобы примерить платье для вечера, — задумчиво проронила я. — Она говорит, это будет настоящий фурор. Точнее, мое появление на публике вызовет настоящий фурор, — я взглянула на отца. — Ты тоже так считаешь?

Его губ коснулась улыбка.

— Не может быть иначе, — вокруг его глаз залегли морщинки. — Моя принцесса станет королевой вечера.

Я промолчала, отвернувшись к окну. Я не боялась этого вечера. Да, было волнительно и тревожно, но я не боялась. Как ни крути, я была дебютанткой и главной... достопримечательностью данного собрания, и я была уверена, что внимание прессы, равно как и внимание всех приглашенных на вечер гостей, будет даже против воли приковано к моей скромной персоне. Потому что моя скромная персона три месяца назад перестала таковой являться. Из рабыни превратившись в госпожу. Но у меня не тряслись в предвкушении руки, не подгибались ноги, сердце не стучало громче, чем обычно. Может, со мной что-то не так? Ведь, по логике вещей, я должна была нервничать и переживать! Но мне было все равно, что подумают обо мне все эти люди. Я обрела отца, вот единственное, что меня волновало. Только ради него я согласилась на это представление обществу. Только потому, что я обрела не просто отца, но — дворянина во Второй параллели.

Я могла предположить, что будут говорить мне в лицо те, кому я буду в субботу представлена. Не то, что скажут они друг другу за моей спиной. Лстить, фальшиво улыбаться, заискивать перед сильными мира сего и откровенно лгать, зная, что собеседник делает то же самое, — это игра. И если я хотела сыграть в ней хотя бы партию, я должна была готовиться к последствиям. Все они будут спрашивать, интересоваться, как я жила до возвращения домой, кем я была... Всем за гранью уже прекрасно известно, что я была рабыней, но все равно они акцентируют на этом внимание, так же, как это сделал в свой визит Лестер Торалсон.

Я услышала, как зашуршали листы газеты, которую читал отец, и повернулась к нему с вопросом на лице. Дмитрий взглянул на меня из-под сведенных бровей, в глазах его читался легкий укор.

— Снова цветы, — выдохнул он, окинув комнату беглым взглядом. — Сегодня еще больше, чем прежде, — а потом вдруг: — Может, уже ответишь ему что-нибудь? Иначе наш садовник почувствует свою ущербность.

Я улыбнулась, подходя к углу комнаты, заставленной корзинками и вазами с цветами. Здесь было всё. Розы, тюльпаны, орхидеи, нарциссы, даже ромнии! И визитка, очередная, которую я не собиралась читать.

— Я прикажу отправить всё в больницы, — задумчиво проговорила я, взяв в руки визитку, и не раскрыв ее. Я ни одной не раскрыла, они все были запечатанными и хранились в моей комнате. — Когда я работала санитаркой, — проговорила я, — женщинам было приятно, что родственники присылали им цветы.

— А себе оставишь что-нибудь? — осмотрел Дмитрий комнату, вздернув брови. — Он не поспешил.

— Он любит крайности, — бросила я, сжимая визитку в ладони. — Или ни одного цветочка, или сразу весь цветочный магазин!

— Таков Штефан, — развел руками Мартэ и добавил, сменив тему: — Ты готова к вечеру, милая?

— Не знаю, — честно выговорила я, не глядя на отца. — Не могу сказать...

Хотелось бы ответить утвердительно, но я знала, что это не совсем не так. И причину этого, как я ни старалась скрыть ее от самой себя, в тот же миг озвучил отец, подойдя ко мне и ласково тронув за плечо.

— Ты знаешь, — проговорил он очень тихо, — что он до сих пор не ответил, придет или нет.

— Это его дело, — поджала я губы, ответив столь быстро, сколь и подозрительно. — Не

придет, значит, не придет. Ему не хочется признавать, что я отныне не рабыня и его приказам больше подчиняться не буду.

— Вообще-то, он первым признал перед Советом, что ты моя дочь и принадлежишь к роду Мартэ, — мягко возразил мужчина, легко поворачивая меня к себе лицом. — А затем уже все остальные.

Я знала об этом, отец мне говорил, но опять не смогла ответить себя на вопрос — зачем? Зачем он сделал это? Какие у него цели, чего он добивается?! И ответа на этот вопрос я не находила, а потому нервничала.

— Ничего иного им не оставалось, — фыркнула я, нахмурившись, — после ДНК-экспертизы!

— Экспертиза еще не была проведена, когда Штефан признал тебя Мартэ, — произнес отец.

Согласиться с его доводами, означало, признать, что Штефан Кэйвано желал мне... добра. А разве это так, после того, что он сделал мне!?

— Он ничем не рисковал! — уверенно заявила я, отходя от Димитрия. — И к тому же, ты его друг. Он...

— Он мой друг, но причинил боль моей дочери, — перебил меня отец. — За один только тот поступок я готов отказаться от нашей с ним дружбы, — голос его был настолько тверд и решителен, что я взглянула на него с удивлением. — Но даже я понимаю, что иногда стоит ценить человека по его поступкам, — мягко добавил он. — Ты разве еще этого не поняла, дорогая?

Из груди будто вырвали воздух, а перед глазами заплескали темные пятна. Опять воспоминания!..

— Я поняла это лучше, чем кто бы то ни было, папа, — опустил глаза, пробормотала я.

В памяти всплыли, пусть и не яркими картинками, а серыми точками, те воспоминания из недавнего прошлого, которые не могли забыться вот уже три месяца. Они стали менее отчетливыми, превратившись в блеклые серые тени, лишённые яркостей и ощущений, но я все равно... помнила. Холодный мрачный зал давит на меня своей заплесневелой мрачностью. А я лежу на полу... мокро от собственной крови. А он... мой палач. Он уходит. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Только боль в глазах и выпрямленная спина — как ее неопровержимое свидетельство. Ему тоже больно... почему-то, я осознаю это со всей ясностью лишь спустя долгие месяцы.

А отец подходит ко мне и продолжает говорить.

— Каково это — признать, что рабыня, какая-то девчонка... его рабыня, которую он стремится заполучить назад, на самом деле происходит из дворянского рода!? — его слова начинают оседать в моем сердце. — Он прекрасно понимает, что, признав тебя Мартэ, теряет даже малейшую возможность, чтобы вернуть тебя в свой дом. По большому счету, все его шансы сравниваются с нулем. Но он признает тебя, не раздумывая.

Сглотнуть острый комок в горле оказывается не так легко.

— Это он тебе сказал? — проговорила я, задумчиво глядя в глаза в отца.

— Думаешь, он признался бы в этом кому-то? — улыбнулся Димитрий уголками губ. — Ты его так плохо знаешь?

В том-то всё и дело, что мне иногда казалось, что я знаю его даже слишком хорошо. Иначе, как бы я тогда приняла его насильственные действия по отношению ко мне?! Боль не улеглась и не забылась, просто раны затянулись. Не зажили и не забылись, но затянулись. И

спустя время я невольно поняла, что ему тоже было больно. Да, если он мог испытывать боль, он ее чувствовал. Он думал, что я изменила ему с Вийаром. Он полагал, что я обманула его, предав его и себя. Изменив не только ему, но и своему слову. Он не верил мне достаточно для того, чтобы не сомневаться в моей безвинности. Он был слишком Князь, чтобы поверить рабыне. И он поверил своим глазам. И я, к своему ужасу и стыду, не могла его винить за это. Таков Штефан. И такова я. Даже зная, что он — прав, понять могу, но принять и простить... Сложно. Очень сложно. Раньше было — невозможно, а теперь... Как едва заметна, оказывается, грань между возможным и невозможным. Она призрачна, почти нереальна... Как и тот мир, в котором я теперь жила.

И в этом мире я не рабыня. Более того, я — дворянка! Это было настолько непривычно, что приходилось постоянно напоминать себе о том, кем я теперь являюсь, и Штефану Кэйвано придется со мной считаться!

Я надеялась найти родителей, об этом мечтает каждый ребенок из детского дома, но, когда воспитатели заявили, что мои родители погибли, я... смирилась. И продолжила жить дальше. А сейчас оказалось, что у меня есть отец. И не просто отец... дворянин, представитель знати Второй параллели, отказавшийся от трона Князь! От этого просто так не отвернуться. Это — право рождения, это печать и метка. Навсегда.

— Ты защищаешь его? — заглянув отцу в лицо, прямо спросила я.

— Нет! — резко ответил он. — Он совершил преступление в отношении тебя, и этого мне не простить, — глаза его блеснули, а губы сжались в линию. — Но я хочу, чтобы ты... избавилась от дурных воспоминаний.

— Как?

— Посмотрев своему страху в лицо, моя милая, — тихо проговорил отец и, наклонившись, прижал меня к себе. — Только так можно избавиться от дурных снов, — поцеловав меня в макушку, провел пальцем по щеке.

Прижавшись к отцу плотнее, я не стала говорить ему о том, что мне перестали сниться кошмары. С того самого дня, как я видела Штефана Кэйвано в последний раз.

Он пришел ко мне тогда... зачем? Я не понимала, но хотела понять. Он был странным, выглядел странно. Мне даже вначале показалось, что это не тот Штефан Кэйвано, которого я знала. Уверенный, решительный, жесткий и хладнокровный Штефан Кэйвано, которого я полюбила. Говорил он тоже странно, и смотрел на меня странно, и шел... тоже странно. Я никогда его таким не видела. Он будто весь превратился в чувство. Только я никак не могла определить, какое. Что он хочет мне сказать? Зачем пришел? Купить меня... у отца?! Определенно, папа сообщил ему, что я теперь не продаюсь. И как он воспринял эту новость? Он ни слова не сказал о том, кем я теперь являюсь. Зато сказал, что просмотрел пленки с камер слежения и... как он сказал?... знает теперь, что я не виновата и его не предавала. И мне стало вдруг так больно, обидно... до боли в глубине души. Мне он не поверил, а вот камерам слежения!..

И что самое страшное во всем этом, так это то, что я его понимала. Он не мог не проверить. Что-то в нем осталось неизменным. Это же Штефан Кэйвано, он должен был узнать правду, разобраться во всем, найти ответы на все вопросы. Только зачем... говорить всё это мне? Какие у него цели? И что он хотел тогда от меня услышать? Что я могла ему сказать, кроме того, чтобы попросить его не приходить больше? Неправильно всё это было, запретно... Да и кончено всё, будто ничего и не было. А неужели что-то... было? Я была рабыней, а он был господином... мало ли таких историй!? Только вот теперь я не рабыня! Я

равная ему по положению и статусу, меня нельзя купить и принудить к чему-то, мне нельзя приказать, меня нельзя просто так обвинить в чем-то. Я просила его уйти. Да, я желала этого больше всего, чтобы он оставил меня в покое, не приходил, не терзал сердце воспоминаниями, не напоминал о том, что следовало забыть.

Так почему же стало так невыносимо больно, когда я произнесла эти слова? И потом, когда убежала? И когда, сжавшись в комочек на кровати, плакала в подушку? Наверное, именно это называется слабостью. Я не позволяла себе быть слабой, а теперь... из-за него... Любовь делает человека заложником себя.

И что значат все эти цветы? Подарки и знаки внимания?.. Что они значат для него, и что, по его мнению, должны значить для меня? Чего он добивается? Прощения? Как легкомысленно! Неужели надеется найти мое прощение во всех этих... нелепостях? И зачем ему мое прощение? Что он будет делать с ним?..

Как бы мне хотелось, закрыв глаза, сказать, что я не люблю этого монстра, что готова, способна жить без него!.. Как бы мне хотелось выкрикнуть ему в лицо... тогда, когда мы видели с ним в последний раз, что я его ненавижу, не попросить, а приказать ему не приходить! Заявить прямо в лицо, как противно мне его видеть! Но, наверное, я слишком слабая... я не могла сделать этого. Как не могла вырвать любовь из своего сердца! Сущий дьявол проник внутрь меня, под кожу, в кровь, в сердцевину моего слабого безвольного тела, которое без него умирало мучительнее, чем рядом с ним.

Любить — это больно. Я раньше не понимала смысл этого выражения, а теперь вдруг стала наглядным свидетельством того, что такое боль в любви. Особенно, когда с сожалением понимаешь, что твоя любовь — это игра в одни ворота.

Или еще есть шанс на... что-то? После того, что перенесла по его вине!? Обещала себе ненавидеть, стать презрением и превратиться в равнодушие, а вместо этого... все еще надеешься на что-то?

Каким глупым порой может быть женское сердце!

Вопреки собственным заверениям, когда наступил день вечера, я очень нервничала. Осматривая себя в высоком резном зеркале, я в сотый раз убедилась в том, что выгляжу превосходно. Это подтверждали и восхищенные взгляды Рослин и других слуг, видевших меня, и восторженный отцовский взгляд. Темно-синее платье, доходившее до пят, подчеркивало бледную матовость кожи, а черные волосы, заплетенные в незатейливую восьмипрядную косу, спускались по спине до талии. Лицо слегка тронуто косметикой, но не казавшееся бледным и невыразительным, а скорее, наоборот, и на нем сверкали изумрудами большие глаза.

— Не волнуйся, моя милая, — подхватив меня под локоть и поведя к выходу, проговорил отец, — все будут от тебя в восторге, даже не сомневайся, — поцеловав меня в щеку, он гордо добавил: — Моя красавица!

Я улыбнулась ему широко и лучезарно, стараясь не показать, что руки слегка подрагивают. И вовсе я не боялась прессы, не журналистов и вопросов с подковыркой, лживых улыбок, нацепленных на уста, сердце трепетало в груди по иной причине, банальной, нелепой, совершенно неожиданной. Я боялась увидеть там его. И как бы ни храбрилась перед отцом, не могла заставить сердце стучать медленнее, перестать биться пульс в запястьях, или вынудить кровь бежать по венам чуть тише. Всё внутри меня дрожало от одной лишь мысли, что здесь, на этом вечере, мы с ним будем находиться в одном

качестве — почетных гостей. Равных друг другу, как по статусу, так и по положению. Могла ли я когда-нибудь подумать о таком? Надеялась ли?

Все эти мысли — мысли о моем дьяволе — не давали мне покоя весь путь, что мы проделали от дома до дворца приемов. Отец меня подбадривал, успокаивая, держал за руку и улыбался. А я думала о нем.

Он так и не ответил точно, придет ли на вечер, который, как мне стало известно, ни разу не пропускал. Неужели изменит своим принципам... из-за меня? Слишком самонадеянно, усмехнувшись, успела подумать я, перед тем как улыбнувшийся нам дворецкий открыл перед нами двери, ведущие в большой зал.

Я напряглась, будто готовая к прыжку кошка, а отец нежно погладив меня по щеке, улыбнулся.

— Всё будет хорошо, — уверенно сказал он. — Теперь всё будет хорошо, моя девочка.

— Лорд Димитрий Мартэ с дочерью, леди Кароллой Мартэ, — провозгласил мужской голос, и нам с отцом ничего иного не оставалось, как только с гордо поднятыми головами подтвердить звание лорда и леди.

Мое появление во дворце приемом вызвало настоящий ажиотаж. Я подозревала, что желание гостей увидеть меня велико, но не могла полагать, насколько. Создалось ощущение, что я попала в муравейник, из которого мне теперь не позволят вырваться. Ко мне подходили всё новые и новые люди, лица которых я почти не видела, с таким постоянством они сменялись между собой. Женщины, молодые девушки, глядя на меня, улыбались, делая комплименты внешности и интересуясь, где я нашла такое великолепное платье. Я учтиво им отвечала, снабжая улыбками, хотя понимала, что их овации и заинтересованность продиктована только желанием увидеть меня, как некую «достопримечательность», которую все хвалили. Мужчины же, знакомясь со мной, могли лишь улыбаться, разглядывая меня и так, и эдак.

Я увидела здесь и Кассандру Мальво. Она была великолепна, хоть и держалась, подстать Королеве, чуть холодно и отстраненно. Зато, увидев меня, улыбнулась и искренне порадовалась тому, что я теперь одна из них. Только ее присутствие на этом празднестве меня и спасло. Потому что... его здесь не было. Он все-таки не пришел. Я это точно знала, потому что чувствовала его отсутствие. И легкое разочарование оттого, что я не увижу... Одернула себя столь же быстро, как скоро зародилась во мне предательская мысль.

Нет его, и ладно. Не посчитал нужным прийти, отказался, дела?.. Кто знает? Не желает признавать перед обществом, что я... такая же аристократка, как и он. Как они все. Обидно? Да. Больно? Да. Но гораздо больнее оттого, что, понимая, что должна радоваться его отсутствию, осознаю, что умираю здесь без него!

Зато Карим Вийар был на вечере. Подошел ко мне и представился, будто мне требовалось это! Хотелось развернуться и уйти, вlepить пощечину или заорать на него, но я сдержалась. Беседовали с ним мало, сухо и коротко, не о чем. Ни слова о том, что произошло, будто наложенное табу. Смотрел он на меня с блеском в глазах, но в черных омутах мелькнуло так же одобрение и восхищение, я это отметила. Я выдержала его присутствие рядом с собой, выдержала даже его поцелуй в руку, а потом и пристальный взгляд в глаза.

— Я понимаю теперь, почему Штефан потерял голову, — сказал он, улыбнувшись. Ничуть не изменился!

Я не успела спросить, что он имел в виду, Вийар исчез так же быстро, как и появился. И

сколько я не пыталась высмотреть его в толпе, чтобы получить ответ хотя бы на этот вопрос, не смогла.

А меня тем временем приглашали танцевать. Я уже сбилась со счета, сколько раз отказывала кавалерам, бродившим около меня, а они настойчивее меня обхаживали, будто желая сломить мое сопротивление.

А потом отец познакомил меня с этим человеком.

— Дорогая, хочу представить тебе, — проговорил отец, тронув меня за локоть, — Марк Дацлав, мой давний партнер. А это, — с гордостью сказал отец, и мне почему-то стало не по себе, — моя дочка, Каролла.

Я взглянула на высокого мужчину, стоящего рядом с отцом, и застыла. Первое, что отметила, — его глаза, они показались мне знакомыми, темно-синие, с четким контуром радужки. И его лицо, волевое, с носом с горбинкой, квадратным подбородком и жесткой линией губ. Темные, почти черные волосы, стриженные по последней моде, стальной огонек в глазах и... эта полуухмылка, полусарказм, застывший на губах.

— А чем вы занимаетесь, господин Дацлав? — проговорила я, ощущая, как участилось сердцебиение.

Отец с удивлением взглянул на меня, вскинув брови, а вот господин Дацлав, кажется, не был удивлен.

— Скажем так, — улыбнулся мужчина одними губами, — я торговец, леди Мартэ. Предприниматель.

Я нервно вздрогнула. Но не оттого, что он назвал меня столь почтительно, хотя раньше меня коробило подобное обращение, а оттого, что ответил, кем он работает. И я вспомнила, где видела его. Как вспышка в сознании, яркая, почти ослепляющая. Это был он! И я вновь оказалась стоящей в центре Арены Верхнего Рынка, на обозрение публики, испуганная, зажатая, полностью обнаженная. Проданная, как игрушка!..

Сердце сильно забилося в груди, я облизала пересохшие в миг губы.

— А чем вы... торгуете? — проговорила я, побледнев, но стараясь не выдать себя.

Его взгляд пронзил меня до основания, глаза впились в лицо, будто пытаюсь узнать, а губы иронично дрогнули. Он понял, осознала я с ужасом и волнением. Он понял, что я всё знаю и помню!

— Вам кажется, — проговорил он, сощурившись, — что мы встречались?

Прямолинейно, ничего не скажешь. Но как заявить, не оскорбив, что рада была бы, не будь этой встречи.

— Да, у меня есть такое предположение, — вскинула я подбородок. Я даже уверена в этом, хотелось крикнуть мне, но слова не сорвались с языка, они застыли в глубине глаз, и Дацлав их прочел там.

— Возможно, вы ошибаетесь? — усмехнулся он, но глаза его оставались холодными.

— Мне бы этого хотелось, господин Дацлав...

— Прошу вас, — Марк, — мягко перебил он меня, увлекая в магнетический соблазн своих глаз.

— Марк, — покорно повторила я, — но, боюсь, что не ошибаюсь.

Он с пониманием кивнул. Долго и пристально рассматривал меня, будто о чем-то задумавшись, а потом склонил голову набок и легко улыбнулся. Но в глазах его читалась настороженность.

— Тогда, наверное, мне нужно извиниться перед вами, — сказал он.

— Не стоит, — покачал я головой. — Это ваша работа... Марк.

Кажется, он не желал подобной поблажки от меня, именно поэтому глаза его превратились в льдинки? Не желает подобной уступки? Не желает быть... понятым и разгаданным?

— Я рад, что мы достигли взаимопонимания, — проговорил он учтиво и сдержанно.

— Прощай своих врагов, но не забывай их имен, господин Дацлав, — улыбнувшись, процитировала я. — Не так ли?

Губы его дрогнули, а глаза вспыхнули. Мгновение длилось его хладнокровное удивление, я засекла.

— Думаю, Димитрий, — обратился к отцу, — что если ты научишь свою очаровательную и, не сомневаюсь, — посмотрел на меня с усмешкой, — умную дочь предпринимательскому мастерству, она сделает отличную карьеру. Я с удовольствием стану ее партнером, — с двойным смыслом проговорил мужчина, заглянув мне в глаза, и меня обдало жаром. — Но, конечно же, не сейчас, — улыбка его стала почти искренней, — прошу меня простить, мне нужно идти, торговля... — еще один взгляд на меня, — не стоит на месте, — отклонялся он и, наклонившись, поцеловал мою руку. — Но я не прощаюсь, леди Мартэ.

— Прошу вас, — Каролла, — вернула я ему его слова, и он улыбнулся. Коснувшись губами моей руки, ушел.

Отец уставился на меня с удивлением.

— Ты его знаешь?

— Видела всего раз, — ответила я уклончиво. — Я знаю, чем он занимается. На самом деле, — добавила я.

Отец изумленно взглянул на меня, глаза широко раскрыты, а губы приоткрыты

— Так ты его там видела? Прости, я не думал... Я не подумал, что он может... Я должен был предвидеть!.. — сокрушался отец, и я мне пришлось тронуть его за плечо, чтобы успокоить.

— Ничего страшного, — проговорила я очень тихо. — Прошное нужно забывать, разве нет? — и, улыбнувшись, поцеловала его в щеку. — У меня теперь есть ты.

Да, прошное нужно забывать... Вот только что делать, если прошное не отпускает и не позволяет себя забыть? А помнить — тоже больно. Но еще больнее, — если не помнить. Его в моем прошлом.

И откуда это давящее чувство в затылке, колется, жжется, будто...

Я резко обернулась, проверяя свои догадки и подозрения, но лишь тяжело и разочарованно вздохнула, осознав, что никто на меня не смотрит. Кроме, сотни гостей, что собрались на вечере, конечно. Но не их я пыталась выхватить глазами из толпы, а его... Ладони задрожали и вспотели, а сердце забилось чаще. Что это? Он! Всматриваться в зал не стала, боясь показаться нелепой. Да и кажется мне, перенервничала! Черт, только о нем и думаю, а он... даже не появился на вечере!

Опять отругала себя и, придерживая отца за локоть, поприветствовала подошедшего к нам молодого человека. Улыбнулась ему, протянула руку для поцелуя, ответила благодарностью на его комплимент...

Но давящее чувство в затылке так и не прошло, обжигая меня еще сильнее.

Он наблюдал за ней из своего угла и скрежетал зубами от злости. Какого черта к ней

подходят все эти мужчины? И Дацлав здесь! Только его и не хватало. Карим приперся, а уж его-то Штефану хватало с лихвой! Последняя их встреча в его доме, помнится, чем закончилась, а после того случая, Штефан не брал на риск встречаться с ним. Потому что мог бы не сдержаться и придушить мерзавца! И тут он пришел, да еще и к Каре подходит, руку ей целует, улыбается... Нарывается. Однозначно, нарывается!

Штефан едва сдерживал себя, чтобы не кинуться к нему и не оттащить от девушки силой. Но сдержался. Чудом. И то лишь потому, что Вийар около Кары надолго не задержался. Очевидно, с опозданием, но все же понял, что не ждать ему там теплого приветствия.

А ему, Штефану, ждать стоит?..

Он, конечно же, давно для себя решил, что ни за что не пропустит этот прием, — как можно? Но о своем решении семью Мартэ так и не известил. Ему было интересно и... нервно наблюдать за ней. Как она себя ведет, как держится, как себя представляет перед гостями, которые ее пока ни в грош не ставят. Но она, его девочка, не дала себя в обиду! Она не подвела ни себя, ни его... ни его выбор.

Но интересовало его другое. И, вглядываясь из своего угла в тонкий силуэт, пытался разглядеть и черты лица, и блеск глаз, что, конечно, было невозможно, так как стоял он далеко, но руки так и чесались, взяв ее за подбородок, повернуть к себе, вглядываясь в лицо, а ноги, не слушаясь, несли его к ней. Но он скрестил руки на груди и, сощурившись, продолжал смотреть на нее. На то, как хмурится, как улыбается, смотрит на Димитрия... своего отца. Он ловил каждый ее взгляд, каждый вздох и движение, жадно пробегая глазами по миниатюрной фигурке, скрытой за синим платьем. Шикарные черные волосы, заплетенные в длинную косу, нежные руки с тонкими запястьями, большие глаза цвета листвы... Он пожирал ее глазами и лишь надеялся, что она не чувствует его взгляда.

Она обернулась в его сторону, и он стремительно скрылся за колонной. А потом вновь посмотрел на нее.

Такая красивая, такая желанная, такая... сдержанно прекрасная. Его женщина!

Интересно, она ждала его? Надеялась, что он придет? Хотя бы вспоминала о нем?.. Скучала... хотя бы немного, совсем чуть-чуть? В те мучительные дни, часы и минуты, — мгновения! — когда он сходил с ума оттого, что ее не было рядом!?

Стиснув зубы, холодный, раздраженный и гневный взгляд серо-голубых глаз остановился на еще одном самоубийце, подошедшем к ней и расточавшем девушке комплименты. Захотелось придушить гада!

А он расточал ей комплименты, так, будто имел на то право! Как она замечательно выглядит, какая она красавица, как он рад, что удостоен чести быть представленным ей... А у Штефана зачесались руки, чтобы врезать по смазливой физиономии этого шута горохового, чтобы избавиться хоть на несколько минут от всепоглощающей ревности, что уже давно бушевала внутри него лютым пламенем.

Это для него она такая замечательная, для него она красавица, даже больше, — она его красавица. Только его и ничья больше! Так когда же, черт возьми, все поймут это! Что ему нужно сделать, чтобы все поняли?!

Сжав руки в кулаки и нахмурившись, Штефан с яростью наблюдал, как Кара... а точнее, леди Каролла Мартэ с учтивостью, поистине достойной дамы ее положения, отказывает смазливому хлыщу полуулыбкой и лаской фраз. Не хочет танцевать. Ну, конечно, она не хочет танцевать! С кем!? С этим денди, которые стелется перед ней? Или с Дацлавом? Ну, и

не с Вийаром же!? Вообще ни с кем, кроме него!

Отчаянное желание подойти к ней, чтобы просто постоять рядом хоть несколько мгновений, стало почти непереносимым, и Штефан едва сдерживался, борясь с собой, чтобы не кинуться к ней. С того дня, как они поговорили в саду Мартэ, они больше не виделись. То есть, они виделись. А точнее, это он видел ее. Наблюдал за ней, прячась за кустами орешника, как и прежде. Только вот она даже и не подозревала о том, что он следит за ней. Хотя... каждую ночь подходила к окну своей комнаты и несколько минут стояла, глядя в сад и за ограду, будто... чувствуя, что он рядом. Сердце его в эти секунды отбивало бешеный ритм, в пульс зашкаливал. Сигарета, как всегда, начинала жечь пальцы, сжимавшие ее, но его это, как всегда, не волновало. Он смотрел на нее и не мог отвести глаз. Такая красивая, такая нежная, такая стойкая... Такая его. Истинная аристократка!

И это сразу отрезвляло. Она дочь дворянина. И мечтать о ней, как о своей любовнице, не стоило. Хотя он уже давно о ней в таком звании и не мечтал. Она — дочь не просто аристократа, она единственная дочка — Дмитрия Мартэ. А это еще хуже. Это обстоятельство будто в один миг откинуло их на разные берега вдоль одной реки. И ему не дотянуться до нее.

До тех пор не дотянуться, пока она не протянет к нему руки сама. Пока не простит его.

Он не заслужил ее прощение, и понимал, что теми цветочками, что присылал ей каждый день, или подарками, в общем-то, бестолковыми, прощения уж точно не выпросить. Но что ему еще оставалось? Она не соглашалась на встречу, отказывалась даже видеться с ним, не встречала его, как положено госпоже, как встречала всех гостей, что приезжали в дом Мартэ с визитом. Она избегала его... Если бы только он верил в это. Она просто не желала его видеть, вот и всё, горькая правда. А он не сдавался. Хорош бы он был, если бы сдался! Теперь, когда понял, кого обрел в ее лице! Равную себе. Уже тогда... когда она еще была рабыней... она ею уже не была.

Разве можно ее было купить? Ее чувства разве можно купить? Ее тело — да, а вот ее всю, ту, что ему была нужна, — никогда. А теперь... Ему и нужно-то было совсем немного. Просто чтобы она была рядом. В любом качестве, в котором сама захочет быть с ним.

К ней тем временем подошел еще какой-то хлыщ, кланяясь, целуя ручку и расстилаясь в комплиментах, и Штефану показалось, что он уже видит, как заносит над этим олухом родовой меч Кэйвано, что висел в гостиной Багрового мыса, и заявляет на Кару свои права, отгоняя от нее поклонников. Его бесило даже само это слово — поклонники. Он тихо скрежетал зубами и мрачнел, когда только рядом с ней показывался какой-то мужчина, не намеревавшийся подходить ближе. А тут... разговоры, улыбки, касания рук и взгляды глаза в глаза. Ярость и ревность жгли грудь, а настроение стремительно ползло к нулевой отметке.

Когда очередной «поклонник» отошел от его женщины, Штефан понял, что пора.

Оттолкнувшись от стены, Князь Кэйвано решительно направился к своей Каре.

Знает ли она, что он здесь, уже совсем рядом? Или даже не догадывается? Неужели она... не чувствует? Того же, что чувствует он, когда она находится рядом? Он всегда рядом, на самом деле, даже если она не замечает этого. И она всегда рядом с ним... она — в нем. Она — это он.

И она... чувствует это!..

Медленно обернулась к нему, когда мужчина остановился позади, глядя на шикарные черные волосы, и вспоминая, как они струились по спине, касались его груди, возбуждая желание. Сдерживая отчаянное желание коснуться их руками, зарыться в черный шелк

лицом, впитывая их аромат, Штефан стиснул зубы. Он помнил, что они пахли ванилью... А Кара смотрит на него и будто не верит, что это он. Мгновение, два, или множество мгновений, слившихся в одно. Там, где она — простила его, а он — ее любил.

— Штефан? — проронила девушка изумленно. Глаза ее распахнулись, а дыхание стало чаще, он это сразу отметил. — Не ожидала увидеть тебя, — проговорила, как истинная аристократка, принимая невозмутимый вид чопорности.

А он, как мальчишка, смотрит на нее и не может произнести ни слова. Она такая красивая!..

— Я пришел поздравить тебя, — проговорил он, пожирая ее глазами.

Так близко с ним, вот... протяни только руку, и она станет твоей. Но нет... рано. И твоей она не станет. Не сейчас. Пока сама не захочет. А принуждать он не станет. Как бы ему не хотелось услышать «Прощаю».

— Поздравить с чем? — она кажется уязвленной его словами. — С тем, что я теперь одна из вас?

— С тем, что ты та, кем всегда была, — ответил он, засунув руки в карманы брюк. Она молчала, а он сказал: — Ты не отвечаешь на мои визитки. Не нравятся цветы?

— На визитки не принято отвечать, — пожалала она плечами, но, кажется, что-то ее задело. — Цветы красивые.

— Эти визитки предполагали, что ты ответишь, — сощурившись, произнес Штефан. И вдруг понял: она их даже не читала! Но свою догадку не озвучил, а уверенно заявил, глядя ей в глаза: — Я не отступлюсь, Кара...

— Каролла, — машинально поправила она.

— Каролла, — покорно повторил Штефан. — Я не отступлю, — решительно и твердо заявляет он.

Тяжелый вздох срывается с ее губ, а глаза, сощурившись, скользят по его лицу, сжатым губам, носу и подбородку, бровям и морщинкам около глаз.

— Я никогда больше не буду твоей, — тихо, но отчетливо выговаривает она. — Я не рабыня больше, и твоим приказам не подчиняюсь.

— А я не отдаю приказы, — коротко бросил Штефан, пристально глядя в зеленые глаза своей неприступной красавицы.

Она смотрит на него всего мгновение... или чуть больше?... пристально, внимательно, ничуть ему не уступая. Он чувствует, что внутри всё переворачивается от этого взгляда, но внешне ничто не выдает его волнения, чувства Князя вновь оказываются под запретом.

— Вы не изменились, Князь, — наклонив голову набок, а затем, опустив глаза, проговорила она, наконец.

— А вы бы хотели, чтобы изменился? — парировал Штефан, резко, как и она, переходя на вежливое «вы».

Она молчит, только смотрит не на него, а куда-то в сторону, чуть ниже, чтобы не видеть его лицо.

— Это невозможно, — тихо выговаривает она.

— Зря ты так думаешь, — тихо произносит Штефан, нежно касаясь мыслями ее лица.

— Что тебе нужно? — в упор глядя на него, спросила она. Столь дерзкая, смелая... равная ему во всём!

Губы его дрогнули.

— Ты разве не догадываешься? — спросил он в ответ, глаза вмиг становятся жесткими,

в них загорается решительный огонек, а вот голос в противовес взгляду, мягок, почти нежен, что ей и не верится, что это он говорит, тот самый Штефан Кэйвано. — И я получу то, что мне нужно, Кара.

— Каролла, — машинально поправляет его девушка, попав в плен его магнетических глаз.

— Можно и Каролла, — неожиданно соглашается он. — Только вот сути это не меняет. Она осмысливает его слова с минуту, а потом...

— Не заиграйтесь, Князь, — вскидывает она подбородок. — На этот раз ставки слишком высоки.

— Это потому, — отвечает он, — что я не играю, — его взгляд утверждает это. — Я так теперь живу.

Она ничего не говорит. А вот он... он смотрит на нее, понимая, что она сделает в следующее мгновение. Он даже понимает, почему. Испугалась, что согласится с ним. Поставив бокал на стол, она отходит.

— Прощайте, Князь.

Он не удерживает, с тоской и разрывающим грудь желанием остановить ее, смотрит, как она подходит к отцу, нежно касается его локтя ладонью и что-то говорит ему на ухо.

— До свидания, Каролла, — проговорил Штефан едва слышно. — До скорой встречи... Ты не оставила мне выбора, любимая. Просто не оставила мне выбора.

И, осушив бокал одним большим глотком, решительно направляется к выходу.

Холодная мартовская ночь скрыла следы его преступления. А внезапно выпавший снег, будто был с ним в сговоре. Неужели хоть кто-то встал на его сторону, чтобы помочь?

Незаметное проникновение в дом, он умел быть незаметным. Отпер замок обычной булавкой, скользнув в темноту просторной комнаты, наполненной ее особенным ароматом. Как наркоман, затаился, чувствуя удовлетворение, растекающееся по телу. Прошелся по комнате и достал из комода ее вещи. Ощущая себя последним фетишистом, не остановил себя и втянул сладостный запах ее одежды. Постирана, конечно же, но ее аромат, ее особый аромат не скроет даже многократная стирка! Заставил себя прекратить это безумие и стал складывать вещи в большую дорожную сумку, которую принес с собой. Осмотрелся, не забыл ли о чем-то. Взгляд пробегает по застеленной кровати, большому окну, резному зеркалу, шкафу и креслам... На тумбочке у кровати стоит деревянная шкатулка, и он едва сдерживает себя оттого, чтобы в нее заглянуть.

Вынуждает себя оторвать взгляд от созерцания ее личного пространства, до основания пропитанного ею, и взглянув на часы, понимает, что до ее возвращения остаются считанные минуты. По крайней мере, так он рассчитывал. Скрывшись в углу, он ждет ее. Он готов ждать, сколько угодно. Он ждал так долго, чтобы она была рядом, подождет еще немного, окутанный ее ароматом, воздухом, которым она дышит. Он понимает, что чувствует наркоман, когда не получает очередной дозы. Кажется, его наркотиком становится она...

Его ожидание вскоре вознаграждается торопливыми шажками ее ног. Он знает, что это она. Чувствует ее приближение. И всё замирает внутри, будто обрывается. Цепкий взгляд устремляется в ее сторону.

Она, что-то сказав служанке, открывает дверь, выхватывая из коридора тонкую полоску света, стремясь обнаружить его присутствие, медленно входит в комнату. Включает лампу, подойдя к кровати, и садится на нее. На прикроватной тумбочке стоит та самая шкатулка,

которую он не открывал, осознав потом, что напрасно. Девушка раскрывает ее вместо него и заглядывает внутрь. И он с изумлением наблюдает за тем, как она берет в руки визитки, которые он присылал ей вместе с цветами! Не раскрытые, как он и думал. До сих пор не раскрытые! И начинает читать каждую из них, расплываясь легкой полуулыбкой. Надежда, что она решила прочесть их после встречи с ним, разгорается в его груди маленьким пожаром.

Он следит за ней, почти не дыша. Руки начинают дрожать от пульсирующего в груди желания сжать ее в своих объятьях, но он сжимает их в кулаки. А Кара тем временем кладет все визитки до одной в шкатулку и с улыбкой на губах и в глазах поднимается с кровати. Подходит к зеркалу, медленно начиная расстегивать платье.

И этого он уже не может вынести. Тенью скользнув из одного угла комнаты в другой, останавливается напротив зеркала, рядом с ней, позади нее. Она видит его через зеркальное отражение. Испуг в зеленых глазах сменяется удивлением. Резко поворачивается к нему с приоткрытым ртом. Чтобы что-то ему сказать или закричать, возмущившись вторжению? Он не дает шанса, чтобы сделать ни то, ни другое. В мгновение ока оказывается вплотную прижатым к ней, схватив ее в тиски своих рук, стремительно касается шелковым платком ее лица, вынуждая вдохнуть едкий запах снотворного. Мысленно просит у нее прощения, понимая, что может его не получить. Но отступить уже некуда...

Она пытается вырваться, скользя ногтями по его груди и задев щеку, оставляет царапины, но вскоре слабеет и теряет равновесие. Убрав платок от ее лица, Штефан подхватывает ее на руки.

— Прости меня, сладкая, — ласково прошептали губы Князя, легко касаясь ее виска. — Ты будешь меня ненавидеть за это, но я не могу тебя отпустить. Пытался, но не могу!.. Прости.

— Штефан... — прошептала она еле слышно, проваливаясь в темноту.

— Спи, сладкая, — проговорил он, отстраняясь и направляясь со своей ношей к выходу. — Спи.

33 глава Пленница

Это был странный сон. Штефан в моей комнате. Я вижу его отражение в зеркале, он смотрит на меня как-то странно и ничего не говорит. Зато я хочу закричать. От испуга или от восторга, не могу разобрать. Знаю, что удивлена его присутствию в моей комнате, а сердце так сильно начинает колотиться в груди, что его глухие удары слышатся в моих висках. Что он здесь делает? И как он прошел через охрану? Зачем он?.. Не успеваю закончить мысль. Стремительный шаг ко мне, что-то касается моего лица, и я вдыхаю ядовито-сладкий аромат, которым пропитан его шелковый платок. Сознание погружается в темноту быстротечно и неуклонно. Еще пытаюсь защититься, взмахивая руками и царапаясь, но пустота накрывает меня. Но мне не позволяют упасть его крепкие руки. Он подхватывает меня, сжимая в объятьях, и я слышу его шепот. Не могу разобрать ни слова, а Штефан растворяется в поглотившей меня темноте.

Заметавшись в постели, чувствую, как начинаю просыпаться, воспринимая окружающий мир. Звуки за окном, запах лаванды, мягкость под ладонями. И я вдруг понимаю, что это вовсе не сон. Слабость рук и ног отступает, сознание медленно возвращается ко мне, и я вспоминаю. Благотворительный вечер, на котором меня представили обществу. Штефан. Мы разговариваем с ним, и он говорит, что не отступится от меня. Я помню, что боюсь. Не его, а того, что чувствует мое тело и сердце, находясь рядом с ним! Невыносимое желание ему поверить! Тело начинает дрожать... от его чувственного, горячего взгляда, уверенности глаз и плотно сжатых губ. От его голоса, глухого, с хрипотцой, будто ласкавшего меня кончиком кнута, а не избивавшего и так раненное тело. Он говорит так уверенно, отточенно, лаконично, решительно. Да, именно так. Будто он что-то уже решил для себя, меня в свои планы не посвятив. Или он посвятив? Не считать ли его уверения в том, что он меня не отпустит, решением?

Только вот о его планах я догадаться не могла. Да и как такое может прийти в голову?! Мне... А ему!? Князю, властителю, аристократу, черт побери! Неужели он не понимает, что это... преступление!?

Мысли путались. Вновь заметавшись в постели, мысленно возвращаюсь в большой зал дворца приемов.

Он провожал меня глазами, и я чувствовала спиной его взгляд, когда подходила к отцу. Но сдержалась и не обернулась, для того чтобы взглянуть на Князя в ответ, хотя желание сделать это почти разрывало грудь.

Слишком противоречивые эмоции вызвало во мне его появление на вечере. Я и хотела, отчаянно желая, чтобы он прибыл, но и боялась его появления. Я боялась тех чувств, что во мне будил этот дьявол. А ведь он был, действительно, дьяволом! Иначе как объяснить, что спустя время, помня о зле, что он причинил мне, я продолжала его... Нет, нет, нет! Нельзя приносить этих слов даже мысленно! Это чувство вскоре забудется. И я забуду его. Не может быть иначе! Если только он позволит мне забыть себя. Но его упорство явно говорило, что он меня не отпустит. Не потому ли я так быстро ушла? Испугалась, что и я не

смогу его отпустить, если он попросит об этом?

Какая глупая, бесполезная мысль! Я заставила сердце замолчать, и весь остаток вечера так и не подошла к тому месту, где встретила со своим дьяволом. Потому что его власть надо мной, вопреки всему, была слишком сильна. Я невольно искала его глазами, лишь пробегая взглядом по заполненному гостями залу и не найдя того, кого именно искало мое подсознание, понимала, что творю. Мысленно корила себя, выдавая тем самым свои чувства с головой, но пыталась еще прятать их за сдержанной маской приличий.

Мы с отцом уехали из дворца приемов спустя час после моей встречи со Штефаном. Вся дорога домой вызвала болезненное жжение в груди, а бешеный стук сердца унять так и не удалось.

— С тобой всё в порядке? — беспокоился отец, глядя на меня с волнением.

Я улыбалась ему и кивала. А что мне еще оставалось делать? Хотя я знала, что он видит меня насквозь.

— Да, всё хорошо. Устала немного, — а потом решила признаться: — А еще... я его видела.

— Штефана? — сразу понял он.

Я кивнула, опустив взгляд. Дрожь рук пришлось унять, сильно сжав пальцы.

— Он... он что-то сделал тебе? — кинулся ко мне отец. — Сказал? О чем вы разговаривали?

— Ни о чем, — пожала я плечами. Ласково улыбнувшись родителю. — Какой-то странный разговор, — поджав губы, посмотрела в окно на весеннюю ночь. — Он... ничего не сказал из того, чего я не знала бы о нем.

И всё-таки... кое-что я, видимо, не поняла. Если он сказал, что не отпустит, значит, так и будет.

Попрощаясь с отцом, я направилась в свою комнату. Рослин еще не легла, встретив меня в коридоре, она поинтересовалась, как прошел вечер, и уточнила, не нужна ли мне помощь. Я отказалась, пожелав ей спокойной ночи. Входя в комнату, не ощутила подвоха, не почувствовала его присутствия в комнате! Мои мысли были заняты им настолько, будто он стоял рядом со мной не только в тот момент, но и весь путь из дворца приемов проделал вместе со мной, сидя бок о бок со мной. Чувственная дрожь от его незримого присутствия до сих пор горела на моей коже, а потому учатившееся сердцебиение не вызвало подозрений.

Мой взгляд невольно метнулся к шкатулке, в которой я, как идиотка, хранила его визитки, присылаемые с цветами. Подошла к шкатулке и, раскрыв ту, стала читать визитки одну за другой.

«Леди К. Мартэ. Да или нет? Князь Ш. Кэйвано» — было написано на каждой из них. На всех, кроме последней. Крючковатый почерк Князя вывел на последней карточке «Леди К. сказала да?».

Улыбка расплылась по моему лицу, озаряя его и вынуждая глаза светиться. Боже! В этом весь Штефан! Абсолютно весь. Романтик? Как смешно! Да и не нужна мне была романтика! То, что было внутри этих карточек — сильнее, яростнее, безумнее... Это — всё. Для меня. Как и для него тоже. Леди К. Мартэ! Не это ли доказательство его признания меня, как равной ему? Не это ли заверения, не это ли его решение? Какая к черту романтика, это — и есть чувство. Выраженное в двух словах.

Бережно положив визитки в шкатулку, я подошла к зеркалу, начиная расстегивать платье.

А потом я вдруг поняла... Он был в комнате, стоял позади, разглядывая меня, всё то время, пока я...

Резко распахнула глаза и поднялась на кровати. Острая боль ударила в виски, вызывая позывы к рвоте. В глазах потемнело, а в ушах зазвенели тревожные колокольчики, превращающиеся в надрывный гонг.

— Тебе нельзя так резко вставать, — слышится рядом его голос, я различаю его даже сквозь шум в ушах. — Ложись.

Я поворачиваюсь на голос и замираю. Штефан!

— Значит, это мне не приснилось? — выдыхаю я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота, а перед глазами пляшут мушки.

— Ты бы хотела, чтоб я тебе приснился? — вскинув брови, он подходит ко мне, вынуждая меня откинуться на подушки. Мне настолько плохо, что я подчиняюсь.

— Где я? — смогла я выдавить из себя, повернув голову набок.

— Ты со мной, — ответил он, касаясь пальцами моего лица и с наслаждением, как мне показалось, проводя ими по скулам и подбородку. — А значит, в безопасности, — выдохнул он и, наклонившись, поцеловал меня в кончик носа.

Немного опешив, я уставилась на него. А Штефан отошел к окну.

— Где я? — повторила я свой вопрос.

— В моем загородном доме, — был мне ответ. — В Норвегии.

— Что-о?! — ужаснулась я, вновь поднявшись на локтях. Боль в висках мгновенно напомнила о себе.

— Успокойся, Кара... Каролла, — повернувшись ко мне, заявил Штефан. — У тебя, наверно, кружится голова, это действие снотворного...

— Как ты посмел?! — перебив его, выкрикнула я, но откинулась на подушку, потому что он оказался прав, голова у меня, действительно, кружилась.

— Снотворное совершенно безвредно, — спокойно сказал Штефан, подойдя ко мне. — Просто некоторое время будет болеть и кружиться голова, в остальном...

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я, Штефан! — вновь перебила я его. — Как ты посмел... похитить меня?!

Его лицо не выражало никаких эмоций, взгляд впился в меня, скупой, но одновременно горячий, будто меня раздевающий. Мне стало не по себе, сердце забилося где-то в горле, а жар пронзил до основания.

— Я не похищал, — вскинув брови, заявил он, а я едва не задохнулась от возмущения. — Ты у меня в гостях, — мягко улыбнувшись мне, он добавил: — По крайней мере, так ты сообщила отцу в записке.

— Какой записке? — мой голос дрогнул, а в горле вдруг вырос огромный ком. Что сделал этот человек!?

— Той, что ты оставила отцу, — покорно ответил Штефан, — перед тем, как решила... навестить меня.

Я долго смотрела на него, не в силах поверить, что он действительно пошел на это. Обман! А потом, увидев решительный блеск глаз, всё поняла. Этот человек пошел бы на всё, чтобы заполучить, что хочет.

Но зачем ему это надо!? Зачем, Боже? Чего он хочет от меня? Его уязвило, что я... что я...

— Он не поверит этому! — вскричала я, вновь поднимаясь с кровати и желая захватить

ему в лицо.

— Может быть, — равнодушно пожал он плечами. — Пожалуйста, ложись в кровать, Кара, у тебя всё еще кружится голова, — добавил он с нажимом в голосе.

В моих глазах он прочитал всё, что я хотела ему высказать в лицо, но промолчала.

— Он не поверит твоей записке! — выкрикнула я.

— Почему же моей? — губы его скривились. — Твоей. Это ты ее написала, своим почерком. Ты не помнишь?

— Думаешь, я совсем спятила? — сквозь зубы прошипела я. — Не помню уже, что писала, а что нет?!

— Вовсе я так не думаю, — покачал он головой и медленно подошел ко мне. Решительно наклонил меня, вынуждая откинуться на подушку, нахмурился и заявил: — Тебе нужно поесть.

— Я не желаю есть! — заявила я, ощутив дрожь от его прикосновения. — Вдруг еда отравлена? — съязвила я, ядовито глядя на него.

Он остановился в дверях, обернулся ко мне. Мои слова его задели, в глазах мелькнул стальной блеск.

— Мы будем есть из одной тарелки, — сказал он твердо, а потом улыбнулся: — Если ты настаиваешь, — и скрылся за дверью, не успела я ему и слова сказать.

Едва он скрылся, я выругалась вслух. Негодяй! Да как он только мог?! Похитил меня из дома, обманул отца, увез в Скандинавию!.. Но отец не поверил ему, я уверена, что он будет меня искать. Он не смирится, он ведь знает, что я чувствую к Штефану на самом деле. Я вздрогнула. И что я чувствую к нему... на самом деле? Дрожь прокралась к сердцу, вынудив то отчаянно забиться в груди. Всё еще чувствую...

Я попыталась встать с кровати и даже свесила ноги, но не успела этого сделать, как дверь приоткрылась, и вошел Штефан, вперед закатывая тележку с едой. Увидев меня, он пронзил меня острым взглядом, явно, недовольным, и поцокал языком. Но не остановился и продолжил катить тележку к моей кровати.

— Какая непослушная девочка, — проговорил он, остановившись около меня. — Я, кажется, говорил, чтобы ты не вставала...

— А я просила тебя оставить меня в покое, — в тон ему ответила я, пытаюсь воспротивиться, когда его руки настойчиво укладывали меня назад в постель. — Ты разве послушал меня?

Губы его дрогнули в легкой усмешке, но глаза оставались задумчиво невеселыми.

— У тебя есть особенность говорить то, что ты не думаешь на самом деле, — ответил он, присев на кровать.

Я возмущенно уставилась на него, не зная, как отреагировать на подобное заявление, а он тем временем приподнял меня, подоткнув под спину подушку, и поставил на кровать поднос на ножках. Я уставилась на него, желая возмутиться еще раз от подобной бесцеремонности и даже наглости, но вновь не успела.

— Оставь свои возмущения и проклятья, — усмехнулся Штефан, расставляя на подносе еду с тележки, — конечно же, в мою сторону на потом. Сейчас, — он сделал акцент на этом слове, — мы будем есть, — бросил на меня быстрый искрящийся взгляд. — Как ты и хотела, из одной тарелки.

И, не дав мне ничего сказать, быстро поднес ложку с супом к моему рту. Я долго смотрела то на него, то на ложку, которая сейчас казалась мне змеей, прожигая взглядом и

его, и ее, а потом прошипела:

— Я и сама могу поесть, — надеюсь, тон моего голоса передал все мои чувства.

— Ничуть в тебе не сомневался, — скривился Штефан, передавая мне ложку и не отводя от меня глаз.

— Еще скажи, что будешь смотреть! — язвительно выдала я, прожигая его взглядом.

Штефан хмыкнул, но ничего не сказал. Молча встал и, подойдя к окну, повернулся ко мне спиной. Через несколько томительных мгновений я, сначала морщась, а потом, смирившись, начала есть. Суп оказался вкусным, отдать бы должное кухарке, но передавать благодарность через Штефана!.. Ни за что.

— Верю в твою честность, — выговорила я, налегая на второе блюдо, — и твое слово.

Он повернулся ко мне полубоком. Его заинтересованность выдавали только приподнятые брови.

— Ты обещал не травить меня, — сказала я, скривившись. — Или передумал? — подозрительно сощурилась.

— Какой толк тебя травить, если я тебя... пригласил погостить? — усмехнулся Штефан, отворачиваясь.

Толка никакого. Если закрыть глаза на то, что он меня не приглашал... гостить. А принудил сделать это. Есть разница? Да она фатальная! Только почему-то я уверена, что плевал Штефан Кэйвано на фатальность.

Глядя на его выпрямленную спину и скрещенные на груди руки, я продолжала есть, а когда закончила, отодвинув тарелку, коротко сообщила:

— На этом всё?

Штефан, молчавший до этого момента, обернулся ко мне.

— А ты умеешь быть послушной, — довольно протянул он и двинулся ко мне.

— Не питай иллюзий, — сквозь зубы выговорила я, вызвав на его лице новую ухмылку. Что-то часто он стал ухмыляться! — Почему Норвегия? — спросила я, когда он наклонился, чтобы забрать поднос. — У тебя нет владений в более теплом месте земного шара? — конечно, я хотела его уколоть, и он это прекрасно понимал.

— Этот коттедж я приобрел совсем недавно, — игнорируя мою колкость, ответил Кэйвано. — У него своя миссия, — заглянув мне в глаза, добавил он. — Хочешь чаю?

— Нет, — выдохнула я, насупившись. — А мне разрешается выходить отсюда? Или, как и в Багровом мысе, мне придется спросить разрешения?

— Разрешения тебе придется спросить в любом случае, — отрезал Штефан будничным тоном, чем меня просто взбесил. — И да, выходить ты можешь. Но только со мной.

— И ты еще говоришь, что я здесь гостя? — фыркнула я, откинувшись на подушки. — Сказал бы, что вновь захотел превратить меня в рабыню, я бы сразу поверила!

— Нет, делать тебя рабыней в мои планы не входит, — покачал головой мужчина.

Что именно входит в его планы, я спрашивать не стала. Наверное, боясь получить ответ на свой вопрос.

— А в чем разница? — вспыхнула я. — Зачем ты вообще всё это устроил?! Почему ты не можешь забыть, что я когда-то была твоей...

— Потому что ты всегда будешь моей, — сурово перебил меня Штефан, наклонившись надо мной так низко, что мне пришлось с силой вжаться спиной в подушки. — Всегда, Кара. И ты это знаешь, — твердый голос с хрипотцой вызвал дрожь в теле. — Я лишь хочу дать тебе еще одну возможность осознать это. Ты моя!

— А если я... не хочу этого? — с придыханием спросила я, ощущая, что он наклоняется всё ниже.

— Это не так, — прошелестел он самоуверенно, коснувшись губами моей щеки и скользнув к уху. — Хочешь. Меня ты не обманешь. И себя тоже, — добавил он, поцеловав мочку уха, и я почувствовала его улыбку.

— Зато ты себя очень хорошо обманываешь! — стараясь, чтобы голос был тверд, выговорила я.

— Серьезно? — его брови вздернулись, он отстранился от меня. — Ты моя, Кара, — сказал он дерзко. — Как скоро ты это признаешь, решать тебе, но ты признаешь. А я подожду, — он поднялся. — Я умею ждать.

— А если я не признаю? — вскинула я подбородок.

Он пронзил меня холодным взглядом, брови сдвинулись к переносице, губы вытянулись в узкую линию.

— Посмотрим, — коротко бросил он и отвернулся, намереваясь выйти из комнаты.

— Ты считаешь, что можешь... имеешь право удерживать меня здесь? — спросила я, пытаюсь его задержать. — Теперь, когда выяснилось, кто я? Я — не твоя рабыня, Штефан! — заявила я. — Отец будет бороться за меня, а ты отправишься в колонию! Ты потеряешь всё, что у тебя есть!..

— Тогда не будь здесь рабыней или пленницей, — сказал он. — Будь моей гостьей, как и предполагалось.

Я усмехнулась, пораженная.

— Гостьей? — фыркнула я. — Ты меня похитил, не помнишь?

— Это не имеет значения.

— Имеет. Для Совета имеет. Для моего отца имеет...

— А для тебя?

Я сглотнула острый комок. Он умеет задавать правильные вопросы!..

— И для меня имеет значение, — выговорила я. — Я лишь не понимаю, зачем ты это сделал.

— Действительно, не понимаешь? — не глядя на меня, спросил он. — Почему? Зачем? Не понимаешь!?

— Нет, — приоткрыв рот, выговорила я.

— Тогда... подумай, — и, повернувшись, поспешил прочь. — Потом расскажешь, что надумала, — и скрылся.

Я еще с минуту сидела, уставившись в дверь, за которой он скрылся, а потом тяжело вздохнула, набирая в грудь воздух, но не ощущая насыщения. Почему именно на него у меня такая реакция? Бешеное биение сердца каждый приходится останавливать, а пульс зашкаливает за допустимой отметкой. Даже если он выводит меня из себя, даже если говорит то, что ставит меня в тупик, даже если просто смотрит на меня!

Может, я просто схожу с ума? А он — мой персональный демон сумасшествия. И я теперь в его власти. Я опять в его полной власти. И, как бы не дичилась, не была уверена, согласно ли мое сердце с физическими проявлениями этой непокорности?..

Откинувшись на подушку, я осмотрелась. Странно, но сделала это только сейчас. Широкая кровать, рядом столик и ночник, зеркало-трельяж, шкаф, окно... Не очень большое, завешанное персикового цвета шторами, с низким подоконником. Ни телефона, ни — естественно! — компьютера или телевизора. Штефану можно поставить пять с плюсом за

организацию, на первый взгляд, о побеге можно и не мечтать.

Итак, меня похитили. Какие плюсы? Это сделал Штефан, который уверяет, что не причинит мне боли, и что я с ним в безопасности. Черт возьми, и как ни мерзко признавать это, но я ему верю! Этот негодяй, этот черт или даже дьявол, мой личный, персональный демон, не лжет. Почему я ему верю, ведь однажды он меня уже обманул!? И ответ приходит неожиданно, просто врывается в мой мозг. Потому что я видела, как больно ему было, когда он видел, что больно мне. Замкнутый круг какой-то. Мой... наш замкнутый круг.

Интересно, как долго я здесь нахожусь? День, два, три. Черт, почему я не удосужилась спросить!? Хотя ответ очевиден, когда Штефан Кэйвано находится рядом, я перестаю связно мыслить, все мысли вмиг обращаются в бег, или того хуже делают стойку, чтобы защититься от его нападков. Вполне справедливых, надо заметить. Но как он догадался? Как я выдала себя и чем?! Я старалась, я была сдержана и холодна, я была чопорна и глуха к его княжеской дерзости! Так как же он понял, что я... всё еще... предаю саму себя, чувствуя это к нему! А ведь я, действительно, чувствовала! Но как он догадался? Чем я себя выдала? Даже отец не был уверен наверняка, что я...

И тут меня потрянуло, будто в воздух подбросило, я стремительно вскочила на кровати. Нужно позвонить отцу! Он же будет волноваться, Боже, как же он будет волноваться! Второй раз в жизни пережить подобное и справиться с этим?! Как?.. Немедленно, сейчас же найти Штефана и...

Я встала с постели и, осмотрев себя, осознала, что на мне лишь тонкая сорочка, в которую, сомневаться не стоило, меня переодел Кэйвано! Я заскрежетала зубами и направилась к шкафу. Надеюсь, похититель прихватил с собой мои вещи. О да, он предусмотрителен, разочарованно выдохнула я. Прихватил. А мне так хотелось хоть в чем-то еще его упрекнуть! Видимо, придется искать иной путь.

Переодевшись в джинсы и теплую кофту, я вышла из комнаты, чувствуя себя намного лучше. За окном уже вечерело, покрыв комнату в мрачный ореол темноты и неизвестности. А на землю, медленно кружась, падал снег. Мартовский снег, что может быть прекраснее и... неожиданнее? А вот коридор, хоть и был освещен многочисленными бра, висевшими по стенам, все равно казался мрачным и нелюдимым. Тут есть кто-нибудь, кроме меня и Штефана?

Выскользнув в коридор, я удивилась тому, что дверь не была заперта, значит, Штефан не боялся, что я могу сбежать? Ага, как же, мгновенно одернула я себя. Если дверь оказывается открытой, это вовсе не означает, что ее забыли закрыть, — тем более Штефан Кэйвано! — это означает лишь, что тебе предоставили право выбора. Когда на самом деле, выбора у тебя не было. У меня его не было, например. Смириться с тем, что я пленница в этом доме. Или же гостя. Хотя, в принципе, различий никаких не было. Я всё равно находилась здесь с ним. Против воли.

Миновав длинный коридор, устланный бордовым ковром, я подошла к лестнице, ведущей вниз, но не успела и подумать о том, следит ли за мной Штефан, контролируя каждый шаг, как застыла на месте.

— Ты не сможешь сбежать отсюда, даже если захочешь, — услышала я за спиной мужской голос. Кому он принадлежал, думаю, нетрудно догадаться. Я резко обернулась, наткнувшись на хмурый стальной взгляд.

— Хорошая идея, — сухо выдавила я, окинув его острым взглядом.

А он переоделся, отметила я про себя. Сейчас на нем черные брюки вместо джинсов и

белая рубашка с закатанными рукавами вместо теплой кофты. Куда-то собрался? Я попыталась подавить неизвестно откуда вспыхнувшую ревность, но не смогла.

— Мы находимся в отдаленном фьорде, Кара, — жестко сказал Штефан, прервав мои предательские мысли, — и ты не сможешь сбежать отсюда. Без моей помощи, — добавил он колко. — А я тебе помогать не буду, как ты можешь догадаться.

Я оценила его юмор скривившейся ухмылкой, и тут же взяла себя в руки.

— Я вышла из комнаты, потому что искала тебя, — сквозь зубы выговорила я. Брови его подскочили, будто бы спрашивая. Ну, надо же, одолжение делает! Но чертыхнулась я про себя, а не в голос, и выговорила: — Я должна позвонить отцу. Он волнуется за меня, наверно, уже весь город на уши поставил!

— Не поставил, — коротко заявил Штефан, засунув руки в карманы брюк, — у меня всё под контролем.

— Всё под контролем? — взвилась я, решительно направившись к нему. — Под контролем? О каком контроле ты говоришь?! Я не желаю здесь находиться, и папа знает об этом!..

— Ошибаешься, — перебил меня Князь, следя за моим к нему приближением хищническим взглядом тигра. — Ему известно, что ты решила расставить все точки над «и», и поэтому согласилась погостить у меня, — увидев мое явное возмущение, он добавил: — И, зная, что он будет волноваться, не стала лично с ним разговаривать на эту тему. Тебе нужно всё решить самой, без чье-либо помощи, — договорил он, а я, сама того не заметив, вплотную приблизилась к нему, уставившись на него снизу вверх.

Он смотрел на меня и молчал. Глаза в глаза, прямой и не моргающий взгляд. Мои ладони сжались.

— Что ты сказал? — сквозь зубы выговорила я, дрожа от негодования.

— Димитрий не будет волноваться, — ответил Штефан, — потому что уверен, что ты в безопасности. Как, собственно говоря, и есть на самом деле.

— Как ты посмел?! — перебила его я и ударила его в грудь кулачком. — Как ты посмел, черт возьми?!

— О, ты умеешь ругаться, дорогая?..

— Ты не имеешь права!..

— Лучше осмотри здесь всё, — посоветовал Штефан. — Коттедж небольшой, но все-таки...

— Как ты можешь говорить об этом так спокойно?! Ты хоть понимаешь, что совершил преступление?

— Понимаю, — поджал он губы и выпытывающе заглянул мне в глаза, будто желая о чем-то спросить. Но не спросил. — Можешь найти меня в кабинете, когда осмотришься, — сказал он. — Он на первом этаже, вторая дверь слева. И кстати, как тебе понравилась твоя комната? Не слишком мала? — я удержалась от того, чтобы съязвить, а он хитро прищурился: — А то всегда можешь перебраться в мою, она намного больше. Особенно кровать, — и, сверкнув глазами, закатанными рукавами вместо,

двинулся вдоль по коридору, оставив меня одну.

Я чертыхнулась сквозь зубы, едва сдержавшись от того, чтобы топнуть ножкой от негодования. А потом поплелась вниз. Вдруг там есть телефон или хоть какое-то средство связи?

Он никогда еще не чувствовал себя таким мерзавцем. Хотя нет, чувствовал. И опять, в отношении Кары. Кароллы. Кароллы Мартэ, мысленно поправил он себя. Хотя, что это, по сути, для него меняло? Да ничего, ровным счетом ничего не меняло! Она по-прежнему оставалась для него всё той же Карой, к которой он чувствовал слишком много. Которую он любил. С каждым днем в течение прошедших трех месяцев признаваться себе в этом становилось всё проще, легче. Но сказать вслух... он так и не решился, ни разу. Даже находясь один на один с собой. Слишком могущественна сила слов, чтобы бросаться ими просто так. И к тому же... Вдруг она не чувствует к нему того же? Что если она унизит его... его же чувствами к ней? Что если... не примет и посмеется? И что, черт возьми, он будет делать, если она говорила правду, а он, как последний идиот, ошибался, обманывая самого себя?! Если она не чувствует к нему ничего?.. Испарилось, исчезло, растворилось в боли и унижении чувство, которое когда-то вопреки всему в ней зародилось?!

Но разве можно так притворяться? Огонь глаз, дрожь каждой клеточки, жар тела. Неужели и в этом он обманулся? Он видел в ней это. Ему казалось, что он видит, как дрожит ее сердце, слышит, как она дышит, очень часто и нервно, будто сдерживая себя. И она так смотрела на него!.. Не было ярости, о которой она говорила, злости не было, наверное, была еще обида, жгучая и едкая обида на него за то, что он сделал. А, может, из-за того, чего он не сделал... Обманул ее доверие. И свое доверие тоже. И все же, все же... что-то еще было в ней, внутри нее. То, что и в нем таилось годами, пока она это не воскресила.

Два безумца, потерявших в этом мире слишком многое, чтобы, обретя друг друга, найти потерянное. Разве не заслужили они еще один шанс? Штефан был уверен, что заслужили. И поэтому давал им этот шанс. Не только себе, хотя, эгоист до мозга костей, он жаждал получить то, что хотел, но и для нее тоже. Он знал, он нутром, сердцем, душой, если она еще не погрязла в черной пламенной адской воронке, что для Кары это важно. Кто-то должен был сделать этот шаг вперед. Чтобы начать вернуть всё на круги своя, чтобы возродить любовь... или добить ее.

И сейчас, сидя в кабинете недавно купленного коттеджа, Штефан едва сдерживал себя от того, чтобы кинуться к Каре, чтобы просто смотреть на нее, спорить с ней. А ему, оказывается, нравится, когда они спорят. Она такая... воинственная, такая очаровательная. Его маленькая амазонка. Его женщина. Она скоро признает это, не сможет не признать. Он знал, что она чувствует что-то к нему. Иначе, он бы не находился здесь!

Этот дом Штефан купил три недели назад, когда план похищения полностью созрел и оформился в его сознании. Небольшой двухэтажный коттедж, находящийся в отдаленном фьорде, попасть в который можно было лишь по реке или на воздушном транспорте. Но, учитывая погодные условия, дом оставался почти вне досягаемости. Им нужно было всё решить, а посторонние лишь мешали бы им сделать это. Штефан не мог этого допустить, а потому даже слуг отпустил, оставив лишь кухарку, двух служанок и слугу. Ничто не должно было мешать им. Только они сами.

Наверное, кто-то сказал бы ему, что он сошел с ума. Разве не это кричала ему в лицо леди София, когда он приехал в ее дом для откровенного разговора. Что ж, откровенный разговор быстро перешел в скандал, а тот едва не закончился встряской. Штефан был взбешен, когда София поняла, зачем приехал к ней Князь, и она тоже взбесилась. По всей видимости, она полагала, что лорд Кэйвано пожаловал к ней для того, чтобы, как она и предсказывала когда-то, упасть ей в ноги и просить ее вернуться? Какая наивность! Штефан

быстро и резко разбил ее иллюзии о свои жесткие обвинительные слова. И тогда леди Бодлер разъярилась.

Они едва не поубивали друг друга. Штефана так и подмывало свернуть ей шею, а Софии вцепиться ему в лицо. Два стойких противника, смотрящих друг другу в глаза, прожигающих друг друга взглядами.

— Ты думала, что можешь скрыть это от меня? — шипящий свист вырвался из его рта. — Думала, что это просто так сойдет тебе с рук? — ладони сжилась в кулаки, а глаза темнели, превращаясь в черные точки.

— А что не так, милый? — горько улыбнулась София, дерзко вскинув подбородок. — Я сделала то, что должна была сделать. Эта девка... не достойна тебя, она...

— Ты говоришь о дочери аристократа, — сквозь зубы перебил ее Штефан.

— Она рабыня! — выкрикнула София с такой яростью, что лицо ее покраснело. — Рабыня, ясно?! Девка для утех и не более! Ты думаешь, какое-то имя, пусть даже она была бы дочерью Князя, сделало бы ее равной по положению мне?! — она расхохоталась. — Ты что, считаешь, что она стала такой же, как мы? Равной мне и тебе?! — сделала она акцент на последнем слове. — Она невольница! Рабыня! И золотая цена ей одна медная монета!

В один миг Штефан преодолел расстояние, что разделяло их, и, схватив Софию, резко прижал ее к стене.

— Не смей говорить так, поняла? Никогда! — зашипел он ей в лицо. — Она лучше тебя и меня! В сто раз лучше! Она не такая сука, как ты, и не такая мерзавка, как я! И ты не имеешь права обвинять ее в чем-то!

— Да если бы я не подтолкнула ее в постель к Кариму, она бы и сама рано или поздно раздвинула перед ним ноги! — взбесилась леди Бодлер, пытаясь оттолкнуть мужчину от себя.

— Она бы никогда не легла под него! — заорал ей в лицо Штефан, сорвавшись. — Никогда, тебе ясно?! Чем вы ее опоили, прежде чем она легла с Вийаром? Я знаю, что она по своей воле никогда не сделала бы этого!

— Ой ли, — отмахнулась София, резко выдергивая свои руки из его захвата, но так и не освободившись. — А не думаешь ли ты, что твоя девка тебя обманывала? Спала с тобой, а мечтала о Кариме! — ее слова пропитал яд, который медленно убивал Штефана. — Он мне признавался, что она смотрит, будто пожирает взглядом!

— Ты лжешь, София! — вскричал Штефан, сильнее налегая на девушку и причиняя ей боль. — Лжешь! И я знаю это. Думаешь, стала бы Княгиней, дорогая моя? — едко выплюнул он, чем вынудил красивое женское лицо побледнеть. — Взошла бы на трон Кэйвано и стала править? — продолжал полосовать ее словами Князь. — Никогда. Слышишь меня, никогда! Ты не достойна того, чтобы носить титул Княгини! Мелочная, подлая и лживая тварь, а не аристократка! — прошипел мужчина ей в лицо, пронзая девушку молниями глаз, и резко отпустил ее, выпуская из своих рук и отходя на расстояние нескольких шагов. — Лживая сука! — будто выплюнул он и отвернулся.

— Ненавижу тебя, — услышал он ее сиплый, еще немного ошарашенный голос. А потом ему в спину метнулся ее взбешенный яростный выкрик: — Ненавижу тебя, Штефан Кэйвано, и вечно буду ненавидеть! Ты и твоя девка еще ответят мне за всё!

— Только попробуй к ней хоть на шаг подойти! — рыкнул он, стремительно повернувшись к мстительнице лицом. — Только попробуй, София! Я отправлю тебя туда, где ты ничего и никому сделать не сможешь!

— Ты ничего мне не сделаешь, Князь! — ядовито расхохоталась девушка, зло глядя на него. — Ни-че-го! Я, как ты успел отметить, аристократка. В чем ты меня хочешь упрекнуть? Я разве пошла против правил? — ее глаза блеснули. — Если уж говорить о нарушении законов, то это ты переступил черту! Ты, а не я!

Штефан уставился на нее, сжимая руки в кулаки.

— Я тебя предупредил, София, — выговорил он сквозь зубы. — Только приблизишься к ней, я не отвечаю за последствия. Я предупредил, — холодно выдавил он и покинул дышащую ненавистью дворянку.

Они расстались лютыми врагами. Примирить их не смог и Натан Бодлер, который приезжал в Багровый мыс, якобы, для важного разговора, а на самом деле, ходатайствуя за дочь. Штефан не принял мирного соглашения, как, он был уверен, не приняла его и сама София. С того дня они не виделись, но Штефан знал, что эта обида в ней не заживет еще очень долго. Если вообще когда-нибудь заживет.

Через несколько дней он встретился с Каримом Вийаром, разговора с которым не вышло совершенно. Штефан просто вытолкнул пришедшего к нему «с миром» Карима взащей, приказав слугам не впускать его в дом ни под каким предлогом. Вийар что-то пытался сказать, кажется, обвинял его в сумасшествии или в чем-то подобном, но Штефан остался глух к его словам. Вне круга Совета он не обязан общаться с ним. И не будет этого делать. Вийар выкрикивал какие-то глупости, а Штефан уже входил в дом, игнорируя крики.

Поглощенный мыслями о Каролле, он не думал о леди Бодлер и Кариме Вийаре долго. Именно Кару он желал вернуть, а она отказывала ему в этом. Наверное, она была права. И он знал, что ее прощение не заслужить так просто, но в конечном итоге, она не оставила ему выбора. Он уже не мог без нее, а она его игнорировала. Отсылала его цветы в больницы, а подарки — в детские дома и на благотворительность. А он никогда и никому цветы и подарки не дарил, даже предположить не мог, что пойдет на такое когда-нибудь. А Кара... она даже визитки его не читала! Подумаешь, всего пара слов, но она не ответила ни одно из них. И тем самым развязала ему руки. Как так говорят, «молчание знак согласия»? Что ж, Кара сама подписала себе вольную. Но вольная эта подразумевала ее постоянное нахождение на воле рядом с ним. Только так.

И он решился на непредвиденное раньше, на преступное и карательное. Он отважился пойти против всех, даже против Совета Князей. Он похитил дочь аристократа. Действие, достойное сумасшедшего. И за такое ему, очевидно, могут назначать самое высокое наказание, — отправить в колонию на определенный срок. Лишить его трона не смогут, а вот лишить возможности управлять самостоятельно, — в их власти. Но он плевал на последствия. Он точно знал, что если дело будет сделано, он получит гораздо больше, чем то, о чем смел даже мечтать. И ради одной вероятности удачного исхода он готов был рискнуть. Если не всем, то очень многим.

А теперь... чувствовал себя последним мерзавцем. Нет, он не оправдывался перед собой, он поступил так, как считал нужным и правильным, пусть и рубил с плеча, действуя не совсем законно. Хотя, что уж греха таить, совсем незаконно. Но она не оставила ему иного выхода! И она же одновременно толкнула его к черте, за которой стояла. Он знал, что она ждет. И он шел к ней навстречу.

Он выкрал ее из дома Дмитрия, предварительно написав тому соответствующую записку, а затем тайно вывез Кару из страны в недавно купленный коттедж в Норвегии. Истинное сумасшествие, но Штефан был уверен, что именно здесь они могли начать всё

сначала, попробовать жить заново, с чистого листа. Ведь это возможно. Для него. А для нее? И для нее — тоже, если бы он не знал этого наверняка, то не стал бы рисковать. Хотя... стал бы. Да, стал бы! Потому что он чертов мазохист, и ему нужно услышать всё от нее.

Но неужели не было надежды? Не сверкали ли ее глаза, когда она смотрела на него? Не дрожали ли руки, когда он стоял рядом? И он мог бы поклясться, что сердце ее стучало так же бешено и безумно, как и его собственное. Значит, ей не было все равно? Что-то она... чувствовала к нему? Хоть что-то... крупицу чувств, малую долю того, что испытывала ранее. Но ему этого хватило, чтобы отважиться на решительный шаг. Чувство с ее стороны. Маленькое, еще не угасшее, раненое, но не погибшее. Ему хватило этого толчка. Решение было принято давно, но неизвестно, отважился бы он осуществить свой план, если бы не увидел в ней... ответа на свой главный вопрос. Хотя, кого он пытается обмануть? Себя? Не стоит. Он бы отважился. Он бы решился. Он бы похитил дочку аристократа. Потому что для него она была его женщиной. А его всегда должно быть рядом с ним. И Кара... точнее, Каролла вскоре осознает это.

Не сделала ли она первый шаг к прощению, когда прочитала его визитки, которые заботливо хранила в шкатулке рядом со своей кроватью? Интересно, смотрела ли она на шкатулку, засыпая? Не терзалась ли любопытством, желанием проверить и прочитать его послания? А, просыпаясь, не одолевало ли ее это желание с новой силой? Но она прочитала визитки сразу после встречи с ним. Ему бы хотелось верить, что это еще одно доказательство чувства. Того, что не было грязно растоптано им.

А теперь она находится в его доме. Только он и она. Маленький коттедж, затерявшийся в одном из норвежских фьордов. Одиноким и старинным, но, как ни парадоксально, послуживших пристанищем двум сердцам, согревший их под мартовской вьюгой и внезапным снегопадом.

Именно здесь должно было свершиться примирение. Не только их друг с другом, но и примирение с самими собой. Только так можно было прийти к прощению. А от него — падать в любовь.

Еще четыре дня моего заключения остались позади. И за всё это время — куча эмоций, импульсивности, чувств, даже попытки побега, к слову, совершенно безрезультатной, и, конечно же, противостояний... не столько со Штефаном, сколько с самой собой. За право называть себя свободной от его власти не только над моим телом, которое меня предавало с каждым днем, стремясь к демону в объятья, но и над душой.

Я успела осмотреть дом, наверно, даже изучить его сверху донизу и обратно. Познакомилась с кухаркой Эдной. Толку от нее было мало, так как она была норвежкой, и по-чешски не знала ни слова. Две служанки тоже были норвежками, довольно хорошо говорили по-английски, потому с ними я порой перебрасывалась парой-тройкой слов. Но надолго они не задерживались со мной, так как «господин Князь», говорили они, не позволяет им «бездельничать». Я догадывалась об истинном значении этого слова, но молчала.

На второй день моего пребывания в коттедже я попыталась бежать. Не удалось. Штефан не врал, когда говорил, что этот фьорд почти оторван от всего остального мира. Красота меня окружала неопишуемая. Снег не выпал больше, он перешел в морозящий дождь, а сильный ветер был пронизывающим до костей. Выбраться отсюда без помощи катера не представлялось возможным, а значит, вообще не выбраться.

— Проверила обстановку? — встретил меня в гостиной Штефан, когда я вернулась с залива.

— Проверила, — отрезала я, поднимаясь к себе. — Ты очень удачно всё устроил, не подкопаться.

— Рад, что ты оценила. Надеюсь, тебе понравилось?

— Если закрыть глаза на то, что я здесь гостя, — выделила я последнее слово, чем вызвала неудовольствие Штефана, — то всё замечательно.

— Я это учту, — коротко бросил он мне в спину, но я уже скрылась на втором этаже.

Дни мои перетекали из одного в другой. Почти никакого разнообразия. Только Штефан рядом, колкий, язвительный, упертый, но одновременно... заботливый, черт меня побери! Именно так. Я видела, что он старается наладить наше общее времяпровождение здесь, и у него порой это получалось, но не до конца. Я смотрела на него и не верила тому, что вижу, а он... Он был всё тем же Штефаном, что и прежде. Тем Князем, в которого я влюбилась когда-то. Моим дьяволом.

Но вынужденное заточение выводило меня из себя. И даже, наверное, не сам факт того, что я была в этом доме пленницей, а то, что... ничего не менялось. Мы так и не придвинулись друг к другу ни на шаг. Мы так и не поговорили. Мы просто сосуществовали в одном месте, но между нами не было главного, — понимания. И это меня бесило. А еще то, что за всё это время я не сделала ни одного звонка отцу! Накатив, одно давило на другое, и в итоге вылилось в откровенный разговор. Первый на пути к откровению.

На четвертый день я не сдержалась. Обернулось всё не совсем так, как я рассчитывала. Хуже, намного хуже. Но это тоже был толчок к чему-то. К моему дьяволу в объятья, может быть?..

Меня бесило, что между нами стояла эмоциональная стена, раздражало его... почтительное, да, наверно, так, отношение ко мне, его внешнее упорство, но внутреннее молчание. То, что нам было, что друг другу сказать, но мы молчали! И волнение за отца давало о себе знать.

Я просто сорвалась. Видимо, он находился в похожем состоянии, потому и сорвался тоже.

Я нашла Князя в его личном кабинете, он был не таким просторным, как в Багровом мысе, но довольно уютным и вполне в стиле Штефана. Письменный стол из красного дерева, старинный и мощный, кресло с высокой спинкой, стеллажи с книгами (библиотеки, как я успела выяснить, в доме не было), окно высокое, узкое, с высоким подоконником, увешанное тяжелыми темно-зелеными шторами.

Едва сюда войдя, я тут же ощутила его неповторимый запах. Наверное, он уже впитался в мою кровь.

Он стоял у окна и курил, но, услышав, как распахнулась дверь, обернулся ко мне.

— Штефан, ты не можешь просто так игнорировать меня! — с ходу начала я и кинулась к нему.

Он вскинул брови, уголки губ дернулись, затянулся в последний раз и затушил сигарету.

— Я тебя игнорирую? — кажется, он действительно, удивлен, даже в глазах блестит голубой огонек. — Каким образом? Объяснись.

— Ты запрещаешь мне позвонить отцу, — выдохнула я, медленно приближаясь к нему. Думала, что могу его напугать? Наивная! — Чего ты добиваешься этим? Думаешь, за это я тебя по головке поглажу?!

— Я мог бы и сострить, — иронично отозвался он, а я вспыхнула от хода его мыслей. Извращенец чертов!

— Считаешь, что твое нежелание дать мне возможность поговорить с отцом улучшит наши... отношения?

— О, — его брови взметнулись ко лбу, — так ты уже признаешь, что у нас отношения?

— Ты ловишь меня на словах, Штефан, — прошипела я, сверкнув глазами. — Никаких отношений у нас нет.

— Но ты не исключаешь вероятность их зарождения, так? — сощурившись, спросил он. — Твое подсознание уже выдало тебя с головой, моя милая, — рассмеялся он, но не злым, а радушным смехом, — поэтому сейчас можешь даже солгать мне, а всё равно уже услышал правду.

— Ненавижу тебя!

— О, еще одно откровение, — отметил он. — Только вот для меня оно уже не откровение. Еще что-нибудь?

— Я не понимаю, чего ты добиваешься? — вскинулась я на него, заводясь. — Ты держишь меня тут уже почти неделю, всё высиживаешь что-то, пытаешься вызвать меня на откровенность, сказать тебе ту правду, которую сам желаешь услышать. Но я не стану тебе ее говорить, потому что для меня это — ложь! — в потоке яростных слов и выплеснувшихся из меня эмоций, я даже не заметила, как помрачнело его лицо. — А что, если я и так пытаюсь донести до тебя истину, Штефан? — продолжала я кричать, яростно сверкая глазами. — Ты обманываешь самого себя! Я больше не твоя, понимаешь ты это или нет! Не твоя! Я дочка аристократа, а ты... Князь, — отчаянно выдохнула я, — но ты не имеешь права меня удерживать здесь против воли! Кому и что ты пытаешься доказать? И что значат эти доказательства для кого-то из нас?!

Штефан был мрачен, мрачнел он с каждым мгновением, с каждым сказанным мною словом.

— Ты сказала всё, что хотела? — сдержанно поинтересовался он, глядя на меня из-под сведенных бровей.

— А ты меня хоть услышал? — фыркнула я. — Очень сомневаюсь, что ты слышишь кого-то, кроме себя!

— Тебя я готов слушать.

— Спасибо за одолжение, — прошипела я, разъярившись окончательно. — Только мне они не нужны! Эти твои подачки! — презрительно выплюнула я. — Я не девочка на побегушках, Штефан, не твоя рабыня и не твоя игрушка, ясно?! Я понимаю, что ты не можешь отпустить меня, наверное, потому что... не привык проигрывать, но я... не вернусь к тебе. Не обманывайся! Я не твоя, не принадлежу тебе больше!

Как легко в гневе ложь может сорваться с нашего языка. И какой отравляющей она может быть, гораздо опаснее, чем она была бы, произнеси мы ее в здравой памяти.

— Ты говоришь много лишнего, Кара, — пытаюсь сдержаться, выговорил Штефан.

— Хочешь сказать, много того, что ты слушать не желаешь? — горько усмехнулась я.

— Я хочу сказать, много из того, что не является истиной, — сквозь зубы выдавил он. — И ты моя. Точка!

— Я не твоя девка на одну ночь! — взорвалась я.

— А кто тебя принуждает быть ею?! — рыкнул он мне в ответ.

— Я была когда-то твоей рабыней, но теперь я — дочь Димитрия Мартэ, и ты обязан

обращаться со мной, как положено обращаться с аристократкой!..

— Тебе не нравится мое обращение? — зашипел он. — Было бы лучше, если бы я запер тебя в подвал, а сам приходил, чтобы удовлетворить свою похоть!?

Я чуть не задохнулась от ярости и обиды. Так вот что это такое... всего лишь похоть!

— Я никогда не позволю тебе коснуться меня и пальцем, понял?!

— Если бы я обращался с тобой как с рабыней, мне бы не потребовалось твое дозволение! — рявкнул он. — Неужели неясно, что я бы уже давно получил то, что хотел?! Если бы мне только это было от тебя надо! — яростно выкрикнул он, метнувшись в угол, как раненный зверь. — Но вместо этого тебе предоставлены все условия. Всё, что ты хочешь!..

— Кроме свободы, — горько напомнила я, сверля его взглядом. — Ты забыл, что она у меня тоже есть!?

— Она у тебя есть. Но только рядом со мной! — рыкнул он, метнувшись ко мне.

— Что равносильно тому, что у меня ее нет! — вскинула я подбородок, встретив его мечущий молнии взор.

Он продолжал приближаться ко мне.

— Когда ты признаешь, что находишься здесь лишь потому, что сама этого хочешь? — спросил он тихо и жарко. — Когда осознаешь, что всё, что тебе нужно, вновь оказаться в моей власти? Как сейчас!

— Ты сошел с ума!

— Разве? — сощурившись, он продолжал надвигаться на меня, а я стала отступать к стене. — И тебе было уютно на благотворительном вечере, без меня? Комфортно? Улыбаться всем этим хлыщам, позволять им целовать тебя в ручку, безнаказанно? Нравилось? Не хотелось ли тебе знать, что я рядом, и смогу в любой момент защитить тебя от них? Не хотела ли ты присутствовать там со мной? В ином качестве? Неужели и сейчас ты солжешь, сказав, что совсем обо мне не думала тогда? И все те три месяца, что мы не виделись? Ты сможешь солгать мне сейчас, Кара?

Он решительно подступил ко мне, а я отчаянно мотала головой в разные стороны, желая скрыться от его слов, защититься от них. Потому что они... вынуждали меня признавать не пригодную мне истину. Он прав.

— Я бы не пошел на этот шаг, — продолжал атаковать меня Штефан, — если бы ты не дала мне повода. Если бы в твоих глазах не было того жара, что обжигает изнутри. Ты его чувствуешь, не смей лгать мне снова! Если бы ты не просила меня... сделать это. Мысленно, конечно, милая моя, не пугайся, но, видит Бог, я услышал твой немой зов. И пришел на него.

— Ты сам себя обманул, Штефан, — выговорила я, тяжело дыша, и понимаю, что сама сейчас лгу себе.

Штефан покачал головой.

— Я терпелив, Кара, — сказал он, — но не стоит испытывать мое терпение, оно далеко не ангельское и вовсе не безгранично. Я буду ждать столько, сколько сочту нужным, а потом, — его хриплый голос обжег меня, — я начну действовать иначе.

Я поняла, что разозлила его, я видела это по сдержанно поджатым губам и стальному блеску глаз, но и сама я была разозлена. Той правдой, что он кричал мне в лицо.

— Да ты ублюдок, Штефан! — воскликнула я, взорвавшись, не думая ни о чем плохом, а лишь выплескивая эмоции из себя, и не заметила, как Штефан дернулся. И продолжала, не замечая этой в нем перемены, даже того, что он остановился, не замечая: — Ты думаешь, мой отец позволит тебе уйти безнаказанным?..

Он застыл, глядя на меня совершенно пустым, миг ставшим таким, взглядом. А потом нахмурился.

— Ты совершенно права, милая, — безэмоционально заявил он, повернувшись ко мне спиной. — Я ублюдок, самый что ни на есть настоящий, — я застыла, глядя на него во все глаза. — Бернارد Кэйвано не мой отец, — заявил Штефан, гордо вскинув подбородок. — Не мой настоящий отец.

— Что?.. — проронила я, сощурившись.

— Я не его законнорожденный сын, — сказал Штефан, опустив взгляд и не решаясь смотреть мне в глаза. — Точнее, я вообще не его сын. Меня выкрали из дома и вывезли за грань, когда мне было восемь по людским меркам. Я раб, Кара, — выговорил гордый Князь, поднимая на меня твердый взгляд. По-прежнему жесткий и решительный, что не согласишься тому, что он говорит.

— Я тебе не верю, — прошептала я заплетающимся языком.

Он меня обманывает. Причины мне не известны, но обманывает. Преследует свои цели, хочет сыграть на моих чувствах, заставить меня ему сочувствовать!.. Ведь не может он говорить правду? Это невозможно в принципе, чтобы Штефан Кэйвано был когда-то рабом!..

А он меж тем совершенно спокойно, почти равнодушно продолжал, вынуждая меня тяжело дышать.

— Мой первый хозяин был жесток. Он любил устраивать жестокие расправы над своими рабами каждый день. Он выставлял нас на улицу, привязывал к столбу и бил. Сначала плетью или кнутом, а потом выбирая что-то покрепче. Каждого бил по очереди, выбивая спесь и характер, — он улыбнулся, в глазах блеснула горечь. — Меня — особенно часто и сильно, потому что, как ты заметила, я довольно упертый малый.

— Не нужно... — попросила я, закрыв глаза.

— Когда мне исполнилось пятнадцать, меня выкупил Бернارد Кэйвано, — игнорируя мою просьбу, сказал Штефан. Горько усмехнувшись, он добавил: — Думаешь, побои прекратились? Ошибаешься! — жестко заявил он, поразив меня грубой безэмоциональностью к событиям своего прошлого. — О, он был поистине индивидуален в своей жестокости. Он был еще более жесток и безжалостен, чем мой первый хозяин. Он выбивал из меня не характер и силу воли, а, казалось, саму жизнь. Снова и снова, каждый день, удар за ударом. Я думаю, что ему, наверное, нравилось слышать крики своих рабов, — он смотрел в пространство, хотя взгляд был направлен на меня. Но меня он не видел, глаза были пусты. — А потом он, наверное, сошел с ума. Наследственное, да? — горько усмехнулся он, намекая на мое похищение. — Он сделал меня своим сыном. И я больше не был рабом, я стал господином. Бесчувственный и безжалостный убийца. Как и его папаша, так говорили о нас вокруг. И в миг, когда стал Королем, — глаза его сощурились, — я поклялся, что никто и никогда больше не причинит мне подобной боли... не принесет подобного унижения. Я не сдамся просто так, я всё сделаю для того, чтобы избежать этого. Меня ломали почти всю мою жизнь, но сам себя я не сломаю никогда. И плеть, будь это даже хлыст из слов или поступков, никогда не занесется над моей спиной, — он резко повернулся ко мне спиной, гордый и стойкий солдат.

Он замолчал, а мне казалось, я слышу бешеные свистящие удары кнута, ударяющегося о его спину.

— Я... я никому ничего не скажу, — могла лишь шепотом проронить я, глядя на его напряженную спину.

— Тебе никто не поверит, — оскалился Штефан. — А если и поверит, то просто закроет на это «открытие» глаза. Никому не нужен другой правитель Четвертого клана, — сказал мужчина, горько усмехнувшись. — Какая ирония во всем этом, да? Леди Мартэ? — выдавил он через силу мое истинное имя. — Вы — знатная дама, аристократка, единственная дочь и наследница одного из влиятельнейших людей во Второй параллели! А я, — он вновь горько хмыкнул. — Кто я? Ублюдок, чужой отпрыск, бывший невольник, раб! — его слова в моих ушах звучат, как приговор, который он сам себе вынес.

Я силюсь воспротивиться, заявить, что он помешался, его рассудок просто помутился, он не понимает, что говорит, он... лжет. Но я не могу произнести ни слова. Стою и смотрю на него, как замороженная.

— Тебе разве не смешно? — повернулся он ко мне с мрачным выражением на лице. — Бывшая рабыня оказалась дочкой дворянина, а дворянин... оказался лишь рабом.

— Штефан, пожалуйста!.. — воскликнула я, метнувшись к нему. Зачем он говорит эти злые слова?!

— Только не вздумай меня жалеть! — сквозь зубы выдавил Штефан, отворачиваясь от меня. — Мне не нужна твоя жалость! — рыкнул он и стремительно направился к двери. — К черту всё! И не нужно говорить сейчас, как ты сожалеешь, что тебе, черт возьми, жаль! — он резко обернулся на пороге, пронзив меня отчаянным взглядом, в котором смешались все чувства мира, и, выделяя каждое слово, выговорил: — Не вздумай. Меня. Жалеть!

Я не успела и слова сказать, только вздрогнула как от удара, а он стремительно вышел, хлопнув дверью.

А моя любовь? хотелось прошептать мне. Моя любовь — нужна тебе?

Не в силах стоять, я медленно осела на пол, закрыв лицо руками. Слез не было, а вот боль — была. Сердце тоже болело. Но только не за себя. А за него.

Через несколько минут я смогла подняться на ноги и подойти к креслу. Села в него, поджав под себя ноги, укрылась его кофтой, оставленной здесь, втянула в себя дурманящий запах его тела. Штефан. Штефан! Взмолилась моя душа. Но о чем она молила, я так и не поняла.

А через несколько минут дверь кабинета резко распахнулась. На пороге стоял Штефан, грозный, мрачный, с телефоном в руках. Я вскочила с кресла, как ошпаренная, орлиный взгляд тут же отметил, что я укрывалась его кофтой. Но Князь промолчал. Глядя на меня очень пристально, захлопнул дверь и подошел ко мне. Мое сердце дрожало, бешено ударяясь о грудную клетку, дыхание сорвалось. Я ждала... чего-то.

— Можешь поговорить с отцом, — сказал Штефан, передавая мне телефон. — Но только не долго. И без глупостей, — и, отойдя к камину, повернулся ко мне спиной. Я с удивлением уставилась на него.

— Ты не выйдешь?

— Нет.

— Будешь слушать?!

— Буду.

Что ж, правдиво. Я набрала нужный номер и бросила быстрый взгляд на Штефана. Он закурил.

— Да? — услышала я мужской голос на том конце провода и даже вздрогнула от неожиданности.

— Пап, привет, — выговорила я. — Это я...

— Каролла, девочка моя! — тут же вскричал Димитрий. — Где ты? Что с тобой? Ты в порядке?

Его дрожавший взволнованный голос бил меня по нервам, вынуждая сдерживать стон.

— Всё в порядке, пап, — выговорила я, чувствуя, как горло режет от застрявших в нем слез. — Со мной всё хорошо, — о ком я плакала сейчас? Об отце и его волнении? Или о его боли? Наверное, всё смешалось.

— Где ты? — спросил Димитрий. — Это он? Штефан, да?! Он?! Я убью его!

Я приоткрыла рот, чтобы солгать, но Штефан резко повернулся ко мне.

— Говори по делу, — коротко посоветовал он. — Я слышу его крики и отсюда.

— Пап, со мной все в порядке, — тут же успокоила я отца, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Он мне ничего не сделал, — я посмотрела на Кэйвано, тот повернулся ко мне лицом с вздернутыми бровями. — И не сделает, — уверенно добавила я. — Пожалуйста, не волнуйся! Я сама так решила!

— Где ты, Каролла, девочка моя? Где ты? Я найду этого ублюдка!..

Я чуть не поперхнулась, с ужасом уставившись на Штефана, лицо которого лишь немного исказилось.

— Я здесь... в гостях, — выдавила я из себя. — Правда. Я сама так хочу! Я же написала тебе всё в записке, — прикрыв глаза, солгала я. — Прости, что не поговорила с тобой лично, просто... Мне нужно подумать. Всё самой решить, понимаешь? — горло сдавил острый спазм.

— Каролла...

— Я люблю тебя, — выговорила я, едва сдерживаясь, чтобы не заплакать. — Очень люблю, пап. Но я...

— Всё, — отбросив сигарету, заявил Штефан и подошел ко мне. — Пора заканчивать.

— Мне пора, пап, — быстро проговорила я, следя за тем, как Штефан приближается. — Я еще позвоню, — посмотрела на Кэйвано, но по его застывшему лицу ничего не поняла. — Завтра, наверное. Люблю тебя...

— Постой! Каролла!..

Но Штефан уже отобрал у меня телефон, вырывая тот из рук.

— Разговор окончен, — заявил он, сверкнув глазами. — Позвонишь ему завтра, как и обещала, — и с этими словами вышел из комнаты. А я стояла и смотрела ему вслед не в силах произнести ни слова.

В сердце шла борьба за чувство, которое я действительно испытывала к этому демону. Борьба между ненавистью и любовью. И любовь побеждала.

Глава 34. Прости меня, люблю

34 глава

Прости меня, люблю

Это была бесконечно долгая неделя. Дни тянулись, перетекая один в другой с грубой монотонностью и глухой неспешностью. Мне казалось, что прошла целая жизнь, промелькнула мимо меня, а я и не заметила. Что было, когда, как, с кем? Хотя, глупый вопрос, — с кем. Со Штефаном, конечно же. Вот только что-то между нами было не так. Он был холоден и сдержан, до ужаса сдержан и хладнокровен, даже в моменты, когда я, якобы случайно задевала его рукой или локтем, пытаюсь обратить на себя внимание. Он почти не реагировал. То есть, как не реагировал, реакция его тела была, стремительная и горячая, и глаза его горели, подобно факелу, вот только лицо... оно по-прежнему оставалось непроницаемым, больше напоминая маску из льда. А я желала прежней импульсивности, горячности и вспыльчивости, когда он мог прижать меня к стене и высказать всё, что ему вздумается. Но хладнокровие в нем всегда одерживало верх.

Тот разговор, произошедший три дня назад, до сих пор стоял между нами. Я это чувствовала. Я не знала, хотел ли он сознаться мне во всем изначально, но очень сомневалась в этом. Скорее всего, это произошло спонтанно, по велению эмоций, чувств, требования организма энергетически разрядиться. Но тот факт, что он доверил свою тайну мне, говорил о многом. Честно, он говорил мне всё о Штефане Кэйвано.

Я долго не верила, что он... не родной сын Кэйвано. Не могла даже на мгновение предположить, что он — ублюдок. Он не чурался этого слова, даже, наоборот, как-то решительно произносил его передо мной. Иногда мне даже казалось, что специально, чтобы проверить мою реакцию. Так вызывая, что мне даже становилось страшно. Зачем он это делал, я не понимала. Боролся с собой и с судьбой? Горько смеясь, показывал на своем опыте, как порой обманчива внешняя личина нашего «я»? А я старалась не слушать его признаний. Мне не нужны были его слова, уверения, напоминания, я все равно не верила, что он... не Князь. Всё в нем, от кончиков пальцев ног до тонкого волоска на голове, кричало, что именно он истинный правитель. Пусть он не родной сын своему отцу, и все же... он Князь. И этого не изменить и не исправить. Так есть, потому что так должно быть. И его тайна уйдет вместе со мной. Никто и никогда не узнает ее. И не просто потому, что мне так захотелось, а потому, что так тоже должно быть.

— Кто-нибудь еще знает? — спросила я его как-то.

Он сразу понял, о чем я его спрашиваю, и покачал головой.

— Все, кто знали, или умерли, или погибли, — пронзив меня до основания, он добавил: — Не по моей вине.

Я промолчала, подумав, что это означает лишь одно: я одна осведомлена, кто есть Князь Кэйвано на самом деле. Только я и он. Тайна между нами, что скрепила нас, будто тонкая серебряная нить. Он доверил мне эту тайну, образуя между нами эту нерушимую связь. И никому ее не порвать теперь...

— Только ты знаешь, — будто прочитав мои мысли, сдержанно выговорил Штефан.

— Да, — вскинула я на него дрожащий взгляд, — только я.

Я удивлялась его сдержанности, отстраненной холодности, которые он демонстрировал мне в последнее время. И не была уверена, что мне это нравится. Я желала вернуть того Штефана, которого знала в Багровом мысе, того, который был жесток и горяч, безжалостен и неистов. Того, которого полюбила...

Я любила его. Да, я его любила. Больше, чем ненавидела. Может быть, я никогда по-настоящему его и не ненавидела? Была обижена той болью, что испытала, его неверием, вскрывшейся, как плохо зажившая рана, яростью и ревностью. Но еще больше — его отрицанием чувства. Того, что не могло не быть. Иначе, зачем ему устраивать всё это? Зачем похищать меня из-под носа отца, увозить в далекую Норвегию, где мы будем лишь вдвоем, где сможем выяснить всё до конца, поговори, наконец, по душам? Он рисковал, но все же сделал это, пошел на отчаянный, немыслимый по всем допустимым меркам поступок. Похитил меня. А до этого... присылал цветы, подарки и открытки. Неужели просто так всё это? У Штефана Кэйвано — просто так? У Штефана Кэйвано, который никогда ничего не делает просто так!? Я не верила в это. И почему глаза на происходящее открылись мне лишь сейчас? Когда он... сделал еще один шаг мне навстречу. Признался, открылся, доверился. Этого я не могла не оценить.

Но между нами по какой-то причине образовался настоящий вакуум, безэмоциональный и глухой. Он не желал говорить мне главного, будто не решаясь на этот последний шаг, что разделял нас друг от друга, словно похищение и его откровенное признание сказали мне меньше, а я не могла произнести этого, боясь вновь быть обманутой в своих чувствах. Я не была уверена, что ему это нужно. Я боялась получить удар.

Он позволял мне звонить отцу, разговаривать с ним не больше трех минут, чтобы телефонный звонок не «засекли», но никогда не оставлял меня во время этих минут. Опасался, что я скажу лишнее? Совершенно напрасно, неужели он не понимал? Я и так знала уже его большою тайну, чтобы раскрыть этот маленький секрет, который, к тому же, мы делили с ним на двоих. Но он чего-то опасался, а я уверяла отца, что со мной всё в порядке. Я не лгала, со мной действительно всё было в порядке. Я находилась в одном доме с мужчиной, которого любила всем сердцем, вопреки всему, такого, каким он был на самом деле, а не тем, каким он пытался предстать передо мной сейчас. Я видела его темную сторону, когда ярость и жестокость управляли им, дезориентируя в пространстве и вынуждая подчиняться отчаянному гневу. Но видела также его светлую сторону, ту, что пряталась в глубине его души, раскрываясь, как любовница перед своим возлюбленным, лишь передо мной. И это тоже о многом мне говорило.

Но он, сам Штефан, так ничего мне и не сказал. Ничего о том, почему похитил, привез в этот дом, забрал у отца, почему так рисковал. Я могла лишь догадываться о причинах его поступка, но не знать наверняка. А Князь молчал, выпытываяще глядя на меня своими серо-голубыми глазами, в которых скрывалась правда. Чего он не мог высказать вслух? Неужели чего-то, действительно, боялся? Того же, чего подсознательно боялась и я, — унижения чувств? Боялся, что, открывшись, познает боль потери и предательства? Он пережил это однажды, — когда его предали родители, продав. И я пережила это однажды, — с ним, когда он сорвал с моих губ признание в противоположном чувстве.

Поэтому я так и не призналась ему? Боялась, что мое чувство... растопчут вновь? И он... неужели он опасался того же? Это был словно замкнутый круг, по которому мы ходили изо дня в день, не решаясь на большее. Он не доверял мне, полагал, что я могу причинить ему боль, унижить чувством. Неужели так плохо меня знал!?

Шесть дней в капкане из собственных сомнений, обид, разочарований прошлого. В границах замкнутого круга, через который мы с ним не могли найти в себе силы перешагнуть.

Но ночью седьмого дня моего пребывания в Норвегии этот круг, наконец, разорвался.

Он услышал ее крик и проснулся. Наверное, даже не от самого крика, а оттого, что почувствовал, что тот вскоре разбудит его. Резко вскочил в постели, растрепанный, в джинсах и рубашке, так как не разделся на ночь, заснув, в чем был. Это было не редкостью для него. Он часто засыпал, в чем был, потому что когда приходил в комнату, ложился в постель и закрывал глаза, представлял ее лицо. И ему снились неприличные сны с ее участием, а может, воспоминания их общего прошлого. Те дни, когда она была его.

Может, ему стоило бы отпустить ее? Если она действительно его женщина, то вернется к нему. Если же не вернется, значит, никогда и не была его. Ведь так, кажется, говорят? Но разве мог он пойти на это? Монстр и хищник в нем мгновенно просыпался, заявляя на Кару свои эгоистические права. Разум твердил о хладнокровии и степенности, а чувство заводилось и кричало о горячности и импульсивности. Он не мог ее отпустить. Но одновременно понимал, что держать ее здесь бесконечно, не может. И готов был лезть на стену от гнева, яростно круша всё вокруг себя. Он и крушил, кстати говоря. В сарае, который находился за домом, было много ненужных вещей, на которых можно было вылить свое раздражение. Попадись ему в этот миг Карим Вийар, он бы и его избил до полусмерти. Но Вийара рядом с ним не было. Зато была Кара.

И он не мог ее отпустить. Он противился самой мысли о том, что когда-либо нужно будет это сделать. А она всё чаще задавалась вопросом, что дальше? И почему он не отпускает ее, зачем сюда вообще привез? И что будет если он не докажет ни ей, ни себе, что она по-прежнему принадлежит ему? Она не задавала ему этих вопросов вслух, но он знал, что они горят внутри нее. И достаточно ли ему сейчас, чтобы она просто была рядом с ним?! Оказывается, недостаточно. Ему было мало. Уже было мало. Недостаточно одного ее присутствия, ему нужно было... ее чувство. То, которое читалось в глазах, движениях, приоткрытых губах, когда она что-то хотела сказать. Он знал, что она чувствует... что-то, как и он, но сказать ему этого не могла. Не решалась. Не верила до конца? Или не была уверена в нем? В том, что ее чувство не будет унижено, как когда-то?

Наверное, правильно делала, что не верила, думал с лютой горечью. Разве может он поручиться, что зло когда-либо не всплывет и не выпрыгнет из клетки, в которую он его загнал? Сможет ли он сам себе верить, чтобы вынуждать ее верить ему!? Ведь он не хороший, и никогда хорошим не станет. Вся его «хорошесть» и терпение были рассчитаны до мелочей, — специально для нее. Он пытался сдержать пыл и погасить импульсивность, чтобы показать ей, что умеет быть таким. Но это совсем не означает, что он будет таким всегда. Скорее всего, наоборот. Таким он будет очень редко. Готова ли она взять его таким и смириться с ним таким? Сможет ли он когда-нибудь признаться ей, как много она для него стала значить!?

Это и стояло между ними, будто стена. И не перешагнуть ее, не перепрыгнуть. Может быть, обойти?..

Он доверил ей свою самую сокровенную тайну. Сначала даже опешил от собственных слов, а потом вдруг четко осознал, что это — правильно. Именно ей он может рассказать. Из всего мира — только ей одной. И она не предаст, не подведет, она сохранит его секрет. Но

все равно, как мазохист, напоминал ей о своем истинном происхождении, следил за ее реакцией, подмечал изменения в глазах и лице. И видел их. Она на него сердилась! За то, что он называл себя «ублюдком». Мрачнела сразу же, а глаза ее темнели, щурясь. И он понял, что она его таким готова была принять. И они больше не заговаривали об этом.

Он позволил ей звонить отцу. Когда она произнесла, что любит его, Штефана передернуло. Подобные слова в адрес другого мужчины для него было слышать неприятно, даже если этим мужчиной был ее отец. Он обозвал себя идиотом, но не перестал ревновать Кару к своему другу. Димитрий в свою очередь ловил возможность поговорить с дочкой, а потому в адрес Штефана нелестных эпитетов старался не высказывать, хотя Князь знал, что того тянет сделать это. Его бы точно тянуло, будь у него дочь, и уведи ее кто-нибудь у него из-под носа. Он бы перебил этому суициднику нос, да и не только его. Мысли о дочери его испугали и обрадовали одновременно. Он не был готов стать отцом, что уж скрывать, он только-только примирился с мыслью, что любит Кароллу, а тут еще кто-то! Но тот факт, что у него дочка может быть... и не от кого-нибудь, а именно от Кары, грела его ледяное сердце. Но он отметал ее столь же быстро и дерзко, как она приходила к нему.

А вот мысли о Каролле не отпускали его. Он плохо спал все последние ночи. Все ночи, пока спала в соседней комнате. Поздно ложился, всегда, перед тем как уйти в свою комнату, подойдя к ее двери и прислушиваясь. Уже спит? Он хватался за ручку двери, каждый раз желая зайти внутрь, но в последний момент резко отворачивался и уходил. Она не запирала дверь на ключ, однажды он проверил это, когда, толкнув ту вперед, обнаружил, что она поддалась. Он ушел в тот день к себе, больше не испытывая судьбу. Спал, естественно, плохо. От мыслей, воспоминаний, от желания обладать той, что лежала за стеной в своей постели. И бесился от осознания, что ей это, возможно, совсем не нужно.

В эту ночь он тоже плохо спал, но не сразу понял, что именно его разбудило. А потом повторился ее крик. Не сказать, что громкий, но он услышал, почувствовав, что его прошиб холодный пот. Стремительно вскочив с постели, Штефан кинулся в ее комнату.

Он навис надо мной, демон с холодными серо-голубыми глазами. Он мне часто снился. В кошмарах, в обычных сновидениях, а сегодня... принес с собой эротическую фантазию, такую горячую, откровенную и возбуждающую, что всё внутри меня горело. Он обнимал меня во сне, я ощущала под пальцами жар его ладоней, и едва смогла унять сердцебиение, чтобы прийти в себя и нормально дышать. Он склонялся надо мной, целовал, яростно проникая языком в рот. Он был жестким и беспощадным любовником, но когда он был иным? Мне это нравилось в нем, его буйность, ярость, откровенное желание, даже его грубая сила. Я так давно не видела ее в нем. Меня окружал только холодная сдержанность и колкость замечаний. А моя душа требовала чувства. Апатия была мне не нужна, а агония наскучила. Я жаждала чувства от него, а он... он мог мне дать его лишь во сне.

И он приходил на мой зов во снах, яростный и безумный, как и прежде. Мой личный демон, Штефан.

А потом лицо моего демона стало ощутимым, я даже смогла коснуться его ладонью, настолько горячей, что ею, наверное, можно было обжечься. Но мой демон не отдернул лица, лишь удивленно моргнул, глядя на меня с легким недоумением, а потом... Он, кажется, что-то сказал. Я не разобрала слов, но так, наверное, положено, если ты спишь. Я глазами молила его о новых ласках, но он почему-то продолжал смотреть на меня, удерживая за плечи и встряхивая, будто призывая очнуться. А потом заговорил отчетливее.

— Кара! — услышала я сквозь отпускающий меня сон его хриплый, встревоженный голос. — Кара, проснись! — повторил он. — Что с тобой? Ты так кричишь... Кара! — вновь коснулся он своими ладонями моего лица.

А я всё никак не могла прийти в себя. Неужели я сплю? Действительно? А как же... Почему он здесь?! И неужели мы с ним... Нет, не похоже. Он не мог... О, нет, он как раз таки мог! Глаза горят, в них полыхает обжигающее пламя, а ладони, касающиеся моих щек, становятся такими же горячими, как моя кожа.

— Штефан, — выговорила я сухими губами и попыталась приподняться.

— Ты кричала во сне, — помогая мне привстать на кровати, сказал Князь, глядя уже не на мое покрасневшее лицо, а на распахнувшуюся сорочку, предоставляющую его жадному взору впадинку у груди.

Странно, но мне не было стыдно, а очень жарко. Я отвернулась от мужчины, попытавшись прикрыться.

Он воспринял мой жест, как намек, и приподнялся с кровати, резко отпрянув от меня.

— Ты кричала, — повторил он, стараясь не смотреть на меня, но продолжая возвращаться ко мне глазами.

— Дурной сон приснился, — солгала я, чувствуя, что начинаю покрываться краской смущения вновь. Знал бы ты, что это был за дурной сон! — Я разбудила тебя, — пробормотала я, чувствуя бешеный стук сердца.

Его жадный взгляд скользнул по моему лицу, остановившись на губах, и меня вновь обдало жаром.

— Да, — медленно выговорил он, продолжая смотреть на меня, будоража кровь, — разбудила.

Мое сердце стучало так сильно, что, наверное, могло бы оглушить меня, если бы этого не сделали слова, которые мне сказал Штефан. Я не двигалась и боялась дышать, а Князь вдруг наклонился надо мной, кладя руки на мои плечи и сжимая их, не больно, но ощутимо. Тот огонь, что полыхал в его демонских глазах, от неяркого света ночника сейчас казался поистине дьявольским. Огонь желания, вожделения, возбуждения.

— Но ты ведь не готова искупить свою вину, — услышала я его гортанный шепот с хрипотцой, и ощутила дрожь, охватившую не только тело, но и, кажется, мою душу. — Я могу взять твое искупление сам, — сказал он, и я почувствовала, как его руки с плеч скользнули ниже, к локтям, кистям, ладоням, легко те сжав, и в один миг вновь переместились на плечи, легко, но с жадностью. — Ты же знаешь это, — медленно скользнув пальцами под бретельки сорочки, потянув те вниз, проговорил он, не отрывая глаз от моего лица. — Знаешь, — протянул он, обнажая мои плечи, едва касаясь разгоряченной кожи кончиками пальцев, возбуждая меня тем самым еще больше.

— Чего ты хочешь? — прошептала я вмиг пересохшими губами, пытаясь подавить сладкий выдох.

— Я могу взять всё, — был мне ответ. Глаза в глаза, а пальцы продолжают скользить по коже, оставляя на ней обжигающий след принадлежности этому мужчине. — Но хочу, чтобы ты отдала мне что-то сама, — он навис надо мной, обдавая теплом дыхания, и мои губы невольно приоткрылись, ожидая поцелуя. Но вместо этого Штефан резко наклонился и прижался губами к моей шее, вынуждая меня откинуть голову. Влажный язык медленно пополз вверх, коснувшись подбородка, а затем вниз, вызывая дрожь в теле.

Я сжала одеяло, сдерживая стон, рвущийся из груди. Его руки коснулись моей

обнаженной груди, а жар дыхания коснулся возбужденных сосков. Из горла вырвался тихий стон, тело продолжало пылать, выгибаясь дугой под умелыми губами соблазнителя.

— Штефан, — проговорила я, не зная, что хочу сказать. Просить остановиться? Или молить о продолжении?

— Сладкая, — услышала я его тихий голос, — и горячая, — губы коснулись напряженного соска, и я дернулась, а когда язык обвел его по контуру, невольно застонала. Он что-то пробормотал в мою кожу, тепло его дыхания щекотало кожу и возбуждало трепетную дрожь, но я не могла отдаться ощущениям полностью, будто что-то сдерживало меня. Словно стена, недоговоренность, апатия.

Его руки сжали мои плечи, скользя по ним вверх и вниз, а губы жадно касались груди, прикусывая и лаская. Горячее тяжелое дыхание сводило с ума, наполняя легкие раскаленной лавой и вынуждая отчаянно ловить ртом воздух. С моих губ сорвался стон, а голова запрокинулась. Почему я не могу ему противиться? Я ведь должна сказать ему нечто важное! Сейчас не время, твердил внутренний голос, но я понимала, что потом может не представиться возможности.

— Штефан, — попыталась окликнуть я его, но он покрывал жадными поцелуями мою и грудь и неожиданно двинулся вверх, захватывая губами ключицу и обдавая жаром шею. — Штефан, — повторила я, попытавшись оттолкнуть его от себя. Он, не сразу, но поддался, приподнял голову, взглянув на меня мутными от страсти глазами. Тяжело дышал, приоткрыв рот, а потом вдруг стиснул зубы.

Он всё понял без слов, стремительно приподнявшись и глядя на меня горящими глазами, но сдержанно.

— Штефан, — повторила я глухо, понимая, что знаю, что нужно сказать, но не в силах сделать этого.

И тут его взгляд вдруг падает на мое оголенное плечо и застывает. Не верит, удивлен, изумлен, я вижу это по расширившимся глазам и нахмуренным бровям, сведенным к переносице. Миг... и он смотрит уже мне в глаза. А в этих серо-голубых глубинах — вопрос. Немой, но я слышу, что он кричит, надрывно кричит, задыхаясь.

— Метка, — выдыхает он едва слышно, но в застывшей тишине я могу услышать, как стучит его сердце. — Ты не избавилась от нее, — выговорил он, вдруг сощурившись. — Почему? — голос жесткий, будто Князь недоволен тем, что увидел. — Почему, Кара?

И я произношу единственное, что следует произнести сейчас. Правду.

— Но ведь я тебе... принадлежу.

Ноздри его вздулись, глаза сощурились, лицо помрачнело, но рука, лежащая на моей груди, вдруг стала тяжелее. Возбужден до сих пор, и я чувствую его возбуждение бедром, которого он касается.

— Ты больше не рабыня, — жестко напоминает он. Мне! Кто бы мог подумать?!

— Это что-то меняет? — вызывающе спросила я, блеснув глазами, а он промолчал. Но глаза выдали его с головой. Я знала, о чем он думает. Потому что думала о том же. О том дне, когда случилось... несчастье.

И я почувствовала невыносимую потребность сказать ему всё. Будто взрыв эмоций, которые были зажаты в нелепые рамки правил, выстроенных кем-то мне не известным. Желание признаться, доказать, рассказать ему... вылить на него всю боль и негодование, что скопилось во мне за эти месяцы. Ту боль, которая мешала говорить о любви. То негодование, которое препятствовало признанию.

— Я не спала с Каримом Вийаром, — выдохнула я ему в лицо, теплый шепот, просто обжигающий. — Только с тобой всегда, — проговорила я, облизнув губы. — Только с тобой.

— Я знаю, Кара, — прошептал он мне в ответ. — Я всё знаю.

Но мне было этого мало. Слишком мало теперь!

— Нет, ты не понимаешь, — проговорила я уверенно. — Ты не веришь мне, ты веришь им... камерам, Вийару, кому угодно, но только не мне!.. — наверное, я его подсознательно провоцировала в тот момент. Не нарочно, на уровне подсознания, пытаюсь выкрасть у него чувство, признание, еще одно, самое важное откровение.

— Я верю тебе, — заявил он, склоняясь надо мной. — Лишь твое слово значит для меня всё, — пристально глядел мне в глаза. — А Вийар и камеры... только подтвердили мою уверенность в твоей невинности.

— Тогда почему ты это сделал тогда? — едва не плача, выдохнула я, удерживая его за ворот рубашки. — Зачем ты поступил так со мной?.. С нами!?

— Я не знаю, — прошептал он, стиснув зубы. — Не знаю...

— Знаешь! — твердо заявила я, пристально глядя ему в глаза. — Ты всё прекрасно знаешь! — повторила я. — Но не желаешь признаться мне в этом. Ты признался, что не истинный Кэйвано, ты не испугался, а сейчас... — и оттолкнула его от себя, но он не поддался. — Уходи, — сдерживая слезы, выдохнула я. — Уходи! — отвернувшись от него, стараясь не показать своей слабости. — Ты думаешь, я буду унижать тебя чувствами?! Ты так обо мне думаешь?! — выкрикнула я, уже не сдерживаясь. — Значит, ничего не чувствуешь? — тише произнесла я. — Уходи! — решительно повторила я, не глядя на него. — Уходи! — забрыкалась под ним, пытаюсь сбросить с себя каменное тело мужчины, которого по-прежнему безответно любила.

— Ты вынуждаешь меня, да? — выговорил он мне в ответ, не отпуская, а лишь с силой удерживая на месте. — Вынуждаешь сказать это вслух? Что я не могу без тебя? Что ты нужна мне?! Что я... я... Я не могу! — выкрикнул он и отчаянно накинута на меня, яростно раздвигая языком губы и проникая внутрь. — Кара!..

Я его не остановила, более того сама прижалась к нему, будто только этого ждала. Этого взрыва чувств, этого шага навстречу, ко мне, в мои объятия. Мои губы раскрылись под напором его языка, и тот скользнул внутрь, сплетаясь с моим языком. Руки жестко сжали мои плечи, а потом грубо потянули сорочку вниз, высвобождая меня из пут одежды. Полный жара желания, воздух коснулся моих возбужденных сосков, и я вздрогнула. Штефан зацепил мои губы зубами и слегка потянул, в то время как его пальцы жадно гладили кожу моего живота, спускаясь ниже и потягивая за собой сорочку.

Я не поняла, как мы оказались без одежды, но вдруг в полной мере ощутила его обжигающую кожу, и едва не задохнулась от восторга. Последняя преграда в виде кружевных трусиков исчезла, открывая жадному и ищущему взору мою наготу. Взметнувшееся смущение испарилось, стоило Штефану полными вожеления и страсти глазами взглянуть на меня. А потом он набросился на меня, крепко сжимая в руках и, казалось, желая исследовать меня вдоль и поперек в считанные секунды.

А я могла лишь подчиняться моему демону, потому что хотела и нуждалась в этом не меньше, чем он.

— Я не уйду, — жарко выдохнул он, продолжая целовать мое лицо, спускаясь к шее. — Не останавлиюсь. Ни за что, — губы коснулись твердых горошин сосков, захватив те в плен. — Можешь даже не просить, и готовься к последствиям.

— Штефан, — выдохнула я, выгнувшись под его губами, а язык тем временем лизнул грудь, обводя соски.

— Ни слова, — перебил он, продолжая сладкую пытку, скользя губами вниз, к пупку, животу. — Не позволю.

Его ладони решительно скользнули вдоль моего тела, поглаживая, лаская, вызывая мучительный стон, а когда нашли пульсирующую плоть и слегка погладили, я выгнулась под ним дугой, вынуждая действовать. Я пылала, ощущая, как жар давит на меня, сжигает изнутри, вовлекая в свой бешеный круговорот из чувств и прикосновений. Когда его один его палец скользнул внутрь, а другой слегка надавил на возбужденный участок плоти, я едва не задохнулась собственным криком.

— Штефан!.. — взмолилась я, только не понимала, о чем: прекратить эту пытку или не прекращать никогда.

Но демон был неумолим, продолжая движения внутри меня, и одновременно припадая к моей груди, он покусывал чувствительные соски, вынуждая меня молить о новой ласке. Его губы обжигали, его поцелуи разжигали страсть, а сам он... возбуждал меня до такой степени, что я готова была кричать от наслаждения. Он всегда без труда мог этого добиться, словно всегда имел над моим телом высшую власть.

Он коснулся горячим шепотом моего уха, а потом, потерся носом о шею, вдыхая аромат волос.

— Я обожаю твои волосы, — проговорил он. — Обожаю, когда ты сверху, и они касаются моей кожи. Ммм...

Меня пронзило жаром до основания, а между ног усилилась пульсация, нарастая с каждым мгновением от его хриплого голоса и дурманящих прикосновений. Сердце забилося раненой птицей в силках демона, и едва не замерло, когда он надавил на чувствительную точку у меня на шее языком, а потом прикусил. Жар взметнулся во мне, распалая, между ног стало бесстыдно влажно, горячо. Но свести ноги мне не позволили.

Его губы двинулись вверх, собирая сладость кожи губами и зубами задевая чувствительные миллиметры тела, превратившегося в сплошной оголенный нерв. Язык очертил круги вокруг сосков, в то время как к одному пальцу внутри меня присоединился еще один, вмиг ставший влажным от очевидности моего желания. Я замотала головой в разные стороны, волосы еще больше разметались по подушке, руки против воли взметнулись к его спине, царапая кожу ногтями. Бедра приподнялись, стремясь к источнику желания и удовлетворения древнего инстинкта обладания. Но демон не давал права на разрядку, останавливаясь за мгновение до блаженной дрожи, и отнимая руки, вынуждая меня биться под его возбужденным телом от неудовлетворенности и отчаяния. И вновь возвращался ко мне, проникая внутрь, наслаждаясь хриплыми стонами и раскрепощенностью, которую дарил мне. В его руках я не могла чувствовать себя хоть немного смущенной, потому что он знал о моем тебе всё. Я сдержала крик, готовый вот-вот сорваться с моих губ, когда его палец, отыскав самую чувствительную точку моего тела, надавил на нее, затем, ощутив мою дрожь, сделал это вновь. И вновь, и вновь...

— Кричи для меня, — услышала я его голос около своего уха, — кричи, моя малышка! Кричи для меня!..

И я закричала, когда движения его пальцев, ускорившись, подвели меня, наконец, к кульминации. Меня била крупная дрожь, кончики пальцев ног онемели, а ошеломление от произошедшего еще не отступило и не отпустило меня. И в тот же миг я ощутила, как

Штефан толкнулся в меня, резким и уверенным толчком проникая внутрь. Пульсирующая дрожь моего тела вмиг охватила его плотным горячим кольцом. Он замер, словно оглушенный, заглянул в мои глаза, в которых горела неистовая страсть, и застонал сквозь зубы.

— Боже!.. выдохнул он сквозь зубы. — Кара!..

И, выдержав еще одно бесконечно долгое мгновение, резко и немного жестко схватил меня под бедра, приподнимая, и вонзился в меня до конца, застонав вновь, вторя моему приглушенному стону.

— Держись, — едва выговорил он, стиснув зубы, у моего рта. — Держись!.. — повторил он с какой-то долей отчаяния в голосе, а потом вдруг резко приподнял меня, одновременно отстранившись, и вновь вошел в меня. Я едва не задохнулась, воздух будто вышибли из легких. А Штефан продолжал двигаться, жестко удерживая мои бедра, губами скользя по моим губам, касаясь языком подбородка и спускаясь к шее. Он будто испивал меня до дна, как дорогое вино, которое следовало бы смаковать. Но он брал жестко и почти грубо, обезумевший и обжигающе горячий. Приподнявшись на колени, закинул мои ноги себе на плечи, на краткий миг дав мне передышку, а затем ворвавшись в меня с прежней яростной страстью. И я отдалась на милость этого властного мужчины, вскрикивая от восторга, оставляя на его спине метки собственного завоевания.

— Кара, — не прекращая движений, прошептал он, касаясь губами основания моей шеи. Застонал, закусив мою кожу, а потом поцеловав место укуса. — Кара! — выкрикнул он, сжимая меня в руках, до боли, до хрипа, до полного удовлетворения. Он ворвался в меня в последний раз, и я взорвалась сотней разноцветных искр, лишь на мгновение опередив его, задрожавшего и с силой пульсирующего внутри меня. Его была дрожь, а полученное удовлетворение было для нас очевидным, но Штефан продолжал интуитивно вращать бедрами, погружаясь в меня вновь и вновь, пока я, к своему изумлению, с гортанным криком, не кончила еще раз. И только тогда он, застонав, сжал меня в объятьях, притягивая к себе, будто пальцами пытаюсь выбить на мне принадлежность ему.

Я тяжело дышала, не в силах сделать хотя бы еще что-то, даже пальцем пошевелить не могла, лежа в кольце его руки и прижимая к себе этого мужчину, чувствуя впервые за долгое время спокойствие и тихое умиротворение. Сейчас я могла лишь закрыть глаза, ни о чем не думая, не рассуждая, не спрашивая и не отвечая на вопросы. Просто лежать в его объятьях, слушать учащенное дыхание лежащего рядом мужчины и вздрагивать от осознания счастья, которое настигло нас в эту ночь.

Я начала проваливаться в сон, когда он высвободился из моих рук. Я хотела запротестовать, но он ловко схватил мои ладони и закинул их мне за голову, а потом приподнялся и устроился рядом, вынудив меня положить голову ему на плечо, и позволив рукам, метнувшись к груди, застыть в районе своего сердца.

— Я любила тебя, — прошептала я, чувствуя, что сон начинает захватывать меня в свои объятья. — Даже когда ты... это сделал с нами, — мой голос сошел до шепота, — всё равно любила, даже тогда, — призналась я, считая, что мужчина, держащий меня в объятьях, не слышит моего признания.

Но Штефан слышал всё до единого слова.

Он нашел меня в гостиной на следующий день. Я сидела в кресле, поджав под себя ноги и делая вид, что читаю. Ни о каком чтении речи быть, естественно, не могло. Какое чтение,

когда весь мысли лишь о нем!? Мой демон, мой палач, мой Князь. Единственный мужчина, которого я когда-либо любила. Всегда любила и всегда буду любить. Вчера я осознала это со всей отчетливостью. И дело было даже не в том, что мы провели ночь, а в том, что он... сорвался. Он чуть было не сказал мне! Он почти признался. Он не дошел до главных слов совсем чуть-чуть. Но я чувствовала себя отчаянно счастливой. Ему нужно время на то, чтобы признаться, чтобы смириться с этим, чтобы с этим жить. И я подожду. Я готова ждать. Ведь все слова, которые он хотел сказать мне, он говорил каждый день. Глазами, губами, движениями и касаниями. Даже своей сдержанностью и холодностью, которые я терпеть не могла. Но они были для меня — не оценить этого я не могла. И даже для того, чтобы произнести всё вслух, обличив мысли и чувства в слово, ему понадобятся годы, я подожду. Потому что я всё и так знала. Я чувствовала, что знаю всё.

Я хотела сказать ему это утром, но нам не удалось поговорить. Когда я проснулась, Штефана не было в постели, я, прикрытая одеялом, лежала на его подушке, обнимая ту, как недавно делала, обнимая горячее мужское тело. Я приподнялась, осматриваясь. Чувство тоски, опустошенности и одиночества, брошенности накатило на меня, обдавая желчью и горечью. Он меня оставил!? Лишь потом я увидела эту его записку. От сердца отлегло, немного, не понравилось же мне то, что он уехал из фьорда. Без меня. На время. Сказал, что у него дела. Я ему не особенно верила, но решила для себя узнать, в чем дело, когда он вернется.

Но вернулся он уже вечером, когда служанки разошлись, а я, глядя в окно, с тоской ждала его. Несмотря на то, что видела, как он идет к дому, я все равно вздрогнула, когда открылась дверь. Отложила в сторону книгу и посмотрела на вошедшего Штефана. Он, застыв на пороге, тоже смотрел на меня. Я заметила в его руках коробку, но обратила свой взгляд на его лицо. Встревоженное, взволнованное? Что не так? Я никак не могла уловить его состояния. Встав с кресла, я сделала пару нетвердых шагов к нему и застыла.

— Где ты был? — вскинула я на него горящий взгляд. Хотелось о многом с ним поговорить, о прошлой ночи — особенно, но начинать с этого не стоило.

— Мне нужно было съездить в город, — ответил он, раздеваясь. — Кое-что купить. Значит, он ездил в город. А мне туда путь закрыт? Я даже с этим готова была смириться. Пока.

— Мог бы сказать мне об этом, — пробормотала я, не сдержавшись, и заметила, что он нахмурился.

— Я, кажется, оставил записку.

И я почувствовала себя глупо. В чем я пытаюсь его обвинять? Но его состояние, оно не нравилось мне. Какая-то слепая решимость, уверенность горит в глазах. И я боюсь ее, поэтому стою и просто смотрю на него, будто опасаясь подойти ближе.

А Штефан тем временем разделся до джинсов и кофты, тоже молча глядя на меня.

— Что ты купил? — спросила я не в силах выносить молчание, глядя на оставленную им коробку.

Он долго смотрел на меня, таким взглядом, что у меня по телу забегали мурашки. Пронизывающий взгляд, ужасный взгляд, я едва удержалась на ногах от горячей волны, ударившей в лицо.

— Штефан, — выговорила я надрывным голосом, боясь получить ответ на свой вопрос.

— Это мой подарок, — сказал он, наконец, — тебе. Он тебе необходим, чтобы... кое-что прояснить.

Он взял коробку со стола и стал ее раскрывать, медленно, неспешно. А я стояла и смотрела на него с трясущимися руками и бешено колотящимся сердцем. Что он задумал? Что задумал, черт возьми?! Ведь это будет не просто подарок, я видела эту... решимость, этот безумный блеск в глазах! Он что-то выдумал!?

— Штефан, — опять глухо выговорила я, ощущая нарастающую во мне панику. — Не нужно...

Его твердый гордый взгляд встретился с моим, несмелым и встревоженным. Князь был непоколебим.

— Ты знаешь, не хуже меня, что нужно, — сделал он акцент на последнем слове. — Тебе. И мне. Нам обоим.

И раскрыл коробку, отбросив крышку в сторону. Я боялась смотреть на то, что лежало внутри, то, что он взял в руки, так же решительно, как всегда это делал. Я смотрела лишь на его лицо, непроницаемое и какое-то угрюмое. И боялась, внутри всё дрожало, сердце пустилось вскачь, а ладони стали влажными. Грудь сдавило невидимыми тисками, мешая вдохнуть глубже, а я продолжала смотреть в его лицо, не решаясь отвести взгляд и опустить его на то, что он сжал в руках.

— Я слышал, что ты сказала, Кара, — тихо сказал Штефан, отбросив коробку и зажав в руке мой «подарок». — Сегодня ночью. Когда ты думала, что я не слышу, — он горько улыбнулся, увидев мое замешательство.

А я молчала, не могла и слова вымолвить, глядя на то, как он неспешно и размеренно продвигается ко мне. И мне хочется кинуться от него прочь, не потому, что я его боюсь. Нет, вовсе не поэтому, я его не боюсь уже, потому что точно знаю, что он не причинит мне боли, больше никогда. Но мне страшно от его пронизывающего уверенного взгляда. И меня бросает в дрожь. Я хочу уйти, убежать, силясь сделать хоть одно движение, чтобы скрыться от его решительного напора, но он не позволяет мне этого, удерживая на месте. Он продолжает наступать, а я не могу сделать и движения, чтобы остановить его.

— Ты сказала, что любила, — выговорил он сквозь зубы, так, будто эти слова дались ему с трудом. — Любила меня тогда. Это правда? Скажи мне, Кара, — подчиняя меня звуку своего голоса, спросил он. — Правда!?

Я лишь кивнула, а он стиснул зубы и нахмурился. И будто сердце вырвали у меня из груди в этот миг от напряжения, тоски, отчаяния. В глазах мелькнуло что-то, чему я не могла дать названия.

— В тот день я убил в тебе любовь, — сказал он, не спрашивая, а утверждая. — Это тоже правда? Кара!?

— Нет, не правда, — попыталась я возразить.

— Правда, я вижу по глазам, они всегда говорили мне то, что ты хотела бы скрыть, — скривился он горько. — И сегодня я отдам тебе взамен... свои чувства.

Не понимая, о чем он говорил, я стремительно перевела взгляд с его лица на мой «подарок», который он сжимал в руках, и охнула, попятившись. Сверкая своей зазывающей, устрашающей чернотой, в его ладони был зажат кнут. Жесткий, хлесткий, свистящий удар из воспоминаний разорвал воздух, вынуждая меня содрогнуться.

— Что это? — едва выговорила я, отчаянно сопротивляясь всем своим существом.

Я стала пятиться, а Штефан наступал на меня, не желая отпускать.

— Тебе нужно сделать это, — проговорил он, глядя на меня, сжимая кнут. — Нужно, понимаешь?

— О чем ты? — я дрожала, глядя на него.

— Я сделаю это для тебя, — сдержанно выговорил он, не отпуская моего взгляда из своего плена. — Впервые за долгие десятилетия сделаю... сам. Для тебя.

— Я не понимаю, — едва не плача, проговорила я.

— Если это убедит тебя в том, что я... я... чувствую к тебе... то я согласен на все.

Я и так знаю это! Я всё знаю, хотелось крикнуть мне, чтобы прекратить эту пытку, но я не смогла. Горло сдавил спазм, вынуждая задыхаться и лишь повторять без умолку его имя и просить остановиться.

— Штефан, — прошептала я, глядя на него, — что ты делаешь?.. Штефан!..

Он протянул мне кнут, не отрывая глаз от моего изумленного лица.

— Возьми его, — резко сказал он. — Сделай то, что делал я. Я хочу почувствовать то, что чувствовала ты...

— Штефан!.. — воскликнула я, отмахнувшись от кнута, как от яда. — Ты сошел с ума!.. — выдохнула я.

— Ты меня любила тогда, ведь правда? — продолжал он хрипло, но немного грубо. Холод его глаз пронзил меня до основания. — Любила, я знаю. А я тебя предал, не поверил тебе, унизил... уничтожил твою любовь...

— Штефан, не нужно!..

— Я хочу понять, — безжалостно продолжал он, — что ты чувствовала, когда любимый человек избивал тебя. Как умирала в тебе любовь и рождалась ненависть, — он уверенно протянул мне кнут. — Возьми!

— Нет, — прошептала я, отскочив от него, и глядя на Штефана изумленно. — Нет...

— Тебе станет легче, Кара... Каролла, — тут же поправился он. — Ты поймешь. Это нужно!..

— Как ты можешь так говорить? — воскликнула я. — Мне не станет легче оттого, что я... я... — и, взглянув на него, закричала: — Я не стану этого делать! Нет!..

— Ты добрее меня, ты лучше. Я никогда не был тебя достоин, я знаю. Но ты за что-то... полюбила меня, — сказал он сдержанно, стиснув зубы, гордый мужчина, непоколебимый в своей уверенности. — И я не хочу, чтобы ты жила с болью предательства в груди. Я предоставляю тебе право на месть, все по-честному, — жестко добавил он: — Я хочу, чтобы ты сделала это. Я хочу, чтобы ты не чувствовала боли... и ненависти. Может быть, тогда ты сможешь, — глаза его сощурились, губы сжались в плотную линию, будто слова давались ему с трудом, — полюбить меня вновь. Как раньше.

И эти его слова взорвали во мне вихрь чувств и эмоций, закружили, взбудоражили, захлестнули, почти убили. Он, этот гордый, волевой мужчина, уже всему миру доказавший, чего он стоит. Князь, палач, демон во плоти, жесткий и безжалостный, когда-то отобравший у других право занести над собой плеть, позволил сделать это мне. Мне!? Чтобы доказать, что он... чтобы убедить меня... Боже!.. Вся суть происходящего открылась передо мной, будто картинка в книге. Он делает это для того, чтобы я смогла... вновь полюбить его! Он обещал себе никогда не позволить этому свершиться, никогда не пасть на колени, самому вершить собственное правосудие, но не позволить вершить его над ним. Но разве стоял он сейчас на коленях? Разве был слаб и беспомощен? Истинный Князь! Гордый и волевой, решительный и сильный. Даже в проявлении этого поступка, достойного лишь сильного мужчины!

И я приняла решение, глядя в его сощуренные глаза, на сведенные брови, мрачное

сдержанное лицо и плотно сжатые губы. Никаких эмоций он не выражал, и одновременно в нем было столько эмоций, что не каждому под силу выдержать их, приняв их как данность.

Я вскинула подбородок и кивнула, глядя ему в глаза.

— Хорошо, — облизнула дрожащие губы. — Я сделаю... это.

Его глаза уверенно блеснули, он кивнул мне в ответ. Подошел ко мне, протягивая кнут, но не отрывая глаз от моего лица. Я взяла в трясущиеся руки кнут, ощущая в пальцах его тяжесть, и сжала.

Штефан стянул с себя свитер и повернулся по мне обнаженной спиной. Встал на колени. Передо мной!

— Сделай это, — резко сказал он, гордо выпрямившись и расправив плечи. — Сделай, Кара!..

Он был воином, он был Князем, он был моим падшим демоном. Но он был мужчиной, которого я любила больше жизни. За ЭТО проявление его любви ко мне, так и не высказанное вслух, но не менее, а даже более ценное, чем пустые слова!

Мой милый, гордый демон, неужели ты думаешь, я действительно сделаю это, после твоего признания? Я бы и без него не смогла, а уж после него!..

Мои руки дрожали, когда я подходила к нему, а ноги стали ватными. Мгновения слились в один единый и беспощадный миг, когда я должна была занести кнут, чтобы вершить справедливость.

И, когда Штефан, очевидно, ожидал первого удара, я приподнялась на носочки, пытаюсь возвыситься над его спиной, обнимая плечи, и, коснувшись уха, прошептала:

— Прости, не могу. Я люблю тебя.

Я почувствовала его дрожь всем телом, будто она пронзила меня, а не его. Я отбросила кнут в сторону и обняла Князя обеими руками, прижимаясь всем телом к его обнаженной спине, желая, чтобы он обнял меня в ответ.

— Я недостоин тебя, — прошептал он сдержанно и почти холодно. — Недостоин твоей любви.

— Я знаю, — коротко шепнула я, целуя его висок. — Но я все равно люблю. И никогда не причиню тебе боли.

— Но я причинил ее тебе, — покачал он головой. — Я причинил!..

— Я знаю. Но также я понимаю, — я обняла его еще крепче, — почему ты так поступил. И я принимаю, — прошептала я чуть слышно. — И прощаю.

Он резко повернулся, рывком схватив меня в объятья, и повернул лицом к себе. Взгляд его было одновременно растерянным (у моего Князя!?) и в то же время уверенным.

Штефан решительно поднялся с колен, не отрывая от меня глаз, и сжимая всё крепче.

Я затаила дыхание, боясь шевельнуться, и всё смотрела в его серо-голубые демонские глаза, которые жгли меня чувством, страстью, откровением, благодарностью... И я не могла оторвать от него взгляда, я сжимала его в объятьях, причиняя ему боль ногтями, но не могла иначе, не могла отпустить его. Не теперь. Никогда. Только мой Князь.

— Ты ведь читала мои визитки, — заглянув мне в глаза, проговорил он, грубо сжав меня за плечи и спину.

— Ты же знаешь, что читала, — усмехнулась я, вспомнив вечер, когда он меня похитил.

— Тогда ты понимаешь также, что если скажешь «да», — рыкнул он, захватив меня в хищнический плен, — то я уже не отпущу тебя. Никогда.

— А ты собирался отпустить? — удивилась я.

— Черт, конечно же, нет!

— Тогда зачем говоришь глупости, — и сама потянулась к нему для поцелуя. Жадного, сладкого, желанного.

— Ты... научишь меня, правда? Любить себя так же, как делаешь это ты? — прошептал он, глядя мне в глаза.

— Я не хочу, чтобы ты любил меня так же, — покачала я головой. — Люби так, как всегда это делал. Просто люби. Больше мне ничего не нужно, — и улыбнулась, немного грустно, но легко.

Он долго смотрел на меня, а потом вдруг прижал к себе, кладя голову себе на плечо, поцеловал мои волосы, виски, вдохнул аромат ванили. Я дрожала в его объятьях, слушая, как стучит его сердце. Он любит, я точно знала, я чувствовала это. Пусть он не признался мне в этом, пусть... Потом, он сделает это потом. Ему просто нужно время. Важнее, что он сделал, чтобы доказать мне свои чувства. А слова... пусты.

И вдруг...

— Я... люблю, — прошептал Штефан хрипло, едва слышно, я удивленно моргнула. Попыталась отстраниться и заглянуть ему в глаза, но он не позволил, настойчиво прижав меня к своему плечу. — Каролла!.. — выдохнул он, будто сам удивленный своим неожиданным признанием, не позволяя мне отстраниться.

И я поняла его без слов. Покорно склонила голову на прежнее место и улыбнулась уголками губ, не в силах сдержать лучистый свет глаз.

— Кара, — поправила я его. — Только твоя Кара. Пусть это для тебя означает... любимая, — выговорила я сквозь слезы, вдруг коснувшиеся моих щек и губ.

Он сжал меня в объятьях, уткнувшись в мои волосы. И я слышала его восторженный шепот.

— Я люблю тебя. Боже, как же я люблю тебя!..

Эпилог. Не проигранная война

Эпилог

Не проигранная война

Газеты всех стран мира трезвонили об этом событии. Свадьба года. Представительница знатного рода Мартэ, недавно найденная наследница, единственная дочь Димитрия Мартэ, известного промышленника, Каролла, согласилась стать женой одного из влиятельнейших людей мира, предпринимателя Штефана Кэйвано. Очередной любовный союз в высшем свете, который, тем не менее, всполошил общественность.

Кто-то поговаривал, что это был лишь брак по расчету. Два древних рода решили объединиться, чтобы возглавить собственную империю, и ни о каком чувстве со стороны леди Мартэ и Кэйвано говорить не имело смысла. Когда они могли познакомиться, успели полюбить друг друга, что их вообще могло связать, если она долгое время была никем, лишь в один миг завоевав всеобщую известность, а он был всем в том мире, о котором она могла лишь мечтать. Конечно, это был расчет. Не редкость, а скорее, принимаемая как данность альтернатива получить повсеместную власть. Но были смельчаки, утверждавшие, что леди Мартэ и Штефана Кэйвано связывает крепкое чувство. Таковых было мало, потому что проявления этого самого чувства никто не подметил. Их редко видели вместе на публике, а подкрасться к ним ближе, чтобы, улучив момент, застать их вдвоем в компрометирующей ситуации, не удавалось. Об интервью не могло быть и речи, обе стороны категорически отказывались от этого. Долгое время эта свадьба считалась фальшивкой, разыгранной лишь для привлечения внимания, а факт, что ни одному фотографу за это время не удалось застать эту пару вместе, говорил сам за себя.

Но вскоре слух, принимаемый многими за очередную газетную «утку», был опровергнут, когда одному удачливому фотографу удалось запечатлеть леди Мартэ и Штефана Кэйвано вместе. И данная фотография облетела страницы всех газет и журналов мира в считанные часы.

— Я их убью, — глядя на фотографию, выговорил сквозь зубы Штефан.

— Кого? — потянувшись, поинтересовалась я, удивленная, что слова об убийстве были произнесены им совершенно будничным тоном, словно он собирался встретиться с партнерами после обеда.

— Точнее его, — поправился он, продолжая рассматривать фото. — Фотографа, который сделал этот снимок, — он протянул мне газету, и я с широко раскрытыми глазами взглянула на предмет его возмущения. — Он труп, — безапелляционно заявил Штефан, нахмурившись, и подошел к столу, схватив телефон.

Я молчала, глядя на обнимающуюся на первой странице газеты пару. Я поняла, что его задело.

В девушке, стоящей спиной к объективу фотокамеры, меня узнать было не так просто. Точеная фигурка, длинные черные волосы, струящиеся по спине, красное платье чуть выше колен. Мною могла быть любая другая девушка сходного телосложения. А вот Штефан, склонившийся к моим губам и придерживающий меня за талию, был как на ладони.

Сомневаться, что на фото именно он, не приходилось. Думаю, что для прессы, сопоставить одно и другое не составило труда, учитывая, как они ждали подтверждения свадьбы.

Я помнила тот день, когда, очевидно, был сделан этот снимок. Это был прием в честь официального объявления о нашей помолвке в светском кругу, для избранных гостей, представителей Второй параллели. Прессе, естественно, путь на данное мероприятие был закрыт. Входы и выходы тщательно охранялись. Но, по всей видимости, кто-то, решив заполучить сенсационный репортаж, смог пробраться к черному входу, через который мы со Штефаном покидали прием. Я помню, Штефан тогда сказал, как ему приятно видеть ошеломленное лицо Карима Вийара, которого он так и не простил, а потом, будто вновь ставя на мне метку принадлежности, поцеловал, жадно и страстно. На радость фотографу, ставшему свидетелем данной сцены.

И, кажется, вскоре этому смельчаку придется поплатиться за свое опрометчивое стремление завладеть сенсацией. Когда Штефан исполнит свою угрозу. Не в полной мере, но фотографу я не завидовала. Штефан почему-то отчаянно оберегал новость о нашей свадьбе от посторонних людей. Если бы я не знала его так хорошо, то предположила бы, что он боится банального сглаза. Но даже мысль об этом была смехотворна. Хотя факт оставался фактом: до недавнего времени круг посвященных в нашу свадьбу был настолько узок, что всех осведомленных можно было пересчитать по пальцам одной руки. После официального объявления Штефан заявил, что на свадьбе будут присутствовать лишь родные и близкие, а поскольку у нас их было не так и много, круг приглашенных на данное торжество тоже был весьма скудным. О прессе, конечно же, не могло быть и речи. Снова. Не сказать, что я жаждала, чтобы такое интимное событие моей жизни освещали вспышки фотокамер, но винить газеты за то, что они банально выполняли свою работу, тоже не стоило.

А фотограф, заснявший нас в весьма... пикантный момент, вот-вот мог нарваться на неприятности.

Я перевела взгляд на Штефана, который искал в справочнике нужный номер.

— Штефан, — окликнула я Князя, — это его работа.

— А мне плевать, — отрезал он. — Я дал частное распоряжение, чтобы ни одной фотографии не появилось в газете. Его нарушили, — он взглянул на меня, сверкнув глазами, — и нарушитель понесет наказание.

Я покачала головой и, отложив газету в сторону, встала с дивана, на котором сидела.

— Штефан, — повторила я, подойдя к Князю и тронув его за плечо, — он не сделал ничего противозаконного.

— Не сделал? — его брови удивленно поползли вверх.

Какой же грозный! Я улыбнулась. Истинный грозный Князь, великий и ужасный. И почему я не боюсь?

— Он пробрался на прием, Кара, — сдержанно выговорил он, не прекращая поисков нужного номера. — Что он еще заснял, прежде чем его вывели из дворца!?

— Он просто собиратель сплетен, — уговаривала я его, пытаясь вырвать телефон из цепких пальцев.

— Наша свадьба — не сплетня, — сквозь зубы выговорил Штефан, отбирая у меня телефон.

— Она будет считаться таковой до тех пор, пока мы официально не объявим, что помолвлены.

Он с удивлением воззрился на меня, а потом его глаза вдруг сощурились, а взгляд стал

напряженным.

— Ты предлагаешь... дать им еще бóльшую почву для сплетен? — изумился он, а я, воспользовавшись моментом, вырвала телефон из его рук и отбросила в сторону.

Пока он не опомнился, глядя на меня с изумлением, став возражать, обхватила его за плечи, слегка сжав.

— Я предлагаю поделиться со всем миром нашей радостью, — проговорила я спокойно.

Штефан нахмурился, долго смотрел на меня, а потом, поджав губы, жестко выдал:

— Я не собираюсь ни с кем ею делиться, — схватив меня за плечи, прижав к себе, горячо добавил: — Я тобой не намерен делиться!

Я криво усмехнулась. Будто кто-то посмеет.

Он не мог спокойно на это отреагировать, и я это знала. В этом они с отцом были схожи, тот тоже не желал, чтобы информация о свадьбе просочилась в прессу. Были у него сомнения и насчет самой свадьбы, а особенно насчет моего жениха, его будущего зятя, но я их развеяла. Хотя замечала порой косые взгляды в сторону Штефана, которыми поглядывал на него лорд Мартэ. Они сдержанно кивали друг другу, пожимали руки, даже кое-как, явно через силу, улыбались, а потом один говорил, чтобы я хорошенько подумала и не совершала глупостей и необдуманных поступков, а второй сокрушался, что житья ему больше не будет.

На самом деле, отец смирился с тем, что я люблю Штефана, я это знала, но вот сам Штефан об этом и не догадывался. Оттого было довольно интересно наблюдать за тем, как они пыжились и сверкали глазами. В день, когда я вернулась домой и предстала перед отцом целая и невредимая, я думала, что в ту же секунду над головой Штефана свершится его отцовское правосудие. Но нет, обошлось. С моим вмешательством.

Но в одном эти двое сошлись — никакой прессы.

— Давай дадим интервью одной из газет и успокоим их интерес, — предложила я, сверкнув глазами. — Ммм?

Его губы жестко сжались в тонкую линию, а я улыбнулась.

— Не делай так, — тихо предупредил он меня, но я не подчинилась.

— Как? — поддела я его, прекрасно зная, о чем он говорит. И повторила: — Ммм?

Он накинулся на меня без предупреждения. Впрочем, как всегда. И я без сопротивления раскрыла губы, встречая его жадный поцелуй.

— Ты меня провоцируешь, — выговорил он, оторвавшись от меня и продолжая прокладывать дорожку от губ к подбородку и шее.

— Как ты догадался? — улыбнулась я и спровоцировала его еще раз. — Ммм?

С гортанным рыком он набросился на мои губы, сжимая меня в своих руках и зарываясь пальцами в мои растрепавшиеся волосы.

— Так что, дадим интервью в газету? — прошептала я ему в губы, едва он, оторвавшись от меня, взглянул на меня затуманенными глазами.

Он не долго думал над ответом, я видела это по его глазам, но прожигал меня горячим взглядом, будто сопротивляясь. И я знала, что он говорит лично мне этот взгляд. Это был еще один шаг вперед для нас.

— Черт с ним, — грубо выговорил Штефан, прижимая меня к себе, — пусть живет!

Я счастливо рассмеялась, обнимая своего демона, и думая о том, как повезло незадачливому фотографу, что я оказалась рядом со Штефаном в этот момент. А потом не думала уже ни о чем.

Суховатые пальцы с силой сжали газету в руках, сминая листы, а глаза налились кровью.

Свадьба года! Чет побери, для него это было крахом всех надежд. Выгодный союз с дочкой Мартэ, внезапно найденной, будто воскрешенной из пепла, сделает Штефана недостижимым для него. Он останется у власти. Ублюдок. Щенок. Раб! На самой верхушке Второй параллели!

Исаак Хотвар скрипнул зубами, отбросив газету в сторону, яростно зарывчав. Его верный слуга, стоящий рядом, вздрогнул, но не проронил ни слова.

— Если мальчишка думает, что победил, то ошибается, — прошипел Исаак, сдвинув брови. — Ничего еще не решено, ничего не закончено!

— Что вы будете делать, мой господин? — поинтересовался слуга, глядя на решительное лицо Исаака.

— Пока не знаю, — коротко бросил тот, сминая газету в руках. — Пока не знаю. Но я обязательно придумаю! Трон Кэйвано станет моим, а щенок-ублюдок отправится туда, где ему всегда было самое место.

— К-куда? — с придыханием проговорил слуга.

— В ад, — прошипел Хотвар и двинулся к двери. — Еще ничего не закончено, Штефан! Битва лишь достигла своего апогея, и теперь... я ни за что не отступлю!

И вышел из зала, преследуемый своей персональной тенью.

И только громкий стук каблуков в зловещей тишине комнаты эхом отзывался в высоких потолках, будто предупреждая и уведомляя кого-то об опасности. Но они этого предостережения не слышали.

Больше книг на сайте — Knigolub.net